Д21
Р332

Д-221
Р-332

Редкин, П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук. -С.-Петербург : Изд. студ. СПб. Унив. -932 с.

1974 30154
Проверено 1961 г.
МАЙ 2008
ПРОВЕРЕНО 2000 г.

Редкин П. Г.

26756 стр.

Проверено 1948

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

Вступительная лекція.

Милостивые Государи!

Поступивъ въ студенты Юридическаго факультета нашего Университета, вы очутились въ положеніи совершенно отличномъ отъ положенія вашихъ товарищей, поступившихъ студентами на прочіе факультеты: тѣ уже знакомы, если не совсѣмъ содержаніемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ предметомъ тѣхъ наукъ, которыя приходится имъ изучать здѣсь, а вамъ совершенно чужды не только содержаніе, но и предметъ наукъ, которыхъ кафедры входятъ въ составъ юридическаго факультета, на основаніи нынѣ дѣйствующаго устава 1863-го года. Послѣ того понятно, что товарищи ваши могли избрать тотъ или другой факультетъ, по особенной склонности своей къ тому или другому спеціальному призванію или по особенной любви къ той или другой области наукъ. А у васъ не могло родиться отчетливое сознаніе обозначенной склонности вашей къ тому специальному призванію, которому приготовляютъ преподаваемыя на нашемъ факультетѣ науки или какъ могла родиться къ нимъ толикая особенная любовь, что вы рѣшились посвятить занятію предметами этихъ наукъ ваши лучшіе молодые годы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю жизнь вашу. Вы

можете конечно представить мнѣ много разныхъ причинъ или мотивовъ, побудившихъ васъ къ избранію того поприща будущей вашей дѣятельности, на которое вы только что вступаете и въ особенности привесть мнѣ то совѣты любящихъ васъ родителей, опекуновъ, заступающихъ мѣсто прочихъ родственниковъ, или-же опытныхъ людей, то собственныя ваши наблюденія надъ особенно выгоднымъ положеніемъ практической жизни людей, съ успѣхомъ окончившихъ свое университетское образованіе въ спеціальностяхъ, предлагаемыхъ нашимъ факультетомъ, то наконецъ просто на инстинктивное чувство, сродное одному изъ извѣстныхъ вамъ, конечно, логическихъ законовъ присущей уму человѣческому ассоціаціи или содружества идей, лучше сказать, представленій, а именно, такъ называемаго закона контраста, противоположенія (lex opositionis), въ силу котораго легко возбуждаются у насъ такія представленія, которыя являются въ нѣкоторой противоположности [illegible] другому (такъ напр. представленіем[illegible]ѣтъ легко вызывается представленіе [illegible], представленіемъ объ удовольствіи, [illegible]авленіе о неудовольствіи и проч. и проч.) [illegible]ъ что эти представленія легко ассоц[illegible]ются въ нашемъ умѣ и, на этомъ [illegible]ніи, мы дѣлаемъ умозаключенія, [illegible] въ логики называются заключеніям[illegible] противоположенія (conclusio a contr[illegible] oppositiones ad oppositum). Таки[illegible]разомъ, именно можно попасть на [illegible]ческій факультетъ, послѣ такого [illegible]венного, конечно, на единѣ съ самимъ [illegible] происходящаго разсужденіемъ. „Учил[illegible] гимназіи и языкамъ, и исторіи и ма[illegible]тики и даже одной изъ естественн[illegible]укъ, физикѣ и полу-

чилъ наконецъ ~~testamentum~~ [testimonium maturitatis]. И что-же? не замѣтилъ никакой особенной склонности, никакой любви ни къ языкамъ, ни къ исторіи, которыми хотятъ пичкать факультеты историко-филологическій и восточный, ни къ математикѣ, ни къ физикѣ, на которыя, видно, такъ сильно налегаетъ физико-математическій факультетъ, что и самъ себя не рѣшается назвать иначе какъ физико-математическимъ, хотя извѣстно, что кромѣ физики и математики читаются тамъ и многія другія науки, о которыхъ, впрочемъ, я не получилъ никакого понятія. Такъ дай-же пойду на юридическій факультетъ; тамъ послушаю, по крайней мѣрѣ, новенькое, къ чему, можетъ быть, и разовью особенную склонность и даже, какъ знать, зажжется во мнѣ искра любви, которая разовьется со временемъ и дастъ мнѣ почетъ въ жизни и наукѣ въ моемъ отечествѣ и даже, а, почему не такъ, во всемъ человѣчествѣ. Но если это не сбудется, то все-же менѣе риску въ экзаменахъ на юридич. факультетѣ. Вѣдь всѣ твердятъ, что на этомъ факультетѣ легче, чѣмъ на всѣхъ другихъ факультетахъ. Уже одно то, что на другихъ факультетахъ обязательны для студентовъ разныя практическія упражненія, которыя дѣлаютъ необходимымъ исполненіе, стоящаго въ правилахъ университетскихъ, требованія — обязательно посѣщать лекціи, а на юридическомъ факультетѣ нѣтъ ничего подобнаго: ходи себѣ или не ходи — все равно. На экзаменахъ спрашиваютъ только прочитанное на лекціяхъ, а все таковое, слово въ слово, записывается стенографами и потомъ литографируется и продается, и, добро-бы, приготовиться въ концѣ академическаго года къ экзаменамъ!! Но такіеиподобные мотивы

поступленія на юридическій факультетъ, какъ они не кажутся сильными, вѣскими, не выдерживаютъ критики, коль скоро взглянемъ въ нихъ пристально. Чужіе совѣты, сколько-бы они не были благонамѣренны сами по себѣ, оказываются безсильными пособить и развить въ молодомъ человѣкѣ особенную любовь къ юридическому призванію, точно также какъ ни какіе добрые совѣты не въ состояніи пособить и развить любовь мужчины къ женщинѣ и наоборотъ. Собственныя наблюденія надъ особенно, будто-бы выгоднымъ положеніемъ въ свѣтѣ свѣдущихъ юристовъ оказывается весьма ошибочными, особенно теперь въ нашъ, такъ назыв. матеріальный вѣкъ, когда мы видимъ, какъ довольно скоро наживаются люди отъ разныхъ промышленныхъ занятій. Мы знаемъ, что большое число молодыхъ людей поступаетъ и въ разныя другія учебныя заведенія (въ Институтъ Путей Сообщенія, въ Институтъ Горный, Инженерный, въ Строительное Училище, въ Медико-Хирургич. академію) въ надеждѣ на карьеру болѣе выгодную карьеры юридической и съ расчетомъ - если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, никакъ не менѣе вѣрнымъ, поступившихъ на юридическій факультетъ. Наконецъ послѣдняго рода мотивъ, заключающійся въ новизнѣ предмета и содержанія, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ наукъ, въ большей легкости прохожденія курса - этотъ мотивъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается съ одной стороны вовсе не надежнымъ, а съ другой стороны крайне обманчивымъ. Такъ, что касается новизны предмета и содержанія наукъ факультета, то эта новизна, не надежное средство къ поддержанію въ юношѣ того по-

стояннаго вниманія къ свободно избранному предмету своихъ вожделеній, какое необходимо требуется для того, чтобы минутная по крайней мѣрѣ и скоро проходящая вспышка превратилась въ любовь къ тому, что человѣкъ можетъ называть призваніемъ всей жизни. Легкость же прохожденія курса, а слѣдовательно достиженія обыкновенной цѣли - выдержанія экзамена и полученія аттестата или диплома на званіе юриста, со всѣми правами и преимуществами по службѣ и съ другими выгодами въ житейскомъ быту - такое представленіе очень обманчиво. Правда, на юридическомъ факультетѣ нашемъ не полагаются такія занятія, которыя-бы заставили студента исправно посѣщать аудиторіи и тѣмъ исполнять предписанную въ правилахъ общую обязанность, которая такимъ образомъ, превращается для студента юриста чисто въ моральную обязанность, въ обязанность совѣсти и чести. Но, спрашивается, развѣ обязанность совѣсти и чести не есть долгъ совѣстливаго и честнаго человѣка, развѣ обязанность, исполняемая принудительно, что называется изъ подъ палки, выше достоинства такого долга. Давно, правда, у насъ укоренился, уже съ четверть столѣтія, обычай, что всѣ господа студенты не записываютъ лекцій какъ это прежде дѣлалось и у насъ и какъ это продолжаетъ дѣлаться во всѣхъ лучшихъ университетахъ, именно - германскихъ, съ которыхъ мы любимъ копировать порядки для нашихъ университетовъ; правда, теперь у насъ лекціи записываются стенографами, затѣмъ литографируются и служатъ такимъ образомъ для приготовленія въ концѣ академическаго года къ экзамену, избавляя сту-

дентовъ отъ необходимости посѣщенія лекцій. Но это нельзя назвать дѣйствительно добросовѣстнымъ и вмѣстѣ цѣлесообразнымъ приготовленіемъ къ экзамену и къ юридическому поприщу. Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать отъ такого приготовленія, чего ожидать отъ насоса, который накачиваетъ много воды и, выпустивъ ее, остается пустымъ. Вотъ почему подобное занятіе науками нѣмецкіе студенты называютъ накачкой. Такое-ли накачиваніе вправѣ мы назвать изученіемъ, студированіемъ, отъ котораго и происходитъ слово студентъ, studiosus, т. е. изучающій? Нѣтъ, кто серьезно хочетъ быть студентомъ юридическаго факультета, кто желаетъ изучить преподаваемую науку съ тѣмъ, чтобы стать истинными юристами, тотъ и на нашемъ факультетѣ найдетъ себѣ не менѣе дѣла, какъ и на прочихъ факультетахъ.

Итакъ, вовсе не такими мотивами которые оказываются несостоятельными, долженъ руководствоваться студентъ юристъ, если не при самомъ поступленіи на юридическій факультетъ, то, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи когда начнетъ раскрываться сознаніе того, что составляетъ призваніе истиннаго юриста, ибо въ этомъ призваніи и можетъ только состоять единственно разумный и достойный человѣка мотивъ приняться за изученіе преподаваемыхъ здѣсь наукъ, на юридическомъ факультетѣ. Въ чемъ-же состоитъ это призваніе истиннаго юриста. Это такой вопросъ, на который жду основательнаго отвѣта отъ старшихъ вашихъ товарищей, которымъ я предложилъ слѣдующую тему: „о практической и теоретической юридической дѣятельности вообще",

Вамъ-же теперь успѣю представить въ общихъ чертахъ отвѣтъ на сказанный отвѣтъ и притомъ съ особенной только стороны, которая связана прямо съ вопросомъ о мотивахъ поступленія вашего на юридическій факультетъ. Прежде всего скажу, что предметъ наукъ, преподаваемыхъ на юридическ. факультетѣ, есть самъ человѣкъ, а не что нибудь иное, человѣку-же, конечно, ближе всего самъ человѣкъ или какъ выразился знаменитый латинскій писатель: Homo sum et humani nihil a me alienum potest, или какъ удачно сказалъ знаменитый англійскій писатель Попе: „благороднѣйшее изученіе со стороны человѣчества - есть человѣкъ". Если такъ, то несомнѣнно, что наши науки достойны въ высшей степени изученія человѣка и потому изученіе человѣка есть уже достойнѣйшій мотивъ поступленія на юридическій факультетъ. Но человѣкъ не есть предметъ исключительно нашихъ только наукъ, а есть также предметъ и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ наукъ, которыя преподаются на прочихъ факультетахъ. Такъ, человѣкъ есть также предметъ исторіи и филологіи, преподаваемыхъ на филологическомъ факультетѣ и предметъ анатоміи и физіологіи, преподаваемыхъ на физико-математическомъ и на медицинскомъ факультетахъ. Но и относительно иного предмета изученія есть существенная разница между этими и нашими науками. Естествовѣдѣніе и медицина изучаютъ человѣка какъ существо природное, какъ часть природы, которой присуще то, что называется природною необходимостью. Далѣе, - филологія изучаетъ человѣка только какъ существо, одаренное отличнымъ отъ прочихъ животныхъ даромъ слова и наконецъ исторія разсматриваетъ дѣятельность человѣ-

ка, подъ такъ назыв. историческими условіями мѣста и времени, а наши науки изучаютъ человѣка какъ существо нравственное, т. е., которому присуща свобода, который этою свободою возвышается и надъ природою и надъ исторіею, обладая природою и творя исторію. Такимъ образомъ наши науки, имѣя дѣло съ свободою человѣка, и, называясь въ этомъ смыслѣ нравственными науками, возвышаются надъ всѣми прочими науками, имѣющими также своимъ предметомъ изученіе человѣка, но взятаго съ низшей его стороны. Однако и человѣкъ, какъ существо свободное, есть предметъ всѣхъ вообще нравственныхъ наукъ. Спрашивается, чѣмъ-же отличаются наши науки отъ прочихъ нравственныхъ наукъ? Спеціальностью своего предмета, выраженнаго уже въ самыхъ ихъ названіяхъ. Такъ на нашихъ факультетахъ читаются на 1мъ курсѣ: Исторія Русскаго Права, Исторія Римскаго Права и Государственное Право, а затѣмъ на слѣдующихъ курсахъ вы встрѣтите: Церковное Право, Уголовное Право, Исторію Философіи Права и др.. Вы, конечно, замѣтите, что въ названіяхъ всѣхъ этихъ наукъ встрѣчается одно и тоже слово Право. Отсюда легко вывести, что общій всѣмъ такимъ наукамъ предметъ — есть право (jus), почему онѣ и называются правными или юридическими науками, сами-же факультеты — юридическими, а изучающіе эти науки — юристами. Что-же такое право, которое входитъ въ составъ названій всѣхъ нашихъ наукъ? Право значитъ здѣсь, въ этихъ названіяхъ, система тѣхъ законовъ, правилъ или нормъ, которыми обязана руководствоваться внѣшняя или видимая, т. е. обнаруживающаяся свободная, человѣческая дѣятель-

ность въ извѣстномъ обществѣ и государствѣ. Право оказывается нераздѣльнымъ такимъ образомъ, съ обществомъ и государствомъ, но общество, само по себѣ, есть предметъ наукъ, называемыхъ, въ собственномъ смыслѣ, общественными или соціальными. Къ ихъ области принадлежатъ другою своею стороною изъ преподаваемыхъ на нашемъ факультетѣ юридическихъ наукъ церковное Право и полицейское Право, потому что это суть науки соціально юридическія, а всѣми своими сторонами сюда принадлежитъ та наука, которая въ видѣ вспомогательной науки, особенно для полицейскаго и государственнаго Права, введена въ составъ юридическихъ наукъ, и которая называется въ нашемъ уставѣ политическою экономіею, обыкновенно-же её называютъ наукою народнаго хозяйства. Наконецъ государство также какъ нераздѣльно связанное съ Правомъ, есть само по себѣ предметъ наукъ, называемыхъ государственными или политическими. Къ области ихъ, изъ названныхъ нами юридическихъ наукъ, другою своею стороною, примыкаютъ: Государственное Право, Финансовое Право, Международное Право и отчасти Уголовное право, потому что это суть науки политико-юридическія. Затѣмъ, остается, изъ названныхъ нами наукъ во 1хъ, гражданское или такъ назыв. частное Право, въ составъ котораго входитъ, если подъ нимъ разумѣть вообще всякое гражданское право какъ оно, обыкновенно, преподается. Гражданское или частное Право признаютъ обыкновенно чисто юридическою наукою въ томъ смыслѣ, что оно разсматриваетъ правоотносящееся къ людямъ, хотя также живущимъ въ обществѣ и государствѣ, но не какъ членамъ

ихъ или не какъ публичнымъ лицамъ, а какъ лицамъ отдѣльнымъ или частнымъ. Во 2ˣʰ, вы встрѣтите въ Исторіи Русскаго Права, что оно излагаетъ ни что иное, какъ историческое развитіе русскаго Права, въ русскомъ обществѣ и государствѣ, подобно тому, какъ Исторія Римскаго Права излагаетъ историческое развитіе Римскаго Права, въ римскомъ обществѣ и государствѣ. Итакъ наши науки суть частію юридическія, частію соціально-юридическія, частію политико-юридическія и наконецъ одна изъ наукъ, хотя и есть чисто соціальная, но, поставленная въ зависимость отъ прочихъ преподаваемыхъ наукъ - это Политическая Экономія или наука Народнаго Хозяйства. Если такъ, то мы можемъ сказать, что Право есть главный предметъ, всѣхъ преподаваемыхъ на факультетѣ нашемъ, наукъ, хотя этотъ предметъ и находится въ неразрывной связи съ двумя другими предметами; съ обществомъ и государствомъ. Вотъ изученіе права, какъ главнаго предмета всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ на факультетѣ нашемъ и должно быть руководствующимъ мотивомъ поступленія на нашъ факультетъ. Но, спрашивается, что же должно быть мотивомъ для этого мотива, т.е., съ какою-же цѣлью мы должны изучать право, какое призваніе руководитъ юристовъ, которые здѣсь приготовляются? Призваніе великое, величайшее, м. быть, какое только можетъ представить человѣкъ, какъ членъ общества и государства. Главный предметъ вашего изученія есть - Право. На это право, jus, слѣдуетъ смотрѣть истинному юристу, какъ на внѣшнее, видимое выраженіе или осуществленіе въ дѣйствительности, въ обществѣ и государствѣ того, что называется пра

веднымъ и справедливымъ,- justum, правдою и справедливостью, justitia. Слѣдовательно, призваніе истиннаго юриста состоитъ въ осуществленіи въ обществахъ и государствахъ праведнаго и справедливаго justi,- правды и справедливости, justitiae, или истинный юристъ долженъ вездѣ, всегда, во всемъ проводить въ жизни правду и справедливость. Но для этого должно болѣе или менѣе возвыситься нравственно до полнаго, отчетливаго и связнаго сознанія правды и справедливости. Это сознаніе и есть истинное правосознаніе. Въ этомъ смыслѣ, призваніе истиннаго юриста вкратцѣ можетъ быть опредѣлено такъ: оно состоитъ въ томъ, чтобы юристъ былъ органомъ правды и справедливости какъ въ практической дѣятельности своей, т.е., органомъ юстиціи, въ смыслѣ правосудія, праведности и справедливости суда, такъ и въ теоретической, такъ и въ чисто-научной дѣятельности, т.е., органомъ сознанія правды и справедливости, какъ научнаго правосознанія. Вотъ такое-то высокое призваніе истиннаго юриста должно быть единственно достойнымъ вполнѣ человѣка мотивомъ, побуждающимъ его душу посвятить свои лучшіе годы на изученіе наукъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ. Но такихъ наукъ, какъ я передавалъ, много; каждая изъ числа ихъ имѣетъ свое спеціальное содержаніе. Занимаясь каждая изъ нихъ, исключительно, своею спеціальностью, не одна изъ нихъ не разсматриваетъ вообще, всесторонне, всеобемлюще и всецѣло нашего предмета, т.е. права въ связи съ обществомъ и государствомъ и въ особенности правды и справедливости, а между тѣмъ такое разсматриваніе всеобщаго для всего частнаго, спеціальнаго, необходимо до очевидности. Вотъ разумная причина порожденія и развитія въ исторіи преподаванія

и изученія на факультетѣ нашемъ науки, которая, въ нашемъ уставѣ, называется энциклопедіею юридическихъ и политическихъ наукъ, но которую вѣрнѣе назвать юридическою, соціальною и политическою энциклопедіею, потому что она разсматриваетъ право общества и государства или юридическія, соціальныя и политическія науки вообще, всеобъемлюще, всесторонне и всецѣло. Эту-то науку я буду имѣть честь преподавать вамъ въ настоящемъ академическомъ году, на 1мъ курсѣ съ надеждою, что вы окажете должное вниманіе, проникнувшись такимъ разъясненнымъ мною высокимъ призваніемъ истиннаго юриста, посильное приготовленіе къ которому отнынѣ есть для васъ долгъ совѣсти и чести, возложенный вами на себя уже сознательно и свободно.

Предисловіе.

1.9. Сент. Изъ вступительной лекціи моей вы знаете, что я буду имѣть честь преподавать вамъ въ теченіи настоящаго, академич. года науку, которая въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ нашихъ университетовъ 63го года названа Энциклопедіею юридическихъ и политич. наукъ, хотя, сказалъ я, вѣрнѣе было-бы назвать её юридическою, соціальною и политическою энциклопедіею. До сихъ поръ преподавались вамъ не науки, въ строгомъ, университетскомъ смыслѣ этого слова, которыя излагаютъ свой предметъ и содержаніе независимо ни отъ какихъ предвзятыхъ, внѣшнихъ цѣлей, такъ что такія науки самоцѣльны и самостоятельны, а преподавалось вамъ то, что, въ отличіе отъ этихъ наукъ, называютъ обыкновенно учебными, общеобразовательными предметами преподаванія гимназическаго курса, поставляющими себѣ внѣшнею цѣлью подготовленіе ко всѣмъ наукамъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, и въ особенности, къ университетскому курсу, а слѣдовательно эти предметы не самоцѣльны и вмѣстѣ съ тѣмъ не самостоятельны. Задаваясь такою внѣшнею цѣлью, эти учебные предметы имѣютъ постоянно въ виду эту именно цѣль, вводя въ составъ свой такое содержаніе, давая иному содержанію такую форму вслѣдствіи слѣдованія такой методѣ, въ смыслѣ способа изложенія и, наконецъ, дѣля все содержаніе на такія части и, располагая его въ такомъ порядкѣ, чтобы возможно лучше достигнуть своей, чисто педагогикой, цѣли и потому преподаватели этихъ, такъ называемыхъ, учебныхъ предметовъ не имѣютъ нужды давать своимъ ученикамъ отчетъ въ томъ,

почему то, а не другое содержаніе вносятъ въ составъ преподаваемаго предмета и почему, внесенное въ него содержаніе излагаютъ въ немъ въ той, а не въ другой формѣ, образѣ, видѣ, слѣдуютъ такой, а не другой методѣ и наконецъ почему все содержаніе дѣлится на такія, а не на другія части и располагается въ такомъ, а не въ другомъ порядкѣ. Напротивъ, въ университетѣ все преподается или, по крайней мѣрѣ должно быть преподаваемо въ видѣ самостоятельныхъ, самостоятельныхъ наукъ и вовсемъ, что и какъ излагается въ нихъ, дается преподавателями или, по крайней мѣрѣ, долженъ быть даваемъ полный отчетъ, т. е. на все имѣ приводятся или должны быть приводимы разумныя причины, основанія, разумная необходимость. Наглядн[ѣйш]имъ примѣромъ такого различія между такъ называемыми учебными общеобразовательными предметами и наукою, въ строгомъ смыслѣ этого слова, служитъ географія. Она носитъ одно и тоже названіе и какъ учебный предметъ и какъ наука, но разница между географіею, какъ учебнымъ предметомъ, и географіею, какъ наукою въ этомъ ея видѣ, какъ ее, можно сказать, создалъ Карлъ Риттеръ, знаменитый профессоръ Берлинскаго университета, огромна относительно и содержанія и формы игрыдаваемаго ей методою изложенія и опредѣленія ея и раздѣленіе ея на части. Въ самомъ дѣлѣ, чего только не содержится въ географіи, какъ въ учебномъ предметѣ, какъ это извѣстно болѣе или менѣе. Тамъ входятъ и свѣдѣнія изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, когда говорится о произведеніяхъ естественныхъ той или другой стороны, тамъ входитъ и математика, даже и астрономія, въ особенности въ математической гео-

графіи, тамъ входитъ и физика съ ми-
нералогіей, разныя свѣдѣнія изъ технологіи,
когда, напр., не зная, что говорить объ извѣст-
номъ городѣ, говорятъ, что въ немъ есть кир-
пичн. заводы, тамъ входятъ даже свѣдѣнія
изъ нашихъ наукъ; географія же, въ смыслѣ
науки, совершенно не такова и, стоитъ
только заглянуть въ огромныя сочиненія
Карла Риттера, чтобы увидѣть, что та-
кое географія, въ смыслѣ самостоятельной
и самоцѣльной науки. Тоже болѣе или
менѣе должно сказать и о прочихъ учебн.
предметахъ, въ отличіе отъ наукъ, въ стро-
гомъ смыслѣ этого слова, хотя тѣ и дру-
гія могутъ носить однѣ и тѣ же названія.
И вотъ, на первыхъ же порахъ, обыкновенно
вы встрѣчаете, что въ университетѣ
каждая наука начинается со введенія въ
неё, которымъ нѣтъ необходимости начи-
нать преподаваемый, излагаемый учебный
предметъ, ибо нельзя назвать введеніемъ въ
науку то, что, напр., иногда сообщается
преподавателями учебнаго предмета своимъ
ученикамъ, прежде изложенія ея содержа-
нія; напр., если опредѣляютъ учебный пред-
метъ то опредѣляютъ его большею частію
въ смыслѣ именно учебнаго предмета (что
такое, напр., географія или исторія, какъ
она раздѣляется на части и т.п.). Напро-
тивъ того, науку необходимо начинать со
введенія, т.е. на то есть разумная причи-
на, разумное основаніе, такъ что есть ра-
зумная необходимость, установленнаго иско-
ни обычая, начинать изложеніе всякой нау-
ки въ истинномъ смыслѣ со введенія въ неё.
Со введенія же должны и мы начать препо-
даваніе нашей науки, не потому только,
что такъ начинать вошло въ обычай, пото-
му что мало ли обычаевъ, случайно образовав-
шихся, неоправдываемыхъ вообще разумными

причинами, основаніями, — такіе обычаи вообще не должны быть терпимы въ университетѣ: наукѣ, гдѣ не можетъ быть допущена вообще ни въ чемъ никакая случайность, никакой произволъ преподаванія. Спрашивается, какое же есть разумное основаніе начинать науку со введенія? То, что введеніе въ науку, какъ показываетъ самое слово введеніе, вводитъ въ нее, вводитъ же введеніе въ науку тѣмъ, что оно говоритъ о самой излагаемой наукѣ, не излагая еще пока ея содержанія, т.е. содержимыхъ въ ней истинъ и вообще положеній. О самой наукѣ необходимо сказать, прежде изложенія ея содержанія, потому, что если напередъ не знать ничего о самой наукѣ или же знать о ней не все, что знать о ней необходимо или наконецъ знать все или же что но знать не вѣрно, слѣдов. не знать собственно, то невозможно будетъ потомъ излагать и изучать данную науку должнымъ образомъ; т.е. самое ея содержаніе съ тою основательностью и отчетливостью, какая требуется истиннымъ научнымъ изученіемъ и изложеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ составъ введенія должно входить все то, что должно сказать о самой наукѣ, для наилучшаго изложенія и изученія ея содержанія, и слѣд., нисколько не болѣе и на оборотъ нисколько не менѣе. И не смотря на такое разумное требованіе вытекающее изъ самой сущности введенія въ науку, излагатели введенія обыкновенно поступаютъ иначе: такъ, въ составъ введенія они часто вносятъ и то, что относится не до самой науки, а что относится уже до ея содержанія, а слѣдов. въ такомъ случаѣ, предлагаютъ болѣе того, что необходимо для введенія, или же на оборотъ они говорятъ во введеніи не о всемъ томъ, что необходимо

сказать о самой наукѣ, слѣдовательно, они предлагаютъ меньше того, что для введенія необходимо и наконецъ нерѣдко бываетъ и такъ, что, если и говорятъ, въ своемъ введеніи въ данную науку что нибудь о самомъ предметѣ, то говорятъ невѣрно. Всего чаще мы встрѣчаемъ, что все, вносимое излагателями данной науки въ составъ введенія въ нее они располагаютъ въ случайномъ и произвольномъ порядкѣ, что также противно понятію сущности науки, ибо наука - есть система, и притомъ такая, которой развитіе обусловливается ею самою, а не чѣмъ-нибудь внѣшнимъ; система и есть единое, живое цѣлое. Сущность введенія вообще требуетъ, чтобы мы старались избѣгнуть всѣхъ такихъ излишествъ, недостатковъ и невѣрностей при изложеніи. Введеніе въ нашу науку должно слѣдовательно, состоять только изъ того, что необходимо сказать о самой наукѣ и должно составлять существенное содержаніе введенія, это и должно образовать существенный составъ введенія, которое, вслѣдствіе такого состава, можетъ быть разложенъ безъ разъединенія на существенныя, составныя части введенія, но при этомъ, не исключая ни одной изъ этихъ составныхъ частей, именно потому, что онѣ существенны и на оборотъ, не отдѣляя ни одной, ибо это было-бы излишнее, а также и располагая эти части, ея отдѣлы введенія въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ, который обусловливался-бы внутреннимъ развитіемъ сущности науки, т. е. введенія въ самую науку, а не чѣмъ нибудь ей посторoннимъ, внѣшнимъ.

Для предварительнаго ознакомленія вашего съ этими существенными составными частями введенія, я скажу напередъ, что всего ихъ 5, какъ 5 существенныхъ составныхъ частей во всякую науку, что онѣ должны быть изложены въ та-

Лит. А. Степанова! Галерная Садовая улица д. № 7½! 26756 групп.

комъ послѣдовательномъ порядкѣ, I, предметъ и содержаніе науки вообще и нашей въ особенности; II, форма нашей науки и способы или методы ея изложенія; III, опредѣленіе и названіе науки, IV, раздѣленіе науки на части и наконецъ V, источники, исторія и литература ея. Слѣдоват., это существенныя составныя части введенія въ науку вообще, а слѣдов. и въ нашу. Во всѣхъ такихъ частяхъ въ самомъ дѣлѣ очевидно говорится о самой наукѣ, а еще вовсе не излагается ея содержанія. Но, что именно выражается данными нами заглавіями и почему такія, а не какія-нибудь другія части суть существенныя части введенія въ науку и наконецъ почему эти части должны слѣдовать въ такомъ именно а не въ иномъ порядкѣ - отвѣты на эти вопросы могутъ быть представлены только по мѣрѣ самого изложенія этихъ частей, потому что, если-бы мы захотѣли представить эти отвѣты уже теперь, въ самомъ началѣ, то эти отвѣты не могли-бы быть надлежащимъ образомъ выразумлены вами, такъ какъ ими необходимо предполагается не только разъясненіе заглавій этихъ частей, но и знаніе содержанія каждой изъ этихъ частей, а также и внутренней связи всѣхъ этихъ частей между собою. Въ такомъ-то составѣ, въ такомъ-то порядкѣ научномъ мы излагаемъ введеніе въ нашу науку, которое я пройду, съ возможной краткостью, чтобы выиграть время для изложенія самого содержанія науки. Итакъ

I.

Предметъ и содержаніе нашей науки

Это есть составная часть введенія въ науку вообще, потому что, если мы говоримъ о предметѣ

и содержаніи науки, то говоримъ именно о самой наукѣ, а еще не излагаемъ ея предмета и содержанія, и все, что говоримъ о самой наукѣ, относится, какъ я сказалъ, ко введенію. Притомъ, это есть существенная и сама 1ая часть введенія въ науку, потому, что она необходимо вытекаетъ изъ сущности самой науки (вотъ причина, почему мы должны считать ее существенною) и необходима она, какъ 1ая часть потому, что прежде всего, необходимо опредѣлить предметъ и содержаніе данной науки, такъ какъ предметомъ и содержаніемъ науки и опредѣляется наука съ внѣшней ея стороны, т. е. отдѣляется, отграничивается отъ прочихъ наукъ и тѣмъ устанавливается данная наука въ ряду всѣхъ прочихъ наукъ, или тѣмъ обусловливается какъ связь ея съ ними, такъ и отличіе отъ нихъ. Предметъ и содержаніе науки вообще, въ особенности нашей, слѣдуетъ различать, а не смѣшивать какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Какже и для чего слѣд. различать предметъ и содержаніе науки. Предметъ науки, какъ показываетъ самое слово, есть то, что вообще имѣется въ виду, что какъ бы поставляется предъ собою, почему и называется предметъ, въ переводѣ отъ слова объектъ, или другими словами: что разсматриваетъ данная наука, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло, о чемъ она говоритъ или должна говорить. Напротивъ, содержаніе данной науки, какъ показываетъ самое слово, есть все то, что именно обозначено въ данной наукѣ, что составляетъ существенную матерію, особенный матеріалъ данной науки, что содержится въ данной наукѣ, что особенно должна сказать данная наука о своемъ предметѣ. Слѣд., предметъ есть нѣчто внѣшнее для науки, поэтому мы должны уже [illegible] его, а содержаніе есть [illegible]

что внутреннее, такъ что содержимое предполагаетъ предметъ, ибо о предметѣ и говорится въ наукѣ то, что въ ней содержится. Каждая данная наука можетъ имѣть и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ предметъ, объектъ, общій съ нѣкоторыми другими науками. Тѣ науки, которыя имѣютъ общій имъ предметъ, называются или могутъ быть названы однопредметными науками. Слѣдов. есть однопредметныя науки, слѣдов. наука обыкновенно не отличается своимъ предметомъ отъ этихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, а отличается только отъ прочихъ наукъ, которыя не имѣютъ съ нею общаго предмета. Такія науки можно назвать разнопредметными. Науки, имѣющія одинъ и тотъ-же предметъ или однопредметныя науки находятся между собою въ ближайшей или тѣснѣйшей связи, въ средствѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, въ какой связи находится данная наука съ науками разнопредметными, потому что эти послѣднія науки имѣютъ разные предметы, а не общіе, однако-же такъ ~~такъ~~ что есть общее нѣчто и между разнопредметными науками, но отдаленнѣйшее общее, вслѣдствіе чего всѣ науки вообще, даже разнопредметныя, находятся между собою въ связи, именно: составляютъ то единое цѣлое, что назыв. науками вообще и что затѣмъ дѣлится на извѣстныя области, сферы науки, но такъ, что всѣ области между собою соприкасаются, что онѣ не разъединены до того, чтобы представлять противоположность, что весьма важно для того, кто хочетъ изучать какую-нибудь спеціальную науку, ибо, если онъ до того уединится въ этой спеціальной наукѣ, что онъ будетъ совершенно незнакомъ со всѣми прочими науками, то, въ такомъ случаѣ, самая спеціальная его наука будетъ весьма односторонняя, будетъ мертва. Наука и жизнь не суть нѣчто между со-

бою ничѣмъ не связанное и даже противуположное, ибо наука или такъ назыв. теорія, есть знаніе самой жизни, а жизнь есть осуществленіе этого знанія. Предметъ, общій напр. всѣмъ естественнымъ наукамъ, всему естествовѣдѣнію, въ смыслѣ особен. области наукъ, есть природа, въ смыслѣ внѣшней, видимой природы или, такъ наз. матеріи вещества, природы, такъ что всѣ естеств. науки имѣютъ общимъ предметомъ природу,— онѣ однопредметны. Затѣмъ, каждая естеств. наука отличается отъ др. наукъ не предметомъ а содержаніемъ. Предметомъ своимъ отличаются науки только отъ разнопредметныхъ наукъ; естеств. науки, напр. отъ наукъ неестественныхъ, т. сказать, т.е., не имѣющихъ своимъ предметомъ природу, а имѣющихъ напр. предметомъ человѣческ. природу, въ смыслѣ чего эти науки назыв. нравственными науками. Но содержаніемъ своимъ или матеріею своей отличается данная наука уже не только отъ разнопредметныхъ, но даже и отъ однопредм. наукъ, находящихся съ нею въ одной и той-же области наукъ. Такъ напр., содержаніемъ, матеріею данная естеств. наука не только отличается отъ наукъ, не имѣющихъ предметомъ своимъ природу, въ см. матеріальнаго вещества, но и отъ всякихъ др., сродныхъ, ближайшихъ съ нею естеств. наукъ. Только тѣ науки достойны названія науки, въ собств. смыслѣ слова, которыя отличаются не только своимъ объектомъ, предметомъ отъ разнопредметныхъ наукъ, но кромѣ отличаются и содержаніемъ, матеріею отъ однопредметныхъ съ ними наукъ, пот. что только такія науки суть науки, отдѣльныя отъ всѣхъ прочихъ наукъ и въ этомъ см., науки самостоятельныя. Вотъ для чего должно различать предметъ, объектъ науки и ея содержаніе, матерію. Вотъ разумная причина того, почему во введеніи прежде всего необходимо опредѣлить вѣрно предметъ и содержаніе нашей науки, пот. что если мы не опредѣлимъ этого или опредѣлимъ невѣрно, то мы не будемъ знать, о чемъ должна говорить наука, а слѣд., что должно изла-

само о наукѣ. Вотъ почему, опредѣленіе предмета и содержанія науки есть первая, существенная часть введенія въ науки. Но спрашивается, съ чего-же начать въ этой части введенія, к-рая озаглавливается такъ „предметъ и содержаніе науки", съ опредѣленія-ли предмета науки или содержанія? Должно начать съ опредѣленія предмета данной науки, а уже непосредственно потомъ должно опредѣлить содержаніе данной науки. Такой послѣдовательный порядокъ ихъ изложенія существененъ для самой науки, пот. что прежде всего, необходимо отличить данную науку отъ разнопредметныхъ съ нею наукъ, объектомъ, дабы выдѣлить ее изъ всего состава наукъ вообще и отнести ее къ извѣстной области, а потомъ уже должно отличить особенное ея содержаніе отъ содержанія однопредметныхъ съ нею наукъ, болѣе съ нею сродныхъ, дабы выдѣлить ее уже изъ той области наукъ, въ составъ к-рыхъ входитъ данная наука, вмѣстѣ съ прочими однопредметными съ нею. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя опредѣлить особеннаго содержанія данной науки, не опредѣливъ сперва ея предмета. Для того, чтобы наука была отдѣлена отъ проч. наукъ и, въ этомъ см., она была-бы самостоятельною, необходимо ее отдѣлить, отграничить её отъ всѣхъ разнопредметн. наукъ посредствомъ опредѣленія ея предмета, общаго ей съ однопредметными науками, а потомъ уже необходимо отдѣлить ее и отъ однопредметныхъ наукъ посредствомъ опредѣленія ея особеннаго содержанія. Итакъ нужно сперва опредѣлить предметъ, а потомъ содержаніе науки. Но, спрашивается, почему-же мы опредѣленіе предмета и содержанія науки относимъ къ одной и той-же части введенія, а не разъединяемъ ихъ такъ, чтобы изъ опредѣленія науки составить одну часть введенія, а изъ опредѣленія содержанія - вторую? Это потому, что предметомъ и содержаніемъ своимъ устанавливается всякая наука. Какъ наука въ истинномъ см., т.е., какъ наука самостоятельная, отдѣльная отъ всѣхъ прочихъ наукъ, съ тою только

разницею, что предметъ есть отличіе только одной науки отъ всѣхъ прочихъ разнопредметныхъ наукъ, а содержаніе есть отличіе отъ всѣхъ прочихъ и даже однопредметныхъ наукъ. Но предметъ и содержаніе науки суть различн. понятія, но такія, которыя не должны б. разъединяемы, ибо и тѣми и другими устанавливается данная наука, какъ наука самостоятельная, самоцѣльная.

Такимъ обр., мы разъяснили и оправдали заглавіе 1ой существенной части введенія.

1.3. Сказавъ вообще о предметѣ и о содержаніи Лек. 3
нашей науки, мы можемъ теперь обратиться къ опредѣленію этого предмета и содержанія. Предметъ, объектъ нашей науки есть право (jus) въ обществѣ и государствѣ, возводимое къ праведному и справедливому (justum) или правдѣ и справедливости (justitia). Но право, само по себѣ взятое, есть предметъ науки въ смыслѣ правной юридической энциклопедіи; общество въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ отличіе отъ государства, есть предметъ нашей науки въ смыслѣ соціальной энциклопедіи въ тѣсномъ смыслѣ и наконецъ государство, само по себѣ, есть предметъ нашей науки, въ смыслѣ политической энциклопедіи. Право, общество и государство въ ихъ соединеніи или право въ обществѣ и государствѣ есть предметъ науки и какъ юридической и какъ соціальной, и какъ политической энциклопедіи въ ихъ связи. Право есть тотъ предметъ нашей науки, какъ юридической энциклопедіи, которымъ общъ ей со всѣми прочими правными или юридическими науками, составляющими то единое цѣлое, которое называется правовѣдѣніемъ, юриспруденціею, въ смыслѣ одного цѣлаго, особенной области наукъ вообще,

какъ области юридическихъ наукъ. Насколько наша наука разсматриваетъ право, она есть одна изъ правныхъ, юридическихъ наукъ, входящихъ въ составъ правовѣдѣнія или юриспруденціи вообще вмѣстѣ со всѣми прочими юридическими науками. Далѣе, общество, въ тѣсномъ см. есть опять предметъ нашей науки, какъ соціальной, въ тѣсномъ смыслѣ, Энциклопедіи, который общъ ей со всѣми прочими общественными или соціальными, въ тѣсномъ смыслѣ, науками, составляющими то единое цѣлое, которое называется обществовѣдѣніемъ или соціологіей, въ тѣсномъ смыслѣ слова и именно въ значеніи цѣлой одной особенной области наукъ вообще. Насколько наша наука разсматриваетъ общество въ тѣсномъ смыслѣ, она есть одна изъ общественныхъ наукъ въ тѣсномъ см., входящихъ въ составъ обществовѣдѣнія или соціологіи въ тѣсн. см., вмѣстѣ со всѣми прочими общественными или соціальными науками въ тѣсн. см. Наконецъ, госуд-во есть опять предметъ нашей науки, как политической Энциклопедіи, который общъ ей со всѣми прочими государственными или политическими науками, составляющими то единое цѣлое которое называется государствовѣдѣніемъ или политикой, по крайней мѣрѣ, въ значеніи древнемъ, т. е. въ смыслѣ науки, ученія о государствѣ, а не политики въ см. новомъ, по которому это есть одна изъ политическихъ или государственныхъ наукъ. Эти государственныя или политическія науки составляютъ опять особенную область науки вообще. Насколько наша наука разсматриваетъ государство она есть одна изъ политическихъ

или государственныхъ наукъ, входящихъ въ составъ государствовѣдѣнія или политики вмѣстѣ со всѣми прочими государственными или политическими науками. И такъ, наша наука есть вмѣстѣ и юридическая, и общественная или соціальная въ тѣсномъ смыслѣ и государственная или политическая, но какъ одно цѣлое, представляетъ собою одну науку, въ составъ которой входятъ и правовѣдѣніе, и юриспруденція, и обществовѣдѣніе или соціологія въ тѣсномъ смыслѣ и государствовѣдѣніе или политика въ смыслѣ науки о государствѣ. Какъ юридическая наука, наша наука можетъ быть названа юридической Энциклопедіей, какъ общественная или соціальная наука въ тѣсномъ смыслѣ, она можетъ быть названа соціальною Энциклопедіей и наконецъ, какъ политическая наука она можетъ быть названа политической Энциклопедіей. И такъ эта наука есть и юридическая, и соціальная, и политическая, но какъ одно всецѣлое, какъ одна наука. Слѣдовательно наша наука имѣетъ одинъ и тотъ-же предметъ, или она однопредметна со всѣми прочими юридическими, соціальными въ тѣсномъ смыслѣ, и политическими науками въ ихъ соединеніи. Вслѣдствіе своей одной съ ними однопредметности наша наука находится съ ними въ ближайшей связи сродства. Предметомъ своимъ она вовсе не отличается отъ нихъ, но вмѣстѣ съ ними она отличается предметомъ своимъ отъ всѣхъ прочихъ наукъ, не имѣющихъ предметомъ своимъ ни права, ни общества въ тѣсномъ смыслѣ, ни государства, или отъ всѣхъ прочихъ, говоря отрицательно, не юридическихъ, не соціальныхъ, не политическихъ наукъ или, что все равно, отъ всѣхъ разнопредметныхъ наукъ не находящихся съ нею въ тѣснѣйшей

ближайшей связи, а только въ связи отдаленнѣйшей составляя вмѣстѣ съ ними одну науку вообще. Такимъ образомъ предметомъ своимъ наша наука съ одной стороны отличается вмѣстѣ съ прочими юридическими, соціальными и политическими науками отъ всѣхъ не юридическихъ, не соціальныхъ наукъ и тѣмъ она устанавливается, какъ отдѣльная отъ нихъ наука въ смыслѣ науки и юридической, и соціальной въ тѣсномъ смыслѣ, и политической, вмѣстѣ взятыхъ. Но съ другой стороны предметомъ своимъ не отличается наша наука отъ прочихъ юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ въ ихъ совокупности и слѣдовательно не устанавливается еще предметомъ своимъ она, какъ отдѣльная, отграниченная отъ нихъ наука, какъ вполнѣ самостоятельная наука.

Во всемъ томъ, что мы сказали о предметѣ нашей науки, какъ отличномъ отъ наукъ не юридическихъ, не соціальныхъ, не политическихъ, но одинаковымъ со всѣми прочими юридическими, соціальными, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическими науками, - въ этомъ разумѣется не можетъ быть никакого сомнѣнія или возраженія, или спора, почему нѣтъ никакой надобности сказать еще что-нибудь въ добавленіе о предметѣ нашей науки, объ этомъ первомъ предметѣ, первой существенной составной части введенія. Поэтому мы перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію другаго предмета или элемента этой части, именно, къ опредѣленію содержанія.

Наша наука, не отличаясь предметомъ своимъ отъ прочихъ юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ въ ихъ совокупности, тѣмъ не менѣе отличается отъ нихъ своимъ содержаніемъ и притомъ отличается не только отъ каждой изъ про-

чихъ юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ, порознь взятыхъ (напр., отъ преподаваемыхъ на первомъ курсѣ или отъ преподаваемыхъ на другихъ курсахъ), но отличается отъ всей совокупности юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ см., и политическихъ наукъ. Если мы возьмемъ ихъ вмѣстѣ, т.е., если возьмемъ ихъ, просто механически сложимъ, то и тогда все содержаніе всѣхъ прочихъ юридическихъ, соціальн., въ тѣсн. см., политическихъ наукъ, вся ихъ сумма не будетъ тождественна по содержанію, по предмету съ нашею наукою въ строгомъ см. этого слова, какъ наукою самостоятельною, отдѣльною или наша наука не есть одна только сумма, полученная изъ сложенія всего содержанія всѣхъ юридическихъ соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ, а напротивъ она отличается по содержанію отъ такой суммы. Въ этомъ согласны всѣ излагатели нашей науки, въ этомъ нѣтъ ни сомнѣнія, ни возраженія, ни спора. Далѣе спрашивается, какъ же отличается наша наука своимъ содержаніемъ отъ каждой юридической, соціальной или политической науки, не только порознь, но и вмѣстѣ взятыхъ? Излагатели нашей науки обыкновенно приводятъ много такихъ разныхъ отличій въ этомъ отношеніи, но всѣ приводимыя ими отличія частью невѣрны, будучи противны положительнымъ фактамъ, частью не существенны для нея, не вытекая изъ самой ея сущности, а напротивъ, будучи случайными частью необходимы для нея въ смыслѣ разумной необходимости, будучи произвольны, субъективны а не объективны. Слѣдовательно такія отличія не научны, ибо наука не терпитъ ни невѣрностей противъ положительныхъ фактовъ, ни случайностей, ни какого нибудь личнаго

произвола излагателя. Всѣ эти ненаучныя, приводимыя обыкновенно излагателями нашей науки, разныя отличія отъ прочихъ одноприедметныхъ наукъ по содержанію, или, что все равно, всѣ многоразличные отвѣты на вопросъ, какое отличительное содержаніе нашей науки, или же всѣ взгляды на нашу науку, какъ на Энциклопедію вообще, на особенное ея содержаніе могутъ быть для удобнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія подведены подъ нѣкоторыя группы, а именно, подъ слѣдующіе 3 рода отличій, причемъ каждый изъ этихъ родовъ отличій имѣетъ еще и свои виды. 1го рода отличія можно назвать количественными, квантитативными, 2го рода отличія можно назвать качественными, - квалитативными, 3го рода отличія, какъ отличія по цѣлямъ, что называется по гречески τέλος, телеологическими. Объяснимъ же понятія каждаго изъ этихъ родовъ отличій съ приведеніемъ главныхъ ихъ видовъ и съ критическимъ разборомъ, дабы указать, что всѣ они ненаучны!

1го рода отличіе <u>количественное</u> обыкновенно полагается излагателями нашей науки въ особенномъ, отличномъ отъ прочихъ юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ, порознь и вмѣстѣ взятыхъ, въ количествѣ тѣхъ понятій и положеній, которыя должны содержаться въ нашей науки, дабы отличить ее отъ этихъ одноприедметныхъ съ нею наукъ. Такого рода отличія есть отличія перваго рода, потому что количество есть нѣчто внѣшнее для самого предмета. Вотъ почему съ этого отличія мы и начинаемъ. Но количество вообще тройственно, потому и есть 3 вида количествен. отличій нашей науки, а именно, первый видъ количествен. отношеній нашей науки можно

назвать экстензивнымъ, потому что и самое количество можетъ быть различно одно отъ другаго, именно, по экстензивности своей, какъ обусловливаемое тѣмъ чистымъ внѣшнимъ условіемъ для предмета, которое и состоитъ въ большемъ или меньшемъ пространствѣ, занимаемомъ предметомъ сравнительно съ другими предметами. Экстензивность значитъ распространенность; напр., извѣстный столъ, разумѣется, больше, чѣмъ каждая изъ его частей.
Въ нашей наукѣ, какъ и въ Энциклопедіи вообще излагатели полагаютъ количественныя ея отличія отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ: порознь и вмѣстѣ взятыхъ въ краткости; они говорятъ, что наша наука есть краткое или сокращенное обозрѣніе того-же самого содержанія, какое содержится въ однопредметныхъ съ нею наукахъ, излагающихъ, слѣдов., тоже самое, но пространнѣе, подробнѣе, экстензивнѣе. Но такое отличіе не научно, именно, по слѣдующимъ признакамъ: 1) оно не вѣрно, противурѣча положительнымъ фактамъ. Дѣйствительно, есть много такихъ сочиненій по нашей наукѣ въ особенности и по Энциклопедіи вообще, которыя иного собственно ничего не излагаютъ, какъ извлеченіе изъ того, что пространнѣе изложено въ сочиненіяхъ по однопредметнымъ наукамъ порознь или вмѣстѣ взятыхъ; однако-же есть такія сочиненія въ особенности по части нашей науки а частью и вообще Энциклопедіи которыя излагаютъ содержаніе прочихъ наукъ однопредметныхъ не менѣе пространно и подробно, какъ преподаются и особенныя однопредметныя науки, порознь или даже вмѣстѣ взятыя. Слѣдовательно, есть факты, которые говорятъ въ пользу и противъ этого мнѣнія, такъ что оно

противуръчитъ нѣкоторымъ фактамъ. Далѣе, 2) экстензивное отличіе противно самой сущности науки вообще, а слѣдов. и нашей, потому что, если бы наша наука отличалась отъ однопредметныхъ съ нею наукъ по своему содержанію только одною краткостью изложенія этого содержанія, то она перестала бы быть самостоятельною, отличною, отдѣльною, отграниченною отъ прочихъ наукъ, а слѣдоват. и перестала бы быть наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова. Если бы потребовалось отличить нашу науку отъ содержанія другихъ однопредметныхъ съ нею наукъ только краткостью, то, слѣдуя строго этому принципу, намъ бы пришлось измѣрять это содержаніе количествомъ положеній, даже словъ, буквъ и выраженій, нужно было бы взять счеты, или-же спросить типографа, сколько употребляется буквъ для напечатанія Энциклопедіи и для напечатанія однопредметныхъ съ нею наукъ, такъ что мы безпрестанно при изложеніи нашей науки должны были бы опасаться, не слишкомъ ли подробно сказали мы о томъ или другомъ предметѣ въ нашемъ курсѣ. Итакъ это отличіе не существенно, а случайно. Наконецъ въ 3) это отличіе совершенно произвольно и не необходимо, ибо бóльшая или меньшая краткость изложенія вполнѣ зависитъ отъ личнаго произвола, такъ что понятіе о краткости есть совершенно неопредѣленное. Если же на это возразитъ кто-нибудь, что понятіе о краткости есть относительное и въ этомъ смыслѣ опредѣленное, такъ что наша наука должна излагать только самое что ни [illegible] существенное, [illegible], что въ такомъ понятіи объ относительной краткости

остается неопредѣленнымъ въ смыслѣ зависимости отъ личнаго произвола излагателя, такъ что отъ его произвола зависить будетъ на сколько короче излагать слѣдуетъ тотъ или другой предметъ нашей науки. И такъ это отличіе произвольно, а не необходимо и слѣдов. оно противно сущности содержанія нашей науки, которая не можетъ зависѣть отъ произвола того или другаго излагателя, а необходимо должно обусловливаться самою сущностью науки.

2-ой видъ количественныхъ отличій можетъ быть названъ интензивнымъ, потому что и самое количество можетъ быть отличаемо по интензивности, какъ обусловливаемое тѣмъ только условіемъ, которое состоитъ въ большей или меньшей степени дѣйствія, силы внутри самого предмета находящейся, силы присущей въ сравненіи съ другими предметами, напр., степень дѣйствія силы сцѣпленія самая большая въ тѣлахъ твердыхъ, средняя - въ тѣлахъ жидкихъ и самая малая въ газообразныхъ. Въ нашей наукѣ излагатели полагаютъ интензивное отличіе отъ других однопредметныхъ съ нею наукъ въ томъ, что называется сжатостью, требуя отъ ней, чтобы она излагала тоже самое, что и однопредметныя съ нею науки, но съ возможною сжатостью, т.е. излагало-бы все то самое, но не тѣми-же словами и выраженіями, чрезъ что имѣла-бы больше силы, дѣйствія, какъ сжатый воздухъ, напр.. Но такое отличіе также не научно: во 1хъ, оно не возможно, противорѣча положительнымъ фактамъ. Есть, дѣйствительно, нѣсколько сочиненій по нашей науки и вообще по энциклопедіи, которыя ничего другаго не излагаютъ, какъ то-же самое, что и однопредметныя съ нею науки, но стараются излагать это въ возможно сжа-

томъ видѣ; однако и есть такія сочиненія и при томъ большинство сочиненій, которыя не только не гоняются за сжатостью, но стараются даже ее избѣгнуть по возможности, опасаясь, чтобы сжатость не нарушила ясности и полноты изложенія, потому что неясность, темнота изложенія особенно неумѣстна и вредна, если наша наука будетъ имѣть въ виду только что начинающихъ изученіе юридическихъ, соціальныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и политическихъ наукъ, - для тѣхъ-то и нужно возможно яснѣе излагать, между тѣмъ, какъ сжатость можетъ быть допущена только тогда, когда имѣются въ виду только люди, близко знакомые съ этими предметами. Въ 3) это отличіе не существенно, будучи противно сущности науки вообще, а слѣдовательно и нашей, слѣдовательно оно случайно, ибо если наша наука отличалась отъ однопредметныхъ съ нею наукъ только одною сжатостью, то она перестала-бы быть самостоятельною, а слѣд. и наукою вообще. Если-бы содержаніе нашей науки отличалось отъ содержанія однопредметныхъ съ нею наукъ сжатостью, то намъ пришлось-бы измѣрять ихъ содержаніе степенью силы, дѣйствія выраженій и даже словъ, помѣщенныхъ въ содержаніи и безпрестанно опасаться, не слишкомъ-ли много употребили мы словъ и выраженій преподавая нашу науку, измѣряя ее такъ сказать градусникомъ. Итакъ, это отличіе несущественно, а случайно и наконецъ оно совершенно произвольно; слѣдов. оно не есть необходимо, потому что большая или меньшая сжатость изложенія вполнѣ зависитъ отъ личнаго произвола излагателя, такъ какъ понятіе о сжатости не опредѣленно. Если-бы кто-нибудь выразилъ, что понятіе о сжатости

есть понятіе относительное и въ этомъ смыслѣ опредѣленное, т. е., что наша наука должна излагать тоже самое, что и однопредметныя съ нею науки, то все таки понятіе объ относительной сжатости кажется еще неопредѣленнымъ, въ смыслѣ зависимомъ отъ личнаго произвола излагателя, ибо отъ него зависитъ на сколько сжатѣе слѣдуетъ излагать науку. И такъ это отличіе произвольно, а не необходимо, слѣдовательно противно сущности содержанія нашей науки, которая не можетъ зависѣть отъ личнаго произвола излагателя, а необходимо обусловливается самою сущностью науки. Этотъ второй видъ отличій мы поставили на второмъ мѣстѣ, потому что онъ выражаетъ нѣчто внутреннее въ предметѣ.

3й и послѣдній видъ количественныхъ отличій можно назвать протензивнымъ, ибо и самое количество можетъ быть различно протензивно. Протензивность обусловливается, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ условіемъ вмѣстѣ, т. е. экстензивностью и интензивностью, почему мы и поставили этотъ видъ отличій на послѣднемъ мѣстѣ, а именно, протензивность состоитъ въ большей или меньшей продолжительности существованія даннаго предмета во времени, сравнительно съ существованіемъ другихъ предметовъ; напр., нормальный срокъ жизни человѣческой несравненно длиннѣе срока многихъ животныхъ, въ особенности инфузорій. Въ нашей наукѣ и вообще энциклопедіи полагается излагателями протензивное отличіе ея отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ въ возможной скорости, быстротѣ ея изложенія въ томъ, чтобы на преподаваніи нашей науки въ университетахъ употреблялось возможно менѣе времени. Такая быстрота изложенія обусловливается въ самомъ дѣлѣ,

какъ краткостью, такъ и сжатостью, слѣдоват. протензивность въ этомъ отношеніи обусловливается, какъ экстензивностью, такъ и интензивностью, т.е. и внѣшн., и внутрен. условіями. Но и такое отличіе также не научно, потому что оно зависитъ отъ краткости и сжатости изложенія, а послѣднія, какъ мы уже доказали не имѣютъ научнаго значенія, почему и основанное на нихъ отличіе протензивное также не научно. Кромѣ того оно во 1хъ невѣрно, противурѣча положительнымъ фактамъ. Дѣйствительно тамъ, гдѣ издавна преподается наша наука, именно, въ германскихъ университетахъ, обыкновенно предназначается для ея преподаванія очень немного времени сравнительно съ преподаванiемъ однопредметныхъ съ нею наукъ, но назначается самими-же преподавателями свободно (а именно, одна, много двѣ часовыхъ лекціи и притомъ такъ, чтобы преподаваніе ея окончилось въ одно полугодіе, которое впрочемъ равняется почти нашему учебному году); но кто-бы вздумалъ преподавать нашу науку, руководствуясь нѣкоторыми обширными сочиненіями, напр., Арендса, Варкенига, Вальтера, тотъ вынужденъ былъ-бы употребить на ея преподаваніе несравненно больше времени (если онъ, конечно, не будетъ его читать, какъ читаютъ псалтирь). Если-бы кто хотѣлъ ее преподать во всей полнотѣ, тому-бы не слишкомъ много было 12 часовыхъ лекцій, по крайней мѣрѣ, въ теченіи нашего академическаго года, т.е. времени, которое употребляется обыкновенно въ германскихъ университетахъ для преподаванія предмета, который считается основнымъ юридическимъ предметомъ, а именно, такъ называемыхъ Пандектовъ, т.е. обширнаго изложенія римскаго права въ томъ ея видѣ, какъ оно выработалось наукою до нашихъ временъ. Во 2, это отличіе не существен-

но, противно сущности науки вообще, потому что если-бы отличить ее только временемъ употребляемымъ на ея преподаванiе, то она перестала-бы быть самостоятельною и слѣд. наукою вообще. Если же содержанiе науки отличается отъ содержанiя однопредметныхъ съ нею наукъ только скоростью, быстротою изложенiя, то мы постоянно должны опасаться - не много-ли времени употребимъ на ея преподаванiе. Итакъ это отличiе не существенно, а случайно. Наконецъ въ 3) это отличiе совершенно произвольно, ибо употребленiе большаго или меньшаго времени для ея преподаванiя вполнѣ зависитъ въ Германiи отъ воли преподавателей, а у насъ отъ факультета, имѣющаго право принять одобрить или отвергнуть предложенiе преподавателя преподавать науку столько-то часовъ въ недѣлю; слѣдов. во всякомъ случаѣ это есть слѣдствiе произвола самого-же профессора или факультета. Итакъ это отличiе произвольно, а не необходимо и слѣд. противно сущности содержанiя науки, которая не можетъ зависѣть отъ произвола того или другаго лица.

За количественными отличiями слѣдуютъ и должны слѣдовать - качественныя, ибо качество есть нѣчто внутреннее, присущее предмету, а не внѣшнее, почему мы и поставили это отличiе на 2мъ мѣстѣ и сдѣлали изъ него 2ой родъ отличiй. Итакъ, 2й родъ отличiй нашей науки, по содержанiю отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, суть

Отличiя качественныя или квалитативныя.

Излагатели нашей науки и вообще энциклопедiи полагаютъ ихъ въ самомъ дѣлѣ, въ особенномъ отличномъ отъ проч. юридич.

наукъ не только порознь, но и вмѣстѣ взятыхъ, въ качествѣ иныхъ положеній или истинъ вообще, которыя должны будто-бы содержаться въ нашей наукѣ. Такихъ отличій м. б. множество видовъ, смотря по тому, какое именно качество принимаетъ излагатель во вниманіе, при изложеніи нашей науки; но мы здѣсь можемъ умолчать о всѣхъ видахъ качествахъ или качественныхъ отличій, которыя признаются только какъ бы второстепенными нашей науки, ибо число ихъ безконечно, а остановимся на одномъ качественномъ отличіи, а именно на томъ, которое обыкновенно признается первостепеннымъ или главнымъ. Этотъ главный видъ качественныхъ отличій излагатель обыкновенно выражаетъ въ требованіи, чтобы наша наука была основною наукою для всѣхъ однопредметныхъ съ нею наукъ, т. е. для всѣхъ прот. юридич. соціальныхъ и политич. наукъ. Но и такое качест. отличіе (нужно найти науку) научно несостоятельно, ибо во 1хъ требованіе, чтобы наша наука была основною, обыкновенно не разъясняется надлежащимъ обр. тѣми людьми, которые обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, часто съ торжественною важностью повторяютъ эту фразу за др. людьми; если же разъясняется эта фраза за тѣми людьми, за которыми они повторяютъ, то, при этомъ разъясненіи, довольствуются единственно тѣмъ, что, подъ основною наукою разумѣютъ такую науку, которая служитъ основаніемъ, основою, фундаментомъ для всѣхъ прот. наукъ, въ особенности однопредметныхъ, что истины, положенія, составляющія содержаніе этой, такъ сказ., основной науки суть основоположенія для всѣхъ прочихъ наукъ, ей однопредметныхъ. Далѣе такого разъяс-

ненія идетъ рѣчь идетъ, которое въ логикѣ назыв. тавтологическимъ, обыкновенно нейдутъ потому, что обозначеніе науки именемъ основной примѣняется не къ одной только нашей наукѣ, а именно: основною наукою назыв. и нашу науку и Философію Права. Отсюда, очевидно, что употребляется одно и тоже выраженіе, но въ различныхъ смыслахъ, ибо если-бы это выраженіе значило одно и тоже, то и наша наука и Философія Права признаны были-бы за одну и ту-же науку, но только съ различными названіями, а между тѣмъ никто, никогда не признаетъ и не признавалъ эти науки тождественными по содержанію, а напротивъ всѣ и всегда признавали ихъ различными по содержанію. Итакъ, хотя и наша наука и Философія Права, обыкновенно признаются основными науками, т.е. равно содержащими основы, основныя истины, положенія, начала для прочихъ однородныхъ съ ними наукъ, т.е. для прочихъ юридич., соціальныхъ и политич. наукъ; однако-же эти основныя истины, положенія различны въ той и др. наукѣ. Въ чемъ-же заключается здѣсь различіе? Что касается Фил. Права, то всѣ, к-рые признаютъ её основною наукою для всѣхъ прочихъ юридич., соціальныхъ и политич. наукъ, согласны въ томъ, что подъ основными положеніями разумѣются здѣсь именно философскія основанія или раціональныя, т.е. такъ наз. принципы права въ обществѣ и государствѣ, познаваемые умозрѣніемъ или, вѣрнѣе сказать, чрезъ посредство внутр. опыта, въ отличіе отъ положит. основн. законовъ, познаваемыхъ чрезъ посредство внѣшняго опыта. Но въ этомъ послѣдн. смыслѣ наша наука есть основная для всѣхъ прочихъ юридич. соціальн. и политич. наукъ. Это не разъясняется надлежащимъ обр. тѣми, к-рые и нашу науку называютъ основ-

ною, какъ и Философію Права. Это требованіе, чтобы наша наука отличалась своимъ содержаніемъ отъ прочихъ однопредметныхъ наукъ тѣмъ, чтобы она была для нихъ основною наукою, есть такимъ обр. требованіе вовсе неопредѣленное и слѣдоват., это качественное отличіе есть также неопредѣленное отличіе. Будучи неопредѣленнымъ, оно тѣмъ самымъ придаетъ, такъ сказать, содержанію нашей науки — случайности и произволу личному ея излагателю, такъ что оно вовсе перестаетъ быть существеннымъ и необходимымъ содержаніемъ, ибо излагатель можетъ случайно и произвольно толковать, что именно служитъ основою для юридич. соціальн. и политич. наукъ и что нѣтъ и слѣдов., отъ случайности и отъ личнаго произвола излагателя будетъ зависѣть содержаніе нашей науки, что противно сущности науки вообще, а слѣдов. и нашей. Но во 2хъ, положимъ, что всѣ излагатели нашей науки согласились-бы наконецъ между собою на счетъ того, въ какомъ именно смыслѣ признавать нашу науку основною для всѣхъ проч. юридич., соціальн. и политич. наукъ, въ отличіе отъ Философіи Права, какъ науки также основной и слѣдов. положимъ, они опредѣлили въ точномъ смыслѣ слово, основаніе, основу по отношенію къ нашей наукѣ, въ отличіе отъ Фил. Права, что впрочемъ, едва ли мож. быть достигнуто, но и въ этомъ случаѣ они низвели-бы нашу науку на степень несамостоятельной науки и слѣдов., лишили-бы ея значенія науки въ истинномъ смыслѣ, ибо, подобно тому, какъ основаніе для дома не заключается въ томъ, чтобы на немъ вовсе не воздвигать самаго дома, слѣдоват., подобно тому, какъ фундаментъ дома служитъ для дома, такъ точно и всякая такъ называемая основная наука, служитъ

для друг. наукъ и, въ этомъ смыслѣ, слѣдов. зависитъ отъ нихъ, являясь такимъ образ. не самостоятельною наукою, что противно сущности науки вообще, а слѣдов. и нашей. Итакъ, признавая нашу науку основною для всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, обыкновенно думаютъ оказать ей особенный почетъ, предпочтеніе предъ всѣми прочими юридич., соціальными и политич. науками, думаютъ возвысить ее надъ ними, а на самомъ дѣлѣ, конечно, большею частью безсознательно, унижаютъ её предъ ними, низводя её, на степень средства, служащаго посторонней для ней вовсе цѣли, по которой она ставится въ полную зависимость отъ друг. однопредметныхъ съ нею наукъ, превращаясь въ служебную для нихъ науку. Это противно сущности науки вообще, а слѣд. и нашей, ибо тѣ только науки достойны того названія, которыя не являются служебными и которыя, въ этомъ смыслѣ, суть самостоятельныя науки. Правда, если мы станемъ излагать нашу науку, согласно съ ея сущностью, то она во многихъ отношеніяхъ окажется на дѣлѣ основною наукою для всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ (но если мы наоборотъ, скажемъ, что существенное ея отличіе состоитъ въ томъ, чтобы она была основною для др. наукъ, то, тогда она сдѣлается, чрезъ это, служебною наукою, перестанетъ быть наукою отъ нихъ независимою, самостоятельною), ибо тогда она по самой своей сущности, въ силу разумной необходимости, а не вслѣдствіи нашего произвола или случайности, будетъ содержать въ себѣ, между прочимъ, а не только и основныя положенія или истины для прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Притомъ не одни только философскія исти-

ны и положенія содержатся въ такъ назыв. Философіи Права, но и положительныя и притомъ, не одни только такія основныя положенія, истины будутъ содержаться, а между прочимъ и такія и, въ этомъ смыслѣ, наука все таки не будетъ цѣликомъ основною наукою для однопредметныхъ съ нею наукъ, ибо въ ней будутъ излагаться и такія положенія, которыя не служатъ основою для прочихъ наукъ. Итакъ, даже и этотъ главный видъ качеств. отличій нашей науки, по содержанію отъ однопредметныхъ съ нею наукъ не наученъ, не самостоятеленъ именно потому, что онъ не вѣренъ, не существененъ, не необходимъ, а произволенъ.

Разсмотрѣнное нами, такимъ образ., критически главное качеств. отличіе по содержанію нашей науки, служитъ прямымъ, непосредственнымъ переходомъ отъ этого 2-го вида родовыхъ отличій къ 3-му и послѣднему роду отличій, а именно къ тѣмъ отличіямъ, которыя мы назвали телеологическими, т. е. отличіями по цѣли, пот. что телеологическ. отличіями содержанія нашей науки отъ содержанія прочихъ однопредметныхъ наукъ, называемъ мы отличія по отличнымъ отъ нихъ цѣлямъ ея изложенія (отъ слова τέλος - цѣль). Но и въ разсмотрѣнномъ нами главн. качествен. отличіи нашей науки, т. е. какъ науки основной для проч. однопред. съ нею наукъ, уже заключается если не ясно, не раскрыто, если не implicite, то внутренне, скрыто explicite то отличіе, которое собственно полагается въ цѣляхъ ея изложенія - служить основою для прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, ибо служить основою есть также цѣль, такъ что и это качественное отличіе имѣетъ значеніе телеологическаго отличія. Вообщ.

почему, послѣ того качеств. отличія, въ силу котораго наша наука должна б. основною, необходимо прямо перейти къ 3-му и послѣднему роду отличій, какъ телеологическихъ отличій. Итакъ

1 Телеологическія отличія, какъ 3-й и послѣдній родъ отличій.

Эти отличія полагаются излагателями нашей науки и въ Энциклопедіи вообще, въ особенныхъ цѣляхъ ея изложенія, отличныхъ отъ цѣлей изложенія прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Такихъ цѣлей изложенія нашей науки, какъ и вообще энциклопедіи, излагатели полагаютъ всего 3 и слѣдов., существуетъ всего 3 вида телеологическихъ отличій содержанія нашей науки отъ содержанія однопредметныхъ съ нею наукъ.

1-й видъ телеологическихъ отличій выражаютъ излагатели нашей науки и вообще Энциклопедіи въ требованіи, чтобы содержаніемъ своимъ она могла ввести въ изученіе содержанія всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, т.е., что она должна служить общимъ для нихъ введеніемъ, т.е. содержать въ себѣ все то, что вводитъ въ изученіе содержанія всѣхъ прочихъ юридическихъ, соціальныхъ и политич. наукъ. Насколько наша наука служитъ такимъ для нихъ введеніемъ, такой цѣли, она можетъ быть названа и часто называется вводною наукою и кромѣ того, называется еще пропедевтикою, въ смыслѣ науки подготовляющей начинающихъ изученіе прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Но иногда отличаютъ пропедевтику отъ энциклопедіи, въ собствен-

намъ смыслѣ; подъ пропедевтикою въ отличіе отъ собственно такъ назыв. энциклопедіи въ этомъ случаѣ разумѣютъ введеніе въ Энциклопедію, такъ что слѣдоват., если Энциклопедія есть введеніе въ юридическія, соціальныя и политическія науки, то пропедевтика есть какъ-бы введеніе во введеніе. Такъ излагалъ ее, напр. бывшій здѣсь профессоръ Штекгардтъ въ своемъ сочиненіи „Юридическая пропедевтика". Впрочемъ, большинство излагателей отождествляютъ значеніе пропедевтики съ значеніемъ Энциклопедіи, какъ вводной науки; но тогда подразумѣваютъ при этомъ, какъ они обыкновенно выражаются, пропедевтическій курсъ такой вводной энциклопедіи, т.е. подразумѣваютъ всегда такое изложеніе содержанія, которое вовсе не предполагаетъ никакихъ специальныхъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ свѣдѣній, знаній въ подготовляющихся къ изученію этихъ наукъ независимо отъ того; служитъ-ли такимъ пропедевтическимъ курсомъ въ нашу науку-введеніе въ прочія однопредметныя съ нею науки или иначе. Мы не будемъ здѣсь оспаривать необходимость такой энциклопедіи, какъ вводной науки и даже пропедевтики, въ отличіе отъ собственно такъ назыв. энциклопедіи, ибо на самомъ дѣлѣ, есть извѣстная польза и даже, пожалуй, необходимость ея для приступающихъ къ изученію однопредм. съ нею наукъ; но во 1хъ такая польза и необходимость не вытекаетъ изъ самой внутренней природы науки, и обусловливается внѣшними, для науки посторонними цѣлями [illegible] для самой нашей науки вовсе нѣтъ необходимости [illegible] такой вводной или пропедевтикой. Всякій согласится съ тѣмъ, что если напередъ задаваться какою-нибудь

цѣлью, то какъ-бы эта цѣль не была полезна, наука; отъ этого перестаетъ быть самостоятельною, въ смыслѣ именно самоцѣльной науки, и превратившися въ служебную науку для другихъ наукъ и слѣдов., она лишится той независимости и свободы, которая такъ сказать существенна для науки вообще, что безъ нея не можетъ существовать ни одна наука, въ истинномъ смыслѣ. Во 2-хъ, это отличие не вѣрно, потому что, оно противорѣчитъ фактамъ. Конечно, большинство излагателей излагаютъ нашу науку какъ вводную науку или пропедевтическую, какъ въ пропедевтическомъ курсѣ, но никакъ не всѣ излагатели имѣютъ въ виду эту цѣль, ибо они не обязаны ее имѣть. Наконецъ въ 3-хъ, понятие о томъ, что именно служитъ введеніемъ или подготовленіемъ къ изученію наукъ однопредметныхъ съ нею, есть понятие вовсе не опредѣленное и слѣдов., зависимое отъ случайностей и личнаго произвола излагателей. Это видно уже изъ того, что тѣ, которые излагаютъ науку, какъ науку вводную, обыкновенно включаютъ въ составъ ея болѣе или менѣе различное содержаніе.

Второй видъ телеологическихъ отличій нашей науки и вообще Энциклопедіи выражаютъ излагатели ея въ требованіи, чтобы наоборотъ содержаніе нашей науки имѣло своею цѣлью заключить, довершить собою изученіе всѣхъ однопредметныхъ съ нею наукъ, такъ чтобы изучающій могъ въ концѣ ихъ изученія, такъ сказать, оглянуться назадъ на все имъ пройденное, на всю область изученныхъ, специальныхъ наукъ, ибо, безъ такой оглядки онъ могъ-бы потеряться въ многоразличномъ содержаніи отдѣльныхъ юридическихъ, социальныхъ и политическихъ наукъ, не видя между ними никакой связи, забывая тѣмъ точно

многое изъ того, что имъ было пріобрѣтено прежде съ большими или меньшими усиліями и основательностію. На сколько наша наука служитъ такимъ заключеніемъ, она можетъ быть названа заключительною наукою. Впрочемъ, въ такомъ видѣ она излагается гораздо рѣже, нежели въ видѣ вводной Энциклопедіи или пропедевтики. О пользѣ и даже, пожалуй, необходимости такой заключительной Энциклопедіи для оканчивающихъ курсъ мы не будемъ спорить, какъ не спорили о пользѣ и даже необходимости изложенія Энциклопедіи, какъ вводной науки. Но, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ оказалось научно не состоятельнымъ телеологическое отличіе $1^{го}$ вида, состоящее въ той цѣли, чтобы наша наука служила введеніемъ къ изученію однопредметныхъ съ нею наукъ, по тѣмъ же причинамъ научно несостоятельно и это втораго вида отличіе.

Наконецъ $3^{й}$ и послѣдній видъ телеологическихъ отличій выражаютъ излагатели нашей науки и вообще Энциклопедіи, чтобы наша наука имѣла цѣлію нѣсколько ознакомить съ однопредметными съ нею науками юридическими, соціальными и политическими даже и того, кто спеціально не занимается или и даже вовсе не намѣренъ и впредь ихъ изучать, а между тѣмъ имѣетъ желаніе и даже призваніе къ такъ называемому общему или Энциклопедическому образованію, состоящему въ томъ, чтобы не быть вовсе чуждымъ ни въ какой области наукъ. На сколько наша наука служитъ такой общеобразовательной цѣли, она можетъ быть названа общеобразовательною,

но, въ такомъ видѣ, она излагается весьма рѣдко. Здѣсь уже есть много причинъ основательно говорить о пользѣ, а тѣмъ болѣе о необходимости такого изложенія нашей науки; здѣсь нужно было бы указать на вредъ всякаго поверхностнаго изученія и т.п. Но положимъ, въ рукахъ искуснаго излагателя вредъ этотъ можетъ б. уменьшенъ именно основательнымъ изложеніемъ того немногаго, что онъ изложитъ такимъ жаждущимъ общаго образованія дилеттантамъ и даже положимъ, подобный излагатель успѣетъ возбудить въ нихъ желаніе спеціально изучить эти науки, которыхъ они касались только вскользь, ибо, никогда не слѣд. отрицать пользы популяризированія, распространенія въ массѣ научн. свѣдѣній, лишь бы это не было въ ущербъ основательности и правдивости изложенія, что къ сожалѣнію, весьма часто случается при популяризированіи наукъ, но все таки, по тѣмъ же самымъ причинамъ, какія я привелъ при критикѣ 1го вида этого рода отличій, и это отличіе не существенно, научно несостоятельно. Итакъ, относительно всѣхъ вообще телеологическихъ отличій нужно сказать, что они не научны, а слѣд., несостоятельны, какъ несостоятельны и всѣ вообще количествен. и качественныя отличія содержанія нашей науки отъ содержанія однопредметн. съ нею наукъ. Но м. б. скажутъ намъ: правда, не состоятельно всякое телеологическое отличіе, если взять его отдѣльно; но, если взятыя вмѣстѣ, то они научно состоятельны. Дѣйствительно, даже такіе излагатели, которые имѣли въ виду не 1 и 2 и даже 3 цѣли, но были напротивъ и такіе излагатели, которые являлись противниками подобнаго изложенія, которые, какъ бы держались нашей русской пословицы, что, кто

погонится разомъ за многимъ, тотъ ничего не поймаетъ, т. е. что, кто будетъ имѣть въ виду болѣе 1-й цѣли, тотъ не достигнетъ ни одной и докажемъ это критическимъ разборомъ подобныхъ сочиненій противниковъ.

В. Изъ оконченнаго нами критическаго разбора всѣхъ количествен., качествен. и телеологическихъ отношеній нашей науки, по ея содержанію отъ однопредметныхъ съ нею наукъ, оказалось, что содержаніе нашей науки не можетъ вѣрно, существенно и необходимо, словомъ, научно состоятельно отличаться отъ содержанія однопредметныхъ наукъ ни количествен., ни качественно и, если наша наука будетъ излагаема кк самостоятельная наука, въ смыслѣ, отличной по содержанію отъ однопредметн. съ нею наукъ, независимой отъ нихъ и въ смыслѣ самоцѣльной науки, словомъ, въ истинномъ смыслѣ науки. Но, въ чемъ же должно состоять то вѣрное, существенное и необходимое, словомъ научно состоятельное отличіе содержанія нашей науки отъ содержанія однопред. съ нею наукъ, т. е. такое отличіе, въ силу к-раго наша наука д-на б. излагаема, и кк самостоятельная и кк самоцѣльная наука или кк наука, въ истинномъ смыслѣ слова? Ни въ чемъ иномъ, кк въ томъ, чтобы наша наука хотя бы и имѣла одинъ и тотъ же предметъ съ прочими юридич., соціальными, въ тѣсномъ см., и политич. науками, а именно право въ обществѣ и г-дѣ, но, чтобы она разсматривала этотъ предметъ, во 1-хъ) вообще или въ его всеобщности; во 2-хъ) всесторонне или во всесторонности, со всѣхъ сторонъ и въ 3-хъ) всеобъемлюще или во всемъ ея объемѣ, во всеобъемлемости и наконецъ въ 4-хъ) всецѣло или во всецѣлости, кк одно все-

цѣлое. И такъ, наша наука вѣрно, существенно и необходимо, словомъ, съ научною состоятельностью отличается содержаніемъ своимъ отъ однопредметн. съ нею наукъ, к̃к порознь, т̃к и вмѣстѣ взятыхъ, всеобщностью, всесторонностью, всеобъемлемостью разсмотрѣнія одного и тогоже съ ними предмета, т.е. права въ обществѣ и г̃двѣ. Подъ всеобщностью разумѣется здѣсь то отличительное свойство содержанія нашей науки, въ силу к̃раго наша наука разсматриваетъ право въ обществѣ и г̃двѣ только вообще, а не въ частностяхъ его, ибо въ частностяхъ и подробностяхъ разсматриваютъ этотъ же самый предметъ всѣ прочія юридич., соціальн. въ тѣсн. см., и политич. науки. Т̃к напр., г̃двенное право есть наука, разсматривающая въ частностяхъ и подробностяхъ юридич. нормы или законы, опредѣляющіе г̃двенное устройство и правленіе; исторія русскаго права излагаетъ въ частностяхъ и подробностяхъ историч. развитіе права въ русскомъ обществѣ и г̃двѣ, а исторія римскаго права разсматриваетъ въ частностяхъ и подробностяхъ историч. развитіе права въ римскомъ обществѣ и г̃двѣ, а наша наука должна разсматривать право въ обществѣ и г̃двѣ только вообще. Если же наша наука можетъ иногда приводить и въ самомъ дѣлѣ приводитъ какія нибудь частности и подробности, то это можетъ дѣлать только съ тѣмъ, чтобы чрезъ эти частности и подробности выяснить всеобщее, т.е. общее всѣмъ юридическимъ, соціальнымъ, въ тѣсн. см., и политическ. наукамъ, а не съ тѣмъ, чтобы имѣть дѣло съ этими частностями и подробностями. Во 2-хъ) подъ всесторонностью разумѣется то отличительное свойство содержанія нашей науки, в̃ силу к̃раго наша

наука разсматриваетъ право въ обществѣ и гдвѣ всесторонне, т.е. со всѣхъ сторонъ, а не съ одной какой либо ст. или даже съ нѣкотрыхъ только сторонъ. Такъ напр., гдвенное право кк наука, разсматриваетъ право, опредѣляющее гдвенное устройство и управленіе только съ догматической стороны, т.е. кк оно дѣйствуетъ, кк оно имѣетъ обязательную силу въ настоящее время, а слѣд., не со всѣхъ сторонъ. Исторія Римск. права и исторія Русского Римскаго права разсматриваютъ право въ обществѣ и гдвѣ только съ историч. стороны, т.е. въ историч. развитіи, а не со всѣхъ сторонъ. Напротивъ того наша наука разсматриваетъ право въ обществѣ и гдвѣ и съ историч. и догматич. стороны. Далѣе, философія права разсматриваетъ право въ обществѣ и гдвѣ только съ философск. стороны, а Ист. Русск. права и Ист. Римск. права разсматриваютъ право въ обществѣ и гдвѣ только съ положит. стор., слѣд., не со всѣхъ сторонъ; тогда кк наша наука должна разсматривать право въ обществѣ и гдвѣ и съ философ. и съ положит. и съ дог. матич. и исторической; т.е. со всѣхъ сторонъ. Въ 3ᵉ подъ всеобъемлемостью разумѣется здѣсь то отличительное свойство содержанія нашей науки, въ силу кр̃аго наша наука разсматриваетъ право въ общ. и гдвѣ во всемъ его объемѣ, а не какую нибудь особ. часть всего объема или даже не нѣкотрыя только, а всѣ части его. Напротивъ, гдвенное право, кк наука, разсматриваетъ право въ общ. и гдвѣ не во всемъ его объемѣ, кк доказываетъ самое названіе, а только юрид. законы, нормы, кр̃ыми опредѣляется гдвенное устройство и управленіе. Истор. Русск. права и Ист. Римск. права разсматриваютъ право въ общ. и гдвѣ также не во всемъ объемѣ, а именно 1ᵃᵉ разсматриваетъ рус-

ское только право, въ русскомъ обществѣ и государствѣ, а послѣдн. римское только право, въ римскомъ обществѣ и государствѣ; тогда какъ наша наука должна разсматривать право во всемъ его объемѣ. Наконецъ въ 4ых, подъ всецѣлостью здѣсь разумѣется то отличит. свойство содержанія нашей науки, въ силу котораго наша наука разсматриваетъ право въ обществѣ и государствѣ, какъ одно всецѣлое; между тѣмъ какъ каждая изъ прочихъ юридическ., соціальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и политич. наукъ разсматриваютъ его болѣе или менѣе раздѣльно, какъ-бы въ особенности, какъ-бы въ единичности. Такъ, государств. право, какъ наука, разсматриваетъ въ отдѣльности юридич. законы, нормы, опредѣляющія государственное устройство и управленіе въ отдѣльности отъ проч. юридическихъ нормъ и законовъ; такъ и русское право разсматриваетъ также въ отдѣльности, историческ. развитіе права въ русск. обществѣ и государствѣ, а Ист. римск. права разсматриваетъ также въ отдѣльности, историческое развитіе права въ римскомъ обществѣ и государствѣ. Даже, если-бы мы просто, только совокупили, сложили все содержаніе всѣхъ прочихъ юридическ., соціальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и политич. наукъ, то мы все таки получили-бы въ результатѣ только сумму этихъ наукъ, только нѣчто сложное, а вовсе не единое, всецѣлое и слѣд., не получили-бы чрезъ это въ результатѣ нашей науки, представляющей собою всецѣлостное единство права въ обществѣ и государствѣ. Напротивъ, наша ~~наша~~ должна разсматривать право въ обществѣ и государствѣ не только въ отдѣльности, но и въ связи ихъ между собою единое, всецѣлое. Спрашивается, почему-же мы поставили вѣрныя, сущест. и необходимое, словомъ, научно состоятельныя отличія нашей науки отъ содержанія проч. однопредметн.

Литогр. Степанова въ Садовой улицѣ д. № 7/13

съ нею наукъ въ такомъ именно порядкѣ, а не въ другомъ: во 1ыхъ, всеобщность, во 2ыхъ, всесторонность и въ 3ьихъ, всеобъемлемость и въ 4ыхъ, всецѣлость? Всеобщность поставили мы на 1мъ мѣстѣ потому, что ею обусловливаются всѣ остальныя, существ. отличія по содержанію нашей науки отъ проч. однопредметн. съ нею наукъ, а если такъ, то значитъ, что эта всеобщность д. быть предполагаема всѣми остальными отличіями, такъ что, если мы будемъ разсматривать въ нашей наукѣ право въ обществѣ и государствѣ вообще, то чрезъ то самое мы должны будемъ разсматривать его не иначе какъ со всѣхъ сторонъ, вообще или всесторонне, во всемъ объемѣ вообще или во всеобъемлемости, и какъ одно всецѣлое вообще и слѣдоват., во всецѣлости; такъ что всесторонность, всеобъемлемость и всецѣлость суть такія отличія, которыя опредѣляются ближайшимъ образ. и обусловливаются ничѣмъ инымъ, какъ всеобщностью. Разсматривать право въ обществѣ и государствѣ вообще и значитъ разсматривать его всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло или разсматривать право въ обществѣ и государствѣ вообще можно только подъ тѣмъ условіемъ, если мы будемъ разсматривать право вообще, а не въ частности и подробностяхъ. Такъ если мы станемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ только съ догматич. стороны, т. е. какъ оно дѣйствуетъ въ настоящее время, не разсматривая его со всѣхъ сторонъ вообще, то мы получимъ въ результатѣ не нашу науку, а или философію Права, когда мы будемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ съ догматич. и вмѣстѣ съ философской стороны, или науку дѣйствующаго права, когда мы будемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ съ догматич. и вмѣстѣ съ положительной стороны. Если-же мы будемъ

разсматривать право въ обществѣ и государствѣ только съ историч. стороны, то получимъ въ результатѣ не нашу науку, а или Исторію философіи Права, когда мы будемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ съ исторической и вмѣстѣ съ философск. стороны, или исторію какого нибудь положительнаго права, напр: Римскаго, Когда мы будемъ разсматривать право съ историч. и вмѣстѣ съ положит. стороны. Далѣе, если мы станемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ не во всемъ объемѣ вообще, а только часть всего такого объема, то въ результатѣ получимъ не нашу науку, а другую какую-нибудь юридическую науку, разсматривающую только часть всего объема Правовѣдѣнія вообще (или гражд. государств. право или Международ. право) и наконецъ, если мы станемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ не вообще, то мы получимъ въ результатѣ не единое цѣлое, а слѣдов., не нашу науку, а только сумму всѣхъ прочихъ однопредметн. наукъ.

Изъ остальныхъ отличій (кромѣ всеобщности) всесторонность поставили мы на 2-мъ мѣстѣ, потому, что стороны всякаго предмета суть нѣчто внѣшнее для предмета; такъ напр., если мы станемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ только съ философск. стороны, то получимъ въ результатѣ философію права, которая, хотя и объемлетъ все внутреннее содержаніе права въ обществѣ, весь его объемъ, но не разсматриваетъ этого всего объема всесторонне, а только съ философской стороны. Всеобъемлемость поставили мы на 3-мъ мѣстѣ потому, что объемъ предмета есть уже нѣчто внутреннее для предмета. Если мы будемъ разсматривать только одну изъ частей всего объема въ обществѣ и государствѣ, напр., только юри-

дическіе законы или нормы, которыми опредѣляется государственное устройство и управленіе, то мы получимъ въ результатѣ науку государственнаго права, о которой уже никакъ нельзя сказать, что она разсматриваетъ все право въ обществѣ и государствѣ, т.е. во всемъ его объемѣ, а она разсматриваетъ только часть этого объема. Наконецъ на 4ᵐ мѣстѣ поставили мы всецѣлость потому, что она обусловливается двумя предшествующими отличіями, т.е. всесторонностью и всеобъемлемостью, потому что, если мы же будемъ разсматривать право въ обществѣ и государствѣ со всѣхъ сторонъ, во всемъ его объемѣ, то мы никакъ не будемъ въ состояніи представить его, какъ одно всецѣлое.

Таковы-то всѣ научно состоятельныя, вѣрныя, существенныя и необходимыя отличія по содержанію нашей науки отъ одно-предметныхъ съ нею наукъ. Но, если мы признаемъ только эти отличія научно состоятельными, то значитъ-ли это, спрашивается, что мы не допускаемъ вовсе, чтобы наша наука могла б. излагаема кратко, сжато и быстро, не допускаемъ вовсе количеств. отличія и далѣе, - что мы не допускаемъ, чтобы наша наука была основною наукою для однопредметн. съ нею наукъ, т.е., не допускаемъ качеств. отличія и наконецъ не допускаемъ, чтобы она достигала какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей (не допускаемъ телеологич. отличій)? Вовсе нѣтъ, мы утверждаемъ только, что все это (количеств., качеств. и телеологическія отличія) безразлично для самой науки, а впрочемъ, все это возможно въ ея изложеніи, даже полезно, иногда даже необходимо. Мы допускаемъ это въ особенности въ отношеніи полезныхъ, внѣшнихъ цѣлей ея изложенія, а именно думаемъ, что онѣ

будутъ достигнуты сами собою, когда мы не будемъ напередъ задаваться и слѣдов., гнаться ими, и что въ этомъ отношеніи можетъ б. примѣнено еванг. изреченіе: будемъ прежде всего исполнять вѣрныя, существ. и необходимыя, словомъ научно самостоятельныя требованія самой нашей науки, составляющія существ., вѣрныя и необходимыя ея отличія по содержанію отъ однопредметн. съ нею наукъ, и, тогда "все прочее приложится вамъ".

Такимъ образ., мы разсмотрѣли науку по ея предмету и содержанію, т. е. разсмотрѣли 1-ю существенную часть введенія въ нашу науку. Въ непосредственной связи съ предметомъ и содержаніемъ науки вообще, а слѣдов., и нашей находятся ея форма и способы или методы ея изложенія, именно, изложенія того самого содержанія науки, которымъ опредѣляется, ограничивается, какъ мы видѣли, общій ей и съ другими науками, предметъ. Почему же всѣ формы и способы изложенія науки находятся въ непосредственной связи съ предметомъ и содержаніемъ ея? Это потому, что всякое содержаніе или матерія, а слѣдов., и содержаніе, матерія науки должна имѣть или должна получить, въ отношеніи къ наукѣ, какую-нибудь форму, образъ, внѣшній видъ. Содержаніе вообще всякаго предмета, а слѣдов., и науки и немыслимо и невозможно, есть небылица, безъ формы, а форму свою получаетъ наука именно отъ способовъ или методъ ея изложенія. Вотъ почему за первою существенною частью введенія, опредѣляющею предметъ и содержаніе нашей науки, должна слѣдовать непосредственно какъ вторая существенная часть, та часть, которою опредѣляется форма или способы или методы ея изложенія

Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что содержаніе нашей науки излагается въ формѣ энциклопедич. сборника монографій или отдѣльныхъ статей. Здѣсь каждая монографія или каждая отдѣльная статья объ отдѣльномъ предметѣ излагается уже систематически, но всѣ эти монографіи въ словахъ не связаны вовсе между собой или мало связаны, такъ что вмѣстѣ взятые онѣ не представляютъ собою цѣлостной системы, единаго цѣлаго и слѣдов., этотъ способъ изложенія противенъ сущности науки вообще, которая есть необходимо система и противенъ нашей наукѣ въ особенности, потому что онъ не придаетъ изложенію ея содержанія вполнѣ соотвѣтствующей формы, такъ какъ единая всецѣлость есть существенное отличіе нашей науки отъ однопредметн. съ нею наукъ. Но такъ какъ здѣсь цѣлыя фразы, а не отдѣльныя слова излагаются, то этотъ способъ изложенія болѣе ~~не~~систематическій, болѣе совершененъ лексикографическ. способа. Вотъ почему мы поставили его на 2-мъ мѣстѣ въ ряду несистематич. способовъ изложенія. Монографическій способъ ближе подходитъ къ ~~не~~систематич. способамъ, нежели лексикографическій. Однако-же нужно замѣтить, что въ цѣломъ не представляютъ собою системы ~~лексико~~ моно графическіе энциклопедич. словари, какъ сборники монографій. Этимъ мы однако вовсе не думаемъ сказать, чтобы такіе энциклопедич. сборники монографій были безполезны, напротивъ, они полезны также, какъ вообще полезны монографіи, т. е. каждая монографія въ отдѣльности или сама по себѣ. Существуютъ исключительно только такіе сборники энциклопедич. монографій, которыя подчинены азбучному порядку. Лучшіе изъ нихъ это уже давно издаваемый сборникъ Эрша и Грубера,

который теперь имѣетъ болѣе 100 томовъ и безпрестанно обновляется (устарѣвш. статьи замѣняются новыми и т.п.), такъ что онъ никогда не кончается. Что касается специально до сборниковъ юридическихъ, социальныхъ, политическихъ монографій, то объ нихъ я скажу тогда, когда буду говорить объ истории и литературѣ нашей науки.

2-й родъ способовъ изложенія содержанія нашей науки суть систематич. способы изложенія. О нихъ вообще слѣдуетъ сказать, что они уже соотвѣтствуютъ сущности наукѣ вообще въ томъ смыслѣ, что каждая наука есть система, а они не придаютъ наукѣ формы системы. Но эти систематич. способы изложенія въ нашей наукѣ представляютъ науку въ 2-хъ видахъ: или въ видѣ внѣшней только системы, или въ видѣ только внутренней системы, другими словами - системы въ собственномъ строгомъ смыслѣ этого слова. Тѣ способы изложенія содержанія нашей науки, которыми придается содержанію форма только внѣшней системы, можно назвать въ этомъ смыслѣ внѣшними систематич. способами изложенія, а тѣ, которыми придается форма внутренней системы или система въ собственномъ строгомъ или тѣсномъ см. этого слова, можно назвать внутренними или строго систематическими способами. Внѣшними систематич. способами изложенія содержанія придается содержанію нашей науки форма систематическая въ томъ смыслѣ, что ими связываются положенія, истины, составляющія содержаніе, только внѣшнимъ образомъ, т.е. они располагаются въ порядкѣ, обусловливаемомъ всякими внѣшними посторонними науками, случайными и произвольными соображеніями. Такіе способы изложенія хотя и суть уже вполнѣ систематическіе

въ отличіе отъ монографическаго способа и въ особенности лексикографич. способа, но представляя содержаніе науки, какъ одно цѣлое, ~~но~~ они не соотвѣтствуютъ сущности науки вообще, а слѣд., и нашей въ томъ смыслѣ, что наука не терпитъ никакой случайности и произвола, что ими не придается содержанію ~~вполнѣ~~ соотвѣтствующая форма, ибо ими придается только форма внѣшней системы. Этотъ видъ систематич. способовъ поставили мы на первомъ мѣстѣ потому именно, что это суть внѣшніе систематическіе способы, слѣдов., потому, что они суть несовершен. систематическіе способы. Такъ какъ личн. случайныя и произвольныя соображенія, которыми руководствуются излагатели при этихъ способахъ изложенія содержанія науки могутъ быть безконечно-разнообразными, то и такіхъ способовъ изложенія можетъ б. безконечно множество, такъ что нельзя вовсе отказать всѣхъ подвидовъ этого вида. Впрочемъ, этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не желаемъ сказать, чтобы сочиненія, изложенныя по такому способу, не оказывались-бы полезными даже болѣе или менѣе значительной степени ихъ употребленіи, если мы только не будемъ искать въ такихъ сочиненіяхъ строго-научной системы.

Внутренне-систематич. способами изложенія содержанія науки или собственно строго систематическими можно только назвать такіе способы, которыми придаютъ или, по крайней мѣрѣ, стараются придать содержанію науки форму уже внутренней системы или системы въ собственномъ строгомъ см. слова, а именно, въ томъ смыслѣ, что ими связываются положенія истины, входящія въ составъ науки, составляющія содержаніе уже внутреннимъ образомъ, т. е. расположеніемъ ихъ въ порядкѣ, обусловливаемомъ присущимъ самимъ этимъ

истинамъ, положеніямъ, составляющимъ какъ-бы внутренность науки, т.е. ея содержаніе. Такіе собственно или строго систематическіе способы уже вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности науки вообще, потому что всякая наука сама по себѣ есть система внутренняя, въ которой связываются всѣ истины или положенія не случайно такъ или иначе, не произвольно такъ или иначе, а необходимо и слѣдов., научно, но существуетъ не одинъ только способъ, внутренне связывающій истины и положенія науки вообще, не одинъ только собственно строго систематическій способъ изложенія нашей науки, а есть нѣсколько, а именно, къ нашей наукѣ (мы не говоримъ о другихъ) прилагается болѣе или менѣе преимущественно слѣдующ. 3 подвида этого вида строго систематич. способовъ изложенія, а именно, а именно, такъ назыв. органическій, такъ назыв. діалектическій и такъ назыв. генетическій. Скажу о каждомъ и причемъ, именно въ такомъ порядкѣ, обусловливаемомъ степенью совершенства.

1, Генетическій способъ изложенія содержанія нашей науки примѣнилъ къ нашей наукѣ особенно умершій въ прошедшемъ 1874 году Арендсъ, котораго юридич. Энциклопедія переведена и на русскій языкъ. Въ своей энциклопедіи Арендсъ слѣдуетъ такъ назыв. органическому міровоззрѣнію философа, жившаго въ первой четверти этого столѣтія Краузе, какъ его ученикъ, впрочемъ самостоятельный. Этотъ способъ существенно состоитъ въ томъ, что содержаніе нашей науки излагается, какъ единое внутренне систематическое цѣлое, подобное или уподобляемое живому организму органическихъ существъ. Въ организмѣ связаны члены, органы между собою и съ цѣлымъ организмомъ такъ назыв. ф-

ганической связью, выражающуюся во взаимнодѣйствіи органовъ, другъ на друга и на цѣлый организмъ и наоборотъ, организма на нихъ и дѣлающею возможною жизнь органовъ и жизнь цѣлаго организма. Подобнымъ-же образомъ стараются излагать и содержаніе нашей науки. Существенное преимущество этого способа изложенія содержанія нашей науки предъ всѣми внѣшними систематич. способами состоитъ въ томъ, что по этому способу излагатель, дѣйствительно, смотритъ на связь между положеніями, истинами нашей науки, составляющими содержаніе ея, какъ на внутреннюю или строго систематическую, такъ что эта связь основана здѣсь не на расчлененіи самого этого содержанія науки, какъ единаго цѣлаго на мертвыя части, какъ разсѣкаютъ трупъ, а какъ на живые члены живаго организма, подобные органамъ живаго организма. Онъ, напротивъ, не останавливается ни на какихъ внѣшнихъ чуждыхъ постороннихъ ей, личныхъ, случайныхъ и произвольныхъ соображеніяхъ, какъ это дѣлается при внѣшнихъ систематическихъ способахъ, такъ что этотъ способъ изложенія имѣетъ преимущество предъ всѣми несистематическ. способами изложенія. Но этотъ органическ. способъ изложенія содержанія науки имѣетъ слѣдующ. существенные недостатки или несовершенность, а именно: 1, неопредѣленность въ томъ смыслѣ, что этому способу изложенію недостаетъ опредѣленнаго понятія о томъ, что, именно, разумѣется въ немъ подъ органическою связью содержанія науки, что происходитъ отъ того, что взглядъ на науку, какъ на организмъ, есть не болѣе, какъ то, что въ логикѣ назыв. уподобленіемъ. Здѣсь уподобляютъ науку живымъ организмамъ или такъ назыв. органическимъ

Такъ, необходимо намъ перейти отъ 1ой существенной части введенія ко 2ой. Итакъ.

II.

Форма нашей науки и способы или методы ея изложенія.

Форма, образъ или внѣшній видъ, которую придаютъ содержанію науки вообще и нашей въ особенности ея излагатели весьма различна, смотря по тому, какого именно способа или какой методы держатся они при ея изложеніи. Поэтому форма науки и способы или методы ея изложенія, которыми обусловливается ея форма, состоятъ между собою въ неразрывной связи. Поэтому-то мы и не разъединяемъ здѣсь, въ этой части введенія формъ нашей науки и способовъ или методъ ея изложенія, т.е. мы говоримъ о нихъ вмѣстѣ, въ одной и той-же существенной части введенія (во 2ой), а не дѣлаемъ изъ нихъ 2хъ частей. Употребляя слово метода, (которое происходитъ отъ греческаго слова μέθοδος — женскаго рода, почему и нужно говорить метода, а не методъ), въ смыслѣ, обусловливающемъ формы науки, мы употребляемъ это слово метода въ одномъ изъ двухъ главныхъ его значеній, въ которыхъ оно нынѣ употребляется въ наукѣ. Слово метода значитъ въ наукѣ или метода ея изложенія, т.е. изложеніе ея содержанія или-же метода изслѣдованія, изысканія ея истинъ, положеній, составляющихъ ея содержаніе, а это не всегда одно и то-же. Разсматривая методу въ составѣ этой 2ой части введенія, мы употребляемъ слово метода въ 1омъ изъ его значеній, т.е., какъ методу изложенія, а не какъ методу изслѣдованія. Въ этомъ значеніи слово метода имѣетъ также

двоякій смыслъ: обширный и тѣсной или собственный. Въ обширн. смыслѣ методою наз. обыкновенно всякій вообще способъ изложенія содержанія нашей науки, какой только употребляется ея излагателями для того, чтобы придать этому содержанію извѣстную форму, образъ, внѣшній видъ, необходимые для самого содержанія. Для всякой науки необходимъ какой-нибудь способъ или метода изложенія содержанія, пот. что всякая вообще матерія, а слѣдов., и матерія нашей науки, непремѣнно должна получить какую-нибудь форму, пот. что никакая матерія не мыслима безъ формы. Форма-то и содержитъ въ себѣ матерію; матерія есть нѣчто внутреннее для формы, а форма есть нѣчто внѣшнее. Вотъ почему, матерія, содержаніе данной науки и ея форма и находятся между собою въ непосредств. связи. Но далѣе, матерія, содержаніе, матеріалъ данной науки есть нѣчто данное, существующее, необходимое, какъ извнѣ данное, всякій-же способъ изложенія науки или всякая метода, въ обширн. смыслѣ, придаетъ этой данной матеріи извѣстн. форму. Вотъ почему, во введеніи въ самую науку необходимо сказать не только о содержаніи науки, какъ о матеріи ея, данной извнѣ, необходимо, независимо отъ излагателя, но и о способѣ или методѣ, въ обширномъ смыслѣ ея изложенія, дающей извѣстную форму ей и притомъ о способѣ изложенія или о методѣ необходимо сказать непосредственно послѣ содержанія науки, ибо содержаніе науки и выражается внѣшнимъ образ. въ формѣ. Такъ мы сказали о методѣ, въ обширн. смыслѣ этого слова. Но слово метода, въ смыслѣ также методы, изложенія науки, имѣетъ еще тѣсный

собственный, строгій смыслъ, по которому слово метода не всегда тождественно со словомъ способъ изложенія науки, т. е., не всякій способъ изложенія науки есть метода въ строгомъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова или, не всякій способъ изложенія науки можно назвать строго методическимъ, а только такой способъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію данной науки. И такъ, подъ методою изложенія науки, т. е. ея содержанія, въ тѣсномъ, строгомъ смыслѣ слова, должно разумѣть такой способъ изложенія, который вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію данной науки. Въ чемъ же спрашивается, состоитъ такое полное соотвѣтствіе способа изложенія данной науки съ ея содержаніемъ? Въ томъ, чтобы излагатель своимъ способомъ изложенія содержанія данной науки придалъ бы этому содержанію ни какую ему угодно форму, не по своему личному произволу или не случайно, а форму вполнѣ соотвѣтствующую содержанію, матеріи данной науки.

Такъ мы разъяснили и оправдали заглавіе этой 2ой существ. части введенія въ нашу науку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указали непосредственную связь ея съ 1ою частію введенія. Теперь обратимся къ опредѣленію формы собственно нашей науки и способовъ или методъ ея изложенія.

Всѣ излагатели нашей науки употребляютъ какую-нибудь методу, въ обширномъ смыслѣ или какой-нибудь способъ для изложенія содержанія, матеріи нашей науки, для того чтобы придать этому содержанію извѣстн. форму, но можно рѣшительно сказать, что никто не употребляетъ вполнѣ такого способа, такой методы изложенія, которая-бы вполнѣ соотвѣтствовала особенному, отличному содержанію нашей науки отъ содержа-

нія однопредметныхъ наукъ; можно рѣшительно сказать, что ни одинъ излагатель нашей науки не держится строго методическаго способа изложенія ея содержанія или методы въ собственномъ, строгомъ, тѣсномъ смыслѣ слова, а напротивъ употребляется всѣми излагателями нашей науки только болѣе или менѣе соотвѣтствующіе особенному, отличному содержанію нашей науки, способы ея изложенія или методы, въ обширномъ смыслѣ. Вполнѣ соотвѣтствующій особенному, отличному содержанію нашей науки, способъ ея изложенія или метода, въ собств. строгомъ смыслѣ слова, можетъ б. только 1, только одна есть единственная ея метода, въ строгомъ, тѣсномъ смыслѣ. Истина вообще можетъ быть только 1, а заблужденій м. быть безконечное множество, какъ можетъ быть и безконечное множество не вполнѣ соотвѣтствующихъ содержанію науки способовъ изложенія или методъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но все безконечное разнообразіе существующихъ въ дѣйствительности способовъ изложенія науки или методъ, въ обширн. смыслѣ слова, можетъ б. для обозрѣнія подведено подъ 2 рода, изъ которыхъ къ одному могутъ б. подведены несистематическіе, а къ друг. - систематическіе способы изложенія, причемъ каждый изъ этихъ 2хъ родовъ имѣетъ свои виды. 1го рода способы изложенія содержанія нашей науки или методы въ обширномъ смыслѣ слова суть несистематическіе (опредѣляемъ отрицательно). Въ самомъ дѣлѣ это суть тѣ способы или методы въ обширномъ смыслѣ, которые не придаютъ содержанію нашей науки формы, образа, внѣшняго вида, системы, т. е. не излагаютъ содержаніе нашей науки въ связи, какъ одно цѣлое. Вообще о такихъ

способахъ несистематическихъ изложенія должно сказать, что они вовсе не соответствуютъ сущности науки вообще, а слѣдов., и нашей, потому что всякая наука непремѣнно должна быть системою, и въ особенности по отношенію къ нашей наукѣ, они не соответствуютъ ея содержанію вовсе, потому что они не исполняютъ того существеннаго отличія содержанія нашей науки отъ содержанія однопредметныхъ наукъ, которое состоитъ во всецѣлости. Несистематическіе способы изложенія содержанія нашей науки представляются въ 2хъ видахъ, такъ что этотъ родъ имѣетъ два вида, а именно - 1, не систематическій способъ изложенія можно назвать лексикографическимъ, а другой - монографическимъ. Мы называемъ лексикографическимъ способомъ изложенія нашей науки (отъ слова lexicon словарь) тотъ способъ, который состоитъ въ томъ, что содержаніе нашей науки излагается въ формѣ такъ назыв. энциклопедическаго, реальнаго лексикона или словаря. Реальный здѣсь значитъ предметный, т.е. объясняющій самые предметы, самыя понятія, чев. Этотъ словарь отличается отъ вербальнаго словаря, ибо послѣдній, называемый обыкновенно лексикономъ, просто уясняетъ только значеніе словъ, а не уясняетъ самого предмета или самого понятія. Но реальный, такъ назыв. Энциклопед. словарь или лексиконъ въ порядкѣ предметовъ или понятій, слѣдуетъ точно также какъ и вербальный словарь или обыкновенный словарь, порядку азбуки того языка, на которомъ пишется этотъ словарь; слѣдов., и въ Реальномъ Энциклопед. словарѣ, какъ и въ вербальномъ, слова, входящія въ составъ такого реальнаго словаря, не могутъ, вмѣстѣ взятыя, никакой системы,

потому что здѣсь все зависитъ отъ порядка азбуки, хотя въ такомъ реальномъ энциклоп. словарѣ, какъ и въ вербальномъ, можетъ б. порядокъ, система, связь въ объясненіи каждаго слова (но въ цѣломъ конечно не м. б. связи), хотя и это не всегда бываетъ. (Въ вербальномъ словарѣ слѣдовало-бы ставить прежде всего самыя первонач. значенія слова, а потомъ производныя все болѣе и болѣе или такъ наз. метафорическія значенія, тогда легко можно-бы было уяснить значеніе каждаго слова).

1. 6. Этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не желаемъ сказать, чтобы реальные энциклопед. словари были-бы вовсе безполезны для употребленія; напротивъ, хорошіе такого рода словари весьма полезны для разныхъ частныхъ отдѣльныхъ справокъ, такъ что всѣ ученые и даже всѣ люди болѣе или менѣе образованные имѣютъ подъ руками лучшіе такіе словари. Въ этомъ отношеніи рекомендую общіе реальные по всѣмъ предметамъ, какъ наиболѣе употребляемые Брукхавза и Пирра. У Пирра всѣ предметы разобраны, но съ большою краткостью, чѣмъ у Брукхавза. Теперь они выходятъ новымъ изданіемъ. На русскомъ языкѣ сюда относится кромѣ неоконченныхъ и тѣхъ, которые не предполагаются быть оконченными, оконченный словарь Толля, какъ лучшій и неоконченный, но быстро подвигающійся къ концу реальный энциклопедич. словарь, издаваемый Березинымъ, профес. нашего университета.

Болѣе совершенный видъ несистематич. способовъ изложенія нашей науки представляемъ <u>монографическій способъ</u>, какъ второй видъ. Монографическимъ способомъ изложенія содержанія, называемъ мы этотъ способъ отъ слова монографія т. е. сочиненіе объ одномъ отдѣльномъ предметѣ.

существамъ природы, но всякое уподобленіе должно имѣть свое разъясненіе, должно разъяснить какое-нибудь понятіе особенно такое, которое само по себѣ не ясно по своей ненаглядности, другимъ понятіемъ болѣе яснымъ. Но уподобленіемъ системы науки организму не уясняется понятіе о системѣ, потому что понятіе объ органической связи, какъ извѣстно не на столько ясно, наглядно, чтобы имъ можно было уяснить внутреннюю въ собственномъ, строгомъ смыслѣ, связь положеній, истинъ, входящихъ въ составъ науки, связь, которая требуется для того, чтобы была излагаема, какъ система въ собственномъ, строгомъ смыслѣ слова, а это потому, что мы не можемъ опредѣлить съ точностью, ясностью, полнотою и отчетливостью органической связи и въ дѣйствительномъ организмѣ, дѣйствительныхъ органовъ, существъ природы. Если-же мы и знаемъ кое-что о такой связи, то не самую эту связь, а только въ ея проявленіяхъ, въ ея дѣйствіяхъ, а такимъ признакомъ мы никакъ не можемъ уяснить вопросъ, какъ, именно, связаны истины, положенія, входящія въ составъ данной науки, т. е. строго систематическая связь. Все что, дѣйствительно, добывается, какъ результатъ уподобленія системы науки организму состоитъ единственно въ требованіи, чтобы истины, положеніе науки были связаны внутреннею связью, какъ органы связываются въ организмѣ, а не внѣшнимъ только образомъ, какъ въ машинѣ. Слѣдов., этимъ уподобленіемъ ничего болѣе не высказывается, какъ то, что такъ назыв. органическій способъ изложенія содержанія науки, дѣйствительно является внутреннимъ собственно строго систематич. способомъ изложенія, а не внѣ-

Литог. А. Степанова. Б. Садовая, уголъ Б. Ново-...

шнимъ систематическимъ, а затѣмъ уже отъ случайности и произвола излагателя зависитъ, какъ онъ пойметъ эту внутреннюю связь, а случайность и произволъ не м. б. терпимъ въ наукѣ. 2-й существенный недостатокъ или существ. несовершенство такъ назыв. органическаго способа изложенія содержанія науки есть его односторонность въ томъ смыслѣ, что такимъ образомъ м. б. излагаемо содержаніе науки только тѣми излагателями, которые подобно Арендсу придерживаются одностороннего такъ назыв. органическаго міровоззрѣнія, вообще развитаго въ особенности въ философіи Краузе, котораго Арендсъ былъ однимъ изъ главныхъ послѣдователей и самостоятельныхъ развивателей, хотя уже Шеллингъ говоритъ о наукѣ, какъ объ организмѣ еще прежде Краузе и хотя Шеллинга міровоззрѣніе отличалось тѣмъ, что вообще можно назвать органическимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому излагающіе нашу науку по такому способу не могутъ излагать ее всесторонне, а слѣдов., и во всей всеобъемлемости и всецѣлости, ибо органическое міровоззрѣніе и въ началѣ его у Шеллинга, и даже въ развитіи его у Краузе является одностороннимъ. Но всесторонность, всеобъемлемость и всецѣлость суть существенныя научныя отличія содержанія нашей науки отъ содержанія однопредметныхъ наукъ, а слѣдов., этотъ органическій способъ изложенія вполнѣ не соотвѣтствуетъ содержанію науки нашей. Что это дѣйствительно такъ, это мы видимъ наглядно на юридической энциклопедіи Арендса. Наконецъ 3-е существенный недостатокъ или 3-е существенное несовершенство такъ назыв. органическаго способа изложенія нашей науки м. б. названо его не строгою методичностью

въ томъ смыслѣ, что ему недостаетъ полнаго соотвѣтствія обусловливаемой имъ формы нашей науки съ ея содержаніемъ, потому что метода въ собственномъ строгомъ смыслѣ слова должна придать этому содержанію вполнѣ соотвѣтствующую форму, а она не вполнѣ придается ему такъ назыв. органическимъ способомъ изложенія содержанія нашей науки. Такъ, органическимъ способомъ изложенія науки м. б. доказано только то, что существуетъ только строго математическая связь между истинами и положеніями, входящими въ составъ нашей науки, какъ ея содержанія; но не м. б. доказано имъ въ чемъ, именно, эта связь состоитъ, какъ она развивается, какъ необходимо совершаетъ движеніе содержанія нашей науки, почему оно совершается такъ, а не иначе, что непремѣнно должно быть показано въ нашей наукѣ, для того, чтобы изложеніе ея содержанія вполнѣ соотвѣтствовало этому особенному содержанію, ибо безъ того наша наука не будетъ представлять существенныхъ отличій ея содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ смотрѣть на науку, какъ на организмъ, то мы этимъ вовсе не уяснимъ себѣ, какъ этотъ организмъ произошелъ со всѣми органами и какъ онъ затѣмъ развивается. Если мы разсматриваемъ даже и органическое существо, какъ организмъ, то мы только говоримъ о томъ, что въ немъ есть нѣчто живое, что жизнь состоитъ въ томъ, что всѣ органы взаимнодѣйствуютъ и на цѣлый организмъ и организмъ воздѣйствуетъ на органы, но мы этимъ не опредѣляемъ еще какимъ образ. сложился и развился этотъ организмъ.

2-й подвидъ собственно или строго систематическ. вида изложенія содержаніе науки есть такъ назыв. <u>діалектическій</u> отъ слова

-διαλέγω - разлагаю, слѣдов., это есть разлагающій способъ изложенія, содержанія вообще. Впервые этотъ способъ былъ представленъ философіей Гегеля въ философіи его вообще, какъ и въ ея частяхъ, а затѣмъ онъ былъ приложенъ послѣдователями и развивателями его фило-софіи или такъ назыв. гегеліанцами ко всѣмъ прочимъ наукамъ, а между прочимъ и отчасти къ нашей и былъ признанъ, какъ Гегелемъ, такъ и гегеліанцами единственно научною методою, какъ методою въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ слова изложенія науки вообще. Способъ этотъ существенно состоитъ въ слѣдующ. Предполагается мышленіе, которое отождествляется съ бытіемъ, со всѣмъ сущимъ, что живое понятіе постоянно и необходимо само собою разлагается (отъ того и названіе діалект. способа), раздвоясь на абсолютныя самопротивуположныя между собою понятія, потому что каждое понятіе уже напередъ заключаетъ въ себѣ самомъ эти противуположности, но только implicite, не развито, а свито, не проявляя ихъ, а потомъ появляя; такъ что изъ понятія implicite являются, именно, такія противуположности, какъ абсолютно полныя противуположности, а не то, что въ томъ или друг. отношеніи эти понятія были противуположными, а въ другихъ отношеніяхъ не противуположными. Но такъ какъ эти противуположныя понятія implicite заключаются въ данномъ понятіи и только раскрывается, является implicite, то потому они не могутъ оставаться въ такой абсолютной противуположности, а непремѣнно должны придти въ единство, слиться, соединиться между собою и въ самомъ дѣлѣ онѣ соединяются (если-бы предметъ заключалъ въ себѣ такія абсолютныя противуположности, которыя не были-бы примиримы

между собою, такъ что одна противуположность уничтожила-бы другую, то и самъ-бы предметъ уничтожился.) Въ силу такого ихъ соединенія образуется уже новое понятіе, отличное отъ перваго понятія, которое раздвоилось на эти противуположности, но чрезъ посредство того, что въ первомъ понятіи были противуположности implicite свиты, а здѣсь онѣ являются раскрытыми, но соединенными, снятыми. Но это новое понятіе, такимъ образ. прошедшее, снова разлагается, раздвояется на свои заключающіяся въ немъ абсолютныя противуположности, которыя въ силу того, что онѣ находились въ этомъ понятіи, снова сливаются и образуютъ новое понятіе, которое опять раздвояется, разлагается и т. д. до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ силу такого діалектическаго поступательнаго самодвиженія понятія не раскроется оно во всемъ рядѣ понятій, составляющихъ содержаніе данной науки. Въ этомъ и состоитъ такъ назыв. діалектич. процессъ всего мышленія, тождественнаго съ бытіемъ по такъ назыв. закону 3хъ моментовъ или лучше сказать ступеней діалектическаго процесса, изъ которыхъ одна ступень есть положеніе (такъ-то понятіе полагается), - тезисъ, - 2ая ступень есть противуположеніе (понятіе раскрываетъ противуположности въ немъ заключающіяся) - антитезисъ, - и 3ья ступень есть соединеніе этихъ противуположностей или синтезисъ. Касательно органовъ, которыми умственная способность вообще постигаетъ такое самодвиженіе, поступательное движеніе по этимъ тремъ ступенямъ діалектическаго процесса.

17. Діалектическая метода изложенія содержанія науки основано на томъ предположеніи, что въ мышленіи, тождественномъ

съ бытіемъ, всякое понятіе совершаетъ поступательное или прогрессивное, законосообразное ритмическое самодвиженіе, надъ діалектическимъ процессомъ. Этотъ процессъ непремѣнно совершается по 3мъ ступенямъ, какъ ступенямъ опредѣленнымъ самимъ закономъ мышленія или логическимъ закономъ. 1ая ступень - есть положеніе, тезисъ. На этой ступени, понятіе разсматривается само въ себѣ. Будучи разсматриваемо само въ себѣ, оно раскрываетъ въ себѣ два абсолютно противуположныя понятія, находящіяся въ немъ, слѣдов., implicite., какъ-бы свитыми неразвитыми, т.е. не раскрытыми. 2ая ступень есть противоположеніе, антитезисъ. На этой ступени понятіе разлагается, раздвояется на заключающіяся въ немъ абсолютно противоположныя понятія. Эти понятія на этой ступени раскрываются уже во внѣ, именно какъ такія абсолютныя противоположности, такъ что эти противоположности на этой ступени являются уже implicite. 3я ступень есть синтезисъ, соположеніе т.е. соединеніе 2хъ сказанныхъ, абсолютно противоположныхъ понятій въ одно уже новое понятіе, въ которомъ снимаются ихъ противоположности, именно въ томъ смыслѣ, что эти же самыя противоположности заключались уже въ понятіи на первой ступени его самодвиженія, такъ что эти противоположныя понятія становятся какъ бы существенными, составными частями новаго понятія, но нераздѣльными между собою и слѣдов., не противоположными, какъ на второй ступени, а напротивъ соединены ими. Въ этомъ-то и состоитъ логическій законъ, т.е. законъ мышленія, тождественнаго съ бытіемъ діалектическаго процесса, какъ прогрессивнаго и ритмическаго его самодвиженія, непремѣнно совершаемаго по 3мъ сказаннымъ сту-

ненямъ. Относительно же органовъ познанія этого процесса нашею умственною способностью вообще 1-ая его ступень называется разсудочною, потому что это есть дѣло той низшей въ насъ умственной способности, которая называется разсудкомъ (Verstand), въ отличіе отъ высшей умственной способности, которая назыв. умомъ, ибо разсудокъ всегда останавливается только на положеніи какого-нибудь понятія самого въ себѣ, не усматривая въ немъ скрытыхъ, принциповъ, абсолютныхъ противоположностей. Вторая ступень діалектич. процесса есть противоположеніе, антитезисъ. Это есть уже дѣло той высшей въ насъ умственной способности, которая назыв. умомъ, въ отличіе отъ разсудка. Умъ усматриваетъ въ положенномъ разсудкомъ понятіи абсолютно противоположныя понятія, раскрываетъ ихъ, ставитъ ихъ во взаимное противоположеніе, разлагаетъ данное или положенное разсудкомъ понятіе на 2 абсолютно противоположныя понятія, слѣдов., раздвояя, это понятіе, діалектизируя его. Поэтому-то такое противоположеніе или раздвоеніе, какъ дѣло уже ума, есть собственно діалектическая, раздвояющая его дѣятельность, но такая дѣятельность, которая есть отрицательная, ибо умъ не остается здѣсь на положеніи, на тезисъ, на posito, какъ останавливается разсудокъ на понятіи самомъ въ себѣ, а напротивъ отрицаетъ это положеніе, отрицаетъ, чтобы понятіе было само въ себѣ и не заключало бы противоположностей (это есть уже negatio positionis). Эта вторая ступень и назыв. діалектическою, въ собственн. см. этого слова, пот. что здѣсь дѣйствительно умъ есть діалектическій, т. е. раздвояющій положенное разсудкомъ понятіе на 2 противоположн. понятія. Наконецъ

3я ступень діалектическаго процесса есть ступень также дѣятельности высшей въ насъ способности, т.е. ума, но уже дѣятельность положительная (въ противоположность отрицательной его дѣятельности на 2ой ступени), потому что на этой ступени умъ уже усматриваетъ наконецъ, что два абсолютно противоположныя понятія, заключающіяся въ понятіи разсудка, не суть не соединимыя между собою понятія, а напротивъ онѣ соединяются уже въ понятіи разсудка, ибо онѣ дѣйствительно заключались уже въ понятіи разсудка, но тамъ онѣ заключались въ понятіи implicite. На второй ступени эти понятія раскрываются и вслѣдствіи этого противополагаются, а на 3ей ступени снимается это противоположеніе, а именно, соединеніемъ этихъ понятій въ одно новое понятіе, котораго противоположныя понятія становятся моментами т.е. существенными, нераздѣльными, составными частями, въ немъ заключающимися. Такимъ обр., противоположенія, составляющія существ. характеръ второй ступени діалектич. процесса, отрицается на этой 3ей ступени (такъ какъ соединяются онѣ въ одно новое понятіе); такъ что 3ья ступ. есть въ этомъ смыслѣ отрицаніе отрицанія (negatio negationis). Это отрицаніе отрицанія есть положеніе новаго понятія, въ которомъ снимаются два противоположн. понятія, т.е. уничтожаются, хоронятся, какъ удачно выражаются нѣмцы, въ немъ, т.е. перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были. Въ этомъ смыслѣ эта ступень есть уже дѣло положительн. дѣятельности ума или такъ назыв. спекулятивная ступень. Подъ спекуляціею здѣсь разумѣется нѣчто подобное тому, что разумѣется подъ спекуляціею и въ обыденной жизни. Говорятъ,

что такой-то банкиръ спекулируетъ на повышеніе или пониженіе фондовъ, или напр. говорятъ, что такой-то комерсантъ спекулируетъ на повышеніе или пониженіе цѣнъ извѣстнаго товара. Это значитъ, что тотъ или другой разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ всѣ обстоятельства, которыя въ такихъ-то случаяхъ могутъ вызвать повышеніе или пониженіе фондовъ или цѣны товаровъ. Подобно этому и здѣсь на 3-ей ступени умъ спекулируетъ, т.е. разсматриваетъ два противоположныя понятія со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ и, вслѣдствіи такого всесторонняго, полнаго и совершенно отчетливаго размышленія своего, приходитъ къ тому убѣжденію, что эти понятія могутъ быть соединены въ одно новое понятіе, ибо онѣ и были соединены въ первомъ понятіи. Такъ какъ 2 противоположн. понятія прошли чрезъ противоположеніе на второй ступени, то онѣ не м. составить прежняго перваго понятія разсудка, ибо оно раздвоилось и въ немъ усмотрѣны абсолютныя противоположности, онѣ непремѣнно должны составить новое понятіе, которое, снимая эти противоположности, пришло-бы къ такому именно понятію, которое-бы соединило эти противоположности, хранило-бы ихъ въ себѣ, какъ свои моменты, какъ нѣчто существующее въ немъ.

Въ этомъ существенно состоитъ, такъ назыв. Гегелемъ и гегельянцами діалектическій процессъ мышленія, тождественнаго съ бытіемъ. За этимъ діалектическ. процессомъ излагатель науки долженъ, какъ требуетъ этого Гегель и гегеліанцы, просто только слѣдить, какъ оно совершается, и затѣмъ уже выразить его въ положеніяхъ, составляющихъ содержаніе науки. Въ этомъ случаѣ въ результатѣ и получится все содержаніе этической нау-

ки, какъ они утверждаютъ. Такимъ діалектическимъ процессомъ, выражаемымъ въ положеніяхъ науки, и называетъ Гегель всю свою философію въ той части ея, которую онъ называетъ Энциклопедіею философскихъ наукъ, представляющихъ все содержаніе философіи его въ связи вообще, всесторонне, всеобъемлюще и какъ одно цѣлое; а именно Гегель начинаетъ всю свою философію въ Энциклопедіи съ бытія. Спрашивается, почему съ бытія? Потому что діалектическій процессъ есть ничто иное по его предположенію, какъ процессъ мышленія, а мышленіе онъ отождествляетъ съ бытіемъ, съ сущимъ; такъ что мышленіе есть бытіе, а бытіе есть мышленіе. Мышленіе и только мышленіе существуетъ, есть сущее. Слѣдов., съ этого понятія долженъ онъ и начать, ибо оно непосредственно связывается съ мышленіемъ. Философія есть так. образ., ничто иное, какъ діалектическій процессъ мышленія. Разсудокъ, какъ низшая наша умственная способность, останавливается на понятіи бытія, какъ оно есть само въ себѣ; но умъ усматриваетъ въ этомъ понятіи, положенномъ, установленномъ разсудкомъ, 2 абсолютно противоположныя понятія, а именно, бытіе и небытіе. Спрашивается, какимъ образомъ въ бытіи заключается понятіе небытія, вѣдь это противорѣчитъ здравому разсудку? Да, это противорѣчитъ разсудку, т. е. тому, который останавливается только на понятіи, самомъ въ себѣ, который дальше нейдетъ; но умъ вникаетъ въ это понятіе и, вслѣдствіи этого, онъ отрицаетъ то, чтобы понятіе не заключало въ себѣ противоположностей; чтобы оно было или не противоположнымъ, какъ представляетъ его разсудокъ. Итакъ, бытіе равно и бытію и небытію. Как. же это

усматриваетъ имъ? Это противоположеніе добывается на томъ основаніи, что въ самомъ дѣлѣ бытіе, съ котораго начинается философія, какъ съ перваго понятія, тождественнаго съ мышленіемъ, - это бытіе, будучи началомъ всей философіи, есть такое абсолютно неопредѣленное понятіе что о немъ можно сказать, что оно абсолютно неопредѣленно, ничѣмъ не ограничено, и что оно въ этомъ смыслѣ безотносительно, и что оно въ такой неопредѣленности есть небытіе. Мы говоримъ, говоритъ Гегель, наприм., о богѣ, что онъ есть и большая часть изъ насъ останавливается на этомъ, между тѣмъ, какъ сказать, что есть богъ значитъ, ничего не сказать, потому что, какъ я напрям. представляю Бога, онъ есть, а какъ другой представляетъ, его нѣтъ, (сказавъ, что богъ есть, мы еще неопредѣляемъ, что такое богъ), но положимъ, скажутъ, что бытіе божіе, философски не можетъ быть не доказано, не опровергнуто. Это есть ступень разсудка, гдѣ бытіе принимается совершенно абстрактно, отвлеченно отъ всякой опредѣленности; здѣсь нѣтъ не количеств., не качественнаго движенія, - это дальнѣйшее движеніе бытія. Вотъ такое понятіе есть дѣйствительно понятіе, въ которомъ бытіе и небытіе, будучи себѣ противоположными, заключаются explicite. Въ такомъ понятіи заключается противоположное понятіе которыя на второй ступени раскрываются, отчего эта ступень и есть отрицаніе положенія. Но умъ не останавливается на этомъ противоположеніи понятій, а соединяетъ ихъ въ новое понятіе, въ которомъ

бытіе и небытіе, въ самомъ дѣлѣ соединяются, но не такъ, чтобы изъ ихъ соединенія образовалось-бы то-же понятіе, на которомъ остановился разсудокъ. Умъ не можетъ возвратиться къ бытію такому, которое оставило разсудокъ на первой ступени, а онъ приходитъ къ такому понятію, въ которомъ соединяется и бытіе и небытіе. Что такое бытіе? Это есть Das Werden, становленіе. Въ самомъ дѣлѣ, это названіе ближе всего подходитъ къ тому, въ чемъ раскрывается сущность этого понятія. Становиться — значитъ, во 1-хъ, что то, чего не было, то получило бытіе (наприм., съ опредѣленнаго мѣста становится, получаетъ бытіе, т. е. начинается столъ) и во 2-хъ, становится — значитъ, что то, что было, прекратило свое бытіе (напр., въ извѣстн. мѣстѣ оканчивается столъ, такъ что онъ переходитъ изъ бытія въ небытіе). Становленіе слѣдов., есть переходъ бытія въ небытіе и небытія въ бытіе, а слѣдов., въ понятіи становленіе заключаются оба понятія, которыя являются противоположными на 2-й ступени (бытіе и небытіе). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сказать, что что-нибудь есть, а о всемъ томъ, о чемъ мы мыслимъ, мы можемъ сказать, что оно становится, потому что происходитъ вѣчное самодвиженіе, вѣчный переходъ бытія въ небытіе и наоборотъ. Это-то становленіе играетъ очень важную роль и въ указаніи его состоитъ важная услуга Гегелевой философіи, такъ какъ оно является присущимъ мышленію, тождественному съ бытіемъ. Все мыслимое, все сущее становится, или какъ сказалъ еще Гераклитъ, что во всякій данный моментъ, всякая вещь непремѣнно измѣняется, т. е. переходитъ изъ бытія въ небытіе и наоборотъ, потому что, измѣненіе

и значитъ, что то, чего не было, становится и то, что было, перестаетъ быть, слѣдоват. становится.

Открытыя имъ абсолютныя противоположности не уничтожаются, а становятся существенными сторонами или моментами (это слово взято удачно изъ механики), или частями новаго понятія. Так. обр., моменты становленія суть бытіе и небытіе. Еще и друг. обр. объясняютъ ступени діалектич. процесса, говоря, что 1-я ступень есть положеніе (positio), а 2-я есть отрицаніе этого положенія (negatio), а 3-я есть отрицаніе этого отрицанія (negatio negationis) или положеніе новаго понятія. Для уясненія діалектич. процесса по 3м ступенямъ достаточно уже и того примѣра, какой я представилъ (бытіе), но для юристовъ у Гегеля и въ особенности у гегельянцевъ есть примѣръ, к-рый еще нагляднѣе прежняго примѣра, представляетъ діалектическій процессъ развитія понятія по 3м ступенямъ. Право, само по себѣ (jus) есть положеніе, positio. Но умъ видитъ въ немъ противоположности, а именно, видитъ въ правѣ не право т.е. отрицаніе права, подобно тому, к-къ небытіе есть отрицаніе бытія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы право существовало такъ, само по себѣ, к-къ его предполагаетъ разсудокъ, то оно не было бы вовсе правомъ, подобно тому к-къ напр. если бы не было тьмы, то мы и не имѣли бы представленія о свѣтѣ, а не было бы зла, то мы не знали бы, что такое добро. Въ этомъ смыслѣ, въ понятіи права, есть своя противоположность, к-рая именно является то, что неправомъ отрицается право (injuria est negatio juris) Въ самомъ

дѣлъ, названіе неправо развѣ непредставляетъ отрицаніе права? Но на такой противоположности, к̃рую усматриваетъ умъ, к̃к на отрицаніи разсудочнаго понятія, на такой отрицательной дѣятельности своей, на таком разложеніи права, умъ не останавливается, а идетъ дальше. Усматривъ въ правѣ неправо и слѣд., раскрывъ эти противоположности, умъ не можетъ на этомъ остановиться, ибо иначе, право перестало бы быть правомъ, а непремѣнно долженъ соединить эти 2 противоположныя понятія посредствомъ своей положительной дѣятельности. Спрашивается, въ какомъ новомъ понятіи соединяются эти 2 противоположныя понятія или к̃к возстановляется право, нарушенное неправомъ? Наказаніемъ, к̃рое есть ничто иное, к̃к возстановленіе права, отрицаемаго неправомъ, есть отрицаніе неправа для положенія права. Так. обр. 3-я ступень здѣсь есть неправо. Слѣдов., неправо въ діалектическ. процессѣ, отрицалось на второй ступени для того, чтобы положить право, но не т̃к, к̃к полагаетъ разсудокъ, а т̃к, чтобы оно прошло черезъ всѣ противоположности, черезъ это, явилось бы намъ съ большею ясностью, опредѣленностью и наглядностью. Въ самомъ дѣлѣ, пока право человѣка не будетъ нарушено, онъ даже о немъ не будетъ имѣть понятія, а, к̃к только право нарушается, тогда каждый подумаетъ о томъ, что онъ имѣетъ право.

1.8. Изъ уясненной мною сущности, т̃к наз. діалектической методы, вытекаютъ само собой слѣдующія преимущества этого 2-го подвида строго систематич. способовъ изложенія нашей науки предъ 1-мъ подвидомъ ихъ (органич. способа). Эти сущест. преиму-

щества состоитъ въ слѣд: во 1-хъ) въ опре-
дѣленности этого способа, а именно,
діалектич. способъ изложенія требуетъ,
чтобы излагатель просто только слѣ-
дилъ за поступательнымъ или прогрес-
сивнымъ движеніемъ содержанія науки,
совершающимся постоянно и необходи-
мо одинак. обр., ритмически, законосооб-
разно, по такому строго опредѣленному
логич. закону, к-раго ничто не можетъ б.
опредѣленнѣе. Другое существ. преимуще-
ство этого способа изложенія нашей на-
уки состоитъ въ его строжайшей, по ви-
димому, методичности, т.е., по крайней
мѣрѣ, въ намѣреніи, а именно въ томъ,
что излагатель науки по этому способу
имѣетъ въ виду удовлетворить существ.
требованіямъ содержанія нашей науки,
чего не имѣлъ въ виду, даже органич. спо-
собъ, а именно, разсматривая предметъ
нашей науки въ особенности, во всеединно-
сти, всесторонности, всеобъемлемости и
всецѣлости. Наконецъ 3-е существ. преиму-
щество этого способа состоитъ въ его объ-
ективности, т.е., что по такому способу
излагатель содержанія науки вмѣняетъ
себѣ въ обязанность просто только слѣдить
за самодвиженіемъ объекта, предмета нау-
ки (оттого называ. и объективность) а имен-
но: содержанія науки и затѣмъ выражать
это самодвиженіе во всѣхъ положеніяхъ на-
уки, слѣд., не дозволяя себѣ при этомъ ни-
какой т.к. наз. субъективности, т.е. ника-
кого произвольнаго вмѣшательства своей
личности, въ такое выраженіе, к-къ изложе-
ніе содержанія науки. Но съ др. стороны,
этотъ же діалектич. способъ изложенія
науки имѣетъ и свои недостатки, несо-
вершенства, к-рыя состоятъ въ слѣдующемъ,
а именно, во 1-хъ) въ произвольности его основы,

пот. ч. этотъ способъ основанъ на произвольномъ предположеніи, что будто бы поступательное, прогрессивное самодвиженіе мышленія, тождественнаго съ бытіемъ, вообще постоянно и необходимо совершается одинаковымъ обр. по т.к. наз. закону 3^хъ^ опредѣленныхъ моментовъ, въ смыслѣ сущест., составныхъ частей всего діалектич. процесса мышленія, отождествленнаго съ бытіемъ. Другой сущест. недостатокъ или несовершенство этого способа есть несоотвѣтствіе на самомъ дѣлѣ (и не въ принципѣ, не въ намѣреніи) этого способа изложенія науки съ ея содержаніемъ, п. ч., хотя Гегель, и за нимъ и его послѣдователи, и утверждали, что т.к. наз. діалектич. метода соотвѣтствуетъ вполнѣ содержанію науки и даже до того, что въ ней форма совершенно тождественна съ своимъ содержаніемъ, матеріею и, что потому, единственно только этотъ способъ изложенія заслуживаетъ названія методы, въ строгомъ смыслѣ этого слова, однакоже на самомъ дѣлѣ выходитъ иначе: этотъ способъ изложенія далеко не таковъ п. ч. Гегель и гегельянцы для того, чтобы провести его во всякой наукѣ и чрезъ всю науку, дозволяютъ себѣ много разнаго рода произвола, много натяжекъ, конечно бол. частью безсознательно, но иногда даже и сознательно, а извѣстно, что никакой произволъ излагателя не мож. б. терпимъ въ наукѣ, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Такъ окончили мы разсмотрѣніе 2^х^ подвидовъ строго систематич. изложенія нашей науки (органич. и діалектич.). Остается теперь сказать о третьемъ и послѣднемъ подвидѣ строго систематич. способовъ изложенія содержанія нашей науки. Этотъ

способъ есть такъ назыв. генетическій, т.е. развивающій способъ. Онъ состоитъ въ самомъ дѣлѣ въ развитіи содержанія науки, которое вполнѣ согласно съ сознаннымъ со стороны человѣчества генезисомъ этого содержанія, т.е. того, какъ оно само развивается постепенно и прогрессивно, въ самой действительности, въ самой реальности, въ положительныхъ фактахъ внутр. и внѣшняго опыта вмѣстѣ, а именно, оно развивается такъ: во 1хъ, оно начинается съ точки своего отправленія, которую, для наглядности, можно уподобить источнику или истоку рѣки; затѣмъ во 2хъ, оно переходитъ разныя ступени своего постепеннаго развитія, движенія, но не непремѣнно три, какъ при діалектич. способѣ, а и больше и меньше, а именно, соотвѣтственно особенному свойству самого развивающагося предмета (такія ступени генетическ. развитія предмета, а не діалектич. можно уподобить извилинамъ текущей рѣки), наконецъ въ 3хъ, оно оканчивается точкою своего исхода или исходомъ, который можно уподобить устью рѣки. Такой способъ изложенія содержанія науки вообще употребляется, въ особенности въ наше время, въ разныхъ наукахъ и притомъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; употребляется онъ даже и въ нашей наукѣ, но только въ тѣхъ или другихъ частяхъ ея содержанія, а не въ цѣломъ ея объемѣ, и между тѣмъ, если провести такой способъ чрезъ всю науку, во всей ея цѣлости, во всѣхъ ея частяхъ, во всемъ ея объемѣ, то окажется, что это есть тотъ единств. способъ изложенія содержанія нашей науки, которымъ можетъ быть придана отличительному содержанію нашей науки, вполнѣ соотвѣтствующая форма и, который по-

Литогр. А. Степанова, Б. Садовая улица

тому имѣетъ исключительное право на признаніе его, по крайней мѣрѣ нашей науки, во всей строгости, методич. способомъ изложенія содержанія или методою, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ что, въ этомъ смыслѣ можно сказать о самой нашей наукѣ, что она есть ничто иное, какъ сознанный человѣчествомъ генезисъ ея предмета и содержанія, т.е., права въ обществѣ и государствѣ, разсматриваемыхъ въ ихъ всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости.

Въ самомъ дѣлѣ, такой способъ изложенія въ особенности по отношенію къ нашей наукѣ, имѣетъ важныя существ. преимущества предъ всѣми прочими возможными способами изложенія ея содержанія. Эти существ. преимущества состоятъ въ слѣдующ.: во 1хъ, единственно, исключительно этимъ способомъ изложенія содержанія науки могутъ б. удовлетворены или выполнены существ. требованія, общія всѣмъ наукамъ съ нею, въ истинномъ смыслѣ слова, а эти требованія состоятъ въ томъ, чтобы изложеніе науки было объективно, а не субъективно, т.е., чтобы не отъ субъективнаго, личнаго произвола, зависѣло изложеніе науки, а, чтобы зависѣло единственно отъ самой науки, какъ объекта ея изложенія и слѣдов., чтобы и наша наука, какъ и всякія др. науки, была излагаема, какъ самостоятельная наука, въ смыслѣ самоцѣльной науки и отдѣльной отъ всѣхъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, излагая нашу науку по генетич. способу, излагатель ничего не долженъ дѣлать, какъ только вѣрно, ясно, точно и полно выразить въ своемъ изложеніи, сознанное человѣчествомъ дѣйствитель-

ный, реальный генезисъ поступательнаго, прогрессивнаго саморазвитія предмета и содержанія нашей науки; единственно, только этимъ способомъ изложенія нашей науки могутъ б. удовлетворены, выполнены и особенныя, существенныя требованія нашей науки, а не всѣхъ вообще, обусловливаемыя особеннымъ ея содержаніемъ, ей присущимъ, существенно отличающимъ это содержаніе отъ содержанія однопредметныхъ съ нею наукъ, а именно, эти требованія состоятъ въ томъ, чтобы наша наука представила нашему сознанію права въ обществѣ и государствѣ, въ ихъ всеобщности, а не въ частности, въ ихъ всесторонности, а не съ одной какой-либо стороны, въ ихъ всеобъемлемости, а не частнаго-нибудь объема и наконецъ, въ ихъ всеобъемлемости, а не въ разъединеніи и, чтобы такимъ образомъ, наука наша изложена была, какъ самостоят. наука, въ смыслѣ отдѣльной науки отъ всѣхъ, какъ однопредметныхъ, такъ и разнопредметныхъ съ нею наукъ, потому что такимъ-то образомъ и совершается самый генезисъ предмета и содержанія нашей науки, такъ что излагателю остается только представить, какъ этотъ генезисъ сознается человѣчествомъ.

Въ 3хъ, единственно такимъ способомъ изложенія содержанія нашей науки могутъ б. удовлетворены и выполнены внѣшнія требованія отъ нашей науки, т.е. тѣ требованія, которыя для нашей науки вовсе не существенны, но на которыхъ тѣмъ не менѣе упорно настаиваютъ всѣ излагатели. Но при этомъ способѣ и эти внѣшнія требованія могутъ б. выполнены уже такъ, что тѣмъ нисколько не умаляется самостоятельность нашей науки, въ смыслѣ

самоцѣльной науки, таковы требованія, выражаемыя въ томъ, чтобы наша наука была основною для прочихъ однопредметн. съ нею наукъ, чтобы съ ея изложеніемъ достигнуты были и другія внѣшнія цѣли, какъ-то: чтобы она была наукою вводною, заключительною и общеобразовательною. Эти требованія въ самомъ дѣлѣ достигаемы при генетическ. способѣ, не умаляя свободы нашей науки, потому что если излагатель нашей науки б. руководствоваться при изложеніи генетич. способомъ, то онъ представитъ право въ обществѣ и государствѣ въ ихъ всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости и, представя ихъ такимъ обр., излагатель тѣмъ самымъ достигнетъ, своимъ изложеніемъ, упомянутыхъ нами цѣлей, которыхъ онъ достигнетъ уже какъ естественнаго результата такого изложенія, вовсе при этомъ не стѣсняясь этими цѣлями, вовсе напередъ не задаваясь ими. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, изложеніе всеобщаго въ предметѣ есть уже само по себѣ основаніе для изложенія всего частнаго объема, потому что общее есть основаніе для частнаго; всестороннее изложеніе предмета есть уже основаніе для изложенія сторонъ его, ибо во всестороннемъ заключаются всѣ стороны; всеобъемлющее изложеніе предмета есть уже само по себѣ основаніе для изложенія всякой части, всего объема, ибо въ этомъ случаѣ, всякая частность входитъ въ составъ всего объема и наконецъ, всестороннее изложеніе предмета есть уже основаніе для изложенія всего единичнаго въ предметѣ, особеннаго, изолированнаго, и все единичное и входитъ въ составъ всецѣлаго. Слѣдов., если наша наука б. изложена по генетич. способу, то она тѣмъ самымъ окажется уже основ-

ною наукою для однопредметн. съ нею наукъ, окажется естественно, сама собою, а не такъ, чтобы этимъ стѣснялась свобода изложенія. Но съ другой стороны, ничто не м. ввести въ изученіе части предмета такъ, какъ можетъ ввести только всеобщее, - въ изученіе каждой стороны, какъ можетъ ввести всестороннее, - въ изученіе каждой части объема какъ можетъ ввести всеобъемлющее, - въ изученіе каждой единичности въ предметѣ, какъ можетъ ввести всецѣлое. Слѣдоват., если мы будемъ излагать нашу науку по генетич. способу, то мы тѣмъ самымъ уже сдѣлаемъ нашу науку вводною для однопредметн. съ нею. наукъ. Наоборотъ, все частное заключается во всеобщемъ, всякія стороны - во всестороннемъ, всякая часть науки - во всеобъемлющемъ и всѣ единичности - во всецѣломъ; слѣдов., если наша наука будетъ изложена по генетическому способу, то она тѣмъ самымъ будетъ заключеніемъ, завершеніемъ изученія всѣхъ прочихъ однопредметн. наукъ или будетъ заключительною для нихъ наукою. Наконецъ, кто, для своего общаго образованія, пожелаетъ ознакомиться съ юридическими, соціальными въ тѣсн. смыслѣ и политич. науками, безъ притязанія быть въ нихъ спеціалистомъ, а только съ тѣмъ, чтобы не быть вовсе чуждымъ въ нихъ, тотъ пожелаетъ, конечно, познать не частныя науки а всеобщее въ нихъ, не ту или другую сторону, а всѣ стороны вмѣстѣ, не ту или другую часть объема, а весь объемъ, не всѣ единичности и подробности, а все цѣлое, а это именно и можетъ предложить ему наша наука, если она б. изложена по генетич. способу, потому что уже тѣмъ самымъ окажется вмѣстѣ и общеобразовательною наукою. <u>Наконецъ въ 4хъ</u>, единственно только такимъ способомъ изложенія содержанія нашей

науки могутъ б. удовлетворены и педагогическія собственно дидактическія требованія изложенія этой науки въ томъ видѣ, какъ она преподается въ университетѣ, какъ истинно университетская наука или какъ наука въ истинномъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ простаго учебнаго предмета, какъ то или другое излагается въ такъ назыв. среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ или даже въ высшихъ, но такихъ, которыя суть также не болѣе, какъ специальныя учебныя заведенія или школы, каково напр., наше Училище Правовѣдѣнія или наша Военно-юридич. Академія, Военно-юридич. училище и каково напр., то заведеніе во Франціи, которое взято за образецъ Училища Правовѣдѣнія (École des droits) или каково, недавно учрежденное во Франціи. École des sciences politiques. Въ самомъ дѣлѣ - генетическій способъ изложенія содержанія нашей науки налагаетъ особенныя обязанности дидактическія, какъ на преподавателей этой науки, такъ и на слушателей, - обязанности, которыя соотвѣтствуютъ самой наукѣ, въ истинномъ см. этого слова, какъ университетской науки. Такъ, во 1хъ, при генетическомъ способѣ изложенія нашей науки, преподаватель не м. довольствоваться, какъ нерѣдко довольствуется даже университетскій преподаватель только сообщеніемъ своимъ слушателямъ совсѣмъ уже готовыхъ свѣдѣній, познаній, въ законченномъ ихъ видѣ, т. е. просто въ видѣ такъ наз. результатовъ науки, такъ что затѣмъ ихъ оставалось-бы слушателямъ пассивно запечатлѣть эти пассивные результаты науки въ своей памяти: напротивъ, при генетич. способѣ изложенія науки, по самой его сущности, преподаватель вынужденъ бываетъ самымъ этимъ способомъ представить слушателямъ генетич.

развитіе всего содержанія науки, такое, въ которомъ сами слушатели невольно, такъ сказать, принимали-бы уже активное, дѣятельное участіе, потому что они постоянно будутъ имѣть возможность не только слѣдить за всѣмъ, что преподается пассивно, но и судить активно, вѣрно-ли созналъ и вѣрно-ли представилъ преподаватель генетич. развитіе всего содержанія науки или-же, насколько вѣрно и насколько невѣрно, а затѣмъ, если слушателю покажется что нибудь невѣрнымъ, то, не произнося опрометчиваго осужденія преподаванію, онъ вынужденъ будетъ самъ собою, со всею тщательностью, размыслить о преподанномъ, дабы возможно основательнѣе провѣрить свое собственное мнѣніе о преподанномъ. Когда-же, послѣ такой добросовѣстной провѣрки, слушатель искренно, глубоко убѣдится, что преподаватель въ чемъ нибудь отступилъ отъ генезиса самого содержанія науки, то въ слушателѣ само собой, - естественно, родится конечно желаніе, а затѣмъ и стараніе, какъ-бы ему самому направиться на истинный путь генезиса въ той именно точкѣ, гдѣ по его убѣжденію, преподаватель безсознательно сбился съ этого пути. Такимъ образ. генетич. способъ изложенія содержанія науки вызываетъ къ самодѣятельности, къ самопомощи и самостоятельности мыслительныя способности слушателя, а чрезъ то возбуждается въ немъ и личный, живой интересъ къ преподаваемой наукѣ, а если этотъ интересъ и изгладится впослѣдствіи и даже исчезнетъ, то уже не по винѣ преподавателя. Соотвѣтственно сказаннымъ особеннымъ обязанностямъ преподавателя, какъ обязанностямъ дидактическимъ, генетич. способъ изложенія науки налагаетъ особенныя также дидакти-

ческія обязанности и на слушателей, а именно, съ одной стороны, онъ налагаетъ обязанность — не довольствоваться пассивнымъ, механическимъ восприятіемъ, запечатлѣніемъ, затверженіемъ въ памяти преподаннаго, поглощеніемъ такъ сказать всего преподаннаго, какъ оно было предложено, а напротивъ, налагаетъ обязанность все преподанное усвоить въ истинномъ смыслѣ, т. е. сдѣлать его своимъ, своею собственностью все обсудить, все провѣрить своимъ мышленіемъ, чтобы не быть вѣчнымъ ребенкомъ въ наукѣ (jura ne in verba magistri), потому что все преподаваемое по генетич. способу преподается слушателямъ не просто только на вѣру, а какъ познаніе, не во имя какого-нибудь авторитета, а во имя разума. Съ друг. стороны, генетич. способомъ изложенія и содержанія науки налагается на слушателей обязанность съ тѣмъ-же постояннымъ вниманіемъ и съ той-же строгою непрерывностью слѣдить за преподаваніемъ науки, съ какою напр., вынужденъ бываетъ и содержаніемъ и способомъ изложенія слѣдить за преподаваніемъ изучающій спеціально такъ назыв. точной науки, въ особенности-же чистую математику, пот. что, какъ всякій знаетъ, въ математикѣ нельзя ничего понимать послѣдующаго, не выразумѣвъ всего предъидущаго. Точно также и въ нашей наукѣ ничто не можетъ б. понято въ истинномъ смыслѣ изъ послѣдующаго, если не будетъ понятно предъидущее. Поэтому, при генетич. способѣ изложенія науки, слушатель никакъ не можетъ довольствоваться только отрывочнымъ удержаніемъ въ памяти той или другой части науки, какъ-бы она важна не была, слушатель не можетъ допустить никакихъ перерывовъ при изученіи нашей науки и никакихъ пропусковъ въ слушаніи лекцій, потому что, при этомъ спо-

собѣ изложенія, ничто не м. б. схвачено слушателемъ на лету, затвержено какъ нибудь второпяхъ, на авось, а должно б. прослѣжено съ надлежащимъ спокойствіемъ и должно войти въ плоть и кровь слушателя, ничто не можетъ б. оставлено безъ вниманія, а все должно б. усвоено имъ, какъ состоящее во внутренней, строжайшей, систематической связи, какъ одно всеобщее, всестороннее, всеобъемлющее и всецѣлое, ибо, изложить особенное содержаніе нашей науки въ такой именно формѣ и есть существ. задача генетич. способа. Такимъ обр., изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами систематич. способовъ, необходимо отдать преимущество, покрайней мѣрѣ для нашей науки, генетическому способу, какъ наиболѣе достойному названія методы, въ строгомъ см. этого слова, для изложенія содержанія нашей науки, если не какъ единственно истинной методы ея изложенія, потому что мы не знаемъ, какія будутъ выдуманы методы въ будущемъ, но покрайней мѣрѣ, въ настоящее время единственною превосходящей всѣ способы изложенія.

Мы окончили так. образ. и 2-ую существенную часть введенія, слѣдоват., разсмотрѣли какъ предметъ и содержаніе нашей науки, такъ и формы или способы или методы ея изложенія. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, вмѣстѣ взятымъ, обусловливается непосредственно прямое опредѣленіе и названіе нашей науки, ибо ея опредѣленіе, въ смыслѣ строгаго, логическаго опредѣленія или дефиниціи, есть ничто иное, какъ выраженіе въ связи предмета и содержанія науки и ея формы и ея методич. способа изложенія. Все это составляетъ внутреннюю такъ сказать сущность науки. Названіе-же науки есть ничто иное, какъ внѣшнее обозначеніе сущности данной науки, словомъ

или словами. Такъ, мы непосредственно и необходимо переходимъ къ 3ей существ. части введения, разсматривающей определение и название нашей науки. Итакъ,

III.

Опредѣленіе и названіе нашей науки.

Подъ словомъ опредѣленіе въ этомъ заглавіи разумѣется строго логическое опредѣленіе науки или такъ назыв. въ логикѣ - дефиниція, иначе называется это опредѣленіемъ реальнымъ, въ отличіе отъ такъ назыв. вербальнаго или такъ назыв. номинальнаго опредѣленія. Вербальнымъ опредѣленіемъ науки (отъ verbum слово) назыв. опредѣленіе науки по словопроизводству, по производству словъ, выражающихъ ея названіе, по этимологіи. Слѣдовательно, вербальное опредѣленіе есть опредѣленіе науки, основанное на этимологіи, на производствѣ слова или словъ, которыми обозначается наука, внѣшнимъ образ.; напр., если мы опредѣлимъ географію, сказавъ, что она есть землеописаніе, потому что слово γῆ значитъ земля, а слово γράφω значитъ пишу, то мы сдѣлаемъ только вербальное опредѣленіе науки. Номинальнымъ опредѣленіемъ науки отъ латинскаго слова nomen имя, наименованіе, назыв. опредѣленіе ея по употребленію, т.е., основанное на томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется слово или слова, обозначающія науку, т.е., обозначающія ея названіе; напр., подъ физикою понимаютъ теперь не науку о природѣ вообще, или такъ назыв. естествовѣдѣніе вообще, какъ особенную область наукъ, какъ слѣдовало-бы опредѣлить ее по словопроизводству, этимологически, отъ слова φύσις - природа, какъ дѣйствительно понимали её прежде натуръ-фи-

софы, называвшіяся физиками или физіологами и занимавшіяся съ особеннымъ мышленіемъ о природѣ, а напротивъ, подъ физикою понимаютъ теперь только одну изъ естеств. наукъ, отличную своимъ особеннымъ содержаніемъ. Такимъ обр., названіе физики употребляется теперь не на основаніи этимологіи, а на основаніи употребленія этого слова, тогда какъ прежде физика понималась въ томъ смыслѣ, какъ слѣдуетъ ее понимать по словопроизводству т. е. на основ. вербальнаго опредѣленія. Наконецъ, подъ реальнымъ опредѣленіемъ науки, разумѣется опредѣленіе науки, какъ строго логическое ея опредѣленіе, отграниченіе, какъ отъ однопредметн. съ нею наукъ, такъ и отъ разнопредметныхъ, какъ по ея предмету и содержанію, такъ и по ея формѣ, придаваемой способомъ или методою ея изложенія. Это и соотвѣтствуетъ внутренней сущности науки, которая и выражается словомъ чес когда говорятъ, что такое-то опредѣленіе есть реальное опредѣленіе, пот. что, реальное опредѣленіе науки есть опредѣленіе ея по самой ея внутренней сущности, между тѣмъ какъ и вербальное и номинальное опредѣленіе науки суть только опредѣленія ея, по ея названію, а названіе науки есть не болѣе какъ внѣшнее обозначеніе ея сущности тѣмъ или другимъ словомъ или словами. Но, однимъ словомъ никакъ нельзя выразить всей сущности какого-бы то ни было предмета вообще, а можно только развѣ объяснить какую нибудь изъ сторонъ или частей этой сущности. Однако-же люди, при сообщеніи своихъ мыслей другимъ людямъ словами, всегда обозначаютъ всякій предметъ однимъ какимъ-

нибудь словомъ, какъ именемъ, наименованіемъ или названіемъ предмета, а слѣдов. также обозначаютъ всякую науку, почему необходимо знать не только сущность науки или опредѣленіе науки по ея внутренней сущности, т.е. реальное опредѣленіе, но необходимо также знать названіе или названія науки, т.е. опредѣленіе науки, во внѣшн. ея обозначеніи, какимъ-нибудь словомъ или словами, т.е. опредѣленіе по названію, какъ ея вербальное и номинальное опредѣленіе. Вотъ почему, говоря о нашей наукѣ въ особенности, необходимо дать ей опредѣленіе какъ дефиницію, строго логическое или реальное опредѣленіе и указать ея названіе или названія; другими словами; причина, почему опредѣленіе и названіе науки входитъ существенно въ составъ введенія въ науку, какъ существенная, составная ея часть, состоитъ въ необходимости знать, внутр. сущность науки и ея внѣшнее обозначеніе словомъ или словами.

Л. 9 Спрашивается, почему мы не дѣлаемъ
20 р. изъ опредѣленія науки особенную часть введенія, а изъ названія или изъ названій особенную часть введенія, т.е., почему мы вводимъ въ составъ одной и той-же части введенія и опредѣленіе науки и ея названіе или названія? Потому что и опредѣленіемъ науки и ея названіемъ или названіями выражается то-же самое, т.е. сущность данной науки, но выражается различно, а именно; опредѣленіемъ выражается сущность науки вполнѣ, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, а названіемъ или названіями - только одна сторона или отчасти. Но почему-же въ этой 3-ей существ. составной части введенія мы должны сперва дать опредѣленіе науки, а потомъ уже

разсмотрѣть ея названіе или названія, что мы и выразили въ заглавіи этой части, гдѣ слово опредѣленіе поставили на 1мъ мѣстѣ, а слово названіе или названія - на 2мъ мѣстѣ? Потому, что опредѣленіе науки вытекаетъ непосредственно, прямо изъ того, что составляетъ предметъ и содержаніе науки, (т.е. о чемъ мы сказали въ 1ой части введенія), а также форма, способъ или метода ея изложенія, о чемъ мы сказали во 2ой части введенія. Обусловливаясь ими, названія нашей науки выводятся уже черезъ посредство определенія, потому что опредѣленіе науки и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ указаніи ея предмета и содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и методы изложенія, чѣмъ и опредѣляется внутренняя сущность науки. Названіе-же науки есть ничто иное, какъ внѣшн. только обозначеніе этой сущности словомъ или словами, - внѣшнее потому, что слово есть нѣчто внѣшнее для внутрен. сущности предмета. Внѣшнему обозначенію науки названіемъ - необходимо слѣдов. предпослать опредѣленіе науки, какъ опредѣленіе ея внутрен. сущности, пот. что названіе науки есть ничто иное, какъ слово или слова, которыя выражаютъ сущность науки. Наконецъ, отсюда прямо уясняется, почему та существ., составная часть введенія, въ составъ которой входитъ опредѣленіе и названіе науки, должна слѣдовать непремѣнно за первою и за второю частью введенія, а именно потому, что первыми двумя частями обусловливается 3ья часть, такъ какъ предметомъ и содержаніемъ науки и ея формою или методою изложенія обусловливается это опредѣленіе, а опредѣленіемъ обусловливается ея названіе или названія; или, что все рав

но, на определенныхъ нами въ 1хъ 2хъ частяхъ съ одной стороны предметъ и содержании нашей науки, а съ др. стороны – формѣ, способъ или методъ ея изложенія основывается опредѣленіе нашей науки, т. е. опредѣленіе ея внутренней сущности, которая болѣе или менѣе, соотвѣтственно, выражается внѣшнимъ образ. и въ названіяхъ, употребляемыхъ для обозначенія нашей науки. Такимъ образ., 3я часть введенія связываетъ то, что отдѣльно входило въ составъ первыхъ 2хъ частей введенія.

Мы уяснили и оправдали заглавіе 3ей ч. введенія и вмѣстѣ съ тѣмъ указали связь ея съ обоими предшествующими частями. Сказавъ так. образ. объ опредѣленіи и названіи науки вообще, мы можемъ перейти къ опредѣленію и названію всякой науки. Строго логическое или реальное опредѣленіе, то, что собственно назыв. въ логикѣ, дефиниціею нашей науки, по ея сущности, т. е. какъ по предмету и содержанію, такъ и по соотвѣтствующей имъ формѣ или методѣ изложенія, можетъ б. выражено въ слѣдующ. немногихъ словахъ: наша наука есть юридическая, соціальная въ тѣсномъ см. и политическая наука, разсматривающая право въ обществѣ и государствѣ вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло. Въ этой дефиниціи во 1хъ, словами „право въ обществѣ и государствѣ" выражается предметъ нашей науки, общій ей съ прочими юридич., соціальными въ тѣсн. смыслѣ и политич. науками, въ силу чего она и названа нами юридич., соціальною въ тѣсномъ смыслѣ, и политич. наукою. Далѣе, словами „вообще, всеобъемлюще, всесторонне и всецѣло" выражается содержаніе нашей науки, отличное отъ содержанія однопредметн. съ нею прочихъ

юридическихъ, социальныхъ въ тѣсн. смыслѣ и политич. наукъ. Наконецъ, словами „она разсматривается генетически" выражается метода въ собственномъ строгомъ смыслѣ изложенія нашей науки. Слѣдов., въ этомъ опредѣленіи, въ этой строгой дефиниціи нашей науки соединяется все, что составляетъ внутреннюю ея сущность, т. е. предметъ и содержаніе, форма и способъ ея изложенія, такъ что, это есть въ самомъ дѣлѣ въ строгомъ см., реальное, строго логическое опредѣленіе или дефиниція нашей науки, или какъ вѣрное, точное ея опредѣленіе. Но вообще, внутреннюю сущность нашей науки старались ея излагатели выразить сколь возможно кратко, внѣшнимъ образ., обозначая словами, въ разныхъ названіяхъ нашу науку. Такъ въ заглавіяхъ своихъ сочиненій, по части нашей науки, они давали и даютъ разныя названія, смотря по тому, какъ понимали и понимаютъ ея внутреннюю сущность и какъ сумѣли они и сумѣютъ обозначить эту внутрен. сущность внѣшн. образомъ, словами, названіями. Въ числѣ такихъ названій есть во 1хъ, такія, которыя употреблены въ заглавіи одного только сочиненія, по части нашей науки: такъ напр., одинъ только Карлъ Теодоръ Пюттеръ младшій, (въ отличіе отъ отца своего Стефана Пюттера старшаго) назвалъ свое сочиненіе „Объемъ Правовѣдѣнія или науки Права" (Inbegriff der rechtswissenschaft). Кромѣ Карла Пюттера младшаго никто никогда не называлъ нашей науки такимъ именемъ, а потому авторъ, для того, чтобы показать, что онъ хочетъ изложить въ своемъ сочиненіи, еще прибавилъ „Юридическая Энциклопедія". Но это названіе выражаетъ внутреннюю сущность науки

только, какъ юридич. науки, между тѣмъ она должна б. вмѣстѣ съ тѣмъ и социальною въ тѣсн. смыслѣ и политич. энциклопедію. Но и въ этомъ, такъ ограниченномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ науки только какъ юридической энциклопедіи, это названіе выражаетъ сущность нашей науки крайне не определенно, что уже видно изъ того, что самъ авторъ счелъ необходимостью его пояснить. Во 2хъ, есть такія названія нашей науки, которыя употребляются не однимъ, а нѣсколькими ея излагателями; такъ нѣкоторые называютъ ее введеніемъ, напр., Фогель, въ своемъ замѣчательномъ сочинении, изданномъ въ Лейпцигѣ въ 840 г., подъ заглав. „Введеніе къ Академическому т. е. Университетскому изученію Правовѣдѣнія". Ермбахъ точно также назвалъ изданное имъ сочиненіе „Общимъ введеніемъ въ изученіе права". Но и такое названіе указываетъ на нашу науку, какъ на юридическ. науку, между тѣмъ какъ она должна б. вмѣстѣ съ тѣмъ и социальною въ тѣсномъ смыслѣ и политич. наукою. Наконецъ въ 3хъ, есть и такія названія для нашей науки, которыя, вообще въ болѣе или менѣе находятся общемъ употребленіи. Такъ, съ половины 18го стол. со Стефана Пюттера старшаго, самое употребительное названіе для нашей науки, какъ ея родовое или нарицательное названіе, т. е., какъ общее ей со всѣми другими подобными науками, есть Энциклопедія. Что-же касается до видовыхъ или собственныхъ, особенныхъ названій ея для отличія нашей науки, какъ специальной Энциклопедіи, отъ прочихъ специальныхъ энциклопедій, то такихъ видовыхъ названій довольно много. Сперва скажу о родовомъ или нарицательномъ названіи

Энциклопедіи, т.ч. оно есть общее для нашей науки съ др. Энциклопедіями, а потомъ скажу о видовыхъ названіяхъ, т.е. объ особенныхъ названіяхъ для нашей специальной Энциклопедіи.

Слово Энциклопедія есть родовое и нарицательное названіе, (самое употребительное съ полов. 18го вѣка), нашей науки, общее ей и потому родовое и нарицательное, съ одной стороны, со всеобщею Энциклопедіею, а съ др. стор., съ другими частными специальными Энциклопедіями, какъ видами, къ которымъ принадлежитъ и наша наука, какъ специальная Энциклопедія. Всеобщая Энциклопедія есть такая, которая разсматриваетъ все вообще человѣческое знаніе и ученіе или же науки и искусства вообще. Частныя же или специальныя Энциклопедіи суть тѣ, которыя разсматриваютъ одну какую нибудь часть всеобщей Энциклопедіи, а именно, есть такія специальныя Энциклопедіи, которыя разсматриваютъ одну какую нибудь особенную область наукъ, какова напр., юридич. Энц., теологич. Энц., филологич. Энц., Медицинск. Энц., и др.. Но есть и такія, частныя же специальныя Энц., которыя разсматриваютъ даже одну какую нибудь извѣстную отрасль какой нибудь извѣстной области наукъ, такъ напр., по части нашей науки есть сочиненія подъ заглав. „Энцик. церковнаго права", Энц. торговаго права и т.п.. Но есть наконецъ и такія сочиненія, по Энциклопедіи, которыя разсматриваютъ разомъ нѣсколько особенныхъ областей наукъ, болѣе или менѣе связно. Къ числу то послѣднихъ и принадлежитъ наша наука, какъ юридич. социальн. въ тѣсномъ см. и политич. наукъ.

Къ числу такихъ Энциклопедій принадлежатъ даже и сочиненія, по части на...

щей науки, какъ юридич. и политич. Энциклопедіи вмѣстѣ и какъ соціальн. и политич. Энц. вмѣстѣ. Каждая изъ такихъ частныхъ или специальн. энциклопедій имѣютъ кромѣ общаго, родоваго или нарицательнаго названія Энциклопедіи, еще и видовыя собственныя названія, которыя соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе особенности ея предмету и содержанію. Говоря здѣсь о нашей наукѣ въ особенности, разумѣется, мы скажемъ только о ея видовыхъ названіяхъ, предпославъ имъ объясненіе родоваго, нарицательнаго названія, какъ общаго специальнымъ Энциклопедіямъ и Всеобщей Энциклопедіи.

Общее родовое или нарицательное названіе нашей науки есть Энциклопедія. Сперва опредѣлимъ значеніе этого названія, по словопроизводству, т. е. сперва сдѣлаемъ вербальное опредѣленіе этого названія, потомъ укажемъ значеніе этого названія по словоупотребленію, т. е. сдѣлаемъ номинальное опредѣленіе и наконецъ сдѣлаемъ реальное опредѣленіе. Итакъ

а) Вербальное опредѣленіе Энциклопедіи вообще.

Слово Энциклопедія составлено изъ древнегреческихъ словъ, но составлено не самыми древними греками, а уже въ позднѣйшее, въ новое время. (въ 16 в.) и притомъ, будучи составлено изъ древнегреческихъ словъ, оно латинизовано, т. е. въ словѣ Энциклопедія, составленномъ изъ греческихъ словъ, измѣнены нѣкоторыя буквы, согласно со свойствомъ латинскаго языка. Такъ, по гречески это слово должно писаться ἐγκυκλοπαιδεία, а по латыни оно пишется encyclopaedia, слѣд., греческая буква к. измѣ-

нена въ латинскую c, пот. ч. въ греческомъ языкѣ нѣтъ буквы k; греческое αι измѣнено въ латинскую двугласную ae и наконецъ двугласная ει измѣнена въ латинскую гласную i; впрочемъ иногда, какъ это дѣлаютъ англичане, первый слогъ въ этомъ случаѣ откидывается и так. обр. говорится просто cyclopaedia. Въ греческой формѣ это слово составлено въ новое время изъ слож. 3-хъ древнегреч. словъ: изъ предлога ἐν въ и κύκλος кругъ и παιδεία, что значитъ, первоначальное ученіе или воспитаніе, вообще образованіе дѣтей и юношей обоего пола, но въ особенности мужескаго, и самыя средства, къ тому ведущія, т.е. тѣ общеобразовательные учебн. предметы, познаніе которыхъ требовалось у грековъ отъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей. Но замѣтимъ, что въ этомъ словѣ, первая его половина ἐγκύκλο есть усѣченное, слитное прилагательное ἐγκύκλος которое въ этомъ слитномъ видѣ, состоитъ изъ словъ ἐν и κύκλος но такъ, что эти слова въ немъ раздѣльно имѣютъ нѣсколько отличное значеніе отъ того, какое онѣ имѣютъ, будучи слитыми, ибо отдѣльно ἐν κύκλος значитъ - въ кругѣ, а слитно ἐγκύκλος какъ прилагательное, значитъ нѣчто близкое къ кругу, но все таки имѣетъ дальнѣйшія значенія, какъ метафорическія, а именно: значитъ круглый, круговидный, кругообразный, круговой, а затѣмъ, совершающій свое обычное круговое движеніе, затѣмъ, повторяющійся и потому обычный, обыкновенный. Вотъ, въ словѣ энциклопедія, первая половина этого слова ἐγκύκλο есть усѣченное прилагательное ἐγκύκλος (т.е. отбросивши s.) въ смыслѣ обычный обыкновенный, а слѣдующая половина слова

παίδεια значитъ, образовательные, учебные предметы. И такъ, по словопроизводству, этимологически, можно опредѣлить вербально энциклопедію т.к. что она есть наука, содержащая въ себѣ совокупность обычныхъ, вообще образовательныхъ, учебныхъ предметовъ. Таково вербальное опредѣленіе энциклопедіи.

б) Номинальное опредѣленіе энциклопедіи вообще.

Когда въ новое время (въ концѣ 16 ст.) составлено было изъ греч. словъ слово энциклопедія и когда это слово вошло въ общее употребленіе, тогда подъ нимъ стали разумѣть краткое обозрѣніе всего человѣч. знанія и ученія и всѣхъ наукъ и искуствъ (это называли Всеобщей Энциклопедіею) или же одной или многихъ, особенныхъ областей наукъ или даже одной особенной отрасли, особенной области наукъ (это назвали частной или спеціальной энциклопедіею) таково номинальное опредѣленіе энциклоп. вообще.

в.) Реальное опредѣленіе энциклопедіи вообще.

Если мы желаемъ сдѣлать реальное опредѣленіе энциклопедіи вообще, то мы должны опредѣлить ея внутреннюю сущность, т.е. ея предметъ, содержаніе, а также форму и методу ея изложенія. Но намъ нѣтъ нужды реально опредѣлять не Всеобщую энциклопедію, ни какую нибудь другую частную, спеціальную энциклопедію, а нужно опредѣлить только нашу спеціальную энциклопедію. Но реальное опредѣленіе нашей науки мы сдѣлали въ самомъ началѣ введенія: а именно мы сказали, что наша наука есть юридич. соціальн. въ тѣсномъ см.

и политич. наука, разсматривающая право въ общ. и тдвп вообще, всесторонне всеобъемлющие и всецело. Теперь посмотрим мы, кк и на сколько выражается это ея реальное, строго логическое определение въ названиях, для нашей науки употребляемых, но не во всех (это не нужно для нашей цели) а только въ тех, крые имели ныне въ большее или меньшее употребление. Так, мы переходим къ видовым или собственным названиям нашей науки. И так

2, Видовыя или собственныя названия нашей науки.

Таких названий находим мы 5 родовъ или даже группъ. Первый родъ - Энциклопедия законоведения. Такое название употребляется только у насъ, т.е. въ сочинениях на русском языке, напр. въ весьма замечательном сочинении бывшого профессора гражданского права, въ нашем университете и профессором Энц. законоведения, въ Киевском университете, Неволина; это сочинение издано нашим профессором Андреевским, учеником Неволина, вторым изданием въ 57 году. Неволин озаглавил свою энциклопедию так. обр. потому, что это название было у нас официальным, по прежнему уставу наших университетов, действовавшему съ 63го года. Но въ этом названии наша наука представляется только, кк юридич. наука, между тем кк она есть и социальная въ тесн. см. и политическая. Далее слово законоведение въ этом названии слишком тесно для выражения сущности нашей науки, даже понимаемой только кк юридич. Энциклопедия, п.ч. этим словом обозначается, что будто бы наша наука разсматривает

только такъ наз. въ собственномъ см. законы юридическіе, положительно дѣйствующіе, к-рыхъ совокупность называется законодательнымъ правомъ, между тѣмъ к-к наша наука разсматриваетъ всѣ формы права не только законодательнаго, но и т. к. наз. обычнаго, а также и право, к-рое называется правомъ юристовъ, к-рое есть результатъ теоретической и практич. дѣятельности юристовъ.

Второй родъ особенныхъ или видовыхъ названій нашей Энциклопедіи составляетъ слѣдующая группа названій: Энциклопедія правовѣдѣнія, Энц. правъ, Энц. права, юридич. Энц. и юристическая Энц. Всѣ эти названія образуютъ одну и ту же группу, т. ч. они употребляются безразлично, одно за другое к-к синонимы, однакоже, говоря строго, между ними есть и разница и притомъ не только вербальная, но и номинальная. Такъ, называя нашу науку энциклопедіею правовѣдѣнія, излагатели одни употребляютъ слово правовѣдѣніе просто въ смыслѣ совокупности, агрегата, скученія свѣдѣній о правѣ, а другіе употребляютъ слово правовѣдѣніе въ смыслѣ науки о правѣ. Въ первомъ смыслѣ конечно изложеніе нашей науки будетъ вовсе не научнымъ; но если даже разумѣть слово правовѣдѣніе во второмъ смыслѣ, то все таки этимъ словомъ вовсе не выражается сущность науки, ибо этимъ названіемъ выражается будто бы только право есть предметъ нашей науки, а вовсе не общество и не г-во, между тѣмъ к-к наша наука есть юридич. соціальная въ тѣсн. см. и политич. наука. Называя нашу науку энциклопедіею правъ излагатели разумѣютъ подъ словомъ права, только положительныя права,

т.е., дѣйствующіе юридич. законы въ ихъ догматическомъ видѣ, только какъ дѣйствующіе или даже въ ихъ историческомъ развитіи; слѣдов., энциклоп. правъ обнимаетъ только т.к. наз. положительное право и слѣд., исключаетъ другую сторону разсматриваемаго права, а именно философскую, т.е. философію права, а слѣд. въ этомъ названіи не выражается внутренняя сущность нашей науки, ибо наша наука должна разсматривать, даже и одно право не иначе какъ всесторонне. Затѣмъ, называя нашу науку энциклопедіею права, мы умалчиваемъ о томъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно разсматривать и общество въ тѣсн. см. и гос-во, а слѣд., должна быть и соціальной и политич. наукою. Наконецъ, нѣмецкіе излагатели называютъ нашу энциклопедію _юридическою_ энциклопедіею, а французс. итальянскіе и др. излагатели называютъ ее _юристич._ энциклопедіею. Правда, названія юридическій и юристическій употребляются, какъ синонимы въ томъ см., что предметъ нашей науки есть право, т.е. будто бы одно право, а не и общество и гос-во, такъ что это названіе одностороннее; но строго говоря, есть различіе между словами юридич. и юристическій. Правда, эти слова имѣютъ одинъ и тотъ же общій корень, а именно, древнее слово _jus_, _juris_ откуда и произошли прилагательныя юридическій и юристическій: но прилагательное юридическій происходитъ отъ этого корня прямо, непосредственно и употреблялось еще у древнихъ римлянъ (juridicus); т.к. что это прилагательное есть древне латинское, между тѣмъ какъ прилагательное юристическій происходитъ отъ корня jus, juris, черезъ посред-

ство средневѣковаго, латинскаго слова jurista, что значитъ, относящійся къ юристу, слѣд., къ изучающему и слѣд., имѣетъ субъективное значеніе, между тѣмъ какъ прилагательное юридическій значитъ собственно относящійся къ праву, какъ къ своему предмету, слѣд., имѣетъ объективное значеніе. Но такъ какъ наша наука есть сама по себѣ объектъ, то ей нѣтъ дѣла до того, кто ее изучаетъ, а потому, изъ этихъ 2-хъ названій: - названіе юридическій болѣе вѣрно, чѣмъ названіе юристическій.

Л. 10 Въ заключеніе критическаго разбора втораго рода собственныхъ названій для нашей науки, я считаю необходимымъ упомянуть о томъ особенномъ значеніи, въ которомъ названіе „энциклопедіи права" употреблено въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ нашихъ университетовъ, 63-го года, и которое так. обр. является у насъ теперь однимъ изъ оффиціальныхъ названій, частью по крайней мѣрѣ и для нашей науки, а именно составители этого устава употребили такое названіе „энциклопедія права" въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно нигдѣ никогда не употреблялось и до сихъ поръ не употребляется, а именно: уставъ отнесъ у насъ къ одной и той же каѳедрѣ двѣ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя науки, т. е. энциклопедію, какъ энциклопедію юридич. и политич. наукъ и такъ наз. исторію философіи права. Соединивши это, однимъ этимъ наукамъ, вмѣстѣ взятымъ, придали общее названіе энциклопедіи права. Не участвуя вовсе въ составленіи этого устава, я не могу съ полной достовѣрностью указать, почему составители этого устава придали 2-мъ отдѣльнымъ наукамъ, такое именно названіе, а не

какое-нибудь другое; я могу предложить здѣсь только свою догадку, а именно слѣдую. Въ прежнемъ Уставѣ (1833 г.) наша наука была названа Энциклоп. законовѣдѣнія, (но такъ, что въ составъ ея была внесена, между прочимъ, и Исторія филос. Права), какъ это особенно явствуетъ изъ сочиненія подъ этимъ заглавіемъ (Энцик. Законовѣдѣнія) Неволина. Вотъ, составители новаго Устава замѣнили это названіе, бывшее прежде оффиціальнымъ другимъ названіемъ, а именно Энцикл. Права, въ томъ смыслѣ, что въ нее входитъ и наша наука, преподаваемая на 1мъ курсѣ, такъ назыв. Новымъ Уставомъ Энциклопедія юридич. и политич. наукъ и, преподаваемая съ недавнихъ поръ, на 4мъ курсѣ Исторія философіи Права. Объ этомъ названіи, общимъ для этихъ обѣихъ наукъ, совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ, я могу только сказать, что оно избрано весьма неудачно, ибо оно противно сущности науки. Пожалуй, наша наука можетъ б. названа и часто назыв. Энцикл. Права, но никакъ нельзя назвать этимъ-же именемъ и Исторію Философіи Права. Двѣ указанныя науки, совершенно отдѣльныя и самостоятельныя, угодно было составителямъ Устава приписать, такъ сказать, къ одной и той-же каѳедрѣ. На это они имѣли конечно полное право, какъ „составители" Устава но это обстоятельство никакъ не уполномочивало ихъ назвать „Энциклопедіею Права не только нашу науку, но и Исторію Фил. Права, которая никакъ не подходитъ подъ Энциклопедію.

Названія 3го рода, какъ особенное название для нашей науки, особенно употребительныя, суть: Энциклопедія Государственныхъ и Политич. наукъ, Энцикл. Законовѣд.

денія и Политическая Энциклопедія. Всѣ эти названія обыкновенно употребляются без различно, одно вмѣсто другаго, какъ синонимы, почему мы и составили изъ нихъ одну и ту-же группу, а именно, всѣми ими ограничивается наша наука въ томъ смыслѣ, что будто она должна имѣть своимъ предметомъ только государство а не право и не общество въ тѣсномъ смыслѣ, что противно сущности нашей науки. Однако-же, строго говоря, каждое изъ этихъ названій имѣетъ и свой особенный оттѣнокъ. Такъ, названіемъ Энциклопедія государств. и политич. наукъ выражается собственно, что предметы ея суть государств. и политич. науки въ отдѣльности, но это противно сущности нашей науки, какъ единой, цѣлостной системы. Такъ, названіемъ Энциклопедія Государствовѣдѣнія выражается, что предметъ ея есть государство~~вѣдѣніе~~, какъ одно цѣлое, въ смыслѣ особенной области наукъ (государств. или политическихъ), но никакъ не выражается, что предметъ ея есть вмѣстѣ съ тѣмъ и государство. Такъ, названіемъ Политическая Энциклопедія, какъ и двумя первыми названіями исключаются изъ предмета нашей науки и право и общество въ тѣсн. смыслѣ, что также противно сущности нашей науки.

4го рода собственныя названія, особенно употребительныя для нашей науки, суть: Энциклоп. юридическихъ и политич. наукъ юридикополитич. Энциклопедія, юридическая и политическая Энциклопедія. Эти названія употребляются безразлично, одно за другое, какъ синонимы, почему мы и составили изъ нихъ одну группу, но, строго говоря, есть также и между ними разница. Такъ, изъ нихъ первое названіе Эн-

циклопедія юридическихъ и политич. наукъ употребляется въ нынѣ дѣйствующ. Уставѣ, какъ оффиціальное названіе, которое замѣнило прежнее названіе „Энциклопедія Законовѣдѣнія". Этимъ названіемъ выражается, что будто предметы нашей науки суть: юридич. и политич. науки, а не самое право и государство и притомъ не самое общество въ тѣсн. смыслѣ, какъ будто-бы оно не есть предметъ нашей науки. Что касается 2-хъ остальныхъ названій, нами приведенныхъ т.е. Юридико-политич. Энциклопедія и юридич. и Политич. Энциклопедія, то эти названія конечно полнѣе и точнѣе перваго, ибо этими названіями выражается, что предметъ нашей науки - есть право и слѣдов., и Правовѣдѣніе, какъ наука о правѣ, есть и государство, а слѣдов., и наука о государствѣ; но этимъ названіемъ исключается также общество въ тѣсномъ смыслѣ, что составляетъ также существенный предметъ нашей науки.

Наконецъ 5-й и послѣдній родъ, особенно употребительныхъ названій для нашей науки, составляютъ слѣдующія названія: <u>Энцикл. Соціальныхъ и политич. наукъ и Соціальная и политич. Энциклопедія</u>. Эти 2 названія могутъ б. употреблены одно за другое, какъ синонимы, почему мы и образовали изъ нихъ особенную группу; но также и объ этихъ названіяхъ слѣдуетъ сказать, что строго говоря, есть и между ними разница. Такъ, первымъ названіемъ Энциклоп. Соціальныхъ и Политическихъ наукъ выражается, что будто-бы наша наука имѣетъ предметомъ своимъ только соціальныя и политическія науки, и притомъ въ отдѣльно-

сти, но не самое общество въ тѣсномъ смыслѣ и не государство. Другое названіе, Соціальная и Политич. Энциклопедія полнѣе и точнѣе перваго, ибо имъ выражается, что предметъ нашей науки есть общество въ тѣсн. смыслѣ, а слѣдов., и обществовѣденіе въ тѣсномъ смыслѣ, какъ особенная отрасль наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государство, а слѣдов. и государствовѣденіе, тоже какъ особенная отрасль науки притомъ въ ихъ единствѣ, въ связи. Но оба эти названія имѣютъ тотъ, общій имъ недостатокъ, что ими исключается право, между тѣмъ какъ и оно есть также существ. предметъ нашей науки.

Вотъ всѣ особенно употребительныя нынѣ названія для нашей науки, какъ названія собственныя. Изъ нихъ вы видите, что одни изъ нихъ полнѣе, точнѣе и вѣрнѣе, относительно другихъ, но вы видите также, что два изъ нихъ, болѣе всѣхъ другихъ полныя, точныя и вѣрныя, относительно, и именно 1, Юридическая и Политическая Энциклопедія и во 2, Соціальная и Политическая Энциклопедія. Онѣ еще не совсѣмъ полныя, точныя и вѣрныя, потому что первымъ изъ этихъ названій исключается общество въ тѣсн. смыслѣ, а вторымъ - исключается право, между тѣмъ какъ и право и общество въ тѣсномъ смыслѣ, и государство д. быть предметомъ нашей науки, потому что право не мыслимо, не возможно, есть небылица безъ общества, въ тѣсн. смыслѣ, а общество, въ тѣсн. смыслѣ, развиваясь, восходитъ къ государству. Вотъ почему нельзя удовольствоваться вообще не однимъ изъ приведенныхъ мною названій, преподаваемой нашей науки, а необходимо назвать ее такъ, чтобы ее названіемъ выражался вполнѣ точ-

но и вѣрно, весь предметъ и все содержаніе на-
шей науки, разумѣется на столько, на-
сколько это можетъ б. выражено въ самомъ
уже названіи, пот. что всякое названіе по
своей сущности, есть небольше, какъ осо-
бенное обозначеніе словомъ или словами
внутрен. сущности предмета, слѣдов., ни-
гд, никогда, никакое названіе, не можетъ
представлять совершенной, абсолютной
полноты, точности и вѣрности, какая
представляется единственно только стро-
гологическимъ или реальнымъ опредѣленіемъ
науки. Однако-же, для возможно полнаго,
точнаго и вѣрнаго названія нашей нау-
ки, относительно къ другимъ названіямъ,
полнѣйшія, точнѣйшія и вѣрнѣйшія мо-
гутъ служить матеріаломъ или посо-
біемъ. Такъ, два изъ особенно употреби-
тельныхъ названій для нашей науки,
которыя оказались болѣе другихъ пол-
ными, точными и вѣрными, а именно во
1, Юридич. и политическая Энциклопедія
и 2, Соціальная и Политич. Энцикл., мо-
гутъ служить такимъ матеріаломъ:
стоитъ только исключить въ нихъ повто-
реніе одного и того-же слова, а именно, сло-
во „политическій", а затѣмъ соединить
эти названія и такимъ образ. мы полу-
чимъ слѣдующ. названіе для нашей нау-
ки: Юридическая, Соціальная и Полити-
ческая Энциклопедія. Это названіе есть
относительно наиболѣе полное, точное и
вѣрное для нашей науки. Въ самомъ дѣ-
лѣ, въ такомъ названіи выражается, на-
сколько вообще можетъ б. выражено, ка-
кимъ-бы то нибыло названіемъ, вполнѣ
точно и вѣрно, весь предметъ и все содер-
жаніе нашей науки, какъ онъ опредѣле-
нъ нами прежде, пот. что такимъ наз-
ваніемъ выражается, что 1, предметомъ

нашей науки должны быть: Право, возводимое къ Правовѣдѣнію, почему наша наука есть Юридич. Энциклопедія, - общество въ тѣсномъ см., возводимое къ обществовѣдѣнію въ тѣсн. смыслѣ, почему наша наука есть также и Общественная или Соціальная въ тѣсн. смыслѣ и наконецъ есть государство, возводимое къ государствовѣдѣнію, почему наша наука есть наконецъ также и Политич. Энциклопедія. Во 2хъ, въ названіи нашей науки „Юридич., Соціальн. и Политич. Энциклопедія", ясно выражается, что предметъ нашей науки есть право, общество въ тѣсн. смыслѣ, и государство и, что эти предметы должны б. разсматриваемы въ нашей наукѣ не въ разъединеніи, а въ единствѣ, т.е. какъ одно всецѣлое или во всецѣлости, а слѣдов., если они должны быть такъ разсматриваемы, то они д. быть разсматриваемы также во всеобщности, всесторонности и всеобъемлемости, потому что разсматривать предметъ во всецѣлости можно только тогда, когда мы беремъ разсматривать его во всеобщности, всесторонности и всеобъемлемости. Но прежде мы указывали, что разсмотрѣніе права, общества въ тѣсн. смыслѣ и государства во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости и составляетъ содержаніе нашей науки отличие отъ содержанія прочихъ однопредметн. съ нею наукъ и, что для такого разсмотрѣнія необходима генетическая метода изложенія нашей науки, какъ единственно, вполнѣ соотвѣтствующая предмету и содержанію нашей науки. Слѣдов., названіе нашей науки, Юридич., Соціальная и Политич. Энциклопедія, съ возможною конечно для названія полнотою, точностью и вѣрностью, выражаетъ

и весь предметъ нашей науки и всё ея отличительное содержаніе и даже методы ея изложенія. Но предметъ, содержаніе и метода нашей науки составляютъ вмѣстѣ взятыя, ея особенность, ея понятіе, внутреннее такъ сказать, въ ней, и это внутреннее выражено нами въ строго логическомъ, реальномъ опредѣленіи нашей науки. Отсюда слѣдуетъ, что въ названіи нашей науки, Юридич. Социальн. и Политич. Энц., ясно выражается не только внутреннимъ, но и внѣшнимъ образ., конечно по возможности, тоже самое, что выражается внутреннимъ образ., въ строго логическомъ, реальномъ опредѣленіи нашей науки. Поэтому, названіе для нашей науки, Юридич., Социальн. и Политич. Энциклопедія, есть такое названіе, которое по возможности соотвѣтствуетъ опредѣленію нашей науки, въ строгомъ см. этого слова. На такомъ-то основ. и въ этомъ-то смыслѣ мы и называемъ нашу науку Юридич., Социальн. и Политич. Энциклопедіей, такъ что наша наука должна излагать юридич., социальную и политич. науку вмѣстѣ, въ единствѣ. Но если мы при изложеніи нашей науки, будемъ имѣть въ виду право, какъ единственно исключительный ея предметъ, такъ что общество, въ тѣсномъ см. этого слова, и государство б. разсматривать не самихъ въ себѣ, а лишь на столько, на сколько проявляется въ нихъ (въ обществѣ и государствѣ) право, то въ такомъ случаѣ мы можемъ назвать нашу науку, пожалуй, и просто Юридич. Энциклопедiею, какъ она въ самомъ дѣлѣ и назыв. обыкновенно въ сочиненіяхъ тѣхъ излагателей, которые разсматриваютъ, такимъ образ., право въ обществѣ, въ тѣсн. смыслѣ, и въ государствѣ.

Вообще, юристы, какъ юристы и не могутъ иначе излагать и изучать нашей науки, какъ именно такимъ образ.; чтобы разсматривать право, если не какъ единственный, исключительный, то по крайней мѣрѣ, какъ главный предметъ, а общество въ тѣсн. смыслѣ и государство съ точки зрѣнія права или съ юридич. точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать то, что предметъ нашей науки есть право въ обществѣ и государствѣ и потому можно назвать нашу науку просто Юридич. Энциклопедіей. Но нынѣ дѣйствующій уставъ, 63 года, обязываетъ преподавать нашу науку въ нашихъ университетахъ, какъ Энциклопедію не только юридическихъ, но и политическихъ наукъ, а потому, преподаватель этой науки обязанъ разсматривать не только исключительно, единственно одно право, но и государство и даже не преимущественно право, но столько-же право сколько и государство. Поэтому наша наука не м. б. названа только Юридич. Энцикл., а должна б. названа и Политич. Энциклопедіею. Излагая-же нашу науку, какъ Энциклопедію юрид. и Политич. наукъ, современный излагатель не можетъ обойтись безъ того, чтобы не излагать нашей науки вмѣстѣ и какъ Соціальной Энциклопедіи, въ тѣсн. смыслѣ слова, т. е., какъ имѣющей предметомъ своимъ общество, въ тѣсн. смыслѣ, пот. что, въ наше особенно время, съ одной стороны общество, въ тѣсномъ см. слова, отличается отъ государства, а съ другой стороны общество, въ обширн. смыслѣ, неразрывно разсматривается съ государствомъ, составляя одинъ изъ его существ. элементовъ, какъ государств. общество. Въ обществѣ,

въ тѣсномъ смыслѣ, какъ отличномъ отъ государства, также проявляется право, какъ оно проявляется и въ государствѣ. Поэтому не возможно въ наше время разсматривать право, не обращая вниманія на общество въ тѣсномъ смыслѣ, и слѣдов., не возможно излагать нашу науку только какъ Юридическ. Энциклопедію, безъ Соціальной Энциклопедіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, такъ какъ общество, въ тѣсн. смыслѣ, есть существенный элементъ государства, то не возможно разсматривать и государства, не обращая вовсе вниманія на общество, въ тѣсн. смыслѣ слова и слѣдоват., не возможно излагать въ наше время нашей науки только какъ Политической Энциклопедіи, безъ Соціальной Энциклопедіи въ тѣсн. смыслѣ. Вотъ почему преподаватель нашей науки будучи обязанъ уставомъ излагать ее, какъ Энциклопедію Юридич. и Политич. наукъ, что выражается въ названіи, употребленномъ для нашей науки въ уставѣ, т.е. и какъ Юридическ. и какъ Политич. Энциклопедію, тѣмъ самымъ обязывается въ наше время излагать ее и какъ Соціальную Энциклопедію, въ тѣсн. смыслѣ слова. Вотъ, въ этомъ смыслѣ и значеніи наша наука м. б. названа Юридической, Соціальн. и Политич. Энциклопедіей и вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать, что предметъ нашей науки есть право въ обществѣ и государствѣ и вообще вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ опредѣлить нашу науку, какъ мы ее уже опредѣляли, а именно, что она есть Юридич., Соціальн. и Политич. наука, разсматривающая генетически право въ обществѣ и государствѣ вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло. Но спраши

Литографія А. Степановой (Садовая ул. д. №...)

вается, нельзя-ли замѣнить такое длинное названіе нашей науки (юридич., соціальн. и политич. Энц.) болѣе краткимъ названіемъ? Можно, а именно, назвавъ ее просто Соціальной Энциклопедіей; но, называя её такъ, нужно придать слову соціальной обширный смыслъ, въ какомъ это слово употребляется нынѣ, когда говорятъ напр., о соціальныхъ наукахъ вообще или о наукахъ общественныхъ вообще, т.е., когда подъ соціальными или общественными науками разумѣютъ всѣ вообще науки, имѣющія предметомъ своимъ человѣческое общество, въ обширн. смыслѣ этого слова и входящія въ составъ особенной области науки, отличной отъ прочихъ областей наукъ, каковы напр., естественныя науки и другія. Эту особенную область наукъ называли сначала Соціологіею, но потомъ увидѣвши, что въ такомъ названіи соединяются 2 слова, изъ которыхъ одно латинское (societas - общество въ усѣченной формѣ socio), а другое греческое (λόγος, слово, рѣчь, о чемъ говорится); такъ что все это сложное слово значитъ, слово объ обществѣ и, принявши во вниманіе, что ни въ одно изъ употребительныхъ названій, для какой-бы то ни было науки, никогда не входятъ слова, взятыя изъ двухъ различныхъ языковъ, стали называть всю эту особенную область наукъ просто соціальными или общественными науками, но, употребляя здѣсь слово общество, уже не въ тѣсномъ смыслѣ, т.е. не въ смыслѣ, отличномъ отъ государства, а въ самомъ обширномъ смыслѣ, т.е. въ смыслѣ человѣческаго общества вообще, въ составъ котораго входитъ и общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство, только какъ одна изъ формъ человѣческаго общества. Если мы

такъ поймемъ соціальную или общественную науку, то въ ея составъ можно ввести и нашу науку и назвать ее въ этомъ смыслѣ просто Соціальною Энциклопедіей, - какъ одну изъ всѣхъ тѣхъ соціальныхъ наукъ, которыя, будучи вмѣстѣ взятыя, образуютъ общественную или соціальную науку. Мы можемъ назвать нашу науку Соціальной Энциклопедіей именно потому, что предметъ ея есть также человѣческое общество, въ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ и предметъ соціальныхъ наукъ, въ смыслѣ особенной области наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметъ нашей науки есть право въ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и въ государствѣ. Изъ нихъ общество, въ тѣсн. смыслѣ, и государство суть особенныя формы человѣческаго общества, въ обширн. см. слова, а право есть одна изъ сторонъ жизни этого общества, въ обширномъ см. слова, а именно юридическая сторона, юридическій элементъ этой жизни. Слѣдов., въ этомъ смыслѣ можно сказать, что наша наука имѣетъ своимъ предметомъ общество, а слѣдов., она есть соціальная наука, въ обширномъ смыслѣ слова. Въ этомъ-то именно смыслѣ она въ самомъ дѣлѣ можетъ б. названа Соціальною Энциклопедіей, въ обширномъ смыслѣ слова.

Такъ мы сдѣлали опредѣленіе и названіе нашей науки. Въ непосредственной прямой связи съ предметомъ и содержаніемъ нашей науки, со способами или методами ея изложенія, съ обусловливаемыми ими ея опредѣленіемъ и названіемъ, слѣдов., со всѣмъ тѣмъ, что разсматривалось нами въ пройденныхъ нами 3-хъ существенныхъ частяхъ введенія, находится раздѣленіе нашей науки на части, что должно быть

разсматриваемо въ слѣд. затѣмъ непосредственно существ., составной части введенія въ нашу науку. Эта непосредственная, прямая связь ихъ обозначается тѣмъ, что предметомъ и содержаніемъ науки (о чемъ говоритъ 1-ая часть) съ соотвѣтствующею имъ формою, которую передаетъ имъ способъ или метода изложенія (о чемъ говоритъ 2-ая часть) выражающимися въ опредѣленіи и названіи нашей науки (о чемъ говоритъ 3-я часть) обусловливается то, что назыв. въ логикѣ объемомъ понятія вообще, а именно, здѣсь объемомъ понятія науки, именно ея составомъ, а этотъ объемъ или составъ раскрывается не въ чемъ иномъ, какъ въ раздѣленіи науки на ея части, что потому и должно б. разсматриваемо въ непосредственно слѣдующей за симъ 4-ой части введенія. Такъ мы логически переходимъ къ раздѣленію нашей науки на части, которое д. б. разсматриваемо въ слѣдующ.: 4-ой части введенія. Итакъ,

IV.

Раздѣленіе нашей науки на части.

Изъ частей, на которыя раздѣляется наука вообще, однѣ части суть главныя, какъ ихъ обыкновенно называютъ, собственно части, а другія части суть ничто иное, какъ подраздѣленіе этихъ главныхъ частей; ихъ называютъ различнымъ образомъ, а мы назовемъ ихъ отдѣлами частей, дальнѣйшее подраздѣленіе которыхъ будутъ главы. Но, во введеніи въ нашу науку мы остановимся на раздѣленіи ея только на главныя части или собственно на части и затѣмъ на подраз-

дѣленіе каждой части на ея отдѣлы. О подраздѣленіи каждаго отдѣла на главы мы будемъ говорить уже при изложеніи каждаго отдѣла въ особенности, потому что подраздѣленіе каждаго отдѣла на главы не имѣетъ само собою того общаго, какое имѣютъ сами собою части и отдѣлы. Чтобы говорить о раздѣленіи науки на главы нужно было-бы провести и дальнѣйшее дѣленіе во введеніи, т. е. раздѣлить главы на части, а эти части опять на части и т. д., пока не будетъ наконецъ исчерпано все содержаніе науки. Но исчерпать все содержаніе науки не есть уже дѣло введенія, а изложенія самой науки. И такъ, подъ словомъ, раздѣленіе науки на части, мы разумѣемъ раздѣленіе ея на собственно такъ назыв. части или на главныя части, а затѣмъ подраздѣленіе каждой изъ этихъ частей на ея части, т. е. на отдѣлы, но не далѣе. Что разсматриваніе раздѣленія науки на такія части есть уже 4ая существ. составная часть введенія въ науку — это видно изъ того, что такое раздѣленіе вытекаетъ изъ сущности нашей науки, состоящей въ ея предметѣ и содержаніи и методѣ ея изложенія, выражаемыхъ въ ея опредѣленіи и названіи.

Разъяснивъ и оправдавъ такимъ образ. заглавіе этой части, какъ 4ой существенной составной части введенія въ науку вообще, мы можемъ теперь обратиться къ самому раздѣленію собственно нашей науки на части. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ легко замѣтить, что въ различныхъ сочиненіяхъ, излагающихъ нашу науку, она дѣлится вообще на главн. части, которыя затѣмъ подраздѣляются на свои части и т. д. различнымъ образомъ, столь своеобразнымъ, что можно сказать, что столько есть раз-

личныхъ дѣленій и подраздѣленій нашей науки, сколько есть различныхъ сочиненій, излагающихъ нашу науку. Однако же по крайней мѣрѣ должны б. и какія-нибудь общія основанія дѣленія и подраздѣленія нашей науки въ томъ смыслѣ, что для всякаго излагателя нашей науки основаніемъ ея дѣленія и подраздѣленія всегда служитъ какъ представленіе излагателя о предметѣ и содержаніи нашей науки, такъ и опредѣленный имъ способъ изложенія, равно какъ и опредѣленіе и названіе, въ которомъ выражается или которымъ обусловливается дѣленіе и подраздѣленіе нашей науки на части. Такъ и мы на основаніи того, какъ мы опредѣлили предметъ и содержаніе нашей науки и форму или методу ея изложенія, выражающіяся въ опредѣленіяхъ и названіяхъ, раздѣляемъ нашу науку на слѣдующ. 4 главныя части или собственно части: часть 1ая Право; часть 2ая - Общество, въ тѣсн. смыслѣ; часть 3ая - Государство; часть 4ая - Право общества и государства, въ ихъ связи, въ единствѣ. Оправдаемъ такое дѣленіе нашей науки, т. е. покажемъ, почему мы дѣлимъ ее на 4 части и почему мы ставимъ эти части въ такомъ, а не другомъ порядкѣ, а также разъяснимъ заглавія, которыя мы употребили для обозначенія этихъ частей.

11 Л. 27 С. Мы уже прежде сказали, что предметъ нашей науки есть право въ обществѣ и государствѣ, но право, общество въ тѣсн. смыслѣ и государство суть не тождественныя, а различныя понятія, вслѣдствіе чего необходимо разсмотрѣть каждое само по себѣ. Вотъ почему мы и разсматриваемъ ихъ въ 3хъ частяхъ, а именно: въ первой части - право, во 2й общество въ тѣсномъ смыслѣ, а въ 3ей государство. Но право, общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство, хотя и суть

различныя понятія, однако-же такія, которыя состоятъ между собою въ тѣснѣйшей самой близкой связи. Это и выразили мы, сказавъ, что предметъ нашей науки есть право въ обществѣ и государствѣ. Это и значитъ, что наша наука должна разсматривать право, общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство въ ихъ связи или единствѣ, какъ одно всецѣлое, послѣ того, какъ они будутъ разсмотрѣны отдѣльно сами по себѣ въ первыхъ 3хъ частяхъ, слѣдов., необходима еще 4 часть нашей науки, которая должна разсматривать эти три различныя, но состоящія между собою въ тѣснѣйшей связи понятія. Вотъ почему не можетъ быть ни болѣе ни менѣе этихъ 4хъ главныхъ частей нашей науки - не болѣе, потому что право, общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство въ ихъ связи, единствѣ и составляетъ весь предметъ и все содержаніе нашей науки, такъ что нѣтъ такого предмета, который-бы относился къ нашей наукѣ и не разсматривался бы въ 4хъ указанныхъ частяхъ, - не менѣе, потому что все это безъ всякаго исключенія наша наука должна разсматривать, т. е. право въ обществѣ и государствѣ. Но мы сказали уже прежде, что наша наука должна разсматривать свой предметъ т. е. право въ обществѣ и государствѣ вообще всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, ибо иначе она не можетъ б. отличена своимъ содержаніемъ отъ содержанія однопредметн. съ нею наукъ. Поэтому, если-бы мы захотѣли озаглавить эти 4 части отдѣльно, то мы должны были бы прибавить къ каждому сказанному заглавію еще то, чѣмъ опредѣляется особенное содержаніе нашей науки, т. е. мы должны были-бы сказать: часть 1ая право вообще, разсматриваемое со всѣхъ его сторонъ во всемъ

его объемѣ и какъ одно всецѣлое; часть 2-ая общество вообще, разсматриваемое со всѣхъ его сторонъ во всемъ его объемѣ и какъ одно всецѣлое; часть 3-я — государство вообще, разсматриваемое со всѣхъ его сторонъ во всемъ его объемѣ и какъ одно всецѣлое, наконецъ часть 4-ая право, общество и государство въ ихъ связи также вообще, со всѣхъ ихъ сторонъ во всемъ ихъ объемѣ и какъ одно всецѣлое. Но въ виду сокращенія такихъ длинныхъ заглавій, во избѣжаніе излишнихъ повтореній мы можемъ отбросить эти ближайшія обозначенія частей нашей науки и удовольствоваться только тѣмъ, что эти обозначенія подразумѣваются нами, вслѣдствіе чего мы и озаглавимъ эти части такъ: Часть 1-ая право, часть 2-ая общество въ тѣсномъ смыслѣ, часть 3-я государство и часть 4-ая право, общество и государство въ ихъ связи.

Но спрашивается, почему-же мы ставимъ указанныя части въ такомъ, именно, а не въ другомъ порядкѣ? Это мы дѣлаемъ на томъ основаніи, что право, составляющее предметъ первой части, ни въ чемъ иномъ не осуществляется, какъ въ обществѣ, составляющемъ предметъ второй части, а общество въ тѣсномъ смыслѣ, развиваясь, восходитъ къ государству, составляющему по-этому предметъ 3-ей части, а такъ какъ право, общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство, хотя и суть различныя понятія, но состоятъ между собою въ связи или единеніи, то они вмѣстѣ и составляютъ предметъ 4-ой и послѣдней части. И такъ, разсматриваніе права должно стоять на первомъ мѣстѣ, должно составлять предметъ первой части, разсматрива-

ніе общества, въ которомъ право осуществляется, должно стоять на второмъ мѣстѣ, должно составлять предметъ 2-ой части; разсматриваніе государства, къ которому общество въ тѣсномъ см., развиваясь, восходитъ, должно стоять на третьемъ мѣстѣ и составлять предметъ 3-ей части, и наконецъ разсматриваніе права, общества въ тѣсномъ см. и государства въ ихъ единствѣ должно стоять на 4-мъ и послѣднемъ мѣстѣ и такимъ образомъ должно составлять предметъ 4-ой и послѣдней части.

Каждая такая часть нашей науки подраздѣляется еще на свои части, которыя мы назвали отдѣлами. Какіе-же это отдѣлы? Каждая часть нашей науки должна быть подраздѣлена на 3 отдѣла не больше и не меньше и притомъ такъ, чтобы отдѣлы каждой части находились-бы между собою во взаимномъ соотвѣтствіи, а именно такъ, чтобы первый отдѣлъ первой части соотвѣтствовалъ-бы первымъ отдѣламъ прочихъ частей, второй отдѣлъ первой части соотвѣтствовалъ-бы вторымъ отдѣламъ прочихъ частей и т. д.. Такое взаимное соотвѣтствіе обусловливается тѣмъ, что есть ~~нѣчто~~ общее для всѣхъ первыхъ отдѣловъ, общее для всѣхъ 2-хъ отдѣловъ, общее для всѣхъ 3-хъ отдѣловъ, ~~и общее для всѣхъ 4-хъ отдѣловъ~~ каждой части, общее между собою потому что этими отдѣлами приводится въ исполненіе тотъ способъ изложенія нашей науки, который мы признали единственно соотвѣтствующимъ взгляду ея предмету и содержанію или единственную методу изложенія нашей науки въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это и

есть такъ назыв. метода генетическая или иначе развивающая; ею выражается созданный человѣчествомъ генесисъ самого предмета и содержанія нашей науки. Генесисъ, какъ мы сказали, чего-бы то ни было, непремѣнно начинается съ отправной точки предмета, продолжается, какъ и его постепенное, поступательное, прогрессивное развитіе въ смыслѣ генетическаго развитія и заканчивается его исходной точкой или исходомъ. Точно такимъ-же образомъ, происходитъ и генесисъ нашей науки, т.е. ея предмета и содержанія, а именно, она начинается съ ихъ отправной точки, продолжается какъ ихъ постепенное, прогрессивное генетическое развитіе и заканчивается ихъ исходной точкой или исходомъ. Вотъ почему каждая часть нашей науки должна быть подраздѣлена не болѣе, не менѣе, какъ на три отдѣла, соотвѣтствующіе тремъ сторонамъ генетическаго развитія или генезиса. Изъ этихъ отдѣловъ въ первыхъ отдѣлахъ каждой части должно сказать объ отправной точкѣ предмета и содержанія каждой части. Эта отправная точка назыв. въ наукѣ принципомъ, а такъ какъ принциповъ бываетъ много, то отправныя точки называются принципами. Принципы эти въ первой части суть опредѣленія даннаго предмета. Поэтому въ первомъ отдѣлѣ первой части слѣдуетъ сказать о принципахъ и опредѣленіяхъ права, въ первомъ отдѣлѣ второй части — о принципахъ и опредѣленіяхъ общества въ тѣсн. смыслѣ; въ первомъ отдѣлѣ 3-ей части о принципахъ и опредѣленіяхъ государства и наконецъ въ первомъ отдѣлѣ 4-ой и послѣдней части слѣдуетъ ска-

зать о принципахъ права, общества въ тѣсномъ смыслѣ, и государства въ ихъ связи. Затѣмъ во вторыхъ отдѣлахъ также каждой части должно разсматривать самое развитіе ихъ предмета и содержанія, какъ генетическаго развитія; а потому во 2мъ отдѣлѣ первой части слѣдуетъ разсматривать развитіе права; во 2мъ отдѣлѣ второй части — развитіе общества въ тѣсномъ смыслѣ, во 2мъ отдѣлѣ 3й части — развитіе государства и наконецъ во 2мъ отдѣлѣ 4й части развитіе права, общества и государства въ ихъ связи или единствѣ. Наконецъ исходною точкою предмета и содержанія каждой части нашей науки служитъ соотвѣтствующая этому предмету и содержанію, опредѣленному въ заглавіи, область наукъ, къ которой именно, и возводится предметъ и содержаніе данной части. На этомъ основаніи въ третьемъ отдѣлѣ первой части слѣдуетъ сказать о возведеніи права къ правовѣдѣнію, какъ особенной области наукъ, въ 3мъ отдѣлѣ 2й части — о возведеніи общества въ тѣсномъ смыслѣ къ обществовѣдѣнію въ тѣсн. смыслѣ; въ третьемъ отдѣлѣ 3й части — о возведеніи государства къ государствовѣдѣнію, какъ особенной области наукъ, какъ къ своему исходу и наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ 4й и послѣдней части — о возведеніи права, общества въ тѣсномъ смыслѣ и государства въ ихъ связи или единствѣ къ правовѣдѣнію, обществовѣдѣнію въ тѣсн. смыслѣ и государствовѣдѣнію также въ ихъ связи или единствѣ или, выражаясь короче, къ обществовѣдѣнію въ обширномъ смыслѣ или къ соціальной наукѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы прежде его опредѣ-

лили.

Теперь мы можемъ уже представить въ табличной формѣ все раздѣленіе нашей науки на ея части, какъ главныя части и подраздѣленія каждой изъ этихъ частей на свои отдѣлы. А именно такимъ образомъ:

Часть 1-ая

Право.

Отдѣлъ I-ый

Принципы и опредѣленія права.

Отдѣлъ II-ой.

Развитіе (конечно, генетическое) права.

Отдѣлъ III-ій.

Возведеніе права къ правовѣденію.

Часть 2-ая

Общество въ тѣсномъ смыслѣ.

Отдѣлъ I-й.

Принципы и опредѣленія общества въ тѣсномъ смыслѣ.

Отдѣлъ II-й

Развитіе общества въ тѣсн. смыслѣ

Отдѣлъ III.

Возведеніе общества въ тѣсн. смыслѣ

къ обществовѣдѣнію. —

Часть 3-я.

Государство

Отдѣлъ I.

Принципы и опредѣленія государсва.

Отдѣлъ II.

Развитіе государства

Отдѣлъ III.

Возведеніе государсва къ государсвовѣдѣнію.

Часть 4-ая.

Право, общество въ тѣсномъ смыслѣ и государство въ ихъ связи или единствѣ.

Отдѣлъ I

Принципы и опредѣленія права, общества въ тѣсн. смыслѣ и государсва въ ихъ связи или единствѣ.

Отдѣлъ II.

Развитіе права, общества въ тѣсн. смыслѣ и государства въ ихъ связи или единствѣ.

Отдѣлъ III.

Возведеніе права, общества въ тѣсномъ смыслѣ и государства въ ихъ связи или единствѣ къ правовѣдѣнію, обществовѣдѣнію

въ тѣсномъ смыслѣ и государствовѣдѣнію въ ихъ связи, или единствѣ или, однимъ словомъ, къ обществовѣдѣнію въ обширномъ смыслѣ или къ соціальной наукѣ вообще.

Этимъ раздѣленіемъ нашей науки на ея части и на отдѣлы этихъ частей можно-бы, по видимому, заключить всю эту 4ую часть введенія, но съ раздѣленіемъ нашей науки на части находится въ ближайшей непосредственной связи: 1, раздѣленіе нашей науки не на части, а на особенныя ученія или даже особенныя науки, изъ которыхъ одна назыв. энциклопедіей въ собств. смыслѣ, а другая методологией; 2, раздѣленіе нашей науки хотя также не на части, но все таки раздѣленіе и потому оно находится въ связи съ разсматриваемымъ нами раздѣленіемъ на виды ея, т.е. на тѣ формы которыя принимаютъ въ сочиненіяхъ по части нашей науки. Такихъ формъ нашей науки есть три, а именно, во 1хъ, - формальная или внѣшняя энциклопедія, во 2хъ, материальная или внутренняя энциклопедія и въ 3хъ, такъ назыв. смѣшанная или точнѣе смешная энциклопедія. Вотъ почему мы должны сказать въ этой части введенія не только о раздѣленіи нашей науки на части, но и о такого рода дѣленіяхъ. Итакъ,

1, Раздѣленіе нашей науки на энциклопедію въ собственномъ смыслѣ и на методологію.

Значеніе энциклопедіи въ собственномъ см. не можетъ б. при такомъ раздѣленіи иначе опредѣлено, какъ отрицательно, т.е. послѣ того, какъ будетъ опредѣлено значеніе методологіи. Подъ методологией въ обширномъ

смыслъ разумѣется то особенное ученіе или даже та особенная наука, которая разсматриваетъ методы въ обширномъ смыслѣ, или способы вообще и притомъ не только изложеніе нашей науки, но и изученіе ея содержанія, или способы, какъ обучать науки и какъ изучать её (docere et discere). То ученіе или та особенная наука, которая разсматриваетъ методы вообще или способы изложенія, изученія не только наукъ вообще, но и искусствъ, не только знанія, но и умѣнія, обыкновенно включаютъ въ составъ логики, дѣлая изъ нея особенную часть и называя ее, если даже смотрятъ на нее, какъ на особенную науку, всеобщею методологіею. Отъ этой-то всеобщей методологіи отдѣляютъ энциклопедію въ собств. тѣсн. смыслѣ, подъ именемъ всеобщей энциклопедіи, которая, такимъ образомъ, можетъ быть обозначена отрицательно, т.е. она заключаетъ въ себѣ всё, что не относится ко всеобщей методологіи. Затѣмъ то особенное ученіе, которое разсматриваетъ методы или способы изложенія и изученія не всѣхъ наукъ и искусствъ и особен. специальн. области наукъ вмѣстѣ со входящими въ составъ этой области всѣми отдѣльными специальными науками, получившими самостоятельность, назыв. специальн. методологіей, потому что это есть часть всеобщей методологіи. Такъ, есть юридическая методологія, разсматривающая способы изученія и изложенія правовѣдѣнія и входящихъ въ составъ его юридич. наукъ, есть политич. методологія, разсматривающая способы изученія и изложенія государствовѣдѣнія вмѣстѣ со входящими въ составъ его специальн. отдѣльн. науками, есть специальн. методологіи другихъ областей наукъ. Частную специальную методологію юри-

дическую и политическую часто отдѣляютъ отъ нашей науки въ смыслѣ юридич. и политической энциклопедіи вообще такъ что дѣлятъ нашу науку такимъ образ. на 2 части, изъ которыхъ одна есть юридич. методологія, излагающая способы изложенія правовѣдѣнія и въ составъ его входящихъ юридическихъ наукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ политич. методологія, разсматривающая способы изложенія и изученія государствовѣдѣнія и въ составъ его входящихъ политическихъ наукъ, какъ особенныхъ спеціальн. наукъ, а затѣмъ все остальное относятъ къ той части нашей науки, которую называютъ уже юридич. и политич. энциклопедіей въ тѣсномъ смыслѣ. Но такъ дѣлаютъ двоякимъ образомъ: или въ 1) такъ, что, какъ юридич. и политич. методологію, такъ и юридич. и политич. энциклопедію въ собственномъ см. излагаютъ въ одномъ и томъ-же сочиненіи, но каждое изъ нихъ отдѣльно въ смыслѣ главныхъ особенныхъ ученій одной и той-же науки или-же во 2хъ, дѣлаютъ и такимъ образ., что излагаютъ юридич. и политич. методологію и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ отъ юридич. и политич. энциклопедіи въ собств. смыслѣ, но во всякомъ случаѣ отдѣляютъ юридич. и политич. методологію отъ юрид. и полит. энциклопедіи въ собственномъ смыслѣ. Но какъ то, такъ и другое отдѣленіе методологіи отъ энциклопедіи противно сущности нашей науки потому что наша наука должна излагать свой предметъ во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, чѣмъ она и отличается по содержанію отъ однопредметныхъ съ нею наукъ, и между тѣмъ, если отдѣлить отъ нея то, что отдѣляется та-

кимъ образомъ для методологіи, т. е. если мы не будемъ говорить въ нашей наукѣ и о способахъ изложенія и изученія правовѣденія, обществовѣденія въ тѣсн. смыслѣ и государствовѣденія со всѣми входящими въ составъ ихъ юридич., политич. и соціальн. науками въ нераздѣльной связи съ разсматриваніемъ этихъ наукъ по ихъ предмету и содержанію, то во всякомъ случаѣ совершенно произвольно исключимъ изъ нея то, что относится къ ея содержанію и слѣдов., мы не представимъ въ такомъ случаѣ вполнѣ ея содержанія со всѣхъ его сторонъ во всемъ его объемѣ и какъ одно всецѣлое, а если мы такъ не представимъ ея содержанія, то мы не выполнимъ того требованія, кое вытекаетъ изъ самой его сущности, изъ самого его понятія. При томъ отдѣленіи способовъ изложенія и изученія науки отъ ея содержанія и не выполнимо на самомъ дѣлѣ, ибо эти способы обусловливаются, именно, ничѣмъ инымъ, какъ предметомъ и содержаніемъ нашей науки, т. е. они должны необходимо состоять съ ними въ соотвѣтствіи, а опредѣленіе даннаго предмета и содержаніе нашей науки и есть единственное основаніе, почему мы должны представить такой, а не другой способъ изложенія и изученія данной науки, почему и разрывать эти части и не возможно, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Изъ сказаннаго видно, что раздѣленіе нашей науки на энциклопедію въ собств. смыслѣ и методологію находится въ непосредственной связи съ ея раздѣленіемъ на части, потому что такое раздѣленіе есть также ничто иное, какъ раздѣленіе, хотя уже не по частямъ, но все таки раздѣленіе, а именно,

на двѣ особенныя отдѣльныя части или даже на двѣ особенныя отдѣльныя науки, изъ которыхъ одна назыв. энциклопедіей въ собственномъ см., а другая — методологіей. Но мы должны въ этой части введенія сказать и

2, о раздѣленіи нашей науки на ..., что мы можемъ назвать ея видами.

Излагатели вообще частныхъ или спеціальныхъ энциклопедій въ обширномъ смыслѣ т. е. энциклопедіи въ собственномъ см. и методологіи и между прочимъ и нашей энциклопедіи, какъ энциклопедіи юридическихъ, политич. наукъ излагали ихъ очень недавно въ одномъ изъ слѣдующихъ 3хъ видовъ, а именно, или въ видѣ такъ назыв. формальной или внѣшней энциклопедіи, или во 2хъ, въ видѣ такъ назыв. матеріальной или внутрен-ней энциклопедіи, или въ 3, въ видѣ такъ наз. смѣшанной энциклопедіи. Избирая для своихъ сочиненій по части нашей науки одинъ изъ первыхъ 2хъ видовъ, излагатели обыкновенно старались оправдать такое предпочтеніе избраннаго ими вида предъ другими. Но какъ излагатели формальной такъ и излагатели матеріальной энциклопедіи друж-но возставали противъ тѣхъ, которые излагали энциклопедію разомъ въ обоихъ видахъ и называли такое изложеніе смѣшанною энциклопедіей, въ томъ смыслѣ, что въ ней разсматривается формальн. и матеріальн. энциклопедіи, тогда какъ ихъ нужно было-бы выдѣлить. Въ этомъ смыслѣ это раздѣленіе сочиненій на-части нашей науки на сказанные три вида есть также раздѣленіе нашей науки, хотя уже не на части, а на виды.

Вотъ причина, почему мы должны сказать и о такомъ раздѣленіи нашей науки въ этой части введенія.

Формальною внѣшнею энциклопедіею называютъ такое сочиненіе по части нашей науки, которое старается опредѣлить, если не исключительно, если не единственно (такихъ сочиненій нѣтъ, пот. что этого невозможно сдѣлать), то, по крайней мѣрѣ, преимущественно только форму, внѣшній, наружный образъ правовѣдѣнія, со всѣми входящими въ составъ его науками, если это будетъ юридич. энциклопедія и государствовѣдѣніе если это будетъ политич. энциклопедія. Вотъ почему такого рода сочиненія, старающіяся опредѣлить только форму, внѣшній образъ или видъ, назыв. энциклопедіями формальн. или внѣшними. Эти сочиненія очерчиваютъ объемъ или составъ правовѣдѣнія съ внѣшн. стороны, т.е. указываютъ на такъ назыв. источники права (обычай, законодательное право и право юристовъ), на источники исторіи права, т.е. на тѣ памятники, изъ которыхъ первоначально почерпаютъ знаніе о правѣ (источниками русск. права являются, напр., Русская Правда, судебники, Улож. ц. Алексѣя Михаил. и наконецъ Сводъ законовъ), далѣе указываютъ на составныя части правовѣдѣнія, какъ извѣстн. области наукъ, каковы всѣ отдѣльн. специальн. юридич. науки и наконецъ на способы изложенія и изученія правовѣдѣнія со всѣми науками входящими въ составъ его, а въ политич. энциклопедіи способы изложенія и изученія государствовѣдѣнія (разумѣется только въ томъ случаѣ, если методологію не излагаютъ отдѣльно отъ энциклопедіи въ

въ собств. смыслѣ). Все это, на что указывается въ такихъ формальн. или внѣшнихъ энциклопедіяхъ, въ самомъ дѣлѣ не касается содержанія, матеріи самого правовѣденія или государствовѣденія, а слѣд. можно сказать что такія энциклопедіи только касаются внѣшней формы правовѣденія, внѣшняго его вида, отчего они и назыв. формальн. или внѣшними энциклопедіями. Напротивъ матеріальн. или внутрен. энциклопедіями называются такія сочиненія по части нашей науки особенно, какъ юридич. энциклопедіи, которыя, если не исключительно, если не единственно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно съ большего или меньшего краткостью и сжатостью обозрѣваютъ самое внутреннее содержаніе правовѣденіе (или государствовѣденія, если это политич. энциклопедія) со всѣми входящими его специальн. юридич. науками, слѣдов., обозрѣваютъ самую матерію въ смыслѣ внутренняго содержанія, почему такія энциклопедіи и называются матеріальными или внутренними. Такія сочиненія стараются вовсе не касаться всего того, на что исключительно, единственно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно обращаетъ вниманіе внѣшняя энциклопедія, т.е. на способъ изложенія науки, на источники науки, на источники исторіи и т.п. Но излагать въ томъ или др. видѣ нашу науку значитъ произвольно исключать изъ ея объема или состава въ смыслѣ объема какую-нибудь существенную часть его и слѣдов., значитъ разсматривать ея содержаніе не вообще, не со всѣхъ сторонъ, не всеобъемлюще и не какъ одно цѣлое, а это противно сущности нашей

науки, которая, именно, предъявляетъ такія требованія. Поэтому мы должны отвергнуть такое разъединеніе формальн. или внѣшней и матеріальн. или внутр. энциклопедіи, но мы не должны также ихъ просто только смѣшивать, какъ смѣшиваютъ ихъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя назыв. сторонниками внутрен. и внѣшн. энциклопедіи смѣшанными энциклопедіями, потому что онѣ представляютъ содержаніе и форму нашей науки только въ смѣшеніи, а не въ слитіи, т.е. не представляютъ одного цѣлаго. Если мы будемъ излагать нашу науку, какъ излагали ее въ послѣдніе годы, то тогда ни защитники формальн. энциклопедіи, ни ихъ противники не могутъ намъ сдѣлать упрека въ томъ, что мы излагаемъ ее, какъ смѣшанную энциклопедію, а, напротивъ, мы тогда представимъ все содержаніе нашей науки со всѣхъ ея сторонъ, во всемъ ея объемѣ и во всецѣлости и слѣд., представимъ ее такъ, какъ мы должны представить ее.

Раздѣленіемъ нашей науки на ея части и отдѣлы уже само собою начертывается весь общій планъ всего изложенія. Затѣмъ этотъ планъ долженъ быть выполненъ въ самомъ изложеніи содержанія нашей науки, а не во введеніи въ нее. Слѣд. раздѣленіе науки есть та существенная составная часть введенія въ нашу науку, посредствомъ которой мы должны-бы повидимому, прямо перейти къ изложенію предмета и содержанія нашей науки, другими словами: раздѣленіемъ нашей науки въ 4ой части введенія мы должны-бы, повидимому, заключить все введеніе въ нашу науку. Но мы не можемъ сдѣлать

такого прямаго перехода отъ 4-й части введенія къ изложенію предмета и содержанія нашей науки, такъ какъ есть еще одна существенная, составная часть введенія, а именно, такая, посредствомъ которой мы можемъ прямо перейти къ изложенію содержанія нашей науки и которою можемъ заключить все введеніе въ нашу науку. Эту 5-ю часть введенія мы озаглавимъ такимъ образ.: источники, исторія и литература нашей науки. Спрашивается, почему эта часть также необходима, также существенна, какъ и прочія части, почему она непосредственно слѣдуетъ за разсмотрѣнными нами частями и почему мы озаглавили ее такъ, а не иначе? Причины заключаются въ слѣдующемъ. Никакая наука не приходитъ, не образуется, не развивается вдругъ, внезапно, а слѣдов., и наша наука не приходитъ вдругъ, разомъ къ своему предмету и содержанію, со своею формою, вообще къ тому, что составляетъ ея сущность, ея понятіе, выражаемое въ ея опредѣленіи съ соотвѣтствующими названіями, на которыхъ основывается ея раздѣленіе на части, всякая наука не приходитъ, словомъ сказать, ко всему тому, что составляетъ предметъ разсмотрѣнныхъ нами 4-хъ существенныхъ составныхъ частей введенія въ нашу науку, а напротивъ всякая наука, какъ предметъ человѣческаго сознанія со стороны его разума, образуется и развивается мало по малу, такъ что она подчиняется вмѣстѣ съ человѣкомъ, который сознаетъ ея предметъ и содержаніе, историческимъ условіямъ каковы - преимущественно время и пространство. Такое происхожденіе и образо-

ваніе или развитіе науки и есть то, что назыв. исторіей науки. И такъ, всякая наука, а слѣдов., и наша наука имѣетъ въ этомъ смыслѣ свою исторію. Вотъ почему исторія науки есть также существенная, составная часть введенія нашей науки. Но затѣмъ, исторія всякой науки, а слѣдов. и нашей, какъ внутреннее внутри ея совершающееся т.е. происхожденія и образованія или развитія выражается внѣшнимъ образомъ въ сочиненіяхъ по части нашей науки. Эти сочиненія назыв. литературн. пособіями для науки, т.е. для ея изложенія и изученія, вмѣстѣ же взятыя онѣ назыв. еще короче литературой данной науки. Эти сочиненія, какъ литературныя только пособія, вспомогательныя средства къ изложенію и изученію предмета и содержанія науки, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать, что часто дѣлается, съ источниками науки, хотя между ними и есть тѣснѣйшая, самая близкая связь. Источниками науки называется все то, изъ чего первоначально почерпается все содержаніе данной науки, а литературными пособіями назыв. тѣ сочиненія, которыя служатъ вспомогательными средствами при источникахъ для изученія и изложенія содержанія науки. Если такъ, то литературныя пособія, заслуживающія этого названія, всегда будутъ основаны на источникахъ, потому иначе онѣ не могутъ помогать тому, чтобы излагать и изучать науку. Но вслѣдствіе того, что основаніемъ для нихъ служатъ или должны служить источники, необходимо различать литературныя пособія и источники, между тѣмъ, какъ, вообще говоря, ихъ часто смѣ-

шиваютъ. Такое смѣшеніе не есть только ошибка теоретическая, т.е. не есть только такое смѣшеніе понятія, которое есть научное заблужденіе, но такое смѣшеніе непремѣнно и ведетъ на практику къ тому, чего никакая наука терпѣть не можетъ, къ тому, что самое и изученіе, и изложеніе сочиненій по части науки является не основательнымъ, стоящимъ, какъ-бы, на воздухѣ, потому что, именно, эти литературныя пособія не основываются на томъ, на чемъ они должны быть основаны, а именно, на источникахъ. Возьмемъ самый наглядный примѣръ изъ исторіи. Изъ всѣхъ греческ. философовъ, преимущественно, Аристотель научнымъ образ., насколько тогда дозволяли средства, занимался естествовѣдѣніемъ, тѣмъ, изъ чего впослѣдствіи образовались и развились естественныя науки. Во многихъ своихъ сочиненіяхъ онъ въ самомъ дѣлѣ представилъ много такого новаго, что теперь при улучшеніи способовъ изученія естеств. наукъ является, конечно, устарѣлымъ, отсталымъ, не нужнымъ, но что въ то время, когда писалъ Аристотель, являлось такою новостью, что Аристотель въ этомъ см. можетъ б. названъ творцомъ естествовѣдѣнія, какъ науки, Аристотель, конечно, не могъ изучать естествовѣдѣніе, какъ изучаемъ ихъ мы, такъ какъ источникомъ для него была одна природа. А затѣмъ философія Аристотеля въ средніе вѣка получила такое громадное значеніе, что изъ сочиненій Аристотеля черпали вообще не только тѣ свѣдѣнія, которыя относятся къ другимъ областямъ наукъ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя относятся къ естествовѣдѣнію, такъ

что вмѣсто того, чтобы обратиться къ природѣ, какъ источнику знанія, въ средніе вѣка обращались къ сочиненіямъ Аристотеля, которыя никакъ не могли замѣнить источниковъ и которыя могли быть только литературн. пособіемъ при изученіи природы. Вслѣдствіе сего всѣ средніе вѣка, можно сказать вообще, не говоря о частностяхъ, не представляютъ собою прогрессивнаго развитія, потому что вмѣсто обращенія къ источникамъ, обращались къ литературнымъ пособіямъ, хотя весьма важно. Такъ точно и въ данное время, если прошедшіе въ университетъ образованіе будутъ въ будущемъ изучать преподанныя науки, обращаясь только къ пособіямъ и не касаясь источниковъ, то они могутъ поздравить себя съ тѣмъ, что они ни на палецъ не двинутъ науки впередъ, что они будутъ повторять то, что повторяли другіе, что они не будутъ нисколько самостоятельны и обратятся опять въ гимназистовъ, которые уже по самому назначенію гимназіи едва-ли могли сами обращаться къ источникамъ при изученіи тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые назначены для подготовленія къ университетскимъ наукамъ. Если они послѣ того вздумаютъ написать какое-нибудь сочиненіе, то оно будетъ ничѣмъ инымъ какъ болѣе или менѣе удачною компиляціею, т.е. награбленіемъ изъ всѣхъ сочиненій, которыя только попались подъ руку и приведеніемъ собраннаго въ произвольно составленный порядокъ, а не въ порядокъ, который дается самымъ содержаніемъ. Такихъ то сочиненій есть множество подъ громкимъ названіемъ сочиненій по части ка-

кой нибудь науки, но эти сочиненія не заслуживаютъ названія литературн. пособій и чтеніе такихъ сочиненій есть потерянное время. Такимъ образомъ при изученіи какой нибудь науки необходимо обратиться къ источникамъ и при изученіи ихъ пользоваться тѣми сочиненіями, которыя въ самомъ дѣлѣ пособляютъ изученію источников, но не подчиняться такимъ пособіямъ до такого рабства, чтобы не смѣть свое сужденіе имѣть.

И такъ, и литература, и источники науки должны быть также предметомъ разсмотрѣнія во введеніи въ науку, ибо говоря объ источникахъ, или о литературѣ мы еще не излагаемъ самого содержанія науки равно, какъ и разсматривая исторію науки, мы еще также не разсматриваемъ самого содержанія науки. По всѣмъ этимъ причинамъ всѣ эти 3 предмета (источники, исторія и литература науки) должны входить въ составъ введенія, какъ особенной составной существенной части введенія науки.

Спрашивается, почему-же мы не дѣлаемъ изъ каждаго изъ этихъ предметовъ особенной части введенія, т. е. почему мы въ 5ой части введенія не представимъ одинхъ источниковъ, въ 6ой части литературы, а въ 7ой исторіи науки? Это было-бы противно сущности этихъ предметовъ, потому что они находятся между собою въ нераздѣльно-внутренней связи, а именно: эта связь состоитъ въ томъ, что исторія науки ни въ чемъ иномъ не выражается, какъ въ литературѣ (литература и есть наглядное, внѣшнее выраженіе исторіи). Изъ этого слѣдуетъ, что исторія съ литера-

туры должны б. нераздѣльны, должны входить въ составъ одной и той-же части введенія. Что-же касается источниковъ, то, какъ мы сказали, литературн. пособія заслуживаютъ этого названія только тогда, когда они основываются на источникахъ. Только развѣ одинъ преподаватель какой-нибудь специальн. науки обязанъ читать всякаго рода сочиненія по части своей науки для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, сказать, дѣйствительно-ли они заслуживаютъ включенія въ составъ литературы науки или нѣтъ, а всѣ прочіе избавляются отъ этого неблагодарнаго во многихъ отношеніяхъ труда и обязаны изучать литературу въ смыслѣ сочиненій, основанныхъ на источникахъ, если они хотятъ быть специалистами, а не излагателями или преподавателями науки. Такъ какъ литературн. пособія въ строгомъ смыслѣ основываются на источникахъ, то литература и источники находятся между собою также въ нераздѣльн. связи, какъ и исторія, и литература. Вотъ почему изъ источниковъ науки не слѣдуетъ дѣлать особенной части введенія въ науку. Отсюда вытекаетъ необходимость въ одной и той-же 5-ой части представить, какъ источники, такъ и исторію, и литературу науки въ ихъ связи. Но спрашивается, въ какомъ-же порядкѣ представлять? Что исторія и литература могутъ б. изложены слитно - это несомнѣнно, но затѣмъ остаются еще источники, а потому спрашивается, слѣдуетъ-ли объ источникахъ говорить прежде, чѣмъ объ источникахъ и литературѣ, или послѣ? Источники есть основанія для литературы, а въ литературѣ и выражаются

исторія; слѣдов. необходимо прежде сказать объ источникахъ, а потомъ объ исторіи слитно съ литературой. Такъ, мы переходимъ логически къ 5-й и послѣдн. существенной части введенія. Итакъ

V. Источники, исторія и литература нашей науки.

Что касается до источниковъ нашей науки, то мы вовсе о нихъ не будемъ говорить во избѣжаніе излишнихъ повтореній, пот. что источники нашей науки суть общіе ей со всѣми прочими юридическими, соціальными въ тѣсномъ смыслѣ и политическими науками, взятыми въ ихъ совокупности. Въ каждой спеціальн. юридич. наукѣ и должно б. сказано объ ея источникахъ, о чемъ въ самомъ дѣлѣ и говорится, а если и не говорится, то это весьма важный пробѣлъ для слушателей или читателей, которые поэтому не будутъ знать, какъ имъ приняться самостоятельно за науку, и должны будутъ сами добиваться того, въ чемъ обязанъ помочь преподаватель или излагатель. Затѣмъ остается изложеніе въ этой части исторіи въ связи съ литературой нашей науки; но исторія нашей науки въ связи съ литературой не м. б. изложена во введеніи въ нашу науку, пот. что этимъ изложеніемъ предполагаются въ слушателяхъ или читателяхъ такія свѣдѣнія или познанія, которыя входятъ уже въ составъ самого содержанія нашей науки, а такъ какъ такихъ познаній не м. б. предположено, то во введеніи въ нашу науку мы можемъ только представить тѣ или другія сочиненія по ча-

сти нашей науки въ смыслѣ литературн. пособій, но безъ критической оцѣнки, такъ какъ ею необходимо предполагается знаніе всего содержанія нашей науки.

Наша наука прежде всего образовалась во времени только, какъ юридич. энциклопедія, которая до сихъ поръ развивается; затѣмъ наша наука образуется, какъ политическая энциклопедія и притомъ такъ, что до сихъ поръ развивается, какъ таковая; далѣе, она образуется, какъ юридич. и политич. энциклопедія вмѣстѣ, и развивается, какъ таковая, хотя весьма медленно и наконецъ образовалась наша наука и какъ соціальная и какъ политическая энциклопедія вмѣстѣ, но только образовалась (есть одно только такое сочиненіе и то незавидное), а развитія она не имѣла, вслѣдствіе того, что только недавно обратили вниманіе, какъ на отличіе общества въ тѣсн. смыслѣ отъ государства, а слѣдов. на отличіе обществовѣдѣнія въ тѣсн. смыслѣ отъ государствовѣдѣнія, такъ и на связь между обществомъ въ тѣсн. смыслѣ и государствомъ, а слѣдов. и на внутрен. связь между государствовѣдѣніемъ и обществовѣдѣніемъ. Изъ этого перечня видно, что наша наука вовсе не образовалась, не говоря уже о ея развитіи, такъ что она далеко не представляетъ собою того, чѣмъ мы желаемъ ее сдѣлать, т.е. чтобы она была юридич., соціальною въ тѣсномъ смыслѣ и политическ. энциклопедіею; короче, чтобы она представляла собою то, что можно назвать соціальн. наукою или обществовѣдѣніемъ въ обширн. смыслѣ, т.е. энциклопедіею обществовѣдѣнія, или энциклопедіею соціальныхъ наукъ, ибо нѣтъ ни одного

сочиненія, которое-бы такъ представляло нашу науку. На этомъ основаніи мы можемъ сказать: во 1, объ образованіи и развитіи нашей науки, какъ юридич. энциклопедіи, во 2хъ, объ образованіи и развитіи нашей науки, какъ политич. энциклопедіи, въ 3, объ образованіи и развитіи нашей науки, какъ политич. и юридич. энциклопедіи вмѣстѣ, и наконецъ въ 4, объ образованіи только, но не о развитіи нашей науки, какъ соціальн. въ тѣсномъ смыслѣ и политич. энциклопедіи вмѣстѣ. Что касается до образованія нашей науки, какъ юридич. и соціальн. энциклопедіи вмѣстѣ, то это не относится къ исторіи, пот. что нѣтъ такого сочиненія, которое-бы излагало такимъ образ. нашу науку. И такъ

1, Образованіе и развитіе нашей науки, какъ юридической энциклопедіи.

Основателемъ или творцомъ юридич. энциклопедіи, какъ науки, признается обыкновенно знаменитый германскій философъ и энциклопедистъ Лейбницъ. Въ 1668г. онъ издалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ небольшое сочиненіе, имѣющееся между прочимъ и въ нашей библіотекѣ, а именно: „Nova metodus discendae docendaeque jurisprudenciae"- новая метода изученія и обученія юридич. наукъ. Если судить по заглавію этого сочиненія, то можно было-бы думать, что въ немъ говорится исключительно только о томъ, какъ изучать и обучать правовѣдѣніе, а такъ какъ объ этомъ говорится въ томъ, что назыв. въ отличіе отъ энциклопедіи въ тѣс-

номъ смыслѣ, юридич. методологiею, то можно было-бы думать, что это сочиненiе принадлежитъ исключительно къ сочиненiямъ по части юридич. методологiи, а не къ сочиненiямъ по части юридич. энциклопедiи въ обширн. смыслѣ, которыя, слѣд., обнимаютъ и юридич. методологiю, и юридическую энциклопедiю въ тѣсн. смыслѣ. Слѣдовательно, судя по заглавiю нельзя назвать Лейбница творцомъ юридическ. энциклопедiи въ обширн. смыслѣ, когда не отдѣляется юридич. энциклопедiя въ собственномъ смыслѣ отъ юридич. методологiи и когда она отдѣляется. Въ самомъ дѣлѣ указанiя на эти способы изложенiя и изученiя правовѣдѣнiя были главною задачею Лейбница въ этомъ маленькомъ его сочиненiи, которое онъ написалъ очень рано, будучи 20 лѣтъ, но эти способы или методы, какъ изложенiя, такъ и изученiя правовѣдѣнiя обусловливаются въ этомъ сочиненiи его предметомъ и содержанiемъ до такой степени, что Лейбницъ, не смотря на главную свою цѣль, указывая на способы или методы изложенiя и изученiя правовѣдѣнiя, здѣсь-же говоритъ и о самомъ предметѣ и содержанiи правовѣдѣнiя, что уже относится къ юридич. энциклопедiи въ собств. смыслѣ. Слѣдов., излагая способы изложенiя и изученiя правовѣдѣнiя (т. е. юридическ. методологiю) и самый его предметъ и содержанiе и притомъ въ связи, въ слитiи съ способами изученiя и изложенiя правовѣдѣнiя, онъ предлагаетъ юридич. энциклопедiю въ обширн. смыслѣ. Въ этомъ то смыслѣ его сочиненiе излагаетъ въ первый разъ не только такъ назыв. юридическую методологiю, не только юридич. энциклопедiю въ собств. смыслѣ, но и юри-

дическую энциклопедію въ обширн. смыслѣ т.е. юридич. методологію вмѣстѣ съ энциклопедіей въ собств. смыслѣ. Вотъ причина, почему справедливо Лейбницъ признается обыкновенно основателемъ или творцомъ нашей науки, какъ юридич. энциклопедіи.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сказаннаго сочиненія Лейбница, повтореннаго изданіемъ Вольфа, его ученика, съ небольшимъ предисловіемъ (это изданіе и имѣется въ нашей библіотекѣ) начала развиваться вся область правовѣдѣнія въ томъ смыслѣ, что въ составъ ея начали входить разные предметы, которые мало по малу стали предметомъ изученія и изложенія въ см. отдѣльныхъ, особенныхъ специальн. наукъ, а именно: начали входить въ составъ правовѣдѣнія такіе предметы, которые прежде вовсе не были изучаемы и излагаемы. (Лейбницъ въ указанномъ нами сочиненіи и упомянулъ о необходимости для юристовъ изучать такіе предметы, какихъ не изучали, въ чемъ и состоитъ одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ его сочиненія, на которое нужно было-бы обратить вниманіе уже потому, тѣмъ болѣе, что даже до настоящ. времени не изучаются юристами науки, признанныя Лейбницомъ необходимыми, desiderata - т.е. чего недостаетъ). Когда количество новыхъ наукъ, вошедшихъ въ составъ правовѣдѣнія, значительно преумножилось и расширилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развилось, то явилась въ Германіи потребность преподавать въ университетахъ на юридич. факультетѣ, такую науку, которая служила-бы общимъ введеніемъ въ изученіе этихъ наукъ, вошедшихъ въ

составъ правовѣдѣнія, словомъ сказать, явилась потребность въ томъ, что мы назвали юридич. энциклопедіей. Такой потребности старается удовлетворить уже въ 1685 г. профессоръ Кельнскаго университета Мартиній, преподававшій юридич. энциклопедію въ видѣ вводной науки, подъ назв. collegium isagogicum in universam jurisprudentiam. Съ большимъ и большимъ развитіемъ специальныхъ юридич. наукъ все болѣе и болѣе увеличивалась въ Германіи потребность со стороны студентовъ юридич. факультета въ слушаніи курса юридич. энциклопедіи, какъ вводной науки. И вотъ въ 1734 г. при учрежденіи Университета въ Геттингенѣ уставомъ этого Университета сдѣлано было обязательнымъ для профессоровъ этого университета преподаваніе на юридич. факультетѣ юридич. энциклопедіи, какъ вводной науки. Эту обязанность въ 1837мъ году дѣйствительно выполнилъ въ первый разъ профес. этого университета Шмаусъ посредствомъ своихъ лекцій по юридич. энциклопедіи, напечатанныхъ въ томъ же году подъ заглавіемъ: „очерки приготовительныхъ лекцій къ изученію права."

Послѣ изданія этого конспекта было издано нѣсколько учебниковъ юридич. энциклопедіи, какъ вводной науки подъ разными названіями (Nettelbladt, Senkenberg, Johann Jacob Moser), въ особенности же замѣчательно сочиненіе Стефана Пюттера Старшаго (въ отличіе отъ Карла-Теодора Пюттера Младшаго), издавшаго юридич. энциклопедію подъ заглавіемъ: Entwurf einer juristischen Encyclopedie. Онъ первый употребилъ для нашей науки названіе юридич. энциклопедіи въ 1757 г. Чрезъ 10 лѣтъ въ 1767 г. онъ издалъ въ Геттингенѣ

Лит. Ассоціація В. Радова кл. Л. 11/2.

сочиненіе по той-же части, какъ переработку прежняго, подъ заглавіемъ: „Neuer Versuch einer juristischen Encyclopedie und Methodologie", въ которой онъ впервые отдѣлилъ энц. юридич. Энциклопедіи въ собственномъ см. юридич. Методологію. За изданіемъ сочиненій Пюттера Старшаго начало появляться въ Германіи довольно много сочиненій по юридич. Энциклопедіи въ видѣ учебниковъ еще въ прошломъ столѣтіи и еще того болѣе въ текущемъ столѣтіи, такъ что теперь сочиненій изданныхъ въ одной только Германіи можно насчитать около 50 ти. Я не стану перечислять всѣхъ ихъ, а укажу для примѣра на нѣкоторыя сочиненія, излагающія энциклопедію въ видѣ материальн. или внутрен. Энциклопедіи. Это сочиненіе: Reitemeier, Hufeland, въ особенности знаменитый своимъ неоконченнымъ сочиненіемъ „Grimmel", а изъ новѣйшихъ Mittelbach; 2, сочиненія, излагавшія юридич. Энциклопедію въ видѣ формальной или внѣшней, лучшія изъ нихъ: Wenck, Falk и вѣнскаго профес. Иеринга 5ое изданіе 50го г. 3, Лучшія такъ назыв. смѣшан. юридич. энциклопедіи, это сочиненія: Hugo въ 7мъ изданіи, Zachariä Старшаго, Tibaut, Hinnhardt, Wenning и друг.; 4, новѣйшія сочиненія, излагавшія уже въ единствѣ формальную и материальную энциклопедію; сюда принадлежатъ: Aberg, Vogel во 2мъ изданіи, Pütter Младшій (Карлъ Федоръ), Friedländer, Blume, Warnkönig, Ahrens, въ 5мъ изданіи, Walter и Goldschmidt, но въ особенности замѣчательны, какъ обширныя сочиненія и какъ лучшія сочиненія въ этомъ родѣ, это - сочиненія Warnkönig'a, Ahrens'a, который переведенъ на рускій языкъ, и Вальтера. У Голдшмидта можно

но найти полнѣйшую литературу изданныхъ въ Германіи систематическихъ сочиненій по юридич. энциклопедіи. 5, лучшія и новѣйшія юридич. энциклопедіи - реальные словари, сюда принадлежатъ сочиненія: Weiske и преимущественно, новѣйшее и лучшее Holtzendorf, какъ 2й томъ его энциклопедіи „Der Rechtswissenschaft. 6) Лучшій и полнѣйшій энциклопедич. сборникъ юридич. монографій - это также сборникъ монографій Гольцендорфа, какъ 1й томъ его энциклопедіи „Der Rechtswissenschaft", который вышелъ 2мъ изданіемъ. Такъ какъ у Гольцендорфа приведены только сочиненія, изданныя въ Германіи, то я долженъ прибавить сюда сочиненія, изданныя въ друг. странахъ свѣта по части нашей науки, какъ юридич. энциклопедіи, съ проведеніемъ также того, какъ образовалась тамъ юридич. энциклопедія, какъ наука.

Въ Даніи юридич. энциклопедія, какъ вводная наука, хотя и подъ друг. названіемъ, была введена почти одновременно со введеніемъ ея въ Германіи въ университетск. преподаваніи и стала предметомъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ лучшее принадлежитъ Schlegel'ю „juridisk. Encyklopedie. Въ Нидерландахъ обязательное преподаваніе энциклопедіи при преобразованіи университетовъ еще до отпаденія Бельгіи отъ Голландіи собственно вышло [illegible]. сочиненіе Anne den Fix, а въ Бельгіи на франц. яз. сочиненіе Roussel 2мъ изданіемъ въ [illegible] г. Во Франціи преподаваніе юридич. энциклопедіи было введено въ École de droit въ 1840 г. по распоряженію министра народн. просвѣщенія Дюхтера Козана; лучшія сочиненія здѣсь принадлежатъ Eschbach 3е изданіе 66 года. Въ Италіи преподаваніе юридич. энциклопедіи введено еще недавно; однако же

появилось нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій по части науки, каковы: Альбини, Бунина, Вланальиі? Виньи и друг.. Въ Испаніи королевск. декретомъ 42 г. было предписано преподавать энциклопедію нѣчто въ родѣ юридич. энциклопедіи, какъ вводной науки.

Вскорѣ затѣмъ мадритскій профеес. Don Pedro Gomez de la serna издалъ небольшое сочиненіе въ Мадритѣ, которое вышло 6ым изданіемъ въ 71ом году, которое преподаватели друг. испанск. университетовъ обыкновенно принимаютъ въ руководство при своихъ лекціяхъ по части нашей науки, какъ юридич. энциклопедіи.

Въ Англіи юридич. энциклопедія не преподается, однако и здѣсь появилось нѣсколько юридико-энциклопед. сочиненій (не строго систематическихъ, почему я ихъ такъ и назвалъ), хотя и не подъ названіемъ юридич. энциклопедіи; сюда относятся сочиненія: David Hoffmann, Warren, Amos. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ юридич. энциклопедія также не преподается въ университетахъ, на сколько мнѣ извѣстно, однако-же здѣсь вышло замѣчательное сочиненіе Emory Waschborn.

Въ Россіи преподаваніе юридич. энциклопедіи стало обязательнымъ для нашихъ университетовъ подъ именемъ Энциклопедіи законовѣдѣнія съ изданіемъ устава для университетовъ въ 35ом году; однако-жъ сохранилось извѣстіе, что до того времени юридич. энциклопедія была обязательною въ числѣ наукъ для слушателей юридич. наукъ. Это видно, напр., изъ устава высшаго училища правовѣдѣнія, закрытаго въ 1805 г., открытаго вновь въ 1809 г. и прекратившаго свое существованіе въ 1816 г. и устава главнаго педагогическаго института, открытаго въ 1816 г., изъ котораго образовался

въ 1819 мъ году нашъ университетъ СПб. Кромѣ того, у насъ юридич. энциклопедія преподавалась, хотя и не обязательно, нѣкоторыми преподавателями въ университетахъ; по крайней мѣрѣ, сохранилось извѣстіе, что она преподавалась въ Московскомъ университетѣ. Наконецъ, нынѣ дѣйствующимъ уставомъ нашихъ университетовъ постановлено преподавать юридич. энциклопедію въ связи съ политическою подъ назв.: юридич. и политич. энциклопедія и при томъ такъ, что эта наука должна читаться вмѣстѣ съ исторіею философіи права. Будучи отнесена къ одной и той же каѳедрѣ, которая называется каѳедрою энциклопедіи права.

У насъ слѣдующ. замѣчательныя сочиненія: Энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, изданная 2мъ изданіемъ профес. Андреевскимъ въ 57 году, и Рождественскаго и очерки юридич. Энциклопедіи — Ренненкампфа.

9, Образованіе и развитіе политич. энциклопедіи. Политич. энциклопедія, какъ и юридическая, могла появиться только послѣ того, какъ образовались и развились до нѣкоторой степени политич. науки, ибо тогда только могла почувствоваться потребность въ такой наукѣ, которая-бы вводила въ изученіе этихъ наукъ, т.е. потребность политической энциклопедіи, какъ введ. науки. Всѣ спеціальныя политическія науки, по крайней мѣрѣ, ихъ большинство образовались и достигли нѣкоторой степени развитія только около половины 18го стол., почему только съ того времени стали появляться сочиненія по политич. энциклопедіи. Первое сочиненіе, старавшееся удовлетворить сказанной потребности въ политич. энциклопедіи, принадлежитъ Гаспару-де Реалю 1751-1764 г., поэтому Реаля можно назвать творцемъ политич. энциклопедіи. Послѣ

этого довольно много появилось сочинений по политич. энциклопедіи, а именно, за нее принялись нѣмцы и стали преподавать ее въ университетахъ, какъ отдѣльную науку, только въ текущ. столѣтіи, но и до сихъ поръ её далеко не вездѣ преподаютъ. даже въ Германіи, гдѣ преподаются всѣ образующія и развивающія науки въ наибольшемъ размѣрѣ. Самое лучшее систематич. сочиненіе по части политич. энциклопедіи принадлежитъ Роберту фонъ Моль, вышедшее 2мъ изданіемъ въ 72м году. По первому изданію оно переведено на русск. языкъ. Въ этомъ сочиненіи можно найти полную литературу по части политич. энциклопедіи и при томъ не только литературу сочиненій, изданныхъ въ Германіи, но и во всѣхъ друг. странахъ; однако къ ней слѣдуетъ дополнить указаніемъ на сочиненіе нашего профес. Сергѣевича подъ назв. „задача и метода государств. наукъ" (монографія 1871 г.). Лучшій и новѣйшій реальный политическій словарь принадлежитъ Блунчли вмѣстѣ съ Братеромъ, изданнаго въ 71 году, но въ немъ чувствовалась такая потребность, что оно выходитъ 2-мъ изд. Новѣйшій энциклопедич. словарь политич. монографій изданъ неизвѣстнымъ (послѣ объяснилось, что онъ изданъ Чжно); этотъ сборникъ не стоитъ въ уровнѣ съ современностью.

3, <u>Образованіе и развитіе нашей науки какъ юридич. и политич. энциклопедіи вмѣстѣ</u>. Когда развилась въ значительной степени наша наука, сперва, какъ юрид. энциклопедія, а потомъ, какъ политическая, тогда настала возможность, а вмѣстѣ и потребность, вслѣдствіи тѣсной связи между ихъ предметами, т. е. между правомъ и государствомъ, попытаться соеди-

динить юридич. и политич. энциклопедію вмѣстѣ. Первая такая попытка появилась въ Австріи, такъ что здѣсь уже въ началѣ текущаго столѣтія было предписано закономъ преподавать во всѣхъ университетахъ и во всѣхъ лицеяхъ не только юридическую, но и политич. энциклопедію вмѣстѣ. Къ попыткамъ соединить юридич. и полит. энциклопедію принадлежатъ слѣдующ. сочиненія: Тесса (нѣмецк. писатель) Цатбелли (итальянецъ) Альбини и др. Но новѣйшее и лучшее сочиненіе въ этомъ родѣ, написанное Воленкомъ подъ заглавіемъ Энциклопедія и методологія юридич. и политич. изученія и изданное въ Офенѣ въ 59 г. Замѣчательное еще сочиненіе исключительно по юридич. и политич. методологіи принадлежитъ Ортлофу. Наконецъ сюда-же принадлежитъ юридико-политич. реальный словарь, изданный въ Лондонѣ въ 4хъ томахъ въ 64 году.

4, Образованіе и развитіе нашей науки, какъ социальной и политич. энциклопедіи вмѣстѣ. Къ этой категоріи относится пока только одно сочиненіе, да и то весьма несовершенное и по своему содержанію и по своему направленію, — это сочиненіе Глязера. Наконецъ, что касается изложенія нашей науки, какъ юридической, социальной и политич. энциклопедіи въ смыслѣ единаго цѣлаго, одной науки, то до сихъ поръ даже не было попытки образовать такую науку, между тѣмъ, какъ на нее необходимо указываетъ нераздѣльная связь, существующая между правомъ, обществомъ въ тѣсн. смыслѣ и государствомъ.

Мы окончили источники, исторію и литературу нашей науки, на сколько они могутъ быть изложены во введеніи въ нашу

науку; вмѣстѣ съ тѣмъ мы окончимъ §4й и послѣднюю часть введенія въ нашу науку. Въ самомъ дѣлѣ, исторія нашей науки, выражающаяся въ ея литературѣ и основанная, вмѣстѣ съ литературой, на источникахъ нашей науки, съ одной стороны заключаетъ все введеніе въ нашу науку, а съ другой открываетъ то, что есть ничто иное, какъ обусловленное ими (т. е. исторіею, источниками и литературою) естественное, такъ сказать, послѣдствіе ихъ, а именно: за исторіею нашей науки, выражающеюся въ литературѣ, начинается то, что можетъ б. названо какъ-бы ихъ продолженіемъ, т. е. начинается изложеніе самого предмета и содержанія нашей науки, въ соотвѣтствующей имъ формѣ, придаваемой соотвѣтствующего имъ методою изложенія и по плану, обусловленному ея сущностью, выражаемою въ ея опредѣленіи и названіи. Итакъ, мы необходимо переходимъ отъ введенія нашей науки къ изложенію самого ея содержанія.

Часть I-я

А, Право

Отдѣлъ I-й

Принципы и опредѣленія права.

Этотъ отдѣлъ, слѣдуетъ общей методѣ генетической, долженъ быть подраздѣленъ на слѣдующ. три главы: глава первая — восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права; глава вторая — развитіе принциповъ и опредѣленій права; глава третья — отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Разъяснимъ заглавіе этихъ главъ и вмѣстѣ оправдаемъ ихъ необходимость и ихъ послѣдовательный порядокъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что въ заглавіи всѣхъ трехъ главъ говорится о принципахъ и опредѣленіяхъ права; въ этомъ выражается, что всѣ эти главы суть части того именно, а не другого отдѣла, а именно, въ этомъ отдѣлѣ и разсматриваются принципы и опредѣленія права, какъ видно уже изъ заглавія этого перваго отдѣла, а почему принципы и опредѣленія права составляютъ первый отдѣлъ 1-й части, — это уже сказано во введеніи. Далѣе въ заглавіи первой главы выражено восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Здѣсь разумѣется рядъ тѣхъ фактовъ, посредствомъ которыхъ человѣческое сознаніе постепенно и поступательно генетически восходитъ въ своемъ сознаніи къ принципамъ и къ опредѣленіямъ права. Эти факты служатъ отправною точкою человѣческаго со-

знанія для генетическаго развитія, установленныхъ мыслителями, какъ представителями этого сознанія принциповъ и опредѣленій права. Генетич. метода, какъ мы видѣли, начинаетъ вообще съ отправной точки предмета, а потому съ этой именно, главы должны мы начать изложеніе содержанія нашей науки, пот. что мы, слѣдуя генетич. методѣ, съ этой именно главы должны мы начать разсматриваніе принциповъ и опредѣленій права. Вотъ почему и вотъ въ какомъ смыслѣ восхожденіе къ принципамъ и опредѣленію права есть первая существенная и необходимая часть, т. е. первая глава этого перваго отдѣла первой части, разсматривающая вообще принципы и опредѣленія права. Вторая глава озаглавлена такъ: развитіе принциповъ и опредѣленій права. Подъ развитіемъ разумѣется ихъ генетическое развитіе, а не историческое, подъ принципами права разумѣются здѣсь поставленныя мыслителями ближайшія основанія права, а не отдаленнѣйшія - не верховныя. Наконецъ подъ опредѣленіями права разумѣются здѣсь собственно строго-логическія, реальныя опредѣленія права, а не вербальныя и не номинальныя. Эта глава необходимо слѣдуетъ за первою потому, что этого требуетъ избранная нами генетич. метода, ибо когда въ первой главѣ показана будетъ отправная точка всѣхъ принциповъ и опредѣленій права, къ которымъ дошло человѣческое сознаніе, отправляясь отъ всего ряда положительныхъ фактовъ, какъ отъ своей отправной точки. Вотъ почему развитіе и опредѣленіе принциповъ права есть вторая существенная часть, т. е. вторая главы этого перваго отдѣла.

первой части. Наконецъ, третью главу мы озаглавили такъ: отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Подъ этими словами мы разумѣемъ различные взгляды представителей науки на поставленные разн. мыслителями принципы и опредѣленія права: какъ можетъ смотрѣть на нихъ наука, какъ дѣйствительно она смотритъ и какъ она должна, наконецъ, смотрѣть на нихъ. Разумѣется, слѣдуя генетич. методѣ, мы должны представить генетич. развитіе права во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, но такое представленіе есть уже предметъ втораго отдѣла 1-ой части, а потому восхожденіе къ генетическ. развитію права, а не самое это развитіе, есть исходная точка разсмотрѣнія принциповъ и опредѣленій права, та слѣдов., точка, которою, слѣдуя генетич. методѣ, должно заключить весь этотъ отдѣлъ 1-й части. Вотъ въ какомъ смыслѣ и вотъ почему отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права есть третья и послѣдняя часть, т. е. третья глава этого перваго отдѣла первой части.

Теперь мы можемъ приступить къ изложенію всѣхъ 3-хъ главъ этой первой части въ объяснительномъ значеніи и оправданномъ порядкѣ. И такъ,

14. ## Глава I.

Восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Человѣческое сознаніе восходитъ къ принципамъ и опредѣленіямъ права, генетически проходя 5-ть главныхъ ступеней этого разви-

тія, которымъ соотвѣтствуетъ 5ть главныхъ положительныхъ фактовъ, сознаваемыхъ человѣчествомъ. Разсмотримъ эти ступени, генетич. поступательн. восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права порознь, но въ связи ихъ между собою.

Первая ступень всегда и вездѣ въ людскихъ обществахъ въ общирн. смыслѣ, какъ-бы ни были слабы узы, связывающія людей, находимъ мы, какъ положительный фактъ, что эти люди признаютъ обязательными для себя какія-нибудь болѣе или менѣе опредѣленныя правила, нормы закона, установленныя обычаями или властями своего общества, которыя опредѣляютъ ихъ взаимныя отношенія между собою и которыми устраивается и управляется ихъ общество въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ. Они признаютъ эти правила, нормы, законы обязательными для себя до того, что въ случаѣ ихъ неисполненія или нарушенія признаютъ возможнымъ употребленіе противъ нарушителя разныхъ мѣръ принужденія, которыми могло-бы быть вынуждено исполненіе этихъ правилъ, нормъ или законовъ, или же они могли-бы быть возстановлены въ своей силѣ, въ своемъ дѣйствіи. Такая принудительная обязательность ихъ назыв. правовою или юридическою въ отличіе отъ обязательности правилъ, нормъ, законовъ морали или нравственности въ собств. смыслѣ, которыхъ исполненіе возлагается на совѣсть человѣка. Юридическая обязательность правилъ, нормъ и законовъ придаетъ имъ значеніе правов. юридич. правилъ, юридич. нормъ, юридич. законовъ въ отличіе отъ моральныхъ правилъ, нормъ

и законовъ или собственно нравственныхъ, имѣющихъ моральную, нравственную только обязательность. Обязательность юридич. правилъ, нормъ и законовъ называется юристами обязательною ихъ силою или ихъ юридич. дѣйствіемъ. Юридическія правила, нормы и законы, имѣющіе такую силу, такое юридич. дѣйствіе въ извѣстномъ обществѣ назыв. въ ихъ совокупности или системѣ юристами правомъ – jus, Recht, droit, right.

Итакъ, всегда и вездѣ въ людскомъ обществѣ находимъ мы право въ объясненномъ смыслѣ этого слова (jus, Recht, droit, right). Это право юристы называютъ обыкновенно правомъ въ объективномъ смыслѣ (jus in sensu objectivo или: sensu objectivo, короче объективное предметное право). Здѣсь слово „объективное" значитъ внѣшнее, т.е. внѣшнее въ отношеніи къ человѣку, къ члену извѣстнаго общества, для котораго оно обязательно не какъ его принадлежность, аттрибутъ; слѣдов. – въ противуположность праву, какъ принадлежности. Таково, напр., римское, русское право.

Итакъ, право въ объективномъ смыслѣ, или объективное предметное право, есть совокупность или тоньше система юридич. нормъ, правилъ, законовъ, установленныхъ обычаями или властями извѣстнаго людскаго общества, которыми опредѣляются внѣшнія отношенія членовъ этого общества между собою и съ обществомъ въ его цѣлости и въ частяхъ, и которыми устрояется и управляется самое это общество въ цѣломъ и частяхъ своихъ. Это объективное право съ одной стороны уполномочиваетъ членовъ даннаго общества, какъ и само общество въ цѣломъ

и его частяхъ, на извѣстн. обнаруживающіяся дѣйствія.

Дѣйствія эти бываютъ или положительными или отрицательными, т.е. объективное право съ одной стороны даетъ имъ извѣстное полномочіе или дѣлать что либо (положительное дѣйствіе), или не дѣлать чего-либо (отрицательное дѣйствіе). Такое, даваемое объективнымъ правомъ, полномочіе кому-либо, какъ субъекту этого права, какъ имѣющему это полномочіе, какъ лицу въ юридич. смыслѣ дѣлать что либо или не дѣлать, - другими словами, такое полномочіе на извѣстное дѣйствіе назыв. юристами также правомъ, но уже въ субъективномъ смыслѣ, или субъективнымъ правомъ (jus in sensu subjectivo или sensu subjectivo). Это право есть аттрибутъ, принадлежность извѣстнаго субъекта или лица въ юридич. смыслѣ. Таково, напр., право собственника владѣть и распоряжаться своимъ имуществомъ (положительн. дѣяніе); таково, напр., право каждаго субъекта или лица, вступившаго въ правомѣрный договоръ съ другимъ субъектомъ по полномочію объективнаго права дѣлать все, къ чему онъ обязался по этому договору (это положительн. дѣйствіе) и не дѣлать сверхъ того ничего (это отрицат. дѣйствіе), ибо дѣлать сверхъ договора зависитъ отъ воли лица (напр., отъ обязанностей моральныхъ, отъ совѣсти). Съ другой стороны, объективное право требуетъ отъ членовъ даннаго общества или отъ самого общества въ его цѣломъ и въ частяхъ какъ чего-то нравственно-необходимаго дѣлать что либо или не дѣлать чего-либо, требуетъ отъ нихъ

определъленнаго, положительнаго дѣйствія или отрицательнаго - не дѣлать чего - либо. Обусловленную такимъ требованіемъ со стороны объективнаго права нравств. необходимость для субъекта или лица въ юридическомъ см., дѣлать или не дѣлать чего-нибудь называютъ юристы обязанностью въ смыслѣ юридическомъ; ибо она основана на правахъ (officium juridicum), ибо объективное право обязываетъ къ тому членовъ общество или самое общество въ его цѣлости или въ его частяхъ. Такъ какъ эта обязанность налагается объективнымъ правомъ, то она назыв. правною или юридич. обязанностью въ отличіе отъ собственно нравственной или моральной обязанности, подъ которою разумѣютъ обязанность, налагаемою моралью, нравственностью въ собств. смыслѣ. Но и правная или юридическая обязанность и собственно такъ назыв. нравственная или моральная обязанность назыв. равно нравствен. обязанностью, но въ обширн. смыслѣ или этической обязанностью, ибо они имѣютъ то общее между собою, что какъ та, такъ и другая обязанность есть нравств. необходимость дѣлать что-либо или не дѣлать въ отличіе отъ необходимости физической или природной. Нравственная въ обширн. смыслѣ необходимость есть вообще обязанность что-нибудь дѣлать или не дѣлать, какъ ~~нравствен~~ правная или юридическая, такъ и моральная или собственно нравственная обязанность, ~~или~~ есть нѣчто, духовное есть духъ, обязывающій свободную волю человѣка, обязывающій его, какъ существо свободно нравственное, ибо безъ свободы не мыслима нравственность, какъ члена нравств.

міра, т. е. какъ существо свободное. Вотъ почему такая необходимость и назыв. нравственною въ обширномъ смыслѣ или этическою, ибо нравствен. необходимость находится въ тѣсной, нераздѣльной связи съ свободою, физическая же необходимость не есть нѣчто духовное, не есть духъ человѣка, какъ существа нравственнаго, какъ существа свободнаго, а есть физическая необходимость, т. е. необходимость для человѣка помимо его свободной воли, независимо отъ него, необходимость для человѣка, какъ существа физическаго, т. е. какъ части физическ. міра, какъ члена природы и въ этомъ смыслѣ какъ существа природы, почему и назыв. необходимостью природы въ этомъ смыслѣ. Такъ, напр., нравственная въ обширномъ смыслѣ необходимость для человѣка, какъ правн., юридич. обязанность соблюдать, исполнять какіе-либо договоры, заключенные не въ противность объективному праву (это дѣяніе положительное), или, напр., не нарушать чужой собственности; также нравственная въ тѣсномъ смыслѣ обязанность, собственно нравств. обязанность — по мѣрѣ возможности помогать бѣднымъ, впавшимъ въ нищету (положительн. дѣяніе), или-же, наприм., не настаивать, если возможно на выполненіи договора, если лицо, состоящее въ данномъ договорѣ немедленнымъ исполненіемъ его можетъ придти къ крайней нищетѣ, тогда какъ, если будетъ продолженъ срокъ для его исполненія, то это лицо будетъ въ состояніи исполнить договоръ безъ всякой для себя крайности. Такъ напр., физическая необходимость для человѣка — ѣсть, пить, спать и т. п., конечно, человѣкъ воленъ, свободенъ

ее насиловать, но физическимъ послѣдствi-
емъ такого насилiя будетъ болѣзнь или
даже смерть.

И такъ право въ субъективн. смыслѣ
есть даваемое извѣстн. объективн. правомъ
извѣстному субъекту или лицу въ юридич.
смыслѣ полномочiе; и такъ правная или
юридич. обязанность есть нравственная
необходимость, налагаемая на извѣстный
субъектъ или лицо въ юридич. смыслѣ
тѣмъ же объективнымъ правомъ. Въ этомъ
смыслѣ объективное право служитъ осно-
ванiемъ, основою, какъ для всякаго субъек-
тивнаго права, такъ и для всякой правн.
юридич. обязанности. Но, хотя всѣ субъек-
тивныя права и всѣ юридич. обязанности
имѣютъ такое одно и тоже общее осно-
ванiе въ объективномъ правѣ; однако-жъ
люди никакъ не смѣшиваютъ правъ и
обязанностей, такъ какъ права въ субъ-
ективн. смыслѣ суть ничто иное, какъ
даваемыя объективнымъ правомъ полно-
мочiя, то люди признаютъ, что они мо-
гутъ быть правами въ субъективномъ
смыслѣ и не пользоваться вовсе или толь-
ко отчасти, или же признаютъ, что субъ-
ективныя права не налагаютъ на нихъ
юридич. обязанности пользоваться непре-
мѣнно своимъ правомъ, ибо въ противо-
номъ случаѣ права перестали-бы быть
правами, обратились-бы въ юридическую
обязанность; напротивъ, такъ какъ
налагаемая объективн. правомъ правн.
или юридическ. обязанность есть нравствен.
въ обширномъ смыслѣ или этическая необ-
ходимость, то люди признаютъ, что она
должна быть ими исполняема, ибо въ про-
тивномъ случаѣ, если бы обязанность могла
быть юридически неисполняемою, то она
перестала-бы быть обязанностью, нравствен

необходимостью, а превратилась-бы въ право въ субъективн. смыслѣ. Всякое дѣяніе, согласное съ объективнымъ и субъективн. правомъ и обязанностями, назыв. юристами правнымъ или правомѣрнымъ дѣяніемъ; напр., согласное съ объективн. или субъективнымъ правомъ распоряженіе своимъ имуществомъ есть правное, правомѣрное дѣяніе. Самое-же согласіе извѣстнаго дѣянія съ объективн. и субъективн. правомъ называется его правностью или правомѣрностью, напр., правность или правомѣрность собственника на согласное съ объективнымъ и субъективнымъ правомъ владѣніе и распоряженіе своимъ имуществомъ. Напротивъ того, всякое дѣяніе, не согласное съ объективнымъ и субъективн. правомъ и съ юридическими обязанностями, т.е. которымъ нарушаются права въ объективн. и субъективн. смыслѣ или юридич. обязанности, называется юристами не правнымъ, не правомѣрнымъ дѣяніемъ или просто не правомъ гражданскимъ или уголовнымъ, или-же назыв. правонарушеніемъ, - напр., не исполненіе или нарушеніе извѣстн. правомѣрно заключеннаго договора. Наконецъ самое несогласіе съ объективн. и субъективн. правомъ и юридическою обязанностью назыв. не правоспособностью не правомѣрностью.

<u>Вторая ступень</u>. Всегда и вездѣ были люди и даже цѣлые народы, которые относятся къ объективн. правамъ и юридическ. обязанностямъ, на нихъ основаннымъ, просто наивно, т.е. безъ всякаго разсужденія о нихъ, безъ всякой рефлексіи, какъ къ чему-то такому, что дано во внѣшнемъ опытѣ, дано извнѣ и что они затѣмъ признаютъ для себя обязательнымъ. Признавая его имѣющимъ обязательн. юридическую силу, юридич. дѣйствіе, пользу-

хсь данными этимъ объективн. правомъ пол-
номочіями или субъективными правами и нако-
нецъ, исполняя или нарушая ихъ возлагаемыя
на нихъ объективнымъ правомъ юридическія
обязанности, эти люди пассивно также
подчиняются и рѣшеніямъ, и приговорамъ,
въ см. постановленій судебныхъ мѣстъ
или лицъ своего общества, о правности
или неправности, о правомѣрности или
неправомѣрности своихъ дѣяній и при
томъ со всѣми ихъ юридич. послѣдствія-
ми этихъ постановленій судебныхъ мѣсзъ,
каковы всякаго рода возстановленія на-
рушенныхъ субъектовъ права и юридич.
обязанности, начиная съ простаго отри-
цанія отъ своихъ притязаній, переходя
къ болѣе тяжкому исполненію юридич. не
исполнен. обязанности и къ вознагражде-
нію причинен. вреда и убытка и оканчи-
вая наказаніями разнаго рода за свои
нарушенія, какъ преступленія.

Третья ступень. Вездѣ и всегда есть
и были люди и народы, которые не оста-
навливаются на сказанномъ просто наив-
номъ отношеніи своемъ къ объективнымъ
и субъективнымъ правамъ и юридич. обя-
занностямъ и судебнымъ постановленіямъ
съ ихъ послѣдствіями, напротивъ, они
подмѣчаютъ въ себѣ какое-то безотчет-
ное, неопредѣленное, темное и смутное
чувствованіе, которое вызываетъ въ нихъ
разныя сужденія о дѣйствующемъ правѣ
въ своемъ обществѣ, о своихъ и чужихъ субъек-
тивныхъ правахъ, и о правныхъ, юриди-
ческихъ обязанностяхъ, а также о судебн.
постановленіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Словомъ,
они восходятъ къ тому, что назыв. рефлек-
сіею права. Безотчетное и неопредѣленное,
темное и смутное чувствованіе называется

обыкновенно юристами чувствомъ права. Но въ этомъ выраженіи слово чувство значитъ нравственное чувствованіе въ собственномъ см., въ отличіе отъ физическаго чувства или ощущенія; а слово право имѣетъ другое значеніе, отличное отъ того значенія, которое обыкновенно обозначается словомъ право въ объективн. и субъективн. смыслѣ.

15. Такое назыв. чувство права непремѣнно вызываетъ уже сужденія объ этихъ правахъ, а также и о согласныхъ съ ними юридическихъ обязанностяхъ, какъ соотвѣтствующихъ правамъ субъективнымъ и наконецъ о согласныхъ съ ними судебн. постановленіяхъ съ ихъ юридич. послѣдствіями (таковы онѣ должны б. или нѣтъ), словомъ сказать, вызывается рефлексія, поэтому въ выраженіи чувства права не значитъ ни объективное право, въ собств. смыслѣ, ни основанное на немъ субъективное право, а значитъ что-то другое, а именно, слово право значитъ здѣсь то, что люди, въ отличіе собственно отъ права обозначаютъ словомъ правое въ смыслѣ праведнаго и справедливаго или въ смыслѣ праведнаго или справедливаго что точнѣе назыв. на русски праведнымъ и справедливымъ вмѣстѣ, ибо по русски просто праведное безъ справедливаго значитъ собственно безгрѣшное (говорятъ наприм. праведный Богъ, праведная жизнь), а просто справедливое значитъ собственно согласное съ истиною, съ правдою или согласное съ требованіемъ справедливости въ особенномъ юридическомъ смыслѣ; на другихъ же языкахъ это понятіе выражается словами: justum, τὸ δίκαιον, das Gerechtigkeit, justice. Этимъ понятіемъ противополагается такъ назыв. неправое, въ смыслѣ неправеднаго и несправедливаго ἄδικον, injuria, das Ungerechtigkeit, injustice. Иногда же вмѣсто этихъ прим.-

нательныхъ именъ, употребленныхъ въ смыслѣ существительныхъ, здѣсь употребляются и прямо существительныя имена а именно, правда и справедливость, конечно, правда и справедливость вмѣстѣ, равно какъ и неправда и несправедливость, justicia δικαιοσύνη. Поэтому чувство права называютъ также чувствомъ правды и справедливости и неправды и несправедливости. Это чувство права значитъ человѣч. правов. чувствованіе праваго, т. е. въ смыслѣ праведнаго и справедливаго и неправаго, въ смыслѣ неправеднаго и несправедливаго или, что все равно, правды и справедливости и неправды и несправедливости. Такъ, правое, въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, или въ смыслѣ правды и справедливости, отличаютъ люди и народы отъ правомѣрнаго, въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ согласнаго съ объективн. правомъ, дѣйствующимъ въ извѣстномъ обществ. союзѣ, а также неправое въ смыслѣ неправеднаго и несправедливаго, неправды и несправедливости, отличаютъ люди и народы отъ неправомѣрнаго, въ собств. смыслѣ, т. е. въ смыслѣ несогласнаго съ объективнымъ правомъ, дѣйствующимъ въ извѣстномъ обществѣ и отъ основанныхъ на немъ субъективныхъ правъ и юридич. обязанностей.

Руководствуясь такимъ своимъ чувствомъ права, люди и народы судятъ о дѣйствующемъ въ извѣстн. общественномъ союзѣ, объективн. правѣ, объ основанныхъ на немъ субъективн. правахъ и юридическихъ обязанностяхъ, а также и о судебныхъ постановленіяхъ съ ихъ юридическими послѣдствіями, а именно, они представляютъ себѣ или даже выражаютъ словами что такое постановленіе, дѣйствующее въ извѣстномъ обществѣ, такой-то юридич. обычай или такой-то юридич. законъ, въ собственномъ смыслѣ, изданный общественн.

частью, или такія-то, основанныя на немъ субъективныя права или юридич. обязанности и такія-то судебныя постановленія, съ ихъ послѣдствіями, праведны и справедливы или согласны съ правдою и справедливостью, а такія-то неправедны и несправедливы или не согласны съ правдою и справедливостью, неправедны и несправедливы, — что такое-то дѣяніе праведно и справедливо или согласно съ правдою и справедливостью, а такое-то дѣяніе — не праведно и несправедливо или несогласно съ правдою и справедливостью. Того человѣка, который поступаетъ праведно и справедливо, или по правдѣ и справедливости, называютъ праведнымъ и справедливымъ, а поступающаго неправедно и несправедливо, не по правдѣ и справедливости, назыв. — неправеднымъ и не справедливымъ. Поступать постоянно во всемъ и всегда праведно и справедливо, согласно съ чувствомъ права, какъ правды и справедливости, признаютъ люди и народы особенною добродѣтелью, какъ особеннымъ нравственнымъ совершенствомъ, которое назыв. правдою или праведностью или справедливостью, а поступать противно тому, признаютъ особеннымъ порокомъ или порочностью въ нравственномъ смыслѣ, который назыв. — неправдою или несправедливостью.

Собственно-же справедливость, въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ, называютъ добродѣтелью вообще, въ смыслѣ безгрѣшности. Такъ, Бога называютъ абсолютно праведнымъ, а человѣка, поступающаго по его заповѣдямъ, называютъ праведникомъ. Въ этомъ-же смыслѣ говорятъ объ оправданіи а именно, во Хр., объ искупленіи Спасителемъ человѣчества отъ первороднаго грѣха и соотвѣтствующаго ему наказанія, а также

во 2хъ, въ смыслѣ признанія обвиненнаго по суду оправданнымъ. Но иногда, какъ объективное право, въ собств. смыслѣ, т. е. дѣйствующее въ извѣстномъ обществ. союзѣ, такъ и праведное и справедливое, правду и справедливость, называютъ юристы однимъ и тѣмъ же именемъ, а именно просто словомъ право. А иногда различаютъ ихъ, прибавляя къ тому и другому различныя прилагательныя имена, такъ, во 1хъ, объективное право дѣйствующее или дѣйствовавшее въ извѣстн. обществ. союзѣ, называютъ положительнымъ правомъ (jus positivum, - названіе, впрочемъ неизвѣстное древн. римлянамъ), въ смыслѣ именно положеннаго, т. е. установленнаго въ извѣстн. людскомъ обществомъ союзѣ, его общественными властями или его обычаями права, какъ совокупности или системы юридическихъ нормъ, законовъ, а то, что въ отличіе отъ положительнаго права, называютъ праведнымъ и справедливымъ или правдою и справедливостью, называютъ иначе правомъ природнымъ, естественнымъ, въ см. прирожденнаго человѣку, его сущности, какъ существу праведному и справедливому. Во 2хъ, правое, въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, иногда называютъ юристы правомъ матеріальнымъ, а право, дѣйствующее въ извѣстномъ обществѣ, называютъ формальнымъ правомъ. Но слова - форма, матерія, формальный, матеріальный, имѣютъ различныя значенія, а потому, спрашивается, въ какомъ см. употребляются онѣ въ этомъ случаѣ. Здѣсь словамъ матерія и форма даются особенныя значенія, отличныя отъ обыкновенныхъ значеній. Въ обыкновенномъ значеніи матерія значитъ - содержаніе; слѣдов., матерія права

значитъ содержаніе права. Право содержитъ постановленія, юридич. законы, нормы, а слѣдов., матерія права въ этомъ смыслѣ значитъ совокупность или систему вообще постановленій, или дѣйствующихъ въ извѣстн. обществѣ, т.е. какъ положительныя права или мыслимыхъ, т.е., въ смыслѣ естественнаго, природнаго права. Далѣе, въ обыкновенномъ смыслѣ, подъ формою разумѣется внѣшній образъ, видъ содержанія чего нибудь, а здѣсь - видъ права (формы права, въ смыслѣ положительнаго права, какъ мы увидимъ, суть: обычное право, законодательное право и такъ называемое право юристовъ). Но въ выраженіи - формальное право вовсе не употребляется форма въ этомъ смыслѣ, ибо иначе, формальное право значило бы право положительное во всѣхъ его формахъ. Напротивъ, въ этомъ выраженіи - матеріальное, формальное право, слова матерія и форма употребляются въ особенномъ смыслѣ, а именно, подъ матеріею разумѣется здѣсь существ. содержаніе права, въ смыслѣ внутренней сущности понятія права, какъ оно есть право по своей сущности, какъ оно есть само въ себѣ, абсолютно, независимо отъ того выраженія, какъ оно выражается въ положительномъ правѣ, такъ что слѣдов. матеріальное право есть именно ничто иное, какъ независимое отъ положительнаго права = право, а это есть ничто иное, какъ праведное и справедливое, какъ правда и справедливость. Слѣдов. матеріальное право, правда и справедливость, праведное и справедливое - эти выраженія употребляются какъ синонимы. Далѣе, точно также и подъ формою права въ выраженіи формальное право не разумѣется

форма, образъ, какъ внѣшній видъ дѣйствительнаго выраженія, осуществленія въ извѣстн. обществ. союзѣ, въ его обычаяхъ, законодательн. правѣ и правѣ юристовъ этого праведнаго и справедливаго, этой сущности права, этого права самого въ себѣ и для себя, этого абсолютнаго права, независимого отъ положительнаго права этого, словомъ сказать, праведнаго и справедливаго, а подъ формальнымъ правомъ разумѣется ничто иное, какъ форма, образъ, выраженіе осуществленія въ дѣйствительности въ извѣстн. обществ. союзѣ этого единственно истиннаго права болѣе или менѣе соотвѣтствующая условіямъ дѣйствительности и такимъ обр. историческимъ условіямъ, каковы въ особенности, время, пространство или такъ назыв. внѣшнія обстоятельства, при которыхъ устанавливается право, такъ что формальное право есть тоже самое, что положительное право, а матеріальное право есть тоже самое, что право естественное или природное; или друг. словами, формальное право есть то-же самое, что право въ собственномъ, въ объективномъ смыслѣ, какъ дѣйствующее или дѣйствовавшее въ извѣстномъ обществ. союзѣ, а матеріальное право есть право мыслимое, естественное, природное право, какъ продуктъ мышленія человѣческаго ума, какъ праведное и справедливое, какъ правда и справедливость, сознаваемая человѣчествомъ.

Итакъ, въ этомъ смыслѣ можно сказать, что правое, въ смыслѣ собственно правомѣрнаго, есть согласное съ положительнымъ или формальнымъ правомъ, а правое, въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, или правды и справедливости, есть согласное съ естественнымъ, природнымъ, мысли-

мымъ или матеріальн. правомъ.
Кстати, при этомъ слѣдуетъ замѣтить частію въ видѣ отступленія, которое здѣсь умѣстно, что съ такими значеніями, мною объясненными, формальнаго или матеріальнаго права въ выраженіи формальное и матеріальное право не слѣдуетъ смѣшивать значеній этихъ выраженій, какъ часто смѣшиваютъ даже юристы, когда въ этихъ выраженіяхъ, подъ словомъ право, разумѣется только положительное, объективное право, какъ право извѣстнаго людскаго общества, а вовсе не праведное и не справедливое, такъ что не только формальное, но и матеріальное право есть въ этомъ смыслѣ положительное право извѣстнаго людскаго общества, но съ слѣдующ. только различіемъ между ними: матеріальн. правомъ называютъ юристы положительное право, на сколько имъ устанавливаются субъективныя права, юридическія обязанности, а также награжденія и наказанія, при чемъ подразумѣваютъ юристы, что это и составляетъ собственно содержаніе, матерію положительнаго права, почему это только и назыв. матеріальнымъ правомъ?
Подъ формальнымъ же правомъ, въ отличіе отъ такого матеріальнаго права, разумѣютъ юристы всѣ постановляемыя положительн. правомъ такъ назыв. судебныя формы, формальности (отчего и называютъ формальнымъ правомъ), каковы въ особенности судебные обряды, употребляемые вообще какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ этомъ смыслѣ, такъ какъ эти формальности, вся эта судебная обрядность и составляетъ собственно содержаніе такъ назыв. судебныя права или, какъ нѣмцы говорятъ, про-

цессуальнаго права (processrecht). Въ этомъ смыслѣ, формальное право, судебное или процессуальное право юристы отождествляютъ, потому что именно въ судебномъ или процессуальномъ правѣ говорится не о правахъ и объ обязанностяхъ и даже не о награжденіяхъ и наказаніяхъ, а объ этихъ именно формальностяхъ, объ этой обрядности.

Какъ отъ праваго, въ смыслѣ собственно правомѣрнаго, т.е. согласнаго съ положительнымъ правомъ, такъ и отъ праваго, въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, согласнаго съ правдою и справедливостью, отличаютъ юристы то, что назыв. справедливымъ (equum); такъ что справедливое признаютъ юристы чѣмъ-то среднимъ между правомѣрнымъ въ собств. смыслѣ и между праведнымъ и справедливымъ, а именно, справедливое есть согласное съ тѣмъ, что назыв. собственно справедливостью (equitas) или что назыв. также справедливымъ правомъ (jus equum) въ отличіе съ одной стороны отъ положительнаго или формальнаго права, въ объясненномъ нами смыслѣ, которое въ этомъ случаѣ называется строгимъ правомъ (jus strictum), а съ другой стороны, отъ права, какъ правды и справедливости или отъ мыслимаго, естественнаго, природнаго, матеріальнаго права, въ объясненномъ смыслѣ; такъ что, справедливость есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто среднее между ними, а именно, справедливость (equitas) есть смягченіе, ограниченіе juris stricti, строгаго права, въ объясненномъ смыслѣ, уклоненіе отъ положительнаго, формальнаго права съ цѣлью возможно большаго приближенія въ данномъ случаѣ къ правдѣ и спра-

ведливости или къ мнимому, естествен-
ному, природному, материальному праву.
Такъ поступалъ преторъ вообще, следуя
equitatem, въ особенности въ такъ назыв.
bonae fidei judiciis, предоставляя судьямъ
право решать дела по справедливости,
а не по строгому праву, что и выражали
въ формулахъ quatitum equius melius.
Вообще судьи, при постановленіи своихъ
решеній по гражданск. и уголовнымъ
деламъ, принимаютъ действующее
въ данномъ обществе союзъ положитель-
ное право, но вместе съ темъ прини-
мая въ соображеніе все единичныя, особен-
ныя, конкретныя обстоятельства дан-
наго случая, постановляютъ решеніе
по такъ назыв. справедливости. Всего кон-
чне и точнее, сравнительно съ новыми и
древними юристами, определяетъ по-
нятіе справедливости Виндшейдъ въ своей
книге Lehrbuch der Pandecten Recht (учебникъ
Пандектнаго права), которая переведе-
на на русск. языкъ подъ редакціею профес.
Пахмана, а именно онъ говоритъ: („спра-
ведливымъ правомъ" (jus equum) называется
то право, которое сообразуется съ факти-
ческими отношеніями, т. е. это есть
такое право, въ которомъ каждый мо-
ментъ (т. е. существенная составная
часть) фактическихъ отношеній, заслу-
живающій вниманія, находитъ себе та-
кое вниманіе, принимается въ соображеніе
при судебныхъ постановленіяхъ, а напро-
тивъ, каждый не заслуживающій вни-
манія моментъ въ данномъ фактическ.
отношеніи, вовсе не находитъ себе внима-
нія, не принимается въ соображеніе и при
томъ каждый изъ этихъ моментовъ
пользуется темъ именно вниманіемъ,
какого требуетъ его природа". Для объясненія

этого нужно взять какое нибудь конкретное, единичное, юридическое явленіе. Два лица напр. заключили между собой договоръ займа. При этомъ договорѣ необходимо требуется, чтобы предметомъ этого договора были вещи замѣняемыя, т. е., такія, при которыхъ вмѣсто одной вещи можно-бы было отдать другую вещь, но въ опредѣленномъ качествѣ и опредѣленнаго количества. Если-же между договаривающимися будетъ установлено, чтобы была отдана такая вещь, которая не можетъ б. замѣняема, то этотъ договоръ уже будетъ договоромъ ссуды а не займа. Въ данномъ случаѣ состоялся напр. договоръ займа денегъ. Одно лицо дало другому 100 руб. съ тѣмъ, чтобы это другое лицо въ извѣстное время, въ извѣстный срокъ, въ извѣстн. мѣстѣ, въ извѣстномъ количествѣ и въ извѣстн. качествѣ, а именно, 100 руб. золотомъ или чистымъ серебромъ, а не размѣнными, возвратило ему занятыя деньги. Вообразите себѣ, что должникъ въ это время и въ этомъ мѣстѣ не найдетъ чистымъ золотомъ или серебромъ ста рублей для уплаты должнику. Если бы, по предъявленіи кредиторомъ иска противъ должника, судья присудилъ должника къ наказанію, то самъ-бы добросовѣстный должникъ могъ сказать что судья хватилъ слишкомъ далеко. Судья въ данномъ случаѣ долженъ принять во вниманіе то обстоятельство, что въ данной мѣстности не было денегъ золотомъ и серебромъ и потому онъ долженъ въ своемъ рѣшеніи держаться середины между положительнымъ правомъ и естественнымъ, природнымъ правомъ, какъ

праведнымъ и справедливымъ, т. е., онъ долженъ заставить должника заплатить долгъ кредитору бумажками, но по курсу на золото и серебро. Если-бы должникъ напр., въ данномъ случаѣ сказалъ, что золото, положимъ, въ данной мѣстности и есть, но оно обходится слишкомъ дорого и потому я не желаю заплатить долгъ золотомъ, то это былъ-бы моментъ, не заслуживающій вниманія.

Затѣмъ Виндшейдтъ говоритъ: „право, которое по отношенію къ какому-нибудь изъ этихъ моментовъ не сообразно съ фактическ. отношеніями, называется строгимъ правомъ (jus strictum), которое слѣдов. не принимаетъ во вниманіе никакого момента въ данномъ фактич. отношеніи". Затѣмъ, можно сказать, jus equum не есть, какъ отсюда видно, право, равное для всѣхъ лицъ, а есть только право, равное для отношеній, которыя имъ опредѣляются: напр. все равно къ какому-бы сословію не принадлежало лицо, если оно заключитъ договоръ займа, то оно должно исполнить его условія, такъ что слѣд., законъ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи безотносительно ко всѣмъ лицамъ, т. к. что не было-бы справедливо, если-бы онъ дѣйствовалъ по отношенію къ одному лицу такъ, а къ другому иначе. Нѣкоторые юристы полагаютъ что сущность справедливаго права будто-бы заключается въ соображеніи индивидуальныхъ различій, т. е., въ различіи лицъ. Это не вѣрно, но самое воззрѣніе этихъ юристовъ имѣетъ свою вѣрную сторону въ нѣкоторомъ отношеніи, а именно: „конечно

говоритъ Виндшейдтъ, можетъ случиться, что не принимать въ соображенiе индивидуальныхъ личныхъ различiй будетъ также несправедливо, напр. если не принимать во вниманiе того, что лица, совершившiя одно и тоже преступленiе, отличаются возрастомъ своимъ, такъ что одни изъ нихъ малолѣтнiе, а другiе совершеннолѣтнiе и даже взрослые, - или однѣ лица отличаются образованностью, а другiя не получили образованiя. Однако-же, продолжаетъ Виндшейдтъ, можетъ б. несправедливымъ и принятiе въ соображенiе такихъ личныхъ индивидуальныхъ различiй; напр., если-бы дѣлали различiе относительно одного и того-же преступленiя между различными сословiями, то это было бы не справедливо. Но вообще, заключаетъ Виндшейдтъ, понятiе справедливости по своей природѣ, т.е. сущности, есть понятiе относительное, слѣд., не есть абсолютное, а зависимое отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ или условiй, относительное къ нимъ и слѣдов. условное, ибо содержанiе свое, т.е., что именно справедливо и что не справедливо, оно заимствуетъ (это понятiе) изъ правосознанiя того лица, которое разсматриваетъ данное право и въ этомъ отношенiи различно понимаютъ тѣ или другiя лица, что именно справедливо и что несправедливо, слѣдуя своему чувству права, или правосознанiю. Но такъ какъ правосознанiемъ или чувствомъ права руководится не только единичный человѣкъ, но и цѣлые народы, то подъ справедливостью разумѣется тотъ идеалъ, къ осуществленiю котораго должно б. направлено положительн. право

всякаго народа. Слѣдов., нельзя сказать, что будто-бы только отъ личнаго чувства права или правосознанія единичнаго человѣка зависитъ отношеніе, что справедливо и что не справедливо, напротивъ и отъ чувства права и правосознанія всего даннаго народа зависитъ также пониманіе, что справедливо и что не справедливо и въ этомъ случаѣ и справедливое право, какъ и правда и справедливость, есть для него идеалъ, къ осуществленію котораго должно стремиться положительное право всякаго народа".

Мы прибавимъ еще отъ себя, для большаго поясненія послѣдней мысли, слѣдующее: справедливость необходима для того, чтобы такъ назыв. матеріальн. право или правда и справедливость не осталось просто только въ человѣческомъ мышленіи идеаломъ, какъ идеаломъ мечтательнымъ, а чтобы оно стало дѣйствительнымъ правомъ, чтобы правда и справедливость осуществлялась въ положительномъ правѣ, какъ въ прав. дѣйствительномъ, реальномъ. Правда и справедливость и осуществляется въ дѣйствительности болѣе или менѣе въ дѣйствительномъ, реальномъ правѣ всякаго людскаго обществ. союза именно чрезъ посредство справедливости. Однако-же можно сказать, что подобно тому, какъ треугольникъ существуетъ по своей сущности прежде чѣмъ онъ будетъ кѣмъ нибудь начерченъ, напр. написанъ на бумагѣ, такъ точно правда и справедливость существуетъ по своей сущности и помимо своего осуществленія въ положительномъ правѣ. Можно

даже сказать, что если справедливость не будетъ принимаема въ соображеніе въ существующихъ законныхъ постановленіяхъ, въ приговорахъ или рѣшеніяхъ судовъ, то въ такомъ случаѣ правда и справедливость превратится въ неправду и несправедливость, право превратится въ неправо. Въ этомъ см. уже у римлянъ сложилась народная поговорка, пословица, о которой, между прочимъ, упоминаетъ Цицеронъ въ своемъ сочиненіи De officiis (кн. I, глава 10ª): summum jus — summa injuria, т. е. строгое, доведенное до своей крайности, не принимающее въ соображеніе никакихъ обстоятельствъ право есть величайшая несправедливость.

Дѣятельность, согласная съ такою справедливостью, при постановленіи судебныхъ рѣшеній и приговоровъ о какомъ-нибудь лицѣ или о какомъ-нибудь домѣ, назыв. правосудіемъ (justitia), т. е., правымъ судомъ, какъ судомъ справедливымъ, а несогласная съ такою справедливостью дѣятельность назыв. неправосудіемъ, т. е., неправымъ судомъ, какъ судомъ несправедливымъ. Однакоже слово правосудіе, justitia, принимается еще и въ другомъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ принадлежащей судебнымъ мѣстамъ и лицамъ функціи, отправленія, имъ свойственной, все равно, будетъ ли эта дѣятельность согласна или не согласна съ справедливостью. Въ этомъ см. юристы отличаютъ судебную дѣятельность отъ другихъ родовъ дѣятельности верховной власти и ея органовъ, а именно, какъ отъ законодательной дѣятельности, отъ законодательства, отъ дѣятельности, состоящей въ изданіи законовъ, такъ и отъ дѣятельности такъ назыв. исполнительной или точнѣе — административной, состоящей собственно въ такъ назыв. управленіи

Лит. А. Гранатова б. Г. Савостьянова

и въ этомъ смыслѣ назыв. правительствен-ною дѣятельностью. Поэтому и самыя орудія или органы судебн. дѣятельности въ государствѣ обыкновенно называются также юстиціею, напр., въ выраженіи, министерство юстиціи, въ отличіе отъ органовъ законодательной власти, каковы суть всякого рода законодат. собранія, и въ отличіе отъ органовъ исполнительной или административной дѣятельности, обыкновенно называемыхъ, какъ вмѣстѣ взятыя, администраціею или въ соств. смыслѣ правительствомъ.

Послѣ сказаннаго мы можемъ утверждать, что такъ назыв. чувство права есть чувствованіе правды и справедливости или собственно такъ назыв. справедливости, justitiae. Это чувствованіе само по себѣ безотчетно и неопредѣленно, темно и смутно, какъ и всякое другое чувствованіе. Однако-же, чувствомъ права уже вызываются сужденія, о положит. правѣ и объ основанныхъ на немъ правахъ въ субъективн. смыслѣ и юридич. обязанностяхъ и судебн. постановленіяхъ; слѣдов. чувство права уже возвышается надъ простымъ, наивнымъ отношеніемъ къ нимъ, именно тѣмъ, что при наивномъ къ нимъ отношеніи человѣкъ вовсе не разсуждаетъ, не размышляетъ такъ-ли это должно б. или не такъ, такъ что такое отношеніе, чуждое всякой рефлексіи; напротивъ чувство права приводитъ къ такой рефлексіи, къ такому размышленію, такъ что въ силу такого своего чувства, человѣкъ уже судитъ о томъ, согласны-ли постановленія даннаго положит. права, основанныя на немъ субъективныя права и юридич. обязанности, а также судебныя постановленія съ правдою и справедливостью или не согласны. Вотъ

почему эта ступень есть высшая ступень сравнительно съ предыдущей. Однако-же и вызываемыя чувствомъ права сужденія необходимо бываютъ также безотчетны и неопредѣленны, темны и смутны, какъ и всякое чувствованіе ихъ вызывающее. Такъ, если вы спросите какого-нибудь человѣка, руководящагося только чувствомъ права, почему онъ одобряетъ одно постановленіе закона, какъ согласное съ правдою и справедливостью, а другое порицаетъ, какъ несогласное съ правдою и справедливостью, и почему онъ находитъ, что ему или другому кому нибудь должно принадлежать по правдѣ и справедливости такое-то субъективное право, хотя-бы положительное право и не давало ему такого права и что напротивъ правда и справедливость не возлагаетъ на него или на кого-нибудь другаго такой юридич. обязанности, которая возлагается положительн. правомъ и наконецъ, почему онъ признаетъ, что въ такомъ то гражд. или уголовн. дѣлѣ судъ постановилъ рѣшеніе или приговоръ, согласный съ правдою и справедливостью, а въ такомъ-то дѣлѣ несогласное съ правдою и справедливостью, — если вы спросите такого человѣка, руководящагося въ своихъ сужденіяхъ только чувствомъ права, то онъ или вовсе не даетъ никакого отвѣта, почему онъ такъ думаетъ, т.е. не даетъ никакого на то разумнаго основанія, не приведетъ никакой разумной причины такого своего сужденія, а просто скажетъ, что мнѣ такъ кажется, что я такъ думаю, что я въ этомъ увѣренъ, убѣжденъ и т.п.. Подобный отвѣтъ ничего не значитъ, какъ только то, что такой человѣкъ ссылается просто на свое безотчетное и неопредѣленное чув-

основаніе, вмѣсто всякаго другаго основанія, которое было-бы отчетливымъ и опредѣленнымъ. Слѣдов., въ этомъ см. чувство права есть, какъ мы сказали, нѣчто безотчетное и неопредѣленное, точно также какъ и продуктъ его, т.е. всякое сужденіе человѣка, на немъ основанное. Впрочемъ, слѣдуя своему чувству права, человѣкъ можетъ привести даже какое нибудь основаніе своего сужденія, но если онъ и приведетъ какое нибудь основаніе, руководясь только чувствомъ права, то его темнота, т.е. неясность, его спутанность съ другими сужденіями укажетъ намъ на то, что сужденіе его есть не болѣе какъ продуктъ темнаго и смутнаго чувства. Спросите вы напр. у человѣка, руководящагося въ своихъ сужденіяхъ только такимъ чувствомъ права, почему утверждаетъ онъ, что противна правдѣ и справедливости неравноправность женщинъ съ мужчинами въ томъ или другомъ отношеніи, напр. относительно распоряженія своимъ имуществомъ. Такой человѣкъ или ничего не отвѣтитъ или отвѣтитъ хотъ можетъ б. и другими словами, но приблизительно такъ, что женщина де такой-же человѣкъ, какъ и мужчина и что слѣд., какъ женщина, такъ и мужчина должны б. равноправны во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣд. и относительно распоряженія своимъ имуществомъ. Но, чтобы сбить такого человѣка съ толку, заставить его замолчать, какъ это дѣлалъ Сократъ съ софистами, достаточно будетъ ему сдѣлать такое простое возраженіе: да вѣдь малолѣтній такой-же человѣкъ, какъ и совершеннолѣтній, а между тѣмъ никто никогда не рѣшался утверждать, что противна правдѣ и спра-

ведливости неравноправность малолѣтняго съ совершеннолѣтнимъ относительно напр. распоряженія, имуществомъ. Но можетъ быть такой человѣкъ отвѣтитъ намъ, что различіе между женщиной и мужчиной не такого какъ между несовершеннолѣтнимъ и совершеннолѣтнимъ и что слѣд. здѣсь нельзя сравнивать несовершеннолѣтняго съ женщиной. Но, если вы спросите въ чемъ же заключается это различіе, то такой человѣкъ или не отвѣтитъ ничего или отвѣтитъ что нибудь такое, что будетъ неясно, и темно и совершенно смутно. Вотъ почему люди, имѣющіе болѣе или менѣе отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно, не останавливаются на т. наз. чувствѣ права, а стараются дойти къ тому, что назыв. сознаніемъ права или правосознаніемъ. Это есть уже 4-ая ступень восхожденія человѣч. сознанія къ принципамъ права. Итакъ,

<u>Четвертая ступень</u>. Этой ступени, какъ и прочимъ ступенямъ, соотвѣтствуетъ извѣстн. положительный фактъ, а именно слѣдующ.: были и есть люди, руководящіеся и руководившіеся въ своихъ сужденіяхъ о положительномъ правѣ и объ основанныхъ на немъ субъективн. правахъ, юридич. обязанностяхъ и судебныхъ постановленіяхъ (таковыми ли они должны б. на самомъ дѣлѣ или нѣтъ) такъ назыв. сознаніемъ права или правосознаніемъ. Въ этомъ выраженіи „сознаніе права или правосознаніе" точно также какъ и въ выраженіи „чувство права" слово права имѣетъ значеніе не положит. права (jus), а значеніе праведнаго и справедливаго, правды и справедливости (justitia). Сознаніемъ права или правосознаніемъ, точно также

какъ и чувствомъ права, вызываются сужденія о положит. правѣ и объ основанныхъ на немъ субъективн. правахъ и обязанностяхъ и судебн. постановленіяхъ. Но между чувствомъ права и правосознаніемъ есть существенная разница, не смотря на какое ихъ подобіе: между тѣмъ какъ сужденія, вызываемыя чувствомъ права, всегда необходимы бываютъ безотчетны и неопредѣленны, темны и смутны, сужденія, вызываемыя сознаніемъ права или правосознаніемъ, напротивъ бываютъ болѣе или менѣе уже отчетливы и опредѣленны, ясны и раздѣльны, потому что самое уже сознаніе, вызывающее эти сужденія, по своей сущности болѣе или менѣе отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно, именно потому, что сознаніе права, какъ показываетъ уже самое слово „сознаніе" есть уже не чувство права, а знаніе права права, какъ праведнаго и справедливаго или правды и справедливости (justi). Всякое знаніе непремѣнно по своей сущности всегда болѣе или менѣе отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно, въ противоположность чувству или чувственности. Но здѣсь мы говоримъ „сознаніе права", а потому спрашивается, что выражаетъ предлогъ со въ словѣ сознаніе? Этотъ предлогъ означаетъ, что сознаніе права не есть просто восприятіе чего нибудь, какъ даннаго во внѣшнемъ опытѣ, во внѣ, какъ напр. простое знаніе того или другаго внѣшняго, видимаго предмета, слѣдов., оно не есть просто знаніе положит. права того или другаго народа, т. е. не есть просто отвлеченіе отъ даннаго положительнаго права, какъ думаютъ впрочемъ нѣкоторые философы,

ибо сколько вы не отвлекаете обобщеній изъ положительнаго права, вы никогда не придете къ праведному и справедливому. Конечно, въ положительномъ правѣ вы найдете праведное и справедливое, но что въ немъ праведно и справедливо, то дается не самымъ положит. правомъ, а является продуктомъ мыслящаго человѣческаго ума, воспринимающаго изъ внутри самого себя, изъ внутренняго опыта этотъ свой продуктъ, такъ что это необходимо, всегда соединено съ мышленіемъ человѣка.

Предлогъ со въ словѣ сознаніе и выражаетъ какъ-бы согласіе ума человѣческаго въ воспроизведеніи, въ продуцированіи знанія. Поэтому, только люди мыслящіе сознаютъ право, т. е. праведное и справедливое или правду и справедливость, и только въ силу этого сознанія люди бываютъ въ состояніи имѣть болѣе или менѣе отчетливыя и опредѣленныя, ясныя и раздѣльныя сужденія о положит. правѣ и объ основанныхъ на немъ субъективн. правахъ, юридич. обязанностяхъ и судебн. постановленіяхъ. Такія сужденія болѣе уже отчетливы и опредѣленны въ томъ смыслѣ, что человѣкъ мыслящій, слѣд., сознающій право, какъ праведное и справедливое (justum), какъ правду и справедливость, всегда можетъ дать болѣе или менѣе опредѣленный отчетъ, на какомъ разумномъ основаніи онъ признаетъ то или другое законоположеніе и т. п. праведнымъ и справедливымъ или неправеднымъ и несправедливымъ. Такой человѣкъ можетъ даже привести такое разумное основаніе, которое отличается болѣе или менѣе ясностью или

раздѣльностью отъ всѣхъ прочихъ основаній. Спросите напр., такого человѣка, почему онъ признаетъ противнымъ правдѣ и справедливости неравноправность мужчины и женщины относительно распоряженія ихъ своимъ имуществомъ и онъ отвѣтитъ вамъ, хотя можетъ быть и другими словами такъ: потому что въ физическомъ или точнѣе въ физіологическомъ различіи организаціи мужчины и женщины равно какъ и въ отправленіи органовъ ихъ организма не находится ничего такого, т. е. никакого условія физіологическаго, которымъ бы ограничивалась способность женщины распоряжаться своимъ имуществомъ, сравнительно съ способностью мужчины. Напротивъ хотя физическая или точнѣе физіологическая организація младенца и вообще малолѣтняго и взрослаго человѣка совершенно одна и та-же, но отправленіе органовъ дѣтскаго организма столько отлично, по своей сущности отъ отправленія органовъ взрослаго человѣка что право напр. распоряжаться своимъ имуществомъ для несовершеннолѣтняго непремѣнно должно б. ограничено, вслѣдствіи незрѣлости его ума и воли, такъ что эта неравноправность не б. противною правдѣ и справедливости. Вы видите, что это сужденіе уже отчетливо и опредѣлено, ясно и раздѣльно. Мы не говоримъ, что это сужденіе вѣрно или невѣрно, потому что здѣсь дѣло только въ томъ, что сужденія, основанныя на правосознаніи отличаются болѣе или менѣе отчетливостью и опредѣленностью, ясностью и точностью.

Огромное большинство людей, сознаю-

щихъ право, какъ праведное и справедливое, ограничиваются тѣмъ, что ищутъ разумнаго основанія для признанія согласія съ правдою того или другого юридическаго закона а слѣдов., и субъективн. правъ и юридич. обязанностей и, нашедши такое разумное основаніе, останавливаются на такихъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ между собою, слѣдов., безсвязныхъ результатахъ своего правосознанія. Однако были и есть люди, которые на этомъ не останавливаются а восходятъ на высшую ступень. Такъ переходимъ мы къ 5-й и послѣдней ступени восхожденія человѣч. сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Пятая ступень. Слѣдующій положительный фактъ соотвѣтствуетъ этой ступени: были и есть такіе мыслители, правда, составляющіе весьма ограниченное меньшинство, которые не останавливались и не останавливаются на томъ, на чемъ останавливается какъ мы видѣли большинство, мыслящихъ людей, руководящихся безсвязнымъ не систематич. правосознаніемъ, слѣдов. не научнымъ правосознаніемъ, а напротивъ эти люди старались и стараются взойти къ связному, систематич. познанію права, какъ праведнаго и справедливаго, правды и справедливости. Такое познаніе права — строгое, научное, систематич. назыв. уже философскимъ познаніемъ, а его результатъ назыв. философіею права. Въ этомъ выраженіи философія права слово право имѣетъ также значеніе не положит. права, а праведнаго и справедливаго, правды и справедливости, словомъ, вся философія есть

наука, имѣющая своимъ предметомъ это праведное и справедливое, но во всей его цѣлости, какъ результатъ научнаго, систематическаго философскаго мышленія человѣчества, котораго представителями являются, именно философы, такъ какъ они размышливаютъ праведное и справедливое, какъ не разъединенное, а напротивъ, какъ связное систематич. научное единое цѣлое. Вотъ почему тѣ мыслители, которые старались и стараются возвыситься до философіи права и назыв. собствен. но философами, въ отличіе отъ прочихъ мыслителей и вообще отъ всѣхъ прочихъ людей. Слѣдов., философы старались и стараются своимъ философскимъ мышленіемъ, какъ мышленіемъ истиннымъ, научн. систематическимъ, какъ философскимъ, научн. систематич. правосознаніемъ привести въ связь, въ систему въ единое систематич. цѣлое всѣ отдѣльные т. е. не связанные систематич. законы о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, или какъ о правдѣ и справедливости, основываясь на вполнѣ отчетливыхъ и опредѣленныхъ, вполнѣ ясныхъ и раздѣльныхъ разумныхъ основаніяхъ, или причинахъ. Другими словами: философы старались и стараются построить, конструировать философію права въ смыслѣ науки, въ смыслѣ системы, какъ продукта философскаго мышленія ума человѣческаго. Въ видѣ такого построенія, такой конструкціи философы стараются найти, открыть для всѣхъ добытыхъ правосознаніемъ отдѣльныхъ разумныхъ основаній права, какъ правды и справедливости, такое разумное основаніе изъ котораго всѣ отдѣльныя разумныя основанія, какъ порознь, такъ и

вмѣстѣ взятыя, могли-бы б. выведены, или, какъ говорятъ философы, дедуцированы. Слѣд., въ этомъ см. философы искали и ищутъ разумнаго основанія для всѣхъ разумныхъ основаній права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости. Слѣдов., можно сказать и то, что мы сказали по отношенію первоосновы права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости: убѣжденные, что они нашли такую первую основу, они стараются дедуцировать изъ нея первые опредѣленіе права, какъ правды и справедливости, т. е. его понятіе, его сущность, или прежде всего правопонятіе, а затѣмъ старались и стараются выводить, дедуцировать изъ него почти все свои сужденія о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, какъ о правдѣ и справедливости. Эти сужденія въ философіи права, какъ въ наукѣ разнообразятся, въ изложеніи этой науки. Такимъ образ. философское мышленіе, или философія о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, какъ о правдѣ и справедливости, представляетъ собою, въ самомъ дѣлѣ, единое системат. научное цѣлое, какъ философскую систему, или построенную, конструированную. Эти систему, какъ постепенное и прогрессивное генетич. развитіе человѣч. мышленія, какъ сужденія о правдѣ и справедливости называютъ философіею права, какъ наукою, потому что философія права, въ этомъ смыслѣ, какъ и философія вообще, не должна быть представляема нами, какъ нѣчто въ данный моментъ времени готовое; философія права, какъ и философія вообще непрестанно развивается генетически постепенно и прогрессивно въ исторіи человѣч. мышле-

нія, человѣч. правосознанія. Такимъ образ. философы въ построяемой и конструируемой ими философіи права, или, что все равно, въ своихъ философскихъ принципахъ, имѣющихъ предметомъ своимъ право, какъ праведное и справедливое, какъ правду и справедливость, отправлялись и отправляются отъ первоосновы права, какъ отъ начала такого построенія, конструированія философіи права, или своей философской системы права. Въ этомъ смыслѣ эта первооснова права и назыв. элементомъ, или принципомъ права, т.е. праведнаго и справедливаго, или правды и справедливости (principium juris id est juris). Одни философы строятъ философію права, свою философскую систему, отправляясь отъ такого начала, или принципа права, изъ котораго заразъ можно было-бы прямо непосредственно вывести дедуцировать общее понятіе права, общее опредѣленіе права, какъ правопонятіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ изъ него уже и всѣ положенія этой науки назыв. философіею права, или философск. системой. Такое начало, или такой принципъ права можно назвать его непосредств. ближайшимъ принципомъ. Но нѣкоторые философы старались и стараются для такого непосредственнаго ближайшаго принципа права найти высшее разумное основаніе, высшій принципъ, а для этого высшаго принципа стараются найти еще высшій разумной принципъ, высшее разумное основаніе и т.д. пока, наконецъ не взойдутъ къ такому принципу, началу, который не имѣетъ никакого высшаго для себя основанія, никакого высшаго для себя принципа.

начала. Такое самое высшее основанie, начало принципъ есть верховный въ этомъ смыслѣ принципъ начала, основанie и притомъ не только для одного права, какъ праведнаго и справедливаго, но и для всего вообще мыслимаго умомъ человѣческимъ, или это есть, можно сказать, основа всѣхъ основъ, какъ верховное основанie, какъ верховная первооснова какъ начало всѣхъ началъ. Это есть принципъ всѣхъ принциповъ, или верховный принципъ. Этотъ-то верховный принципъ и назыв. въ собственно строгомъ смыслѣ слова есть принципъ (principium), всѣ-же прочie принципы, какъ изъ него уже выведенные, называются непосредственно ближайшими принципiями чего-бы то ни было и изъ, между прочимъ, слѣдуетъ назвать въ этомъ смыслѣ principiata, т.е. производные принципы, какъ обыкновенно ихъ и называютъ. Дошедши къ верховн. принципу всего, философы старались и стараются выводить, дедуцировать изъ него всѣ, въ самомъ дѣлѣ производные принципы, какъ принципы ближайшие, непосредственные того, или другаго понятия и между прочимъ выводить изъ него низшiй ближайшiй принципъ права, какъ правопонятiя, чтобы изъ этого ближайшаго принципа выводить, дедуцировать опредѣленiя, понятiя права, или правопонятiя, а изъ него уже выводить, дедуцировать всѣ вообще положенiя, или мысли, составляющiя содержанie философiи права, или философскую систему права, какъ науки. Философiя вообще во всей своей единой цѣлости непремѣнно должна отправляться отъ верховнаго принципа, отъ принципа всего, а философiя

права должна отправляться отъ верховнаго принципа права, ибо она имѣетъ своимъ предметомъ человѣч. мышленіе о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, тогда какъ вся философія вообще имѣетъ своимъ предметомъ все мышленіе человѣческое вообще. Философія права имѣетъ своимъ непосредственнымъ принципомъ правопонятіе, входитъ въ составъ философіи вообще, какъ одна изъ ея частей, какъ одна изъ философскихъ наукъ, стоя во внутренней систематической связи со всѣми прочими частями философіи, со всѣми прочими философскими науками, такъ и съ философіею вообще, какъ единымъ систематическимъ. Поэтому ближайшій, по возможности, непосредственный принципъ права, какъ праведнаго и справедливаго, всегда есть одинъ изъ всѣхъ производныхъ принциповъ, только одинъ изъ принциповъ. Философія вообще должна отправляться отъ верховнаго принципа въ собственномъ строгомъ смыслѣ, между тѣмъ, какъ всякая философская наука и между прочимъ философія права восходитъ отъ ближайшаго непосредств. принципа права.

Такъ постепенно и прогрессивно восходитъ генетически человѣческое сознаніе къ принципамъ, началамъ и опредѣленіямъ права въ смыслѣ правды и справедливости. Такимъ образ. мы окончили постепенное восхожденіе человѣч. сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права, поступательно совершающееся по пяти ступенямъ своего генетическ. развитія, которыя соотвѣтствуютъ пяти несомнѣннымъ положит. фактамъ; словомъ сказать

[illegible] окончали первую главу перваго отдѣла, [illegible]зои части нашей науки. Но филосо[illegible] поставляли для права вообще весьма различные принципы и выводили, дедуцировали изъ нихъ различныя опредѣленія понятія права, какъ правопонятія. Не смотря на такое различіе въ нихъ, мы можемъ усмотрѣть въ нихъ стройное теченіе, развитіе, поступательное и прогрессивное, сознаннаго человѣчествомъ течения ихъ. Разсмотрѣніе принциповъ опредѣленій права въ такомъ уже теченіи развитія есть, какъ мы уже показали предметъ новой слѣдующей второй главы перваго отдѣла первой части нашей науки. Такъ мы переходимъ къ этой главѣ.

Глава вторая.

Развитіе принциповъ и опредѣленій права.

Выраженіе принципъ, или начала права (principia juris) можно понимать и въ самомъ дѣлѣ, понимаютъ весьма различнымъ образ., а именно въ выраженіи принципы права, подъ словомъ право часто понимаютъ юристы собственно такъ назыв. право (jus), т.е. право положительное, право дѣйствующее, или дѣйствовавшее въ извѣстн. людскомъ общеcтв. союзѣ (напр. русское право, римское пр.), въ отличіе отъ праведнаго и справедливаго (justum), отъ правды и справедливости, иногда-же подъ словомъ принципы, начала права разумѣютъ основоположенія даннаго положит. права, т.е. тѣ выраженныя словами мысли, которыя слу-

жать основаніями для разныхъ отдѣльныхъ постановленій, юридич. законовъ, нормъ, входящихъ въ составъ даннаго положительнаго права, какъ слѣдствія этихъ основаній. Въ этомъ смыслѣ юристы говорятъ, напр. о принципахъ русскаго, римскаго права и проч. напр. о томъ, что не сходны между собою, или сходны. Наприм. принципы римскаго и русскаго права относительно наслѣдованія имущества, оставшагося послѣ смерти хозяина и назыв. наслѣдствомъ (hereditas) сходны въ томъ, что, то и другое положит. право равно признаютъ въ этомъ отношеніи слѣд. основоположеніе: имущество, оставшееся послѣ смерти хозяина, наслѣдство переходитъ къ другому лицу, или друг. лицамъ двоякимъ образомъ: или въ силу послѣдней воли хозяина, выраженной въ томъ, что назыв. завѣщаніемъ, testamentum (это наз. завѣщательнымъ наслѣдствомъ, successio testamentaria) либо переходитъ по закону, т. е. къ тому, или къ тѣмъ лицамъ, на которыя указываетъ законъ, а именно, къ ближайшимъ родственникамъ. Напротивъ, принципы римскаго и русскаго права относительно также наслѣдованія имущества различны въ томъ, что римское право признаетъ завѣщательное наслѣдованіе, какъ-бы правиломъ, а наслѣдованіе по закону только, какъ-бы исключеніемъ изъ этого правила. Поэтому-то законное наслѣдованіе опредѣляется русскими юристами положит. образомъ, тогда какъ римскими юристами опредѣляется отрицательно, а именно, оно назыв. наслѣдованіемъ безъ завѣщанія (successio ab intestato). Это объясняется тѣмъ, что по римскому праву имущество бы-

полною личною собственностію (dominium) его хозяина (dominus), надъ которую онъ могъ господствовать неограниченно, а слѣдов. онъ могъ самъ распоряжаться совершенно по своей волѣ, какъ при жизни своей, такъ и на случай смерти завѣщать свое имущество кому ему угодно, такъ что въ томъ только случаѣ когда не осталось послѣ смерти завѣщанія, имущество переходитъ къ тому, или тѣмъ лицамъ, на которыя указываетъ законъ. Напротивъ того по русскому праву имущество считается не личною собственностью настоящаго его хозяина, полною, неограниченною, надъ которою хозяинъ можетъ распоряжаться неограниченно, какъ при жизни, такъ и на случай смерти, а напротивъ имущество признается подлежащимъ цѣлому роду, котораго представителемъ является настоящій хозяинъ имущества, который есть только временный его владѣлецъ. Вотъ почему собственно имущество по русскому праву должно непремѣнно переходить къ законнымъ наслѣдникамъ. Но это есть собственно правило, изъ котораго допускается исключеніе, на основ. различія между движимымъ и недвиж. имуществомъ. Движимое имущество можетъ б. предметомъ завѣщанія, что-же касается недвиж. имущества, то оно дѣлится на родовое и благопріобрѣтенное. Родовое имущество можетъ б. передано не иначе, какъ ближайшимъ родственникамъ, состоящимъ въ томъ-же родѣ. Вотъ почему такое родовое имущество и не можетъ б. предметомъ завѣщанія. Недвиж. имущество есть такого рода собственность которая постоянно обезпечиваетъ существ

[illegible] человѣка, тогда какъ оно есть нѣчто твердое, непоколебимое, почему на него и обращается вниманіе. Напротивъ того, движ. имущество не есть такой важный способъ существованія человѣка, а потому и предоставляется распоряженію его по завѣщанію. Затѣмъ въ смыслѣ движ. имущества различаютъ родовое и благопріобрѣтенное имущество. Родовое имущество не можетъ подлежать завѣщанію, тогда какъ благопріобрѣтенное можетъ подлежать завѣщанію, такъ какъ это не составляетъ собственности рода. Вотъ почему такъ важно и даже необходимо при научной системѣ, при научномъ, систематическомъ, сознательномъ изученіи всякаго положительнаго права доискиваться его принциповъ, въ смыслѣ тѣхъ основоположеній, которыя заключаются въ данномъ правѣ, пот. что на такихъ законоположеніяхъ, какъ принципахъ, и основываются всѣ отдѣльныя постановленія всякаго положительнаго права, какъ слѣдствія этихъ основъ, потому что, если мы выяснимъ принципы и въ этомъ смыслѣ законоположеніе даннаго положительнаго права, то затѣмъ всѣ отдѣльныя части его постановленія будутъ для насъ совершенно ясны, какъ освѣщенныя своимъ принципомъ, а ясность весьма важна для пониманія, для разъясненія всѣхъ постановленій, для такъ наз. толкованія законовъ (interpretatio). Вслѣдствіе этого всѣ постановленія даннаго положит. права представляются намъ во внутренней связи между собой, связанными однимъ и тѣмъ же общимъ принципомъ, или основоположеніемъ, а это весьма важно для научнаго систематич. изученія и изложе-

нія даннаго положительнаго права, безъ котораго наука права, правовѣдѣніе вовсе не можетъ существовать. Поэтому восхожденіе къ принципамъ положит. права есть необходимое условіе, именно: всякаго научнаго университетскаго ученія и преподаванія даннаго положительнаго права.

18. 2, Въ выраженіи принципы права иногда разумѣютъ философы подъ словомъ право также, какъ и въ первомъ значеніи, положительное право, но уже все вообще, или всякое положительное право, а не то, или другое положит. право, или то, или другое постановленіе его, какъ въ первомъ значеніи. Вотъ для всего то, или для всякаго положит. права вообще и ставятъ иногда философы наиближайшіе принципы, въ смыслѣ наиближайшихъ разумныхъ основаній, какъ основопонятій для всѣхъ понятій, входящихъ въ составъ всякаго положит. права, которыя (основопонятія) должны быть осуществлены во всякомъ положит. правѣ и которыя суть ничто иное, какъ самое праведное и справедливое, самая правда и справедливость въ смыслѣ такого основопонятія, такъ, что осуществленіе въ дѣйствительности этого-то основопонятія, этого-то праведнаго и справедливаго, этой правды и справедливости должно имѣть въ виду все и всякое положительное право и слѣдов. все, что основано на всякомъ, или на всемъ положит. правѣ, какъ субъект. правѣ, должно также имѣть въ виду осуществленіе этого основопонятія, правды и справедливости, а именно: и всѣ субъективныя права и всѣ юридич. обязанности и всѣ отправленія правосудія, вся дѣятельность членовъ обществ. союзовъ въ цѣломъ и въ частяхъ, всѣ ихъ взаимныя отношенія между собою

и наконецъ все устройство и управленіе всякаго людскаго обществ. союза въ цѣломъ и въ частяхъ. Въ этомъ-то смыслѣ, можно сказать и такъ, что правда и справедливость есть верховная цѣль всего и всякаго положительнаго права, т.е. единственно только къ правдѣ и справедливости должно, по возможности, возноситься, направляться все и всякое положительное право, какъ къ своей вершинѣ, къ своей послѣдней конечной верховной цѣли. Далѣе, единственно-же только правдою и справедливостью должно по возможности управляться, руководствоваться, регулироваться, нормироваться все и всякое положит. право, такъ, что въ этомъ смыслѣ право д. б. его верховн. нормою, регулою, правиломъ. Наконецъ, только правда и справедливость д. быть и верховн. мѣриломъ, критеріемъ совершенства и несовершенства всего и всякаго полож. права. Все же прочее, что ставили, или ставятъ нѣкоторые философы принципомъ въ этомъ смыслѣ всего и всякаго положит. права, какъ то, напр. интересы, польза, выгода членовъ обществ. союзовъ и самого союза, ихъ безопасность и благосостояніе или однимъ словомъ ихъ благоденствіе, счастие и т.п. все это должно признать не болѣе, какъ естеств. послѣдствіемъ осуществленія въ обществахъ правды и справедливости такъ что, если правда и справедливость будутъ осуществ. положит. правомъ то по мѣрѣ осуществленія всякій обществ. союзъ со всѣми его членами, со всѣми его частями и въ цѣломъ непремѣнно достигнетъ того, что назыв. вообще благоденствіемъ и счастіемъ, т.е. безопасностью и благосостояніемъ. Въ [illegible]

смыслѣ, можно назвать и иногда называютъ философы правду и справедливость наиближайшимъ принципомъ права. Но, какъ мы сказали прежде, правда и справедливость выражаются въ людяхъ и народахъ и въ такъ назыв. чувствѣ права и въ такъ наз. сознаніи права, или въ правосознаніи; слѣдов., въ этомъ смыслѣ чувство и сознаніе права м. б. также признаны принципомъ права, т. е. всего и всякаго положит. права, а именно: уже въ смыслѣ мѣрила, критерія, согласія, или несогласія всего и всякаго положит. права какъ правды и справедливости, праведнаго и справедливаго, или неправды и несправедливости, неправеднаго и несправедливаго и слѣдов. въ смыслѣ также мѣрила, критерія совершенства и несовершенства въ этомъ отношеніи всего и всякаго положительнаго права. Великая важность правды и справедливости, какъ принципа права въ этомъ объясненномъ нами смыслѣ несомнѣнна, будучи очевидною для всѣхъ, именно, изъ всего того, что мы сказали объ этомъ принципѣ. Такъ, правду и справедливость, какъ верховн. цѣль, какъ норму, какъ мѣрило совершенства и несовершенства положительнаго права, должны имѣть въ виду и законодатель при изданіи законовъ и судья при ихъ приложеніи къ дѣламъ и администраторъ при приведеніи ихъ въ исполненіе и наконецъ излагающій и изучающій положит. право при его толкованіи и при его критикѣ.

Таковы два значенія выраженія „принципъ или начала права". Они имѣютъ то общее, что для обоихъ изъ этихъ выраженій слово право употребляется въ [illegible]

значеніи положит. права. Но не въ этомъ смыслѣ здѣсь мы говоримъ о развитіи принциповъ и опредѣленія правъ, а въ другомъ особенномъ смыслѣ. Такъ мы переходимъ къ этому третьему смыслу этого выраженія.

3, Философы, поставляющіе принципы права, обыкновенно, понимаютъ подъ словомъ право не положит. уже право, а самое праведное, или справедливое, самую правду и справедливость, такъ что они ставятъ principia juris, употребляя слово jus въ смыслѣ justum; слѣд. они говорятъ de principiis juris, id est justi. Поставляя принципы права въ этомъ смыслѣ какъ принципы самой правды и справедливости, философы поставляютъ для правды и справедливости или верховные принципы, какъ принципы всего, какъ собственно строго такъ назыв. принципы, или же только ближайшіе принципы какъ принципы производные или непосредственные правды и справедливости, какъ principia. Этимъ существенно отличаются эти принципы права отъ принциповъ права въ двухъ разсмотрѣнныхъ нами первыхъ значеніяхъ, ибо эти принципы права суть принципы положит. права, а не самой правды и справедливости. Мы по возможности не будемъ касаться здѣсь верховныхъ принциповъ всего, или въ строгомъ такъ наз. см. принциповъ, а слѣд. верховныхъ принциповъ и нашего предмета, т.е. правды и справедливости; ибо ихъ разсмотрѣніе есть дѣло философіи вообще и ея исторіи, а не нашей науки. Я буду говорить о только ближайшихъ, непосредственныхъ принципахъ права, какъ правды и справедливости и

критикъ предстаетъ [illegible]
ихъ различит[illegible], такъ [illegible] ис-
торіи философіи [illegible] нау-
ки, а въ генетическомъ развитіи, [illegible]
именно, признанныхъ нами [illegible] из-
ложенія нашей науки и притомъ пред-
ставлю ихъ согласно съ [illegible]. Содер-
жаніемъ нашей науки, т.е. представляю
генетич. развитіе принциповъ права
во всеобщности, а не въ частностяхъ. Это зна-
читъ, что я ограничусь [illegible]
щеніемъ въ видѣ примѣровъ [illegible]
особенно выдающихся философовъ, которые
построили цѣлыя философскія системы,
а не издали какія нибудь слабо [illegible]
монографіи и которые [illegible]
были главными представителями исто-
рико-генетич. развитія философіи пра-
ва. Но не смотря на то, что мы ограни-
чимся такими [illegible], [illegible]
эти принципы права мы представимъ
согласно съ [illegible] содержаніемъ
нашей науки, не только во всеобщности,
но и всесторонности и всеобъемлемости и
какъ одно цѣлое, т.е. для этого мы сгруп-
пируемъ эти принципы такъ, чтобы
они представляли, [illegible], въ
самомъ дѣлѣ, одно цѣлое. Составляя та-
кія группы изъ такихъ принциповъ
права, т.е. правды и справедливости,
поставляемыхъ такими философами,
мы б. руководствоваться [illegible] главны-
ми значеніями, въ которыхъ философы
употребляли здѣсь слово принципъ,
какъ принципъ права, т.е. правды
и справедливости. Такихъ главныхъ
значеній этого слова было четыре, а
слѣдов. всего четыре, не болѣе, не менѣе
главныхъ различныхъ группъ. Такимъ
образомъ мы составимъ слѣд. четыре группы

Первую группу составятъ такъ назыв. формальные принципы права, т. е. правды и справедливости. Здѣсь подъ принципами права разумѣемъ мы источники или орудія его познанія (principia cognoscendi juris, id est justi). Вторую группу составятъ такъ назыв. реальные, или матеріальные принципы права. Здѣсь подъ словомъ право разумѣемъ мы причины бытія и становленія. Третью группу составятъ такъ наз. телеологич. принципы права. Здѣсь подъ словомъ право разумѣется цѣль его бытія и его становленія. Четвертую составятъ, такъ назыв. практическіе принципы права, т. е. правды и справедливости. Здѣсь подъ словомъ право разумѣемъ мы основныя правила для человѣческой дѣятельности согласной съ правомъ въ смыслѣ правды и справедливости, какъ праведной и справедливой дѣятельности. Такъ какъ четвертая группа образуетъ такъ назыв. практическіе принципы права, то всѣ первыя три группы, можно-бы назвать, въ отличіе отъ нихъ теоретич. принципами права; но, если и можно такъ ихъ назвать, то нельзя изъ нихъ никакъ образовать особенную группу. Вотъ почему необходимо каждую изъ этихъ группъ разсмотрѣть порознь.

Мы ставимъ эти четыре группы въ такомъ именно порядкѣ (формальныя, матеріальн., или реальныя, телеолог. и наконецъ практическія) потому что онѣ представляютъ собою четыре ступени генетич. развитія принциповъ права, какъ правды и справедливости, слѣдующія одна за другою въ такомъ именно, порядкѣ, какъ мы увидимъ. И

такъ, начну разсмотрѣніе порознь, но въ связи этихъ четырехъ группъ принциповъ права въ этомъ смыслѣ.

I. Формальные принципы права.

Это суть вообще такъ назыв. принципы познанія права, т.е. правды и справедливости (principia cognoscendi juris, id est justi). Спрашивается, въ какомъ смыслѣ они называются такъ, почему философы признаютъ поставленія этихъ принциповъ необходимымъ и почему мы поставили эти принципы на самомъ первомъ мѣстѣ, какъ первую группу, или какъ первую ступень генетическ. развитія принциповъ права, т.е. правды и справедливости? Приступая къ научному разумному философск. познанію права, т.е. правды и справедливости, умъ человѣческій, т.е. его мышленіе, его познаніе необходимо должно прежде всего рѣшить слѣдующ. вопросъ: откуда, изъ чего, т.е. изъ какого источника (fons) и чѣмъ, или посредствомъ чего, т.е. посредствомъ какого орудія, органа, какъ душевной нашей способности, можемъ мы познавать право, какъ правду и справедливость. Вотъ почему вопросъ объ источникахъ и органахъ познанія есть первѣйшій вопросъ при разсмотрѣніи принциповъ права въ этомъ смыслѣ, ибо безъ предварительнаго рѣшенія этого вопроса не возможно рѣшить всѣхъ др. вопросовъ, сюда относящихся, т.е. тѣхъ, которые рѣшаются поставленіемъ принциповъ права въ см. матеріальныхъ, или реальныхъ, въ смыслѣ телеологич. и въ см. практич. принциповъ права, какъ мы увидимъ. Итакъ источникъ, или орудіе познанія права, какъ

правды и справедливости, есть нѣчто внѣшнее для самого содержанія права, какъ правды и справедливости, для его матеріи, т.е. для опредѣленія, что содержитъ въ себѣ понятіе правды и справедливости, праведнаго и справедливаго, какъ оно есть само въ себѣ въ этомъ смыслѣ. Это есть форма для содержанія, матеріи правды и справедливости. Въ этомъ то смыслѣ и называемъ мы эти источники и орудія познанія права, какъ правды и справедливости формальн. принципами права, или принципами познанія права, какъ правды и справедливости (principia cognoscendi juris, id est justi). Поставленіе ихъ необходимо прежде всякаго опредѣленія содержанія матеріи права, какъ правды и справедливости, потому что, если мы не знаемъ изъ чего (изъ какого источника) и посредствомъ чего (посредствомъ какого орудія) можно познать и опредѣлить право, какъ правду и справедливость, то мы не можемъ и опредѣлить его содержанія, его матеріи надлежащимъ образомъ.

Поставляемые философами формальные принципы права въ объясненномъ нами смыслѣ различны, но всѣмъ имъ общее то, что есть праведно и справедливо (justum), правда и справедливость, сознанная ни кѣмъ нибудь инымъ, какъ человѣкомъ. Затѣмъ спрашивается изъ какого источника и посредствомъ какого орудія познаетъ человѣкъ праведное и справедливое, правду и справедливость (justum)? Этотъ вопросъ рѣшается различно и въ этомъ различіи и состоитъ различіе поставляемыхъ философами, такъ наз. формальн. принциповъ права. Все это различіе формаль-

нихъ принциповъ права представляетъ собою генетич. развитіе ихъ по слѣд. пяти ступенямъ, которыя мы разсмотримъ порознь, но въ ихъ связи.

На первой ступени стоятъ въ этомъ отношеніи тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права, т.е. правды и справедливости, или вѣру, или совѣсть, или такъ назыв. нравственное чувство. Всѣ они имѣютъ то между собою общее (отчего я и сдѣлалъ изъ нихъ одну особенную группу) что они признаютъ формальнымъ принципомъ права чувствованіе человѣческое, ибо и вѣра и совѣсть и такъ назыв. нравственное чувство суть ничто иное, какъ чувствованія человѣческія. Но, разумѣется, никакимъ чувствованіемъ ничего не можетъ б. познано, а слѣдов. не можетъ б. познано и право, т.е. правда и справедливость, а только развѣ м. быть чувствуемо. Слѣдовательно эти чувствованія (вѣра, совѣсть и такъ назыв. нравств. чувство) суть формальные принципы права, какъ правды и справедливости, но не въ смыслѣ принциповъ, т.е. источниковъ и орудій познанія права, какъ правды и справедливости, а въ смыслѣ чувства права, т.е. правды и справедливости. Мы указали уже, что чувство права въ генетич. развитіи при восхожденіи человѣческаго сознанія къ принципамъ права предшествуетъ сознанію права, или правосознанію, какъ знанію права; слѣдов. эти формальные принципы права предшествуютъ всему генетическому развитію формальн. принциповъ права, какъ правды и справедливости, какъ правосознанія, или, что все равно,

предшествуютъ всему правосознанію.
Вотъ почему такіе формальные прин-
ципы права и образуютъ одну и при-
томъ первую ступень генетич. раз-
витія нормальн. принциповъ права.
Но правовѣдѣніе, какъ наука, имѣетъ
въ виду, въ силу своей задачи, познаніе
права, правосознаніе, а не просто пра-
ва, ибо, иначе, правовѣдѣніе, не было-бы
наукой, пот. что наука есть, какъ
ее обыкновенно опредѣляютъ, система
однородныхъ познаній, а не чувствова-
ній. Потому такіе принципы пра-
ва, каковы: <u>вѣра</u>, <u>совѣсть</u> и <u>нравств.
чувство</u>, въ этомъ смыслѣ суть дона-
учные принципы права, и слѣд. не-
научные формальн. принципы пра-
ва. И такъ, если философы поставля-
ютъ такіе формальн. принципы пра-
ва, то они поставляютъ ихъ ненауч-
но, а слѣд. они поставляютъ ихъ не
какъ философы, ибо философы въ ис-
тинномъ смыслѣ не могутъ поста-
влять ненаучныхъ или донаучн. прин-
циповъ права, ибо самая философія
есть знаніе, и поставляютъ эти
принципы, или въ качествѣ теологовъ
съ прибавленіемъ философовъ, какъ
именно поступали при поставленіи
формальн. принциповъ права и вооб-
ще <u>средневѣковые мыслители</u> до такъ
назыв. возрожденія философіи, какъ нау-
ки въ истинномъ см. этого слова
т. е. такъ наз. отцы церкви, какъ
<u>теологи философы</u> (patres ecclesiae) об-
разующіе вмѣстѣ первую ступень
средневѣковой философіи, у такъ назыв.
<u>философы схоластики</u>, образующіе
вторую ступень историко-генетическ.
развитія средневѣковой философіи. Отцы

церкви смѣшивали философію с теологией, и философы схоластики подчиняли философію теологіи, вслѣдствіе этого философія не была свободна, слѣдов. не имѣла того, чего требуется отъ всякой науки. Подобно же формальные принципы права поставляли философы и въ качествѣ чистыхъ эмпириковъ, какъ поступали въ особенности такъ назыв. шотландскіе моралисты - сенсуалисты. Моралистами они названы потому, что они обращали вниманіе на нравственность и разсматривали ее въ чисто философск. смыслѣ, а не въ теологическомъ, а сенсуалистами они названы потому, что они именно sensus, какъ нравств. чувство поставили формальн. принципомъ права, какъ правды и справедливости, что и выразили между прочимъ шотландскіе философы однимъ словомъ moral-sens - нравственное чувство. Такъ напр. одни изъ такихъ средневѣковых философовъ теологовъ признавали, что человѣкъ познаетъ, или можетъ познавать право, какъ правду и справедливость, изъ божеств. откровенія, выражающегося въ священ. писаніи, т.е. какъ въ новомъ, такъ и въ ветхомъ завѣтахъ, гдѣ выражается воля божія, ибо согласіе съ этою волею божіею и есть, по ихъ ученію, праведное и справедливое, правда и справедливость. Это божеств. откровеніе и есть въ этомъ смыслѣ источникъ права, какъ правды и справедливости, а вѣра въ это божеств. откровеніе, вспомоществуемая божьей благодатью, есть орудіе, органъ познанія. Въ этомъ-то смыслѣ можно сказать, что въ пра-

есть поставляемый этими философами теологами формальный принципъ права.

Въ новѣйшее время выразилъ формальн. принципъ права съ особенной опредѣленностью, но въ смягченной сравнительно съ средневѣковыми философами формѣ, вслѣдствіе именно того, что онъ хотѣлъ сообразоваться съ требованіями уже иного времени, съ которыми не могли сообразоваться средневѣк. философы теологи, англійск. философъ Селденъ, который родился въ 1584 г. и умеръ въ 1654 г., а именно въ своемъ сочиненіи De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum. Здѣсь Селденъ выводитъ и отождествляетъ естеств. право, какъ и обыкновенно до Гуго Гроція отождествляли, съ моральнымъ правомъ при помощи свящ. писанія именно ветхаго завѣта, а именно выводитъ изъ райскаго состоянія человѣка, какъ состоянія невинности. Онъ говоритъ: хотя бы и вѣрно было, что праведное и справедливое (justum) познается нашимъ умомъ, слѣдов. умъ человѣческій есть орудіе, принципъ его познанія, т.е. формальный принципъ, но это познаніе не можетъ быть добыто человѣческ. умомъ, безъ непосредственнаго содѣйствія божія, т.е. безъ благодати божіей, такъ что въ этомъ отношеніи насъ просвѣщаетъ свѣтъ божій, т.е. божественное откровеніе есть источникъ познанія правды и справедливости, а орудіе его есть умъ человѣческій, [illegible] вѣрою въ это божественное откровеніе.

Кокцеги - старшій и младшій (отецъ и сынъ), Генрихъ и Самуилъ, комментаріями знаменитое сочиненіе Гуго Гроція:

De jure belli ac pacis, стараясь соединить волю Божію съ умомъ человѣческимъ. Воля Божія въ этомъ смыслѣ соединенная съ умомъ человѣческимъ и можетъ открывать правильное и справедливое. Такимъ обр. Кокцеи старшій и младшій составляютъ уже переходъ къ тѣмъ философамъ, которые ум[illegible] человѣческій выставляютъ нормальнымъ принципомъ права. Гуго Гроцій есть латинизированное имя Hugo de Groot; онъ былъ голландскимъ философомъ прагматистомъ, который родился въ 1583 г. и умеръ въ 1645 г. Сочиненіе Гуго Гроція буквально переводится „О правѣ войны и мира", но въ см. о томъ, что праведно и справедливо во время войны и мира. Комментарій Кокцеи носитъ заглавіе, Grotius illustratus. Такъ какъ воля Божія является у Кокцеи источникомъ и орудіемъ познанія праведнаго и справедливаго, то потому можно сказать, что Кокцеи поставили впервые откровенную волю Божію, какъ формальный принципъ права. Изъ нихъ особенно младшій Кокцеи подробно развилъ такой формальн. принципъ права въ своей диссертаціи: „De principio juris naturalis unico vero et adequato въ 1699 г.", т. е. о принципѣ права естеств., т. е. правды и справедливости, какъ единственно и вполнѣ, истинно вѣрномъ. Выводя, изъ воли Божіей, какъ изъ источника праведнаго и справедливаго, онъ призналъ орудіемъ познанія этой воли Божіей, а слѣдов. и праведнаго и справедливаго не вѣру въ откровеніе Божіе, а умъ человѣческій, т. е. онъ говорилъ, что люди признаютъ праведное и справедливое не

чрезъ божественное откровеніе, ибо оно не дано всѣмъ людямъ, а чрезъ посредство своего ума.

Многіе, затѣмъ средневѣковые теологи философы, а именно: многіе отцы церкви и схоластики признали формальнымъ принципомъ права не только вѣру, но и совѣсть человѣческую, говоря, что она есть голосъ божій въ человѣкѣ, свидѣтельствующій, что есть вообще нравственное доброе, и что есть нравственное злое, а также и о томъ, что есть праведное и справедливое и неправедное и несправедливое въ особенности. Но и эта совѣсть человѣческая есть также, какъ и вѣра не болѣе, какъ человѣческое чувствованіе.

Сюда принадлежитъ нѣмецкій философъ Грузіусъ, который родился въ 1712 г. и умеръ въ 1775 г.. Онъ поставилъ главною своею задачею быть противникомъ такъ наз. Лейбницъ-Вольфовой философіи, п. ч. что по его мнѣнію она была несогласна съ ортодоксальнымъ ученіемъ лютеранской церкви. Поэтому Грузіусъ предпринялъ начертать такую философскую систему, которая была-бы согласна съ такимъ ортодоксальнымъ ученіемъ лютеранск. церкви въ противоположность Лейбницъ-Вольфовой философіи. Изъ многихъ его сочиненій особенно замѣчательно для насъ его сочиненіе „Наставленіе, какъ жить человѣку разумнымъ образомъ". Въ этой своей системѣ Грузіусъ остался въ предѣлахъ того-же догматизма, въ которомъ вращалась Лейбницъ-Вольфова философія, наиболѣе распространенная предъ появленіемъ „Критики чистаго ума" Канта. Догмати-

ческою эта философія называется въ томъ смыслѣ что она исходитъ изъ ~~того~~ предположенія, которое ничѣмъ не доказано и на немъ строитъ всю философію, предположеніе это есть какъ-бы простое ученіе, которое должно быть принято на вѣру, есть то-же, что догма въ религіи. Въ этомъ смыслѣ назыв. такая философія догматическою въ противоположность той философіи, которая полагаетъ въ свое основаніе изслѣдованіе того, что вообще познаетъ человѣческій умъ въ пространномъ смыслѣ т. е. познавательную его способность, и какъ онъ можетъ познать. Такое-то изслѣдованіе и сдѣлалъ впослѣдствіи Кантъ. Въ этомъ смыслѣ его философія назыв. критическою философіею. Въ своей философской системѣ Грціусъ сдѣлалъ соединеніе ума и совѣсти особеннымъ образомъ отличнымъ отъ того, въ какомъ сдѣлалъ это соединеніе Кокцеи, ибо онъ говорилъ: свободный умъ и воля Божія и есть верховное основаніе всякой нравственной обязанности, которая сознается нами въ совѣсти нашей, какъ голосъ Божества. Слѣдовательно формальнымъ принципомъ права онъ призналъ умъ и совѣсть; въ такомъ ихъ соединеніи изъ нихъ обоихъ и чрезъ нихъ обоихъ говорилъ онъ, мы люди можемъ познать волю Божію вообще, а слѣдовательно и согласное съ нею праведное и справедливое.

Наконецъ, нѣчто подобное совѣсти, также какъ чувствованіе, признали формальнымъ принципомъ права, т. е., правды и справедливости и вообще всей нравственности, такъ назыв. шотландскіе моралисты - сенсуалисты. Шотландскими они названы потому, что они были родомъ изъ Шотландіи. Глава ихъ Гутче-

Лито. Степанова по Садовой, д. 71

сонъ, излагалъ свое ученіе въ Шотландскомъ городѣ Глазговѣ. Моралистами-сенсуалистами названы они потому, что они обращали главное вниманіе на моральность въ смыслѣ нравственности въ обширномъ значеніи этого слова; сенсуалистами они названы потому, что они приняли за формальный принципъ всего нравственнаго вообще, а слѣдовательно и правды и справедливости sensus, чувство въ смыслѣ внѣшняго чувства, въ смыслѣ чувствованія, называя его „moral-sense", моральнымъ чувствомъ, т.е. нравственнымъ вообще. Во главѣ ихъ стоялъ, какъ основатель этой школы Гетчесонъ, который родился въ Ирландіи но который преподавалъ въ Университетѣ города Глазгова. Гетчесонъ родился въ 1694 г. и умеръ въ 1764 г.. Сочиненія его, въ смыслѣ воззрѣнія, представляютъ почти полную систему философіи въ томъ ея составѣ, какой она имѣла въ его время. Для насъ особенно замѣчательны слѣдующія его сочиненія, имѣющія въ виду собственно нравственность, а именно его „Изслѣдованіе типа нашихъ идей изящнаго и нравственнаго" и кромѣ того: „Опытъ о природѣ, сущности и направленіи страстей и аффектовъ" и наконецъ сочиненіе изданное уже послѣ его смерти сыномъ его: „Система нравственной философіи". Онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „единственно только нравственное чувство (moral-sense), а именно свободное отъ всякаго эгоизма отъ всякаго самолюбія чувство доброжелательства опредѣляетъ наши идеи, т.е. понятія о добромъ вообще т.е. праведномъ и справедливомъ въ особенности, т.е. нравственное чувствованіе онъ считаетъ источникомъ

и орудіемъ различенія нравственнаго добра и зла вообще и правды и справедливости и неправды и несправедливости въ особенности. Въ этомъ-то смыслѣ Гетчесонъ первый изъ шотландскихъ моралистовъ-сенсуалистовъ выставилъ нравственное чувствованіе формальнымъ принципомъ нравственности вообще и въ особенности праведнаго и справедливаго, почему онъ и признается справедливо главою и основателемъ той особенной философской школы, которая называется философіею шотландскихъ моралистовъ-сенсуалистовъ.

И такъ на первой ступени стоятъ тѣ философы, которые поставили формальнымъ принципомъ права, т.е. правды и справедливости, или вѣру, или совѣсть, или такъ назыв. нравственное чувство. Все это суть не болѣе, какъ чувствованія, хотя и въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, причемъ эти видоизмѣненія генетически развиваются въ такомъ именно порядкѣ: во первыхъ: вѣра (это есть самое неопредѣленное изъ этихъ нравственныхъ чувствованій, почему мы прежде и сказали о философахъ, которые ставили формальнымъ принципомъ права вѣру), во вторыхъ: совѣсть (это ужъ болѣе опредѣленное чувство, ибо оно направлено къ познанію добра и зла вообще и правды и справедливости въ особенности, почему мы и поставили его на второмъ мѣстѣ), 3, моральное чувство, moral-sens, которое есть самое опредѣленное изъ этихъ чувствованій, почему мы и поставили его на третьемъ мѣстѣ. Но общее всѣмъ этимъ принципамъ есть то, что они донаучны, почему мы и поставили ихъ на первую ступень. Всѣ слѣдующія за ними ступени генетическаго развитія формальныхъ

принциповъ права суть уже научныя, т. е. такія, на которыхъ стоящіе философы признали формальнымъ принципомъ права, какъ правды и справедливости, въ самомъ дѣлѣ научные философскіе принципы, какъ принципы познанія, а не просто чувство права. Это и есть общее всѣмъ слѣдующимъ формальнымъ принципомъ права.

На второй ступени стоятъ собственно тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права, т. е., правды и справедливости умъ человѣческій, не опредѣляя его ближайшимъ образомъ, а именно, не объясняя есть-ли это умъ собственно человѣческій и притомъ умъ единичнаго человѣка, или вообще человѣческій умъ, или-же это есть умъ міровой, божественный, а затѣмъ, тѣмъ менѣе, объясняя, есть-ли это умъ такъ назыв. теоретическій, или это есть умъ практическій, или-же есть единичный умъ, какъ теоретическій, такъ и практическій въ ихъ сложности. Подъ теоретическимъ умомъ разумѣютъ познавательную способность вообще, т. е. умъ человѣческій, на сколько онъ направляется къ познанію чего нибудь, къ созерцанію чего-нибудь, (созерцаю – θεωρέω), оттого этотъ умъ и называется теоретическимъ. Практическій умъ есть такая дѣятельная способность души человѣческой, которая направлена къ совершенію какихъ-нибудь дѣяній, поступковъ, къ тому, что назыв. практич. дѣятельностью (отъ того и назыв. практ. умомъ).

На второй ступени стоитъ уже одинъ изъ знаменитыхъ древнѣйшихъ натуръ-философовъ, занимавшійся въ особенности философіею природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ представившій полную философск. систему, на сколько она

могла тогда быть представлена, это именно __Гераклитъ__, жившiй за 560 лѣтъ до Р.Х.. Изъ его многихъ сочиненiй уцѣлѣли только отрывки, хотя и въ большемъ количествѣ, но очень короткiе, которые сокращены у древнихъ писателей. Онъ призналъ единственно пребывающимъ, вѣчнымъ, т.е. не возникающимъ, не измѣняющимся и непреходящимъ во всеобщемъ возникновенiи, измѣненiи и становленiи видимаго мiра, явленiй во всеобщемъ теченiи его, какъ онъ выразился, всеобщiй законъ, управляющiй всѣмъ ходомъ этого становленiя, опредѣляющiй всѣ формы и ступени вѣчнаго мiрового теченiя становленiя, т.е. всего, что возникаетъ и измѣняется, преходитъ, всего вѣчнаго текущаго вещества, ибо онъ говорилъ: все течетъ, все измѣняется, т.е. все возникаетъ, измѣняется и преходитъ, ничего не остается ни въ какой моментъ времени такъ, какъ оно есть; но въ этомъ теченiи есть нѣчто вѣчное - это есть вѣчный законъ этого теченiя. Онъ выразилъ этотъ законъ символически, образно, какъ вѣчный негасаемый огонь, который то возгораетъ, то тухнетъ, но не совсѣмъ потухаетъ, а остается негасаемымъ и слѣдоват. вѣчнымъ (такъ какъ теченiе вѣчно) и при томъ въ той мѣрѣ онъ возгорается, въ какой тухнетъ и наоборотъ, въ такой тухнетъ, въ какой возгорается, потому что если-бы онъ потухъ, то въ такомъ случаѣ все изчезло-бы, все перестало-бы быть. Слѣдовательно все есть становящееся, а не сущее; сущее есть вѣчный такой законъ. Примѣняясь къ религiознымъ представленiямъ своихъ соотечественниковъ, грековъ, онъ называлъ и другимъ

цименемъ, этотъ законъ, а именно: судьбою, необходимостью, Зевсомъ, какъ отцомъ боговъ, но называлъ также и философскимъ наименованіемъ, а именно: разумомъ, умомъ, λογος. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ, что мудрость есть ничто иное, какъ познаніе способа, которымъ управляется вселенная, т. е. міръ; слѣдовательно мудрость состоитъ въ познаніи всеобщаго закона. Этотъ вѣчно пребывающій всеобщій законъ познается слѣдов. не чувствами; чувство воспринимаетъ только текущую, становящуюся, какъ такую познающую мысль, которая есть также міровая сила, ибо познаніе есть также продуктъ становленія, теченія міроваго и ему присущаго закона. Человѣкъ, говоритъ Гераклитъ, самъ по себѣ есть существо неразумное. Человѣкъ водится мечтою, когда приписываетъ самъ себѣ независимый отъ него умъ, ибо умъ есть нераздѣльное достояніе всѣхъ и всего, есть міровой умъ, это вѣчный законъ. Не смотря на то многіе люди и мыслятъ и живутъ такъ, какъ будто-бы имѣютъ свое собственное разумѣніе, говоритъ Гераклитъ, т. е. такъ будто-бы умъ не есть продуктъ мірового ума, этого всеобщаго закона, а какъ будто-бы онъ есть нѣчто самостоятельное, самосущее, независимое ни отъ чего и слѣдовательно, которое можетъ имѣть свои собственныя произвольныя мнѣнія о томъ, или другомъ. Такой умъ (мечтаніе о себѣ) назыв. Гераклитъ высокомѣріемъ, т. е. возвышеніемъ человѣка надъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ есть по своей сущности. Такой человѣкъ не дѣйствуетъ по всеобщему закону, а напротивъ противится

слуг. Таким обр. Гераклит не допускает самостоятельности познания въ единичныхъ людяхъ, а допускаетъ познание только чрезъ участие всеобщаго ума, какъ мировой силы, какъ объективнаго, предметнаго, существующаго ума, вѣчнаго закона, при посредствѣ котораго люди дѣлаются разумными. Тотъ умъ, который разъединяется съ мировымъ умомъ, и есть критерий истины вообще, ибо Гераклитъ, по свидѣтельству древнихъ, полагалъ единств. судьею истинный умъ, но не тотъ, или другой умъ единичнаго человѣка, а умъ всеобщий, который онъ назвалъ божественнымъ. Этотъ умъ дѣлается достояниемъ и единичнаго ума, на сколько дѣятельность единичнаго ума имѣетъ характеръ всеобщности, т.е. на сколько мысль его есть не его личная мысль, а мысль всеобщая, общая всѣмъ людямъ, или какъ выражается Гераклитъ всякий разъ, когда мы бываемъ въ общении со всеобщимъ умомъ, мы пребываемъ въ истинѣ и наоборотъ, когда мы предаемся нашему единичному уму, мы заблуждаемся.

Итакъ, формальный принципъ познания вообще всей и всякой истины есть, по учению Гераклита, всеобщий умъ, какъ неизмѣняющаяся сущая, мировая сила. Эта сила проявляется въ человѣкѣ, какъ въ умѣ человѣческомъ. На сколько онъ въ немъ проявляется, на столько человѣческий умъ познаетъ истину. Въ этомъ см. умъ человѣческий, есть также Гераклитовъ формальный принципъ познания вообще. Этимъ то человѣч. умъ при такомъ согласии своемъ со всеобщимъ умомъ, познаетъ, или м. познать какъ все становящееся въ мірѣ, все текущее, такъ и всеобщий законъ всего этого течения, всего

этого мірового становленія, ибо онъ тогда познаетъ самого себя; умъ согласенъ тогда со всеобщ. умомъ, а всеобщій умъ и есть ничто иное, какъ всеобщ. законъ дѣйствующій. Внутреннее познаніе ума человѣческаго, согласное со всеобщимъ міровымъ закономъ и есть истина, а внѣшняя видимая дѣятельность, согласная со всеобщимъ міровымъ закономъ, есть добродѣтель. Послѣдняго рода согласіе называется Гераклитомъ также подражаніемъ природѣ. Подъ природою разумѣетъ онъ міръ, а подъ подражаніемъ - согласіе практической дѣятельности человѣка съ міровымъ закономъ. Въ этомъ смыслѣ добро есть, по опредѣленію Гераклита, требованіе вѣчной природы (какъ добродѣтель есть, подражаніе природѣ), т.е. требованіе, чтобы практическая дѣятельность человѣка была согласна со всеобщимъ закономъ, который открывается въ человѣческихъ законахъ, законахъ государства, т.е. въ положительномъ правѣ. Слѣдоват., въ человѣческихъ законахъ открывается всеобщій міровой законъ, разумъ. Въ этомъ отношеніи всеобщ. мір. законъ, открывающійся въ человѣческ. законахъ, есть правда и справедливость; слѣд. правда и справедливость есть вѣчный міровой законъ, разумъ. Слѣд. міровая правда и справедливость д. осуществляться въ человѣч. государств. законахъ, въ положительномъ правѣ. Въ этомъ-то см. говоритъ Гераклитъ, всѣ человѣч. законы пишутся сообразно божеств. закону, ибо только онъ можетъ привести все чего хочетъ, м. удовлетворить всему и м. все пріобрѣсть. Но умъ есть формальн. принципъ всего, всеобщаго мірового закона, т.е. его познанія, слѣд. онъ есть форм. принципъ правды и справедливости, открывающейся въ положит. правѣ, т.е. принципъ познанія правды, или форм. принципъ права т.е. правды и справедливости.

Л. 20. Представителемъ второй ступени генетич. развития нормальн. принциповъ права мы поставили Гераклита. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ философовъ, онъ впервые составилъ почти полную систему философіи и въ этой системѣ указалъ мѣсто самого права, какъ правды и справедливости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ формальный принципъ Гераклита, его умъ есть еще умъ вовсе неопредѣленный, въ томъ см. что въ немъ отождествляется, или смѣшивается и умъ мировой, который онъ наз. умомъ Божественнымъ и умъ человѣческій, а затѣмъ въ человѣческомъ умѣ смѣшаны и общечеловѣческій умъ и умъ единичнаго человѣка. Вотъ причина, почему мы начали эту ступень съ Гераклита, а именно: съ его формальн. принципа, но въ так. неопредѣлен. значеніи.

Послѣдующіе древніе философы въ особенности Платонъ и Аристотель, какъ главн. представители греческой философіи, идутъ въ этомъ отношеніи дальше Гераклита, а именно: въ томъ см. что они опредѣляютъ ближайшимъ образомъ умъ, какъ формальный принципъ права, не смѣшивая въ немъ всего того, что смѣшивалъ Гераклитъ. Но прежде всего слѣдуетъ сказать о софистахъ, потому что они изъ этого смѣшенія Гераклитова выдѣлили умъ единичнаго человѣка поставивъ его принципомъ нравственности вообще и правды и справедливости въ особенности. Софистами назывались во Греціи современники Сократа, которые сходны были между собою въ общемъ направленіи своего философскаго мышленія и въ этомъ см. составляли, какъ бы одну философскую школу. Главою этой школы обыкновенно и справедливо признается Протагоръ, ко-

ный жилъ во времена Сократа, хотя и былъ гораздо старше его. Онъ признается главою этой школы потому, что впервые высказалъ такую мысль, которая затѣмъ легла въ основаніе всего философскаго ученія софистовъ, или всей такъ наз. софистики. Эту мысль онъ выразилъ въ такомъ основоположеніи: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, т.е. всего и сущаго, что и какъ оно есть и несущаго, что оно не есть и какъ оно не есть. Въ этомъ положеніи подъ человѣкомъ понимаетъ Протагоръ не человѣка вообще, а эмпирически, въ опытѣ, внѣшняго даннаго человѣка, слѣд. единичнаго человѣка, или, какъ обыкновенно говорятъ, индивида, а именно: его умъ, какъ умъ единичнаго человѣка, какъ мыслящую самодѣятельность съ ея собственными самостоятельными, произвольными мнѣніями, или представленіями во всякій данный моментъ времени его существованія. Что тому, или другому единичному человѣку въ данный моментъ времени, въ данную минуту мнится, кажется, представляется, что что нибудь есть и какъ оно есть, или на оборотъ, что чего нибудь нѣтъ и какъ его нѣтъ, то это и есть сущее, а именно: для него и въ этотъ данный моментъ, т.е. оно и есть таково, каково ему мнится, кажется, представляется, а что ему на оборотъ мнится, кажется, представляется несущимъ, то это есть не сущее, а именно: таково, каково ему мнится, кажется, представляется въ данный моментъ. Измѣняется моментъ и минута — измѣняются его мнѣнія, его представленія: ему не то можетъ казаться и не такъ можетъ казаться сущимъ, какъ оно ему прежде представлялось, потому что онъ самъ измѣняется, ибо, какъ сказалъ уже Гераклитъ, все течетъ, все измѣняется

и слѣдоват. единичный человѣкъ также измѣняется. Если, напр. мнѣ, какъ единичному человѣку, мнится, кажется, представляется что нибудь добрымъ вообще и на оборотъ злымъ вообще и въ особенности, что нибудь праведнымъ и справедливымъ, или неправеднымъ и несправедливымъ, или, если что представляется что нибудь истиннымъ, или ложнымъ прекраснымъ, или безобразнымъ, то оно и есть таково въ данный моментъ. Слѣдов. Протагоръ, а за нимъ и его послѣдователи софисты не признали другой истины, кромѣ только того, что кажется, мнится, представляется единичному человѣку въ данный моментъ; въ другой моментъ можетъ казаться ему другое и даже совершенно противное прежнему и тогда это другое становится таковымъ опять только для даннаго человѣка и въ данный моментъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, совершенно справедливо, что софисты не признавали ничего объектив. наго, абсолютнаго, какъ самаго по себѣ существующаго, сущаго въ смыслѣ независимаго отъ человѣческаго мышленія, познанія, не признавали объективн. самой по себѣ сущей истины, а признавали все относительнымъ и даже чисто, такъ сказать индивидуальнымъ, т.е. зависимымъ отъ моментальнаго представленія единичнаго лица. Нельзя сказать, говоритъ Протагоръ въ Платоновомъ разговорѣ, чтобы правое и неправое, святое и нечестивое заключили въ себѣ что нибудь существенное и неизмѣнное, т.е. какое нибудь свойство, принадлежащее имъ по самой сущности. Аристотель справедливо утверждаетъ, что положеніе Протагора о человѣкѣ, какъ о мѣрѣ вещей въ объясненномъ нами смыслѣ, ведетъ къ смѣшенію бытія и небытія, сущаго и не сущаго, добра и зла и дру

тихъ противоположныхъ вещей ____ изъ Протагорова положенія, что человѣкъ есть мѣра вещей, вывели софисты, что единичный человѣкъ есть вмѣстѣ и мѣра всѣхъ своихъ дѣйствій, всѣхъ поступковъ, всей своей практической дѣятельности, что все то праведное и справедливое, или вообще все то есть доброе и прекрасное, что дѣлается единичнымъ человѣкомъ въ данный моментъ, когда онъ слѣдуетъ только своей единичной волѣ, своему только единичному своеволію и произволу, основывается на своемъ единичномъ и моментальномъ представленіи о добромъ и справедливомъ и о благомъ и прекрасномъ вообще.

И такъ, по ученію этихъ софистовъ формальн. принципъ права есть умъ человѣческій, въ см. ума единичнаго человѣка въ данный моментъ его существованія, есть его мнѣніе, какъ мнѣніе, слѣд. есть субъективн. индивидуальное мнѣніе, представленіе. Этотъ умъ и есть единствен. источникъ и единственное орудіе познанія всего, по ученію софистовъ, и между прочимъ, познанія праведнаго и справедливаго, какъ всего добраго и прекраснаго и напротивъ дурнаго и безобразнаго.

Сочиненія софистовъ до насъ недошли, но есть много изложеннаго объ ученіи софистовъ у разныхъ писателей, частью у Сократа и Аристотеля, но въ особенности у Платона, въ его разговорѣ „О Діогенѣ Лаэртскомъ" который писалъ жизнеописаніе философовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ и о ихъ сочиненіяхъ. Но у Платона ученіе софистовъ нѣсколько видоизмѣнено, сообразно его цѣлямъ, а потому нужно быть осторожнымъ при чтеніи ученія софистовъ у Платона. Платонъ, вообще доводитъ ученіе софистовъ до крайности. Если бы у другихъ писателей сохранилось ученіе софистовъ, то можно было провѣрить тѣ

мѣста Платона, на которыхъ говорится объ ученіи софистовъ; но дѣло въ томъ, что очень мало говорится объ ученіи софистовъ у другихъ писателей сравнительно съ тѣмъ, что говорится Сократа.

Далѣе софистовъ пошелъ Сократъ, который былъ могущественнымъ противникомъ софистовъ: онъ принялъ умъ формальнымъ принципомъ познанія, выводя его, какъ вообще человѣческ. умъ, вмѣсто того, чтобы принять его, какъ единичн. умъ, подобно тому, какъ принимали его софисты. Сократъ былъ однимъ изъ величайшихъ философовъ древности, на ученіи котораго, какъ справедливо говорятъ, построена вся послѣдующая греческая философія. Не смотря на то, что въ послѣдующей греческ. философіи много было введено новаго, все таки основою этой философіи является ученіе Платона. Сократъ умеръ ровно за 400 лѣтъ до Р. Х. Этотъ годъ очень легко можетъ быть удержанъ въ памяти и долженъ быть удержанъ, потому что это есть годъ того перелома, который совершился въ направленіи всего греческаго мышленія: своей мученической смертію (онъ долженъ былъ умереть по опредѣленію суда) онъ запечатлѣлъ свое ученіе. Если бы онъ отступилъ отъ своего ученія, если бы онъ сдѣлалъ то, что называется компромиссомъ, то въ такомъ случаѣ его ученіе не имѣло бы такого вліянія, которое оно имѣло на всю послѣдующую древность. Ученіе свое Сократъ вовсе не излагалъ въ сочиненіяхъ; его ученіе было живое, передавалось изъ устъ въ уста. Можетъ быть это и есть, скажу въ защиту себя, та форма, которая лучше всего можетъ дѣйствовать на слушателей, а чрезъ нихъ посредственно и на другихъ людей. Такъ,

по крайней мѣрѣ, думалъ Сократъ, а съ Сократомъ позволительно ошибаться.

Сократъ признавалъ формальн. принципомъ познанія всего сущаго, всего истиннаго прекраснаго и добраго вообще и праведнаго и справедливаго въ особенности, также какъ и софисты, умъ человѣческій, но уже, какъ умъ человѣка вообще, или общечеловѣческій умъ съ его всеобщими понятіями, а не умъ единичнаго человѣка, какъ у софистовъ, съ его единичными личными представленіями въ данный моментъ. По ученія софистовъ, истины собственно нѣтъ: каждый человѣкъ своимъ мнѣніемъ представляетъ для себя единственную мѣру истины. Сократъ, напротивъ того призналъ, что истина есть и состоитъ не въ произвольныхъ личныхъ мнѣніяхъ, а въ мышленіи, въ познаніи, подчиняющемся закону мышленія, законопознанію, логическому закону. Вотъ это и есть понятіе въ отличіе отъ представленій, мнѣній, а такъ какъ это понятіе есть присуще человѣвѣческому вообще, т.е. общечеловѣческій умъ способенъ творить эти понятія, то въ этомъ смыслѣ они могутъ быть назван всеобщими понятіями, въ отличіе отъ единичныхъ мнѣній, какъ ихъ объективно называютъ. Но мало того, эти понятія не суть просто у Сократа одни только субъективныя понятія, просто только мысли, хотя бы и согласныя съ законами мышленія и познанія, какъ мышленія человѣка, а суть такія мысли, которыя адекватны, согласны съ сущностью вещей, съ тѣмъ, что существенно. Понимать у Сократа значило мыслить о всемъ такъ, чтобы это было согласно съ сущностью всего. Вотъ этотъ умъ общечеловѣческій съ такими его всеобщими

понятіями и есть Сократовъ принципъ познанія всего, какъ источникъ и орудіе познанія всего сущаго и всего несущаго, какъ міра всѣхъ вещей въ этомъ смыслѣ. Высшее изъ всѣхъ этихъ всеобщихъ понятій и есть по ученію Сократа, добро. Поэтому умъ человѣческій постигаетъ добро, это верховное всеобщее понятіе, потому что умъ человѣческій есть форма познанія всего и между прочимъ, въ особенности и этого верховнаго понятія, т.е. добра. Это добро, есть сущее, есть вѣчное, пребывающее въ немъ, есть ничто невоспринимающее видоизмѣненій, не видоизмѣняющееся, есть абсолютное, безусловное, но понимаемое человѣкомъ. Оно тождественно съ тѣмъ, что называется міровымъ общественнымъ порядкомъ, что благо раскрывается въ мировомъ нравственномъ порядкѣ. Поэтому умъ человѣческій какъ умъ общечеловѣческій есть формальный принципъ познанія сущности всѣхъ единичныхъ вещей и частныхъ явленій міра, согласныя съ которыми познанія ума суть всеобщія понятія, а также форма всего познанія, входящаго въ составъ этихъ всеобщихъ понятій именно, верховнаго понятія добра, нравственнаго міроваго порядка. Таковъ нравственный мировой порядокъ, во всемъ мірѣ существующій, таково мировое добро осуществляемое въ человѣческомъ добрѣ, а именно въ душѣ человѣческой, и въ добрѣ, которая есть правда и справедливость, въ человѣческой государственной жизни, въ государствѣ, какъ въ нравственномъ государственномъ порядкѣ, какъ въ порядкѣ соціальной и политической людской общественной жизни, гдѣ владычествуетъ прав-

да и справедливость, праведное и справедливое, какъ законъ, или законы, въ смыслѣ согласнаго съ законами неписаными, какъ говоритъ Сократъ, божественными законами, т.е. съ нравственнымъ міровымъ порядкомъ и съ законами человѣческими, т.е. государственными. Далѣе, по ученію Сократа, умъ человѣческій необходимъ для добродѣтели, ибо истинная добродѣтель тождественна съ знаніемъ истины, т.е. съ знаніемъ истиннаго добра, потому что, какъ говоритъ Сократъ, человѣкъ порочный есть собственно незнающій человѣкъ, какъ и добродѣтельный человѣкъ есть только знающій, ибо въ самомъ дѣлѣ, присуще человѣку правое, какъ добро. Человѣкъ ищетъ добра, блага, а никакъ не зла; слѣдовательно присуща человѣку добродѣтель въ этомъ смыслѣ. Но дѣло въ томъ, что одинъ человѣкъ знаетъ, что есть истинно доброе и что есть злое, а другой незнаетъ, т.е. ищетъ добра и находитъ зло именно потому, что незнаетъ, въ чемъ заключается добро и въ чемъ заключается зло. Посему добродѣтель не можетъ быть ни продуктомъ привычки, ни личнаго вкуса того, или другаго человѣка, а только совершенствуясь въ знаніи, человѣкъ становится добродѣтельнымъ, а именно, совершенствуясь въ самосознаніи, сознаніи сущности природы своей, какъ человѣка, доходитъ до сознанія добра, до сознанія вѣчныхъ принциповъ, какъ основныхъ правилъ своей нравственной жизни, своей добродѣтели, которая въ общественной жизни есть то, что называется правдою и справедливостью, какъ добродѣтелью.

И такъ формальн. принципъ права есть по ученію Сократа общечеловѣческ. умъ, познающій истинное, доброе и прекрасное вообще и праведное и справедливое въ особенности и выражающій такое свое познаніе въ формѣ всеобщихъ понятій, которыя суть общечеловѣческія понятія, выражающія сущность вещей, предметовъ, какъ они сами по себѣ суть. Величайшій изъ учениковъ Сократа былъ Платонъ. Платонъ родился около 430 г. до Р. Х., или можетъ быть въ 429 году, въ годъ смерти Перикла. Онъ основалъ особенную философскую школу, въ собственномъ смыслѣ, какъ преемственную школу, а не въ смыслѣ единства философскаго направленія, которая была названа, послѣ ея основанія, Академіею. Отъ Платона дошло до насъ много сочиненій, въ видѣ разговоровъ, между тѣмъ, какъ сочиненія его въ чисто научной формѣ не уцѣлѣли.

Сократъ предметомъ познанія ума человѣческаго поставилъ всеобщія понятія, которыя суть субъективныя мысли адекватныя объективности, т. е. согласныя съ сущностью вещей. Эти субъективныя мысли, согласныя такимъ образомъ съ объективностью, превратилъ Платонъ въ объективную сущность вещей, какъ въ самосущія вещи, самосущія существа, которыя можетъ постигнуть общечеловѣческій умъ и постигаетъ, но которые, хотя бы умъ не постигалъ ихъ и не могъ постигнуть, все таки сами по себѣ существуютъ, потому что они суть всеобщія понятія. Это суть точно также родовыя понятія, понятія о родѣ, какъ и всеобщія понятія Сократовы, (напр. въ понятіи о человѣкѣ заключается понятіе о единичныхъ существ.) Эти родовыя понятія вовсе независимы отъ

Изд. Сем. … Имп. … 1 Р.А. … Библиотека
… Степанова со Садовой д. 77 …

чимъ познанія и не познанія, а чисто объектив-
ны и въ этомъ смыслѣ самосущи, абсолютны.
Хотя Платонъ и не называлъ свои понятія
родовыми понятіями, какъ называла ихъ
Мегарская школа (сторонники Сократа)
но въ идеяхъ онъ понималъ подъ всеобщими
понятіями родовыя абсолютныя понятія
соотвѣтствующія сущности всѣхъ
вещей.
Л. 21 Платонъ былъ величайшимъ изъ учениковъ
Сократа, но былъ единственнымъ изъ его
учениковъ, развившимъ его философское ученіе
не только самостоятельно, что дѣлали и
нѣкоторые другіе изъ учениковъ Сократа
но и съ такою полнотою и всесторонностью,
какою не отличались даже тѣ изъ учени
ковъ Сократа, которые основали философ-
скія школы, извѣстныя подъ названіемъ
одностороннихъ, или новыхъ Сократовыхъ
школъ, каковы: Эвклидъ Мегарскій, основа
тель такъ называемой Мегарской фило-
софской школы, Антисфенъ, основатель
Цинической или Кинической философской
школы и Аристиппъ, основатель Кирен-
ской философской школы. Всѣхъ ихъ на-
зываютъ односторонними, или не вполнѣ
сократиками, потому что, каждый изъ
нихъ развилъ только одну, какую ни-
будь сторону своего учителя Сократа.
Мы не говоримъ уже о томъ ученикѣ
Сократа, который ограничивался про-
стою передачею Сократова ученія, а
именно: о Ксенофонтѣ и притомъ та-
кою передачею, которая, очевидно, пред-
ставляла одностороннее и не полное
пониманіе Сократова ученія. Ксено-
фонтъ изложилъ далеко не вполнѣ фи-
лософское ученіе Сократа въ двухъ дошед
шихъ до насъ сочиненіяхъ. Одно изъ
этихъ сочиненій извѣстно подъ загла-

віемъ „Апологія", т. е. защита Сократа отъ взводимыхъ на него обвиненій, за которыя онъ пострадалъ, а второе сочиненіе носитъ названіе: „Достопамятности Сократа". Такъ какъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ изложено ученіе Сократа односторонне и не вполнѣ, то мы должны для изученія Сократова ученія обратиться къ сочиненіямъ Платона, а именно: къ его разговорамъ, хотя въ нихъ мы находимъ ученіе Сократа не въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ его излагалъ, а уже въ развитомъ видѣ, такъ что не все то, что говорится отъ имени Сократа въ Платоновыхъ разговорахъ слѣдуетъ приписать Сократу, а слѣдуетъ приписать Сократу только начала, основанія, а развитіе Платону. Въ своихъ разговорахъ Платонъ выводитъ Сократа главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Платонъ превратилъ въ такъ названныя имъ идеи то, что у Сократа имѣло значеніе всеобщихъ субъективныхъ понятій общечеловѣческаго ума, согласныхъ съ объективностью, т. е. съ дѣйствительностію, съ реальностью, а именно, съ сущностью единичныхъ существъ и частныхъ явленій. Эти такъ называемыя идеи имѣютъ у Платона значеніе сущаго вѣчно и неизмѣнно, — вѣчно, т. е. они не возникаютъ и не преходятъ, неизмѣнно, т. е. они остаются однѣ и тѣже безъ всякихъ измѣненій и перемѣнъ. Такъ опредѣляетъ Платонъ идеи въ противоположность всѣмъ единичнымъ существамъ, вещамъ и явленіямъ, вѣчно то возникающимъ, то преходящимъ, то измѣняющимся, вообще те-

кучимъ, какъ выражается Гераклитъ, Идеи суть, по ученію Платона, сущности всѣхъ этихъ единичныхъ существъ и явленій, такъ что все существующее въ нихъ, т.е. въ существахъ и явленіяхъ, имѣетъ свою идею, а именно, не только видимое, чувственное (столъ, наприм. имѣетъ свою идею) но даже и все невидимое, сверхчувственное, мыслимое имѣетъ свою идею, ибо можно говорить объ идеѣ прекраснаго и безобразнаго, праведнаго и справедливаго и неправеднаго и несправедливаго и т. под.. Такъ какъ единичныхъ существъ и явленій безчисленное множество и такъ какъ всякое явленіе имѣетъ свою идею, то слѣдовательно и есть безчисленное множество и самыхъ идей, по ученію Платона. Но, каждая идея имѣетъ свои особенныя свойства, которыми она отличается отъ всѣхъ прочихъ идей. Въ этомъ смыслѣ идеи противополагаетъ Платонъ веществу, матеріи, которая не называется этимъ словомъ, а называется вѣчно несущимъ, въ томъ смыслѣ, что вещество не имѣетъ никакихъ положительныхъ свойствъ, какъ имѣетъ ихъ идея; оно не есть нѣчто положительное, а есть не болѣе, какъ вѣчный субстратъ все возникающаго и прехо-дящаго и неизмѣняющагося, вообще всѣхъ превходящихъ къ нему опредѣленій, т.е. въ веществѣ, и матеріи идеи, такъ сказать, воплощаются въ немъ становятся единственными существами, явленіями, ибо, по ученію Платона, идеи есть вѣчносущее,

какъ самосущее, т. е. само по себѣ сущее. Это значитъ, что идеи существуютъ и отдѣльно отъ единичныхъ существъ вообще и явленій, а съ другой стороны и отдѣльны т. е. независимы отъ созерцающаго, т. е. познающаго идеи ума человѣческаго, какъ принципа познанія. Идеи, какъ самосущія сущности всѣхъ существъ и явленій, составляютъ особенный міръ, отдѣльный отъ міра единичныхъ веществъ, вещей и явленій, такъ какъ можно сказать, по ученію Платона, что идеи существуютъ по одной сторонѣ, а единичныя существа, вещи и явленія по другой сторонѣ. Однако и между этими двумя сторонами (міромъ идей и міромъ единичныхъ явленій) есть нѣкоторая связь, по ученію Платона. Эта связь состоитъ въ томъ, что всѣ единичныя существа и явленія, какъ онъ выражается, болѣе или менѣе причастны идеямъ, имѣютъ въ нихъ причастіе, или участіе, т. е. всѣ единичныя существа и явленія болѣе или менѣе осуществляютъ въ дѣйствительности идею, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ идеѣ; слѣдовательно онѣ осуществляютъ идею только отчасти и никогда не вполнѣ, или, какъ еще выражается Платонъ, единичныя существа и явленія суть только тѣни идей, или суть болѣе или менѣе несовершенные образцы, изображенія, копіи идей, а идеи по отношенію къ нимъ суть ихъ чистые типы, вѣчныя модели, образцы, какъ первообразы, какъ идеалы ихъ. Въ этомъ-то смыслѣ какъ я сказалъ, все имѣетъ свою идею. На скол-

ко единичное существо и явленіе причастно своей идеѣ, на сколько въ немъ есть то, что есть вѣчносущее, ибо идея есть вѣчносущая, а всѣ единичныя вещества суть вещественныя и матеріальныя. Столъ, напрм. имѣетъ свою идею, которая выражается словомъ столь-ность. На сколько извѣстный столъ въ дѣйствительности осуществляетъ идею (на сколько онъ имѣетъ извѣстную, соотвѣтствующую его назначенію форму, прочность и т. под.) на столько онъ идеаленъ, а все прочее въ немъ не существенно, не относится къ столу.

Идей есть безчисленное множество, такъ какъ всякая вещь и явленіе имѣетъ свою идею. Но между безчисленнымъ множествомъ идей есть болѣе или менѣе высшія и низшія идеи. Самая высшая изъ этихъ идей, идея идей, верховная идея, есть верховная идея добра сама по себѣ абсолютная, независимая отъ того, какъ она познается, или признается умомъ человѣческимъ, независимаго отъ того, осуществляется - ли она въ душѣ даннаго человѣка, въ его дѣятельности, въ данномъ государствѣ и т. п.. Эту мысль основалъ Платонъ уже на томъ, что сказалъ Сократъ, который также принималъ безчисленное множество идей, какъ сущностей единичныхъ существъ и явленій и между этимъ безчисленнымъ множествомъ понятій различилъ верховное понятіе добра. Такъ какъ Платонъ превратилъ всеобщія понятія Сократа въ идеи, то разумѣется верховную идею представилъ также, какъ абсолютную идею добра блага самого по себѣ. Такъ какъ идеи суть вѣчносущее, то и эта идея есть также

вѣчно сущая, сама по себѣ существующая, объективно, а не субъективно. Эта верховная идея, какъ верховная, владычествуетъ, какъ божество, во всемъ мірѣ и въ мірѣ идей, ибо она есть верховная идея надъ всѣми идеями и въ мірѣ единичныхъ существъ и явлений. Правда и справедливость, какъ согласный съ этою идеею нравственный въ обширномъ смыслѣ или этическій порядокъ, какъ всего міра существъ и явлений, міровой въ этомъ смыслѣ, божественный порядокъ, такъ и человѣческій порядокъ, а именно порядокъ въ единичной душѣ человѣческой и порядокъ въ государствѣ, котораго члены суть люди, какъ граждане. На сколько данное государство согласно этой верховной идеи добра, на сколько оно добродѣтельно, совершенно, ибо добродѣтель вообще есть совершенство всякаго единичнаго существа и явленія, какъ понимаетъ ее Платонъ. Совершенство понимаетъ онъ въ силѣ, въ годности, всякаго существа и явления исполнить свой долгъ, свое назначеніе. На сколько данный человѣкъ исполняетъ свой долгъ, на столько онъ добродѣтеленъ. На сколько извѣстен.

на столько онъ добродѣтеленъ, а если онъ глупъ, то онъ пороченъ, въ немъ есть порокъ (какой). Добродѣтель въ отношеніи къ человѣку есть совершенство человѣка, т.е. совершенство человѣч. души и совершенство государства. Эта добродѣтель человѣческаго сама по себѣ едина, такъ что совершенство есть едино, есть нѣчто цѣлое. Но добродѣтель, не смотря на такую единую всецѣльность, проявляется въ разныхъ своихъ формахъ, или видахъ. Эти формы, или виды назыв. особыми добродѣтелями. Ихъ множество, ибо съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ можно разсматривать со-

вершенство. Но въ отношеніи къ человѣку есть кардинальныя добродѣтели, къ которымъ всѣ прочія добродѣтели сводятся. Такихъ главныхъ кардинальныхъ добродѣтелей четыре. Уже и прежде Сократъ помѣстилъ эти 4 кардинальныя добродѣтели, хотя не точно ихъ опредѣлилъ. Эти добродѣтели суть: во первыхъ, мудрость или разумность, 2, мужество, и 3, σωφροσύνη, слово непереводимое на русск. языкъ, въ которомъ выражается въ особенности самообладаніе (когда человѣкъ умѣетъ владѣть собою, своими страстями) умѣренность и благоразуміе. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, перевести это слово словомъ благоразуміе, не смѣшивая его съ мудростью, или разумностью. Единство всѣхъ этихъ 3хъ добродѣтелей есть четвертая кардин. добродѣтель, а и именно: правда и справедливость, которая есть и основаніе и результатъ этихъ трехъ добродѣтелей. Кто мудръ, тотъ благоразуменъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и праведенъ и справедливъ. Безъ правды и справедливости не возможны ни мудрость, ни мужество, ни благоразуміе, или умѣренность, воздержаніе. Умъ человѣч. вообще способенъ созерцать, познавать всѣ идеи, а слѣдов. и верховн. идею добра, а слѣд. и правду и справедливость, т. е. праведное и справедливое, ибо это есть ничто иное, какъ осуществленіе этой верховн. идеи добра въ человѣч. душѣ и государствѣ, такъ что общечеловѣч. умъ есть формальн. принципъ права въ см. праведнаго и справедливаго. Знаніе идеи и есть истинное знаніе, ибо это есть знаніе истинно сущаго. Сверхъ того, что человѣкъ способенъ познавать идеи, онъ способенъ и осуществлять ихъ, а слѣдов. осуществлять и идею верховнаго блага и идею права, правду и справедливость, хотя человѣкъ, какъ существо міра явленій, не можетъ осуществлять вполнѣ этой идеи, а только от-

отчасти. Душа человѣческая можетъ б. доброю, праведною и справедливою только отчасти и государство мож. быть добрымъ, добродѣтельнымъ, праведнымъ и справедливымъ только отчасти. Впрочемъ верховная идея добра, а слѣд. правда и справедливость независимы отъ своего осуществленія, они вѣчно и неизмѣнно существуютъ въ мірѣ, независимо отъ познанія или человѣкомъ и осуществленія ихъ въ дѣятельности, будучи самосущими, объективными, а не субъективными.

Итакъ, по Платону какъ и по Сократу формальн. принципъ права есть общечеловѣческій умъ, но познающій всеобщія понятія, адекватныя сущности вещей, существъ и явленій, согласныя съ объективностью, слѣд. объективныя.

Платонъ имѣлъ множество учениковъ и основалъ свою школу извѣстн. подъ именемъ академіи, по имени мѣста, гдѣ онъ жилъ и училъ. Эти ученики Платона назыв. академиками, или Платониками. Ближайшій изъ платониковъ, или академиковъ, какъ и вообще ближайшій изъ всѣхъ греческихъ философовъ и еще вѣрнѣе изъ всѣхъ древнихъ философовъ вообще былъ Аристотель, который родился около 384 г. и умеръ въ 322 г. до Р. Хр.. Отъ него до насъ дошло довольно много сочиненій, уже въ научной, а не въ разговорной формѣ, какъ сочиненія Платона. Лучшее изданіе его сочиненій есть Берлинское. Изданіе это написано на греческомъ языкѣ и не довольно точномъ латинскомъ переводѣ. Есть переводы и на другіе языки и въ особенности на нѣмецкій, на который переведена большая часть его сочиненій.

Аристотель низвелъ, можно сказать, Платоновы самосущія идеи на степень независимыхъ отъ нихъ формъ, хотя впрочемъ онъ удержалъ для нихъ такое же названіе идей, но Аристотелевы идеи существенно отличаются отъ идей Платона. Идеи и формы Аристотелевы суть такія сущности единичныхъ вещей, которыя неотдѣлимы отъ нихъ, какъ Платоновы идеи, которымъ существа не только причастны, но даже идеи существуютъ не въ чемъ иномъ, какъ именно въ этихъ единичныхъ существахъ и явленіяхъ, а именно: въ этихъ единичн. существахъ есть нѣчто такое, въ чемъ живутъ идеи, эти Аристотелевы формы. Это что, въ чемъ живутъ Аристотелевы идеи, Аристотель называетъ матеріею, веществомъ въ отличіе отъ вещества, матеріи, какъ не сущаго, Платона. Слѣдовательно всѣ единичныя существа имѣютъ свои формы и свою матерію. Далѣе, формы въ единичн. существахъ находятся въ такой связи съ матеріею, въ какой находятся Платоновы идеи съ его веществомъ, матеріею. У Платона единичныя существа и явленія причастны идеямъ, суть тѣни, образцы идей, типы, подобія, а формы Аристотеля въ отношеніи къ веществу есть то, что составляетъ дѣятельность этого вещества, енергіи, между тѣмъ какъ самое вещество есть не далѣе, какъ возможность.

Изъ этого слѣдуетъ, что возможное значитъ въ единичн. существахъ дѣятельное. Вслѣдствіе чего оно становится? Вслѣдствіе того, что въ единичн. существахъ есть нѣчто такое, что заставляетъ его перейти изъ возможнаго

въ дѣйствительное. Дѣйствительное есть цѣль для возможнаго, возможное идетъ, стремится къ дѣйствительности. Слѣдовательно есть нѣчто такое въ каждомъ единичн. существѣ, что заставляетъ стремится отъ возможности къ дѣйствительности. Это и суть формы, потому что формы и суть дѣйствительность. Онѣ заставляютъ единичн. существа, т.е. матерію перейти въ форму, стать дѣйствительною. Такимъ образомъ заставляющее, устремляющее вещества къ формамъ, формы называются цѣлями, какъ внутренними цѣлями, какъ присущими матеріи цѣлями, а не какъ посторонними цѣлями т.е., каждому единичн. существу присуще это стремленіе идти къ дѣйствительности, стать изъ возможнаго дѣйствительнымъ. Самое такое стремленіе стать изъ возможнаго дѣйствительнымъ, перейти изъ матеріи въ форму называется движеніемъ, такъ что у Аристотеля формы даютъ движеніе матеріи, какъ цѣли матеріи даютъ жизнь. Всѣ единичн. существа необходимо слѣд. заключаютъ въ себѣ форму, матерію, цѣль и движеніе. Въ этомъ смыслѣ все въ мірѣ самосущее имѣетъ принципъ, т.е. форму, матерію, цѣль и движеніе, или, какъ онъ говоритъ, причина всего, или можно сказать всего бытія, всего того, что есть, всей жизни единичн. существъ, всего того, вслѣдствіе чего они возникаютъ, проходятъ и измѣняются, — всего этого есть четыре причины: форма, матерія, цѣль и движеніе. Самъ Аристотель предлагаетъ намъ такой

примѣръ. Вы видите статую Аполлона Бельведерскаго. Статуя эта сдѣлана изъ бронзы и изящно изображаетъ Аполлона. Въ этой статуѣ содержатся всѣ эти четыре причины. Веществомъ здѣсь служитъ бронза. Вещество здѣсь было статуею въ возможности, потому что изъ бронзы, можно было сдѣлать не только статую, но и что нибудь другое. Форма этого вещества есть статуя. Спрашивается какая здѣсь цѣль? Сама форма, т. е. мраморъ заключала въ себя нѣчто такое, что располагало, устремляло къ тому, чтобы сдѣлать статую. Пожалуй, можно было сдѣлать статую и изъ дерева, но она не будетъ такъ изящна. Изъ воды вылить статую ужъ никакъ невозможно. Слѣд. форма статуи есть та цѣль, которая лежала въ мраморѣ, которая была ему присуща. Художникъ далъ этой матеріи опредѣленную форму. Но Аристотель представилъ въ примѣръ искуствен. произведеніе человѣческаго труда, между тѣмъ, какъ всякое органическое вещество можетъ служить такимъ примѣромъ. Матерія это есть тоже самое органическое вещество, потому что она можетъ сдѣлаться и растеніемъ и животнымъ. Въ каждомъ органическ. веществѣ лежитъ форма, какъ цѣль его, т. е. каждый зародышъ стремится къ тому, чтобы сдѣлаться тѣмъ, а не другимъ. Слѣдовательно внутренная цѣль здѣсь есть форма. Цѣль этой формы и даетъ движеніе всякому зародышу. Въ каждомъ растеніи такимъ образомъ можемъ найти всѣ указанныя четыре причины, которыя служатъ элементами растеній. Эту самую мысль развилъ одинъ изъ новѣйшихъ философовъ, а именно: Трандѣленбургъ недавно умершій Берлинскій профессоръ, но развилъ ее довольно односторонне по отношенію къ праву. Всесторонне развили ее два новѣйшие первостепенные философы, а именно:

Шопенгауеръ и Гартманъ. Форма, какъ цѣль движущая матерiею названа у Шопенгауера der Wille т.е. существо, какъ будто бы хочетъ стать чѣмъ то, а у Гартмана, цѣль, движущая матерiи, названа Das Unbewußt (безсознательное) Принциповъ или причинъ всего существующаго, всѣхъ единичныхъ вещей и явленiй - Аристотель полагаетъ четыре: но всѣ они находятся въ нераздѣльной связи, какъ это видно изъ самаго объясненiя ихъ значенiя и изъ представленныхъ примѣровъ.

1.22. Обращаясь къ человѣку Аристотель говоритъ: что присущая человѣку внутренняя цѣль, дающая ему движенiе въ смыслѣ разумной его дѣятельности, разумной его жизни, есть умъ, какъ разумная сила его души, которая подчиняетъ себѣ въ ней (въ душѣ) прочiя силы, сами по себѣ совершенно неразумныя, такъ что эти неразумныя силы стремятся, какъ къ своей цѣли, стать разумными. Разумность есть форма для вещества, матерiи. Такая разумная дѣятельность человѣка, его души, какъ дѣятельность совершенная, есть добродѣтель, по опредѣленiю Аристотеля; слѣдовательно она есть подчиненiе всего неразумнаго, матерiальнаго, вещественнаго, чувственнаго въ душѣ этой разумной цѣли, какъ стремленiе къ ней, какъ формы для этой матерiи. Ближайшимъ образомъ опредѣляя добродѣтель Аристотель говоритъ въ этомъ смыслѣ что добродѣтель есть постоянное настроенiе души человѣческой къ добру, но такое, которое не ограничивается только однимъ настроенiемъ, а которое необходимо требуетъ и проявленiя этого настроенiя во всѣхъ случаяхъ, такъ что во всѣхъ дѣянiяхъ человѣческихъ непремѣнно проявляется такое духовное настроенiе человѣка къ добру, ибо

это есть нечто дѣйствительное и живое, а не есть нечто мертвое, какъ вообще цѣль, форма есть нечто заставляющее двигаться матерію, вещество къ себѣ. Слѣдовательно это не есть просто только добродѣтель, т.е. расположеніе души, а есть самое проявленіе (такъ что необходимо, чтобы это настроеніе стало, явилось такимъ). Таково понятіе добродѣтели вообще, какъ единой, всеобщей добродѣтели.

Добродѣтель имѣетъ у Аристотеля свои формы, какъ и у Платона. Всѣ эти формы добродѣтели подводятся у него не подъ четыре кардинальные главныя добродѣтели, какъ у Платона а подъ два рода добродѣтелей, такъ что въ каждомъ изъ этихъ родовъ есть многіе виды. Эти два рода добродѣтелей раздѣляютъ добродѣтель на добродѣтели умственныя, или теоретическія непроявляющіяся во внѣшней дѣятельности, но однако проявляющіяся все таки въ дѣятельности, а именно во внутренней, ибо добродѣтель есть не только настроеніе, но и дѣятельность. Высшая изъ этихъ умственныхъ добродѣтелей есть мудрость. Другого рода добродѣтели есть <u>практическія</u>, какъ настроеніе, проявляющееся во внѣшнихъ дѣяніяхъ, поступкахъ человѣческихъ. Это суть этическія, нравственныя въ обширномъ смыслѣ добродѣтели, которыхъ онъ не перечисляетъ всѣхъ, но для которыхъ онъ представляетъ отдѣльные примѣры. Къ числу этихъ добродѣтелей онъ относитъ <u>правду и справедливость</u>. Отличительная сущность ея отъ пр. этич. добродѣтелей состоитъ въ томъ, что она выражается въ такой внѣшн. дѣятельности, которая есть воздаяніе равнаго нав-

нымъ и неравнаго неравнымъ. Какой тутъ принципъ, когда онъ говоритъ о такомъ воздаяніи. Принципъ тутъ выражается въ самомъ достоинствѣ, т. е. по достоинству равнымъ воздается равное, а неравнымъ воздается неравное. Если равнымъ будетъ воздаваться не равное, а неравнымъ равное то мы впадемъ въ положеніе, противное добродѣтели, которое называется неправдою и несправедливостью. Такъ напр. если человѣкъ совершилъ какое нибудь преступленіе, то было бы несправедливо при опредѣленіи наказанія не обратить вниманія, напр. на его возрастъ и наказать малолѣтняго также, какъ и совершеннолѣтняго, въ которомъ умъ и воля совершенно развиты. Или если бы, напр. подвергли одному и тому наказанію человѣка необразованнаго и человѣка отличающагося полнымъ развитіемъ своего ума, своими культурными взглядами. На этомъ основаніи воровство, кража, по нашимъ законамъ, наказывалось жестоко, если ее совершилъ дворянинъ, въ томъ предположеніи, которое теперь является несостоятельнымъ, что дворяне суть образованные люди, которые слѣд. должны понимать, что воровство противно чести. Или, если бы, напр. человѣка спеціально изучившаго какую нибудь отрасль государственнаго управленія ставили на одну доску съ человѣкомъ малообразованнымъ, даже необразованнымъ и давали бы тому и другому одинаковыя мѣста, то это было бы неправдою и несправедливостью, ибо это было воздаяніемъ равнаго не равнымъ.

Разумная сила человѣческой души, или умъ человѣческій вообще познаетъ

по ученію, Аристотеля, правду и справедливость, такъ что формальн. принципъ права у него какъ и у Платона есть общій человѣческій умъ.

Послѣ Аристотеля собственно греческая философія, какъ она развивалась въ самой Греціи, распадается на двѣ противоположныя школы, которыя вмѣсто того, чтобы развивать такую цѣлую систему философіи, какъ развивалъ ее Аристотель и Платонъ, занимается рѣшеніемъ частныхъ вопросовъ, въ особенности останавливается на изслѣдованіи идеи добра, но взирая на эту идею добра уже какъ на идеальное человѣческ. нравствен. благо. По отношенію къ этой по идеи, такъ понимаемой, они разсматриваютъ и др. философскіе вопросы, хотя далеко не всѣ. Къ этимъ школамъ относится во первыхъ, эпикурейская школа названная по имени своего основателя Эпикура и во вторыхъ, стоическая школа по имени крытой галлереи, въ которой преподавалось ученіе школы стоа. Основателемъ этой школы былъ Зенонъ. Наконецъ развитіе чисто греческой философіи заключается, вслѣдствіе противоположныхъ взглядовъ этихъ двухъ школъ на одинъ и тотъ-же предметъ, скептицизмомъ, т.е. такимъ философскимъ ученіемъ, которое подвергаетъ сомнѣнію возможность познанія человѣческимъ умомъ истины, т.е. соотвѣтствія мышленія съ дѣйствительностью, реальностью и слѣд. подвергаетъ сомнѣнію возможность философіи, ибо предметъ философіи и есть истина. Скептицизмъ получилъ свое начало еще въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр.. Первый его осно-

вателемъ былъ Архезелай, основатель средн. академіи въ отличіе отъ школы Платона, назыв. древн. академіей, а затѣмъ Корнатъ основатель такъ назыв. новой академіи. Потомъ этотъ скептицизмъ былъ развитъ Пиррономъ, который основалъ особенную школу пирроников, или пирроников и наконецъ до крайности былъ развитъ Секстомъ и въ особенности Эдизидомъ отрицавшимъ всякую возможность познанія истины. Рядомъ съ скептицизмомъ является греко-римская философія извѣстная теперь подъ этимъ именемъ; въ ней преобладаетъ въ особенности эклектическое направленіе, или эклектицизмъ, т. е. выборное направленіе. Эклектицизмъ состоитъ въ томъ, что выбираются разные принципы съ той и другой философіи и связываются болѣе, или менѣе внѣшнимъ образ. такъ какъ внутреннимъ обр. разныхъ принциповъ связать нельзя. Изъ этой связи принциповъ выводятъ то, что кажется возможнымъ вывести. Какъ выражается Цицеронъ, главный представитель греко-римской философіи, человѣческому уму врождено если не сознаніе, то чувство выбирать въ той, или въ другой философской системѣ все, что есть лучшее, вѣрнѣйшее.

Кромѣ того на востокѣ уже появилась особенная греческ. философія, которая продолжалась и до нынѣ, а именно такая философія, которая не можетъ быть названа философіею, вслѣдствіе того, что въ ней смѣшано знаніе съ вѣрою, съ религіозными ученіями востока, съ преданіями и вообще съ тѣмъ, что не есть продуктъ человѣч. самостоятельнаго мышленія, а есть продуктъ какого нибудь авторитета. Въ особенности развита

[illegible]

была эта грековосточная философія у Неоплатониковъ, или у новыхъ Платониковъ въ отличіе отъ собственно платониковъ, т.е. въ смыслѣ и принадлежащихъ къ древней академіи и даже къ средней и новой академіи. Неоплатоники воображали, что они ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только развиваютъ систему философіи Платона и притомъ такъ, какъ не развивали ее прежде. Прежнее развитие, говорили они, повело къ тому, что появился Аристотель, противникъ Платона, а затѣмъ появились двѣ діаметрально противоположныя школы Сенсуалистическая и Эмпирическая, которыя вслѣдствіе своей противоположности естественно привели къ скептицизму, зародышъ которому былъ уже положенъ скептиками. Такимъ образомъ по мнѣнію Неоплатониковъ прежнее развитіе философіи повело къ ея разрушенію, а потому нужно было возобновить философію но именно ни чѣмъ инымъ, какъ ученіемъ Платона, которое, по мнѣнію, Неоплатониковъ, и заключало въ себѣ еще элементы неразвитые а именно: по мнѣнію Неоплатониковъ, въ немъ лежали уже тѣ философскія ученія, которыя совпадаютъ съ религіозными ученіями и преданіями востока. Эти философскія теологическія въ смыс. языческ. преданія и ученія слѣдуетъ развить и тогда получится новая философія. Такая-то философія и есть философія Неоплатониковъ, которой основателемъ былъ Аммоній Саккъ, но которой главнымъ развителемъ знаменитой Плотинъ. Что-же спрашивается они положили въ основаніе возможности познанія истины? Они положили въ основаніе такое основаніе непосредственное сознаніе истины со стороны ума чело-

выческаго, вслъдствіе божественнаго откровенія. Однако-же это откровеніе, во первыхъ не есть общее откровеніе для всъхъ людей, какъ христіанское откровеніе истины и во вторыхъ, оно не есть такое, которое-бы даже и тотъ человъкъ, которому открылось Божество, сознавалъ-бы его въ себъ во всякую минуту. Это откровеніе есть слъдствіе того, что назыв. экстазмомъ, или энтузіазмомъ. Экстазмъ значитъ изступленіе, т. е. душа человъческая должна выйти изъ самой себя и возвратится къ Божеству. Этого не можетъ сдълать душа каждаго человъка, а только душа того человъка, которому божество открывается. Вслъдствіе энтузіазма т. е. вслъдствіе изступленія человъкъ живетъ въ богъ (ἐν θεῷ). Въ отличіе отъ христіанскаго религіознаго ученія, по которому божество открывается всякому человъку во всякую минуту. Такое совершенное откровеніе божественное вмъсто прежняго съуженнаго откровенія у Неоплатониковъ и дало верхъ христіанству надъ неоплатонизмомъ, не смотря на то, что неоплатонизмъ въ особенности въ лицъ главныхъ его представителей, сосредоточившихся въ Александріи, всъми силами старался сдълать не нужнымъ христіанство, побороть его орудіемъ языческой философіи, отожествленной имъ съ языческ. религіею.

Такъ заканчивается философія греческ. какъ чисто греческая, такъ и грекоримская, такъ и грековосточная. Греческая философія въ собств. смыслъ въ отличіе отъ восточной какъ несостоятельной, начала за 600 л. до Р. Хр. и продолжалась до пятаго въка. Слъдов. она развивалась болъе чъмъ тысячелътіе и вслъдствіе уже того, она заслуживаетъ полнаго вни-

манія; не говоря уже о ея внутреннемъ содержаніи, не говоря уже о томъ, какое она имѣла вліяніе на всю послѣдующую философію, которая въ отличіе отъ греческой какъ древней назыв. въ обширномъ смыслѣ новой философіей, которая въ свою очередь подразделяется на нѣкоторые періоды, изъ которыхъ главные суть: средневѣковая, просуществовавшая до Декарта и Бекона Верyламскаго, новая философія въ собственномъ смыслѣ начавшаяся съ Бекона В. и Декарта и продолжавшаяся до Канта и наконецъ новѣйшая, начавшаяся отъ Канта и развивающаяся до настоящаго времени.

Спрашивается, какой общій характеръ греческ. философіи въ отличіе отъ новой философіи въ отношеніи формальныхъ принциповъ права, или принциповъ познанія вообще? Сперва слѣдуетъ опредѣлить для рѣшенія этого вопроса что мы называемъ познаніемъ. Подъ познаніемъ мы понимаемъ актъ познанія, или познавательную дѣятельность и самый результатъ этого акта познанія, какъ знаніе пріобрѣтено вслѣдствіе этой дѣятельности. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ значеніи главный вопросъ принциповъ познанія состоитъ въ томъ, возможно-ли познаніе и на чемъ основывается его достовѣрность, истинность. Актъ познанія или познаванія предполагаетъ въ самомъ дѣлѣ съ одной стороны познающую, или мыслящую дѣятельность человѣческаго ума, какъ познающаго субъекта, а съ другой стороны, предполагаетъ самый объектъ познанія, т. е. міръ физическій, т. е. природу и нравствен. міръ, имѣющій въ своемъ основаніи свободу человѣческую. Спрашивается, на чемъ-же утвер-

ждается основательность того предположенія, что человѣческій умъ, познавательная дѣятельность имѣетъ дѣло съ дѣйствительностью, съ реальностью, какъ съ своимъ предметомъ, а не съ чѣмъ нибудь такимъ, что не есть сущее, а только иллюзія, самообольщеніе, будто-бы мы познаемъ дѣйствительность, истину, которая состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ гармоніи мышленія, познанія, какъ познаванія субъекта, съ объектомъ². Греческая т. е. вообще древняя философія въ отличіе какъ отъ восточной, такъ и новой философіи подвергаетъ изслѣдованію весь міръ свободно отъ религіозныхъ и пр. авторитетовъ, но она вообще еще не отрѣшается отъ непосредственнаго довѣрія къ тому, что такое мышленіе, согласно съ бытіемъ, съ дѣйствительностью, слѣдов. не отрѣшается отъ непосредственнаго, т. е. безъ доказательнаго довѣрія къ истинѣ всего познаваемаго, такого непосредственнаго въ которомъ пребываетъ всякій человѣкъ и не философствующій. Непосредственное отношеніе мышленія къ бытію и состоитъ именно въ томъ, что человѣкъ думаетъ, что, если онъ что мыслитъ, то это такъ и есть. Съ этого направленія и должна была начаться философія. Всякій человѣкъ, не изучающій философію, также думаетъ. Есть-ли какое нибудь ручательство въ достовѣрности такого нашего познанія, точно-ли такова сущность вещей, какъ мы ихъ представляемъ, — эти и подобные вопросы почти не входили въ составъ греческой философіи вообще. Это-то и есть общій характеръ древней философіи относительно формальныхъ принциповъ права. Напротивъ, послѣдующая, въ особен-

ности такъ назыв. новая философія начинается съ того, что не останавливается на такомъ соотношеніи между мышленіемъ и дѣйствительностью, реальностью, а находитъ для него сознательное разумное основаніе. Въ этомъ и состоитъ отличительный общій характеръ относительно формальныхъ принциповъ-познанія вообще этой философіи, ибо, что касается такъ назыв. средневѣковой философіи, то она не имѣла самостоятельности, какъ философія, будучи сперва смѣшиваема отцами церкви съ теологіею, а потомъ подчиняла схоластиками теологіи, что и выражали средневѣковые философы въ положеніи: philosophia est ancilla theologiae, т.е. философія есть служанка богословія.

Два великіе философы признаются и признаются по справедливости основателями собственно такъ назыв. новой философіи - это Френсисъ Декартъ и Беконъ Веруламскій. Основателями новой философіи, они называются потому, что, каждый изъ нихъ своеобразно опредѣлилъ отношеніе между мышленіемъ, знаніемъ и дѣйствительностью, реальностью и своеобразно старались рѣшить вопросъ, на чемъ основывается достовѣрность нашего познанія. Поэтому въ новой философіи слѣдуетъ отличить и отличаютъ два главныхъ направленія: одно такъ назыв. умозрительное и друг. такъ назыв. опытное. Основателемъ умозрительной философіи, какъ продукта умозрительнаго направленія, былъ Декартъ, род. въ 1586 г. и умершій въ 1650 г., а основателемъ такъ назыв. опытной философіи былъ Беконъ Веруламскій, род. въ 1560 г. и умершій въ 1626 г. Декартъ первый началъ съ сомнѣнія въ достовѣрности нашего познанія, но въ от-

личіе отъ скептиковъ, не съ тѣмъ, чтобы остановится на такомъ сомнѣній, а съ тѣмъ, чтобы дойти самостоятельно, не такъ, какъ въ средніе вѣка, до истины. Онъ хотѣлъ найти такую истину, которая не требовала-бы никакихъ доказательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служила-бы доказательствомъ достовѣрности всего нашего познанія; онъ думалъ найти ее въ томъ, что онъ выразилъ въ слѣдующ. положеній, „cogito, ergo sum, я мыслю слѣдов. я есмь, я существую". Эту мысль онъ призналъ точкою отправленія самостоятельной познавательной дѣятельности ума человѣческаго. Можно, думалъ Декартъ, во всемъ усумниться, но есть одинъ предметъ, одинъ объектъ, въ существованій, въ бытіи котораго никакъ нельзя сомнѣваться, хотя-бы весь окружающій насъ міръ былъ только обманомъ нашихъ чувствъ. Этотъ несомнѣнный объектъ нашего знанія, есть бытіе, существованіе нашего мыслящаго я, нашего мыслящаго существа, ибо, хотя-бы даже въ отношеній къ этому предмету предполагали возможность сомнѣнія, самообольщенія, иллюзіи, однако-же, для такого нашего сомнѣнія, самообольщенія необходимо быть такому существу, которое уже можетъ сомнѣваться, которое можетъ обольщаться, а оно должно мыслить, по крайней мѣрѣ, о своемъ сомнѣній, о своемъ самообольщеній и слѣдовательно оно должно существовать.

Вотъ, что значитъ Декартово положеніе: „cogito ergo sum. Въ немъ старается выразить первое незыблимое основаніе нашего познанія, какъ сознаніе ума человѣческаго о своемъ бытіи, которое почерпается прямо отъ него, изъ ума,

которое есть умозрительное въ этомъ смыслѣ познаніе, т.е. зримое самимъ умомъ, видимое самимъ умомъ, въ себѣ самомъ, точно также, какъ тѣлесными глазами мы видимъ внѣшніе предметы, почему и основанную имъ философію, какъ одну изъ главныхъ направленій собственно такъ назыв. новой философіи и называютъ обыкновенно умозрительною философіею. Затѣмъ, на основаніи этого перваго своего положенія, какъ незыблемаго, какъ твердаго, Декартъ старается установить незыблемость всѣхъ другихъ предметовъ нашего познанія, а именно: во первыхъ, незыблемость понятія, идеи о нашемъ духѣ, какъ о мыслящемъ, о познающемъ въ насъ принципѣ, затѣмъ идею божества, идею природы, внѣшняго видимаго міра и проч. Такъ какъ всѣ такія идеи почерпаются умомъ человѣческимъ, по ученію Декарта прямо изъ самого себя посредствомъ умозрѣнія, то Декартъ призналъ такія идеи прирожденными нашему уму, его природѣ, какъ предсущими, какъ готово лежащими. Все что нужно для познанія думалъ онъ, — это то, чтобы разъяснить самимъ себѣ и представить себѣ идеи раздѣльно, т.е. отличить каждую изъ этихъ идей отъ всѣхъ прочихъ. Идеи и суть по ученію Декарта, общіе критеріи, признаки достовѣрности всѣхъ умозрительныхъ познаній со стороны человѣческаго ума. Эту мысль опредѣляли все болѣе и болѣе философы, развивающіе все болѣе и болѣе философск. ученіе Декарта. Изъ этихъ главныхъ представителей такого развитія были Спиноза и Лейбницъ, которого ученіе развивалъ Вольфъ. Философія всѣхъ этихъ философовъ называется умозрительною.

Замѣтимъ, что такое признаніе прирожденности уму человѣческому идей есть не болѣе, какъ голословное бездоказательное предположеніе, котораго несостоятельность теперь почти всѣми признана а именно, всѣми тѣми, которые суть представители современности. Признаніе прирожденныхъ уму человѣческому идей д. быть положительнымъ фактомъ, а, чтобы это было такимъ фактомъ, нужно было-бы это доказать, а этого-то именно и нельзя доказать и не доказали эти философы.

Другое главное направленіе приняла собственно такъ назыв. новая философія у Бекона Веруламскаго, который, потому и называется также основателемъ новой философіи. Хотя и онъ признавалъ, какъ и Декартъ, умъ человѣческій орудіемъ познанія, но источниковъ познанія призналъ онъ опытъ, наблюденіе въ соединеніи съ мышленіемъ. Отъ того его философія и назыв. въ этомъ смыслѣ опытною, т. е. основанною прямо на наблюденіи, а затѣмъ уже на мышленіи, которое пользуется этимъ наблюденіемъ для возведенія наблюдаемаго къ идеямъ.

Этимъ же именемъ опытной философіи въ сказанномъ смыслѣ называютъ вообще философію тѣхъ мыслителей, которые развивали далѣе Бекона философію. Главными представителями изъ нихъ были: Гоббсъ, Локкъ и наконецъ французскій мыслитель, какъ главный представитель этого философскаго направленія, ученый XVIII в., Кондильякъ. Ни самъ Беконъ, ни ближайшій изъ развивателей его философіи, англійскій мыслитель Гоббсъ еще не развили съ точностью и опредѣленностью своего принципа познанія, а развили его послѣдующіе за ни-

ми философы. Во всей ихъ философіи слѣдуетъ отличать въ отношеніи принципа познанія вообще два различныя уже второстепенныя направленія. Одно изъ этихъ направленій, доведенное до крайности, назыв. сенсуализмомъ въ собственномъ смыслѣ; главнымъ представителемъ его былъ Кондильякъ. Второе направленіе есть направленіе болѣе умѣренное и есть переходное если не къ умозрительному направленію, то, по крайней мѣрѣ, къ тому, что въ отличіе отъ сенсуализма и эмпиризма называютъ иногда интеллектуализмомъ, въ смыслѣ того, что интеллектъ, т.е. умъ человѣческій есть не только орудіе познанія нашего, но отчасти и источникъ его. Представителемъ этого направленія былъ Локкъ. Это направленіе назыв. собственно эмпиризмомъ. Скажемъ о каждомъ изъ этихъ направленій.

Сенсуализмомъ назыв. такое ученіе, или такая теорія познанія, которая производитъ весь составъ нашего познанія или все познаніе въ см. познаванія, т.е. всю познавательную дѣятельность человѣческ. ума, изъ чувства (sensus) и притомъ въ смыслѣ только внѣшняго чувства, въ смыслѣ только внѣшняго опыта, какъ единственнаго источника познанія, т.е. въ смыслѣ внѣшнихъ чувствуемыхъ ощущеній, такъ что изъ ощущеній и происходитъ вся дальнѣйшая высшая дѣятельность нашей души, все дальнѣйшее развитіе дѣятельности теоретической и практической, а не только первоначальная низшая дѣятельность. Поэтому-то и въ этомъ смыслѣ и назыв. такое направленіе собственно сенсуализмомъ. По этой теоріи познаніе излагается изъ нѣсколькихъ дѣятелей, или элементовъ, а имен-

но: во первыхъ, изъ внѣшняго предмета, ощущаемаго нами; во вторыхъ изъ производимаго этимъ внѣшнимъ предметомъ раздраженія въ извѣстн. органахъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, или въ извѣстномъ чувственномъ аппаратѣ, соединенномъ съ воздѣйствіемъ этихъ органовъ на такое раздраженіе, т.е. соединенное съ воспріятіемъ впечатлѣній внѣшняго міра, какъ дѣятельности ощущенія внѣшнихъ чувствъ и въ третьихъ, изъ вызываемаго этимъ раздраженіемъ, этою реакціею, этимъ воспріятіемъ настроенія нашей души, которое преобразуетъ его въ содержаніе даннаго ощущенія, частное его содержаніе, т.е. ощущаемое органомъ зрѣнія въ зримое, ощущаемое органомъ слуха слышимое, въ звуки и т. п.. Въ этомъ состоитъ ощущеніе, какъ сложный процессъ нашей души, психическій процессъ, послѣдствіемъ котораго бываетъ познаніе внѣшнихъ предметовъ. Вся суть сенсуализма состоитъ именно въ томъ, что вся дѣятельность ума, а не только низшая, д. признаваться не болѣе, какъ вспомоществующею и развивающею ощущеніе. Въ своемъ вполнѣ опредѣленномъ видѣ и съ своимъ нынѣшнимъ названіемъ сенсуализмъ является именно въ половинѣ XVIII стол. въ сочинені франц. ученаго Кондильяка, родив. въ 1715 г. а умерш. въ 1780 г.. Полное собраніе его сочиненій выходило нѣсколько разъ въ Парижѣ, но по отношенію къ принципамъ познанія особенно важно для насъ его сочиненіе traite de sensions (объ ощущеніяхъ). О сенсуализмѣ мы должны вообще замѣтить, что въ немъ вѣрно то, что ощущеніе дѣйствительно предшествуетъ высшей психической, какъ теоретической, такъ и практи-

тической дѣятельности нашего ума, такъ что безъ ощущеній мы не имѣли-бы вовсе матеріала для нашего познанія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы вся дальнѣйшая наша психическая дѣятельность происходитъ единственно изъ ощущенія. Ощущеніе составляетъ только первое проявленіе психической жизни, за которымъ слѣдуетъ другое высшее такое-же проявленіе. Другое направленіе опытной философіи назыв. эмпиризмомъ въ собств. смыслѣ, въ отличіе отъ опредѣленнаго нами сенсуализма въ собственномъ смыслѣ. Это такая теорія познанія, которая не выводитъ всего состава познанія, или познаванія, какъ познавательной дѣятельности только единственно изъ ощущенія, только изъ внѣшняго опыта, но, которая допускаетъ въ составъ познанія нѣчто другое, а именно: то, что назыв. въ отличіе отъ внѣшняго опыта внутреннимъ опытомъ.

Вотъ почему эта теорія назыв. эмпиризмомъ въ собственномъ смыслѣ отъ слова ἐμπειρία, опытъ, какъ внѣшній, такъ и внутренній. Эта теорія познанія утверждаетъ, что для познанія или познаванія, всей познавательной дѣятельности необходимы два составные элемента, а именно: 1, внѣшнее впечатлѣніе съ различными состояніями нашего ощущенія, какъ нѣчто пассивное и 2, то, что называется вниканіемъ въ ощущеніе, какъ нѣчто активное, или рефлексіею въ смыслѣ того, что ощущаемое мы сознаемъ въ себѣ, подвергаемъ нашему собственному сознанію, слѣдов. отражаемъ это рефлектируемое, это сознаваемое и ощущаемое въ нашемъ умѣ. Такова, именно теорія познанія главнаго представителя этого эмпириз-

ма въ собственномъ см. т. е. англійскаго философа Локка, род. въ 1632 г. и умерш. въ 1704 г. Есть полное собранiе его сочиненiй, изданное недавно въ Англiи. Главное сочиненiе, относящееся къ опредѣленiю его принциповъ познанiя носитъ заглавiе: „Опытъ о человѣческомъ разумѣ". Эмперизмомъ эта теорiя названа потому, что Локкъ прямо говорилъ слѣдующее: „предположимъ, что душа наша въ началѣ похожа на чистую доску, такъ что на ней ничего не написано, или, что было написано, стерто, (tabula rasa), такъ что она не имѣетъ никакихъ отличительныхъ свойствъ, никакой идеи, которая-бы была ей врождена, присуща какъ думаютъ представители умозрительной философiи. Откуда-же спрашивается, заимствуетъ душа наша весь матерiалъ, составляющiй основу всѣхъ нашихъ понятiй, сужденiй и умозаключенiй? На этотъ вопросъ Локкъ отвѣчаетъ, что душа наша заимствуетъ этотъ матерiалъ изъ опыта, что выражается греческими словами ἐν πείρᾳ, изъ эмпирiи. Отсюда и названiе эмпиризмъ.

Сказавши, что душа наша всё получаетъ изъ опыта, какъ своего единственнаго источника, Локкъ потомъ, въ самомъ этомъ опытѣ различаетъ, какъ-бы двѣ его стороны или два ряда отправленiй, функцiй нашей души, ума человѣческаго, а именно: 1, ощущенiе - sensus 2, вниканiе рефлексiю. Изъ ощущенiя, подъ влiянiемъ нашихъ внѣшнихъ происходятъ идеи разныхъ чувственныхъ качествъ - цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, разныхъ, а изъ вниканiя изъ рефлексiи, какъ-бы внутренняго чувства, происходятъ идеи простыхъ отвлеченiй нашего

разума, такъ что въ опытѣ онъ различаетъ то, что назыв. внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ. Все познаніе наше есть опытное познаніе, но опытное въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ опыта такъ сказать пассивнаго и въ смыслѣ опыта дѣятельнаго, въ смыслѣ внѣшняго и внутренняго опыта. Всѣ идеи, происходящія прямо изъ ощущенія и вниканія, Локкъ называетъ простыми. Но, кромѣ простыхъ идей образуются въ нашей душѣ, въ умѣ и идеи сложныя, а именно: при помощи, конечно, простыхъ идей, посредствомъ извѣстныхъ сложеній этихъ идей, какъ различныхъ между ними сочетаній, которыя дѣлаетъ въ себѣ нашъ разумъ. Но, затѣмъ Локкъ вовсе не оправдалъ положенное имъ въ основаніе своей теоріи понятіе о такой двойственной дѣятельности нашего познанія, какъ познаванія, нигдѣ не выразилъ того, что не смотря на независимость отъ вниканія, отъ рефлексіи нашего разума того, что дается нимъ въ ощущеніи, какъ матеріалъ, какъ, напр. горькое и сладкое, твердое и мягкое, пріятное и непріятное, самое разсмотрѣніе этого матеріала зависитъ уже не отъ ощущенія, а отъ самой природы, естества, ибо эмпиризмъ кладетъ въ основаніе познанія опытъ, но ни сколько не выясняетъ, что именно дѣлаетъ возможнымъ этотъ опытъ, или познаніе ума человѣческаго, начинаются свои отправленія, функціи съ опыта т.е. съ восприятія матеріала для познанія. Эмпиризмъ вовсе не видитъ того, что наше познаніе совершается самимъ познающимъ дѣятелемъ, какъ агентомъ познанія, т.е. умомъ человѣ-

ческимъ. Въ этомъ состоитъ главный существенный недостатокъ эмпиризма. Опредѣливъ общій характеръ философіи по отношенію къ принципамъ познанія вообще, мы теперь можемъ понять формальные принципы права новыхъ философовъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два главныхъ представителя новой философіи (не новѣйшей) а именно: самъ основатель новой философіи, __Гуго Гроцій__ и во вторыхъ, главный изъ развитителей его философіи, Германскій философъ, первый профессоръ въ Германіи естественнаго права, какъ науки, __Пуфендорфъ__, род. въ 1632 г. и ум. въ 1694 г.. Оба они признаютъ __формальнымъ принципомъ права умъ человѣческій__ называя его въ этомъ смыслѣ __правымъ разумомъ__ (ratio recta). Пуфендорфъ не вполнѣ развиваетъ этотъ принципъ вслѣдствіе того, что онъ противополагаетъ его средневѣковымъ принципамъ познанія права (вѣра, совѣсть и т. п.). Гуго Гроцій опредѣляетъ въ этомъ отношеніи естественное право въ своемъ сочиненіи De jure belli ac pacis, такимъ обр. это есть законъ, или правило, какъ внутреннее правило разума, по которому мыслимъ, судимъ мы о праведности и справедливости и о неправедности и несправедливости нашихъ поступковъ. Пуфендорфъ, противопола гая свой принципъ принципамъ средневѣковой философіи въ своемъ сочиненіи De jure naturali et gentium, говоритъ: „наука естеств. права, какъ и всѣ философскія, нравств. этическія науки, способна быть опытною для ума человѣческаго и что въ особенности для

познанія естественнаго права, какъ праведнаго и справедливаго, совершенно достаточенъ естественный умъ человѣческій, какъ онъ есть самъ по себѣ, ratio recta, какъ называетъ его Пуфендорфъ. Поэтому изъ естественнаго права, какъ науки должны быть исключены всѣ неотносящіяся къ знанію истины, напр. теологическія догмы, которыя прежде были внесены въ философію философами теологами, какъ, напр. догма грѣхопаденія человѣка, о происхожденіи грѣха, объ искупленіи человѣка спасителемъ, догмы объ оправданіи человѣка и т. п.

24. На второй ступени стоящіе философы поставляли формальнымъ принципомъ права умъ человѣческій, но безъ ближайшаго его опредѣленія, т. е. эти философы не говорятъ, смотрятъ ли они на человѣческій умъ, какъ на созерцательную или теоретическую способность, или какъ на дѣятельную, практическую способность души человѣческой или, какъ на практическую и теоретическую ея способность въ ихъ единствѣ. Тѣ философы, которые опредѣляютъ такимъ образ. умъ человѣческій стоятъ уже на высшихъ ступеняхъ генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права, а именно:

<u>На третій ступени стоятъ тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права исключительно теоретич. умъ человѣка</u>, т. е. только, какъ созерцательную познающую способность человѣческ. души, какъ способность, которая созерцаетъ, познаетъ истину, въ см. соотвѣтствія мышленія съ бытіемъ. Съ особенною ясностью и опредѣленностью и, можно ска-

зать, рѣзкостью поставилъ формальнымъ принципомъ теоретическій умъ человѣческ. въ объясненномъ значеніи англійскій философъ <u>Волластонъ</u>, родив. въ 1679 г. и умершій въ 1724 г., въ особенности въ своемъ сочиненіи: „Очерки естественной религіи". Волластонъ говорилъ, что мы должны выражать въ своихъ дѣяніяхъ истину, которая состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ ихъ предметами. Нравственно доброе вообще и праведное и справедливое въ особенности есть ничто иное, по его мнѣнію, какъ истинное, какъ основанное на истинныхъ сужденіяхъ ума, какъ способности теоретической, познающей, а нравственно злое вообще и неправедное и несправедливое въ особенности есть ничто иное какъ ложное, т.е. основанное на ложныхъ сужденіяхъ теоретическаго ума человѣческаго, ибо человѣкъ вообще всегда выражаетъ въ своихъ дѣяніяхъ то, что познано его умомъ, или какъ истинное, или какъ ложное. Истина, по мнѣнію Волластона есть верховное добро, благо для человѣка вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ есть источникъ всей его правды и справедливости и вообще доброй нравственности. Поэтому истина должна быть познаваема человѣкомъ и осуществляема во всѣхъ его дѣяніяхъ. Человѣкъ назыв. существомъ разумнымъ, именно потому, что онъ способенъ познать истину, а нравственнымъ онъ назыв. потому, что въ силу своей свободной воли онъ можетъ поступать, дѣйствовать, или согласно, или несогласно съ истиною, имъ познанною. И такъ, говоритъ онъ, всякое дѣяніе человѣка есть нравственно доброе дѣяніе, если въ немъ выражается истинное сужденіе ума человѣческаго и напротивъ всякое

Автографир. А. Степановъ въ Садовой ул. домъ № 41

всякое дѣяніе человѣческое есть нравственно-дурное, злое, если этимъ дѣяніемъ выражается ложное сужденіе человѣка. Другими словами: человѣкъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы во всѣхъ его дѣйствіяхъ отражалась истина, такъ что нравственно злой человѣкъ есть тотъ, кто не дѣйствуетъ согласно съ истиною. Человѣкъ есть, напр. существо разумное и свободное. Это есть истинное сужденіе человѣческаго ума. Поэтому человѣкъ нравственно и юридически обязанъ выражать такое сужденіе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ т.е. обращаться съ людьми какъ съ разумными и свободными существами и наоборотъ не обращаться съ ними, какъ съ существами неразумными не свободными, а такъ какъ неразумныя и несвободныя существа суть вещи, то человѣкъ и долженъ обращаться съ другими людьми, какъ съ вещами. Когда съ людьми обращаются какъ съ вещами, то значитъ, что смотрятъ на нихъ, какъ на рабовъ; слѣдов., человѣкъ нравственно, юридически обязанъ не обращаться съ людьми, какъ съ рабами, ибо это противорѣчило-бы тому сужденію, что человѣкъ есть существо разумное и свободное. Поступать съ людьми, какъ съ рабами значило-бы признавать то сужденіе, что люди суть существа не свободные и неразумные, но это есть сужденіе ложное, а слѣдов. обращеніе съ людьми, какъ съ рабами противно доброй нравственности вообще и правдѣ и справедливости въ особенности. Вотъ, почему рабство противно нравственности, правдѣ и справедливости. Вообще говоритъ Волластонъ, если человѣкъ поступаетъ неправильно и неспра-

вредно, то этимъ онъ заявляетъ, что онъ не считаетъ себя членомъ человѣческ. общества, а это есть ложное сужденіе, ибо человѣкъ по природѣ своей есть существо общежительное, какъ сказалъ уже Аристотель.

На четвертой ступени генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права практич. умъ человѣческій, т. е. какъ практическую дѣятельную способность человѣческой души, способность свободно поступать добронравственно и напротивъ безнравственно, противно доброй нравственности. Исключительно практическій умъ поставилъ формальнымъ принципомъ права и всей вообще нравственности великій основатель новѣйшей философіи, нѣмецкій философъ Кантъ, род. въ 1724 г. а умершій въ 1804 г. Полное собраніе его сочиненій, самое лучшее изданіе принадлежитъ Розенкранцу и Гартенштейну. Изъ сочиненій его основными сочиненіями должно признать тѣ, которыя носятъ названіе критики, а затѣмъ для юристовъ особенно важно его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Основныя начала ученія о правѣ и ученія о добродѣтели". Кантъ есть основатель новѣйшей философіи, которая разрабатывается до сихъ поръ преимущественно германскими философами. Главная отличительная черта новѣйшей философіи состоитъ въ томъ, что она не ограничивается не догматическимъ предположеніемъ сверхъ чувственныхъ истинъ, какъ прирожденныхъ уму человѣческому идей, что утверждали такъ назыв. умозрительные философы и изъ

нихъ утверждалъ съ наибольшею опредѣлительностью знаменитый Лейбницъ и затѣмъ систематизировавшій его философію Вольфъ. Характеръ ихъ философіи, т.е. философіи Лейбницъ-Вольфовой обозначается въ этомъ смыслѣ словомъ догматизмъ. Далѣе, главная черта этой новѣйшей философіи философіи состоитъ въ томъ, что она не выводитъ всего познанія изъ опыта внѣшняго только, какъ сенсуализмъ и даже и изъ внѣшняго и изъ внутренняго опыта вмѣстѣ, какъ эмперизмъ, представителемъ котораго былъ Локкъ. Наконецъ главная же черта новѣйшей философіи состоитъ въ томъ, что она не останавливается ни на новомъ скептицизмѣ, главнымъ представителемъ котораго былъ шотландскій профессоръ Юмъ (1711–1776) особенно, въ своемъ сочиненіи „Изслѣдованіе человѣческаго разума". Новый скептицизмъ въ отличіе отъ древняго скептицизма остановился на томъ, что вообще истина для человѣческаго ума непознаваема, но доказывалъ, это односторонне и не принявъ въ соображеніе всѣхъ основаній, которыя могли-бы противорѣчить такому положенію. Напротивъ, новѣйшая философія въ лицѣ Канта начинаетъ съ того, что онъ задумалъ указать твердыя основы нашего познанія истины въ противоположность догматизму, т.е. опредѣлить, на чемъ основывается истина, какъ соотвѣтствіе, согласіе мышленія и бытія. По Канту, истина хотя и познается изъ опыта, потому что все черпается изъ опыта внутренняго и внѣшняго, какъ говорилъ и главный представитель эмперизма, Локкъ; но не все познается чрезъ посредство опыта

Содержаніе нашего познанія, по ученію Канта, есть нѣчто опытное, а не сверхъопытное, не сверхчувственное, но есть у насъ по ученію Канта, нѣчто сверхъ опытное, независимое отъ опыта, что называетъ онъ a priori, посредствомъ чего мы и познаемъ все опытное, такъ что, если-бы этого не было у насъ, то самыя наблюденія наши надъ всѣмъ опытнымъ, надъ всѣмъ чувственнымъ были-бы не возможны. Это суть формы, въ которыя облекается данное a posteriori, т. е. почерпаемое изъ опыта содержаніе, каковы суть для чувственности нашей пространство и время. Все, что мы ни познаемъ, познаемъ мы только, какъ существующее въ пространствѣ и во времени, все, что не существуетъ ни въ пространствѣ, ни во времени, того мы не познаемъ по не доступности этой познавательной нашей способности. Если-бы въ насъ не было этихъ представленій о пространствѣ и времени, то тогда самое познаніе чувственныхъ вещей было-бы невозможно. Слѣдов. опытъ зависитъ отъ этихъ формъ и вмѣстѣ съ тѣмъ формы эти облекаютъ опытное содержаніе, заключаютъ его въ себѣ. Все въ пространствѣ и во времени существующее есть предметъ, содержаніе нашего познанія. Есть еще и другія формы априорныя, доопытныя, которыя суть уже не формы чувственности, а формы разума (ferstandt) въ отличие отъ ума (fernunft). Это суть такъ назыв. Кантомъ категоріи, какъ основныя намъ прирожденныя понятія, какъ доопытныя основопонятія, на которыхъ основываются всѣ понятія и изъ которыхъ составляются всѣ основоположенія и основныя

сужденія, каковы напр. апріорныя основоположенія, какъ, напр. дѣйствіе, какъ нѣчто данное прежде всякаго опыта. Все опытное есть только содержаніе этой формы, т. е. все мы постигаемъ посредствомъ внѣшняго и внутренняго опыта, влагающагося въ эти формы. На этомъ же основывается положеніе, или основное сужденіе, что все имѣетъ свою причину и что все, имѣющее свою причину есть дѣйствіе этой причины.

Что касается до нашей третьей теоретич. способности, т. е. до ума въ собственномъ смыслѣ (первая способность есть чувственность, а вторая разумъ), то онъ, конечно, имѣетъ свои основныя понятія, которыя назыв. у Канта идеями, но и эти идеи ума, какъ познавательной теоретической способности, суть также нѣчто иное, какъ формы для всего опыта, которыя не творятъ чего-нибудь сверхчувственнаго, сверхъопытнаго, а влагаетъ въ себя данное опытомъ. Такъ, напр. идея души, понятіе о душѣ есть основное понятіе ума. Душа не есть, что-нибудь опытное, а, напротивъ умъ въ этомъ понятіи (душа) выражаетъ единство всѣхъ тѣхъ процессовъ, которые совершаются у насъ и изъ которыхъ, каждый въ отдѣльности взятый, выставляется какъ данный въ внутреннемъ опытѣ.

Своимъ ученіемъ Кантъ придалъ строго научный характеръ философіи, котораго она до него не имѣла и не имѣла, потому что не начала съ того, съ чего слѣдуетъ начать, а прямо выставляла какъ предположенія, (что) сверхчувственныя истины,

сверхъопытныя нами познаваемыя, какъ думали умозрит. новые философы, или выставляла какъ предположеніе, что сверхъчувственное сверхъопытное есть продуктъ дѣятельности нашей, но такой, которая вполнѣ основывается на опытѣ, т.е. которая не только почерпаетъ свое содержаніе изъ опыта a posteriori какъ и Кантъ утверждалъ, но, которая и самыя формы для этого беретъ изъ опыта, какъ утверждали эмпирики и сенсуалисты, такъ что пространство и время не суть представленія апріорныя, а суть изъ опыта взятыя и категоріи не суть также понятія апріорныя, а понятія изъ опыта взятыя. Такъ какъ это суть не болѣе, какъ предположенія со стороны или умозрительныхъ философовъ, или эмпиристовъ и сенсуалистовъ, то нѣкоторые вывели заключеніе, что истина вообще не познаваема. Вся суть новаго скептицизма главнымъ представителемъ котораго былъ Юмъ, въ этомъ и заключается; но это заключеніе было слишкомъ опрометчиво, такъ какъ оно не подкрѣплялось всѣми доказательствами, которыя здѣсь были необходимы. Такъ для этого нужно было изслѣдовать умъ человѣка, какъ теоретическую познавательную способность для того, чтобы узнать, что и какъ онъ можетъ познать. Только послѣ такого анализа *) критики теоретическаго ума и можно сказать есть-ли или нѣтъ предѣлъ нашего познанія. Это и было задачею первой Кантовой критики подъ заглавіемъ „Критики чистаго ума, т.е. независимаго отъ опыта теоретическаго ума, какъ познавательной *)

способности. Въ этомъ сочинении Кантъ старался изслѣдовать, анализировать этотъ умъ для того, чтобы показать предѣлы, до которыхъ простирается философское познание и для того, чтобы рѣшить вопросъ доступны-ли человѣческому уму въ особенности такія идеи, каковы: идея бытія божія, безсмертія души и міра съ безусловными цѣлями его существованія. Въ результатѣ этой критики Кантъ приходитъ къ тому заключенію, что нашъ умъ не можетъ познать ничего сверхчувственнаго, сверхъопытнаго, не заключающаго, какъ содержаніе, въ предѣлахъ пространства и времени и не входящаго также, какъ содержаніе, въ категоріи, которыя суть ничто иное, какъ формы апріорныя для этого содержанія; а можетъ только познать, какъ проявляется сверхчувственное, сверхъопытное, только одни его проявленія, сущность не того, что проявляется, сущность вещи не познается умомъ. Такимъ образомъ вещь сама въ себѣ есть ничто иное, какъ предѣлъ познанія человѣческаго ума.

Другое основное его сочиненіе есть Критика практическаго ума. Подъ практическимъ умомъ онъ разумѣетъ или умъ на сколько онъ управляетъ волею человѣческою, какъ свободною а слѣдоват. и нравственною дѣятельностью, ибо нравственность немыслима безъ свободы, или проще сказать умъ практическій у Канта есть ничто иное, какъ наша нравственная природа, наше нравственное естество. Такой нашей нравственной природѣ, такому практическо-

му уму присущи сверхчувственныя, сверхопытныя апріорныя истины, присущъ <u>категорическій императивъ</u>, т. е. велѣніе категорическое, безусловное. Что это значитъ? Нравственная наша природа требуетъ, чтобы мы, что нибудь дѣлали, или недѣлали; слѣд. повелѣваетъ, или запрещаетъ, что нибудь дѣлать, или недѣлать. Запрещаютъ намъ, что нибудь дѣлать и юридическіе законы и законы нашего благоразумія, но всѣ подобныя запрещенія, или повелѣнія суть условныя, т. е. если я, что нибудь дѣлаю, то дѣлаю изъ удовольствія, или, потому что, если-бы я этого не дѣлалъ, то что доставило-бы мнѣ удовольствіе, или, напр. недѣлаю того, что запрещаетъ законъ изъ страха наказанія, которое также доставило-бы неудовольствіе, или напр. я, что нибудь дѣлаю, но, потому что это велитъ мнѣ благоразуміе, т. е. потому что мнѣ это полезно и т. п., Напротивъ того, категорическій императивъ есть велѣніе безусловное, такъ что вредно-ли, или полезно будетъ для меня извѣстное дѣйствіе, наказанъ-ли я буду, или награжденъ, получу я отъ этого удовольствіе, или нѣтъ, все равно я долженъ это сдѣлать, такъ что категорическій императивъ повелѣваетъ и запрещаетъ чисто,, какъ должное, какъ долгъ. Практическій умъ, которому такимъ обр. присущи категор. императивы, можетъ быть названъ и <u>желательною способностью</u> въ смыслѣ того, что она желаетъ, что нибудь дѣлать, или не дѣлать, такъ что этотъ <u>категорич.</u>

императивъ есть веленіе, относящееся къ желательной способности, есть законъ для желательной способности, какъ свободной дѣятельности. Но это веленіе мы никакъ не можемъ вполнѣ исполнять, но можемъ болѣе или менѣе исполнять. Присущее человѣческ. уму безусловное веленіе предполагаетъ желательную способность, волю, а сущность воли, безъ чего ее нельзя представить, есть вольность, свобода. Такимъ образ. мы приходимъ къ понятію свободы, до котораго не могъ возвыситься теоретич. умъ. Это есть уже одна изъ добытыхъ сверхчувств. истинъ, вслѣдствіе присущаго практич. уму категорич. императива.

Въ результатѣ Критики практическаго ума по Канту оказывается, что практическ. уму, въ смыслѣ желательной способности, или уму, направляющему волю нашу, какъ волю свободную, или просто уму, въ смыслѣ природы нашей, присуще доопытный, независимый отъ опыта, категорич. императивъ, безусловное веленіе, которое требуетъ исполненія долга ради самого долга.

Категорич. императивъ непремѣнно требуетъ признанія свободы человѣческой воли, ибо нравственность вообще не возможна безъ признанія свободы, а нравственность, какъ добрая нравственность, и состоитъ въ исполненіи долга ради самого долга, или этого категорическаго императива, который и есть веленіе для нашей свободной воли, ибо, если-бы это былъ такой законъ, такое веленіе, каковъ физическій законъ, то въ такомъ случаѣ не возможно

бы понимать его какъ велѣніе, повелѣвающее и запрещающее что-нибудь дѣлать. Такимъ образомъ, присущій практическому уму категор. императивъ, ведетъ къ познанію того, что для теоретическаго ума, для нашей познавательной способности, являлось чѣмъ-то непостижимымъ, какъ предѣлъ познанія, какъ вещь сама въ себѣ, или сущность вещи. Такимъ образомъ, открывается, какъ извѣстно, практическому уму одна изъ основныхъ сверхчувственныхъ истинъ, а именно понятіе свободы. Эта истина необходимо ведетъ за собою и познаніе другихъ сверхчувственныхъ истинъ. Спрашивается, если я буду исполнять безусловное велѣніе моей нравственной природы, то какія отъ этого будутъ послѣдствія. Послѣдствіе этого исполненія не можетъ б. иное какъ то, что я буду наслаждаться счастьемъ. Я не исполняю долга для того, чтобы быть счастливымъ, но счастіе есть естественное послѣдствіе исполненія долга, какъ дѣйствіе этой причины. Но въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, говоритъ Кантъ, мы видимъ, что не такъ обыкновенно бываетъ или, по крайней мѣрѣ, часто не такъ бываетъ: тотъ, кто исполняетъ долгъ, ради долга, этотъ категорич. императивъ, не всегда бываетъ счастливымъ, а напротивъ, счастливыми бываютъ большею частью люди, дѣйствующіе безнравственно. Но этого не можетъ быть, потому что было-бы противорѣчіемъ между исполненіемъ долга съ одной стороны и меж-

ду его естественнымъ послѣдствіемъ съ другой, которое и состоитъ именно въ счастіи. Изъ этого слѣдуетъ, что должна быть другая жизнь, жизнь будущая, въ которой совпадаетъ добро со счастіемъ. Эта жизнь должна быть для лицъ, которые исполняютъ безусловное велѣніе. Исполненіе это зависитъ отъ нашей нравственной природы, которая есть природа нашей души; слѣд. должна быть другая жизнь для нашей души, въ которой совпадаетъ исполненіе долга и счастія. Это жизнь должна продолжаться вѣчно, потому что не временнымъ только должно быть это сочетаніе добра и счастія, а всегдашнимъ, ибо было-бы противуестественно, если-бы когда-нибудь это сочетаніе нарушилось. Такимъ образ. практическій умъ приходитъ къ другой великой истинѣ, которая осталась непостижимою для теоретическаго ума, а именно, къ безсмертію души. Но спрашивается, кто ручается намъ за то, что мы будемъ вѣчно счастливы въ будущей жизни, которая обусловливается безсмертіемъ души? Ручается намъ за это то существо, которое воздаетъ каждому по дѣламъ его, существо праведное и справедливое въ этомъ смыслѣ, ибо въ воздаяніи каждому по дѣламъ его и состоитъ правда и справедливость. Но, какъ я сказалъ, мы не можемъ вполнѣ и совершенно исполнять своего долга ради самого долга, не смотря на всѣ наши старанія; слѣдов., въ будущей жизни мы не явимся, вполнѣ совершенными. Вотъ почему мы признаемъ что это существо не столько праведно

и справедливо судитъ насъ, но судитъ при томъ милостиво, ибо оно знаетъ, что мы старались всѣми своими силами исполнить нашъ долгъ. Такимъ образомъ это есть преблагое существо. Но для того, чтобы оно судило праведно, справедливо и милостиво, необходимо, чтобы дѣйствія его были основаны на такомъ разумномъ обсужденіи нашихъ дѣлъ, которое превышаетъ всякое разумное наше сужденіе, по которому мы часто судимъ о людяхъ поверхностно, не имѣя возможности вникнуть въ ихъ душу и заглянуть въ ея изгибы. Поэтому такое существо есть вмѣстѣ съ тѣмъ и премудрое существо. Это-то существо и есть Божество. Такимъ образ., мы приходимъ къ третьей, самой высшей, сверхчувственной истинѣ, вслѣдствіе именно присущаго практич. уму категорическаго велѣнія, а именно, къ бытію Божію, какъ къ такой истинѣ, которая также оставалась непостижимою для теоретическаго ума.

Такимъ обр., въ критикѣ Кантова практическаго ума выставляются самыя высшія истины, которыя въ критикѣ теоретическаго ума остались потому непостижимыми, что онѣ могли быть доказываемы и опровергаемы съ равною силою, что онѣ представляли между собою противорѣчіе. Можно было доказывать и опровергать бытіе Божіе, безсмертіе души и т. п. потому, что эти истины не постижимы для теоретическаго ума, такъ что онѣ составляютъ предѣлъ для нашего познанія къ вещи сами въ себѣ. Въ области-же практич. ума нѣтъ никакихъ предѣловъ; здѣсь для насъ возстановляется

идея творческая и мы творимъ практическимъ умомъ эти сверхчувственныя истины, которыя не творятся теоретическимъ умомъ. Идеи теоретич. ума суть не болѣе какъ способы объединенія чего нибудь опытнаго. Мы напр. наблюдаемъ изъвнѣшнее проявленіе нашей души, извѣстные ея процессы, и говоримъ, что эта наша душа. Мы объединяемъ все въ мірѣ и говоримъ, что это есть міръ, какъ нѣчто цѣлое, имѣющее свою причину, свои дѣйствія и т. п.. Мы объединяемъ все, что въ мірѣ совершается, совершилось и будетъ совершаться, всѣ существа въ мірѣ, какъ нѣчто цѣлое, и притомъ какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, и, объединивъ все это, говоримъ, что это божество. Но все это не суть идеи творческія, которыя были бы для насъ постижимы, а суть только пособія для объединенія предметовъ, въ опытѣ находящихся. Практическій умъ открываетъ эти истины уже не какъ опытныя, такъ какъ онѣ сверхъопытны. Въ опытѣ нѣтъ ничего, посредствомъ чего мы могли бы познать міръ или божество, какъ праведное, преблагое и премудрое существо.

Но въ этихъ 2хъ критикахъ, какъ вы видите изъ послѣдствій сопоставленія ихъ результатовъ, умъ теоретическ. и практическій были разъединены. Понятно, что Кантъ не могъ этого не видѣть и потому въ 3ей и послѣдней своей критикѣ подъ заглавіемъ: „Критика силы сужденія" онъ старался соединить умъ теоретическій и практическій. Но для этого у него не было вы именно вслѣдствіе того, что

во первыхъ 2-хъ критикахъ дошелъ до такого противоположенія теоретич. и практическаго ума, которое положило между ними пропасть, черезъ которую нельзя было уже перекинуть моста. Канту нужно было здѣсь на что нибудь рѣшиться, а именно: ему нужно было признать или одинъ только теоретическій или только одинъ практическій умъ формальнымъ принципомъ познанія или, наконецъ соединить тотъ и другой умъ новымъ какимъ-нибудь верховнымъ принципомъ, т.е. нужно было сказать, что вся дѣятельность теоретическаго ума есть ничто иное какъ самосознаніе, что все, что есть сознаніе, есть субъективный принципъ, какъ это сдѣлалъ Фихте; или нужно было сказать, что все есть нѣчто предметное, объективное, существующее само въ себѣ, въ которомъ заключаемся и мы съ своимъ теоретическимъ и практическимъ разумомъ, какъ это сдѣлалъ Шеллингъ, или наконецъ, можно было дойти до такого отождествленія мышленія и бытія, которое сдѣлало возможнымъ существованіе одной мысли, такъ что во всемъ можно было признать мысль, разумъ, какъ это сдѣлалъ Гегель, не говоря уже о томъ, что можно было попробовать извѣстнымъ образомъ соединить субъективность съ объективностью, како это старался сдѣлать Краузе еще до Гегеля. Кантъ ничего этого не сдѣлалъ, а потому, не смотря на всѣ свои усилія, видимыя ясно въ „Критикѣ силы и сужденія," Кантъ

не дошелъ до цѣльнаго міросозерцанія, въ которомъ-бы явились въ единствѣ умъ теоретическій и практическій вообще.

Кантова философія называ. обыкновенно **критическимъ идеализмомъ**, какъ её называлъ и самъ Кантъ. Идеализмомъ, безъ всякаго особеннаго прилагательнаго, назыв. та умозрительная философія (она относится къ періоду, обозначаемому обыкновенно именемъ новой философіи, въ отличіе отъ средневѣковой и новѣйшей, начинающейся съ Канта), которая начинается съ Канта и Декарта, и которая названа такъ потому, что философы этого направленія признавали идеи, какъ истины, прирожденныя, врожденныя человѣческому уму, готово лежащія въ этомъ умѣ, такъ что стоитъ ихъ только раскрыть, объяснить и развить и тогда все откроется для нашего познанія. Всѣ сверхчувственныя, сверхъопытныя истины выводили философы этого направленія изъ одной идеи, которую Декартъ напр. выразилъ въ положеніи: cogito, ergo sum. Этотъ идеализмъ былъ въ особенности развитъ непосредственно предъ Кантомъ въ Лейбницъ-Вольфовой философіи. Отъ такого идеализма отличается Кантова философія тѣмъ, что идеальное въ ней не есть то, чѣмъ оно было въ умозрительной философіи. Идеальное есть мыслимое и только мыслимое. Что-же является мыслимымъ въ Кантовой философіи? Формы для всего опытнаго содержанія (пространства, время и категоріи). По Канту,

нытъ ничего болѣе идеальнаго, а все прочее есть опытное, составляющее содержаніе этихъ идей, этихъ формъ, ибо такъ назыв. идеи теоретическаго ума не суть нѣчто мыслимое въ смыслѣ врожденныхъ, прирожденныхъ идей, а суть ничто иное, какъ объединеніе опытнаго. Далѣе, и тѣ истины, до которыхъ доходитъ практическій умъ, не суть слѣдствія его развитія, а суть слѣдствія присущаго ему, отъ него зависящаго доопытнаго велѣнія (каковы напр. истина безсмертія души, бытія Божія и т. п.). Въ этомъ смыслѣ Кантова философія есть идеализмъ, но въ отличіе отъ философіи Фихте, Шеллинга, Краузе и Гегеля, она назыв. критическимъ идеализмомъ, именно вслѣдствіе того, что Кантъ подвергнулъ критикѣ теоретическій и практическій умъ человѣка.

На этой критикѣ не остановилась новѣйшая философія. Послѣ Канта многіе философы впали опять въ догматизмъ; но этотъ догматизмъ отличается отъ прежняго догматизма тѣмъ, что прежде только предполагали соединеніе, тождество, мышленія и бытія, тогда какъ послѣ Канта философы старались уже доказать такое соединеніе. Необходимость подобнаго доказательства возникла послѣ Канта, такъ какъ онъ не допускалъ такого предположенія, какъ догмы. Конечно и у новыхъ философовъ есть догмы, но такія догмы, которые оправдываются критическимъ направленіемъ. Кантъ говорилъ, что философы, оставляющіе такое предположеніе бездоказательнымъ, впали въ односторонность, что они раздѣлили умъ теоретич. и практич., мышленіе и бытіе, и говорилъ при этомъ, что истина есть согласіе мышленія и бытія,

Литографія А. Степанова Б. Садовая д. № 9.

но что на этомъ нельзя остановиться, а нужно ее найти. Кантъ старался найти такую истину, но онъ ее не нашелъ, а выставилъ просто это требованіе какъ фактъ. Отъ направленія Кантова отступили въ разныхъ отношеніяхъ другіе философы, напр. Фихте, котораго философія называется субъективнымъ идеализмомъ, Шеллингъ, котораго философія называется объективнымъ идеализмомъ, Краузе, котораго принципъ назыв. субъективнымъ и объективнымъ вмѣстѣ, и наконецъ Гегель, который завершилъ развитіе всего этого идеализма, доведши его до абсолюта, т.е. до крайности, который именно сказалъ, что все есть мысль, такъ что бытіе и мышленіе совершенно тождественны. Безусловное велѣніе практическаго ума, какъ мы сказали, есть нравственное велѣніе или нравственный законъ. Это велѣніе присуще самому практическому уму, такъ какъ самъ умъ, самъ человѣкъ налагаетъ его на себя. Въ этомъ смыслѣ, безусловное велѣніе, присуще нашему уму, прирожд., есть нравственный законъ. Такъ какъ человѣкъ самъ налагаетъ на себя исполненіе требованія нравственнаго закона, то онъ есть такое существо, со стороны практическаго ума, которое само законно, т.е. имѣетъ автономію. Откуда слѣдуетъ, что человѣкъ есть существо свободное не только въ томъ смыслѣ, что оно опредѣляетъ само себя къ дѣятельности, но и въ томъ смыслѣ, что оно заключаетъ въ себѣ основаніе, инициативу, починъ для этой дѣятельности. Такое основаніе есть автономическій законъ.

26. Кантъ выставилъ формальнымъ принципомъ права практическій умъ человѣка,

т.е. нравственную нашу природу и утверждалъ, что этому нашему уму присущъ категорическій императивъ или безусловное велѣніе для нашей практической дѣятельности. Безусловное велѣніе этого практическаго ума, какъ основное, первоначальное, на которомъ слѣдов., основываются и изъ котораго выводятся всѣ прочія безусловныя велѣнія практическаго ума, есть верховный нравственный законъ, по отношенію къ которому всѣ прочія велѣнія практическаго ума суть уже производные нравственные законы. Этотъ верховный нравственный законъ выражаетъ Кантъ въ слѣдующемъ положеніи: поступай такъ, чтобы особенное правило (максимъ, какъ выражается Кантъ) твоей воли могло быть или могло стать всеобщимъ закономъ. Если особенное правило нашей воли, слѣдуя которому мы будемъ предпринимать всякое дѣйствіе, будучи сдѣлано мысленно всеобщимъ правиломъ, нормою для дѣятельности всѣхъ людей, поведетъ къ разстройству всей общественной жизни, то это, несомнѣнный признакъ того, что обусловленное такимъ правиломъ дѣяніе противно нравственности, безнравственно. Если-же напротивъ, особенное правило нашей воли можетъ б. сдѣлано общимъ правиломъ, всеобщимъ закономъ, то это несомнѣнный признакъ того, что обусловленное имъ дѣяніе согласно съ доброю — нравственностью. Такъ если-бы кто установилъ для себя особенное правило, не платить долговъ, и вообще не исполнять своихъ обязанностей, основанныхъ на взаимномъ соглашеніи съ другими людьми на договорѣ, то такой человѣкъ долженъ помнить, что если-бы его правило сдѣлалось всеобщимъ закономъ, то отъ это-

го-бы онъ самъ пострадалъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ вовсе не возможны были-бы никакіе договоры. Это есть несомнѣнный признакъ того, что неплатежъ долговъ, неисполненіе обязанностей противно доброй нравственности.

Всѣ произвольные нравственные законы или категорическіе императивы или нравственные въ обширномъ смыслѣ, этическіе законы, суть, какъ извѣстно, выводы изъ верховнаго нравственнаго закона или категорическаго императива и слѣд. всѣ нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этическія обязанности выводятся изъ этого верховнаго, нравственнаго въ обширномъ смыслѣ этическаго долга, изъ этой верховной этической обязанности. Эти нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этической обязанности двоякаго рода: однѣ изъ суть <u>обязанности</u> такъ назыв. добродѣтели, т. е. <u>моральныя</u> въ собственномъ смыслѣ или нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ, а другія - суть <u>обязанности правныя</u>, юридическія. Перваго рода обязанности (моральныя), не могутъ быть вынуждаемы внѣшнею силою; принужденіемъ, и слѣдов. суть непринудительныя по своему свойству. Такія обязанности суть обязанности, исполняемыя чисто только представленіемъ со стороны ума человѣческаго, практическаго безусловнаго велѣнія, какъ верховнаго закона, нравственнаго долга, такъ что это есть единственное побужденіе къ тому, чтобы человѣкъ исполнялъ эти обязанности ради самыхъ обязанностей. Юридическія обязанности суть напротивъ того обязанности, которыя могутъ быть вынуждаемы внѣшнею силою, которыхъ исполненіе обусловливается побужденіемъ со стороны внѣшней силы, представленіемъ

страха наказанія и т.п.. Тѣ законы, которые исполняются въ силу долга, или которыя требуютъ исполненія долга для самаго долга, суть чисто нравственные въ собственномъ смыслѣ или моральные законы, а тѣ законы, которые допускаютъ и другія какія нибудь побужденія къ исполненію обязанностей, наприм. допуская представленіе о внѣшней силѣ, представленіе принужденія, суть юридическіе законы. Основную, верховную, юридическую обязанность, а слѣдов. и основной верховный правный юридическій законъ, её устанавливающій, выражаетъ Кантъ въ слѣд. положеніи: *поступай такъ, чтобы твоя свобода*, произволъ, т.е. твое пользованіе своею свободою, въ смыслѣ произвола, какъ свободы выбора между тѣмъ и другимъ, *была совмѣстима со всеобщимъ закономъ*; т.е. согласно съ верховнымъ безусловнымъ велѣніемъ практическаго ума, съ такимъ же свободнымъ произволомъ всѣхъ прочихъ людей и каждаго въ особенности. Изъ этого слѣдуетъ, что этотъ основной, верховный, юридическій законъ непремѣнно требуетъ со стороны каждаго человѣка ограничить свою свободу, въ смыслѣ свободнаго произвола свободою, свободнымъ произволомъ другихъ людей, т.е., чтобы при этомъ и другіе люди могли проявлять свою свободу. Въ этомъ Кантъ и полагаетъ justum, праведное и справедливое. Праведное и справедливое, по Канту, не познается умомъ, т.е. человѣкъ не приходитъ къ идеѣ праведнаго и справедливаго теоретич. умомъ, такъ какъ эта идея сверхопытная, сверхчувственная, а практическій умъ человѣка сознаетъ въ себѣ верховный нравственный законъ и выводимые изъ него юридическіе законы, въ собственномъ смыслѣ,

которые присущи также практическому уму, какъ безусловныя веленія, которыя должны быть исполняемы для того, чтобы была возможна свобода всѣхъ людей и каждаго, въ смыслѣ свободы выбора между тѣми и другими дѣяніями. Свобода эта необходима, ибо безъ свободы невозможна вообще никакая нравственность, а слѣдов. невозможна ни моральная, ни юридическая нравственность, въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ-то смыслѣ практическій умъ и есть Кантовъ формальный принципъ права.

Но кромѣ Канта, практическій умъ былъ выставленъ формальнымъ принципомъ права, нѣсколько впрочемъ отличнымъ образомъ отъ Канта, и другимъ знаменитымъ философомъ Гербартомъ, философія котораго, въ области теоретич. имѣетъ характеръ реалистическій, а въ области практической - идеалистическій, чѣмъ она и отличается отъ философіи Канта, характеръ которой выражается словами Критическій идеализмъ. Съ другой стороны, этимъ философія Гербарта отличается отъ реализма, въ собственномъ смыслѣ слова, который приписывается какъ сенсуализму, такъ и эмпиризму.

Гербартъ, имѣющій теперь много последователей, - родился въ 1776 г. и умеръ въ 1841 г. Полное собраніе его сочиненій издалъ Гартенштейнъ.

Гербартова философія есть, какъ я сказалъ, соединеніе реализма съ идеализмомъ. Гербартъ реалистъ въ области теоретической въ томъ смыслѣ, что онъ ограничиваетъ всю задачу теоретическаго ума, какъ познающей способности, только исканіемъ уясненіемъ и соглашеніемъ нашихъ представленій, которыя даются намъ изъ опы-

та и также вслѣдствіе согласія этихъ представленій между собою, уничтоженіемъ противорѣчій между ними, и въ особенности тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ Кантъ видѣлъ непреодолимое препятствіе къ познанію самыхъ высшихъ идей, верхчувственныхъ истинъ, каковы бытіе божіе, безсмертіе души и цѣлесообразность всего міра въ его цѣлости, да и вообще къ познанію вещи самой въ себѣ, т. е. къ познанію сущности вещей, ихъ значенія и назначенія, въ смыслѣ сверхчувственныхъ истинъ вообще. Но Гербартъ реалистъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ теперь реалистовъ. Въ обыкновенномъ смыслѣ, реализмомъ назыв. въ философіи тотъ особенный взглядъ на познаніе и его объектъ (дѣйствительность, бытіе), въ силу котораго эта дѣйствительность, какъ предметъ познанія, слагается только изъ сущностей данныхъ намъ въ [illegible] нашего чувственнаго, внѣшняго наблюденія, а самое познаніе по этому ученію, не имѣетъ особенной самодѣятельности, будучи продуктомъ дѣйствій данныхъ извнѣ. Таковъ въ этомъ смыслѣ реализмъ, сенсуализмъ и эмпиризмъ. Но помимо того, основная мысль Гербарта состоитъ въ томъ, что представленія нашего ума возбуждаются дѣйствіями на насъ [illegible] внѣшнихъ и независимыхъ предметовъ. Но сами по себѣ эти представленія, такимъ образомъ у насъ возбуждаемыя, не содержатъ въ себѣ истины, а становятся истинными представленіями, какъ понятіями истины, только тогда, когда они самодѣятельною силою нашего мышленія, нашего теоретическаго ума, будутъ преобразованы въ нѣчто мыслимое, какъ въ идеальныя, мы-

слимыся понятія, что и возможно только посредствомъ исправленія и уясненія этихъ представленій, а также соглашенія между ними, т. е. уничтоженія между ними противорѣчій. Такимъ образ., хотя Гербартъ и ограничиваетъ объемъ нашего познанія тѣмъ, что дано въ опытѣ, подобно Канту, признавая сверхчувственное, сверхъопытное, для насъ непознаваемымъ, но Гербартъ въ отличіе отъ Канта признаетъ, что это данное въ опытѣ должно быть познаваемо съ нашей стороны, должно быть исправляемо, уясняемо и согласуемо посредствомъ уже не того, что относится къ опыту, а посредствомъ именно нашего мышленія и размышленія, чего не признаетъ реализмъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ сенсуализмъ, такъ и эмпиризмъ.

Что касается до практическ. философіи Гербарта, то онъ въ ней является идеалистомъ, а именно, желая соединить то, что было разъединено у Канта, онъ признаетъ присущими уму человѣческому такъ наз. имъ практическія или этическія, нравственныя въ обширномъ смыслѣ идеи, т. е. идеалы, первообразы, образцы для всѣхъ волеотношеній нашихъ, для всѣхъ отношеній воли какъ къ разуму, такъ къ самой себѣ и къ другимъ волямъ. Эти первообразы, идеалы, присущи нашему уму такъ, что умъ нашъ не можетъ не признать ихъ, что онѣ дѣйствительно есть въ немъ какъ независимыя отъ всякаго авторитета, отъ всякой напр. вѣры, преданія, традиціи и т. п.; напротивъ, умъ нашъ признаетъ авторитетъ этихъ идей, ихъ дѣйствіе на насъ, тоже въ смыслѣ какъ-бы безусловнаго велѣнія, такъ что мы не можемъ по природѣ нашей не признать, что мы

должны подчинить волю нашу во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ идей, какъ первообразовъ для нашихъ волеотношеній есть безчисленное множество (какъ есть безчисленное множество Кантовыхъ производныхъ идей), ибо онѣ суть ничто иное, какъ нравственные законы для нашей дѣятельности. Но какъ и у Канта въ основѣ всѣхъ нравственныхъ законовъ, безконечно разнообразныхъ, лежитъ верховный, нравственный законъ, велѣніе практическаго ума, такъ точно и у Гербарта, въ основѣ всѣхъ этихъ образцовъ, всѣхъ этихъ этическихъ, производныхъ идей, лежатъ основные первообразы для всѣхъ волеотношеній. Такихъ основныхъ первообразовъ онъ принимаетъ пять, а именно во 1, такъ назыв. идея внутренней свободы согласія воли съ разумомъ (воля должна быть согласна съ разумомъ, потому что, кто дѣйствуетъ противъ разума, противъ убѣжденія, тотъ дѣйствуетъ безнравственно; во 2, идея совершенствованія или полного развитія разума, какъ руководителя нашей воли; въ 3, идея доброжелательства, т.е. согласія воли человѣка съ волею другихъ людей (человѣкъ долженъ желать добра другимъ людямъ); въ 4, идея права и въ 5, идея справедливости или правосудія. Въ соглашеніи всѣхъ волеотношеній нашихъ со всѣми такими основными, этическими нравственными въ обширн. смыслѣ идеалами и состоитъ, по ученію Гербарта, добрая нравственность, а въ обш. смыслѣ, въ соглашеніи волеотношеній, въ особенности съ идеею права и съ идеею справедливости или правосудія состоитъ праведное и справедливое, правди и справедливость. Отсюда слѣдуетъ, что у Гербарта формальн. принципъ права есть также практ. умъ, какъ и у Канта, но въ особен-

номъ смыслѣ этого слова, а именно въ томъ, что ему присущи практическія, этическія идеи, какъ образцы, идеалы всѣхъ взаимоотношеній.

На пятой ступени генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права умъ человѣческій вообще, т.е. какъ теоретическій и практическій умъ въ ихъ единствѣ. Сюда относятся слѣдующ. нѣмец. философы: во 1, Фихте старшій, во 2, въ особенности Шеллингъ, какъ главный представитель, въ 3, Краузе и въ 4, Гегель. 24

Знаменитый нѣмецкій философъ Фихте старшій родился въ 1762 г. умеръ въ 1814 году. Полное собраніе его сочиненій издано его сыномъ, Фихте младшимъ. Фихте старшій старался соединить то, что разъединилъ Кантъ, и тѣмъ хотѣлъ исправить недостатки Кантовой философіи. По ученію Фихте, весь составъ сверхчувственныхъ, сверхопытныхъ истинъ есть продуктъ единаго, въ человѣкѣ заключающагося, безусловнаго, дѣятельнаго, творческаго самосознанія или какъ онъ выражается самосознающаго я, какъ ума единаго, нераздѣльнаго, вмѣстѣ теоретич. и практическаго, какъ общія формы для всѣхъ единичныхъ, конечныхъ, ограниченныхъ я. Это я есть общее я, такъ сказать, всѣхъ существъ, самосознающихъ себя, есть въ этомъ смыслѣ абсолютное неограниченное я, между тѣмъ какъ я каждаго отдѣльнаго человѣка есть ограничен., неабсолютное я. Такъ какъ абсолютное, неограниченное я есть дѣятельная сила, кот. все познаетъ теоретически, проявляясь въ своей дѣятельности практически, то въ этомъ см. оно есть абсолютное я, т.е. есть чистое я, независимое ни отъ чего, такъ что ему ничто не

предшествуетъ такое, чтобы определяло его къ дѣятельности теоретич. и практической, чтобы служило основаніемъ, началомъ для его дѣятельности.

27. Это самосознающее я, какъ форма всякаго ограниченія, и есть верховн. принципъ всего, т.е. и познанія и практич. дѣятельности. Изъ этого самосознающаго я выводится все существующее, всѣ объекты, вся дѣятельность, все, что совершается въ мірѣ, какъ познаваемое имъ, какъ мыслимое, какъ идеальное, такъ что все, что не есть, вся дѣятельность и всѣ объекты суть нѣчто иное, какъ продукты этого самосознанія, какъ собственныя мысли этого я. Въ силу такого верховн. принципа всей дѣятельности, какъ теоретич. такъ и практической, въ этомъ самосознающемъ я находитъ Фихте отправную точку, которою и соединяетъ теоретич. и практическую дѣятельность ума нашего и объекты, предметы, или содержаніе того, что познается умомъ, какъ нѣчто дѣйствительное, какъ нѣчто объективное, что и познается и въ смыслѣ конечнаго, ограниченнаго и въ сн. безконечнаго. Это я, по Фихте, не только воспринимаетъ объектъ, какъ данный объектъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творитъ этотъ объектъ, такъ что его дѣятельность есть и познающая и творческая и въ этомъ смыслѣ его дѣятельность и есть и теоретическая и практическая. Все дѣйствительное, все объективное есть нѣчто иное, какъ твореніе ума, мысли, самосознающаго я, продуктъ его дѣятельности. Такимъ образомъ по ученію Фихте, нѣтъ ничего сущаго, кромѣ того, что самосознающее я мыслитъ въ себѣ, или для этого я нѣтъ ничего суще-

го, объективнаго въ смыслѣ внѣшняго для него, а все есть только въ немъ, какъ въ самосознающемъ субъектѣ и какъ творящемъ объектъ. Наше мыслящее я такимъ образомъ своимъ сознаніемъ, этимъ простымъ первоначальнымъ актомъ самоположенія, производитъ, творитъ, предметъ сознанія, какъ нѣчто внѣшнее для него. Объектъ есть твореніе самосознающаго я, есть нѣчто внутреннее въ немъ; слѣдов., объектъ происходитъ изъ субъекта, есть его произведеніе. Такимъ образомъ субъектъ и объектъ тождественны между собою. Все это выражаетъ Фихте въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1, я сознаетъ, какъ онъ выражается, само себя, т. е. представляя ему мысли, какъ его-же субъективныя мысли. Здѣсь я ставитъ само себя, полагаетъ само себя. Эта есть первая ступень его дѣятельности, которую Фихте выразилъ въ такой формулѣ: я равно я. 2, Я полагаетъ, ставитъ эти мысли предъ самимъ собою, какъ нѣчто внѣшнее, объективное для него. Эта вторая ступень называется противоположеніемъ (антитезисъ) такъ какъ здѣсь не я является чѣмъ-то внѣшнимъ для я. Наконецъ въ третьихъ я сознаетъ, что объективные предметы есть ничто иное, какъ его-же собственныя мысли, такъ что въ этомъ нѣтъ ничего объективнаго. Это есть самоположеніе я и не я, какъ третья ступень познающей дѣятельности. Это Фихте выразилъ въ слѣд. формулѣ: я плюсъ не я равняется я.

Окончательный результатъ всего того, что мы сказали о Фихтовой филос. системѣ можно выразить коротко такимъ обр. все т. е.

все дѣйствительное, сущее есть ничто иное, какъ субъект. мысль, есть произведеніе, продуктъ самосознанія, какъ мыслящей дѣятельности абсолютнаго, самого по себѣ сущаго я, есть мысль его, какъ мыслящаго объекта какъ субъект. мыслящей дѣятельности; или короче: <u>все есть субъект. мысль,</u> какъ идея субъекта. Въ этомъ см. <u>Фихтова философія</u> для отличія отъ другихъ философск. системъ <u>называется субъективнымъ идеализмомъ</u>. Въ такое абсолютное самосознающее, мыслящее я превратилъ Фихте то, что Кантъ называлъ теоретическимъ познающимъ умомъ, такъ что въ дѣйствительности все бытіе существъ есть только произведеніе, продуктъ познанія, мышленія ума, умственной дѣятельности самосознающаго я, какъ субъекта. Слѣд. по его ученію, ничего инаго не существуетъ кромѣ объективной мысли, ничего не существуетъ, что было бы независимо отъ сознанія мыслящаго я, ибо Фихтово абсолютное, самосознающее я, созерцая сознавая само себя, или самосознавая себя, познаетъ въ себѣ и все объективное, какъ свой собствен. субъективн. продуктъ своего мышленія, познанія, какъ имъ же мыслимое, какъ идеальное. Но это же самое абсолютное я проявляетъ, раскрываетъ, познаетъ въ себѣ самомъ и мысли, какъ свои собственныя, имъ продуцируемыя, именно въ томъ, что называется дѣяніями, какъ внѣшними, видимыми дѣйствіями. Въ это абсолютное я, проявляющееся, раскрывающееся въ дѣяніяхъ, превратилъ Фихте то, что называлъ Кантъ умомъ практическимъ. Но, такъ какъ у Фихте одно и тоже абсолютное я и продуцируетъ свои мысли и проявляетъ, раскрываетъ ихъ въ своихъ дѣяніяхъ, то, по

ученію его, умъ теоретич. и практич. не разъединяются, какъ у Канта, а состоятъ въ единствѣ, т.е. Фихтово абсолютное я есть нераздѣльно и теоретич. и практическій умъ, ибо теоретич. познавательная дѣятельность и практич. нравствен. дѣятельность есть существенно по своему содержанію одна и тоже дѣятельность, какъ дѣятельность одного и того же субъекта, ума самосознающаго, абсолютнаго я, только они различны по своимъ образамъ формамъ. Такъ теоретич. познават. дѣятельность есть такой образъ, форма дѣятельности абсолютнаго я, когда умъ, въ себѣ единый, продуцируя свои мысли, ставитъ ихъ предъ собою, представляетъ ихъ, какъ предметъ, какъ объектъ и разсматриваетъ ихъ, какъ свои собственныя представленія, превращая ихъ затѣмъ въ понятія, сужденія и умозаключенія. Напротивъ, практич. дѣятельность есть такой образъ дѣятельности ума, въ себѣ единаго, когда умъ, представляя продуцируемыя имъ мысли, какъ внѣ себя повидимому существующіе предметы, объекты, какъ внѣшніе существа, какъ вещи внѣшняго міра, дѣйствуетъ на эти вещи, измѣняетъ ихъ по своимъ представленіямъ, понятіямъ и умозаключеніямъ, какъ по своимъ цѣлямъ. Но отсюда уже видно, что въ той и другой дѣятельности самъ же умъ, само же абсолютное я опредѣляетъ и характеръ той или другой дѣятельности, такъ что самъ умъ есть первопричина, иниціативъ, начало всей своей дѣятельности, какъ теоретич. такъ практической. Это свойство, присущее абсолютному уму, или эта присущая ему способность, или первопричина всей его дѣятельности,

или, короче, эта способность его же самоопредѣленія, способность его самоопредѣляться ко всей своей дѣятельности дѣйствительно и есть то, что называется свободою. — Слѣдовательно свобода присуща уму, абсолютному я, какъ его необходимое существенное свойство. Итакъ умъ, какъ единый, или абсолютное Фихтова я есть въ этомъ смыслѣ и источникъ и орудіе познанія всего, а также и всего проявленія, всего познанія въ немъ и въ этомъ смыслѣ есть верховный принципъ всего. Но, далѣе, изъ предъидущаго слѣдуетъ, что этотъ умъ, это абсолютное я есть единое истинно сущее, какъ постоянно пребывающее, какъ имѣющее вѣчное бытіе, есть вѣчное, безначальное, безконечное существо, ибо оно то изъ себя и производитъ все, оно постоянно раскрываетъ само себя. Если такъ то всѣ существа, кромѣ этого я суть существа временныя производныя и конечныя, а не абсолютныя не вѣчныя. Такія существа времен. производныя и конечныя также, какъ и самосознающее я, какъ имѣющее также сознаніе суть конечныя ограничныя я. Эти я суть уже я того или другаго человѣка, а не абсолютное я. Соотношеніе между этими ограниченными конечными я и между абсолютнымъ безконечнымъ я Фихтъ выражаетъ такимъ образомъ абсолютн. безконечн. я есть чистое я, есть я представляемое, какъ независимое отъ внѣшняго опыта, какъ сверхъопытное въ этомъ смыслѣ сверхчувственное; напротивъ конечное ограниченное я того или другаго единичн. человѣка, есть я представляемое, какъ данное во внѣшнемъ

опытъ, хотя и то и др. я равно суть существа самосознающія. Затѣмъ абсолютное я относится къ конечному я, какъ общая форма для всякаго огранич. конечнаго я, т.е. для каждаго единичнаго человѣка, ибо, хотя это конечное единичное я есть я существа ограниченнаго и оно есть также я существа самознающаго какъ и абсолютное я. Слѣдов. и единичному человѣку также присущи и умъ и свобода, какъ абсолютному я, или человѣкъ есть разумное и свободное, конечное, ограничное, единичное, самосознающее существо. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, его я сознаетъ себя какъ разумное и свободное существо единичное среди всѣхъ подобныхъ ему существъ въ мірѣ, среди людей. Это продуктъ его теоретич. дѣятельности, его мышленія. Сознавая себя свободнымъ и разумнымъ существомъ человѣкъ долженъ проявить во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ такое названіе. Это его практич. или нравствен. дѣятельность другими словами: человѣкъ не можетъ представить себя разумнымъ и свободнымъ существомъ, приписать себѣ умъ и свободу разумно и свободно теоретич. нравственной дѣятельности въ мірѣ, не приписывая въ тоже время ума и свободы прочимъ людямъ, какъ подобнымъ себѣ существамъ, также разумнымъ и свободнымъ, пот. что человѣкъ есть человѣкъ только между людьми. Unus homo, nullus homo, т.е. если бы человѣкъ былъ одинъ, то онъ не сознавалъ бы себя таковымъ. Отсюда слѣдуетъ, что единич. человѣкъ не можетъ себѣ приписать только одному всей цѣлостной свободы, а долженъ при-

Лит. С.А. Степанова Г. Садовая № 7-11

писать себѣ только часть свободы, ибо, ес-
ли-бы, каждый единичный человѣкъ поступалъ
совершенно самовластно, приписывая себѣ
всю свободу только себѣ одному, не удѣляя ни-
чего другимъ, то нельзя было-бы жить лю-
дямъ между собою въ общеніи, невозможно
было-бы общежитіе. Если люди должны жить
вмѣстѣ, а это есть необходимое требо-
ваніе ихъ природы. Но такъ, какъ всѣ лю-
ди предполагаются свободными, то это ог-
раниченіе можетъ быть сдѣлано только
по собственной волѣ также свободно, иначе
свобода была-бы не только ограничена (это
необходимо) но была-бы совершенно уничто-
жена. Единичный человѣкъ сознаетъ, что
его свобода ограничивается свободой другихъ лю-
дей, сознаетъ именно посредствомъ своего
самосознающаго ума. Поэтому человѣкъ
сознаетъ себя обязаннымъ признавать про-
чихъ людей также свободными и разумны-
ми существами, а слѣд. и въ практиче-
ской дѣятельности - проявлять такое свое
сознаніе, т.е. обходиться, обращаться съ про-
чими людьми, какъ съ разумными и сво-
бодными существами. Люди, какъ разум-
ныя существа, должны сами свободно по-
ложить границу, предѣлъ своей свободѣ;
какъ свободѣ всѣхъ и каждаго, именно, какъ
разумныя существа, потому что какъ
разумныя они сознаютъ, что всякій че-
ловѣкъ есть разумное и свободное существо
и, что потому, каждый долженъ пользо-
ваться частью свободы. Въ этомъ смыслѣ
можно сказать, какъ и говоритъ Фихте,
что, каждый человѣкъ обязанъ ограничить
свою свободу понятіемъ, т.е. представле-
ніемъ возможности свободы другихъ лицъ,
находящихся съ нимъ въ общеніи т.е. такъ,
чтобы была возможна свобода тѣхъ людей,
съ которыми онъ состоитъ въ общеніи, по-

Лит. А. Степанова В. Садовая № 7-11

тому что для общенія и необходимо ограниченіе свободы (безъ чего невозможно общежитіе). Въ этомъ заключается, можно сказать, выражаясь Кантовымъ слогомъ, категорическій императивъ единаго неразд"ельнаго ума челов"еческаго, какъ основной верховный законъ всего права. Но этотъ законъ д"ействуетъ, им"еетъ обязательную силу только подъ условіемъ взаимности, т.е. въ томъ случа"е, когда и прочіе люди, состоящіе въ общеніи съ единичнымъ челов"екомъ, также относятся къ нему какъ къ свободному и разумному существу и поступаетъ съ нимъ какъ съ таковымъ. Такое взаимное отношеніе между людьми есть правное юридическое отношеніе между ними. Въ этомъ смысл"е Фихте опред"еляетъ право, какъ правду и справедливость какъ праведное и справедливое, такъ что она есть м"ера свободы единичнаго челов"ека, какъ его единичнаго произвола ограничиваемою возможностью представленія, понятія свободы прочихъ людей, состоящихъ съ нимъ въ общеніи подъ условіемъ взаимности, т.е. съ т"емъ, чтобы и они ограничивали такимъ-же образомъ свою свободу въ его пользу.

Такимъ образомъ, основной законъ права, какъ юридическій законъ не есть законъ природы вн"ешней, не есть физическій законъ, а есть законъ для свободы, а именно, для свободы челов"еческой, потому что физически возможно, чтобы люди обращались одни съ другими и не по этому закону, а по закону физической силы по механическому закону не уважая свободы другихъ лицъ. А съ другой стороны возможно также, чтобы каждый челов"екъ ограничивалъ свою свободу и закономъ, правомъ. Если этотъ юридическій законъ д"ействительно им"еетъ обяза-

тельную силу и исполняется людьми во взаимныхъ между собою отношеніяхъ, то это только потому, что каждый изъ людей постоянно дѣлаетъ этотъ основной юридическій законъ свободно самъ для себя закономъ, самъ для себя своимъ особеннымъ правиломъ. Этотъ законъ имѣетъ дѣйствіе только подъ тѣмъ условіемъ, если существуетъ общеніе между людьми или, если существуетъ взаимнодѣйствіе между ними, какъ разумными и свободными существами. Но такъ, какъ самое это общеніе одного человѣка съ другимъ зависитъ отъ того человѣка, съ которымъ первый хочетъ вступить въ общеніе, т. е. отъ того будетъ-ли этотъ другой человѣкъ также поступать съ нимъ, какъ съ разумнымъ и свободнымъ существомъ, т. е. признаетъ-ли онъ этотъ верховный правный юридическій законъ, то потому-то этотъ верховной основной правный юридическій законъ имѣетъ обязательную силу для человѣка только тогда и только до тѣхъ поръ, пока другой человѣкъ обходится, обращается согласно съ этимъ закономъ, или, какъ выражается Фихте, подъ условіемъ взаимности, ибо въ противномъ случаѣ самый этотъ законъ освобождаетъ человѣка отъ своего исполненія, дозволяя ему уже обращаться по свободному произволу съ тѣмъ человѣкомъ, который обращается съ нимъ противно этому всеобщему закону. Опредѣленное такимъ образомъ философіею Фихте право, какъ правое и справедливое, сознается человѣческимъ умомъ и изъ него-же, изъ этого ума это право истекаетъ, въ немъ-же проявляется. Слѣдов., въ этомъ смыслѣ, по ученію Фихте единый умъ человѣческій (т. е. нераздѣльно и теоретически и практически) есть фор-

мальный принципъ права. Главный существенный недостатокъ, почокъ такъ сказать фихтовой философской системы заключается въ крайней односторонности отправной его точки. Такою отправною точкою онъ признаетъ абсолютное я, какъ субъектъ, который творитъ все дѣйствительное, объективное, какъ его мыслимое, такъ что нѣтъ ничего, кромѣ мысли субъекта, субъективной мысли, или все есть субъективное и ничего нѣтъ объективнаго. Въ этомъ и состоитъ отличительный характеръ этой философіи, которая обозначается выраженіемъ субъективный идеализмъ. Самъ Фихте чувствовалъ односторонность своей философской системы, ибо на вопросъ, который онъ самъ себѣ поставилъ, почему-же спрашивается мы люди признаемъ что все, что мы представляемъ себѣ, какъ дѣйствительное, реальное, есть именно таково, а не иное, какимъ мы его созерцаемъ нашими чувствами, почему-же мы думаемъ себѣ такъ, а не иначе? Какъ возможно то, что будто-бы нѣтъ ничего, какъ думаетъ Фихте, кромѣ субъекта, что нѣтъ объекта, или, что объектъ есть ничто иное какъ представляемая субъектомъ мысль. Въ этомъ говоритъ Фихте, заключается предѣлъ нашего познанія! Что это значитъ? Извѣстно, что и Кантъ полагалъ предѣлъ для нашего познанія, называя его вещью самою въ себѣ, какъ чѣмъ-то сверхчувственнымъ; слѣд. Фихте никакъ не разрѣшилъ того, что оставилъ не разрѣшеннымъ Кантъ, а именно не внесъ въ философію познанія вещи самой въ себѣ, сущности вещи. Слѣдовательно онъ не рѣшилъ задачи философіи - показать соотношеніе между мышленіемъ и бытіемъ въ дѣйствительности

т. е. не рѣшилъ задачи, которая составляетъ предметъ философіи, а именно: задачи о томъ, что такое истина, можно-ли познать истину (а истина есть ничто иное, какъ соотвѣтствіе между мышленіемъ и бытіемъ). Поэтому для дальнѣйшаго движенія философіи, нужно было сгладить такую односторонность субъективнаго идеализма. Это и старался сдѣлать Шеллингъ, но онъ впалъ въ другую крайность, въ другую односторонность. Фихте призналъ за точку отправленія субъектъ съ его мышленіемъ, сказавъ, что все есть субъективная мысль, а Шеллингъ призналъ за точку отправленія объектъ, сущее, дѣйствительное, какъ-бы сказавъ, что все есть объективная мысль. Въ этомъ смыслѣ Шеллингова философія, въ отличіе отъ Фихтовой, назыв. объективн. идеализмомъ.

Знаменитый нѣмецк. философъ Шеллингъ родился въ 1775 г., ум. 1864 г. Полное собраніе его сочиненій издано его сыномъ, Фихтово абсолютное, чистое я, этотъ умъ, этотъ самосознающій субъектъ, съ его мыслью, предъ которымъ исчезаетъ все дѣйствительное, объективное, становится какъ-бы призракомъ, превратилъ Шеллингъ въ объективное, предметное, въ объективно сущее, какъ сущее само по себѣ, какъ абсолютно сущее, а именно, сущее само по себѣ, какъ субстанція всего міра, т. е. какъ-бы подкладка всего міра, какъ-бы сущность всего дѣйствительнаго, которая лежитъ подъ всею дѣйствительностью, и такимъ образомъ эта сущность вноситъ изъ субъекта въ дѣйствительное мысль, идею, разумъ, и дѣлаетъ всю дѣйствительность разумною дѣйствительностью, весь міръ дѣлаетъ разумнымъ, такъ что вся дѣйствительность, весь міръ, и есть въ этомъ смыслѣ предметная, объективно сущая мысль, безъ всякаго субъек-

екта, т. е. ничья либо мысль, а мысль какъ сущая въ этомъ мiрѣ. Въ этомъ смыслѣ философiя Шеллинга назыв. объект. идеализмомъ. Точкою ея отправленiя является объективная предметная мысль, разумная субстанцiя всего мiра, всей дѣйствительности. Онъ называетъ это абсолютнымъ (das absolute, т. е. подразумѣвая существо), въ смыслѣ существующаго, въ смыслѣ сущаго самого по себѣ, безусловнаго, т. е. не только не зависящаго ни отъ чего, но и вмѣстѣ съ тѣмъ служащаго основою всего мыслимаго и дѣйствительно существующаго. Въ этомъ абсолютѣ сосуществуетъ все, все дѣйствительное, реальное, сосуществуетъ вмѣстѣ, безразлично, индеферентно, т. е. и субъектъ и объектъ и мыслящее и мыслимое, бытiе и духъ, вещество или природа и мiръ внутреннiй, идеальный, и мiръ внѣшнiй, дѣйствительный, реальный, и мiръ физическiй и мiръ нравственный, словомъ все, что мы различаемъ. Въ этомъ смыслѣ абсолютъ есть самъ по себѣ индеференцiя, безразличiе или есть абсолютное тождество всего, т. е. всѣхъ по видимому противоположныхъ явленiй, всего мiра, такъ какъ въ абсолютѣ все какъ-бы смѣшано, какъ-бы соединено, какъ-бы сосуществуетъ, поэтому-то философiя Шеллинга въ этомъ ея видѣ назыв. обыкновенно системою абсолютнаго тождества.

28. Абсолютъ есть безразличное тождество, индеференцiя, но онъ не остается таковымъ, а деференцiруется, различается, а именно, раскрывается съ одной стороны во внѣшнихъ веществахъ физич. мiра, въ природѣ, въ веществѣ съ одной стороны, а съ другой стороны во внутреннемъ, духовномъ, идеальномъ мiрѣ, въ мiрѣ исторiи человѣчества, въ духѣ. Но такъ какъ это суть двѣ стороны одной и той-же абсолютной субстан-

ціи, какъ субстанціи всего міра, которая въ немъ существуетъ безразлично, индеферентно, то потому въ каждой изъ этихъ 2 хъ сторонъ открытія или раскрытія этого абсолюта всего бытія, этой субстанціи, повторяется по ученію Шеллинга такое тождество между обоими мірами съ тѣмъ различіемъ, что въ мірѣ духовномъ, идеальномъ, перевѣсъ берутъ идеи, духовное, мыслящее надъ природою, а въ мірѣ вещественномъ, реальномъ, физическомъ, перевѣсъ беретъ вещество надъ духомъ, такъ что не только духовному, нравственному міру присуща сила, духъ, но она присуща также и физическому, вещественному міру, хотя въ послѣднемъ духъ, по выраженію Шеллинга, какъ-бы дремлетъ, а преобладаетъ вещество. Въ этомъ смыслѣ можно сказать Шеллингъ одухотворилъ весь міръ. Откровеніе или раскрытіе абсолюта, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ совершается постоянно. Степени раскрытія его въ природѣ или ступени развитія природы суть, по ученію Шеллинга, ничтожность, свѣтъ и организмъ, а ступени откровенія или раскрытія абсолюта въ духѣ или ступени развитія духа суть толкованіе вообще въ смыслѣ опытнаго, эмпирическаго толкованія, нравственная дѣятельность, религія, изящныя искуства и наконецъ интеллектуальное созерцаніе всего умственными очами, умозрительное созерцаніе, созерцаніе ума въ себѣ самомъ или себя самого. Умъ человѣческій, посредствомъ такого созерцанія и сознаетъ абсолютъ въ немъ самомъ, какъ индеференцію и въ его откровеніи, раскрытіи, въ мірѣ. Умъ человѣческій потому способенъ къ познанію абсолюта въ томъ и другомъ отношеніи, что въ немъ самомъ

то-же самое соединяется, что и въ абсолютѣ, т. е. въ человѣч. умѣ сосуществуетъ вся совокупность объекти. бытія. Все дѣйствительное и реальное приходитъ въ человѣкѣ впервые предъ всѣми существами природы. Человѣкъ сознаетъ себя соединяющимъ въ себѣ нераздѣльно, безразлично, тождественно элементы и духовнаго и вещественнаго міра, которые затѣмъ также различаются, раскрываются, проявляясь въ дѣятельности его, какъ существа и духовнаго и тѣлеснаго вещественн. міра. Умственнымъ, интеллект. созерцаніемъ находитъ умъ человѣка тождество, параллельность, согласіе, единство на всѣхъ ступеняхъ раскрытія абсолюта, во всѣхъ видахъ и формахъ его бытія, напр. между царствомъ неорганич. и органич. и даже между природою и исторіею человѣка вообще, и, еще выше, между веществ. и духовнымъ міромъ. Такимъ обр., идеальное, мыслимое, эта сущность вещей, эта вещь сама въ себѣ не отдѣлена у Шеллинга отъ явленій, отъ реальнаго, какъ у Канта сверхчувственное отдѣлено отъ чувственнаго, а напротивъ, одно отражается въ другомъ. Человѣкъ сознаетъ себя нераздѣльно и какъ духовное и какъ тѣлесное существо и сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія подобныя себѣ существа (людей) также свободными, т. е. способными къ самоопредѣленію себя ко внѣшней дѣятельности, которою человѣкъ возвышается надъ всѣмъ міромъ, который имъ измѣняетъ согласно съ его умомъ, его понятіями, сужденіями и умозаключеніями. Поэтому человѣкъ сознаетъ себя обязаннымъ ограничить свою свободную дѣятельность возможностью свободной-же дѣятельности всѣхъ прочихъ людей или свою единичную волю, какъ волю единичнаго существа - волею всеобщею, всеобщею волею всѣхъ

людей. Въ этомъ познаніи и въ согласіи съ нимъ дѣятельности человѣка и состоитъ то, что можно также назвать, выражаясь Кантовымъ слогомъ, категорич. императивомъ, безусловн. велѣніемъ человѣч. ума, какъ верховнымъ, нравственнымъ въ обширн. смыслѣ или этическ. закономъ. Но исполненіе этого закона, велѣнія слу[ча]йно, т.е. человѣкъ можетъ исполнить и не исполнить его, ибо онъ есть существо свободное. Однако-же человѣкъ есть не только существо свободное, духовное, но и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣльно и природное, физическое. Какъ существо физическое, онъ имѣетъ природное влеченіе или такъ назыв. инстинктъ къ тому, что онъ сознаетъ своимъ собственнымъ благомъ, добромъ, счастіемъ. Поэтому его единичная воля хочетъ этого добра, счастія и стремится къ его достиженію. Но въ этомъ стремленіи къ своему добру, благу, счастію, единичная воля человѣка свободна, вольна стать въ противорѣчіе, въ противоположность со всеобщею волею, съ ея всеобщимъ благомъ, добромъ, счастіемъ. Но такого противорѣчія, такой противоположности не д. быть, потому что нравственный въ обширн. смыслѣ или этич. законъ требуетъ отъ человѣка своего исполненія, какъ безусловнаго велѣнія ума, которое потому непремѣнно д. быть исполняемо всѣми людьми. Что же спрашивается дѣлать въ случаѣ такого противорѣчія единичн. воли волѣ всеобщей, въ случаѣ не исполненія верховнаго, этическ. закона со стороны единичн. человѣка? Уничтожить природное влеченіе, инстинктъ человѣка къ своему собственному благу, добру, счастью, какъ эгоистич. влеченіе, не возможно, потому что это влеченіе есть влеченіе природное, т.е. присущее природѣ человѣка. Ограничить единичную волю человѣка посредствомъ принужденія также не возможно, такъ какъ

воля по своей сущности есть свободна и слѣд. не доступна внѣшнему насилію. Человѣкъ, какъ сказалъ Руссо, и въ цѣпяхъ свободенъ. Остается такимъ обр., говоритъ Шелингъ, устроить дѣло такъ, чтобы человѣкъ самъ принуждалъ себя подчинять свою эгоистич., единичную волю всеобщей волѣ, чтобы онъ самъ свободно исполнялъ верховн. нравств. законъ. Это нужно устроить такимъ обр., что если-бы человѣкъ сталъ стремиться къ своему собствен ному, эгоистич. благу, добру, счастью, въ противность всеобщей волѣ, то, чтобы онъ никакъ не могъ достигнуть этой своей цѣли и потому самъ-бы долженъ былъ подчинить свою единичн. волю всеобщей волѣ для того, чтобы достигнуть своей собственной цѣли, чтобы безпрепятственно удовлетворить свое природн. влеченіе, или нужно устроить такъ, чтобы самъ человѣкъ вынужденъ былъ свободно ограничить свою свободную дѣятельность возможностью свободы проч. людей или возможностью всеобщей свободы. Такое устройство и есть правоустройство, правное устройство или правный, юридич. порядокъ или право, какъ система правилъ, юридич. законовъ. Съ сказанною цѣлью эти юрид. законы должны дѣйствовать въ мірѣ свободы, въ мірѣ духовномъ, нравств., съ такою-же неумолимою, твердою, желѣзною необходимостью, какъ дѣйствуютъ физич. законы въ мірѣ физическ., природномъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, всякое дѣйствіе непремѣнно слѣдуетъ за своею причиною, т. е. юридич. законы д. ставить человѣку препятствіе къ удовлетворенію его свободнаго влеченія, инстинкта къ собств. благу, добру, счастію, если только человѣкъ при этомъ вторгается въ сферу чужой свободы, если только онъ не станетъ свободно ограничивать свою единичн. волю возможностью свободы проч. людей. Такое препятствіе также д. быть необходимымъ дѣйствіемъ, послѣдствіемъ такого втор-

женія въ сферу свободы др. лицъ, какъ въ мірѣ физическомъ всякое дѣйствіе непремѣнно слѣдуетъ за своею причиною. Спрашивается, есть-ли необходимость устраивать такой правный порядокъ и не существуетъ-ли въ самой действительности такого порядка? Нѣтъ; природа сама по себѣ не можетъ поставить человѣку такого препятствія его эгоистич. стремленію, пот. что природа, какъ извѣстно, относится безразлично, индеферензно къ свободнымъ дѣяніямъ людей, какъ свободн. существъ. Слѣдов., препятствіе, противорѣчіе этому эгоистич. стремленію мож. б. внесено только духовн. существами, людьми. Отсюда слѣдуетъ, что надъ природою, въ смыслѣ физич. міра, какъ надъ первою природою, должна б. создана какъ-бы вторая природа, въ которой-бы властвовалъ законъ надъ людскою свободою, кот.-бы ставилъ необходимое препятствіе къ удовлетворенію эгоистич. стремленій человѣка, если онъ при этомъ вторгается въ чужую сферу. Такой законъ есть правный, юрид. законъ, а такая вторая, высшая природа есть правный, юрид. порядокъ, въ кромъ долженъ дѣйствовать этотъ законъ. Этотъ правный порядокъ не есть порядокъ природы вещественной, физической, однакоже и онъ имѣетъ сходство съ физич. природой въ томъ, что и въ немъ дѣйствіе д. слѣдовать непремѣнно за своею причиною. На этотъ порядокъ д. смотрѣть, говоритъ Шеллингъ, кк на машину, кая заранѣе приготовлена людьми на случай возможнаго вторженія въ сферу чужихъ правъ со стороны отдѣльн. лицъ и кая дѣйствуетъ сама собою въ случаѣ такого вторженія. Сознавая все это какъ право, какъ правду и справедливость, умъ человѣч. направляетъ такимъ обр. къ дѣятельности свою волю и въ этомъ см. умъ человѣч. есть формальн. принципъ права, по ученію Шеллинга. Умъ человѣч. сознаетъ все это умозрѣніемъ. Умозрѣніе это наз. Шеллингъ

какъ и Фихте, интеллект. созерцаніемъ, но Шеллингъ назыв. его этимъ именемъ въ др. смыслѣ, нежели какой принималъ Фихте, а именно, въ см. созерцанія абсолюта, какъ тождества природы и духа или реальнаго и идеальнаго.

Философія Шеллинга имѣетъ два существенные недостатка, к-рые заключаются во 1, въ односторонности объект. ея характера и во 2, въ отсутствіи въ Шеллинговой системѣ такой строгой методы, к-рая ручалась-бы за достовѣрность его взгляда, которая выражала-бы ту самую абсолютн. объективность, тождественную съ мышленіемъ, к-рой доискивается Шеллингъ и к-рая указывала-бы внутрен. связь между абсолютомъ, какъ отправной точкой его философіи, и его раскрытіемъ, откровеніемъ на всѣхъ ступеняхъ бытія идеальнаго и реальнаго, такъ, чтобы эта связь вытекала изъ самой природы абсолюта. Вслѣдствіе этого недостатка онъ не могъ развить логич. закона мысли, к-рый-бы оправдалъ его взглядъ на абсолютн. тождество бытія и мышленія самого по себѣ и въ его откровеніи во всемъ мірѣ, такъ что онъ хотя и дошелъ до того, что система возможна, ибо бытіе и мышленіе тождественны, но это у него явилось не болѣе какъ предположеніемъ, ибо во всей его философск. системѣ это не оправдалось строгою, соотвѣтствующею методою этой системы. Къ устраненію перваго существ. недостатка б. направлена философ. система Краузе, а къ устраненію втораго — фил. система Гегеля. Такъ мы переходимъ сперва къ Краузе, а потомъ къ Гегелю.

Знаменитый нѣмецк. философъ Краузе, имѣющій теперь довольно много послѣдователей, к-рыхъ онъ въ началѣ вовсе не имѣлъ, род. въ 1782 г. и ум. въ 1832 г.. Сочиненія его изданы отдѣльными частями, частью при его жизни, частью послѣ его смерти, такъ что полнаго собранія его сочиненій нѣтъ. Краузе нашелъ какъ Фихтову,

такъ и Шеллингову философск. систему односторон-
нею и потому старался соединить субъект. идеа-
лизмъ Фихте и объект. идеализмъ Шеллинга, прими-
рить ихъ и такимъ обр. уничтожить односто-
ронность той и др. системы. Въ этомъ см. Краузову философск. систему можно охарактеризо-
вать, обозначивъ её именемъ синкретич. идеализ-
ма, т.е. соединяющаго двѣ системы, возвышаю-
щаго ихъ принципы къ высшему принципу.
Краузе отправляется отъ того положенія Шел-
линга, что какъ въ природѣ, въ физич. мірѣ,
такъ и въ духовн. мірѣ, а именно, въ человѣчествѣ
есть абсолютное, какъ присущее имъ и какъ ра-
скрывающееся въ нихъ. Шеллингъ на этомъ по-
ложеніи и остановился, а Краузе пошелъ даль-
ше, а именно представилъ абсолютъ какъ пер-
вобытіе, какъ сущность всего міра, и назвалъ
его въ этомъ см. духовнымъ, но не въ томъ смы-
слѣ, какъ назвалъ абсолютъ духовнымъ Шеллингъ.
Краузе не говорилъ, какъ говорилъ Шеллингъ, что
Богъ есть все, (почему Крауз. систему и нель-
зя назвать пантеизмомъ), а напротивъ го-
ворилъ, что все есть въ богѣ и богъ надъ
всѣмъ, почему его систему можно назвать
панентеизмомъ (всё въ богѣ) въ отличіе отъ
пантеизма. Знаніе есть соотвѣтствіе между
субъективн. и объективнымъ и слѣдов. въ этомъ
и состоитъ истина.

Субъектъ знанія есть умъ человѣч., а богъ и
природа суть предметы знанія; но природа
разрѣшается въ богѣ (всё въ богѣ), въ богѣ знаніе
имѣетъ свое основаніе, ибо это первобытіе есть
сущность всего міра, а потому всё, т.е. субъ-
екты и объекты, возносятся къ богу, въ которомъ
такимъ обр. все соединяется какъ въ своемъ вер-
ховномъ принципѣ. Въ этомъ и состоитъ
синкретизмъ. Такимъ обр. отправною точ-
кою Краузе является не субъектъ, не объектъ
(какъ у Шеллинга и Фихте), а это первобы-
тіе, это абсолютное, это божество, ибо въ

богъ есть начало всякаго знанія, въ богѣ заключается всё, такъ что богъ есть единственный объектъ познанія для познающаго субъекта. Богъ познается мыслящимъ, познающимъ субъектомъ, его умомъ. Слѣдов., умъ есть принципъ всего познанія. Такъ какъ познаніе совершается въ субъектѣ, то первымъ условіемъ познанія истины служитъ самосознаніе субъекта, т.е. нужно, чтобы прежде субъектъ созналъ въ себѣ самомъ себя для того, чтобы могъ сознавать всё. Это самосознаніе признаетъ Краузе, какъ и Фихте, чѣмъ-то даннымъ, какъ фактъ. Это самосознаніе развивается и развитіе этого самосознанія субъекта и составляетъ первая часть системы знанія, науки философіи, какъ часть субъективную, ибо она говоритъ о сознаніи субъекта. Эта-же часть можетъ б. названа аналитическою частью, потому что въ ней умъ человѣч. восходитъ къ божеству, къ этому абсолюту, къ этому принципу, посредствомъ анализа, т.е. разложенія самосознанія или, говоря короче, въ этой части путь познанія есть путь аналитическій. Эта часть занимается рѣшеніемъ вопроса, откуда и какъ мы приходимъ къ предметамъ, объектамъ или содержанію знанія, къ тому чѣмъ занимается вторая часть. Эта вторая часть и есть др. сторона знанія, науки; она есть уже предметная, объективная, ибо она занимается предметомъ, объектомъ знанія, т.е. природою или просто богомъ, ибо природа и есть богъ. Поэтому эта другая часть знанія, науки философіи, есть часть объективная. Она можетъ б. также названа синтетическою частью, потому что въ немъ умъ человѣческій синтезируетъ, соединяетъ все въ божествѣ, такъ что въ этой части путь познанія для человѣческ. ума есть путь синтетическій.

Такимъ обр., Краузе старается соеди-

нить, примирить субъект. идеализмъ фихтовой философіи, соответствующій первой части философіи Краузе и объект. идеализмъ шеллинговой философіи, соответствующій второй части его философіи. Въ объект. части своей философіи Краузе между прочимъ приходитъ къ такому определенію человечества: оно есть соединеніе въ сущности (сущность есть божество) ума или духа, производящаго или действующаго, природу изменяющаго и проч. формою свободы и соединеніе природы, которая производитъ и действуетъ напротивъ подъ условіемъ необходимости, такъ что человечество есть соединеніе ума или духа и природы, сущности, какъ въ живомъ, сознающемъ и чувствующемъ единичномъ существе. Самое существенное въ жизни, какъ говоритъ Краузе, есть благо, добро. Хотеть, желать блага, добра, есть добрая воля. Въ этой доброй воле и въ совершеніи добра, ради самого добра, и состоитъ человеческ. добродетель. Добродетель человека уподобляется сущности, т. е. божеству, и соединяется съ ней, или др. словами: человеческая добродетель достигаетъ такой чистоты, что въ ней поселяется богъ. Въ этомъ и состоитъ добронравств. жизнь, добрая нравственность. Законъ такой жизни и есть законъ нравственный или этическій въ обширн. смысле.

Въ области нравств. жизни вообще заключается и право, какъ праведное и справедливое, какъ правда и справедливость. Его Краузе определяетъ различн. образомъ, но все эти определенія необходимо знать для полноты, такъ какъ одно изъ нихъ поясняетъ другое.

Право, говоритъ Краузе, есть органическая, т. е. живая (ибо все есть жизнь) целость (т. е. не просто механич. соединеніе) всехъ

зависящихъ отъ свободы условій (т.е. всего того, что необходимо, но что дается свободою, а не природою), необходимыхъ для достиженія цѣли, т.е. назначенія нравственнаго, разумнаго существа, между проч. человѣка, т.е. для выраженія собственной его сущности, существенной въ немъ. Эта сущность есть разумность и добрая, нравственность, добродѣтель, дѣланіе добра, ради самого добра, для осуществленія своей свободной, доброй воли. Возвышая это право, какъ право человѣч. на степень всеобщаго, міроваго или, по выраженію Краузе, божественнаго права, какъ правду и справедливость, Краузе опредѣляетъ его такимъ обр.: право есть органическій составъ условій, нужныхъ для единства жизни, т.е. для живой гармоніи всѣхъ существъ, сущностей, т.е. пребывающихъ въ божествѣ, ибо эта сущность, т.е. божество, оживляетъ собою право, т.е. въ сущности, въ божествѣ, заключается самая жизнь права.

Право есть всеобщая форма, какъ существ. форма всѣхъ отношеній всѣхъ существъ ко всѣмъ прочимъ существамъ, въ силу которой формы всякое единичное существо въ цѣломъ общеніи всѣхъ существъ есть и становится чрезъ это совершеннымъ въ своей сущности, природѣ, натурѣ, т.е. развиваетъ ее вполнѣ и въ силу которой дѣйствительно существуетъ и осуществляется единство, гармонія между всѣми существами.

Право есть всеобщая, существ. форма взаимнаго ограниченія и взаимной поддержки всѣхъ лицъ и всѣхъ союзовъ по отношенію ко всѣмъ существамъ, въ силу которой (формы) всякое единичное существо въ общеніи всѣхъ лицъ и союзовъ есть и становится совершеннымъ въ своей собственной

натурѣ и гармонія всѣхъ существъ существуетъ и осуществляется именно, тамъ гдѣ существа приходятъ во взаимныя отношенія между собою и гдѣ онѣ испытываютъ взаимныя ограниченія. Сумма. сущность всѣхъ ограниченій, которыя испытываетъ всякое существо со стороны всѣхъ другихъ существъ, съ которыми оно приходитъ въ общеніе и со стороны всего міра, всей міровой жизни можетъ быть названо міровымъ ограниченіемъ этого существа, т. е. ограниченіемъ со стороны всего міра. Эти ограничительныя такимъ образомъ отношенія должны быть опредѣлены, установлены такъ, чтобы при нихъ все таки сохранялась особенная натура каждаго существа, ограничивающаго и ограничиваемаго, а также, чтобы сохранилась и гармонія всѣхъ существъ между собою, что потому входитъ также въ единый организмъ въ единый живой составъ всего права. Въ этомъ смыслѣ право какъ идея или идея права, правда и справедливость есть божественная, міровая идея, простирающаяся на всѣ существа, а не только на человѣка. Слѣд. основа права, единаго права для всѣхъ существъ, для всего міра, какъ и основа содержащихся въ немъ правъ субъективныхъ всякаго единич. существа и всякаго общенія, союза единич. существъ есть во 1), что важнѣе всего, только Богъ кк сущность всего, а затѣмъ во 2.) дарованная всякому существу собственная его натура, а также и натура установленной Богомъ гармоніи между всѣми существами. Поэтому всякое существо можетъ имѣть притязаніе т. е. можетъ опираться на эту свою основу, на это притязаніе или, что все равно, можетъ требовать своего права и его (этого существа) правда и справедливость есть часть единой, божественной, міровой правды и справедливости. Богъ вселилъ во всякое живое существо прогрессивное, неискоренимое чувство права, правды и спра-

ведливости. Чѣмъ обильнѣе, т. е. развитѣе и живѣе, способнѣе къ жизни во всѣхъ отношеніяхъ существо и тѣмъ тѣснѣе и многообразнѣе оно сплочено, т. к. сказать, связано со всѣми проч. существами, тѣмъ обширнѣе многостороннѣе и сфера его правъ. Поэтому человѣчество, начиная отъ человѣчества взятаго въ цѣлости и доходя чрезъ посредство людскихъ общинъ, союзовъ до единич. человѣка, есть ближайшее и первѣйшее правное, юридич. лицо на всей землѣ. Праведное и справедливое не смотритъ потому ни на одно существо своекорыстно, эгоистически, какъ бы изолируя отъ всѣхъ существъ, а признаетъ каждое существо к. к. сво-родное сосущество въ Богѣ, а именно, какъ человѣка въ смыслѣ человѣка свободнаго и разумнаго, какъ соучастника въ жизни всего міра и ств. во всемъ мірѣ. Такъ какъ человѣчество, въ высшемъ смыслѣ этого слова, есть единое человѣчество и живетъ какъ единое, живое цѣлое, какъ организмъ, то въ этомъ смыслѣ слова есть только одно человѣч. право и одна только правда и справедливость. Но это единое право раздѣляется на извѣст. сферы, какъ сферы особеннаго права, какъ сферы особыя и для каждаго людскаго общенія, для каждаго людскаго общественнаго союза и для каждаго единич. человѣка. Идея права, какъ единичнаго въ себѣ, какъ міроваго, божественнаго права, какъ единой міровой, божественной правды и справедливости есть божество, есть міровая идея. Она распространяется на всѣ существа, а не только на людей. Основаніе этого единаго пр-ва, а вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе всѣхъ содержащихся въ немъ субъектовъ правъ всѣхъ единичныхъ существъ и всякаго ихъ между собою общенія, всѣхъ союзовъ между ними есть поэтому прежде всего только Богъ, а затѣмъ и данная Богомъ каждому существу его собственная натура, а также и сущность установленной Богомъ гармоніи, единство между всѣми существами міра. Поэтому-то каждое существо и тре

буетъ, основываясь прежде и выше всего на божествѣ, своего права, потому-то его правда и справедливость есть часть единой правды и справедливости божественной, міровой, всеобщей.

Что касается собственно до формальнаго принципа этого права и какъ міроваго, всеобщаго, божественнаго и кк права человѣк., то этотъ формальный принципъ права выяснилъ и выразилъ съ особенною опредѣлительностью одинъ изъ главныхъ наиболѣе самостоятельныхъ последователей и развивателей Краузовой философіи по отношенію къ философіи права, Аренсъ, бывшій профессоръ Лейпцигскаго университета, недавно умершій. Вотъ его подлинныя слова: „духовная способность къ философіи, какъ способность человѣка, называется умомъ. Это есть отличительная способность, отличит. сила человѣческаго духа, т.е. отличающая человѣка отъ всѣхъ прочихъ животныхъ, а не только отъ низшихъ существъ или по крайней мѣрѣ есть сила безконечнаго, безусловнаго, абсолютнаго, божественнаго, т.е. сила его познающая. Эта сила даетъ человѣческому духу возможность познать вмѣстѣ съ безконечнымъ, абсолютнымъ и все конечное и все ограниченное, условное, а именно, въ связи этого конечнаго съ такимъ же конечнымъ или въ связи съ безконечнымъ или съ вѣчными основными законами или съ высшимъ всеобщимъ порядкомъ міровой жизни. Но кромѣ такой связи всякое особенное существо, всякая особенная жизнь представляется во времени, т.е. подчиняется условіямъ мѣста и времени (историч. условіямъ). Это другая сторона, которая открываетъ взору нашему иного рода безконечности, а именно, безконечное множество, обиліе индивидуальныхъ и преходящихъ формъ и отношеній историч. жизни подъ условіемъ времени и мѣстности, которыя и предаютъ

жизни постоянную, свѣжую, вѣчно обновляющуюся прелестью. Обѣ эти стороны существъ равно одинаково существенны при разсмотрѣніи ихъ. Къ одной сторонѣ относится познаніе реальности вообще, а къ другой - познаніе эмпирическое, опытное, ибо оба эти рода познанія только въ своемъ соединеніи образуютъ цѣлое и полное знаніе, цѣлую и полную науку даннаго предмета. Отсюда прямо слѣдуетъ, что прежде Краузе, а потомъ Аренсъ признавали двоякаго рода объектъ познанія со стороны человѣческаго ума, а именно, реальное и идеальное. И такъ <u>формальный принципъ права есть и у Краузе человѣческій умъ, познающій право, какъ реальное такъ и эмперическое</u>. Реальное познаніе права есть познаніе того права, которое называется обыкновенно природнымъ, естественнымъ правомъ и которое составляетъ предметъ такъ назыв. науки естественнаго права или философіи права. Эмперическое познаніе права есть познаніе того права, которое называется обыкновенно положительнымъ правомъ, которое есть предметъ положительнаго правовѣдѣнія, какъ науки. Но только изъ соединенія обоихъ этихъ родовъ познанія права, т.е. изъ соединенія философіи права и положительнаго права образуется цѣлая и полная наука права или все правовѣденіе какъ наука въ ея единой цѣлости.

Краузе, какъ вы видите, въ своей философіи права старался примирить Фихтову и Шеллингову философскую систему посредствомъ возведенія субъективн. идеализма Фихте и объективн. идеализма Шеллинга къ тому, что онъ назвалъ въ отличіе отъ нихъ синкретич. идеализ-

момъ. Такимъ синкретическимъ идеализмомъ не удовольствовался другой знаменитый германскій философъ Гегель, который напротивъ того для совершенно послѣдовательнаго завершенія идеализма возвысился къ той философской системѣ, которую справедливо въ извѣстномъ смыслѣ слова характеризуютъ уже именемъ абсолютнаго идеализма. Гегель родился въ 1770 г. и ум. въ 1831 г. Полное собраніе его сочиненій издано послѣ его смерти его учениками, послѣдователями и друзьями. Еще и до сихъ поръ есть немало послѣдователей Гегеля во всѣхъ частяхъ философіи. Относительно философіи права вообще главнымъ представителемъ Гегелевой философіи права, но болѣе объясненной и развитой, является профес. Берлинскаго университета Мишле (котораго нельзя смѣшивать съ знаменитымъ французскимъ историкомъ Мишле, который уже умеръ, тогда какъ философъ Мишле еще живетъ). Что касается до философіи Гегеля вообще, то по отношенію къ ней главнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ послѣдователемъ, живущимъ до сихъ поръ, является Розенкранцъ, профессоръ Кенигсбергскаго университета.

Гегель признавалъ вообще, какъ мы можемъ выразиться для опредѣленія сущности всей его системы, то, что все есть Λόγος; Λόγος имѣетъ значеніе и слова и разума, ума и мысли. Во всѣхъ этихъ смыслахъ Гегель употребляетъ слово Λόγος. Все по Гегелю есть Λόγος, все есть мысль, но мысль абсолютная, т. е. безъ субъекта и объекта, а именно не есть мысль субъективная, какъ сознаваемая какимъ нибудь субъектомъ именно умомъ человѣческимъ, какъ думалъ Фихте и не есть мысль объективная,

т. е. безсознательная субстанція всего міра, какъ думалъ Шеллингъ, а есть именно мысль абсолютная, такъ что все равно, абсолютная идея также не въ смыслѣ мыслящаго субъекта и мыслимаго объекта, а безъ субъекта и объекта. Абсолютная идея есть осуществленіе понятія, но понятія не въ смыслѣ формальной логики и не въ смыслѣ одной изъ формъ мыслящей дѣятельности, рядомъ съ которыми стоятъ сужденія составленныя изъ понятія и умозаключенія, но понятія въ смыслѣ сущности самой мысли, въ смыслѣ разума всѣхъ существъ, всего существующаго, ума, разума, въ немъ лежащаго, такъ что идея есть осуществленіе этого разума, этой сущности во всѣхъ существахъ. Поэтому можно сказать, что все есть Λόγος въ смыслѣ разума, но безъ субъекта и объекта. Это не есть разумъ чего-бы то ни было и не есть разумъ въ смыслѣ Шеллинга, какъ объект. субстанція, а есть разумное вообще, т. е. есть разумная мысль, разумная идея, сама по себѣ взятая, абсолютно разумная. Если все есть абсолютная мысль, абсолютная идея, абсолютно разумное, если все есть во всѣхъ этихъ смыслахъ Λόγος, то изъ этого слѣдуетъ, что вмѣсто того чтобы сказать, все есть абсолютная идея, мы можемъ сказать, вся дѣйствительность, вся реальность есть мысль безъ субъекта и объекта. Теперь вспомнимъ то положеніе, которое безъ всякаго знанія отправной точки зрѣнія Гегелевой философіи можетъ быть критикуемо, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ критиковалось, а именно въ томъ отношеніи что будто-бы оно ведетъ къ защитѣ всякихъ гадостей въ мірѣ, а именно слѣд. положеніе

Гегеля: всё дѣйствительное есть разумно и все разумное есть дѣйствительно. Это есть собственно только постановленіе одного вмѣсто другаго, ибо все есть мысль, разумъ, и слѣд., все дѣйствительное есть разумное и все разумное есть дѣйствительное. Но изъ этого не слѣдуетъ, что не
+ разумное есть (естъ) дѣйствительное, такъ какъ неразумное имѣетъ только призрачное бытіе, есть преходящее, а не абсолютное, не есть нѣчто сущее, а есть только существующее, ибо сущее есть только то, что пребываетъ, и не только пребываетъ, а есть бытіе, а бытіе само, по себѣ взятое есть понятіе совершенно абстрактное, вовсе не опредѣленное, неимѣющее содержанія, такъ какъ оно получаетъ содержаніе только тогда, когда оно само себѣ противополагается, т.е. когда мы въ полномъ бытіи, видимъ, что оно есть тоже что небытіе и когда мы, вслѣдствіе такого противоположенія, восходимъ къ третьей ступени развитія всего такого бытія, какъ тождественнаго съ мышленіемъ, а именно приходимъ къ тому опредѣленію, что бытіе и небытіе не суть понятія взаимно себя исключающія, а напротивъ, онѣ соединяются между собою и соединяются въ томъ, что бытіе приходитъ въ небытіе и наоборотъ. Этотъ переходъ изъ одного въ другое и есть становленіе; слѣд., все становится и мало того все есть. Слѣдов., <u>разумное есть дѣйствительное не въ томъ смыслѣ, что оно есть, но оно становится дѣйствительнымъ</u>, такъ какъ и дѣйствительное становится разумнымъ, потому что это есть разумное. Въ самомъ дѣлѣ, неразумнымъ

признавали всѣ, даже величайшіе мыслители древности (Платонъ, Аристотель и др.) то, чтобы не было рабства. Есть, говоритъ Аристотель, такія натуры человѣческія, которыя по самому своему существу суть рабскія, такъ что слѣд., онѣ обречены собственною природою въ рабство. Что признаніе рабства было неразумнымъ, это доказала Исторія, самое ея становленіе, такъ какъ рабство исчезло предъ тою мыслію, которая съ такою ясностью была выражена христіанствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, у грековъ и римлянъ, этихъ высшихъ представителей древней образованности, человѣкомъ считался только гражданинъ, такъ что всякій не гражданинъ не считался человѣкомъ и былъ рабомъ по своей натурѣ. Христіанство впервые признало достоинство всякаго человѣка, какъ человѣка, для чего ему не нужно быть гражданиномъ того или другаго государства. Сущность человѣка есть разумная свобода, а не то, чтобы разумная свобода была сущностью только гражданъ, какъ это признавали древнѣйшіе философы.

Такой взглядъ, выраженный въ такомъ знаменитомъ основномъ положеніи Гегеля, по мнѣнію его, окончательно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ, (а именно тотъ вопросъ, который съ начала развитія всей новой философіи, поставленъ былъ во главѣ всѣхъ философскихъ вопросовъ), ибо система есть соотвѣтствіе мышленія и бытія. Спрашивается возможно-ли это? Этотъ вопросъ разрѣшали различнымъ образомъ. Кантъ говорилъ, что возможно, но только какъ познаніе явленій, а не сущности вещей; Фихте говорилъ, возможно, потому что бытіе, сущее есть ничто иное какъ мысль самого

субъекта, ума; Шеллингъ говорилъ, возможно потому, что бытіе и мышленіе тождествен-ны, ибо они безразлично заключаются въ од-ной и той-же субстанціи; Краузе говорилъ, возможно потому, что мышленіе есть и нѣчто субъективное, какъ предполагалъ Фихте, и нѣчто — объективное какъ пред-полагалъ Шеллингъ, и что въ томъ, и дру-гомъ смыслѣ оно тождественно съ бытіемъ, такъ что мышленіе есть не только субъ-ективная мысль, но и объективная суб-станція и наконецъ Гегель призналъ это возможнымъ потому, что все это есть мысль, есть разумъ, (есть). Такимъ образ., думалъ Гегель, окончательно уничтожается разъединеніе проведенное Кантомъ между сущностью вещей, между вещью самой въ себѣ и явленіями, такъ что въ этомъ смыслѣ <u>характеръ философіи Гегеля и мо-жетъ быть опредѣленъ</u>, въ отличіе отъ ха-рактера всѣхъ другихъ философскихъ си-стемъ, какъ <u>абсолютный идеализмъ</u>, <u>ибо абсолютная идея есть точка отправленія всей его философіи</u>. Въ самомъ дѣлѣ, въ аб-солютномъ идеализмѣ Гегеля философія дѣй-ствительно восходитъ къ высшему един-ству не такъ, какъ синкретизмъ Краузе, субъективн. идеализмъ Фихте и объективн. идеализмъ Шеллинга, ибо абсолютная идея, Λόγος Гегеля тождественна съ дѣйствитель-нымъ. Такою идеею признаетъ Гегель не мысль чисто субъективную, какъ при-знавалъ Кантъ, въ особенности Фихте, до-ведшій субъективность до крайности, но эта мысль есть, по ученію Гегеля, жизнь самого абсолютнаго безусловнаго, этого божества Гегелевой философіи. Эта жизнь абсолюта, какъ жизнь абсолютной идеи, реальная, тождественная съ дѣйствительностью, со-

вершаетъ поступательное, ритмическое, законосообразное самодвижение, а именно, по закону развития ея, непремѣнно по 3мъ ступенямъ, о которыхъ мы уже говорили, такъ что, по Гегелю, абсолютное есть ничто иное какъ цѣлый теоретический процессъ Λόγος'а, абсолютной мысли разумнаго. Гегель проводитъ чрезъ всю свою философскую систему такой діалектическій процессъ абсолюта чрезъ 3 ступени. Но кромѣ этихъ 3хъ главныхъ ступеней діалектич. развитія есть еще ступени второстепенныя, подчиненныя. Мы разсмотримъ только главныя ступени діалектическаго процесса и кромѣ того разсмотримъ нѣкоторыя изъ подчиненныхъ, второстепенныхъ ступеней діалектич. процесса абсолюта, его жизни, Λόγος'а, насколько это необходимо для нашей цѣли.

Главныхъ ступеней всякой особенной идеи, всякаго понятія есть 3, а именно, по общему закону всего діалектическаго процесса, всей жизни. Каждая изъ этихъ главн. ступеней и составляетъ предметъ главной части философск. системы. Не можетъ быть ни больше ни меньше какъ только 3 ступени діалектическаго процесса, именно вслѣдствіе того, что все можно сперва полагать, затѣмъ отрицать или противополагать и наконецъ соединять.

л. 30. Укажу на сколько возможно коротко тотъ діалектическій процессъ, или то прогрессивное, ритмическое, законосообразное движеніе Λόγος'а, абсолюта во всей философской системѣ Гегеля, а именно, по главнымъ и по нѣкоторымъ подчиненнымъ ступенямъ, согласно съ тѣмъ, какъ самъ Гегель представилъ этотъ діалектическій процессъ абсолюта въ цѣлой своей философск. системѣ а именно въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ:

„Энциклопедія философскихъ наукъ". Всю свою
діалектическую систему, которую назы-
ваетъ онъ также логическимъ идеализмомъ
въ томъ смыслѣ, что Λόγος проводится чрезъ всю
его систему, какъ абсолютн. идея, дѣлитъ Ге-
гель на три главныя части, которыя назыв.:
логикою, философіею природы и философіею
духа. Но у него эти главн. части всей его
философской системы не суть части въ
обыкновенномъ смыслѣ этого слова, какъ
части мертваго, неподвижнаго тѣла,
а суть три главныя ступени самодви-
женія, т.е. діалектич. процесса, опредѣ-
леннаго и разъясненнаго нами, отправ-
ной точки познанія всего, философіи, т.е.
Λόγος'а въ см. абсолютной мысли, абсо-
лютной идеи, какъ разумнаго и дѣй-
ствительнаго, какъ тождества мышле-
нія и бытія, или какъ абсолюта. Такое
раздѣленіе всей философск. системы Гегеля
вообще основывается на томъ, что абсо-
лютъ достигаетъ тождества мышле-
нія съ бытіемъ, какъ предметомъ, не
иначе, какъ противополагая себя себѣ-же
самому, т.е. дѣлая самъ себя своимъ пред-
метомъ и притомъ какъ въ самомъ се-
бѣ, т.е. въ см. только мысли, идеи, какъ
и внѣ себя, въ природѣ, такъ и въ ино-
бытіи своемъ, и наконецъ въ собственной
своей области, въ области духовной, въ
духѣ. Но при всемъ этомъ самодвиженіи
всегда остается этотъ абсолютъ, эта
мысль при себѣ самой, такъ что во
всемъ и въ себѣ самой, какъ мысль (и въ
природѣ и въ духѣ), она есть нечто
иное, какъ мысль, тождественная съ са-
мой собой, какъ идея, какъ тождество
мышленія съ бытіемъ, мысли съ предме-
томъ, разумнаго съ дѣйствительностью,

т.е. она вездѣ выражается и въ себѣ самой
и въ природѣ и въ духѣ, ибо все есть мысль
по ученію Гегеля. Гегель выражаетъ это
еще другимъ образомъ а именно: предметъ
и содержаніе философіи есть истина. Ис-
тина, по ученію Гегеля, состоитъ, именно
въ самодвиженіи, въ діалект. процессъ λόγος'а
мысли, идеи, который совершается именно
въ см. трехъ ступеней, какъ моментовъ
такой своей дѣятельности, дѣйствитель-
ности, самодвиженія абсолютной мысли,
абсолютной идеи, разумнаго, тождествен-
наго съ дѣйствительностью, λόγος'а, абсо-
люта. Словомъ сказать философія Гегеля
есть наука, имѣющая своимъ предме-
томъ и содержаніемъ діалект. процессъ аб-
солюта, а именно, какъ мысли, тождест-
венной съ самой собою, какъ λόγος'а самого
въ себѣ (это предметъ логики), такъ и
внѣ себя, въ природѣ, (это предметъ фи-
лософіи природы) и наконецъ отъ внѣ этотъ
духъ опять возвращается къ себѣ самому,
въ свою область духовную (это предметъ
философіи духа). Слѣдов. мысль выводитъ
изъ себя природу и чрезъ ея посредство воз-
вращается къ себѣ самой, въ духѣ, какъ
свою собственную область. Такимъ образ.
предметъ и содержаніе логики, этой пер-
вой главной части діалект. философской
системы Гегеля, есть первая главная сту-
пень такого діалект. процесса абсолюта,
ибо здѣсь разсматривается, по выраженію
Гегеля, мысль еще сама въ себѣ и для себя, или
къ себѣ, т.е. она есть сама въ себѣ и она сама
себя дѣлаетъ предметомъ, слѣд. для себя, отно-
сится къ себѣ, или здѣсь разсматривается, какъ
онъ выражается, мысль еще въ отвлеченной сти-
хіи мышленія т.е. мысль здѣсь не есть еще
мысль въ природѣ и въ духѣ, а есть мысль
сама въ себѣ и для себя. Такая мысль, въ

такомъ отвлеченіи отъ природы и духа раз-
сматриваемая, называется Гегелемъ чистою
мыслю, именно, въ этомъ смыслѣ слова, что
она еще не разсматривается ни какъ мысль
присущая природѣ, т.е. въ ней движущуяся,
развивающаяся, ни какъ мысль присущая въ
духѣ, т.е. въ немъ движущаяся, развивающая
ся.

Предметъ содержанія философіи природы
какъ второй главной части діалектич. философ
ской системы Гегеля, есть вторая главная сту
пень діалектич. процесса обсолюта, ибо здѣсь
разсматривается, по выраженію Гегеля, мысль,
идея, Λόγος абсолютъ уже внѣ себя, въ инобы
тіи, а именно, въ природѣ.

Наконецъ, 3я и послѣдняя часть филос. систе
мы Гегеля есть 3я и послѣдняя главная сту-
пень діалектич. процесса, Λόγος'а, мысли
идеи, абсолюта. Здѣсь уже разсматривается
идея въ духѣ, какъ возвратившаяся изъ ино
бытія, изъ природы, кк изъ чуждаго ей бы-
тія, къ себѣ самой, т.е. въ свою собствен-
ную область, сферу, которая не есть при
рода, вещество. Словомъ, здѣсь разсматри-
вается Λόγος, мысль, абсолютъ въ духѣ.

И такъ во всѣхъ этихъ такъ называемыхъ
главныхъ частяхъ философіи Гегель видитъ
ничто иное, какъ видоизмѣненіе одного и
того же Λόγος'а, одной и той же абсолют
ной мысли, абсолютный идеи, обсолюта,
который так. образ. лежитъ въ основѣ всѣхъ
этихъ частей и который движется самъ собою,
развиваясь діалектически въ цѣломъ содержаніи
философіи. Такимъ образ. эти такъ называе
мыя части, на которыя дѣлится философія
Гегеля, возникаютъ изъ самой же сущности
понятія движущагося діалектически, обсолю
та, кк единой всецѣлой истины, самой
изъ себя развивающейся, развивающей всѣ
эти видоизмѣненія, по которымъ абсолютъ

проходитъ, какъ по своимъ ступенямъ діалектическаго развитія, которыя (видоизмѣненія) суть сущность опредѣленія этого абсолюта по присущему самодвиженію абсолюта закону трехъ моментовъ, ступеней.
Опредѣливши вообще предметъ содержанія этихъ главныхъ частей философіи Гегеля, я сдѣлаю обозрѣніе каждой изъ этихъ главныхъ частей діалектич. философск. системы Гегеля порознь, но и въ связи ихъ, по стольку, по сколько разумѣется это нужно намъ для нашей спеціальной цѣли.
Первою главную часть свою діалектич. философской системы Гегель называетъ Логикою. Логика есть философская наука, разсматривающая чистую мысль, какъ мысль въ самомъ себѣ и для себя, т.к. отвлеченную еще и отъ природы и отъ духа; и какъ мысль въ природѣ, (это предметъ и содержаніе второй части) и не какъ мысль въ духѣ (это предметъ третіи части). Въ этомъ то см. и называетъ Гегель эту первую часть философской системы Логикою, ибо предметъ и содержаніе ея есть Λόγος, самъ въ себѣ т.к. чистая мысль, т.к. что Логика у Гегеля есть ученіе, или наука о Λόγοςѣ въ самомъ себѣ и для себя; или что все равно, ученіе о чистой мысли самой въ себѣ и для себя. Но Λόγος, сказали мы, какъ отправная точка всей Гегелевой философской системы есть, по ученію Гегеля, абсолютная идея, т.е. есть такое разумное, которое тождественно съ дѣйствительностью, по этому Гегель, хотя и разсматриваетъ въ Логикѣ Λόγος самъ по себѣ и для себя, т.к. чистую мысль, чистую идею саму по себѣ и для себя, однако же разсматриваетъ не отвлеченно отъ дѣйствительтельности вообще въ томъ см. что Гегель не разсматриваетъ только отвлеченные законы и фор-

мы человѣческаго мышленія самаго по себѣ, ка-
ковы: понятія, сужденія и умозаключенія, ка-
ковы бы не были ихъ предметъ и содержаніе,
кѣк разсматриваетъ ихъ обыкновенная Логи-
ка, которая потому и называется фор-
мальной, ибо она имѣетъ дѣло только съ
формами и законами мышленія, такъ что
каково бы содержаніе ни было, лишь бы оно
правильно было составлено формальн. образ.
т.е. правильно были бы составлены понятія,
сужденія и умозаключенія, все равно, эти
формы заключатъ въ себѣ это содержаніе.
Напротивъ, въ Гегелевой логикѣ разсматри-
ваются ступени діалектич. процесса само-
движенія чистой мысли, идеи нераздѣльно
съ ея предметомъ и содержаніемъ, а это есть
дѣйствительность, т.е. истинное сущее, тк
что въ Гегелевой Логикѣ эти законы и фор-
мы мышленія разсматриваются не только,
какъ его формы, его законы отвлеченно отъ
дѣйствительности, но и кѣк формы и за-
коны вмѣстѣ дѣйствительности и бытія
и истинно сущаго. Въ этомъ см. Гегелева
Логика есть нераздѣльно и формальная и
матеріальная, предметная; или др. слова-
ми: Гегелева Логика есть и Логика въ обык-
новенномъ см. слова, и метафизика, а имен-
но въ особенности въ см. метафизики, кото-
рая давно уже получила названіе онто-
логіи какъ науки о истинно сущемъ о
дѣйствительномъ (το ὄν), ибо въ Геге-
левой Логикѣ разсматриваются въ нераз-
дѣльной внутренней связи законы и формы
мышленія, какъ человѣческаго мышленія
и законы и формы бытія, истинно сущаго,
ибо въ самомъ дѣлѣ присущая внутрен-
няя связь между ними находится въ та-
комъ между собою отношеніи, по ученію
Гегеля, что законы нашего человѣческаго
мышленія составляютъ, какъ онъ выра-

жается, точку или элементъ, или стихію, въ которой мысль является тождественною съ дѣйствительностью, т.е. въ законахъ и формахъ самаго человѣческаго мышленія выражается самая сущность вещи, самое истинно сущее, самое истинно дѣйствительное, тождественное съ разумнымъ. Так. обр. Гегелева Логика разсматриваетъ человѣческое мышленіе не кк дѣятельность нашей способности, противополагающей себя предмету, сущему, дѣйствительному, какъ разсматриваетъ формальн. Логика не касаясь въ своихъ формахъ (понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ) ничего общаго съ истинно сущимъ, съ сущностью вещей; а Логика Гегеля есть система такихъ формъ и законовъ, въ которыя мысль сама изъ себя все производитъ и потому осуществляетъ въ дѣйствительности, реализируетъ, т.е. эти самые законы, какъ свои законы она то и реализируетъ, осуществляетъ въ жизни и въ природѣ и въ духѣ (тк что, это суть: формы и законы и природы и духа) (Любов. Гегелева Логика не есть собственно органонъ, орудіе нашего человѣческаго мышленія, какъ ее назвалъ Аристотель, этотъ праотецъ формальн. Логики, въ см. орудія предметнаго и занятъ, кк предмета даннаго изъ внѣ. Напротивъ Гегелева Логика есть мысленная, такъ сказать, копія всего міра, есть возстановленіе природнаго и духовнаго, вещественнаго, матеріальнаго и идеальнаго, природы и духа, есть такъ сказать начертаніе существенныхъ законовъ и формъ жизни всего міра и мысленнаго и дѣятельнаго и вещественнаго, всей міровой жизни. Въ этомъ см. Гегелева Логика имѣетъ, кк я сказалъ и значеніе метафизическое

Сорокин Ил. №7 …

именно: антилогическое, какъ объективное, предметное значеніе, а не только значеніе формальн. логики, чисто субъективное безпредметное значеніе, представляющее только законы и формы мышленія сами по себѣ, какъ пустыя формы, пустые законы, не имѣющіе никакого содержанія, безразличныя къ содержанію, въ которыхъ можетъ быть помѣщено и истинное, и ложное. Можно, въ самомъ дѣлѣ, взять какую нибудь ложную первую посылку, представить къ ней вторую посылку и вывести такимъ образомъ по законамъ формальной логики, заключеніе, которое будетъ совершенно ложно. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не согласиться, что человѣческое мышленіе не можетъ имѣть законовъ и формъ, которыя-бы были существенно отличны отъ тѣхъ законовъ и формъ, въ которыхъ совершается все въ природѣ, въ этомъ видимомъ мірѣ, противостоящемъ нашему мышленію. Противъ такого противоположенія между мышленіемъ нашимъ съ одной стороны и міромъ внѣшнимъ съ другой стороны или природой и внутреннимъ міромъ возстаетъ присущая въ нашемъ мышленіи мысль, идея о гармоніи всего міра. Мышленіе наше не можетъ быть обманчивымъ: оно адэкватно самому бытію.

Такъ какъ формы и законы, разсматриваемые Гегелемъ въ Логикѣ, суть формы и законы природы и духа, то потому Логика у Гегеля есть основная часть всей философіи и имѣетъ самое главное значеніе для всѣхъ прочихъ частей философіи.

Приступая къ философіи, какъ наукѣ, мы, по ученію Гегеля, которое согласно съ ученіемъ основателя идеализма, Декарта, должны устранить всѣ наши представленія и понятія, какъ нѣчто предвзятое нами, какъ нѣчто не

начемъ не основанное, ничѣмъ не доказанное, какъ
нѣчто извнѣ данное и безсознательно нами
принятое, и удержать только то, что оста-
ется послѣ такого устраненія, а остается
послѣ такого устраненія только одно самое
чистое мышленіе, отвлеченное отъ природы и
духа, т.е. мысль сама въ себѣ и для себя. Ра-
зумѣется, не изъ чего иного, какъ изъ этой-
же мысли, изъ самого λόγος'а, изъ самой абсо-
лютной идеи, какъ абсолютнаго разума,
тождественнаго съ истиннымъ, съ дѣйствитель-
нымъ, съ бытіемъ, и начинаетъ и долженъ
начинать Гегель, потому что это остает-
ся единственною, отправною точкою для всей
его философіи. Эту-то отправную точку
и понимаетъ Гегель какъ начало самой фи-
лософіи, въ смыслѣ не начала ея, т.е. того,
съ чего начинать ея, а въ смыслѣ принципа
ея, которая есть въ самомъ дѣлѣ прин-
ципъ, потому что она не заимствуется
философіею ни откуда, ни изъ какой обла-
сти, ни изъ какой-нибудь другой науки, какъ
нѣчто доказанное, выработанное ею и та-
кимъ образомъ, какъ нѣчто приготовлен-
ное для философіи. Предметъ, содержаніе
и методу философія не заимствуетъ ни откуда,
такъ какъ это есть результатъ свободнаго
акта, діалектическаго процесса самого-же
λόγος'а, самой-же абсолютной мысли, само-
го-же абсолюта и въ этомъ смыслѣ это есть
результатъ того, до чего философія и ста-
рается взойти, какъ до высшаго знанія,
знанія абсолюта, абсолютнаго знанія. Та-
кимъ образомъ, философія не только не заимству-
етъ ни откуда своего начала, принципа, а
напротивъ, сама то философія производитъ,
утверждаетъ его. Мало того, она то сама
и производитъ и утверждаетъ принципы всѣхъ
другихъ наукъ, которыя заимствуются изъ нея,

такъ что, по ученію Гегеля, принципъ философіи есть въ этомъ смыслѣ верховный, основной принципъ всѣхъ принциповъ всѣхъ другихъ наукъ, уже какъ производныхъ изъ него принциповъ, какъ принципіатовъ. Изъ такого верховнаго, основнаго принципа всей философіи Гегель и начинаетъ изложеніе предмета и содержанія всей своей философской системы, т.е. λόγος'а, а именно λόγος'а, въ смыслѣ идеи самой по себѣ и для себя, какъ чистой мысли, которая въ Логикѣ и дѣлаетъ сама-же себя своимъ предметомъ. Діалектическій процессъ этой чистой мысли совершается по слѣд. 3мъ главнымъ ступенямъ, которыя и суть предметы 3хъ главныхъ отдѣловъ Логики, а именно, это суть во 1, бытіе (это чистая мысль сама въ себѣ); во 2, сущность (это чистая мысль и сама въ себѣ и внѣ себя); и въ 3, понятіе или идея (это чистая мысль, возвратившаяся къ себѣ самой или чистая мысль и сама въ себѣ и для себя.).

Первый отдѣлъ Логики разсматриваетъ бытіе какъ чистую мысль саму въ себѣ.

Бытіе (Sein) есть первый предметъ, который разсматривается въ Логикѣ, потому что здѣсь разсматривается чистая мысль безъ всякаго еще удаленія ея отъ существующаго, отъ дѣйствительнаго, а напротивъ, въ самой ихъ непосредственности, тождественности — это выразилъ Гегель въ выраженіи: все дѣйствительное разумно и все разумное — дѣйствительно, или въ положеніи, которымъ мы обозначаемъ весь отличительный характеръ Гегелевой философіи, а именно въ томъ положеніи, что все (т.е. бытіе) есть мысль. Гегель такимъ образомъ утвердилъ верховной основной принципъ всей вообще новой идеалистической философіи, выраженный впервые основателемъ ея, Декартомъ,

въ его положеніи: cogito ergo sum, т.е. я мыслю, слѣдов. существую (въ этомъ положеніи слѣдов. выражено, что мысль тождественна съ бытіемъ). Гегель возвысилъ это положеніе въ своемъ абсолютномъ идеализмѣ тѣмъ, что онъ объединилъ его и довелъ до крайности. Изъ cogito, (т.е. я мыслю) Декарта Гегель сдѣлалъ мышленіе вообще (а не мышленіе какого-нибудь я), т.е. безъ субъекта (это не есть мышленіе какого нибудь я) и безъ объекта (т.е. безъ всякаго опредѣленнаго содержанія, которое бы было предметомъ этой мысли, ибо предметъ этой мысли есть сама мысль). Предикатъ, сказуемое, или лучше сказать, выводъ изъ этого cogito, выраженный Декартомъ словами ergo sum, объединилъ Гегель на степень абсолютнаго, чистаго бытія, т.е. бытія самого въ себѣ (подобно тому какъ и мысль у Гегеля есть чистая мысль, есть мысль сама въ себѣ), - бытіе безъ субъекта, т.е. какъ это не есть что нибудь такое, а есть просто только бытіе и безъ всякаго опредѣленнаго содержанія. Въ этомъ-то смыслѣ Гегель и сказалъ, что все есть мысль, возвысивши Декартово положеніе: cogito ergo sum. Въ самомъ дѣлѣ, отвлекшись отъ всего, т.е. отъ всѣхъ предвзятыхъ понятій, мы имѣемъ предъ собою только чистое мышленіе и предметъ его, т.е. чистое бытіе. Если-бы мы знали въ началѣ что нибудь болѣе, то это не было-бы уже первымъ началомъ, принципомъ діалектическаго процесса чистой мысли, ея первою ступенью. Вникая въ такое чистое бытіе, безъ субъекта и объекта, отвлеченное отъ нихъ и вслѣдствіе этого абсолютное, ничѣмъ неограниченное, мы замѣчаемъ, что оно есть нѣчто абсолютно отрицательное. Въ самомъ дѣлѣ, оно ничѣмъ не опредѣлено, оно не есть бытіе чего ни-

будь и не есть бытіе такое или иное, съ такимъ то или другимъ качествомъ, количествомъ; а есть просто бытіе абсолютное, а абсолютное бытіе есть тоже что небытіе или ничто. Такимъ образомъ чистое бытіе и переходитъ въ небытіе, въ ничто, или такое вовсе неопредѣленное ничѣмъ бытіе есть то, что небытіе, что ничто, ибо оно пусто, въ себѣ самомъ не имѣетъ никакого содержанія, ибо оно не опредѣлено даже по своему субъекту. Если-же чистое бытіе есть то, что и небытіе; то отсюда слѣдуетъ, что въ дѣйствительности не существуетъ, отвлеченно, т. е. отдѣльно ни бытіе, ни небытіе, ничто, а непремѣнно должно быть нѣчто третіе, образующееся отъ взаимнаго ихъ соединенія, сочетанія, или, что все равно отъ перехода ихъ одного въ другое. И такъ, 3^{ья} ступень есть становленіе (das Werden). Это становленіе есть единство по видимому діаметрально противоположныхъ между собою бытія и становленія. Но становленіе не должно принимать какъ единство чего-то мертваго, находящагося безъ движенія, такъ какъ напротивъ, оно есть нѣчто безпокойно движущееся, именно въ смыслѣ перехода бытія въ небытіе и небытія въ бытіе. Для нагляднаго объясненія этого становленія представимъ себѣ что нибудь становящимся или, какъ обыкновенно говорятъ, преходящимъ, образующимся, появляющимся. Напр. цвѣтъ растенія, какъ становящійся есть, въ данный моментъ то, чѣмъ онъ не былъ прежде, такъ какъ цвѣту предшествуютъ сѣмя, стебель, зародышъ; но цвѣтъ въ данное время не есть то, чѣмъ онъ будетъ послѣ, т. е. не есть еще плодъ. Слѣд. здѣсь бытіе и небытіе соединяются въ становленіи и становленіе представляется не мертвымъ, не покоющимся, а

живымъ, движущимся. Въ этомъ смыслѣ становленіе есть истинное и бытіе и небытіе, т.е. отдѣльно одно отъ другаго. Въ становленіи нѣтъ ни бытія, ни небытія, а есть просто только одно становленіе. Отсюда слѣдуетъ между проч., говоритъ Гегель, что не нужно останавливаться на бытіи, какъ на верховномъ, основномъ принципѣ философіи, подобно тому какъ останавливались древніе греческіе философы и буддизмъ и в.д.; отсюда слѣдуетъ, что не должно быть признано правильнымъ то ходячее положеніе, къ сожалѣнію принятое нѣкоторыми даже философами (неправильно вслѣдствіе его противорѣчія понятію такого становленія), что изъ ничего не можетъ быть ничего (ex nihilo nihil fit) или что нѣчто можетъ произойти, стать только изъ чего-либо. Напротивъ, все становится именно изъ ничего, такъ что понятіемъ становленія, небытія Гегеля выражается тоже самое, что выражается тѣмъ христіанскимъ вѣрованіемъ, что Богъ создалъ все изъ ничего, такъ что матерія, вещество не вѣчно, какъ утверждаютъ матеріалисты. Слѣдов. та-же самая мысль, которая добыта философіею, есть одна изъ существенныхъ вѣрованій христіанской религіи. Гегель вообще во многомъ проводитъ параллельность между христіанскою религіею, какъ абсолютн. религіею и философіею, какъ абсолютнымъ знаніемъ, говоря, что онѣ по содержанію тождественны и только различны по формѣ, а именно тѣ-же самыя мысли, которыя высказываетъ христіанская религія, высказываетъ и философія, какъ абсолютная идеалистическая философія. Но христіанская религія выражаетъ ихъ въ формѣ образныхъ, символическихъ представленій, а философія разоблачаетъ эти формы и выражаетъ ихъ по началамъ чистаго мышленія...

Если въ становленіи бытіе и небытіе, или ничтожество, ничто приходятъ въ сочетаніе или сливаются одно другимъ, то этимъ сочетаніемъ, соединеніемъ снимаются абсолютныя ихъ между собою противоположности, ибо иначе онѣ не могли-бы войти въ составъ новой мысли, которая есть становленіе. Бытіе и небытіе такимъ образомъ въ становленіи сближаются между собою, соприкасаются одно съ другимъ. Точка ихъ такого сближенія, соприкосновенія есть уже болѣе нѣсколько опредѣленное (прежде было абсолютно неопредѣленнымъ) выраженіе становленія. Это выраженіе обозначаетъ Гегель словами Das Sein (Sein - <u>бытіе</u>) т.е. опредѣленное уже нѣсколько бытіе. Переводятъ это выраженіе словами бываемостью, бытностью или существованіемъ; но, держась строго терминологіи Гегеля, нужно перевести его словомъ <u>тубытіе</u>. Въ этомъ-то бытіи выражается уже опредѣленное соединеніе бытія и небытія, т.е. какъ чего-то положительнаго (бытія) и какъ чего отрицательнаго (небытія), ибо, въ самомъ дѣлѣ, что существуетъ, то существуетъ опредѣленно, положительно гдѣ нибудь, въ какомъ-нибудь мѣстѣ, когда нибудь, въ какое-нибудь время и съ какимъ-нибудь свойствомъ, качествомъ и т.д.. Это положительное опредѣленіе бытія. Непосредственно существующая такая опредѣленность сущаго есть то, что называется качествомъ. Поэтому все существующее, какъ существующее съ опредѣленнымъ качествомъ есть нѣчто, есть что нибудь, есть вещь, есть дѣйствительность, реальность, дѣйствительное и реальное. Слѣдов., тубытіе опредѣляется качественно, а отъ качества отличается, конечно, количество. Съ уничтоженіемъ свойственнаго существующему чему либо качества уничтожается и самое существующее; напротивъ количество существующаго безразлично въ отно-

шенія къ опредѣленному, существующему, по крайней мѣрѣ, безразлично до извѣстной мѣры. Слѣдов., мѣра есть единство въ этомъ смыслѣ качества и количества, какъ переходъ одного въ другое. Въ самомъ дѣлѣ, что количество безразлично до нѣкоторой степени, мѣры относительно качества, это видно изъ того, что наприм. большой и малый подсвѣчники суть равно подсвѣчники, не смотря на количество. Слѣдов. количество не имѣетъ значенія, но только до [illegible] мѣры. Возьмемъ одно и то-же су[illegible], но въ различной степени. Вода наприм., вслѣдствіе измѣненія количества, вслѣдствіе дѣйствія большей или меньшей теплоты, бываетъ въ видѣ жидкости, пара и льда слѣдов., здѣсь то или другое количество теплоты измѣняетъ качество вещи. Такимъ образомъ, мѣра есть, такъ сказать, то, чѣмъ соединяется качество и количество. Въ самомъ дѣлѣ, все имѣетъ свою мѣру и только въ предѣлахъ мѣры все сохраняетъ свои качества, свое качество, свою натуру. Мѣра не есть нѣчто такое въ этомъ смыслѣ, что имѣло-бы значеніе въ одномъ только физическомъ мірѣ (въ собственно, физическ. явленіяхъ, въ химическихъ явленіяхъ, въ органическ. тѣлахъ и проч.); но мѣра имѣетъ значеніе и въ духѣ, нравственномъ мірѣ. Напр., говоритъ Гегель, государство, гдѣ оно есть, всегда есть государство; оно остается одно и то-же по своему качеству (для него нужны извѣстн. качества, а именно, [illegible] элементъ, — государственная территорія, — личный элементъ, — государственное общество, — и соединительный элементъ, — верховная власть). Но не смотря на то, отъ количества зависитъ и качество. Въ самомъ дѣлѣ, огромное государство требуетъ въ [illegible] отношеніяхъ, конечно, до извѣстн. [illegible], другого устройства и управленія,

нежели малое государство. Предѣлы мѣры существуютъ во всемъ существующемъ, въ каждой вещи въ самой себѣ, во всемъ дѣйствительномъ, во всемъ реальномъ. Предѣломъ, мѣрою опредѣляется, ограничивается одно существующее, одна вещь, одно дѣйствительное отъ всякой другой вещи. Такимъ образомъ, все существующее становится опредѣленнымъ своимъ предѣломъ, своего мѣрою, ограниченіемъ, или конечнымъ въ этомъ смыслѣ. Каждое, какъ нѣчто одно, потому есть одно нѣчто, что существуетъ иное, другое. Извѣстный столъ есть одинъ столъ, потому что существуютъ другіе столы. Такимъ образомъ каждое нѣчто есть одно само для себя и для иного другаго. Такъ, нѣчто одно превращается такимъ образомъ въ иное другое; это иное другое превращается опять въ иное другое и это идетъ до безконечности. Такая безконечность есть безконечная совмѣстность всего существующаго, всѣхъ вещей. Такимъ образомъ, ограниченное или конечное силится сдѣлаться безконечнымъ, вѣчно измѣняется; но никогда конечное не можетъ достигнуть безконечности, ибо оно иначе не было бы конечнымъ, ибо, сбрасывая одни узы, какъ говоритъ Гегель, его ограничивающія, конечное постоянно находитъ въ замѣнъ того другія узы. Такая безконечность, которая не достигается ничѣмъ существующимъ, какъ конечнымъ, не есть потому истинно безконечное, а есть только кажущееся, ибо она есть отрицательная безконечность, не есть бытіе, а есть небытіе. Въ этомъ смыслѣ такую недостигаемую безконечность Гегель называетъ ложною безконечностью. Но есть другая безконечность, истинная, которая не есть отрицательная, а есть положительная безконечность, есть бытіе; она состоитъ въ томъ, что при этой безконечности существующая вещь становится дру-

ную, но становится другою съ высшимъ другимъ качествомъ, такъ что бытіе ея возстановляется, но такъ, что въ существующемъ отпадаетъ уже ограниченность, конечность, и оно становится въ самомъ дѣлѣ безконечнымъ. Это дѣлается тогда, когда что-нибудь идеализируется. Идеализація есть снятіе конечности, когда что нибудь становится идеею, какъ истинно сущимъ и вмѣстѣ разумнымъ, когда слѣд. λόγος соединяется съ предметомъ, какъ содержаніемъ. Полное, во что измѣняется нѣчто, что нибудь существующее, находится въ самомъ дѣлѣ, въ томъ самомъ (это бытіе для себя и въ себѣ); напрuм. нашъ духъ, наше я и въ другомъ во всемъ, что не есть я, напр. въ своей теоретической дѣятельности (въ мышленіи) и въ своей практической дѣятельности, производимой волею, имѣетъ способность все таки существовать для себя, сознавая, что это его дѣятельность, а не чья нибудь чужая. Это относится ко всему духовному. Что-же касается всего вещесва, всѣхъ вещей, какъ предметовъ природы, то онѣ существуютъ не для себя, а существуютъ именно для духа. Духъ относится къ нимъ въ теоретической дѣятельности такъ, что онъ не оставляетъ вещи какъ она есть, ибо если-бы онъ оставилъ ее такъ, то она не была-бы его вещью. Теоретическая его дѣятельность, т.е. познаніе, мышленіе о вещи и состоитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ вещь своею мыслею, онъ мыслитъ о ней, онъ изъ физическихъ вещей составляетъ понятія, обобщаетъ ихъ. Точно также дѣлаетъ духъ и въ своей практической дѣятельности, какъ воля. Воля не [illegible] волею, какъ она есть, а онъ влагаетъ въ нее свою мысль, дѣлаетъ ее средсвомъ для своей цѣли. Такимъ образомъ нѣтъ ничего чужово для духа и все, что вещесвенно,

не имѣетъ само въ себѣ никакого значенія, никакой цѣли, а имѣетъ значеніе только для духа.

Второй отдѣлъ логики, какъ вторая ступень ея діалектическаго процесса, разсматриваетъ сущность. Сущность есть основа всего существующаго, которымъ заключился первый отдѣлъ логики, гдѣ сущность или существенное, существующее въ существѣ, и есть опредѣленное извѣстною мѣрою дѣйствительное, реальное. Но существенное или сущность не составляетъ того, чѣмъ опредѣляется дѣйствительное, реальное само въ себѣ и вмѣстѣ относительно къ другому, а только опредѣляется относительно. Сущностью опредѣляется и отношеніе существующаго къ самому себѣ и отношеніе существующаго къ иному другому, т.е. сущность соотвѣтствуетъ тому, что есть (внутри предмета) и вмѣстѣ съ тѣмъ сущностью отличается каждый предметъ отъ иного другаго предмета. Но сущность не остается сущностью, а проявляется, становится явленіемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что явленіе не есть нѣчто постороннее для сущности, которое не есть сущность. Кантъ думалъ, что мы знаемъ явленія, а не знаемъ сущности вещей, а Гегель напротивъ того говоритъ, что явленія и суть ничто иное какъ проявленіе сущности, и слѣд. ничего другаго въ нихъ нельзя искать, какъ сущности. Сущность сама въ себѣ проявляется и должна проявиться, а потому явленія не суть нѣчто стоящее по одну сторону, а сущность по другую сторону, а напротивъ, онѣ находятся между собою въ единствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сущность, которая бы не проявилась во внѣ, была бы плодомъ односторонняго отвлеченія или

полной фантазіи. Кантъ отвлекъ односторонне отъ сущности явленія и сказалъ, что только однѣ явленія мы можемъ постигнуть, а не самую сущность вещи, между тѣмъ какъ въ явленіяхъ и заключается сущность вещи. Сущность есть нѣчто само себѣ равное, т. е. одинаковое, постоянное, ибо, удаливши сущность чего-нибудь, мы это переминяемъ, уничтожаемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сущность въ явленіяхъ разнообразится, такъ что она въ явленіяхъ видоизмѣняется, проявляется въ различныхъ формахъ.

Третій отдѣлъ Логики или третья степень діалектическаго процесса, разсматриваетъ понятіе (Begriff). Подъ понятіемъ Гегель разумѣетъ не продуктъ нашего мышленія только, какъ понимаетъ формальная логика, какъ одну форму мышленія, безъ всякаго содержанія, изъ которой вырабатываются сужденія, а изъ сужденій — заключенія; но подъ понятіемъ онъ разумѣетъ вообще разумъ или разумъ въ вещахъ, какъ творящую въ нихъ силу, какъ творческое начало, такъ сказать, а именно и въ природѣ и въ духѣ. Понятіе, какъ творческое начало развивается, но такъ, что не выходитъ однако изъ себя, и не переходитъ во что нибудь иное, а представляетъ тоже самое содержаніе, но только совсѣмъ въ другомъ видѣ, формѣ. Сѣмя, зародышъ растенія, напр., есть понятіе растенія въ этомъ смыслѣ, потому что въ сѣмени въ зародышѣ заключается уже все будущее дерево. Однако-же зародышъ развивается, становится стволомъ, листьями, цвѣтомъ и плодомъ, слѣд. видоизмѣняется. Каждое сѣмя производитъ въ концѣ концовъ сѣмя того-же самаго растенія, а не другаго; это его свойство. Оно остается постоянно оди-

наковымъ; но въ развитіи, въ своемъ діалектическомъ процессѣ оно представляется въ различныхъ формахъ, которыя и суть разнообразныя явленія, въ которыхъ выражается сущность, чѣмъ мы окончили вторую часть Логики. Но сущность является здѣсь не просто сущностью, а разумомъ вещи, разумною въ ней дѣйствительностью, какъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, которое есть еще не осуществленное, не реализированное. Слѣд. понятіе есть въ этомъ смыслѣ возможность какого нибудь становленія; это есть то, что уже Аристотель называлъ динамисъ, т.е. энергіею. Въ самомъ дѣлѣ, зародышъ дерева есть дерево въ возможности, а не въ дѣйствительности, а дерево уже дѣйствительность зародыша (въ немъ зародышъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть). Самое высшее развитіе, до котораго можетъ достигнуть дерево, есть плодъ, а плодъ есть зародышъ. Такимъ образомъ, сѣмя производитъ дерево, которое въ окончательномъ развитіи даетъ такое-же сѣмя. Слѣдов. между возможностью и дѣйствительностью есть единство. Возможность и дѣйствительность соприкасаются между собою, а не суть двѣ діаметральныя противоположности. Вотъ это-то соединеніе возможности и дѣйствительности, понятія и его реализаціи и есть идея, ибо идея есть реализирующая понятія. Напр., въ сферѣ права, разумное, существенное въ этомъ смыслѣ для права есть свобода разумная (въ ней заключается понятіе права). Но свобода сама по себѣ есть только возможность права, а не есть еще его дѣйствительность. Для того, чтобы явилось право, необходимо, чтобы эта свобода реализировалась, осуществилась въ дѣй-

ствительности. Право не есть ограниченіе свободы, какъ говорили до Гегеля, а есть только осуществленіе свободы, по Гегелю. Слѣдов., свобода есть только понятіе по отношенію къ праву, а не есть идея, а право есть уже идея свободы, т. е. реализированная свобода.

Идеею завершается все развитіе Логики, потому что идея есть самое высшее, до чего можетъ взойти чистая мысль, потому что чистая мысль тождественна съ бытіемъ. Идея есть бытіе, но такое, въ которомъ реализирована чистая мысль, какъ разумъ, какъ дѣйствительность понятія. Эта идея не остается однако самою въ себѣ заключенною (потому что она есть реализація понятія, она есть бытіе, но уже вполнѣ опредѣленное), а діалектически развивается въ томъ, что производитъ дѣйствительность, реальность, міръ а именно и міръ вещественный, въ которомъ она находится въ инобытіи (не въ своемъ бытіи, потому что она есть духъ, а вещь не есть духъ) и въ міръ духовн.ымъ духъ, гдѣ идея является уже въ своемъ, духѣ, въ своемъ началѣ, въ своей сферѣ, области. Природа есть предметъ второй главной части философской системы Гегеля, называемой имъ Философіею Природы, а духъ есть предметъ и содержаніе третьей послѣдней главной части, назыв. имъ Философіею Духа. Такъ переходитъ Гегель отъ Логики, какъ первой главной части, къ Философіи Природы, какъ второй главной части его философск. системы.

<u>Предметъ и содержаніе Философіи Природы есть идея, не въ формѣ инобытія</u>

Эту часть своей философской системы Гегель дѣлитъ на три главные отдѣла, которые суть ничто иное какъ ступени генетическаго развитія этой идеи въ ино-

бытія, или природѣ, а именно во 1, механика, во 2, физика и въ 3, органика. Послѣдняя развивается по тремъ ступенямъ, которыя суть три царства природы. Она имѣетъ дѣло съ организмами, которые представляютъ большую или меньшую постепенность развитія. Первая ступень органики имѣетъ дѣло съ геологич. организмами, вторая - съ растительными организмами и 3-я - съ животными организмами. Самый высшій животный организмъ есть организмъ человѣческій. Съ разсмотрѣнія человѣка и начинается у Гегеля Философія Духа. Такъ переходитъ Гегель къ третьей и послѣдней части своей философской системы, а именно къ философіи Духа.

-1.31. Философія Духа. Въ духѣ абсолютн. мысль, идея возвращается изъ инобытія, изъ своего погруженія въ чуждую ей внѣшнюю природу въ свою собственную сферу, ту сферу, въ которой абсолютъ приходитъ къ самосознанію, чрезъ что человѣкъ становится вѣнцомъ природы, вершиною всего ея развитія. Духу свойственна свобода, какъ самоопредѣленіе къ дѣйствительности. Въ силу своей свободы духъ не есть что нибудь непосредственно опредѣленное, не есть что нибудь готовое, но онъ долженъ опредѣлить себя, сдѣлать себя тѣмъ, что онъ есть самъ въ себѣ, т. е. сдѣлаться духомъ. И вотъ духъ и самоопредѣляется постепенно, а именно, совершая діалектическій процессъ своего самоопредѣленія по слѣдующимъ тремъ главнымъ ступенямъ, а именно онъ является во 1, какъ духъ субъективный, во 2, какъ духъ объективный и въ 3, какъ духъ абсолютный. Эти 3 ступени и составляютъ предметъ и содержаніе трехъ имъ соотвѣтствующихъ главныхъ отдѣловъ Фи-

лософіи Духа, изъ которыхъ первый отдѣлъ называется у Гегеля философіею субъективнаго духа, второй отдѣлъ - философіею объективнаго духа и третій отдѣлъ - философіею абсолютнаго духа. И такъ

Первый отдѣлъ. Философія субъективнаго духа. Здѣсь разсматривается духъ самъ въ себѣ и въ этомъ смыслѣ какъ субъектъ въ себѣ, такъ сказать, заключенный, еще не выражающійся во внѣ, еще не объективирующійся, т.е не выражающій того, что ему свойственно, а именно, своей свободы, своего самоопредѣленія. Это есть духъ въ единич. человѣкѣ или духъ единичнаго человѣка, ибо въ немъ-то и сознаетъ себя абсолютъ. Вотъ почему это есть предметъ философіи субъективнаго духа. Эта философія субъективнаго духа діалектически развивается по слѣдующ. тремъ ступенямъ: во 1, какъ Антропологія, во 2, Феменологія и въ 3, какъ Психологія.

а, Антропологія. Она разсматриваетъ субъективный духъ еще, такъ сказать, въ непосредственномъ видѣ или духъ еще какъ бы заключенный въ природу, точнѣе, какъ бы слитый съ природою, т.е. съ тѣломъ, этою принадлежностью еще внѣшней природы а не духа. Такое слитіе или такую непосредственность, нераздѣльность духа и тѣла представляетъ то существо, которое называется человѣкомъ (анѳропосъ). Въ этомъ смыслѣ эта часть субъективнаго духа называ. антропологіею, т.е. ученіемъ о человѣкѣ. Она слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ процесса тѣхъ видоизмѣненій, которыя получаетъ духъ отъ природы, а именно, получаетъ ихъ въ своемъ тѣлѣ, какъ человѣкѣ. Духъ въ тѣлѣ въ своемъ этомъ діалектическомъ процессѣ постепенно возвышается до того, что онъ одолѣваетъ

Лит. П. Степанова. б. Садовая, д. № 9. Лит.

природу, т. е. свое тѣло, онъ обнимаетъ собою свое тѣло, присутствуетъ въ немъ и дѣлаетъ его служебнымъ органомъ, орудіемъ для себя, для своего самоопредѣленія, для своей свободы, и начинаетъ такимъ образомъ вслѣдствіе этого относиться и самъ къ себѣ какъ свободное отъ природы существо, какъ свободное, независимое отъ всего внѣшняго, какъ самосущее, какъ самости, какъ то, что называется я, которое отвлекаетъ отъ всего внѣшняго.

б, Вторую часть Философіи Духа называетъ Гегель Феноменологіею. Когда духъ начинаетъ относиться къ себѣ какъ существо свободное, какъ я, отвлекающее себя отъ всего внѣшняго, тогда духъ приходитъ къ сознанію, ибо такое отношеніе и такое отвлеченіе и есть то, что называется сознаніемъ. Съ этого сознанія и начинается Феноменологія Духа, которая разсматриваетъ постепенное проявленіе этого сознанія или послѣдовательное развитіе дѣятельности этого сознанія. Въ этомъ-то смыслѣ Гегель и называетъ эту часть философіи субъективнаго духа Феноменологіею, т. е. ученіемъ о проявленіи сознанія. Сознаніе проявляется постепенно во 1, какъ чувственное воспріятіе, опытъ, наблюденіе и разсудочное мышленіе, разсудочное сознаніе и во 2, какъ самосознаніе уже своей сущности, своей самобытности, своей независимости отъ всего другаго, своей самости. Это есть уже дѣятельность того, что называетъ Гегель разумомъ. Наконецъ сознаніе приходитъ къ третьей и послѣдней степени сознанія, а именно къ сознанію абсолюта, абсолютной идеи, абсолютно разумнаго, тождественнаго съ дѣйствительнымъ. Эта дѣйствительность есть дѣйствительность

Литогр. Т. Степанова. В. Садовая 4 кв. № 9.

тельность того, что называетъ Гегель умомъ.

Третья и последняя часть философіи субъективнаго духа у Гегеля есть Психологія, которая разсматриваетъ духъ (почему эта часть такъ и называется: Психологія значитъ ученіе о духѣ). Здѣсь разсматривается духъ сознающій себя какъ цѣлость, какъ единство всѣхъ своихъ разнообразныхъ, различныхъ свойствъ, и, чрезъ посредство сознанія на всѣхъ ступеняхъ его развитія, о которыхъ мы сказали, получившій возможность стать субъектомъ самоопредѣленія къ дѣятельности, какъ дѣятельности уже сознательной, свободной, какъ дѣятельности по своимъ собственнымъ цѣлямъ. Такая дѣятельность духа есть дѣятельность, совершающаяся въ немъ самомъ, какъ субъектъ этой дѣятельности; но онъ свою дѣятельность простираетъ и на то, что онъ сознаетъ какъ внѣшнее для своего самосознающаго я, для своей самости, а именно простираетъ свою дѣятельность на предметы внѣ себя, на объекты. Но эта дѣятельность духа, самого въ себѣ какъ субъекта на внѣшнее для него, на объекты состоитъ въ томъ, что субъектъ при этой дѣятельности, простирающейся на предметы, на объекты, не оставляетъ внѣшнее, какъ оно есть; напротивъ онъ дѣлаетъ для себя внѣшнее, которое представляется ему въ началѣ какъ нѣчто чуждое, своимъ, усвоиваетъ его (внѣшнее), отрицаетъ его самосущность, такъ какъ существуетъ только онъ одинъ, а всѣ внѣшніе предметы отъ него зависимы. Такимъ образомъ, субъектъ дѣятельности, духъ есть единая цѣлость, не только какъ единство всѣхъ своихъ свойствъ, но и предметовъ, объектовъ, ибо онъ дѣлаетъ ихъ своими. Такая дѣятельность души есть двоякая, и именно, теоретическая, какъ теоретическое

отношеніе души къ предмету и практическая, какъ практическое отношеніе души къ предмету. Теоретическое отношеніе души къ предмету или теоретическая дѣятельность есть дѣятельность души, какъ теоретическаго духа или, что все равно, какъ интелегенціи, какъ познающаго духа, потому что эта дѣятельность состоитъ именно въ познаніи или въ познаваніи предметовъ. Въ этомъ теоретическомъ отношеніи своемъ къ предметамъ, въ этомъ познаніи своемъ объектовъ, духъ какъ духъ единичнаго человѣка во первыхъ воспринимаетъ предметы, какъ объекты внѣшніе, какъ единичные предметы, (по одиночкѣ) какъ недѣлимые предметы. Эта теоретич. дѣятельность есть то, что называв. ощущеніемъ. Далѣе во 2, душа не останавливается на этомъ, а она обобщаетъ единичные предметы, но, обобщая ихъ, она пока еще не снимаетъ съ нихъ внѣшнюю чувственную форму, сторону, съ которой открывается предметъ для ощущенія. На этой своей ступени теоретическая дѣятельность души есть воображеніе, но не въ смыслѣ поэтическаго воображенія, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ нашемъ языкѣ, а именно воображеніе здѣсь значитъ составленіе общаго образа единичныхъ предметовъ. Наконецъ въ 3, душа снимаетъ уже внѣшнюю чувственную сторону, форму предметовъ, и созерцаетъ внутреннюю ихъ сторону, сущность предметовъ. Такимъ образомъ, душа принимаетъ собою все кажущееся ей чужымъ и превращаетъ это въ свою мысль, видитъ во всемъ себя, а ничто нибудь чуждое, усвоиваетъ себѣ все, сознаетъ, что она въ своей теоретич. дѣятельности опрѣ-

дѣляется только сама собою или, что все равно, она достигаетъ чистой свободы, такъ что всё душа вводитъ въ то, что есть ея собственная сфера, а именно въ духовное, мышленія, мысль. Это есть та теоретич. дѣятельность души, которая называется мышленіемъ. Духъ сознаетъ, что мысль и есть сущность вещей, – (та сущность, которую Кантъ считалъ непознаваемою), что она и есть основа всей дѣйствительности, реальности, ибо мысль во всемъ реализируется. Сознавая такъ свое мышленіе, духъ изъ теоретическаго духа становится практическимъ духомъ или волею. Воля влагаетъ во всѣ предметы, объекты, свою мысль, дѣлаетъ ихъ средствомъ для своихъ цѣлей и въ этомъ смыслѣ преобразуетъ ихъ также, какъ и теоретическій духъ, интеллигенція, дѣлаетъ ихъ своими, а не чужими, отрицаетъ ихъ самостоятельность, самость тѣмъ, что влагаетъ въ каждый предметъ свою волю. Въ этомъ состоитъ практическое отношеніе къ объекту духа, какъ субъекта, а именно того, что называется волею. Въ этой своей практической дѣятельности духъ дѣйствуетъ вопервыхъ только какъ воля чувственная, т.е. просто какъ природное, естественное влеченіе къ удовлетворенію предметами своихъ потребностей, чувствуемыхъ въ себѣ недостатковъ, такъ что потребности являются, такимъ образомъ двоякаго рода: однѣ субъективныя (это суть недостатки, чувствуемые въ себѣ духомъ, душою, какъ волею какъ практич. духомъ), а другія – объективныя (это суть потребности въ объектахъ, предметахъ, такъ что это есть всё то, чѣмъ удовлетворяются чувствуемые недостатки. затѣмъ во 2, духъ дѣйствуетъ какъ воля, въ смыслѣ уже способ-

ности выбора, дѣлаемаго между тѣми и другими предметами, какъ объективными потребностями и вмѣстѣ съ тѣмъ способности выбора между тѣми и другими субъективными потребностями (т.е. духъ опредѣляетъ какія изъ тѣхъ или другихъ субъективныхъ потребностей удовлетворить, и какими предметами, какъ объективн. потребностями, ихъ удовлетворить). На этой ступени воля, какъ свобода выбора, есть то, что назыв. произволомъ, въ отличіе отъ чувственной воли и въ отличіе отъ свободной воли. Вотъ этотъ-то произволъ и принимали, до Гегеля (Кантъ, Фихте, Шелингъ) за такой, который долженъ б. необходимо ограниченъ для того, чтобы существовала свобода. Напротивъ того, по Гегелю, это не такъ, потому что произволъ, ни есть еще свободная воля, такъ какъ свободная воля въ истинномъ смыслѣ является уже на третьей ступени. Итакъ. 3, <u>Духъ дѣйствуетъ какъ истинная свобода или разумная воля</u>. Въ сказанныхъ двухъ предъидущихъ проявленіяхъ своихъ (въ чувственной волѣ и произволѣ) духъ еще не свободенъ въ истинномъ смыслѣ, потому что онъ тамъ находился въ зависимости отъ естественныхъ влеченій и слѣд. тамъ онъ хотѣлъ, желалъ чего-то другаго, а не самого себя, желалъ тѣхъ предметовъ, которые-бы удовлетворяли его потребности, какъ субъективной потребности. Истинная разумная свобода обнаруживается тогда, когда духъ въ самыхъ влеченіяхъ своихъ желаетъ, хочетъ не влеченія къ предметамъ, а самого себя, т.е. тогда, когда онъ желаетъ, хочетъ своей свободы какъ выраженія, какъ осуществленія въ дѣйствительности, какъ объективированія своей собственной сущности, ибо свобода къ самоопредѣленію и есть его сущность. Эта свобода и же-

лающая въ этомъ смыслѣ ничего иного кромѣ только свободы самой по себѣ, есть духъ объективный или есть осуществленіе свободы духа въ объектѣ. Въ такой своей дѣятельности духъ стремится не къ предметамъ, объектамъ, какъ прежде, а къ чему-то отъ нихъ отличному, а именно, къ выраженію себя, своего разума, своей свободы въ объектахъ, въ предметахъ, слѣдов., къ выраженію, осуществленію въ дѣйствительности, какъ объективированію своей разумной свободы. Потому-то на этой ступени должно отличать объекты, какъ уже не заключающіеся въ себѣ. Такъ переходитъ Гегель къ философіи объективнаго духа, какъ второму отдѣлу философіи Духа.

<u>Второй отдѣлъ. Философія объективнаго духа.</u> Объективный духъ есть, духъ практически осуществляющій въ предметахъ свою истинную разумную свободу или реализирующій истинную свободу своей воли. Истинная свобода реализируется въ производимомъ самимъ духомъ, продуцируемомъ имъ-же самимъ нравственномъ въ обширномъ смыслѣ или въ этическомъ мірѣ вообще, въ этой своей природѣ, какъ называлъ Шеллингъ второй природѣ, въ томъ смыслѣ, что она возвышается надъ первою природою, надъ природою физическою. Этотъ нравственный міръ, производимый духомъ, не есть инобытіе духа, какъ природа физическая, а есть тубытіе, есть существенное, сущее для духа. Проявляясь въ этомъ нравственномъ мірѣ, и имѣя сознательную, свободную цѣль, свободная воля преобразуетъ этотъ міръ для своихъ цѣлей, ею желаемыхъ, хотимыхъ. Такъ она дѣйствуетъ постепенно до тѣхъ поръ, пока этотъ міръ, какъ-бы чуждый свободной волѣ, не сдѣлается совершенно соотвѣтствующимъ сущности духа. Тогда

становится" уже абсолютнымъ духомъ, гдѣ сущность духа состоитъ именно въ полномъ абсолютномъ соотвѣтствіи его съ міромъ, т.е. въ полномъ абсолютномъ тождествѣ мысли и бытія. Такимъ образомъ, съ чего начинается философія у Гегеля, тѣмъ и оканчивается. Философія абсолютнаго духа есть послѣдняя главная ступень развитія всей философской системы Гегеля.

Гегелева философія объективнаго духа есть ничто иное какъ этика въ обширномъ смыслѣ слова, потому что предметъ и содержаніе есть ничто иное какъ нравств. въ обширномъ смыслѣ или этическій міръ. Этотъ міръ называется у Гегеля правомъ, но въ обширномъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ обыкновенно употребляютъ это слово юристы. Въ этомъ смыслѣ свою философію объективнаго духа называетъ Гегель иначе философіею правовѣдѣнія или философіею права или естественнымъ правомъ и государствовѣдѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ Гегель излагаетъ ее въ особенномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Основныя черты философіи права, или естественнаго права и государствовѣдѣнія". Философія права, какъ наука, имѣетъ своимъ предметомъ, какъ говоритъ Гегель, идею права или понятіе права и его осуществленіе въ дѣйствительности, ибо идея вообще есть, какъ мы видѣли при обозрѣніи Логики, ничто иное какъ единство существованія и понятія. Философія объективн. духа, говоритъ Гегель, должна развить изъ понятія идею, какъ разумъ предмета, такъ что понятіе есть еще нѣчто отдѣльное отъ существованія, не есть еще реализированное. Почва права, говоритъ Гегель, есть вообще нѣчто духовное, ибо мы и встрѣтили право на той ступени развитія абсолюта, гдѣ онъ стан...

вшися духомъ (философія права есть философія объективнаго духа). Ближайшая отправная точка права есть воля, которая свободна. Свобода, говоритъ Гегель, также присуща волѣ, какъ тяжесть присуща матеріи. Такимъ образомъ, свобода составляетъ субстанцію права, т.е. то, что лежитъ въ его основаніи и въ его назначеніи, такъ какъ все право стремится къ тому, чтобы воля стала разумною свободою, чтобы разумная свободная воля осуществилась, реализировалась. Система права есть потому царство осуществленной въ дѣйствительности свободы, есть міръ духа, изъ него самого произведенный, какъ вторая природа, говоритъ Гегель. Далѣе, продолжаетъ Гегель, требуется, чтобы существенное (das Sein, бытіе) вообще было существеннымъ свободной воли, т.е. чтобы все, что существуетъ, не было чуждо волѣ, а было-бы для нея своимъ, чтобы это было ея продуцированіемъ, ея дѣломъ. Гегель говоритъ, что надъ внѣшнею природою стоитъ духъ объективный (свободная воля), возвышая надъ первою природою вторую природу, нравственный міръ, который есть продуктъ ея свободы. Слѣдов. право вообще есть въ этомъ смыслѣ, говоритъ Гегель, свобода какъ идея, т.е. есть реализированное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, право, какъ понятіе, есть ничто иное какъ свобода. Но эта свобода становится, осуществляется, и вотъ это осуществленное понятіе свободы и есть право. Въ этомъ смыслѣ предметъ философіи права есть идея права или осуществившееся понятіе права. Право есть, наконецъ говоритъ Гегель о немъ вообще, нѣчто святое вообще уже потому, что оно есть существованіе абсолютнаго понятія, т.е. потому что оно есть осуществленіе самосознательной свободы, какъ свободы человѣка (а не свободы

несознаваемой), такой свободы, которую сознаетъ самъ духъ человѣческій, и сознавая, осуществляетъ ее въ нравственномъ мірѣ, какъ во второй высшей природѣ, возвышающейся надъ первою, т.е. физическою природою.

33. Право вообще діалектически развивается у Гегеля по слѣдующ. тремъ главнымъ ступенямъ: 1, какъ абстрактное, отвлеченное, или формальное право (это есть собственно право); 2, какъ мораль (это есть собственно нравственность) и въ 3, какъ нравственность, Sittlichkeit (это есть нравственная общественная жизнь, выражающаяся въ нравственныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ). Сдѣлаемъ обозрѣніе каждой этой ступени порознь, но въ связи ихъ между собою.

1, Абстрактное, т.е. отвлеченное, или формальное право, т.е. собственно право. Это есть сущее, внѣшнее бытіе, трубытіе (Das Sein) свободной воли, хотящей чисто существованія свободы, а не удовлетворенія какихъ-нибудь влеченій на первой ступени ея развитія. Такъ, напр. въ областѣ этого права, въ сферу его входитъ, между прочимъ собственность. Собственникъ, какой-нибудь вещи радуется, что она его собственность, радуется такому отношенію вещи къ своей свободѣ даже и тогда, когда онъ не пользуется ею для удовлетворенія своихъ потребностей, слѣдов. помимо ихъ, такъ что свободная воля на этой ступени хочетъ только чисто своей свободы, а не удовлетворенія влеченія. Въ этой области сферѣ абстрактнаго, или формальнаго права свободная воля находится на первой ступени своего діалектическаго развитія, потому что въ этой области свободная воля, какъ выражается Гегель есть еще непосредственная воля, или воля въ абстрактномъ ея понятіи. Это значитъ, что въ област

собственно права свободная воля разсматривает-
ся прежде нежели будетъ развито все ея вну
треннее содержаніе, т.е. все содержаніе заклю-
чающееся въ ея понятіи, слѣдов. помимо ея
содержанія, отвлеченно, абстрактно отъ не-
го, такъ, какъ будто-бы не было никакого
содержанія, какъ будто-бы она была пустая
безсодержательная форма, не смотря на то,
что въ ней, въ самомъ дѣлѣ, есть опредѣлен-
ное содержаніе, но на него въ области собствен
но права не обращается вниманія. Посто-
му что и въ этомъ именно смыслѣ Гегель
называетъ эту ступень діалектическаго
развитія свободной воли абстрактнымъ
или формальнымъ правомъ. Содержаніе сво-
бодной воли развивается, или раскрывается
не въ этой области абстрактнаго права,
а въ слѣдующихъ затѣмъ областяхъ, на слѣд.
ступеняхъ внѣшняго бытія, существованія
свободной воли, т.е. въ области морали и въ
области нравственности, или нравственной
общественной жизни. Такъ, мы увидимъ, что
въ области морали заключающееся въ понятіи
свободной воли содержаніе воли опредѣляется,
какъ умыселъ, который имѣетъ воля при
совершеніи какого-нибудь дѣянія, какъ нѣ-
что обдуманное, такъ что это дѣяніе тог-
да только она, сипдаетъ своимъ дѣяніемъ,
вмѣняетъ себѣ въ вину, когда оно, въ самомъ
дѣлѣ, обдумано, тогда какъ при всякомъ дѣя-
ніи, относящемся къ области этого абстрак-
наго, или формальнаго права, на обнару-
живаніе свободной воли во внѣшности не об-
ращается вниманія на эту обдуманность,
на этотъ умыселъ, составляющій содержа-
ніе воли. Далѣе, въ области морали обра-
щается вниманіе на намѣреніе, или цѣль,
которую имѣетъ въ виду свободная воля
человѣка при совершеніи какого-нибудь дѣя-
нія, между тѣмъ какъ въ области абстракна-

наго права не обращается на это вниманія. Такъ, въ области морали обращается вниманіе на то, къ чему, какъ къ своей послѣдней цѣли, стремится свободная воля при совершеніи дѣянія, какъ цѣли имѣющей отношеніе къ совершающему дѣяніе, а именно, какъ его благо, счастіе, между тѣмъ, какъ въ области абстрактнаго права не обращается на это вниманіе. Такъ, наконецъ въ области морали обращается вниманіе на сознаніе свободною человѣческою волею того, что данное дѣяніе есть доброе дѣяніе, а не злое, какъ его понимаетъ данный человѣкъ, совершающій дѣяніе, какъ онъ опредѣляетъ его тѣмъ, что называется совѣстью, какъ нравственнымъ чувствомъ, убѣжденіемъ, между тѣмъ, какъ абстрактное право не обращаетъ и на это вниманія. Возьмемъ, въ примѣръ собственность. Когда разсматривается собственность въ области абстрактнаго или формальнаго права или, что все равно, съ юридической точки зрѣнія, то не обращается вниманія на то намѣреніе, или цѣль, которую имѣлъ въ виду тотъ, или другой человѣкъ, пріобрѣтая собственность (не обращается вниманія на то съ доброю, или съ дурною цѣлью сдѣлано пріобрѣтеніе собственности), между тѣмъ какъ съ моральной точки зрѣнія обращается на это вниманіе. Далѣе, при самомъ употребленіи, пользованіи собственникомъ своею вещью также не обращается вниманія въ области абстрактнаго или формальнаго права на то, для какихъ, добрыхъ, или дурныхъ, цѣлей употребляетъ собственникъ свою вещь, тогда, какъ въ области морали обращается и на это вниманіе. Въ этомъ смыслѣ Гегель и называетъ это право абстрактнымъ, т. е. формальнымъ отвлеченнымъ. Въ области абстрактнаго или формальнаго права, или съ

съ юридической точки зрѣнія, говоритъ Гегель, въ поясненіе того предиката, которымъ онъ здѣсь опредѣляетъ право (формальное отвлеченное), человѣкъ можетъ сказать: я свободенъ въ этой вещи непосредственно, потому что свобода моя проявляется внѣшнимъ образомъ, выражается въ этой внѣшней вещи прямо непосредственно, которая есть моя вещь, собственность. Но, въ этой области человѣкъ не можетъ сказать: я не только свободенъ въ этой непосредственной вещи, т.е. въ объектѣ, предметѣ внѣшняго міра, въ природѣ, но я свободенъ также и въ себѣ самомъ, внутри себя въ объектѣ міра, я свободенъ обдумывать, или необдумывать свое дѣяніе, я свободенъ имѣть такое, или другое намѣреніе, благо, цѣль, при совершеніи дѣянія, касающагося моей вещи, принадлежащей мнѣ въ собственность. Я свободенъ обдумывать или необдумывать свое дѣяніе, я свободенъ имѣть такое, или другое намѣреніе, цѣль при совершеніи его. Все это относится къ области морали, разсматривается съ моральной точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ свободная воля на этой первой ступени развитія есть непосредственно свободная воля, какъ назыв. ее Гегель. Далѣе въ области абстрактнаго права свободная воля говоритъ Гегель, есть единичная воля, есть воля единичнаго человѣка, который въ этой области называется лицомъ (persona), т.е. единичнымъ существомъ, сознающимъ самого себя какъ такое существо, какъ человѣка, т.е. сознающее себя свободнымъ, какъ самымъ въ себѣ и для себя, единичнымъ, какъ отдѣльнымъ отъ всякаго другаго существа, - такимъ существомъ сознаетъ себя, которое можетъ отвлечься отъ всего и остаться при себѣ самомъ, какъ возвышающееся надъ всѣмъ чистое я, отвлеченное отъ всего, отдѣленное отъ всего. Од-

нако-же и это чистое я, какъ лицо сознающее свою отдѣльность, единичность, самобытность и на этой ступени развитія является чѣмъ-то опредѣленнымъ, т.е. такимъ то я (т.е. такихъ-то лѣтъ, такого-то роста и т.п.). Слѣд. всякое единичное лицо есть лицо опредѣленное и этою уже своею опредѣленностью оно исключаетъ всѣ другія лица, другимъ образомъ опредѣленныя, какъ принадлежности, единичности, отвлекаетъ ихъ отъ себя, сознаетъ себя самостоятельнымъ, самобытнымъ, самосущимъ. Эта опредѣленная, отвлеченная, абстрактная единичность и есть то, что называетъ Гегель личностью, которая потому, какъ отдѣльное, какъ отвлеченное отъ всего, какъ составляющее въ себѣ нѣчто единое цѣлое, является отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ, никому не можетъ быть доступно, является неприкосновеннымъ, святымъ. Лицо, слѣд. свободная воля, въ области абстрактнаго, формальнаго права хочетъ свободы, какъ свободной воли, которой объектъ, предметъ, во что влагаетъ онъ свою свободную волю, есть то, что называется вещью, какъ внѣшнею вещью, т.е. какъ частью внѣшней, видимой природы. Въ области этаго абстрактнаго отвлеченнаго права всякій человѣкъ и только человѣкъ есть потому лицо; все же прочее не есть лицо а есть вещь. Слѣдов. въ области абстрактнаго права субъектъ права есть лицо, какъ опредѣленное лицо, т.е. имѣющее опредѣленныя права, которыхъ объектъ есть вещь. Вещь въ противоположность лицу есть нѣчто неразумное и несвободное и потому-то она есть объектъ для свободы и потому-то свободная воля влагаетъ себя въ вещь, отрицая ея самостоятельность, самобытность, такъ что назначеніе вещи со-

стоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ вложилъ въ нее свою волю, т.е. чтобы онъ сдѣлалъ ее средствомъ для своихъ цѣлей, для выраженія своей воли. Вещь, какъ объектъ является такимъ образомъ служебною для лица, какъ субъекта. Будучи признаваемъ лицомъ проч. людьми, человѣкъ можетъ стать субъектомъ извѣстныхъ опредѣленныхъ правъ, ибо лицо и субъектъ правъ одно и тоже. Личность, какъ способность, какъ свойство лица есть ни болѣе какъ возможность или способность человѣка имѣть субъективныя права, имѣть полномочія, т.е. стать субъектомъ правъ. Въ этомъ смыслѣ и говоритъ Гегель, что личность содержитъ въ себѣ вообще правоспособность и составляетъ основу абстрактнаго или формальнаго права, въ смыслѣ правоспособности, способности къ праву, способности стать субъектомъ извѣстн. опредѣленныхъ правъ, такъ что личность съ точки зрѣнія формальнаго, абстрактнаго права, и есть ничто иное какъ правоспособность. Слѣд. правоспособность есть общее всѣмъ людямъ, какъ лицамъ, свойство, ибо всѣ люди суть ничто иное какъ разумныя свободныя существа, которыя разумную свободу и выражаютъ внѣшнимъ образомъ въ вещахъ, которые имѣютъ свою собственную личность, правоспособность, такъ что всѣ люди суть лица. Отсюда слѣдуетъ такое основное положеніе, или такой основной законъ, какъ верховный законъ, изъ котораго истекаютъ всѣ прочія юридическія законы: будь лицомъ разумнымъ, свободнымъ существомъ, которое свою свободу выражаетъ въ вещахъ, во внѣшнемъ мірѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уважай всѣхъ др. другихъ людей какъ лицъ, т.е. не обращай вниманія на ихъ особенности въ какомъ-нибудь

родъ, на ихъ záсмри, составляющія ихъ особенное содержаніе, - уважай человѣка какъ личность, слѣдов. считай его также точно святымъ и неприкосновеннымъ, недоступнымъ какъ онъ самъ святъ, недоступенъ и неприкосновененъ для всѣхъ другихъ лицъ.

Итакъ всякій человѣкъ есть лицо или разумное и свободное существо и слѣдоват. всякій человѣкъ есть лицо или правоспособное существо, хотя-бы онъ самъ не могъ осуществить на дѣлѣ своей правоспособности, выразить его во внѣ. Такъ, сумасшедшій, малолѣтній, хотя и не могутъ выразить своей воли во внѣ, но онѣ суть также правоспособныя существа. Онѣ отличаются отъ другихъ лицъ, также правоспособныхъ, тѣмъ что въ нихъ нѣтъ дѣеспособности, т.е. что онѣ не могутъ выразить своей правоспособности, вслѣдствіе присущаго имъ недостатка, (вслѣдствіе неразвитія разума и свободной воли въ малолѣтнихъ, вслѣдствіе отсутствія разума и свободной воли у сумасшедшихъ). Такимъ образомъ не должно смѣшивать того, что называется правоспособностью съ тѣмъ что называется дѣеспособностью. Всѣ люди правоспособны и въ этомъ смыслѣ равноправны, т.е. всѣ могутъ быть субъектами правъ, хотя не всѣ имѣютъ дѣеспособность. Абстрактному праву нѣтъ дѣла до особенныхъ интересовъ, пользъ и благъ человѣка, какъ нѣтъ дѣла и до особенной основы самоопредѣленія воли, т.е. до его разумѣнія, до его намѣренія и т.п.. Мало того, абстрактное или формальное право есть только еще возможность и слѣдов. въ этомъ смыслѣ есть ни болѣе какъ одна форма, есть абстрактность, отвлеченность, а не субъективность. Въ абстрактномъ правѣ возможность, способность, какъ правоспо-

собность, значить бытіе, имѣющее значеніе, и небытія, ибо возможность значитъ, что что нибудь можетъ б. и можетъ и не быть. Поэтому абстрактное или формальное право даетъ только дозволеніе или полномочіе какъ субъективное право, такъ что нѣтъ абсолютной необходимости для лица пользоваться этимъ своимъ полномочіемъ, преслѣдовать свое право въ области абстрактнаго или формальнаго права. Вслѣдствіе той-же самой своей абстрактности, необходимость этого права ограничивается только отрицаніемъ, т. е. все, что требуется абстрактнымъ правомъ отъ лица — это только отрицательная дѣятельность, а именно, не нарушать личности другихъ лицъ и всего того, что вытекаетъ необходимо, какъ послѣдствіе, какъ раскрытіе этой личности, т. е. заключающееся въ ея содержаніи. Поэтому есть только правныя запрещенія, но нѣтъ правныхъ положительныхъ повелѣній, такъ что абстрактное право только запрещаетъ, а не повелѣваетъ. Иногда впрочемъ, намъ кажется, что будто-бы право что нибудь повелѣваетъ. Это бываетъ тогда, когда право, въ смыслѣ юридическаго закона, выражается въ положительной формѣ (напр. говоритъ: дѣлать то-то и пр.). Но положительная форма выраженія еще нисколько не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ право что-нибудь предписывало, ибо всякое выраженіе юридич. закона, хотя по формѣ являющееся повелѣніемъ, по внутреннему своему содержанію есть ни болѣе какъ запрещеніе. Нужно разоблачить эту форму, чтобы увидѣть, что въ корнѣ всегда лежитъ запрещеніе.

Формальное или абстрактное право діалектически развивается во 1, въ выраженіи, которое есть сущность, какъ выражается Гегель; во 2, въ договорѣ, въ 3, въ неправѣ. Подъ именемъ выраженія, которое есть сущность, Гегель понимаетъ все вещное право, т. е. совокупность всѣхъ юридическ. законовъ, которыми опредѣляется прямое, непосредственное отношеніе лица къ вещи или вещныя права, а не только то, что называется юридическою личностью слѣдов., сюда принадлежатъ всѣ права чужой вещи (право на пользованіе, на употребленіе чужой вещи). Далѣе, къ этой же ступени относитъ Гегель все такъ назыв. обязательственное право (а не только договорное), т. е. всѣ права, основанныя и на договорѣ и на чемъ нибудь другомъ, что ведетъ къ связи между лицами, называемой обязательствомъ (obligatio), — той связи, при которой одно опредѣленное лицо имѣетъ право на опредѣленныя дѣянія другаго лица (напр. если я покупаю что нибудь, то, какъ покупщикъ, я имѣю право на то, чтобы мнѣ была отдана вещь, а продавецъ имѣетъ право на то, чтобы я заплатилъ деньги). Но кромѣ договоровъ есть и другіе источники обязательствъ, напр. преступленія. Такъ напр. воровство, кража, есть преступленіе, которое ведетъ за собою уголовное наказаніе; но кража вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и къ обязательству, такъ какъ укравшій вещь долженъ ее возвратить или заплатить ея цѣну если эта вещь пропала и вознаградить хозяина за убытки. Къ неправу Гегель относитъ всякое неправо: 1, гражданское неправо или неправду, и во 2, то, что назыв. полицейскимъ неправомъ и въ 3, то, что называется уголовнымъ неправомъ или уголов-

Лит. Ант. Степановой въ Садовая ул. д. № ...

ною неправдою.

4. 1, Выраженіе, которое есть сущность. Лицо не можетъ оставаться и не остается, какъ единичность, какъ единичная субъективная свободная воля, сознавая, что его свобода требуетъ внѣбытія, существованія, пубытія. Это существованіе, какъ осуществленіе въ дѣйствительности своей субъективной свободы даетъ себѣ лицо въ предметномъ, непосредственно существующемъ мірѣ т.е. въ природѣ. Такъ какъ лицо есть непосредственная свободная воля, то оно должно имѣть выраженіе также непосредственно. Оно и получаетъ его, т.е. выражаетъ свою свободу непосредственно во внѣшнихъ вещахъ (какъ внѣшнемъ, предметномъ, объективномъ мірѣ, или природѣ), которыя, будучи сами по себѣ неразумными и несвободными существами, могутъ быть объектомъ (а не субъектомъ) правъ лица, какъ единичнаго и единственнаго, ихъ субъекта. Природа, можно сказать, безправна относительно лица, какъ духа, и духъ, какъ свободное лицо, имѣетъ право подчинить себѣ природу, влагая въ нее, т.е. во внѣшнія вещи, какъ опредѣленныя частности, какъ индивиды, свое духовное высшее содержаніе т.е. свою свободную волю. Такимъ образомъ лицо приходитъ въ соприкосновеніе съ вещами какъ опредѣленными частями внѣшней природы и въ нихъ осуществляетъ въ дѣйствительности абстрактное, или формальное право. Это осуществленіе въ дѣйствительности права, какъ реализація его есть то, что называется собственно владѣніемъ (possessio) ибо во владѣніи соприкасаются лицо и вещь, но соприкасаются они не только тѣлесно, но и духовно, потому что человѣкъ есть лицо, есть не только тѣлесное, но и духовное существо. Это зна-

чить, что во владѣніи лицо не только удерживаетъ вещь въ своей тѣлесной власти (владѣніе есть удержаніе вещи въ тѣлесной власти, detentio), но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо проявляетъ въ вещи свою свободную волю. Изъ владѣнія происходитъ собственность, ибо собственность есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе владѣнія: лицо усвоиваетъ свою вещь и чрезъ это дѣлаетъ ее такою своею собственностью. Намѣреніе имѣть ее своею (animus sibi habendi) и превращаетъ владѣніе изъ факта въ право, такъ что владѣніе переходитъ въ собственность, какъ право, но отличаясь отъ права владѣнія тѣмъ, что собственность есть результатъ такого отношенія къ вещи, которое признается прочими лицами въ смыслѣ единства лица и вещи въ смыслѣ лица соединеннаго съ вещью, такъ что лицо и вещь въ собственности представляютъ такое соединеніе, вслѣдствіе котораго на вещь переходитъ свойство лица, а именно вещь собственности становится также неприкосновенною, какъ и лицо. Собственность исключаетъ всякое воздѣйствіе на вещь со стороны другихъ лицъ, кромѣ того лица, которое имѣетъ право въ вещи (jus in re), которое имѣетъ вещное право называемое собственностью и которому принадлежатъ вся вообще вещи, вещныя права.

9, Договоры. Непосредственнымъ внѣшнимъ выраженіемъ своимъ (т.е. лица) во внѣшней вещи, какъ своей собственности свободная воля одного лица соприкасается со свободо[ю] другихъ лицъ именно, вслѣдствіе признанія другими лицами этого лица собственникомъ извѣстной опредѣленной вещи, такъ что посредствомъ вещи лицо вступаетъ во взаимныя отношенія къ прочимъ лицамъ. Но такъ какъ прочія лица суть равн

свободныя существа и разумныя, то границы этого соприкосновенія съ другими лицами, границы, предѣлы самой собственности, какъ вещнаго права могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ ихъ волею и ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Такъ устанавливается переходъ вещи, какъ собственной вещи, или переходъ собственности отъ одного лица къ другому, переходъ вообще извѣстныхъ опредѣленныхъ вещныхъ правъ одного лица къ другимъ лицамъ. Свободно собственникъ соглашается на этотъ переходъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ свободно освобождаетъ вещь изъ подъ своей власти съ тѣмъ чтобы по договору, по соглашенію, другое лицо могло сдѣлать эту вещь своею собственностью, имѣть на эту вещь такое вещное право, какое имѣлъ прежній собственникъ. Это-то и совершается въ договорѣ или вообще въ томъ, что называется обязательствомъ (obligatio), при чемъ существуетъ связь лицъ между собою, имѣющая въ виду вещь, которою обусловливается опредѣленное дѣяніе одного лица по отношенію къ другому лицу.

3, Неправо. Соглашеніе или несогласіе единичныхъ свободныхъ волей лицъ, составляющее сущность второй ступени само собою случайно, потому что оно можетъ послѣдовать и можетъ и не послѣдовать. На случайности такого соглашенія, или несоглашенія между лицами основывается возможность неправа, которое выражается вслѣдствіе несогласія между лицами, въ столкновеніи, въ борьбѣ единичныхъ свободныхъ волей лицъ, опредѣленныхъ между собою. Главные виды неправа, или его ступени суть слѣдующ. во первыхъ: невинное неправо или гражданская неправда; 2, обманъ, или полицейская неправда; 3, насиліе, или преступле-

ніе, или уголовная неправда.

а, Невинное неправо. Оно бываетъ тогда, когда изъ многихъ основаній права принадлежащаго одному лицу одно, какое нибудь, основаніе является ошибочнымъ вслѣдствіе безсознательнаго непониманія права, такъ что неправо безсознательно признается однимъ лицомъ за право, а прочія основанія признаются только признаками права. Это бываетъ тогда, когда возникаетъ споръ между лицами, назыв. гражданскимъ споромъ и представляющій предметъ гражданскаго судопроизводства. При такомъ спорѣ граждан, каждое лицо, т.е. каждая изъ сторонъ гражданскаго судопроизводства признаетъ дѣйствіе права, какъ всеобщей воли, но самовольно подводятъ подъ право предметъ спора, не понимая своего неправа.

б, Обманъ. Это бываетъ тогда, когда единичная свободная воля признаетъ право, какъ всеобщую волю юридическимъ закономъ, но за такое право уже вполнѣ сознательно выдаетъ свое неправо, такъ что неправо при этомъ еще сохраняетъ, по крайней мѣрѣ, видъ права такъ какъ обманщикъ признаетъ дѣйствіе права еще не отрицаетъ его, что есть право, не устанавливаетъ прямо вмѣсто него своего неправа, а выдаетъ вмѣсто него свое неправо и такимъ образомъ обманываетъ другихъ лицъ. Такое неправо можно назвать полицейскою неправдою въ томъ смыслѣ что все, что относится къ этой ступени права, слишкомъ односторонне обозначенной Гегелемъ, есть предметъ полицейскаго разбирательства, а не гражданскаго и не уголовнаго судопроизводства.

Наконецъ въ 3, Насиліе и преступленіе. Это есть уголовное неправо какъ предметъ уголовнаго судопроизводства. Оно бываетъ тогда, когда единичная свободная воля лица дѣйствуетъ на-

сильственно, нарушаетъ право; не только не признавая его, не только не отрицая его въ самомъ себѣ, но даже и не сохраняя при своемъ отрицаніи вида права, какъ это бываетъ при обманѣ. Но такъ какъ право не можетъ быть абсолютно отрицаемо, ибо оно есть осуществленіе въ дѣйствительности разумной свободы, то необходимо противопоставить такому отрицанію права, такому неправу, право, т.е. необходимо противъ такого насилія со стороны единичнаго лица, которымъ отрицается право въ самомъ себѣ и замѣняется неправомъ единичнаго лица, необходимо поставить также насиліе, т.е. принужденіе, но уже не со стороны неправомѣрно дѣйствующаго лица, а со стороны всеобщей воли, со стороны права; словомъ, единичной свободной волѣ, отрицающей право, необходимо противопоставить самое право или первое насиліе необходимо уничтожить вторымъ насиліемъ. Вотъ почему все абстрактное или формальное право необходимо соединяется съ принужденіемъ, есть принудительное, однакоже не въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ Кантъ и другіе, что будто-бы принужденіе составляетъ сущность права, какъ повторяютъ даже и теперь многіе юристы, но въ томъ смыслѣ, что принужденіе уже является тогда, когда совершилось неправо и слѣд. оно есть сущность неправа, а неправа, какъ его послѣдствіе, хотя, конечно, въ принужденіи и обнаруживается все могущество права и все ничтожество неправа. Высшая ступень развитія этого насилія, этого принужденія со стороны права, которымъ уничтожается неправо, которымъ выражается его несостоятельность, безсиліе и которымъ возстановляется сила [illegible]

ственныхъ правъ и есть то, что называется карою, наказаніемъ за преступленіе. Слѣдов., въ этомъ смыслѣ наказаніемъ отрицается отрицаніе права и слѣдов. возстановляется нарушенное право въ прежнемъ смыслѣ, качествѣ, какое оно имѣло до нарушенія [illegible] лучше сказать, воздается честь самому [illegible]ву, какъ это признаютъ даже величайшіе преступники. Нерѣдко случается, что сами преступники открываютъ свое преступленіе, не смотря на то что они могли-бы его скрыть и подвергаютъ себя добровольно наказанію, выражая тѣмъ самымъ, что преступленіе, какъ отрицаніе права, ничтожно, безсильно и требуя такимъ образомъ для примиренія своей единичной воли, нарушившей всеобщую волю, наказанія какъ возстановленія права.

Въ неправѣ во всѣхъ ступеняхъ его діалектическаго развитія слѣд. въ неправѣ вообще единичная свободная, воля обособляется отъ всеобщей воли а, обособившись такимъ образомъ, она перестаетъ существовать во внѣшности, во внѣшнихъ вещахъ, во внѣшней природѣ, въ сферѣ, въ области объективнаго предметнаго права, а становится существующею внутреннимъ образомъ въ самомъ объектѣ свободной воли, какъ обособленной отъ всеобщей воли. Единичная свободная воля достигаетъ въ неправѣ до сознанія своей обособленности, а именно, она хочетъ, желаетъ тогда только самой себя, только внутренней формы своей свободы, свободы внутри себя, хочетъ опредѣлить себя только изъ себя самой, погружась въ саму себя. Такое обособленіе единичной свободной воли выводитъ ее такимъ образомъ изъ сферы, области абстрактнаго формальнаго права ко внѣшнему существованію свободы и возводитъ ее на высшую сту-

ней, область, а именно въ область внутренней, субъективной свободы, въ область внутренняго существованія свободы, во внутренній міръ, въ міръ субъективный, словомъ, — въ область морали. Такъ переходитъ Гегель отъ абстрактнаго или формальнаго права ко второй главной ступени развитія права, а именно къ морали или моральности, т. е. собственно къ нравственности. И такъ,

Вторая ступень. Мораль или собственно нравственность. Единичная свободная воля, которая достигла въ неправѣ до сознанія своей силы опредѣлять изъ себя самой чисто какъ субъекта, и становится такимъ субъектомъ самимъ по себѣ, перестаетъ быть уже лицомъ, какимъ была единичная свободная воля въ абстрактномъ формальномъ правѣ, когда она опредѣлялась всеобщею волею, и здѣсь въ области морали свободная воля знаетъ, хочетъ только саму себя, обособляясь слѣдов. отъ всего внѣшняго для нея и въ этомъ смыслѣ она есть особенная или субъективная воля, есть субъектъ. Другими словами: до сихъ поръ въ области формальнаго или абстрактнаго права человѣкъ дѣйствовалъ какъ лицо съ правомъ на вещь, какъ часть внѣшней природы, а въ области морали человѣкъ начинаетъ дѣйствовать какъ субъектъ, сознавая равенство между своимъ внутреннимъ самоопредѣленіемъ изъ самого себя, изъ самой своей воли, какъ свободной воли, между осуществленіемъ своей свободы внутри себя съ одной стороны и между осуществленіемъ своей свободы внѣ себя, во внѣшнемъ объективномъ мірѣ съ другой стороны, такъ что здѣсь уже вслѣдствіе такого равенства является противоположность между субъектомъ съ одной стороны и объектомъ,

которая (противоположность) непосредственно была слита въ абстрактномъ формальномъ правѣ, когда субъектъ и объектъ сливались, когда лицо и вещь составляли единство, составляли то, что называется личностью, которая въ своемъ единствѣ была признана неприкосновенною, недостигаемою со стороны другой воли.

Въ области морали необходимо устанавливаются слѣдующія ступени діалектическаго развитія: во 1, умыселъ или обдуманность и вина; во 2, намѣреніе и благо и въ 3, добро и совѣсть.

1, Умыселъ или обдуманность и вина. Видимый объектъ, предметъ существуетъ независимо, конечно, отъ свободной воли, непосредственно первоначально хотя всякое дѣйствіе субъекта, какъ внѣшнее выраженіе свободной воли, есть ничто иное какъ совокупность перемѣнъ, измѣненій, произведенныхъ человѣкомъ, субъектомъ во внѣшнихъ вещахъ. Однакоже вслѣдствіе того, что предметы, объекты непосредственно первоначально существуютъ независимо, - вслѣдствіе такой независимости всей внѣшности относительно субъекта, всего объективнаго въ отношеніи къ субъективной волѣ, внѣшность (это объективное) можетъ измѣнить то, что первоначально, непосредственно заключается въ дѣяніи человѣческомъ, такъ что на самомъ дѣлѣ можетъ произойти отъ дѣянія человѣка не то измѣненіе, не та перемѣна въ объектѣ, въ вещи, во внѣшности, какую онъ хотѣлъ произвести. Поэтому человѣкъ можетъ и не признать всякой вообще перемѣны, совершившейся, хотя-бы и вслѣдствіе его дѣянія, но такъ, что этого совершенія онъ не хотѣлъ, - не признать всякаго дѣла своимъ дѣломъ, своимъ дѣяніемъ. Но чело-

вѣкъ можно признать и въ самомъ дѣлѣ признаетъ единственно только то, изъ цѣлаго этого дѣла, изъ всей совокупности произведенныхъ свободною волею чувственныхъ перемѣнъ во внѣшности своимъ собственно дѣломъ только то, о чемъ онъ зналъ напередъ, чего онъ ожидалъ какъ послѣдствія своего дѣянія. [illegible] обдуманность. Только то, что человѣкъ имѣлъ въ умыслѣ, что онъ замышлялъ, что онъ обдумывалъ, чего онъ ожидалъ какъ результата своего дѣйствія, человѣкъ вмѣняетъ себѣ въ вину, а все прочее въ совокупности, въ единичныхъ, всѣхъ чувственныхъ перемѣнъ, совершившихся послѣ его дѣянія онъ признаетъ не своимъ, отъ себя независимымъ и не вмѣняетъ себѣ въ вину.

2. Намѣреніе и благо. Совершая какое-нибудь дѣяніе и обнаруживая въ немъ свою собственную волю, человѣкъ имѣетъ въ виду не только произведеніе во внѣшности тѣхъ или другихъ чувственныхъ перемѣнъ отъ своего дѣянія въ единичности, но и общее качество этихъ перемѣнъ, т.е. нѣчто такое, что придаетъ всѣмъ этимъ перемѣнамъ въ ихъ существѣ, какъ одному цѣлому, особенное значеніе, такъ что его дѣяніе является такимъ образомъ съ особеннымъ характеромъ, значеніемъ. Человѣкъ, совершающій напрім. кражу, имѣетъ въ виду то качество, которое обозначается словомъ кража, т.е. всю совокупность, всю цѣлость чувственныхъ перемѣнъ, производимыхъ его дѣяніемъ. Въ составъ кражи входятъ многія чувственныя перемѣны, составляя одно дѣяніе, которое можетъ быть названо кражею. Точно также убійство есть качество единаго цѣлаго, всѣхъ перемѣнъ совершенныхъ убійцею и т.п.. Субъекту, какъ разумному свободному существу, свойственно

знать объ этомъ общемъ качествѣ и хотѣть его при совершеніи своего дѣянія. Это значитъ, что человѣку, какъ субъекту, свойственно дѣйствовать съ извѣстнымъ опредѣленнымъ намѣреніемъ, равнымъ образомъ ему свойственно и относить такое свое дѣяніе, которое обозначается общимъ качествомъ, выражающимъ одно цѣлое единство всѣхъ производимыхъ чувственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, — относить такое свое дѣяніе къ самому себѣ, т.е. чтобы оно не было ему чужимъ, а чтобы оно состояло въ связи съ его собственными потребностями, интересами, цѣлями, чтобы оно доставляло ему удовольствіе, словомъ, чтобы оно способствовало той окончательной цѣли всѣхъ цѣлей, которая называется благомъ или счастіемъ, ибо это благо, счастіе, и имѣетъ въ своемъ намѣреніи человѣкъ какъ окончательный результатъ своихъ дѣяній.

5. Третья и послѣдняя ступень діалектическаго развитія морали обозначается Гегелемъ какъ добро и совѣсть. Между самымъ дѣяніемъ, поступкомъ, который совершаетъ субъектъ съ намѣреніемъ, желаніемъ себѣ добра, блага, счастья съ одной стороны и съ самымъ желаніемъ блага, которое разсматривалось на второй ступени діалектическаго развитія морали и между всеобщею волею, т.е. правомъ въ абстрактномъ формальномъ смыслѣ этого слова или правомѣрностью этого дѣянія, поступка легко можетъ встрѣтиться противорѣчіе. Благо, счастіе не имѣетъ того общаго нравственнаго достоинства, которое свойственно праву, ибо благо, счастіе есть благо, счастіе личнаго субъекта, а право

:сть выраженіе всеобщей воли. Съ другой стороны право не имѣетъ въ виду блага, счастія единичнаго человѣка, какъ субъекта. Въ этомъ отношеніи и можетъ встрѣтиться между ними противорѣчіе. Но оба эти понятія, т. е. благо или счастіе, примиряются, приходятъ къ единству по закону діалектическаго самодвиженія, соединяясь въ высшемъ понятіи, а именно въ понятіи добра всеобщаго, абсолютнаго, т. е. самого по себѣ и для себя, а именно, когда особенная воля единичнаго субъекта, хочетъ этого именно добра какъ своего блага, счастія и когда, въ виду этой цѣли, направляетъ всю свою дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, то, или другое своё дѣяніе, поступокъ, ибо тогда дѣяніе имъ совершаемое, имѣетъ общее нравственное достоинство, свойственное уже праву какъ всеобщей волѣ.

Это, примиреніе этихъ двухъ понятій блага, счастія и всеобщей воли или абсолютнаго добра имѣетъ свои ступени. <u>Первая ступень</u> такого примиренія, какъ единенія, составляетъ то, что называется <u>добродѣтелью</u> въ смыслѣ согласія, гармоніи между желаніемъ субъекта и его побужденіемъ къ извѣстнымъ дѣяніямъ, поступкамъ съ одной стороны и между требованіемъ, разума съ другой стороны. Это требованіе разума состоитъ, въ томъ, чтобы абсолютное добро было благомъ, добромъ, счастіемъ единичнаго субъекта. Но желаніе, побужденіе субъекта можетъ и противорѣчить разуму и слѣдовательно идеѣ добра. Для того, чтобы желаніе субъекта было въ согласіи, въ гар-

моніи съ разумомъ, слѣдовательно съ идеей абсолютнаго добра, субъектъ долженъ дѣйствовать по долгу, т.е. такъ, чтобы добро, какъ идея добра, имѣла для него значеніе долга. И такъ, вторая ступень есть примиреніе, какъ единеніе блага и счастія единичнаго субъекта и идеи добра какъ всеобщей воли въ понятіи долга. Но долгъ, служащій побужденіемъ человѣка къ дѣятельности, есть нѣчто абстрактное, отвлеченное, а именно, есть абстрактное, отвлеченное требованіе отъ него, такъ что если субъектъ будетъ дѣйствовать по одному только долгу, то не будетъ вовсе никакой связи между имъ самимъ съ одной стороны и между этимъ добромъ, какъ долгомъ, въ которомъ выражается всеобщая воля, а также, между ими съ одной стороны и между благомъ, счастіемъ субъекта, которое онъ имѣетъ въ виду при совершеніи своего поступка, дѣянія. Дабы благо, счастіе было на самомъ дѣлѣ возможно, дабы оно было не абстрактнымъ, не отвлеченнымъ понятіемъ, а было-бы дѣйствительнымъ и дабы долгъ пересталъ быть абстрактнымъ требованіемъ разума, пересталъ имѣть пустую, безсодержательную форму, а получилъ-бы живое, конкретное, опредѣленное содержаніе, необходимо возвратиться къ побужденію человѣка, къ дѣянію и на немъ основываться при совершеніи дѣянія, т.е. нужно сдѣлать идею добра, эту всеобщую волю, побужденіемъ своей единичной воли при совершеніи своего поступка. И такъ, третья ступень: примиреніе, единство блага, счастія единичнаго человѣка и всеобщей воли

Но въ противоположность абсолютному добру или благу субъективная воля сама по себѣ, по своему существу (потому что она субъективна, потому что она обособлена отъ всего внѣшняго) можетъ опредѣлить, что ей слѣдуетъ признать благомъ, добромъ и что зломъ; слѣдовательно рѣшеніе того что есть добро или какое побужденіе есть къ добру и что есть зло и какое побужденіе есть ко злу зависитъ въ области морали единственно отъ того, что называется субъективностью, субъективнымъ, т.е. отъ моральнаго чувства, сознанія и убѣжденія даннаго субъекта. Субъективная воля хочетъ, конечно, добра, но только добра, которое таковымъ добромъ признаетъ данный единичный субъектъ, т.е. не объективнаго добра, не добра самого по себѣ или идеи добра, въ которой выражается всеобщая воля, а субъективнаго добра, согласнаго съ его единичною волею, какъ единичнаго добра. Вслѣдствіе такой зависимости блага въ области морали отъ субъекта это благо можетъ перейти и въ самомъ дѣлѣ переходитъ во зло. Дабы добро имѣло всеобщую и вслѣдствіе этого прочную силу, какъ основу независимую отъ субъекта, какъ объективную основу, оно должно утверждаться на такомъ нравственномъ чувствѣ, сознаніи, убѣжденіи, которое было-бы общимъ всѣмъ людямъ. На такую ступень развитія своего осуществленія практическая идея восходитъ уже въ высшей области, а именно, въ области нравственности или нравственной общественной жизни. Такъ именно переходитъ Гегель логически отъ морали къ нравственности. Итакъ

Третья и послѣдняя ступень діалектическаго развитія объективнаго, практическаго духа или права въ обширномъ смыслѣ есть нравственность или нравственная общественная жизнь, какъ нравственность, выражающаяся именно въ этой общественной жизни. Ученіе о ней есть потому третья и послѣдняя ступень философіи объективнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, нравственность есть единеніе единства и объективнаго, внѣшняго, всеобщаго, (что, какъ мы видѣли, свойственно абстрактному или формальному праву, праву въ собственномъ смыслѣ слова) и субъективнаго, внутренняго, особеннаго (что, какъ мы видѣли, свойственно морали). Слѣдовательно, нравственность есть единство собственно права, т. е. первой главной ступени діалектическаго развитія объективнаго духа, и собственно морали, какъ второй ступени его развитія. Слѣдоват., нравственность и есть третья и послѣдняя ступень діалектическаго развитія объективнаго духа въ этомъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ области нравственности вполнѣ уже развивается, раскрывается свободная воля, какъ воля разумная и вполнѣ осуществляется она въ дѣйствительности, т. е. вполнѣ реализируется ея понятіе, какъ понятіе разумной, свободной воли, что въ этой области вполнѣ развивается понятіе, идея добра, какъ реализированное понятіе добра, такъ что въ этой области мыслимое понятіе добра (это внутреннее) реализируется во внѣшности, во внѣшнемъ, нравствен-

номъ мірѣ, т.е. въ людскихъ нравствен-
ныхъ общественныхъ союзахъ и вмѣстѣ
съ тѣмъ оно реализируется, не углу-
бляясь внутрь себя, какъ единичная во-
ля субъекта. Въ области нравственности
вполнѣ реализируется то, что состав-
ляетъ свойство абстрактнаго, формаль-
наго права съ одной стороны и свойство
морали съ другой стороны, такъ что
нравственная свобода, какъ разумная
свобода, существуетъ въ области нрав-
ственнаго общежитія, нравственныхъ,
общественныхъ, союзовъ и какъ объектив-
ная и какъ субъективная, а не только
какъ объективная (какъ она проявляет-
ся въ правѣ) и не только какъ субъектив-
ная (какъ она проявляется въ морали),
а въ единеніи. Слѣдовательно, нравствен-
ность есть вполнѣ реализированное
понятіе разумной свободы. Такъ какъ
реализированное понятіе есть идея, то
слѣдовательно, нравственность есть идея
свободы, какъ разумной свободы. Вотъ
почему право и мораль вполнѣ опредѣ-
ляются въ этой общественной жизни,
т.е. опредѣляется, что долженъ дѣлать
человѣкъ и чего не долженъ, а именно
это опредѣляется велѣніями разума,
которыя считаются, въ этомъ смыслѣ
нравственными въ обширномъ смыслѣ
или этическими законами, какъ за-
конами для всей нравственной обще-
ственной жизни человѣка, какъ семья-
нина, какъ гражданина и какъ чле-
на государства. Поэтому эти велѣнія
разума или эти нравственные въ об-
ширномъ смыслѣ или этическіе законы
не называются уже только абстракт-
ными требованіями, которыя должны быть

приведены въ исполнение, не остаются однимъ только абстрактнымъ, какъ-бы внутреннимъ духомъ, какъ онѣ остаются въ области морали, а напротивъ, эти нравственныя велѣнія влекутъ съ тѣмъ и реализируются и осуществляются въ дѣйствительности, а именно въ нравственной общественной жизни. На вопросъ о томъ, что нужно дѣлать и чего не дѣлать вы не найдете отвѣта ни въ абстрактномъ правѣ, ни въ ученіи о морали, а найдете такой отвѣтъ въ ученіи о нравственности. Мы увидимъ, что нравственность въ общественной жизни развивается по слѣдующ. тремъ ступенямъ: какъ нравственность въ семействѣ, какъ нравственность въ гражданскомъ обществѣ и какъ нравственность въ государствѣ. Сообразно этому, въ области нравственности вы найдете такой отвѣтъ на поставленный вопросъ: будьте добрымъ членомъ семейства, гражданскаго общества и государства. Если вы это сдѣлаете, то исполните требованіе нравственнаго закона. Такимъ образомъ нравственный законъ осуществляется въ дѣйствительности, а именно, въ семействѣ, въ гражданскомъ обществѣ и государствѣ. Для уясненія этого Гегель напоминаетъ изреченіе одного изъ греческихъ философовъ, который, будучи спрошенъ, какъ воспитывать сына чтобы онъ былъ добрымъ человѣкомъ, отвѣчалъ: воспитывай его такъ, чтобы онъ былъ хорошимъ членомъ государства (это высшее требованіе нравственности, высшее осуществленіе идеи добра, какъ нравственной идеи) и тогда онъ будетъ добрымъ человѣкомъ.

Правда, нравственные законы, велѣнія разума, имѣющія въ виду эту идею добра представляются въ этой сферѣ нравственности, въ этихъ нравственныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ, только какъ нѣчто объективное, но онѣ не остаются таковыми только одно-

стороннѣ объективными, потому что онѣ, будучи нравственными требованіями объективнаго нравственнаго міра (семьи, гражданскаго общества и государства) осуществляются не иначе какъ посредствомъ субъективной воли, которая находитъ въ этихъ нравственныхъ законахъ свою собственную сущность, понятіе, разумность, находитъ, что эти законы въ этой области, сферѣ, адекватны, согласны съ ея истинною свободою и потому субъективная воля исполняетъ эти нравственные законы не какъ абстрактный долгъ, а совершенно добровольно, совершенно сознательно, какъ свои собственные субъективные законы, согласные съ идеею добра. Содержаніе этихъ нравственныхъ законовъ есть ничто иное какъ идея добра. Это содержаніе раскрывается въ нравственной общественной жизни, которая представляетъ собой соединеніе, союзъ многихъ лицъ, субъектовъ, какими единичная воля являлась въ области права и въ области морали. Такимъ образомъ нравственная общественная жизнь или людской общественный союзъ основывается частью на томъ, что есть внѣшняя необходимость, частью на внутреннемъ, свободномъ убѣжденіи лицъ или субъектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не отъ насъ зависитъ родиться и не родиться, а съ этимъ рожденіемъ быть членомъ союза. Основаніе семейства есть съ одной стороны слѣдствіе физической необходимости, основанной на половомъ влеченіи, котораго результатъ есть рожденіе дѣтей, а съ другой стороны семейство есть результатъ и внутренняго, свободнаго убѣжденія лицъ, субъектовъ, т. е. оно основывается на томъ чувствѣ любви, которое въ семействѣ восходитъ отъ физическаго половаго влеченія до любви не физической, нравственной любви, которая въ супружескомъ союзѣ является еще тождественною съ физическимъ половымъ влеченіемъ, но которая въ результатѣ супру-

жескаго союза, а именно въ дѣтяхъ является уже чисто нравственною какъ по отношенію къ родителямъ, такъ и въ отношеніи ихъ между собою, гдѣ является уже нравственная любовь, основанная на свободномъ побужденіи лицъ, на свободной привязанности, ибо иначе семейный союзъ не могъ-бы существовать, не могъ-бы реализировать идею добра, т.е. не могъ-бы быть нравственнымъ, общественнымъ союзомъ. Въ составѣ нравственнаго, общественнаго союза каждое лицо или каждый субъектъ есть отдѣльное разумное, свободное существо, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть и членъ живаго нравственнаго члена этого союза, какъ чего-то объективнаго, такъ что субъектъ и объектъ соединяются.

Главныя ступени діалектическаго развитія нравственной общественной жизни или нравственныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, по Гегелю, суть во 1, семейство, во 2, гражданское общество и въ 3, государство.

1, Семейство есть абсолютное добро, какъ идея самаго по себѣ, осуществляемаго самымъ непосредственнымъ, естественнымъ, природнымъ образомъ въ субъективномъ чувствѣ любви между супругами, вслѣдствіе только физическаго полового влеченія, но возвышающейся въ нравственную привязанность, какъ ту дружбу, которая въ особенности проявляется тогда, когда пылъ юности уже исчезнетъ и на мѣсто его является то полное единство всего физическаго и нравственнаго существованія между супругами, которое составляетъ сущность истиннаго супружества. Здѣсь лица или субъекты перестаютъ быть отдѣльными, а чувствуютъ себя въ единствѣ съ другими субъектами и составляютъ съ ними одно цѣлое, одинъ нравственный союзъ, который называется семейнымъ союзомъ или семействомъ. Семей-

ство, по Гегелю, діалектически развивается по слѣдующ. тремъ ступенямъ. Во 1, основа всякаго семейства есть супружескій союзъ. Здѣсь два лица или субъекта различнаго пола доразумѣваются въ чувствѣ взаимной любви, какъ любви возвышающейся надъ физическ. любовью и переходящей въ нравственную любовь, единое цѣлое, отказываясь отъ физической индивидуальности и возвышаясь нравственно въ одинъ индивидъ, какъ отдѣльное семейство. Во 2, для своего существованія семейство имѣетъ нужду въ имуществѣ, какъ и всякій отдѣльный индивидъ, ибо семейство есть также индивидъ, но только внѣшній. Но такъ какъ это имущество есть имущество семейства, которымъ (имуществомъ) удовлетворяются его субъективныя потребности, то это имущество въ семействѣ, какъ нравственномъ союзѣ, перестаетъ быть только простымъ абстрактнымъ, формальнымъ, правомѣрнымъ, какимъ оно было въ области формальнаго права. Въ 3, единство супруговъ основанное на чувствѣ любви, получаетъ свое выраженіе, внѣшнее бытіе, тубытіе въ дѣтяхъ, какъ естественномъ результатѣ, послѣдствіи этой любви. Поэтому родители любятъ своихъ дѣтей какъ продолженіе своего собственнаго существованія, любятъ въ нихъ свое будущее, какъ бы то, что обезсмерчиваетъ ихъ существованіе. Вотъ почему дѣти никогда не могутъ любить своихъ родителей такъ, какъ родители любятъ своихъ дѣтей, такъ какъ въ родителяхъ дѣти любятъ свое прошедшее, тогда какъ въ дѣтяхъ родители любятъ свое будущее, а будущее свое человѣкъ любитъ больше, нежели свое прошедшее и даже настоящее. Родители не только даютъ своимъ дѣтямъ существованіе, но, вслѣдствіе своей любви, даютъ имъ нравственное существо-

зание; нравственное бытіе посредствомъ воспитанія. Съ теченіемъ времени дѣти возрастаютъ и получаютъ большую самостоятельность, вслѣдствіе чего они въ свою очередь основываютъ новыя семейства. Такія новыя семейства отдѣляются отъ прежняго семейства и въ этомъ отдѣленіи выражается ихъ самостоятельность. Между тѣмъ какъ родители умираютъ, вслѣдствіе чего первоначальное семейство разрушается, являются новыя семейства, между которыми вначалѣ замѣчается отблескъ, отраженіе первоначальной любви между первыми супругами и любви ихъ дѣтей; но по мѣрѣ удаленія такихъ семействъ по степени родства между ними замѣчается уже меньше любви и они являются уже вполнѣ самостоятельными. Эта самостоятельность и есть основа новой, высшей ступени развитія нравственной общественной жизни, которая называется гражданскимъ обществомъ. Такимъ образомъ на основаніи разрушеннаго семейства является гражданское общество. Такъ переходитъ Гегель отъ семейства къ гражданскому обществу.

2. <u>Гражданское общество</u>. Члены разрушеннаго семейства получаютъ самостоятельность, существуютъ какъ отдѣльныя лица и субъекты и въ своемъ существованіи они имѣютъ также свои особенныя субъективныя потребности, интересы, цѣли; но въ то-же время каждый изъ нихъ необходимо находится и въ отношеніи къ другимъ лицамъ и субъектамъ, потому что каждый изъ нихъ не иначе можетъ достигнуть своихъ цѣлей, удовлетворить своимъ субъективнымъ потребностямъ, интересамъ, какъ при посредствѣ другихъ лицъ, другихъ субъектовъ. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ, дѣйствуя какъ-бы для своихъ только собствен-

ствующихъ цѣлей, необходимо въ то-же время [illegible] и для цѣлей всѣхъ другихъ лицъ, для ихъ общей цѣли. Отсюда между отдѣльными лицами и субъектами образуются взаимныя отношенія, взаимная зависимость, взаимная солидарность, взаимная общественная связь. При такой общей имъ цѣли, какъ совокупности всѣхъ ихъ цѣлей, соединяющей самостоят. лица и субъекты внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое, [illegible] этой ступени является какъ-бы потерянною изъ виду, изъ сознанія лицъ и субъектовъ идея добра. Преслѣдуя свои цѣли, они не думаютъ объ общей идеѣ добра. Но хотя они и теряютъ изъ виду эту идею, но солидарностью своихъ цѣлей они соединяются въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, идея добра является здѣсь только какъ общая совокупная цѣль всѣхъ членовъ общества. Такое соединеніе всѣхъ общихъ цѣлей, какъ совокупность всѣхъ цѣлей всѣхъ субъектовъ и лицъ этого общественнаго союза и есть свойство, есть существенная принадлежность такого людскаго общественнаго союза, который наз. гражданскимъ обществомъ. На этой ступени добро, какъ общая цѣль, служитъ, по крайней мѣрѣ безсознательною связью, соединяющего членовъ гражданскаго общества въ одно цѣлое. Но эта общая цѣль въ гражданскомъ обществѣ не есть еще одна общая, абсолютная, безусловная, безотносительная, [illegible] цѣль, а есть не болѣе какъ совокупность тѣхъ или другихъ цѣлей лицъ и субъектовъ, а [illegible] есть только относительно общая цѣль, какъ соединеніе единичныхъ цѣлей членовъ гражданскаго общества или [illegible]. Истинная общая цѣль, какъ цѣль уже абсолютная, безусловная, проявляется уже въ государствѣ.

3. Государство. Государство есть единеніе или единство семейства, какъ первой ступени и гражданскаго общества, какъ второй ступени нравственной, общественной жизни, ибо въ государствѣ соединяются основы того и другаго общественнаго союза. Основы эти состоятъ, какъ мы видѣли, для семейства — въ чувствѣ любви, скрѣпляющей членовъ этого союза, а для гражданскаго общества — въ самостоятельности лицъ, дѣйствующихъ въ немъ. Такое единеніе членовъ союза, которое является въ семействѣ въ видѣ чувства любви, соединяетъ и членовъ государства въ видѣ любви къ отечеству, въ видѣ патріотизма или дружелюбія, какъ согласія, гармоніи между членами государства; но при этомъ вовсе не вредитъ самостоятельности отдѣльныхъ лицъ или субъектовъ, какъ составляющихъ основу гражданскаго общества. Такимъ образомъ государство есть именно третья ступень развитія нравственной и общественной жизни, потому что въ немъ соединяются абсолютныя по видимому противоположности, каковы чувство любви и самостоятельности. Далѣе, нравственность въ государствѣ, т.е. нравственная общественная жизнь достигаетъ высшаго развитія; потому что государство есть наивысшая, самая послѣдняя ступень діалектическаго развитія, именно нравственной, общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ нравственное единеніе между людьми утверждается на признаніи самого государства всѣми членами гражданскаго общества, всѣми гражданами общею для себя разумною цѣлью, т.е. на признаніи что единственно только государство даетъ прочную опору какъ всей общественной жизни такъ и всей частной жизни, потому что государство осуществляетъ абсолютную, всеоб-

цую цѣль человѣческую, всеобщую абсолютную идею, какъ цѣль всѣхъ и каждаго или именно нравственную идею, т.е. идею добра. Въ этомъ смыслѣ государство есть само идея добра, какъ реализація добра, есть нравственная идея, но уже достигнувшая полнаго сознанія себя самой или, какъ выражается Гегель, государство есть дѣйствительность, есть нравственный духъ, какъ открытая ясно для всѣхъ свободная воля, сознающая себя и приводящая въ исполненіе то самое, что она сознаетъ и притомъ такъ, что въ государствѣ всеобщее, субстанціальное, т.е. объективная, свободная воля состоитъ въ единствѣ и с субъективн. свободною волею всѣхъ единичныхъ индивидовъ, какъ членовъ государства. Слѣдоват. государство есть самое высшее осуществленіе въ дѣйствительности свободы, чего и требуетъ именно разумъ, ибо абсолютная цѣль разума и состоитъ именно въ томъ чтобы свобода была дѣйствительною, такъ какъ все разумное - дѣйствительно и наоборотъ все дѣйствительное - разумно (эта мысль лежитъ въ основѣ всей философской системы Гегеля). Поэтому свобода, какъ разумная свобода, и вмѣстѣ съ тѣмъ, как дѣйствительная свобода, есть конечная, верховная цѣль государства въ этомъ смыслѣ, но не внѣшняя цѣль, а внутренняя т.е. присущая самому государству такъ что государство въ этомъ смыслѣ самоцѣльно, а не имѣетъ какой нибудь внѣшней, для него посторонней цѣли (какъ напр. иные говорятъ, что будто бы государство имѣетъ цѣлью безопасность гражданъ, т.е. защиту ихъ собственности и личной свободы и т.п.) Эта конечная, верховная цѣль государства и даетъ высочайшее право противъ всѣхъ

единичныхъ индивидовъ, какъ своихъ единичныхъ членовъ и наоборотъ, этимъ членамъ даетъ обязанность, которая состоитъ въ томъ, чтобы они были истинными членами государства. Когда говорится объ этой разумной свободѣ, осуществляемой государствомъ, то не слѣдуетъ, замѣчаетъ Гегель, брать за отправную точку какую нибудь единичность, т.е. того или другого человѣка, его единичное сознаніе, а слѣдуетъ отправляться только отъ сущности сознанія т.е. отъ того, что сознаётся вообще сущность разумной свободы, а не отъ того, какъ понимаетъ свободу тотъ или другой индивидъ. Сознаетъ-ли или не-сознаетъ сущности разумной свободы тотъ или другой единичный человѣкъ - это все равно для сущности, ибо эта сущность реализируется въ государствѣ сама по себѣ, независимо отъ сознанія или несознанія того или другого человѣка, а именно реализируется въ формѣ разумной свободы, какъ самостоятельная сила, сила разума. Единичные индивиды суть только ея моменты, ея ступени. Что есть государство, что государство существуетъ, это ходъ въ мірѣ самого божества, абсолюта, т.е. абсолютъ въ своемъ діалектическомъ развитіи въ мірѣ на этой ступени, которая называется государствомъ, появляется. Итакъ, основа государства есть сила разума, осуществляющаяся въ дѣйствительности какъ разумная свободная воля. Но при этомъ всегда нужно помнить, что если что говорится о государствѣ, то говорится о немъ въ смыслѣ идеи государства, т.е. здѣсь разсматривается не то или другое единичное государство, какъ особенное государство, съ его тѣми или другими особенными учрежденіями, а идея государства вообще сама по себѣ разсматривается, - это дѣйстви-

тельное, духовное, абсолютъ. Однакоже и это слѣдуетъ понимать такъ, что всякое государство, какое-бы ни было, хорошее или дурное съ тѣми или другими учрежденіями, есть все таки государство, подобно тому какъ и всякій человѣкъ, дурной и порочный, больной и калѣка, есть все таки человѣкъ.

Государство развивается по слѣдующ. тремъ ступенямъ, а именно во 1, оно развивается внутри самого себя, какъ одно индивидуальное, особенное, живое цѣлое, какъ индивидъ, имѣющій свое особенное устройство и управленіе. Но во 2, будучи такимъ индивидуальнымъ, единичнымъ, живымъ цѣлымъ, государство вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ во внѣшнее отношеніе къ другимъ также индивидуальнымъ, единичнымъ, особеннымъ государствамъ. Это отношеніе опредѣляется тѣмъ, что называетъ Гегель внѣшнимъ государственнымъ правомъ, всѣ же отношенія между государствами вообще опредѣляются тѣмъ, что теперь обыкновенно называютъ международнымъ правомъ. Но въ 3, каждое индивидуальное единичное государство, состоя во взаимныхъ отношеніяхъ съ другими также единичными государствами, является въ качествѣ формы народнаго духа, какъ особеннаго духа того или другаго народа, въ смыслѣ общества, входящаго въ составъ того или другаго государства, а именно народный духъ выражается въ видѣ общихъ этому народу или обществу нравовъ. Особенный духъ того или другаго народа опредѣленный всегда подъ извѣстн. условіями пространства и времени, подъ извѣстн. мѣстными и временными обстоятельствами или бываетъ постоянно [illegible] историческихъ условіяхъ. Подъ руководствомъ такой своей физически опредѣленной особенности т.е. опредѣленной пространствомъ и време

немъ, что относится къ физической природѣ, народный духъ постоянно развиваетъ свое сознаніе и осуществляетъ себя въ дѣйствительности. Это значитъ, что каждый народъ или каждое государство имѣетъ свою особенную исторію. Въ этой своей особ. исторіи каждый народъ, каждое государство, духъ каждаго государства осуществляетъ въ себѣ одну какую нибудь часть или сторону всеобщей абсолютной нравственной идеи, какъ идеи нравственной общественной жизни, т.е. представителемъ этой идеи съ той или другой ея стороны или части является тотъ или другой народъ. Въ этомъ смыслѣ каждое государство, каждый народъ, духъ каждаго народа, имѣетъ свое особенное призваніе, которое онъ (народъ) и выполняетъ на самомъ дѣлѣ. Разительный примѣръ представляютъ въ этомъ отношеніи особенно древнія государства. Такъ духъ еврейскаго народа есть представитель призванія выполнить ту сторону всеобщей нравственной идеи, которая состоитъ въ религіи, ибо здѣсь впервые является идея единаго божества, которая затѣмъ легла въ основаніе всего христіанства, составляющаго сущность всѣхъ народныхъ духовъ новѣйшихъ государствъ. Древняя Греція имѣла своимъ призваніемъ выполнить изящныя искуства и науку въ смыслѣ науки наукъ, т.е. философію, почему въ самомъ дѣлѣ изящныя искуства, разработанныя въ древней Греціи, до сихъ поръ служатъ частью идеаломъ для новыхъ искуствъ, для новой философіи, частью же по крайней мѣрѣ, служатъ основаніемъ. Далѣе, древній Римъ имѣлъ своимъ призваніемъ развить право въ собственномъ смыслѣ, то право, которое называютъ также абстрактнымъ или формальнымъ и въ самомъ

дѣлъ развилъ его до такой степени, что до сихъ поръ римское право лежитъ въ основаніи всего юридическаго образованія. Отъ особенностей односторонней жизни единичныхъ государствъ, народовъ, происходятъ столкновенія, коллизіи, борьба между особенными единичными народными духами, народами, государствами. Діалектическое самодвиженіе такихъ международныхъ коллизій и образуетъ то, что называется всемірною исторіею, на поприще которой выступаютъ особенные народные духи, единичные народы, государства. Это есть предметъ философіи Исторіи, которую Гегель и изложилъ подъ этимъ названіемъ въ одномъ изъ своихъ спеціальныхъ сочиненій. Во всемірной исторіи всеобщая, абсолютная, нравственная идея является уже какъ абсолютная мысль, сила разума, подчиняющая себѣ единичные народные духи, единичные народы, государства. Въ этомъ смыслѣ во всемірной исторіи всеобщая абсолютная нравственная идея или всеобщій, всемірный духъ проявляется абсолютн. судьею надъ единичными народными духами, надъ единичными народными государствами, но не въ формѣ, не въ видѣ той абстрактной или неразумной необходимости, которую признавали древніе греки въ смыслѣ слѣпаго рока, судьбы, а въ смыслѣ разума, присущаго міру, разума самого въ себѣ и для себя сущаго, какъ абсолюта, божества. Всемірная исторія какъ бы произноситъ безъапелляціонный судъ надъ единичными народами, надъ единичн. государствами, т.е. рѣшаетъ кто изъ нихъ въ данное время есть наивысшій, наиполнѣйшій представитель всеобщей абсолютной, нравственной идеи или носитель современной ступени развитія всеобщаго, всемірнаго духа, этого духа міра и который

изъ нихъ потому должен господствовать въ данное время надъ всѣми проч. народными государственными духами во имя всемірнаго духа. Въ этомъ смыслѣ справедливо изреченіе великаго поэта Шиллера: „всемірная исторія есть исторія всемірнаго суда". Слѣд. цѣль всемірной исторіи есть осуществленіе въ дѣйствительности всеобщей, абсолютной нравственной идеи, идеи духа въ смыслѣ совершенства во всей полнотѣ и во всей чистотѣ этой идеи, т.е. къ этому осуществленію и направляется вся всемірная исторія. Единичные, особенные духи, народы, государства служатъ только безсознательными орудіями этой цѣли. Но въ сознаніи хода самодвиженія всемірной исторіи сознаетъ и выражаетъ самъ себя духъ міра или всемірный міровой духъ, уже какъ духъ абсолютный. Этотъ духъ дѣлаетъ себя какъ бы дѣйствительнымъ, осуществляетъ себя именно въ процессѣ всемірной исторіи, осуществляя въ немъ цѣль свою, т.е. всеобщую, абсолютную нравственную идею. Осуществляя ее какъ свою собственную сущность, такимъ образомъ абсолютный духъ самъ себя осуществляетъ въ дѣйствительности, производя себя изъ самого-же себя, самъ себя сознавая въ ней, или приходитъ въ самосознаніе. Въ этомъ самосознаніи духа, какъ духа абсолютнаго, и состоитъ все его бытіе, существованіе, вся его жизнь, все его дѣйствительное самодвиженіе, развитіе. Для такого самосознанія духъ дѣлаетъ самъ себя предметомъ или предметнымъ, объективнымъ, внѣшнимъ именно во всемъ ходѣ всемірной исторіи.

Сознавши себя, духъ возвышается уже на самую высшую ступень, возвращаясь къ самому себѣ изъ такого своего отчужденія, изъ такой внѣшности, изъ такой объек-

тивности, т.е. изъ области права въ обширномъ смыслѣ, а слѣдов. изъ того чѣмъ заключается эта область, т.е. изъ всемірной исторіи, въ которой духъ существуетъ, во внѣшней дѣйствительности, подчиняясь условіямъ природы, такъ назыв. историческимъ условіямъ пространства и времени. Словомъ, объективный духъ становится такимъ образомъ абсолютнымъ духомъ. Такъ восходитъ Гегель отъ философіи объективнаго духа къ философіи абсолютнаго духа, какъ третьей и послѣдней главной части всей своей философской системы. И такъ

<u>Часть 3ья Философія абсолютнаго духа.</u>

Въ ходѣ сказаннаго самосознанія и осуществленія своего въ дѣйствительности абсолютный духъ проходитъ слѣдующ. 3 главныя ступени, а именно онъ сознаетъ и осуществляетъ себя во 1, въ формѣ объективной, внѣшней, т.е. природной посредствомъ творческой, художественной фантазіи, какъ человѣческой способности, потому что, въ самомъ дѣлѣ, абсолютная идея, мысль, художникомъ выражается въ томъ произведеніи, которое и есть истинно художественное, въ матеріалѣ, даваемомъ природою и самыми орудіями, предлагаемыми природою (живопись, архитектура, скульптура и т.п.). Это есть область изящныхъ искуствъ, которая есть предметъ философіи изящныхъ искуствъ или художествъ или такъ назыв. эстетики. Во 2, абсолютный духъ сознаетъ и осуществляетъ себя въ формѣ субъективной, внутренней, т.е. въ формѣ, образныхъ представленій субъекта и субъективнаго религіознаго чувства. Это предметъ религіи, предметъ философіи религіи. Гегель издалъ спеціальное сочиненіе подъ этимъ именно заглавіемъ: „Философія Религіи". Наконецъ въ 3, абсолютный духъ проявляется въ формѣ субъективной и

объективной вмѣстѣ, а именно въ формѣ субъективной мысли, но реализируемой, становящейся объективною, внѣшнею и слѣдов. становящейся идеею, т. е. реализированнымъ понятіемъ. Это есть область философіи, ибо въ самомъ дѣлѣ здѣсь мысль, какъ абсолютная мысль, какъ абсолютная идея, какъ абсолютный разумъ, λόγος вполнѣ сознается и осуществляется въ адекватной, равной себѣ формѣ, въ формѣ также мысли, также идеи, тогда какъ въ изящныхъ искусствахъ — въ формѣ природы, въ религіи — въ формѣ образ. представленій, а не въ формѣ мысли. Содержаніе всѣхъ этихъ областей (изящныхъ искусствъ, художествъ и религіи), одно и то-же, но форма различна. Наименѣе совершенная форма въ области искусствъ, болѣе совершенную форму представляютъ образныя, символическія чувства (форма свойственная) и наконецъ тоже самое содержаніе мы находимъ уже въ формѣ абсолютной, въ такой формѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію (это уже свойственно философіи, какъ наукѣ). Такимъ образомъ этою ступенью абсолютнаго духа (философіею) завершается все самодвиженіе абсолюта, абсолютной мысли, абсолютной идеи, разумнаго, какъ дѣйствительнаго, какъ осуществленія разума, λόγος'а такъ что въ этомъ смыслѣ справедливо замѣчаетъ Гегель, что философія его имѣетъ подобіе круга, въ которомъ концы съ концами сходятся. Въ самомъ дѣлѣ, Гегель начинаетъ свою философію съ бытія и оканчиваетъ ее бытіемъ. По ученію Гегеля, человѣческій умъ, какъ мыслящій умъ, какъ интеллегенція сознаетъ въ философіи весь діалектическій процессъ абсолюта, такъ что человѣкъ, по ученію Гегеля, есть одна изъ ступеней, одинъ изъ моментовъ діалек-

тическаго развитія, именно, та ступень, на которой абсолютъ приходитъ къ самосознанію, ибо, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ есть единственное въ мірѣ самосознающее существо. Сознавая себя человѣкъ, какъ указываетъ Гегель въ феноменологіи духа, восходитъ постепенно къ сознанію абсолюта, или, что все равно, къ абсолютному знанію, что чрезъ человѣка и возможно, потому что абсолютъ и сознаетъ себя въ человѣкѣ, или человѣкъ есть моментъ діалектическаго самодвиженія самосознающаго абсолюта. Между прочимъ духъ человѣческій, какъ мыслящій умъ человѣческій т.е. человѣчество, какъ интеллигенція можетъ сознавать и дѣйствительно сознаетъ и право въ обширномъ смыслѣ также, какъ одну изъ ступеней діалектическаго самодвиженія абсолюта. Въ этомъ смыслѣ умъ человѣческій, или его абсолютное знаніе есть формальный принципъ права въ смыслѣ правды и справедливости по ученію Гегеля. Но духъ человѣческій не есть только, по его ученію, мыслящая интеллегенція, а есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ хотящій, есть воля. Разность между мышленіемъ и хотѣніемъ, мышленіемъ и дѣятельностію ума нашего, какъ дѣятельность его воли есть только разность между теоретич. и практическимъ отношеніемъ одного и того же духа человѣческаго къ одному и тому же предмету. Въ самомъ дѣлѣ умъ, познавая что нибудь, дѣлаетъ своимъ то, что было для него чуждымъ, свободно превращая всякій предметъ, чрезъ посредство познанія, въ свою мысль, свободно, дѣлая его своимъ, усвоивая его, свободно влагая въ него себя, влагая въ него свою мысль, какъ свою цѣль. Первое отношеніе есть теоретическое а второе отношеніе есть практическое, есть практи-

ческая дѣятельность ума и дѣятельность воли есть дѣятельность одного и того-же ума человѣческаго, такъ что слѣдов. это только различныя способности. Воля есть только особенный образъ, форма мышленія, есть только мышленіе переводящее себя во внѣшнее бытіе въ тубытіе, какъ стремленіе дать себѣ самому внѣшнее бытіе, дать такое существованіе. Интеллегенція и воля неразумны, ибо нашъ умъ и воля - одно и то-же: чего я хочу, то я себѣ представляю, о томъ я мыслю и наоборотъ нельзя мыслить безъ воли, безъ хотѣнія, его мышленія есть свободный актъ человѣческаго духа.

И такъ по Гегелю формальный принципъ права, правды и справедливости есть человѣческій духъ, какъ интеллегенція, т.е. собственно умъ мыслящій, познающій, теоретическій, и какъ воля, т.е. собственно умъ-хотящій, практическій, слѣдов. формальный принципъ права какъ правды и справедливости есть по Гегелю нераздѣльно и теоретич. и практическій умъ, или умъ единый, а не въ раздѣльности своей, какъ у Канта. Окончѣннымъ нами обозрѣніемъ содержанія философской системы Гегеля мы окончимъ генетическое развитіе формальныхъ принциповъ права. Мы окончили разсмотрѣніе формальныхъ принциповъ права Гегелевой философской системы, потому что эта система не смотря на свои многія недостатки, до сихъ поръ остается наиболѣе, конечно, сравнительно полною по содержанію и законченною по формѣ. Уже по этой причинѣ мы должны были остановиться на ней болѣе чѣмъ на прочихъ философскихъ системахъ. Къ этому присоединяется еще другая также очевидная причина для васъ, а именно та, что, если бы мы не обозрѣли содержаніе всей философской системы то мы никакъ не могли-бы вырази-

мѣтъ того, что относится къ нашей цѣли, т. е. до Гегелева взгляда на право и въ особенности его взгляда на формальный принципъ права.

Въ заключеніе всего представленнаго нами діалектическаго развитія формальныхъ принциповъ права, мы должны замѣтить слѣдующіе, въ смыслѣ окончательнаго результата нашего изложенія этихъ формальныхъ принциповъ права. Всѣ представленныя нами въ большемъ или меньшемъ обозрѣніи философскія системы, стоящія на пятой и послѣдней ступени генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права, начиная съ Фихте и оканчивая Гегелемъ равно, какъ и всѣ прочія подобныя второстепенныя философскія системы, которыя намъ не нужно было разсматривать здѣсь, потому именно, что они второстепенны и что выводятъ принципы, они подобные принципамъ нами разсмотрѣнныхъ, стараются объяснить все, что относится до философіи вообще, съ абсолютной, т. е. ничѣмъ не условленной точки зрѣнія, т. е. не обращая вниманія на ограниченность человѣческаго ума и даже большею частью не обращая вниманія на фактическія положительные изслѣдованія тѣхъ условій, основательное знаніе которыхъ благотворно. Въ этомъ смыслѣ всѣ эти философскія системы часто назыв. абсолютными философскими системами, а такое общее ихъ направленіе называютъ абсолютизмомъ, Философы стоящіе на пятой и послѣдней ступени генетическаго развитія также, какъ и философы вообще на первыхъ четырехъ ступеняхъ за исключеніемъ только первой ступени, какъ не строго философской согласны между собою въ томъ, что праведное и справедливое, или правда и справедливость

есть право мыслимое умомъ человѣческимъ, какъ право само по себѣ и для себя существующее или право по его сущности, по его природѣ, право въ мышленіи и въ этомъ смыслѣ въ идеѣ, идея права, идеальное право, идеалъ права, право сознаваемое человѣчествомъ, т.е. умомъ человѣческимъ вообще. Въ этомъ отношеніи, т.е. какъ право мыслимое умомъ человѣческимъ, всѣмъ человѣчествомъ, многіе философы частно называли его и теперь еще продолжаютъ называть это право, какъ праведное и справедливое, какъ правду и справедливость, раціональнымъ правомъ (отъ ratio), т.е. правомъ, которое выводится изъ мышленія разума. Отъ этого права отличаютъ философы собственно такъ назыв. юристами право, т.е. право дѣйствующее или дѣйствовавшее въ извѣстномъ людскомъ общественномъ союзѣ, иначе называемое обыкновенно положительнымъ правомъ извѣстнаго людскаго общественнаго союза и въ этомъ смыслѣ правомъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, правомъ въ дѣйствительности, реальности, въ отличіе отъ права мыслимаго. Но все, что только можно сказать о формальномъ принципѣ этого такъ назыв. мыслимаго права, т.е. праведнаго и справедливаго, правды и справедливости, — это то, что оно уму человѣческому само не прирождено, т.е. это не есть какая-нибудь присущая, прирожденная, врожденная идея, какъ идея права, а прирождена человѣч. уму не болѣе какъ только способность, возможность познавать и то постепенно идеи вообще и между проч. идею права, т.е. правды и справедливости. Вотъ это присутствіе такой возможности, способности человѣческаго ума есть дѣйствительно положительный фактъ, тогда какъ нельзя

признаемъ врожденность идей вообще и въ частности идеи права. Если-бы мы не имѣли такой способности, возможности, познавать постепенно правду и справедливость своимъ умомъ человѣческимъ, то мы вовсе не могли-бы и прійти къ праву, т.е. у насъ не было-бы ни понятія права, ни сознанія права и не могло бы образоваться положительное право. Умъ человѣческій, т.е. всего человѣчества постепенно, генетически, во всемірной исторіи познаетъ правду и справедливость, праведное и справедливое, какъ мыслимое право, а воля человѣческая осуществляетъ въ дѣйствительности правду и справедливость, какъ реальное, дѣйствительное или положительное право. Слѣд., никакъ нельзя сказать, чтобы идея права лежала въ умѣ нашемъ какъ-бы готовою, потому что въ этомъ случаѣ нужно было-бы только развить и разъяснить эту врожденную идею правды и справедливости, по выраженію философа Лейбница, или нужно было-бы только припомнить ее себѣ, по выраженію и ученію Платона, который въ этомъ смыслѣ можетъ быть почитаемъ первымъ философомъ, признавшимъ врожденность идей уму человѣческому. Притомъ эта способность, присущая уму человѣческому, познавать правду и справедливость и способность воли человѣческой осуществлять правду и справедливость въ дѣйствительности въ правѣ въ собственномъ смыслѣ, въ положительномъ правѣ, не иначе можетъ дѣйствовать какъ только въ томъ случаѣ, когда она будетъ возбуждена. Возбуждается она ничѣмъ инымъ, какъ именно опытомъ и наблюденіемъ подобно тому какъ мысль о нормаль-

номъ организмѣ человѣческомъ и всякаго органическаго существа, мысль предущая составляющая сущность науки, которую никакъ нельзя заподозрить въ непослѣдовательности, — къ физіологіи, эта мысль возбуждается опытомъ и наблюденіемъ надъ дѣйствительными, реальными организмами, такъ что организмъ мыслимый есть предметъ той естественной науки, которая есть чисто положительная (физіологія); но способность познавать этотъ мыслимый организмъ возбуждается опытомъ и наблюденіемъ надъ дѣйствительными, реальными организмами. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что вѣрные взгляды на формальные принципы права, какъ правды и справедливости, и идеалистовъ и сенсуалистовъ, и эмпириковъ, но вѣрны не иначе какъ въ ихъ соединеніи, въ ихъ единствѣ, вслѣдствіе чего они взаимно себя ограничиваютъ, почему и оказывается односторонность каждаго изъ этихъ взглядовъ, взятаго порознь, а слѣдовательно, и несостоятельность каждаго отдѣльнаго взгляда, тогда какъ всѣ эти взгляды, взятые вмѣстѣ, вѣрны.

Итакъ изъ генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права, какъ правды и справедливости, мы можемъ вывести такое опредѣленіе или дефиницію права по его сущности, по его понятію, т. е. праведнаго и справедливаго; „право есть единая цѣлость или система такихъ обязательныхъ для внѣшней дѣятельности человѣка и людскихъ обществ. союзовъ нормъ законовъ нравственныхъ, к-рые постепенно, мало по малу добываются умомъ человѣческимъ, т. е. всего человѣчества посредствомъ.

его мышленія, возбуждаемаго опытомъ и наблюденіемъ надъ дѣйствительною внѣшн. жизнію человѣка и людскихъ обществъ. союзовъ и которыя, нормы, законы, воля человѣч. мало по малу осуществляетъ въ дѣйствительности, въ реальномъ, въ дѣйствительномъ, положит. правѣ".

Мы окончили разсмотрѣніе вообще принциповъ права на первой ступени генетич. развитія, а именно на этой ступени, какъ мы видѣли, стоятъ всѣ поставляемые философами, формальн. принципы права, ибо первый вопросъ, который долженъ б. рѣшенъ окончательно философами, изучающими право, это вопросъ о томъ, откуда, изъ чего или изъ какого источника и какимъ орудіемъ, органомъ, можетъ и должно б. познаваемо право, какъ правда и справедливость, а такимъ источникомъ или такимъ орудіемъ познанія есть то, что мы назвали формальнымъ принципомъ права, какъ principium cognoscendi juris, id est justi. На слѣдующей затѣмъ второй ступени генетич. развитія вообще принциповъ права стоятъ тѣ принципы, которые мы назвали реальными принципами права. Итакъ

II. Матеріальные или реальные принципы права.

Это principia essendi et fiendi juris, id est justi, т. е. принципы бытія и становленія права, т. е. правды и справедливости. Спрашивается, какъ мы переходимъ отъ первой ступени ко второй. Ближайшая цѣль, съ кою философы ищутъ источника и орудія познанія права, какъ правды и справедливости, что все равно, устанавливаютъ формальные принципы права, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, откуда право получаетъ свое бытіе и становленіе, откуда

оно происходитъ, т.е. какой источникъ уже самого права, а не его познанія; или друг. словами: какая причина такого бытія и становленія права, пот. что право и есть дѣйствіе этой причины. Этотъ источникъ права въ этомъ смыслѣ, эта причина бытія и становленія права и назыв. реальнымъ принципомъ права, въ отличіе отъ формальнаго принципа. Реальнымъ принципомъ мы называемъ этотъ принципъ въ томъ смыслѣ, что причина вообще и соотвѣтствующее ей дѣйствіе есть именно нѣчто реальное, нѣчто дѣйствительное, ибо, если мы говоримъ о причинѣ чего либо, какъ дѣйствія этой причины, то подъ этимъ чѣмъ-нибудь мы всегда разумѣемъ нѣчто дѣйствительно существующее во внѣшней дѣйствительности, въ реальности, а тѣ принципы, которые мы станемъ разсматривать и суть ничто иное какъ сознаваемые человѣч. умомъ въ лицѣ его представителей философовъ, принципы бытія и становленія правд, какъ своего дѣйствія. Въ этомъ см. справедливо можно назвать эти принципы реальн. принципами въ отличіе отъ формальныхъ. Далѣе, мы д. такъ назвать эти принципы реальными для отличія отъ формальн. принциповъ права, подъ к-рыми разумѣется не реальное что-нибудь, не причины бытія и становленія права, какъ его дѣйствія, а только мыслимое нѣчто, пот. что именно формальн. принципы права суть основанія права, какъ своего слѣдствія, ибо подъ основаніемъ чего-либо и его слѣдствіемъ всегда разумѣется нѣчто мыслимое, въ отличіе отъ причины и дѣйствія, какъ чего-то реальнаго. Что формальн. принципъ права есть нѣчто мыслимое, а не реальное, это явствуетъ изъ того, что подъ формальными принципами права разумѣются источники и орудія познанія права, а познаніе есть

дѣятельность мышленія. Итакъ, мы можемъ коротко опредѣлить реальные принципы права, въ отличіе отъ формальныхъ таким образомъ: это суть причины бытія и становленія права, какъ правды и справедливости, какъ его дѣйствія или это суть источники права, т. е. правды и справедливости. Мы послѣ увидимъ, что подъ источниками права (fontes juris) юристы разумѣютъ ничто иное какъ виды, формы, въ которыя облекается положительное право, а не мыслимое право, не правду и справедливость. Но это значеніе источниковъ права есть собственно только юридич. значеніе, тогда какъ то значеніе, о которомъ мы говоримъ, т. е. значеніе источниковъ права, какъ его реальн. принциповъ, есть значеніе общее философское, а не значеніе только спеціальное, юридическое.

Различными философами б. поставлено множество реальныхъ принциповъ права (подобно тому какъ было поставлено и множество форм. принциповъ права); но всѣхъ ихъ можно подвести къ слѣдующ. двумъ родамъ, изъ кот. каждый имѣетъ свои виды. Первый родъ м. назвать объективными реальн. принципами права, а второй родъ субъект. реальными принципами права. Поставляя тѣ или другіе принципы права, тѣ или др. философы выводятъ изъ нихъ научно понятіе права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правду и справедливость. Подъ объект. принципами права разумѣются внѣшніе для человѣка, для его природы, естеств., производящіе право, какъ праведное и справедливое, принципы, потому что слово объективный значитъ здѣсь внѣшній для человѣка (слово объект. и субъективный имѣютъ въ философіи множество значеній, чѣмъ нѣкоторые и пользуются, дѣлая невѣрные выводы на основаніи того или другаго значенія), а подъ

субъективными, реальными принципами разумѣются внутренніе, производящіе право, принципы, — внутренніе, т.е. лежащіе внутри человѣка, въ его природѣ, естествѣ, потому что слово субъективный значитъ здѣсь, въ отличіе отъ слова объективный, внутренній для человѣка. Объективные, реальные принципы права ставимъ мы на первомъ мѣстѣ, а субъективные на второмъ мѣстѣ именно потому, что объективное есть еще отдѣльное внѣшнее для человѣка, тогда какъ субъективное есть внутреннее близкое къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, объективные принципы права суть еще чуждые человѣческой природѣ, человѣч. естеству принципы права, а субъектив. принципы суть уже присущіе человѣческому естеству принципы. Тѣ философы, которые поставляютъ объективные принципы права, ищутъ и находятъ принципы его бытія и становленія еще внѣ человѣка а потому они и стоятъ въ этомъ смыслѣ на первыхъ ступеняхъ генетическаго развитія сознанія вообще реальныхъ принциповъ права, а тѣ философы, которые поставляютъ субъективные принципы права, ищутъ и находятъ ихъ внутри человѣка, его природы, а потому стоятъ на второй ступени сознанія генетическаго развитія вообще реальныхъ принциповъ права. Различіе объективныхъ и субъективныхъ принциповъ права и предпочтеніе, даваемое однимъ передъ другими разными философами, коренится уже въ античной (греческой и римской) дикеологіи, т.е. въ ученіи сперва грековъ, а потомъ римлянъ о правдѣ и справедливости, о праведномъ и справедливомъ τὸ δίκαιον,

justum, ибо первый основной вопросъ, которымъ занималась античная дикеологія и состоялъ въ томъ, откуда происходитъ право, какія причины его бытія и становленія, какой его источникъ. Этотъ вопросъ обыкновенно формулировался такимъ образомъ: праведное и справедливое (τὸ δίκαιον justum) и неправедное и несправедливое (injustum), есть ли такое по природѣ (natura, φύσις) или по закону и установленію, по положенію (νόμος). Но этотъ вопросъ, такимъ образомъ формулированный древними, имѣлъ у нихъ не одно только это значеніе, т. е. онъ не выражалъ только различія объективныхъ и субъективныхъ, реальныхъ принциповъ права, а имѣлъ 2 значенія, а именно, этотъ вопросъ во 1.) значитъ, происходитъ ли право отъ природы, естества человѣка, т. к. что должно признать истиннымъ, вѣрнымъ субъективнымъ, реальнымъ принципомъ права природу, естество человѣка или же во 2.) право происходитъ изъ положительныхъ постановленій того или другаго народа, государства, его обычаевъ, нравовъ, законовъ и учрежденій. Но этотъ вопросъ, такимъ образомъ формулированный древними, имѣлъ у нихъ еще и такое значеніе, есть ли такое право которое присуще природѣ, естеству человѣка (jus naturale), а слѣд. есть ли право, существующее независимо отъ человѣка, и его произвола, какъ право само по себѣ существующее или же такого права вовсе не существуетъ, а всякое право есть положительное установленіе (jus civilis, какъ его понимали римляне. Теперь подъ этимъ

названіемъ разумѣется частное или гражданское право)? Этотъ вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: „есть ли различіе между праведнымъ и справедливымъ съ одной стороны и между закономъ, т.е. положит. правомъ – съ другой или этого различія вовсе нѣтъ, т.е., если нѣтъ другаго права кромѣ положительнаго права, то этого различія не можетъ и существовать. Оба эти значенія, формулированные древними, состоятъ между собою однако во внутренней связи а именно въ слѣдующей. Философы, признающіе существо, природу человѣка, принципомъ права, тѣмъ самымъ должны признать, что право, какъ праведное и справедливое, происходитъ изъ природы, изъ естества человѣческаго и слѣдовательно, должны признать вѣрными субъективные, реальные принципы права, какъ это и сдѣлали напр. въ особенности Платонъ, Аристотель, стоики и Цицеронъ. Напротивъ, философы, непризнающіе другаго права – кромѣ положительнаго права, тѣмъ самымъ должны были признать вѣрными, истинными объективные, реальные принципы, какъ непроисходящіе отъ природы человѣка, а данные извнѣ. До насъ дошло извѣстіе, что первымъ философомъ, признавшимъ второе положеніе былъ греческій философъ, жившій въ концѣ 5го и въ началѣ 6го в. до Р. Хр., и принадлежавшій къ философамъ так. называемой Іонической школы, Архелай. Архелай часто бесѣдовалъ со своими ученикамі не только о внѣшней при

роды, но и законахъ нравственныхъ, о прекрасномъ и добромъ, что тождественно было у грековъ. Въ числѣ учениковъ Архелая былъ знаменитый Сократъ. Затѣмъ, въ особенности собственно такъ называемые софисты и наконецъ эпикурейцы также признавали истинными объективные принципы права, а не субъективные. Греческій скептикъ, основатель такъ называемой новой академіи, жившій во второмъ вѣкѣ до Р. Хр., Корнеадъ въ бытность свою въ Римѣ въ качествѣ афинскаго посланника, прочиталъ тамъ двѣ рѣчи о правдѣ и справедливости, которыхъ отрывки дошли до насъ. Въ одной изъ этихъ рѣчей онъ доказывалъ, что есть природное, естественное право, а въ другой рѣчи, произнесенной на другой-же день, онъ доказывалъ, что такого права нѣтъ. Это совершенно было согласно съ духомъ скептицизма, который не допускалъ произносить о чемъ нибудь окончательнаго мнѣнія, ни утвердительнаго, ни отрицательнаго, а допускалъ развѣ большее или меньшее правдоподобіе того или другаго сужденія, или большую или меньшую вѣроятность.

Основатель средней академіи, Архизелай, развилъ это основное положеніе скептицизма и установилъ три ступени правдоподобія или вѣроятности.

Разсмотримъ объективные, реальные принципы права, какъ первую ступень реальныхъ принциповъ права, а потомъ субъектив-

ные реальные принципы права, составивъ изъ нихъ особенныя группы. Итакъ,

А, <u>Объективные реальные принципы права.</u> Подъ ними можно и должно разумѣть слѣдующіе три вида: во 1, объективные реальные принципы, выражающіе случайность, во 2, объективные реальные принципы выражающіе внѣшнюю физическую необходимость и въ 3, объективн. реальные принципы права, выражающіе внѣшнюю, но не физическую, а нравственную необходимость. Эти виды реальныхъ принциповъ, суть ничто иное какъ три степени историческаго развитія, сознанія человѣчествомъ объективныхъ реальныхъ принциповъ права, въ этомъ именно порядкѣ слѣдующія одна за другою по мѣрѣ своей большей или меньшей отдаленности ихъ отъ субъективныхъ принциповъ права. Итакъ,

<u>Объективные реальные принципы права, выражающіе случайность.</u>

Это суть такіе принципы, которые выражаютъ, что право есть произведеніе, продуктъ какой нибудь случайности, какъ чего-то внѣшняго для человѣка. Здѣсь случайность противополагается необходимости какъ физической такъ и нравственной. Хотя необходимость и есть нѣчто внѣшнее, какъ и случайность, однакоже случайность противополагается необходимости, ибо все что не есть необходимо ни физически, ни нравственно, то называется случайнымъ. Этимъ принципы права, выражающіе случайность, и отличаются отъ слѣдующ. затѣмъ реальныхъ принци-

новъ права, выражающихъ физическую или нравственную необходимость. Случайно все то, что можетъ быть, стать сдѣлаться или совершиться такъ или иначе, такъ что случайность есть въ этомъ смыслѣ ничто иное какъ возможность. Напротивъ необходимо все то, что не можетъ быть, стать, сдѣлаться, совершиться иначе какъ оно совершилось, сдѣлалось (это физическая необходимость) или все, что не должно быть, стать, сдѣлаться, совершиться иначе, какъ оно должно необходимо совершиться (это нравственная необходимость) Изъ случайности выводится нѣкоторыми философами происхожденіе права, какъ изъ источника, какъ изъ причины его бытія и становленія, въ чемъ бы, впрочемъ, не лежали эти причины такой случайности, какъ бы случайность не опредѣляли, а именно, есть ли это случайно образовавшійся въ извѣстномъ людскомъ общественномъ союзѣ обычай или это есть случайно установленные въ людскомъ обществ. союзѣ законы или случайно установившіяся мнѣнія или случайно то или другое воспитаніе было получено членами даннаго общественнаго союза или еще какія нибудь другія подобныя случайныя обстоятельства - все равно, всѣмъ этимъ выражается случайность какъ объективный, реальный принципъ права.

Такъ какъ самая случайность уже сама по себѣ, по своей сущности, по своему понятію безконечно разнообразна, то и на наводи-

мые дедуцируемые изъ нея принципы права смотрятъ эти философы кѣ на мѣсто безконечно разнообразное, кѣ на нѣчто зависимое единственно отъ случайности. Поэтому эти философы, которые признаютъ принципъ право случайность не могутъ научно дедуцировать иного опредѣленія права, какъ такого, что право есть случайная форма, случайный законъ даннаго обществ. людскаго союза, охраняемая въ обществ. союзѣ силою, насиліемъ, принужденіемъ. Замѣтимъ, что уже древніе греческіе софисты признавали случайность въ этомъ смыслѣ реальнымъ принципомъ права, а потому смотрѣли на право какъ на такую особенную норму а именно, когда они говорили, вообще это мѣрого мѣриломъ или критеріемъ того, что есть и чего нѣтъ, а слѣдовательно и того, что праведно и справедливо есть единич. человѣкъ индивидъ, а именно его случайное мнѣніе въ данный моментъ времени (такъ думалъ тотъ софистъ, который признается основателемъ софистики, а именно, Протагоръ); или же, когда софисты говорили въ особенности, что право по естеству своему есть полезное сильнѣйшему, установленное сильными людьми для людей слабѣйшихъ, какъ нѣчто полезное, пригодное сильнѣйшимъ, по моментальному, случайному ихъ мнѣнію и что въ этомъ состоитъ праведное и справедливое, правда и справедливость (какъ говоритъ въ особен

ности Калликлъ и Фразимахъ); или-же когда софисты говорили, что правдное и справедливое есть полезное и для слабѣйшихъ людей, которые устанавливаютъ право для того, чтобы избѣгать неправду и несправедливость отъ сильнѣйшихъ людей, или же когда софисты говорили, что правдное и справедливое есть вообще согласное съ случайно существующими нравами и обычаями, законами и учрежденіями даннаго государства.

Съ особенною опредѣленностью выставилъ случайность реальнымъ принципомъ права, развилъ его и разъяснилъ знаменитый французск. философъ, скептикъ, Монтень, (1533-1592.) въ своемъ главномъ соч. „Опыты", преимущественно въ 12 главѣ, второй книги. Монтень былъ вообще во всѣхъ своихъ философскихъ взглядахъ скептикомъ. Скептицизмъ Монтеньи выражается уже въ слѣд. его изреченіи: „все движется или мечется; можетъ быть и такъ, какъ мнѣ знать"? затѣмъ его скептицизмъ проглядываетъ въ слѣдующ. его опредѣленіи человѣка, согласномъ съ этимъ его основнымъ изреченіемъ: „человѣкъ есть существо волнующееся, волнисгое мечущееся, т. е. гибкое, подвижное, легко поддающееся всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ какъ случайнымъ вліяніямъ, какъ случайнымъ обстоятельствамъ." Наконецъ скептицизмомъ проникнуто указанное нами его сочиненіе. Но скептицизмъ Монтенья не былъ такъ строго послѣдовательнымъ, какимъ отличались въ древности особенно пирронисты и такъ назыв. новые академики, во главѣ которыхъ стоялъ Карнеадъ и какимъ въ новое время отличается въ особенности шотландскій философъ Юмъ; напротивъ скепти-

цизмъ Монтеня былъ довольно умѣреннымъ именно потому, что онъ не былъ строго послѣдовательнымъ, почему во всемъ его указанномъ сочиненiи мы встрѣчаемъ большiя противорѣчiя. Хотя скептицизмъ Монтеня и коренился въ философiи антич. скептиковъ, но Монтень обновилъ этотъ древнiй скептицизмъ пирронистовъ или новыхъ академиковъ своеобразно и развилъ его самостоятельно. Монтень предпочиталъ скептицизмъ какъ отрицанiе того, что въ положительной философiи назыв. догматизмомъ, но не въ смыслѣ новѣйшей; современной намъ философiи, а въ смыслѣ только противоположной прежнему скептицизму философiи, такъ что Монтень говоритъ о себѣ, что скептицизмъ доставляетъ мнѣ миръ, спокойствiе, свободу отъ волненiй причемъ подъ собою, подъ своимъ я онъ разумѣетъ вообще человѣка. Слѣдов., скептицизмъ доставляетъ каждому человѣку то, въ чемъ полагали древнiе эпикурейцы истинное счастiе человѣка, такъ что въ этомъ смыслѣ скептицизмъ Монтеня былъ, такъ сказать, обусловленъ древнимъ эпикуризмомъ. Въ этомъ смыслѣ Монтень и говоритъ, что если все движется, мечется, мудрый человѣкъ не долженъ метаться, а долженъ хранить невозмутимость духа. Для такого духовнаго мира, спокойствiя, для такой невозмутимости духа, для насъ людей достаточно, говоритъ Монтень, если нами будетъ узнанъ мiровой порядокъ безъ дальнѣйшаго, однако, изслѣдованiя его съ нашей стороны, т.е., если мы будемъ предаваться порядку, господствующему въ жизни, не изслѣдуя его хорошъ ли онъ или дуренъ и т. п.. Подъ этимъ порядкомъ разумѣетъ Монтень обычаи, но обычаи въ особенномъ смыслѣ.

Обычай, говоритъ онъ, вотъ главное правило изъ всѣхъ правилъ, вотъ главный всеобщій законъ изъ всѣхъ законовъ, которыми должна руководствоваться вся дѣятельность человѣческая. Сущность жизни, говоритъ онъ, состоитъ въ соблюденіи этого закона, а именно закона того мѣста, гдѣ кто живетъ, въ смыслѣ именно обычнаго закона или обычая. Что касается, продолжаетъ Монтень, до такъ называемыхъ законовъ нравственности, т.е. до нравств. въ тѣсномъ смыслѣ или моральныхъ законовъ, о которыхъ говорятъ, что будто-бы ихъ порождаетъ природа, т.е. что ихъ реальный принципъ есть естество, природа человѣческая, то о нихъ нужно сказать, что они также порождаются ничѣмъ инымъ, какъ обычаемъ, т.е. реальный ихъ принципъ есть также обычай, а не что нибудь особенное. Что же касается законовъ правды и справедливости, т.е. нравственныхъ юридическ. законовъ, то это суть ничто иное какъ волнующееся море мнѣній, т.е. ихъ реальные принципы суть непрестанно измѣняющіяся людскія мнѣнія, а не что нибудь особенное.

Такой-то взглядъ на правду и справедливость, а слѣд. и на право, какъ на право положительное, развиваетъ Монтень подробно и разъясняетъ его разными примѣрами и слѣд. ставитъ реальнымъ принципомъ права случайность. Приведемъ изъ сочиненія Монтеня такое мѣсто, котораго было-бы достаточно для того, чтобы ясно выразумѣть все его ученіе о реальныхъ принципахъ права. „Еслибы, говоритъ Монтень, мы захотѣли извлечь правило, какъ принципъ руководящій для всей нашей нравственной дѣятельности изъ насъ же самихъ, изъ человѣческаго естества, при-

роды, то въ какое-бы замѣшательство, смятеніе, повергли-бы мы тѣмъ самихъ себя, потому что, что, спрашивается, совѣтуетъ намъ разумъ, какъ правдоподобнѣйшее, какъ праведнѣйшее? Вообще, совѣтуютъ намъ, говоритъ онъ, чтобы каждый изъ насъ подчинялся законамъ своей страны, какъ обычнымъ законамъ; но этотъ разумъ нашъ ничего иного не высказываетъ намъ, какъ только то, что для нашихъ обязанностей нѣтъ другого правила, какъ руководящаго принципа, кромѣ случайнаго и слѣд., измѣнчиваго и безконечно разнообразнаго, между тѣмъ какъ истина должна быть неизмѣнно одна и та-же всегда и вездѣ. Если-бы человѣкъ зналъ такую неизмѣнную истину и такую правду и справедливость, которая-бы имѣла прочность или истинную сущность, т. е., которая-бы существовала на самомъ дѣлѣ и которая имѣла-бы въ себѣ самой нѣчто существенное, неизмѣнное, то человѣкъ не обусловился-бы въ своей дѣятельности обычаями той или другой страны и добродѣтель не принимала-бы того или другого образа, вида, смотря потому, что вздумается считать добродѣтелью какимъ-нибудь Персамъ или Индусамъ. Вообще, мы ясно видимъ, что ничто не подвергается столь непрестанному волненію, слѣдов., измѣненію, какъ законъ. Что-же говоритъ намъ нашъ разумъ въ такой нашей нуждѣ, что-же онъ совѣтуетъ намъ дѣлать какъ праведное и справедливое при такой измѣнчивости обычныхъ законовъ. Онъ говоритъ, чтобы мы слѣдовали законамъ, обычаямъ нашей страны. Но это значитъ, что онъ предаетъ насъ волнующемуся морю мнѣній какого-нибудь народа или монарха, который представляетъ

камъ правду и справедливость въ столь многообразныхъ красках и облекаетъ ее въ столь многообразныя формы, сколько въ ихъ страстяхъ произойдетъ многообразныхъ измѣненій, т.е. сколько собственныя страсти представятъ разныхъ капризовъ и причудъ. Но я, говоритъ Монтень, съ своей стороны не могу имѣть такого гибкаго сужденія о правдѣ и справедливости. Что за добродѣтель, которая сегодня въ кредитѣ и почетѣ у людей, а завтра лишается кредита и почета, слѣдов., измѣняется во времени и которую переправа чрезъ какую нибудь рѣчку превращаетъ въ преступленіе (стоитъ только переправиться чрезъ рѣчку, служащею границею, чтобы то что считается по сю сторону рѣки праведнымъ и справедливымъ, было признано дурнымъ, преступленіемъ); слѣдов., правда и справедливость измѣняется и пространственно. Что за правда и справедливость, которая ограничивается такими-то горами и которая для людей живущихъ по ту сторону горъ, измѣняется въ неправду и несправедливость. Но забавнѣе всего, говоритъ Монтень, что, желая придать закону какую нибудь достовѣрность, т.е. чтобы можно было ему довѣриться как праведному и справедливому, люди говорятъ, что есть нѣсколько твердыхъ, постоянныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, которые и называютъ природными, естественными законами потому-де, что они напечатлены въ природѣ естествѣ человѣка, что они обусловлены ею. Но когда приходится этимъ людямъ перечислять такъ назыв. естественные, природные законы, то одни насчитываютъ ихъ, такихъ законовъ, 3, а другіе 4 или болѣе или даже менѣе того. Не значитъ ли это, что такъ называе-

мые естественные законы имѣютъ такое-же сомнительное значеніе какъ и положительные законы. Притомъ, эти естественные законы очень жалки сами по себѣ, очень несчастны, потому что, какъ ихъ можно называть иначе, если въ безконечномъ числѣ законовъ, производимыхъ людьми, не встрѣчается ни одного такого закона, которому бы счастіе или произволъ судьбы дозволилъ бы быть признаннымъ всѣми людьми, съ согласія всѣхъ народовъ. Эти естественные законы, говоритъ Монтень, столь жалки, столь несчастны, что въ числѣ какихъ нибудь трехъ, четырехъ избранныхъ уже законовъ мы не знаемъ ни одного такого, который-бы не былъ въ то или другое время отвергаемъ тѣми или другими людьми и притомъ не однимъ какимъ-нибудь народомъ, и даже многими, а между тѣмъ, единственный признакъ того, что эти законы должны быть признаны природными состоитъ во всеобщемъ признаніи этихъ законовъ со стороны всѣхъ народовъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ природа бы дѣйствительно указала намъ то, какимъ законамъ мы должны слѣдовать, такъ что мы и слѣдовали-бы этимъ законамъ безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ достоинствѣ, при общемъ людскомъ согласіи а потому не только всякій народъ, но и всякій единичный человѣкъ почувствовалъ бы тогда, что ему причиняетъ насиліе тотъ, кто побуждаетъ его къ тому, что противно естественному, природному закону. Но мы видимъ, что нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы люди болѣе расходились какъ въ обычаяхъ и своихъ законахъ. То, отъ чего въ одной странѣ отвращаются люди, какъ отъ неправеднаго, несправедливаго и безнравственнаго, то въ другой странѣ рекомендуется

какъ похвальное, какъ добронравственное, какъ праведное и справедливое. Такъ напр., у Лакедемонянъ, ловкость въ кражѣ считалась чѣмъ-то похвальнымъ, такъ браки въ ближайшей степени родства, запрещенные у насъ подъ страхомъ наказанія, у древнихъ народовъ, напр. у Египтянъ, были въ почетѣ; такъ, дозволялось и даже похвалялось въ разныхъ странахъ дѣтоубійство, отцеубійство, воровская торговля, распутство и вообще нѣтъ ничего такого, что не дозволялось-бы и не похвалялось какимъ нибудь народомъ. Вѣроятно, но только вѣроятно, что природные, естественные законы есть у человѣка, какъ они есть и у другихъ тварей; но у людей эти нравственные законы утрачиваются, а утрачиваются потому, что столь хваленый разумъ человѣка, вмѣшиваясь во все, чтобы надъ всѣмъ господствовать, приводитъ въ смущеніе и замѣшательство истинный образъ вещей, измѣняя все сообразно своей суетности и своему непостоянству. Всѣ предметы имѣютъ разные фазы или стороны, а отсюда и возникаютъ различія въ людскихъ мнѣніяхъ. Одни народы разсматриваютъ предметъ съ одной только стороны и останавливаются на ней, а другіе разсматриваютъ его съ другой точки зрѣнія и также на этой точкѣ зрѣнія и останавливаются. Такъ напр., намъ теперь нельзя представить ничего ужаснѣе, какъ съѣсть трупъ своего отца, а между тѣмъ были народы, у которыхъ это было нѣкогда въ обычаѣ и считалось даже выраженіемъ дѣтскаго благоговѣйнаго почтенія и любви къ своимъ родителямъ, потому что, думали они, съѣдая трупъ отца своего, они стараются сохранить его самымъ достойнымъ и почетнымъ об-

разомъ, принимая его въ самихъ себя, превращая его какъ-бы въ свою плоть и кости и какъ бы вновь возрождая и оживляя его чрезъ превращеніе его въ живую плоть свою свареніемъ его въ своемъ желудкѣ и пропитаніемъ имъ, такъ сказать, всего своего тѣла. Легко представить себѣ какимъ ужаснымъ дѣломъ, какою жестокостью, показался-бы для этихъ людей нашъ обычай: „хоронить своихъ отцовъ въ землю т. е. бросать ихъ останки на съѣденіе червямъ".

Вотъ весьма красноречивая защита случайности, какъ реальнаго принципа не только правды и справедливости, но и всей нравственности. Необходимо вооружиться всею научною логикою для того, чтобы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не увлечься прелестью красноречія и тѣми мнѣніями, которыя съ перваго взгляда льстятъ нашимъ чувствамъ. Необходимо такимъ образомъ хладнокровно разложить, анализировать этотъ принципъ случайности сперва вообще, а потомъ въ томъ его видѣ, какъ его выразилъ Монтень.

О случайности вообще, какъ о реальномъ принципѣ правды и справедливости мы должны замѣтить слѣдующее. Тѣ философы, которые признаютъ какую-бы то ни было случайность, реальнымъ принципомъ права, т. е. источникомъ, изъ котораго они выводятъ причины бытія и существованія права стоятъ, какъ мы и сказали, на первой ступени генетическаго развитія человѣческаго сознанія реальныхъ принциповъ права, потому что признать какую-бы то ни было случайность причиною бытія и становленія права значитъ собственно не признавать никакой причины, ибо, если кто говоритъ, что что-нибудь произошло случайно, отъ случайности или

чисто случайно, то онъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что онъ вовсе не знаетъ никакой причины этого дѣйствія. Однако-же это вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ, что они искали причинъ, хотя ихъ не нашли. Слѣдов. нельзя сказать въ этомъ смыслѣ, чтобы случайность не могла быть признана вовсе реальнымъ принципомъ права. Слѣдов. тѣ философы, которые утверждаютъ, что причина бытія и становленія права есть случайность, устанавливаютъ уже нѣкоторымъ образомъ реальный принципъ права, а не оставляютъ его безъ вниманія.

39. Но съ другой стороны эти философы, признающіе реальнымъ принципомъ случайность, непремѣнно должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что право не есть нѣчто неизмѣнное, а что оно напротивъ измѣнчиво, измѣняется въ пространствѣ и во времени, т.е. оно измѣняется въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ, а именно въ разныхъ странахъ въ разныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ право различно, т.е. не только какъ право дѣйствительное, реальное или такъ назыв. обыкновенно положительное, но и право мыслимое или праведное и справедливое, такъ что различно смотрятъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ на то, въ чемъ именно состоитъ праведное и справедливое въ томъ и другомъ отношеніи, потому что если право случайнаго только происхожденія, т.е., если случайность есть причина его бытія и становленія, то право необходимо должно быть безконечно различно, слѣдов. измѣнчиво, потому что случайность по самой своей сущности безконечно различна. Что касается до такой измѣнчивости и слѣд. различія права какъ права положительнаго, и какъ прав-

ды и справедливости, то этого различія отрицать никакъ нельзя, потому что это есть дѣйствительный, положительный фактъ. Дѣйствительно, правда и справедливость осуществляется, реализируется, объективируется въ обычаяхъ и законодательствахъ того или другого людскаго обществ. союза, именно въ положительномъ правѣ, какъ правѣ дѣйствительномъ, какъ правѣ реальномъ. Реализируясь же, правда и справедливость подчиняется вмѣстѣ съ этимъ въ общеотвен. союзѣ всѣмъ обусловливающимъ его жизнь обстоятельствамъ, которыя видоизмѣняютъ модефицируютъ право. Отъ этого-то обычаи и законопостановленія болѣе или менѣе различны, и даже противоположны въ той или другой странѣ, т.е. въ томъ или другомъ общественномъ союзѣ или въ то или другое время или въ тѣхъ или другихъ странахъ въ разныя времена подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ какъ условій. Поэтому-то болѣе или менѣе различны и даже противоположны и самые взгляды на содержаніе, на матерію права, какъ правды и справедливости (т.е. на требованія, велѣнія закона).

Все до сихъ поръ сказанное о правѣ есть указаніе на одинъ только изъ существенныхъ моментовъ, на одну изъ существ. составныхъ частей или существенную сторону правопонятія, а потому опрометчиво выводить отсюда заключеніе, что, какъ выражаетъ Монтень, нѣтъ иного закона, правила для всей нашей внѣшней дѣятельности, кромѣ случайнаго и что слѣдов. случайность есть реальный принципъ права, что нѣтъ никакого праведнаго и справедливаго, кромѣ случайнаго, а именно, кромѣ обычаевъ и постановленій даннаго людскаго общественнаго союза, которые

сами случайны. Въ самомъ дѣлѣ какъ-бы ни была продолжительна давность обычаевъ и законопостановленій въ извѣстномъ людскомъ общественномъ союзѣ, все таки какъ нибудь да возникли эти обычаи, какъ нибудь да произошли. Слѣдов., ни обычаи и законопостановленія даннаго людскаго общественнаго союза, ни его положительное право, не есть реальный принципъ правды и справедливости, а долженъ быть другой какой нибудь реальный принципъ права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости. Да и самые обычаи и законопостановленія во всякомъ людскомъ общественномъ союзѣ вовсе не случайны, ибо нельзя назвать случайностью обусловливающихъ ихъ обстоятельствъ. Далѣе, никакъ нельзя сказать о правдѣ и справедливости, что будто-бы ея вовсе не существуетъ, а что будто-бы существуетъ то или другое положительное право, дѣйствующее въ томъ или другомъ общественномъ союзѣ, въ то или другое время, ибо, какъ мы прежде замѣтили, несомнѣненъ тотъ положительный фактъ, что люди и цѣлыя общества обыкновенно судятъ о своемъ положительномъ правѣ и даже о чужомъ, руководясь имъ своимъ такъ наз. чувствомъ права въ смыслѣ какъ-бы инстинкта и сознаніемъ права какъ праведнаго и справедливаго, правды и справедливости, отличной отъ положительнаго права или, что все равно, люди и цѣлыя общества мѣряютъ свое положительное право мѣриломъ правды и справедливости, но, разумѣется, мѣряютъ они тою правдою и справедливостью, какъ они сами ее представляютъ, понимаютъ,

а представляютъ, понимаютъ они ее
различно, сообразно различнымъ усло-
віямъ, обстоятельствамъ, въ кото-
рыхъ они сами бываютъ постав-
лены. Эти-то различныя предста-
вленія, пониманія, мнѣнія людей и
цѣлыхъ обществъ о томъ, въ чемъ со-
стоитъ правда и справедливость, на
что она уполномочиваетъ, какія она
даетъ субъективныя права и т. под. и
составляютъ то, что софисты и скеп-
тики называютъ различною будто-
бы правдою и справедливостью и что
заставляетъ ихъ отрицать бытіе,
существованіе иного права кромѣ
права положительнаго, въ той или дру-
гой странѣ, въ то или другое время
дѣйствующаго. При различныхъ взгля-
дахъ на правду и справедливость, все-
таки она по своей сущности, по сво-
ему понятію остается одна и таже.
Сущность понятія права не можетъ
быть различна какъ и сущность по-
нятія всякаго предмета не мо-
жетъ быть различна пока существу-
етъ самый предметъ, а понима-
ніе этой сущности можетъ быть
весьма различно. Наконецъ, при раз-
личіи и даже противоположности взгля-
довъ, представленій, мнѣній на прав-
ду и справедливость, при различіи
этого пониманія ея, скептики не
видятъ ничего общаго между эти-
ми взглядами, между тѣмъ они-
же видятъ между ними единство,
состоящее уже въ томъ, что пред-
метъ этихъ взглядовъ всегда одинъ
и тотъ же а именно, праведное и
справедливое какъ сущность, какъ

понятіе самого предмета, самого права. Но еще болѣе это единство состоитъ въ томъ, что несомнѣнные положительные факты свидѣтельствуютъ о постепенномъ и поступательномъ или прогрессивномъ историческомъ развитіи въ человѣчествѣ вообще, а не въ томъ или другомъ общественномъ союзѣ, его взглядовъ, его воззрѣній, его пониманія правды и справедливости, его познанія правды и справедливости, обусловливаемаго вообще цѣлымъ его міровоззрѣніемъ въ данное время, ибо развивается прогрессивно не только положительное право, что совершенно очевидно для насъ, но и самое пониманіе правды и справедливости, такъ что въ этомъ смыслѣ можно сказать (но только въ этомъ смыслѣ), что правда и справедливость развивается. Приведенный самимъ Монтенемъ примѣръ о дикихъ людяхъ, съѣдающихъ трупы своихъ родителей, о чемъ безъ ужаса и помыслить не можетъ образованный человѣкъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что и дикіе народы чувствуютъ, что есть правда и справедливость, но только различнымъ образомъ выражаютъ ее. Есть дикіе люди, народы, которые даже считаютъ своею нравственною обязанностью убивать своихъ престарѣлыхъ родителей, но потому, что, въ самомъ дѣлѣ, въ дикомъ состояніи, въ дикомъ быту, жизнь дряхлаго старика невыносима тя-

жела не только для другихъ, но и для него самого, чего нельзя сказать о жизни дряхлыхъ стариковъ среди образованнаго общества, почему въ немъ отцеубійство и считается однимъ изъ величайшихъ преступленій. Образованные народы, равно какъ и дикіе, руководятся здѣсь природнымъ чувствомъ любви къ родителямъ, хотя любовь дикаго не можетъ быть сравнена съ любовью образованнаго человѣка и понятіе дикаго о правдѣ и справедливости также дико какъ и онъ самъ, тогда какъ понятіе образованнаго человѣка о правдѣ и справедливости болѣе просвѣщенно, такъ что, чѣмъ люди становятся болѣе образованными, тѣмъ и взгляды ихъ на правду и справедливость, т. е. на ея содержаніе (велѣнія, требованія закона) становятся совершеннѣе. Просвѣщенное же человѣчество идетъ несомнѣнно прогрессивно впередъ (это положительный фактъ); слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ идутъ впередъ, просвѣщаются самыя представленія, самые взгляды человѣчества на правду и справедливость, на ея содержаніе, на ея идею. Такъ наприм., вся античная древность и даже величайшіе изъ древнѣйшихъ философовъ, каковы Платонъ и Аристотель признавали рабство согласнымъ съ правдою и справедливостью установленіемъ рабство именно тѣхъ людей и даже цѣлыхъ народовъ, которыхъ, какъ они говорили, сама природа создала рабами, такъ что рабство свойствен-

но ихъ природѣ, тогда какъ въ настоящее время равноправность всѣхъ людей и всѣхъ народовъ признана согласною съ правдою и справедливостью и напротивъ рабство и единичнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ признано противнымъ природѣ человѣка, противнымъ правдѣ и справедливости.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что ни Монтень, ни его единомышленники, каковы скептики и софисты вообще, какъ ихъ теперь понимаютъ, не обращаютъ должнаго вниманія на указанное соображеніе и потому впадаютъ въ ту односторонность, что не признаютъ иного праведнаго и справедливаго кромѣ именно положительнаго права, дѣйствующаго въ данномъ людскомъ общественномъ союзѣ въ данное время и притомъ, даже самое положительное право признаютъ чистою случайностью, не видя, что оно обусловливается чѣмъ-то необходимымъ, а именно географическими, историческими, этнографическими, физическими, физіологическими и тому подобными обстоятельствами, не видя, что положительное право есть реализація правды и справедливости и есть притомъ прогрессивное развитіе правды и справедливости, хотя и постепенное. Эта реализація происходитъ въ Исторіи человѣчества и слѣдов. она подчиняется тоже необходимо всѣмъ условіямъ, ко-

торымъ подчиняется вообще вся исторія человѣчества. Монтень и его единомышленники не видятъ, что и самый взглядъ на правду и справедливость, т.е. на ея содержаніе, самое ея пониманіе развивается въ исторіи человѣчества подъ вліяніемъ также указанныхъ нами обстоятельствъ какъ условій, словомъ, не видятъ, что какъ положительное право, такъ и правда и справедливость не есть а становится, т.е. не существуетъ какъ нѣчто готовое, какъ существующее отвлеченно отъ всего или какъ развитое уже вполнѣ въ какой нибудь странѣ и въ какое нибудь время, а потому прогрессивно развивается во всемъ человѣчествѣ, такъ что правда и справедливость не есть нѣчто въ этомъ смыслѣ сущее, а есть становящееся, именно измѣняющееся и во внутреннемъ ея сознаніи человѣчествомъ, въ его мышленіи, которое есть предметъ философіи права и во всякихъ его проявленіяхъ (въ положительномъ, обычномъ правѣ и правѣ юристовъ). При этомъ совершенно умѣстно замѣтить еще, что не должно намъ думать, чтобы всѣ мыслители, философы, признающіе правомъ только одно положительное право, всегда бы признавали вмѣстѣ съ тѣмъ реальнымъ принципомъ права случайность. Конечно, есть и такие филосо-

фы, которые признают только одно положительное право и которые считают реальным принципом права только случайность, но есть и такие философы, которые, признавая одно только положительное право, не признают случайности реальным принципом права. Одни из этого последняго рода философов признают правом только положительное право в том смысле, что правду и справедливость не называют вовсе правом, хотя и не отрицают совершенно ея существования, как философ Шталь, недавно умерший, последователь Шелинга. Он утверждает, что единственно- право, как право, есть только положительное право; однако-же он никак не отрицает, чтобы не было праведнаго и справедливаго, правды и справедливости, а только эту правду и справедливость относит не к области права, а к области морали или нравственности в тесн. смысле. Другие философы, признающие правом только положит. право, даже совершенно отрицают существование правды и справедливости и притом отрицают двояким обр., а именно, скептики относятся к реализации правды и справедливости так. обр., как это вообще согласно с их скептическим миросозерцанием. Скептическое миросозерцание по отношению к праву выразил в немногих словах, проф. Киевскаго

Университета, Ренненкампфъ, въ своемъ сочинении: „Очерки юридич. Энциклопедiи" и притомъ такъ, что и самъ онъ раздѣляетъ этотъ взглядъ. „Понятiе о правѣ, говоритъ онъ, какъ о высшей безусловной идеѣ (т. е. о правдѣ и справедливости) есть понятiе отвлеченное", (спрашивается, отъ чего отвлеченное? Ни отъ чего иного не можетъ б. отвлечено какъ отъ положительнаго права) и созданное a priori (слѣдов. оно не могло быть отвлечено). „Въ дѣйствительности оно не представляется въ своемъ полномъ, законченномъ видѣ". (Сущность понятiя того или другого предмета въ дѣйствительности всегда представляется въ полномъ, законченномъ видѣ и если люди не представляютъ его во всей полнотѣ, то это не значитъ еще того, чтобы оно не представлялось законченнымъ. Если-бы мы познали всю сущность правопонятiя, то намъ не оставалось-бы больше ничего познавать. Мы только мало по малу познаемъ ту или другую сторону правопонятiя, высматривая въ нихъ различныя стороны, существенные его моменты. Но не только въ одномъ правѣ мы находимъ еще не вполнѣ развитыя понятiя, а находимъ такiя понятiя и въ другихъ наукахъ. Возьмите напр. количество, величину, движенiе, силу, какъ основныя понятiя естественныхъ наукъ. Онѣ до такой степени не опредѣленны, что мы ничего не можемъ сказать вполнѣ вѣрнаго о томъ что такое сила и т. п.). „Поэтому, продолжаетъ Ренненкампфъ, всѣ попытки уяснить сущность этой идеи, дать ей опредѣленiе, которое-бы обняло всѣ ея черты, были безуспѣшны". (Черты, т. е. моменты, составныя ея части познаются нами, и чѣмъ болѣе мы познаемъ

Лит. А. Соколова Б. Садовая Д. № 9 Кв. 42

такихъ моментовъ или сторонъ, тѣмъ болѣе мы приближаемся къ уясненію всей сущности понятія права). „Дѣйствительно, правопониманіе не ограничено положительными матеріалами" (еслибы оно было ограничено, то содержалась-бы наука о правѣ, какъ о правѣ и справедливости). „Авторы вносили въ опредѣленіе или только отдѣльныя частныя черты права или содержаніе произвольное или-же замѣняли одно выраженіе другимъ, такимъ-же неопредѣленнымъ и отвлеченнымъ выраженіемъ какъ и первое" (ограничивается, какимъ-же положительнымъ матеріаломъ должны быть ограничены философы! Конечно, если подъ такимъ матеріаломъ разумѣть тотъ матеріалъ, который находится въ самомъ познаніи, то они ограничены: познаетъ человѣкъ понятіе, сущность предмета настолько, на сколько въ немъ развито самое пониманіе). „Авторы вносили въ опредѣленіе частныя черты" (-т.е. раскрывали отдѣльные моменты правопонятія и въ этомъ состояла важная ихъ услуга), „или же содержаніе произвольное" (такихъ людей мы не причисляемъ къ представителямъ философіи, такъ какъ это философы самозванцы и потому нельзя вносить ихъ мнѣнія въ Исторію философію права) „или-же замѣняли одно выраженіе другимъ, такимъ-же неопредѣленнымъ или отвлеченнымъ опредѣленіемъ" (нѣтъ, каждое выраженіе имѣетъ такое значеніе, что имъ выражается одинъ изъ моментовъ правопонятія, а не всѣ моменты, что совершенно справедливо).

Нѣкоторые философы признаютъ правомъ только положительное право, такъ что его только они называютъ дѣйствительнымъ правомъ. Такъ напр. современный

юристъ, романистъ, Кирульфъ говоритъ: право есть то, чего хочетъ государство. Дѣйствительное право есть только положительное право, какъ право опредѣленныхъ, историческихъ дѣйствительныхъ государствъ". (Это совершенно справедливо, потому что мыслимое или такъ назыв. естественное право не есть дѣйствительно, реально, а есть только мыслимое, которое познается посредствомъ внутренняго чувства, внутренняго опыта) и кромѣ положительн. права нѣтъ никакого права". Это, какъ намъ извѣстно, совершенно несправедливо. Если-бы не было другаго права, кромѣ положительнаго, то мы не имѣли-бы матеріаловъ или идеаловъ для дальнѣйшаго развитія этого права. Уже знаменитый Беконъ Веруламскій, который считался главою новыхъ реалистовъ, говоритъ что человѣчество сознаетъ идеалы, которые возбуждаются внѣшнимъ опытомъ, т.е. дѣйствительностью. Конечно, эти идеалы не суть врожденные идеалы, какъ говоритъ Лейбницъ. Человѣкъ старается осуществить эти идеалы въ дѣйствительности и наоборотъ дѣйствительность дѣйствуетъ на эти идеалы. Уже знаменитый философъ Платонъ говорилъ, что нѣтъ того времени и народа, который не ставилъ идеалъ. Тотъ народъ, который не имѣетъ впереди себя идеаловъ, обреченъ на погибель. И въ настоящее время признано несомнѣннымъ то положеніе что умножающееся количество самоубійствъ зависитъ между прочимъ и отъ причины, заключающейся въ отсутствіи идеаловъ.

Итакъ, на первой ступени, генетич. развитія сознанія реальныхъ объективныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые признаютъ такимъ принципомъ

случайность.

Вторая ступень: объективные реальные принципы, выражающие внѣшнюю физическую необходимость.

Здѣсь слово необходимость противополагается слову случайность. Все что не случайно, то необходимо, а что необходимо - то не случайно. Но какъ случайность такъ и необходимость есть нѣчто внѣшнее для человѣка, есть нѣчто необусловленное внутреннею природою, естествомъ самого человѣка, а потому, оба эти реальные принципы суть объективные, а не субъективные. Съ другой стороны эта внѣшняя необходимость отличается отъ другой необходимости тѣмъ, что она внѣшняя необходимость, о которой мы теперь говоримъ, и есть физическая необходимость, а та необходимость, о которой мы будемъ говорить, есть нравственная необходимость. Физическая необходимость, какъ извѣстно, дѣйствуетъ физически необходимо для человѣка, заставляя его поступать такъ, а не иначе, т.е. независимо отъ его свободной воли, между тѣмъ какъ нравственная необходимость обязываетъ человѣка поступать такъ, а не иначе, слѣд. предполагаетъ возможность со стороны человѣческой воли исполнять или не исполнять то, что онъ обязанъ, исполнять или не исполнять его волю. Почему изъ принципа права, выражающаго внѣшнюю физич. необходимость, можетъ быть выведено такое опредѣление права, что оно есть согласное съ нѣмъ-то изъ внѣ даннымъ и въ этомъ смыслѣ физически для него необходимымъ что всего чаще называется обыкновенно природою, но въ смыслѣ внѣшняго мiра, окружающаго человѣческое самосознаю-

щее я, а не въ смыслѣ природы, естества человѣка.

Изъ древнихъ греческихъ философовъ главнымъ представителемъ принциповъ, выражающихъ внѣшнюю физическую необходимость, былъ Гераклитъ. О немъ мы уже говорили при разсматриваніи формальныхъ принциповъ права, гдѣ мы замѣтили, что Гераклитъ призналъ сущимъ, какъ вѣчно пребывающимъ, всеобщій міровой законъ, управляющій всѣмъ ходомъ міра, вѣчнымъ теченіемъ его, вѣчнымъ уклоненіемъ его. Этотъ міровой законъ Гераклитъ называлъ между проч. и божествомъ вообще и Зевсомъ въ особенности, выражая тѣмъ, что этотъ законъ есть божественный, т. е. верховный законъ, какъ міровой законъ. Но кромѣ того Гераклитъ называлъ его между проч. и судьбою и необходимостью, въ смыслѣ внѣшней физической необходимости въ объясненномъ нами значеніи этого слова. Такой-то міровой законъ или такая-то внѣшняя физическ. необходимость и есть, по ученію Гераклита, правда и справедливость, владычествующая во всемъ мірѣ, какъ нѣчто въ ней необходимое и для человѣка, какъ существа природы, какъ извнѣ данное необходимое. Эта міровая правда и справедливость, этотъ всеобщій міровой законъ, какъ божественный законъ, какъ внѣшн. физическ. необходимость, въ смыслѣ міроваго порядка, какъ порядка физическаго міра, всей природы, подчиняетъ себѣ, по ученію Гераклита, всѣ человѣческіе законы данныхъ людскихъ обществ. союзовъ, словомъ подчиняетъ себѣ то, что мы называемъ положительнымъ правомъ всѣхъ людск. общественн. союзовъ. Такимъ обр. по ученію Гераклита, эти человѣч. законы, это положит. право имѣетъ дѣйствіе потому, что оно подчиняется

міровой правдѣ и справедливости, что оно согласно съ нею, что оно выводится изъ нея, и притомъ на столько имѣетъ оно дѣйствіе, на сколько оно ей подчиняется. Конечно, человѣческіе законы - это положительное право, какъ право того или другаго народа, могутъ физически и уклониться и обособиться, такъ сказать, отъ міровой правды и справедливости, отъ міроваго закона, но не могутъ физически пребыть въ такомъ своемъ отчужденіи отъ нея, въ этомъ обособленіи, потому что міровой законъ, міровая правда и справедливость, хотя и можетъ быть физически преступаема и въ этомъ смыслѣ нарушаема, но физически-же, какъ нѣчто необходимое, не можетъ быть ни уничтожаема ни даже измѣняема, потому, что въ случаѣ преступленія, нарушенія этого міроваго закона, міровой правды и справедливости, дѣйствіе ея физически, какъ нѣчто необходимое, снова возстановляется.

Точно тоже, что мы сказали объ отношеніи между міровою правдою и справедливостью, между закономъ міроваго порядка и человѣческими законами или положительнымъ правомъ, слѣдуетъ сказать, по ученію Гераклита, объ отношеніи между міровымъ закономъ, или міровою правдою и справедливостью и человѣч. закономъ или положительнымъ правомъ съ одной стороны и между внѣшнею человѣч. дѣятельностью, какъ дѣятельностью того или другаго человѣка, и именно: міровой законъ, міровая правда и справедливость и истекающіе изъ нея человѣч. законы (положит. право), хотя и могутъ б. физически нарушаемы, преступаемы внѣшн. дѣятельностью того или др. человѣка, его дѣяніями, но они никакъ не м. быть физически ни уничтожены ни даже измѣнены такою человѣч. дѣятельностью, пот. что всякое пребываніе человѣка въ отчужденіи

отъ нихъ, въ обособленіи отъ міроваго закона, отъ міровой правды и справедливости, какъ и отъ человѣческаго закона, отъ положительнаго права, всякое въ этомъ смыслѣ превознесеніе себя человѣкомъ надъ ними, т. е. всякій противный имъ эгоистическій произволъ и эгоистическое своевапіе физически отрицается міровымъ закономъ, міровою правдою и справедливостью, а во имя этого закона и человѣч. законами, положительнымъ правомъ, такъ что дѣйствіе ихъ, разъ нарушенное, снова возстановляется. Такимъ образ. міровой законъ или міровая правда и справедливость, по ученію Гераклита, можетъ быть опредѣлена, какъ вѣрность людскаго общественнаго союза съ нею, т. е. вѣрность и его дѣятельности и его законовъ, какъ положит. законовъ, также какъ вѣрность каждаго члена людскаго обществ. союза самому этому союзу съ его положит. правомъ, а чрезъ его посредство и вѣрность міровому закону, міровому порядку, міровой правдѣ и справедливости. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что внѣшняя физич. необходимость есть одинъ изъ моментовъ правды и справедливости, правопонятія, т. е. въ томъ смыслѣ что правда и справедливость владычествуетъ въ мірѣ независимо отъ человѣч. произволенія, человѣческой воли, такъ что никакое человѣческое произволеніе, никакой произволъ, никакое своеваніе человѣческое не можетъ уничтожить ея нерушимости, ея нерушимаго дѣйствія въ мірѣ; или, точнѣе сказать: правда и справедливость становится въ мірѣ независимо отъ человѣческаго произволенія или, какъ выражается народная русск. пословица: „все минется, одна правда останется".

Изъ новыхъ философовъ признавъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ обр. внѣшн. физич. необходи-

мостъ реальнымъ принципомъ права знаменит. нѣмецк. философъ, всесторонній энциклопедистъ Лейбницъ, родившійся въ 1646 г. и умершій въ 1716 г.. Онъ отправляется отъ той мысли, что сущность или субстанція каждаго единичнаго индивидуальнаго существа составляетъ присущая этому существу также единичная мысль. Эту мысль называетъ Лейбницъ монадою, заимствовавъ такое названіе у пиѳагорейцевъ; а такъ какъ единичныхъ существъ въ мірѣ безконечное множество, то, изъ этого слѣдуетъ, что въ мірѣ есть безконечное множество единичныхъ мыслей, субстанцій, монадъ и притомъ такъ, что каждая монада совершенно самостоятельна, и одна отъ другой независима. Однако, не смотря на такую независимость монадъ, ихъ самостоятельность, весь міръ, вмѣстѣ взятый, есть единое живое, внутренне связное и въ этомъ смыслѣ систематич. цѣлое, потому что монады въ своихъ дѣйствіяхъ согласны между собою, состоятъ въ согласіи между собою. Это взаимное соглашеніе монадъ между собою и назыв. Лейбницъ гармоніею. Поэтому гармонія вытекаетъ изъ самой сущности монадъ. Эта гармонія есть поэтому законъ всего міра или міровой законъ. Вслѣдствіе этого этотъ міровой законъ у Лейбница назыв. __предустановленною гармоніею__ (harmonia praestabilita). Спрашивается, какъ же она предустановлена? Предустановленіе ея приписываетъ Лейбницъ первой монадѣ, верховной монадѣ, этому своему божеству, такъ что предустановленная гармонія какъ дѣйствіе есть въ этомъ смыслѣ, можно сказать, первосозданная Богомъ гармонія, т. е. предположенная божествомъ конечная, верховная цѣль всего міра.

Таково сущность ученія Лейбница

о монадахъ, или Монадалогія. Но не только въ этомъ своемъ ученіи о монадахъ вообще или въ своей Монадалогіи, но и вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ своемъ нравственномъ ученіи въ обширн. смыслѣ, т.е. во всей своей этикѣ Лейбницъ имѣетъ въ виду единичную индивидуальную жизнь существъ нравственныхъ свободныхъ, ихъ самостоятельность, ихъ независимость другъ отъ друга. Но эта самостоятельность, эта независимость вовсе не мѣшаетъ тому, чтобы вслѣдствіе существующаго согласія ихъ въ своихъ дѣйствіяхъ, они составляли гармонію какъ сами съ собою, такъ и со всѣмъ міромъ. Эти существа, эти монады, какъ нравственныя монады, подчиняются предустановленной гармоніи какъ владычествующему во всемъ мірѣ и физическому и нравств. міровому закону. Въ этомъ смыслѣ Лейбницъ говоритъ (приведу мѣсто, которое прямо относится къ разсматриваемому нами предмету) слѣдующее: „предустановленная гармонія, связующая міръ, представляется въ людск. общеніи, т.е. въ людскихъ обществ. союзахъ какъ право (т.е. какъ право въ объект. смыслѣ), или какъ законъ этихъ обществ. союзовъ. Правда и справедливость и есть та добродѣтель, которая охраняетъ нормальное, т.е. согласное съ такимъ правомъ состояніе человѣческаго сожитія".

Затѣмъ, нѣкоторые философы признали реальнымъ принципомъ права внѣшнюю физическую необходимость, въ видѣ уже внѣшней для человѣка силы, какъ бы внѣшняго насилія и даже отождествляли въ такомъ смыслѣ право съ силою. Таковы были въ особенности многіе древніе греческіе софисты, которые утверждали, что праведное и

справедливое есть полезное сильнейшему.
Изъ новыхъ философовъ сюда принадлежитъ
въ особенности англійскій знаменитый
философъ Гоббесъ, родившійся въ 1588 году
и умершій въ 1679 г., а также не такъ
давно умершій нѣмецкій публицистъ
Галле, написавшій сочиненіе подъ загла-
віемъ „Возстановленіе государствовѣдѣнія
какъ науки". Но положительные факты
свидѣтельствуютъ, что обыкновенно раз-
личаютъ право и силу даже тѣ люди
и народы, которые руководствуются на
первой ступени своего развитія только
чувствомъ права, а не правосознаніемъ,
ибо и такіе люди и народы говорятъ
что такой то человѣкъ дѣйствуетъ
по праву, на основаніи полномочія слѣд.
а такой то человѣкъ дѣйствуетъ на-
противъ какъ сильнѣйшій, прибѣгая
только къ силѣ, насилію, такъ что
они даже противополагаютъ право
и силу. Поэтому выраженіе, которое
и до сихъ поръ еще въ ходу: право силь-
нѣйшаго, есть выраженіе самопроти-
ворѣчащее. Затѣмъ, люди и народы, достиг-
шіе уже сознанія права, правосознанія,
точнѣе различаютъ право и силу, ко-
гда напр. юристы говорятъ, что та-
кое то человѣческое дѣйствіе есть дѣй-
ствіе права, какъ своей причины, а та-
кое то человѣческое дѣйствіе напротивъ
есть дѣйствіе силы человѣка, какъ своей причи-
ны и слѣд. они также противополагаютъ
право и силу. Юристы также различаютъ
фактъ и право и слѣд. и ихъ также про-
тивополагаютъ. Но тѣмъ не менѣе, мы должны
признать, что сила есть одинъ изъ моментовъ
правопонятія а именно въ томъ см. что во 1-хъ только
правда и справедливость истинно могуча, истинно силь-
на, а неправда и несправедливость немощна,

безсильна, какъ это доказываетъ между прочимъ Платонъ устами Сократа противъ софиста Фразимаха, утверждающаго что праведное и справедливое есть полезное сильнѣйшему, а именно доказываетъ въ своемъ знаменитомъ соч. Политія; во 2) въ томъ смыслѣ, что для права какъ въ объективномъ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ этого слова, для его дѣйствія необходима сила, ибо объективное право должно имѣть дѣйствіе, какъ обязательную силу, должно быть охраняемо отъ своего нарушенія, а въ случаѣ нарушенія должно быть снова возстановляемо, что не можетъ быть иначе достигнуто какъ силою, т. е. мѣрами принужденія, а субъективное право, по самому уже своему значенію, заключаетъ въ себѣ, какъ существенный моментъ, силу, ибо право въ субъективномъ смыслѣ есть ничто иное какъ полномочіе, т. е. есть власть, есть сила, подчиняющая себѣ все прочее. Объективное право безъ силы или безсильное есть право только въ возможности (человѣкъ имѣетъ право, да не можетъ его осуществить), а не въ дѣйствительности, не есть дѣйствительное право и потому, строго говоря, его вовсе нельзя назвать правомъ.

Наконецъ, въ новыя времена и до настоящаго времени намъ встрѣчается весьма распространенный взглядъ на то, что реальный принципъ права есть именно внѣшняя физическая необходимость. Конечно, эти взгляды болѣе или менѣе замаскированы и притомъ по большей части безсознательно производятся мыслителями, раздѣляющими такіе взгляды. Сюда нужно отнести, по крайней мѣрѣ отъ части, поставленное впервые съ особенною опредѣлительностью нѣмец. философомъ <u>Томазіемъ</u>, родившимся въ 1655 году и умер

шимъ въ 1728 г., затѣмъ далѣе развитое Кантомъ, какъ мы видѣли и наконецъ доведенное до крайности философомъ Фихте и до сихъ поръ еще общепринятое, къ сожалѣнію, юристами крайне одностороннее воззрѣніе на право, состоящее въ слѣдующемъ. Это воззрѣніе находитъ въ правопонятіи одинъ только физическій моментъ или элементъ, къ сему существенный, именно силу, насиліе, выражая ее въ см. принужденія. Это воззрѣніе упускаетъ изъ виду, какъ прямо заявилъ Тренделенбургъ, недавно умершій профессоръ Берлинскаго университета, написавшій сочинен. по естественному праву, другой столь же существ. элементъ права, а именно этическую или нравственную въ обширномъ смыслѣ необходимость. Вслѣдствіе того, что эти мыслители упускаютъ изъ виду этотъ второй существенный моментъ, удерживая только одинъ моментъ, а именно физическій, въ смыслѣ принужденія, они отличаютъ право по его будто бы сущности, понятію отъ морали принудительностью права, выражающегося именно во внѣшней физической необходимости, и непринудительностью морали, къ отсутствія этой внѣш. физич. необходимости, замѣняя ее для морали внут. нравств. необходимостью. Но въ наше время юристъ, недавно умершій, Виндшейдъ въ своемъ сочиненіи Пандектное право, переведенное и на русскій языкъ, указываетъ между проч. во многихъ случаяхъ на несостоятельность такого воззрѣнія, а именно онъ говоритъ: « задача юридическаго, какъ и моральнаго порядка состоитъ въ регулированіи человѣч. хотѣнія, человѣческой воли, но между тѣмъ какъ моральный порядокъ пред-

писываетъ что и чего <u>должно</u> хотѣть, юрид. порядокъ даетъ предписаніе о томъ что и чего <u>дозволено</u> хотѣть. Что государство устанавливаетъ нравств. порядокъ въ случаѣ нужды также между проч. и принужденіемъ, - это, говоритъ Виндшейдъ, вытекаетъ изъ задачи государства, которая состоитъ въ томъ, что оно должно б. охранять нравств. порядка. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы принужденіе составляло сущность права, ибо въ самомъ дѣлѣ, принужденіе можетъ б. признано существеннымъ признакомъ развѣ только неправа, нарушенія права, а не самаго права. Другими словами: принужденіе употребляетъ обществ. власть только въ томъ случаѣ, когда право нарушено, а не тогда, когда человѣкъ поступаетъ согласно съ правомъ. Слѣдовательно, принужденіе есть, пожалуй, существен. признакъ неправа, а не права. Но тѣмъ не менѣе, принужденіе мы должны признать однимъ изъ существ. моментовъ правопонятія въ томъ именно смыслѣ, что принужденіемъ охраняется право отъ неправа, отъ своего нарушенія.

Мы разсмотрѣли внѣш. физич. необходимость, какъ второй реальный объективный принципъ права, какъ вообще, такъ и указавъ на главн. его представителей. Изъ всего этого разсмотрѣнія слѣдуетъ, что на второй ступени генетич. развитія человѣческаго сознанія реальныхъ объективныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые производятъ право какъ изъ источника, какъ изъ причины, изъ того, что мы называли внѣшнею физич. необходимостью и которые

потому опредѣляютъ право какъ нѣчто физически необходимое, а именно: какъ физически необходимый законъ, который есть съ одной стороны всеобщій міровой законъ, какъ міровой порядокъ, а съ другой стороны есть особенный порядокъ того или другаго обществ. союза, какъ его закона, подчиняющагося всеобщему міровому закону, ибо міровой законъ, эта внѣшняя для человѣка физическая необходимость, самъ по себѣ непреложенъ, незыблемъ, нерушимъ, такъ что, хотя онъ и нарушается, но потомъ непрестанно возстановляется физич. силою, насиліемъ, принужденіемъ. Слѣд. право есть такой законъ и міровой и людскаго общественнаго союза, который въ этомъ смыслѣ существенно соединяется съ силою, насиліемъ, принужденіемъ.

Объективные реальные причины права, выражающіе внѣшнюю нравств. необходимость.

Нравств. необходимость отличается отъ внѣшней физич. необходимости тѣмъ что она налагаетъ на человѣка нравственныя въ обширномъ см. обязанности, какъ обязанности этическія т. е. и моральныя и юридическія вмѣстѣ, а именно она предполагаетъ свободу человѣческой воли исполнять или не исполнять эти обязанности, ибо нравственность безъ такого предположенія человѣческой воли немыслима. Но эта нравств. необходимость имѣетъ нѣчто и общее съ физич. необходимостью. Это общее состоитъ здѣсь въ томъ что и

ту и другую необходимость разсматриваемъ мы здѣсь только какъ внѣшнюю необходимость, т.е. какъ поставленную для человѣка извнѣ, а не вытекающую изъ самой внутренней природы человѣка, изъ самого его существа, такъ что и та и другая необходимость, которую мы разсматриваемъ, есть объективный, а не субъективный реальный принципъ права.

Уже въ древней Греціи, отчасти Сократъ и въ особенности величайшій изъ его учениковъ Платонъ понимали подъ правдою и справедливостью нравственный мировой порядокъ, налагающій на человѣка обязанности извнѣ, какъ внѣшнюю нравственную для него необходимость. Въ самомъ дѣлѣ внѣшняя нравственная необходимость есть одинъ изъ моментовъ правопонятія, если понимать право, какъ нравственный порядокъ всякаго вообще людскаго обществ. союза во всемъ мірѣ, гдѣ только живетъ человѣкъ, въ см. существа нравственнаго вообще, т.е. разумнаго и свободнаго. Такой же принципъ права принимали и тѣ философы, которые и утверждали, что праведное и справедливое есть ничто иное какъ согласное съ волею и предписаніями извнѣ для человѣка данными, велѣніями существа, возвышающагося надъ человѣкомъ какъ и надъ всѣмъ вообще міромъ, верховнаго существа, божества, которое налагаетъ своими велѣніями нравственныя въ обширномъ смыслѣ обязанности на человѣка, какъ верховное существо, подчиняющее себѣ всё. Такой принципъ права поставляло огромное большинство средн. вѣковыхъ философовъ-теологовъ, дедуци-

ровавшихъ правопонятіе изъ воли божіей, такъ что они признавали что праведное и справедливое есть ничто иное какъ согласное съ велѣніями божества, данными роду человѣческому или съ заповѣдями ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви и потому у нихъ правда и справедливость есть ничто [ничто] иное какъ согласное съ волею божіею, съ этими заповѣдями добродѣтель, въ смыслѣ, однакоже, общественной добродѣтели, выражаемой во взаимныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ людей между собою, какъ членовъ одного и того-же людскаго общественнаго союза. Но нѣкоторые изъ нихъ понимали подъ правдою и справедливостью (justitia) и добродѣтель вообще, а нетолько особенную общественную добродѣтель, слѣд. у нихъ правда и справедливость имѣла уже значеніе не только юридическое, но вмѣстѣ и моральное, а слѣдов. нравственное въ обширномъ смыслѣ или или этическое. Послѣднее значеніе правды и справедливости возникло впервые у евреевъ вслѣдствіе того, что у нихъ государственное устройство было теократическое. Евреи разсуждали такимъ образомъ: такъ какъ богъ признается нами вмѣстѣ и верховнымъ царемъ надъ собственно такъ назыв. земными царями, какъ его помазанниками, или, какъ они выражались, такъ какъ богъ есть богъ боговъ, называя богами земныхъ своихъ царей; то всякій еврей, почитающій этого единаго бога, долженъ признать себя обязаннымъ не только морально, но и юридически, исполнять всѣ велѣнія бога какъ своего бога и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ своего царя и въ этомъ смыслѣ быть добродѣтельнымъ вообще, ибо такое исполненіе велѣній божіихъ признанныхъ вмѣ-

сти обязательными и юридически и морально, есть то, что назыв. правдою и справедливостью въ смыслѣ добродѣтели вообще. Но такъ какъ добродѣтель есть вообще безгрѣшность, то правда и справедливость значила въ ветхомъ завѣтѣ безгрѣшность, а такъ какъ одинъ только богъ признанъ былъ безгрѣшнымъ, то потому одинъ богъ назывался въ ветхомъ завѣтѣ въ этомъ смыслѣ праведнымъ, т.е. безгрѣшнымъ, нравственно совершеннымъ существомъ, а люди, поступавшіе праведно и справедливо, назывались праведниками. Такое значеніе правды и справедливости перенесено изъ ветхаго завѣта въ новый завѣтъ, гдѣ особенно часто апостолъ Павелъ говоритъ объ оправданіи человѣка въ смыслѣ освобожденія его отъ природнаго грѣха. Въ Новомъ Завѣтѣ также правда и справедливость, въ смыслѣ безгрѣшности, приписывается одному только богу, въ Троицѣ славимому т.е. богу Отцу, богу Сыну и богу Духу Св.. Средневѣковые теологи основывались на священномъ Писаніи и понимали также правду и справедливость въ смыслѣ добродѣтели. Но многіе изъ средневѣковыхъ христіанскихъ теологовъ, въ качествѣ уже не чисто теологовъ, <u>а теологовъ философовъ</u> въ своемъ ученіи о правдѣ и справедливости придали ей болѣе ограниченное значеніе, разумѣя подъ нею, по крайней мѣрѣ, преимущественно такъ назыв. общественную добродѣтель въ разъясненномъ нами смыслѣ, однакоже они все таки поставили реальнымъ принципомъ права, какъ и другіе теологи, волю божію въ смыслѣ внѣшней, извнѣ данной, нравственной необходимости, такъ что правду и справед-

ливость средневѣковые философы признали какъ-бы не естественною человѣку въ этомъ смыслѣ, ибо человѣкъ, по естеству своему, по природѣ, грѣховенъ, а слѣд. не безгрѣшенъ и не можетъ быть праведнымъ. Правда и справедливость можетъ быть въ этомъ смыслѣ и есть достояніе одного только божества, одного Бога. Что-же касается людей, то правда и справедливость можетъ быть ихъ достояніемъ но не иначе какъ съ помощію благодати божіей, т. е. человѣкъ, по своему грѣховному естеству, не можетъ самъ собою безъ помощи божіей исполнить волю божію, заповѣди божіи, и быть чрезъ это праведнымъ и справедливымъ. Если скажемъ мы, разсматривать такой реальный принципъ права (волю божію) какъ принципъ христіанской добродѣтели вообще подъ именемъ правды и справедливости съ теологической чисто точки зрѣнія, т. е. со стороны вѣры въ божественное откровеніе, то противъ него нельзя ничего сказать отрицательнаго, такъ какъ въ этомъ смыслѣ воля божія есть дѣйствительно существенный моментъ правопонятія. Но если разсматривать этотъ реальный принципъ права, чисто съ научной точки зрѣнія, т. е. съ философской, со стороны знанія, добываемаго человѣческимъ умомъ самимъ собою, независимо ни отъ какого содѣйствія, помощи, то такое ученіе о правдѣ и справедливости уничтожаетъ самостоятельность всей вообще философіи права, какъ науки имѣющей именно предметомъ своимъ праведное и справедливое, правду и справедливость. Такое смѣшеніе философіи вообще и съ христіанскою теологіею, а слѣд.

и философіи права съ теологіею, какъ это дѣлали средневѣковые такъ назыв. отцы церкви, или-же подчиненіе философіи вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и философіи права христіанской теологіи, какъ это дѣлали въ средніе вѣка философы, назыв. схоластиками, не можетъ быть допущено въ наукѣ.

Противъ такого смѣшенія и подчиненія философіи права какъ науки, и вооружился голландскій философъ Гуго-Гроцій въ своемъ знаменитомъ соч. De jure belli ac pacis, въ которомъ онъ прямо сказалъ, что праведное и справедливое (justum) независимо отъ воли божіей, и что слѣд. правда и справедливость была-бы правдою и справедливостью, какъ дважды 2=4, и если-бы даже не было бога, чего, однакоже, безъ крайней дерзости, безъ крайняго невѣрія сказать нельзя. Вотъ почему философія права, или, какъ ее обыкновенно тогда называли, естественное право, какъ наука, есть наука самостоятельная, которую нужно отдѣлить отъ теологіи, а не смѣшивать съ него и не подчинять ей. Гуго-Гроцій не ограничился такимъ признаніемъ самостоятельности естественнаго права или философіи права, какъ науки, а самъ построилъ эту науку, какъ науку самостоятельную въ этомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи. За такое-то возстановленіе той самостоятельности философіи права, или естественнаго права какъ науки, какую оно имѣло уже въ древней философіи и какое оно утратило въ средніе вѣка, Гуго-Гроцій по справедливости признается творцомъ естественнаго права или философіи права. Несмотря на то, не только въ новой филосо-

фіи, но даже и въ новѣйшей, было много попытокъ возвратиться вспять къ среднимъ вѣкамъ и разсматривать философію права вмѣстѣ съ теологіей или подчинять ее теологіи. Эти попытки дѣлались, конечно, съ помощью новыхъ научныхъ изслѣдованій. Такихъ философовъ называли и называютъ обыкновенно теологизирующими, т.е. философами теологизирующими философію права, дѣлающими изъ нея нѣчто теологическое. Главнымъ представителемъ такой теологизирующей философіи права былъ не такъ давно умершій профес. Берлинскаго университета, Шталь, который въ первомъ томѣ своихъ сочиненій излагаетъ исторію философіи права, которая вышла четвертымъ изданіемъ. Шталь выводитъ правопонятіе, праведное и справедливое изъ личности божіей, какъ изъ вѣчнаго принципа, источника всего, какъ принципа всего міра, по его выраженію. Мы приведемъ изъ его сочиненія тѣ подлинныя слова, которыя сюда относятся, однако же съ ихъ разъясненіемъ. „Правда и справедливость (Die Gerechtigkeit) имѣетъ своимъ источникомъ верховную личность, т.е. божію; но тѣмъ не менѣе эта личность божія предоставляетъ полную свободу и право другой волѣ, т.е. человѣческой (т.е. субъективныя права и право въ смыслѣ закона), такъ что, будучи сама свободною, эта воля предоставляетъ свободу и волѣ человѣческой. Этимъ объясняется то чудное устройство міра, что допускается преступленіе воли божіей, ея велѣній, но такъ, что самыя эти велѣнія какъ бы запечатлены и сломать эту печать невозможно (т.е. воля божія непреложна, несмотря на то, что человѣкъ свободно нарушаетъ ея велѣнія). Поэтому то, говоритъ Шталь, правда

и справедливость, какъ-бы вѣчно движутся около этихъ обоихъ полюсовъ, т.е. воли божіей и воли человѣка, такъ что ничего не устраняется изъ святаго, устроеннаго богомъ, порядка міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не умаляется правда и свобода людей. Правда и справедливость, будетъ-ли она божескою или человѣческою, есть непремѣнно атрибутъ только личности, т.е. божеской или человѣческой" (т.е. все что не имѣетъ личности, что не есть самосознательное существо, разумное и свободное, что есть безличное существо, до того не можетъ относиться правда и справедливость) „Въ самомъ дѣлѣ, еслибы верховный принципъ всего, т.е. богъ, былъ-бы дѣйствительно субъектомъ безличнымъ и не имѣлъ-бы какъ сознанія, такъ и свободы, то вовсе не было бы даже и идеи правды и справедливости. Но правда и справедливость есть атрибутъ личности только въ ея отношеніи къ другимъ лицамъ, а не къ самой себѣ, а именно, атрибутъ личности, подчиненной но притомъ свободной въ отношеніи къ другимъ свободнымъ лицамъ, слѣдов. къ господствующей волѣ." Слѣдов. правда и справедливость непремѣнно предполагаетъ личность, т.е. существо, до котораго она относится. Мало этого, правда и справедливость относится только ко взаимнымъ отношеніямъ между лицами, а слѣдов. она не касается отношеній лица къ вещамъ, и даже отношенія лица къ самому себѣ. Что праведно и справедливо въ отношеніяхъ между лицами, то только истинно можетъ быть названо праведнымъ и справедливымъ. Что-же касается моей напрім. обязанности сохранить человѣческое достоинство во всемъ, во всей моей внѣшней дѣятельности, то это уже относится къ об-

ласти моральныхъ обязанностей. Но между лицами есть различие: одно есть верховное лицо, а другія лица ему подчинены. Отсюда вытекаетъ различіе въ правахъ и обязанностяхъ. Всѣ другія лица должны подчиняться верховному божеству, такъ что правда и справедливость проявляется въ законахъ этого подчиненія, въ человѣческихъ учрежденіяхъ и т. п.. Но и между подчиненными есть также подчиненность, т. е. правда и справедливость между людьми есть высшая и есть низшая въ этомъ смыслѣ. Правда и справедливость, какъ выраженіе воли божества, есть нѣчто необходимое для всѣхъ вообще людей и даже для отдѣльныхъ лицъ. Какъ необходимому велѣнію воля того или другаго лица подчиняется волѣ другихъ лицъ. Такъ напр. верховной власти государства подчиняются всѣ члены государства и въ отношеніяхъ между верховною властью и ея подданными есть нѣчто нравственно необходимое, т. е. послѣдніе должны повиноваться верховной власти, „такъ какъ вѣрность лица только самому себѣ (своей сущности, своей природѣ) еще не тождественна съ правдою и справедливостью, потому что правдою и справедливостью предполагается господство одной личной воли надъ другою личною волею. Правда и справедливость означаетъ нерушимое сохраненіе велѣній со стороны господствующаго лица".

Таково значеніе, говоритъ Шталь, правды и справедливости въ первоначальномъ и объективномъ смыслѣ, т. е. правда и справедливость въ этомъ значеніи есть ничто иное какъ совокупность велѣній лица властвующаго, предписывающаго законы для лицъ ему подчиненныхъ. Совокупность этихъ законовъ есть слѣдов. нѣчто внѣшнее для этого лица, которое

должно ихъ исполнить и въ этомъ объективномъ смыслѣ правда и справедливость, говоритъ Шталь, прямо устанавливаетъ законы со стороны высшихъ лицъ для лицъ подчиненныхъ и эта же правда и справедливость завѣдуетъ всѣмъ этимъ подчиненіемъ. Правда и справедливость объективная есть прежде всего божественная правда и справедливость въ смыслѣ законовъ для всѣхъ лицъ и для всѣхъ людей, а затѣмъ [illegible] эта правда и справедливость устанавливается монархами и другими властителями верховной власти, такъ что человѣкъ долженъ быть прежде всего вѣренъ правдѣ и справедливости божественной, а затѣмъ правдѣ и справедливости устанавливаемой верховною властью во всемъ государствѣ и наконецъ онъ долженъ б. вѣренъ судьѣ, отцу и т. п. Но правда и справедливость устанавливается высшими въ отношеніи къ подчиненнымъ лицамъ, а не къ равнымъ, а потому простой гражданинъ не можетъ быть обязанъ быть вѣрнымъ другому такому же простому гражданину, т. е. подчиняться его велѣніямъ, ибо такія велѣнія не относятся къ правдѣ и справедливости. Но правда и справедливость у Шталя употребляется еще и въ другомъ смыслѣ, (въ субъективномъ), а именно - это есть непремѣнное исполненіе велѣній высшаго лица со стороны подчиненныхъ ему лицъ. Когда подчиненныя лица, люди вообще исполняютъ повелѣнія Божіи, или граждане исполняютъ велѣнія правителей государства, когда мы называемъ это праведнымъ и справедливымъ, употребляя это слово уже въ субъективномъ значеніи, т. е. какъ правду и справедливость даннаго субъекта, исполнителя этихъ волѣній, составляющихъ [illegible]о объективн[illegible]ю прав-

ду и справедливость. Это есть именно библейское словоупотребленіе правды и справедливости, т.е. въ этомъ соблюденіи со стороны подчиненныхъ лицъ велѣній внѣшняго лица и состоитъ добродѣтель вообще, какъ юстиція, какъ правда и справедливость въ томъ смыслѣ, какъ она употребляется въ Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ. Но во всѣхъ значеніяхъ правда и справедливость по своему понятію, по своей сущности и состоитъ въ нерушимости, въ непреложности даннаго порядка, каково-бы ни было особенное содержаніе правды и справедливости, т.е. какъ-бы мы не понимали правду и справедливость, въ смыслѣ закона или въ смыслѣ исполненія закона, всѣ эти значенія прямо предполагаютъ, что правда и справедливость не должна быть нарушаема, потому что она сама по себѣ нарушима, не можетъ быть уничтожена. Содержаніе правды и справедливости вообще, или содержаніе нравственныхъ требованій или нравственныхъ идей многоразлично; такъ, въ составъ правды и справедливости, какъ нравственнаго міроваго порядка, входитъ любовь къ ближнимъ, цѣломудріе, вѣрность своему призванію, патріотизмъ и т.п.. Но есть од-
12. на нравственная идея, которая, говоритъ Шталь, кладетъ печать необходимости непреложности на все содержаніе всѣхъ нравственныхъ идей. Это есть идея правды и справедливости. Правда и справедливость есть вообще идея нравственнаго міра, какъ такого, т.е. есть такая идея, на которой почиваетъ бытіе и существованіе, самое сохраненіе этого міра, а именно, словами правды и справедливости обозначается отношеніе нравственнаго могущества, нравственной силы

и авторитета, власти божества и государства къ свободнымъ лицамъ, людямъ, состоящимъ и подъ велѣніями божіими и подъ велѣніями верховной власти государства. Но это отношеніе состоитъ не только въ неизмѣнномъ сохраненіи, какъ самыхъ этихъ велѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ сохраненіи предоставленнаго людямъ, божествомъ и государствомъ въ сферѣ бытія и существованія правомочія, т. е. права въ субъективномъ смыслѣ, какъ сферѣ предоставленной имъ свободы, ибо понятіе т. е. сущность правды и справедливости и состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ непреложномъ, нерушимомъ сохраненіи даннаго этическаго, нравственнаго порядка, т. е. установленнаго порядка и божествомъ, и государствомъ. Поэтому эту правду и справедливость опредѣляетъ Шталь двоякимъ образомъ: 1, - какъ охраняющую нравственный порядокъ власть, силу, авторитетъ, охраняющую отъ всякаго нарушенія этого порядка. Ею обезпечиваются предоставленныя права подчиненныхъ лицъ, какъ подначальныхъ, какъ въ отношеніи къ ней самой, такъ и въ отношеніи къ другимъ лицамъ. Во 2, - правду и справедливость опредѣляетъ Шталь, какъ мздовоздающую силу, власть, авторитетъ, который, смотря потому, будетъ - ли или не будетъ исполняемы ея велѣнія (что возможно, потому что человѣкъ свободенъ), или награждаетъ или наказываетъ человѣка съ тѣмъ, чтобы награжденіемъ или наказаніемъ проявить внѣшнее господство нравственнаго порядка. Оба эти проявленія правды и справедливости (какъ охраняющей и мздовоздающей) лежатъ необходимо въ ея сущности, въ ея понятіи и потому

лежать въ ней въ нераздѣльномъ между собою единствѣ, т.е. не можетъ быть правды и справедливости безъ охраненія нравственнаго порядка и безъ мздовоздаянія людямъ за исполненіе и неисполненіе ея нравственныхъ требованій. Эта идея правды и справедливости не ограничивается одной областью только права; напротивъ, она относится къ нравственному міру вообще со всѣми ея областями и ступенями, такъ что, гдѣ есть нравственный порядокъ, тамъ всегда есть правда и справедливость. Относительно высочайшей внутренней области нравственнаго міра, т.е. области религіи и морали, какъ области внутреннихъ духовныхъ чувствованій, мыслей и желаній, правда и справедливость есть право божества, ибо оно есть велѣніе Божіе, охраняемое вѣчнымъ судомъ Божіимъ, т.е. небеснымъ судомъ, судомъ будущей жизни, а также охраняемую Немезидою, владычествующею уже въ земныхъ судьбахъ человѣка. Такъ какъ на землѣ правда и справедливость награждается, а неправда и несправедливость наказывается, то въ области государственной дѣятельности правда и справедливость есть принадлежность гражданскаго людскаго общества, она есть законъ, велѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ власть, авторитетъ гражданскаго общества, государства, которыя (велѣнія, власть и пр.) награждаются, именно, гражданскимъ судомъ, т.е. судами въ гражданскомъ обществѣ, государствѣ. Нарушеніе божественной правды и справедливости называется грѣхомъ, а нарушеніе гражданской прав-

ды и справедливости называется преступ-
леніемъ. Награда праведныхъ и справед-
ливыхъ, какъ со стороны божественной,
такъ и со стороны гражданской состоитъ
не столько въ особенныхъ отличіяхъ пра-
ведныхъ и справедливыхъ людей отъ не-
праведныхъ и несправедливыхъ, сколько
въ самомъ причастіи праведныхъ и
справедливыхъ нравственному поряд-
ку — въ томъ самомъ, что они суть
члены этого нравственнаго порядка.
Такъ причастіе нравственному по-
рядку, какъ царству духовнаго или
нравственнаго міра, есть награда то-
го человѣка, который соблюдаетъ велѣнія
божіи, а лойяльный подданный своего го-
сударства находитъ себѣ награду не
только въ защитѣ своего закона, сколь
ко въ томъ, что онъ есть членъ это-
го гражданскаго общества, какъ члена
народа. Эта правда и справедливость,
какъ тамъ, такъ и здѣсь есть одна и
таже и имѣетъ равное бытіе; слѣд.
идея правды и справедливости есть общая
идея и теологіи, имѣющей предме-
томъ своимъ божество, и слѣдов. прав-
ду и справедливость божественную, и
правовѣдѣнія, имѣющаго предметомъ правду и спра-
ведливость гражданскую. Въ этомъ по-
слѣднемъ отношеніи и выражается съ
особенною очевидностью теологизирующее
направленіе Шталя. Наконецъ Шталь
признавая только право въ собствен
номъ смыслѣ, т.е. только положитель
ное право, такъ какъ правда и спра-
ведливость, относится у него вообще
въ области всего нравственнаго по-
рядка, опредѣляетъ понятіе этого
права такимъ образомъ: право есть

норма и порядокъ человѣческаго общежития; оно имѣетъ своею задачею охранять внутреннюю цѣль, какъ нравственную идею, присущую всякому гражданскому учрежденію по возможности до конца. Въ такомъ опредѣленіи правопонятія, дѣйствительно скажемъ мы, заключается одинъ изъ существенныхъ моментовъ права, ибо право является такою внѣшнею нравственною необходимостью для человѣческихъ обществъ, въ силу которой охраняется всякое учрежденіе общества съ цѣлью, чтобы присущая этому учрежденію цѣль, какъ его нравственная идея, была достигаема по возможности этимъ самымъ установленіемъ, учрежденіемъ.

Мы разсмотрѣли всѣ вообще объективные реальные принципы права во всѣхъ ихъ главныхъ представителяхъ. Разсмотримъ теперь вообще субъективные реальные принципы права. Итакъ

2, Субъективные реальные принципы права.

Это суть тѣ принципы права, которые выражаютъ внутреннюю природу человѣка, т.е. его сущность, его естество. Между ними слѣдуетъ различать слѣдующ. 3 группы принциповъ права, которые суть ничто иное, какъ ступени ихъ генетическаго развитія, а именно: во 1, реальные субъективные принципы права выражающіе физическую вещественную природу ~~чело~~ человѣка, какъ части внѣшней видимой природы; во 2, реальные субъективные принципы права, вы-

ражающіе нравственную природу человѣка, нравственное естество, природу человѣка, какъ существа разумнаго и въ 3, реальные субъективные принципы права, выражающіе всю вообще природу, все естество вообще человѣка, т. е. и физическую, и нравственную его природу и принимая, какъ одно всецѣлое. Итакъ
а, Реальные субъективные принципы права, выражающіе физическую природу человѣка.

Уже въ древности греческой софисты производили право изъ физической природы человѣка, признавая только сильнѣйшаго правомочнымъ по природѣ, естествен. праву и отказывая слабому также по естественному природн. праву, во всякомъ правѣ. Въ особенности это выразилъ приверженецъ софистовъ Калликлъ въ Платоновомъ разговорѣ, а также софистъ Фразимахъ въ Платоновомъ разговорѣ о государствѣ, прославляя деспота и тирана, какъ самого могущественнаго человѣка и самого счастливаго, хотя подъ сильнѣйшимъ онъ разумѣлъ не сильнаго только физически, не какого нибудь бойца, атлета, гимнаста, а именно сильнаго въ искусствѣ управлять государствомъ, такъ чтобы всѣ подданные дѣлали все въ его пользу. Впрочемъ Фразимахъ игралъ только греческимъ словомъ крейттонъ, имѣющимъ 2 значенія, а именно, значеніе сильнаго физическаго и сильнаго духовно.

Нѣкоторые древніе римскіе юристы также опредѣляли все естественное право (jus naturale), какъ право инстинктовъ, общее человѣку и проч. животнымъ.

Такъ напр. Ульпіанъ опредѣлялъ, какъ это видно изъ пандектовъ, естественное право такимъ обр.: jus naturali est quod omnia animalia docuit, т.е. естественное право есть то, которому природа научила всѣхъ животныхъ, которое, слѣдов., лежитъ въ природѣ физической, а именно въ инстинктахъ, въ природн. влеченіи, требующемъ своего удовлетворенія. Отсюда, говоритъ далѣе Ульпіанъ, супружескій союзъ между самцомъ и самкою, рожденіе и воспитаніе дѣтей и т. под., т.е. здѣсь приводится въ примѣръ одинъ инстинктъ общенія, какъ физическ. инстинктъ, заключающійся въ самой физической природѣ человѣка. Этотъ инстинктъ есть общій всѣмъ людямъ, а потому всѣ юридическія учрежденія суть такія учрежденія, которыя проистекаютъ изъ физической природы человѣка, а именно изъ такого инстинкта, откуда происходитъ супружескій союзъ, союзъ между родителями и дѣтьми и союзъ вообще семейный.

Въ новѣйшее время этотъ принципъ выставилъ и развилъ съ особенною опредѣлительностью знаменитый голландскій философъ Спиноза, родившійся въ 1632 г. и умершій въ 1677 году. Полное собраніе его сочиненій на латинск. яз. недавно издано въ оригиналѣ и переводахъ; лучшими изъ этихъ переводовъ являются нѣмецкіе переводы. Для насъ особенно важны изъ его сочиненій этика и его такъ назыв. "Tractatus politiens". Спиноза дедуцировалъ право изъ могущества, потенціи индивида, всякаго субъекта, утверждая, что всякій индивидъ, т.е. всякій человѣкъ и всякое вообще живое существо (животное)

имѣетъ настолько природнаго, естественнаго права, какъ правомочія, насколько оно имѣетъ могущества, т. е. насколько оно может что-нибудь сдѣлать или не сдѣлать и насколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сохранить свою индивидуальность. Въ этомъ смыслѣ Спиноза отождествилъ право съ могуществомъ. Онъ говоритъ, что, какъ большія рыбы по праву естественному природному съѣдаютъ меньшихъ рыбъ такъ точно могущественный человѣкъ по праву естественному, природному подчиняетъ себѣ менѣе могущественныхъ, а точно также и самое государство относительно своихъ гражданъ и другихъ государствъ является господствующимъ до тѣхъ поръ, пока оно могущественно. Но Спинозовъ принципъ права (могущество) существенно отличается отъ упомянутаго нами принципа софистовъ, – физическ. силы тѣмъ, что Спиноза съ этимъ принципомъ могущества соединяетъ одинъ изъ инстинктовъ природы человѣка, а именно, физическое влеченіе къ самосохраненію, что также вмѣстѣ съ проч. влеченіями природными есть одинъ изъ моментовъ правопонятія. Но кромѣ Спинозы <u>большинство философовъ относящихся къ исторіи новой философіи</u>, начинающейся съ Бэкона и Декарта и доходящей до Канта, признавали реальнымъ принципомъ права также одно или нѣсколько природныхъ влеченій, инстинктовъ человѣческихъ присущихъ его существу, его природѣ, какъ физической природѣ, ибо всякое такое влеченіе есть физически необходимое т. е. физически необходимо его удовлетворить, а

именно: одни изъ этихъ философовъ признавали реальнымъ принципомъ права такъ называемые общежительные влеченія человѣка или инстинкты, а именно, инстинкты, влекущіе человѣка къ общенію его съ другими людьми. Другіе-же философы признали такимъ принципомъ эгоистическія природныя влеченія, инстинкты, влекущіе человѣка, напротивъ, къ обособленію себя. Наконецъ, третьи изъ этихъ философовъ старались примирить эти общежит. и эгоистич. принципы и даже, по возможности, слить ихъ въ одинъ какой-нибудь принципъ.

Общежительн. природное влеченіе впервые призналъ принципомъ права, какъ реальнымъ субъективнымъ принципомъ и развилъ съ особенною опредѣлительностью голландск. философъ Гуго-Гроцій. Такъ въ своемъ сочиненіи, Societatis appetitus (стремленіе къ товариществу, т.е. къ общенію человѣка съ другими людьми) онъ говоритъ, что право есть custodia societatis, т.е. стражъ общенія.

Эгоистическое природное влеченіе призналъ принципомъ права впервые и развилъ съ особенною опредѣлительностью англійскій философъ Гоббесъ. Онъ выразилъ его въ природномъ влеченіи человѣка къ сохраненію своей жизни, какъ физическ. жизни и своихъ членовъ, т.е. членовъ своего тѣла, что и указываетъ, что человѣкъ здѣсь понимается, какъ физическое существо, имѣющее извѣстный физическій организмъ, состоящій изъ соединенія извѣстныхъ членовъ), какъ орудій.

Наконецъ примирить общительные

и эгоистическіе принципы старался впервые съ особенною опредѣлительностью нѣмецкій философъ Пуфендорфъ. Для насъ въ особенности важны его сочиненія: „Elementa jurisprudentia", „De jure naturali et gentium", и „De offitiis hominis et civis". Но приминеніе его этихъ своихъ принциповъ между собою противоположныхъ, по самой своей сущности, не было полное, потому что онъ все таки оставилъ преобладающимъ общительный принципъ надъ эгоистическимъ.

Нѣкоторые философы этого времени поставили такой принципъ права, въ которомъ старались уже, по возможности, слить а не только что примирить эти принципы эгоистическіе и общительные. Съ наибольшею опредѣленностью выразилъ такое слитіе нѣмецкихъ философовъ Вольфъ (1679—1754). Изъ его сочиненій особенно важны для насъ „Jus naturali„ jus gentium и наконецъ какъ сокращеніе этого сочиненія „Institutiones juris naturalae et gentium" а именно, онъ старался слить принципы эгоистическіе и общительные въ принципъ совершенствованія т.е. онъ говорилъ, что человѣку, какъ существу природному, физическому, присуще влеченіе, инстинктъ къ совершенствованію, а именно, какъ своему, такъ и другихъ людей и притомъ, какъ внутреннему усовершенствованію, такъ и внѣшнему усовершенствованію, т.е. усовершенствованію внѣшняго состоянія (status). Вольфъ думалъ, что въ принципѣ усовершенствованія сливаются оба эти принципа, т.е. принципы эгоистическіе и общительные. Сюда-же относится попытка философовъ слить эти два принципа въ другомъ понятіи, а именно, въ понятіи пользы. Сюда относится французскій фи-

лософъ Гортензій (1716-1771), который въ своемъ сочиненіи „О счастіи" развилъ этотъ принципъ. Но болье всего этотъ принципъ развитъ въ особенности у такъ называемыхъ утилитаристовъ, которые считаютъ пользу свою и другихъ людей природнымъ влеченіемъ человъка и это влеченіе человъка считаютъ источникомъ праведной и справедливой его дъятельности. Но въ особенности развилъ этотъ принципъ Іеремія Бентамъ (1748-1832), въ особенности въ своемъ сочиненіи „Введеніе къ принципамъ морали и законодательства". Сюда-же относится Англійскій мыслитель Джонъ Стюартъ Милль (родившійся 1806 г. и недавно умершій).

40 Наконецъ современный нашъ философъ, Литтре самый главный послъдователь такъ называемой положительной философіи Огюста Конта, дедуцировалъ всю мораль и въ связи съ нею правду и справедливость съ томъ смысломъ, какъ опредъляли ее римскіе юристы, также и изъ физической природы человъка, а именно, въ своихъ сочиненіяхъ или, лучше сказать, статьяхъ, помъщенныхъ въ издаваемомъ [illegible] вмъстъ съ другими журналъ подъ названіемъ „Philosophie positive". По Литтре дедуцируетъ мораль правду и справедливость такъ своеобразно, что мы представимъ эту его дедукцію подлинными [illegible]. Внутреннія [illegible] всякаго [illegible] принципъ, всякаго живаго организованнаго существа, т. е. животнаго, а [illegible] и человъка заставляетъ его [illegible] всякаго рода [illegible] необходимости, т. е. необходимость подчиняться имъ, какъ чему-то физически необходимому, а именно это [illegible] потребность въ питаніи, которой человъкъ подчиняется для того, чтобы онъ могъ существовать, какъ индивидъ, для своего индивидуальнаго существованія, или что все

равно, для самосохраненія, во 2) потребность въ половыхъ соединеніяхъ, связяхъ, обусловливаемыхъ половымъ различіемъ, которой подчиняется человѣкъ для сохраненія рода человѣческаго посредствомъ дѣторожденія. Изъ первой потребности, т.е. потребности въ питаніи происходитъ природное влеченіе или инстинктъ, называемый обыкновенно эгоизмомъ, самолюбіемъ или себялюбіемъ, а изъ второй потребности, т.е. потребности въ половыхъ связяхъ происходитъ природное влеченіе, инстинктъ, который уже Огюстъ Контъ, а за нимъ и Литре назвалъ альтруизмомъ, т.е. любовію къ другимъ людямъ. Вся мораль, т.е. нравственность въ собственномъ смыслѣ этого слова истекаетъ изъ этихъ двухъ природныхъ влеченій, инстинктовъ, какъ своихъ принциповъ, т.е. изъ эгоизма и альтруизма или, что все равно, изъ принципа эгоизма и изъ принципа альтруизма. Такъ какъ корень эгоизма и альтруизма есть, какъ мы сказали, внутренняя ткань человѣка, т.е. тѣлесный его организмъ, то отсюда слѣдуетъ, что мораль, т.е. нравственность въ собственномъ смыслѣ коренится въ этой именно ткани, т.е. вообще въ тѣлесной организаціи человѣка, а именно, отправная точка обоихъ принциповъ, т.е. эгоизма и альтруизма и слѣд. всей морали или нравственности въ томъ смыслѣ вообще есть совокупность явленій живой сѣрой субстанціи въ мозговыхъ конвулютахъ. Подъ этой сѣрой мозговой субстанціей разумѣется здѣсь переплетающая весь бѣлый мозгъ нить сѣраго мозга. Замѣчу, что о такомъ дѣйствіи отправленія мозга говоритъ Литре съ такою увѣренностью, что можно думать, что это дѣйствіе совершенно намъ теперь извѣстно, между тѣмъ,

какъ физіологія еще только-что начинаетъ кое-что разъяснять изъ мозговыхъ отправленій.

Мораль дѣлится у Литтре на 2 различные разряда или на двѣ области смотря потому, относится-ли она до сохраненія индивида (это-одна область морали) или-же до сохраненія рода (это другая область морали). Слѣдовательно первый разрядъ или первая область морали порождается эгоизмомъ, а второй разрядъ или вторая областъ морали порождается альтруизмомъ. До эгоизма, самолюбія, или себялюбія относятся всѣ личныя чувствованія или личныя страсти, т.е. такія, которыя имѣютъ въ виду самого индивида, движимаго этими чувствами, потребностями, а именно, имѣютъ въ виду его существованіе, какъ индивида, какъ индивидуальности. На низшей, слѣдовательно первой ступени эгоизмъ состоитъ въ удовлетвореніи тѣхъ потребностей человѣка, безъ которыхъ жизнь человѣка, индивида вовсе не можетъ продолжаться. На высшей, второй ступени эгоизмъ состоитъ въ благоразумномъ употребленіи всѣхъ средствъ, служащихъ такому удовлетворенію, дабы человѣкъ, индивидъ могъ сколь возможно совершеннѣе употребить свое дѣло, назначеніе, т.е. дабы онъ могъ пользоваться наилучшимъ здоровьемъ, дабы онъ могъ-бы быть способенъ къ наибольшему труду и дабы онъ могъ прожить сколь возможно болѣе. Наконецъ, еще на высшей, т.е. на третьей и послѣдней ступени эгоизмъ состоитъ въ заботахъ, въ попеченіи человѣка о себѣ, какъ о лицѣ моральномъ, т.е. въ попеченіи его о своемъ положеніи въ общественномъ порядкѣ, т.е. о положеніи, какъ члена людскаго общественнаго союза. До альтруизма или любви къ другимъ (l'amour des autres) относятся всѣ чувство-

ванія или страсти, имѣющія въ виду сохраненіе рода человѣческаго. Но и альтруизмъ, какъ и эгоизмъ представляетъ собою также извѣстныя постепенности, а именно, въ слѣдующемъ. На самой первой низшей ступени альтруизмъ представляетъ семейство или семейныя привязанности. На второй высшей ступени альтруизмъ порождаетъ общительность, которая имѣетъ свою точку отправленія въ семействѣ. Еще на высшей ступени, или на третьей альтруизмъ вызываетъ любовь къ отечеству, патріотизмъ и наконецъ еще на высшей ступени, на четвертой альтруизмъ порождаетъ любовь къ человѣчеству, человѣколюбіе. Но всѣ эти виды или ступени развитія альтруизма суть такія комбинаціи, которыя образуются мозгомъ и затѣмъ отверждаются, т. е. становятся постоянными и дѣлаются центрами, сосредоточіями нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящимъ началомъ. Но и тогда всѣ сказанные виды или ступени развитія альтруизма, могутъ быть посредствомъ своего разложенія возведены къ своему корню или источнику, который состоитъ въ половомъ различіи, въ сохраненіи или поддержаніи рода человѣческаго.

Замѣчу съ своей стороны, что такое возведеніе всѣхъ видовъ, или ступеней альтруизма къ половому различію едва ли возможно. Положимъ, что супружеская любовь можетъ быть возведена къ половому различію и что любовь родителей къ дѣтямъ можетъ быть возведена къ поддержанію рода человѣческаго; но весьма мудрено возвести къ нимъ общительность, патріотизмъ, любовь къ отечеству и человѣколюбіе безъ явныхъ натяжекъ.

И такъ, заключаетъ Литре весь свой выводъ

морали или нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, не одинъ есть принципъ морали, а два, а именно: принципъ эгоистическій и принципъ альтруистическій, изъ которыхъ каждый стоитъ во главѣ одной только области, т.е. одного разряда морали. Такимъ-то образомъ выводитъ Литре мораль или нравственность въ собственномъ смыслѣ изъ физической природы человѣка, какъ изъ ея реальнаго субъективнаго принципа. Этотъ выводъ, какъ видите, не только односторонень, но и не имѣетъ въ своей основѣ твердыхъ и вѣрныхъ научныхъ данныхъ, положительныхъ фактовъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ моральностью или нравственностью въ собственномъ смыслѣ слова, а слѣдов. и съ ея двумя ближайшими принципами (эгоистическими и альтруистическими) приводитъ Литре правду и справедливость (la justice) съ ея ближайшими измѣненіями, а именно, такимъ образомъ. Подъ правдою и справедливостью Литре разумѣетъ собственно то-же самое, что разумѣли подъ ней римскіе юристы, которые употребляли justitiam, какъ consistens et perpetua voluntas est suum quique tribuendi, т.е. постоянное и непрерывное хотѣніе, желаніе воздавать каждому его право, а именно, правду и справедливость Литре опредѣляетъ такимъ образомъ: она есть добродѣтель, въ силу которой мы воздаемъ каждому то, что ему подобаетъ воздавать, воздаемъ должное. Но Литре своеобразно дедуцировалъ свое опредѣленіе правды и справедливости, а именно, такимъ образомъ: Среди людей, говоритъ онъ, идея правды и справедливости истекаетъ не изъ чего иного, какъ изъ чистаго интеллектуальнаго, умственнаго факта, по крайней мѣрѣ простаго дѣйствительнаго созерцанія, которымъ доказы-

вается, что идея правды и справедливости есть идея сложная, родившаяся вслѣдствіи ассоціаціи, сдруженія, соединенія двухъ идей, а именно, во первыхъ идеи мести и во вторыхъ - идеи оскорбленной морали или, что все равно, идеи моральнаго укрощенія, обузданія, подавленія преступленія. Идея мести вытекаетъ изъ эгоизма, а именно изъ удовлетворенія человѣкомъ своего я, идея же оскорбленной морали вытекаетъ изъ альтруизма, возбуждаетъ въ человѣкѣ отвращеніе ко всему тому, что оскорбляетъ этотъ альтруизмъ, такъ что альтруизмъ вводитъ въ составъ понятія преступленія идею его укрощенія обузданія, подавленія, т.е. какъ его существенный моментъ. Итакъ правда и справедливость, какъ и мораль истекаютъ также изъ этого эгоизма и альтруизма, какъ изъ своихъ принциповъ, а съ ними вмѣстѣ истекаютъ изъ внутренней тайны человѣка, т.е. изъ всей его психической организаціи.

Замѣчу вообще, что эти принципы правды и справедливости, принципъ мщенія и принципъ оскорбительной морали какъ ближайшіе принципы, возводимые къ эгоизму и альтруизму, какъ дальнѣйшимъ принципамъ, слишкомъ односторонни, принимаютъ въ соображеніе только одну стороны всецѣлой природы человѣческой, а именно, физическую его природу, не говоря уже о томъ, что дедуцированіе Литтре изъ этихъ принциповъ правды и справедливости натянуто, недовольно ясно и опредѣлено. Принципы правды и справедливости - Литтре односторонни, ибо они суть ничто иное, какъ инстинктъ эгоистическій и альтруистическій, всѣ же вообще инстинкты суть, какъ мы уже показали, нѣчто физически необходимое, входящее въ составъ внутренней природы чело

вѣка, а не всецѣлой его природы, конечно, нельзя не признать множества инстинктовъ, присущихъ человѣку, какъ существу физическому. Любопытна монографія Додвилля, разсматривающая всѣ инстинкты. Нельзя не признать также, что инстинкты человѣка, какъ эгоистическіе, такъ и альтруистическіе составляютъ существенный элементъ въ понятіи права; но эти инстинкты, даже и вмѣстѣ взятые, составляютъ только одинъ изъ моментовъ правопонятія, и потому Литре, какъ вообще и всѣ философы, которые опредѣляютъ право въ его понятіи или правду и справедливость, какъ удовлетвореніе человѣческихъ инстинктовъ, опредѣляютъ это понятіе односторонне.

Итакъ, на четвертой ступени генетическаго развитія человѣческаго сознанія вообще реальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые производятъ право изъ физической природы человѣка вообще и въ особенности изъ одного или многихъ инстинктовъ, какъ прирожденныхъ, присущихъ физической природѣ человѣка, слѣпыхъ, т.е. безсознательныхъ, въ смыслѣ безотчетныхъ и не вольныхъ влеченій человѣка, его физической природы и потому опредѣляютъ право какъ правило или законъ, который обязателенъ человѣку потому, что имъ удовлетворяются эти инстинкты или природныя влеченія человѣка, напр. инстинктъ къ общенію съ другими людьми (альтруистическій принципъ), инстинктъ къ самосохраненію (эгоистическій принципъ).

б, Реальные субъективные принципы права, выражающіе разумную нравственную, вообще духовную природу человѣка.

Вообще изъ разумной природы человѣка деду-

цировали принципъ права стоики, а за ними знаменитый Цицеронъ, родив. въ 106 году и умершій въ 43 году до Р. Х.. Изъ его сочиненій для насъ въ особенности важны: „De officiis", „De republica" и „De legibus". Они говорили, что человѣкъ, какъ существо разумное долженъ жить согласно съ природою, какъ выражался Цицеронъ (secundam naturam vivere), понимая подъ природою человѣка разумную его природу, такъ что такая жизнь, согласная съ разумною природою, и есть въ этомъ смыслѣ разумная жизнь человѣческая. Въ такой разумной жизни человѣка полагали они нравственно благую жизнь, добродѣтель, нравственность вообще и нераздѣльно съ нею истинное счастіе человѣческое. Что касается до правды и справедливости, то Цицеронъ прибавилъ къ предъидущему, что правед- ное и справедливое (justum) должно быть выведено не изъ того, что мы называемъ теперь положительнымъ правомъ, а изъ глубины природы человѣческой, понимая здѣсь подъ природою разумную природу человѣка. Вслѣдствіе этого Цицеронъ утверждалъ, что правда и справедливость (justitia) объемлетъ всѣ обязанности гражданъ, какъ членовъ государства относительно прочихъ гражданъ, т. е. взаимныя ихъ между собою обязанности. Онъ сводитъ всѣ эти обязанности къ тѣмъ тремъ основнымъ обязанностямъ, которыя затѣмъ римскіе юристы называли tria praecepti juris, т. е. къ 3-мъ основнымъ предписаніямъ права въ смыслѣ основныхъ велѣній правды и справедливости, а именно: это суть во 1, neminem laedere (собственно значитъ никому не вредить, а въ юридическомъ смыслѣ значитъ не нарушать ничьихъ правъ. Это отрицательное основное велѣніе правды и справедливости); во 2, honeste vivere (собственно значитъ жить

честно, а въ юридическомъ смыслѣ значитъ дѣйствовать во всемъ согласно съ правдою и справедливостью. Это есть основное положительное велѣніе правды и справедливости и въ 3, suum quique tribuere. (что собственно значитъ воздавать каждому свое, а въ юридическомъ смыслѣ значитъ воздавать каждому то, что ему принадлежитъ по праву). Это есть основное велѣніе правды и справедливости, есть вмѣстѣ и положительное, и отрицательное велѣніе, ибо воздавать каждому свое значитъ и не дѣлать чего-нибудь противнаго правамъ другихъ лицъ, и дѣлать все согласное съ ихъ правами. Но въ особенности въ послѣднемъ основномъ велѣніи правды и справедливости, именно, потому что оно соединяетъ оба первыя велѣнія, будучи вмѣстѣ и положительнымъ, и отрицательнымъ, находили римскіе юристы сущность правды и справедливости. Вотъ почему римскіе юристы и опредѣляли правду и справедливость такимъ образомъ, что justitia est constans et perpetua voluntas suum quique tribuere.

Знаменитый греческій философъ Платонъ дедуцировалъ также правду и справедливость изъ разумной природы человѣка вообще; но его дедукція представляется болѣе развитою и подробною, нежели дедукція стоиковъ и Цицерона. Платонъ призналъ, что душа человѣческая состоитъ изъ трехъ частей, а именно: изъ одной высшей разумной части (это есть разумъ, умъ) и изъ двухъ низшихъ частей, которыя сами по себѣ неразумны, но которыя становятся разумными, если ими управляетъ высшая часть (разумъ). Изъ нихъ средняя часть составляетъ то, что можно назвать сердцемъ въ смыслѣ срединной живой, энергической силы души человѣческой, а низшая

изъ нихъ есть пожелательная способность, въ смыслѣ чувствованій, пожеланій. Каждая изъ этихъ трехъ частей души имѣетъ свое особенное дѣло, т.е. какъ бы призваніе, назначеніе. Годность или совершенство каждой части души человѣческой выполнять такое свое особенное дѣло и есть свойственная этой части души добродѣтель. Такъ разумной части души или разуму, уму свойственна добродѣтель, называемая мудростью (σοφία), а соотвѣтствующее ей особенное дѣло, какъ высшее дѣло, состоитъ въ томъ, чтобы эта часть души, какъ высшая начальствовала надъ всей душой. Такъ далѣе сердцу свойственна добродѣтель, называемая мужествомъ, которое соотвѣтствуетъ особенное дѣло, состоящее въ томъ, чтобы подчиняясь высшей разумной части души, разуму, уму, охранять дѣйствіе его въ душѣ, т.е. его начальство надъ всей душой, охранять отъ всего вреднаго, не боясь, не страшась ничего, чего должно бояться, страшиться, т.е. никакихъ страданій, печалей и даже самой смерти и наоборотъ, боясь того, чего слѣдуетъ бояться, т.е. нравственнаго стыда. Наконецъ пожелательной части души, какъ силѣ чувствованій, пожеланій, стремящейся удовлетворить этимъ пожеланіямъ, какъ потребностямъ человѣка, свойственно добродѣтель σωφροσύνη т.е. умѣренность, воздержность, самообладаніе. Этой добродѣтели соотвѣтствуетъ особенное дѣло, состоящее въ томъ, чтобы вообще умѣрить свои чувственныя пожеланія, свести ихъ въ должную мѣру, подчинить ихъ разуму, не покоряясь имъ рабски, а владычествуя надъ ними, въ чемъ и состоитъ самообладаніе, воздержность, умѣренность. Такимъ образомъ каждая часть души добродѣтельна по свое-

ему, если соотвѣтствующее этой части души дѣло она будетъ годна выполнить и притомъ, если каждая изъ этихъ частей будетъ исполнять только свое особенное дѣло. Въ этомъ случаѣ душа человѣческая будетъ совершенно добродѣтельна, будетъ годна совершать всѣ дѣла души въ совокупности или въ единствѣ ея частей, а именно, она будетъ тогда праведною и справедливою, ибо добродѣтель, совершенство всей души и называется правдою и справедливостью.

14. Изъ этого опредѣленія Платона добродѣтели видно что въ согласіи съ этою добродѣтелью, соединяющею всѣ три основныя, кардинальныя добродѣтели, и состоитъ вся, единая, всецѣлая добродѣтель души единичнаго человѣка, какъ существа разумнаго, въ этой добродѣтели и осуществляется верховная идея абсолютнаго добра. Въ соотвѣтствіи съ добродѣтелью души единичнаго человѣка состоитъ, по ученію Платона, добродѣтель государства, ибо государство, по ученію Платона, также человѣкъ, но только большій человѣкъ въ сравненіи съ единичнымъ человѣкомъ (т.е. государство есть соединеніе многихъ единичныхъ людей, какъ своихъ членовъ, гражданъ), а именно, граждане государства должны быть добродѣтельны вообще, т.е. мудры, мужественны умѣренны или воздержанны. Тогда только всѣ они будутъ праведными и справедливыми, и въ такой всѣхъ ихъ праведности и справедливости и состоитъ правда и справедливость всего государства вообще. Въ государствѣ и осуществляется также какъ и въ добродѣтели единичнаго человѣка верховная идея добра. Но такъ какъ эта добродѣтель всецѣлая не можетъ принадлежать, по самой своей особенной нату-

рѣ, всѣмъ гражданамъ въ равной степени, то потому граждане государства должны быть раздѣлены на 3 класса, разряда или сословія, соотвѣтствующіе тремъ частямъ души человѣческой и свойственнымъ имъ добродѣтелямъ, а именно они должны быть раздѣлены соотвѣтственно своей натурѣ, природѣ, т.е. соотвѣтственно тому, какой именно соотвѣтствующей части души преобладаетъ добродѣтель у тѣхъ или другихъ гражданъ, т.е. разумъ-ли со своей добродѣтелью, мудростью, разумностью или сердце со своей добродѣтелью, мужествомъ или наконецъ пожелательная способность со своею добродѣтелью, умѣренностью, воздержаніемъ. Такъ какъ разумъ есть высшая часть души, то и добродѣтель ей соотвѣтствующая (мудрость) есть также высшая добродѣтель, за которой слѣдуетъ мужество, какъ добродѣтель сердца и наконецъ умѣренность, воздержаніе, какъ добродѣтель пожелательной способности. Соотвѣтственно этому и классы или сословія, на которые должны быть раздѣлены граждане государства, суть высшіе, средніе и низшіе классы. *Высшему классу*, соотвѣтствующему разумной части души, *свойственна мудрость*, какъ его особенная добродѣтель, его особенное совершенство, соотвѣтствующее этой добродѣтели; *особенное дѣло этого класса состоитъ въ начальствованіи надъ всѣмъ государствомъ*, въ управленіи государствомъ, такъ что это есть классъ начальствующій, классъ правителей государства, которые должны быть любомудрыми, любящими мудрость философами, т.е. стремящимися къ истинному знанію, заключающемуся въ знаніи идей вообще, особенно-же стремящимися къ знанію верховной идеи абсолютнаго добра, которую идею, они должны осуществлять своимъ пра-

вленіемъ въ государствѣ, своимъ начальствомъ. Среднему классу, соотвѣтствующему средней части души (сердцу) свойственно мужество, какъ его особенная добродѣтель; соотвѣтствующее этой добродѣтели особенное дѣло этого класса состоитъ въ томъ, чтобы, подчиняясь правителямъ государства, охранять всѣхъ ихъ дѣйствія отъ внѣшнихъ враговъ, такъ что это есть классъ воиновъ, который потому долженъ быть мужественнымъ. Наконецъ, низшему классу, соотвѣтствующему пожелательной части души, свойственна умѣренность, воздержаніе, самообладаніе, какъ его особенная добродѣтель, особенное дѣло, соотвѣтствующее добродѣтели, состоитъ въ доставленіи средствъ для удовлетворенія чувственныхъ потребностей обоихъ высшихъ классовъ и своихъ собственныхъ, а слѣд. - потребностей всего государства, но съ соблюденіемъ въ этомъ отношеніи разумной мѣры, вслѣдствіе подчиненія этой части души разуму, какъ высшей части, такъ что это есть вообще классъ рабочій, классъ земледѣльцевъ и промышленниковъ, который долженъ быть умѣреннымъ, воздержаннымъ. Два высшіе класса суть классы владычествующіе въ государствѣ, ибо разумъ чрезъ посредство сердца долженъ владычествовать надъ чувствами и желаніями. Оба эти класса суть стражи государства, какъ называетъ ихъ Платонъ, въ качествѣ охранителей, т.е. не только охранителей всего существованія, независимости и свободы государства, но и его добродѣтели вообще. Если каждый классъ гражданъ въ государствѣ будетъ по своему добродѣтеленъ, совершенъ, если онъ будетъ выполнять только свое особенное дѣло, не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ классовъ, то все государство будетъ добродѣтельно, совершенно, т.е. будетъ праведно и справедливо, ибо

добродѣтель, совершенство есть также добродѣтель и государства, которая назыв. правдою и справедливостью. Въ согласіи съ такою добродѣтелью, соединяющею въ себѣ всѣ три сказанныя кардинальныя добродѣтели, и состоитъ вся единая все-цѣлая добродѣтель всего государства, которою, добродѣтелью осуществляется въ немъ верховная идея добра.

И такъ, правда и справедливость, какъ по отношенію къ единичному человѣку, такъ и по отношенію ко всему государству, существенно одна и та-же, а именно она состоитъ въ томъ, чтобы въ душѣ человѣческой каждая ея часть, а въ государствѣ каждый особенный классъ гражданъ, а слѣд. и всѣ граждане дѣлали свое дѣло и вмѣстѣ, сообща, осуществляли-бы такимъ образомъ верховную идею абсолютнаго добра. То государство, которое было-бы устроено такимъ образомъ что въ немъ владычествовали-бы философы во имя разума, какъ его представители, осуществляющіе верховную идею абсолютнаго добра, не будучи стѣснены въ своемъ правленіи никакими положительными законами, есть то первостепенное идеальное государство, которое Платонъ очерчиваетъ въ своемъ сочиненіи „Политія". Наиближайшее затѣмъ второстепенное идеальное государство есть то, которое было-бы устроено такимъ образомъ, что въ немъ царствовали-бы законы, осуществляющіе по возможности, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, верховную идею абсолютнаго добра. Поэтому что это второстепенное идеальное государство можетъ быть названо въ отличіе отъ первостепеннаго государства политіи: по законамъ государство..". [illegible] произшло тако-

го государства и его законы и начерталъ Платонъ въ особенномъ своемъ сочиненіи.

Величайшій ученикъ Платона Аристотель дедуцировалъ правду и справедливость также изъ разумной природы человѣка; но онъ пришелъ къ довольно своеобразному ея опредѣленію, а именно такимъ образомъ. По ученію Аристотеля, основанному на объясненныхъ уже нами прежде его четырехъ первопричинахъ всего (матерія, форма, движеніе и цѣль), вся природа, весь міръ и все въ ней или въ немъ, т.е. все сущее — стремящееся движеніе къ осуществленію своей цѣли, какъ къ своей формѣ для своей матеріи. Но это движеніе есть движеніе постепенное, какъ развитіе всей природы, стремящейся къ своей послѣдней, конечной цѣли. Первая главная ступень такого движенія, такого развитія природы, есть природа неорганическая, какъ совокупность всѣхъ неорганическихъ существъ, а вторая высшая ступень есть природа органическая, какъ совокупная цѣлость всѣхъ органическихъ существъ. Органическая природа отличается отъ неорганической своею живою силою, которую Аристотель называлъ душою. Въ душѣ заключается послѣдняя, конечная цѣль, какъ внутренняя причина всякаго движенія, всякаго развитія, всякаго органическаго существа, а слѣдов. всей органической природы. На этомъ основаніи степень тѣлеснаго, физическаго совершенства каждаго органическаго существа обусловливается степенью совершенства его жизненной силы, его души. Аристотель различаетъ въ этомъ именно отношеніи три степени души, отъ которыхъ зависитъ степень и совершенство не только тѣла, но и ея собственное совершенство, а именно во 1, душу раститель-

ную, во 2, душу живую (т.е. всѣхъ живыхъ существъ за исключенiемъ человѣка) и въ 3, душу разумную, т.е. собственно человѣческую. Человѣкъ есть вообще высшая ступень движенiя, развитiя органическаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всей вообще природы, такъ что цѣль всей основной природы есть человѣкъ; къ нему она движется, а вся остальная природа есть какъ-бы приготовленiе къ происхожденiю человѣка. Въ человѣкѣ, какъ самомъ высшемъ проявленiи органической жизни, или въ человѣческой живой силѣ, въ человѣческой душѣ, какъ цѣли постепеннаго движенiя, развитiя всего органическаго, всей природы, повторяются всѣ ступени движенiя, развитiя души вообще, соединяясь въ душѣ въ одно цѣлое. Первая низшая ступень развитiя души человѣческой, первая ея часть, сила, есть душа растительная, которой существенное и дѣятельное свойство есть движенiе и воспроизводительность. Вторая ступень, какъ средняя ея часть или сила, есть душа животная, которой существенное дѣятельное свойство есть чувствительность т.е. способность къ ощущенiю, а также произвольное движенiе. Самая высшая наконецъ часть, сила души человѣческой есть разумъ. Это есть собственно человѣческая часть души, чуждая душѣ всѣхъ остальныхъ существъ органической природы. Ея дѣятельное свойство есть мышленiе, т.е. познаванiе, а также чувство, хотѣнiе или желанiе. На этомъ основанiи Аристотель различаетъ въ разумной части человѣческой души, какъ собственно человѣческой части души, 2 способности или силы: во 1, разумъ и умъ и во 2) волю, т.е. пожелательную способность. Въ той и другой способности человѣческой души и состоитъ разумная природа человѣка, въ противоположность всей

остальной природы человѣч. души, которая сама по себѣ не разумна, но которая можетъ стать разумною, а именно такимъ образомъ: воля есть способность, рѣшающая выборъ между влеченіями чувственной человѣческой природы, какъ ея побужденіями, и между побужденіями разума, какъ его веленіями, требованіями. Въ такомъ выборѣ и состоитъ высшая свобода воли человѣческой. Но правильность такого выбора, состоящаго въ подчиненіи влеченій, побужденій чувственной природы побужденіямъ, веленіямъ разумной природы есть дѣло уже нашей доброй свободной человѣческой воли. Совершенно добрая нравственность возможна только тамъ, гдѣ совершенно добрая, нравственная свобода превратилась какъ-бы во вторую природу человѣка, т.е. въ постоянное, нравственнымъ добромъ руководимое, настроеніе въ томъ, что есть нравственно доброе или навыкъ въ этомъ смыслѣ воли человѣческой, - навыкъ, происходящій, какъ навыкъ, отъ часто повторяющейся дѣятельности въ данномъ направленіи. Въ такомъ постоянномъ настроеніи, въ такомъ навыкѣ воли человѣческой и состоитъ добродѣтель вообще. Такую добродѣтель, какъ нравственное совершенство, приписываетъ Аристотель волѣ человѣческой въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не только добръ самъ по себѣ, но и когда каждое свое дѣло выполняетъ правильно, когда дѣятельность его вообще правильна, а правильная его дѣятельность состоитъ въ соблюденіи такой средины между двумя крайностями, т.е. между излишкомъ и недостаткомъ, которая средина и свойственна разумной природѣ человѣка. Такъ напр. щедрость есть добродѣтель, какъ средина между слѣдующими двумя противо-

положенными крайностями, какъ пороками, съ одной стороны между расточительностію, излишкомъ щедрости, и съ другой стороны между скупостію, какъ недостаткомъ щедрости. Конечная цѣль правильной нашей добродѣтельности есть благо или высшее совершенство человѣка, в силу котораго онъ можетъ наилучше выполнить свое дѣло, а свое для него дѣло есть разумная дѣятельность, разумная жизнь души его. Эта разумная дѣятельность, эта разумная жизнь человѣческой души бываетъ двоякаго рода: теоретическая и практическая. Теоретическая дѣятельность есть дѣятельность одного чистаго разума, а практическая дѣятельность есть дѣятельность воли, какъ способности пожеланій, подчиняющейся разуму. На этомъ основаніи Аристотель признаетъ въ душѣ человѣка двоякаго рода добродѣтели, какъ совершенства: одни добродѣтели или совершенства суть добродѣтели чистаго разума (нуса) или суть дианоэтическія или умственныя добродѣтели или совершенства (каковы напр. благоразуміе и каково въ особенности, какъ верховное совершенство, мудрость), а другаго рода добродѣтели суть добродѣтели пожелательной способности, а именно, когда наши пожеланія, которыя сами по себѣ не разумны, подчиняются разуму, его внушеніямъ, его велѣніямъ, его требованіямъ, такъ что душа наша при удовлетвореніи нашихъ пожеланій, какъ пожеланій естественныхъ, природныхъ, физическихъ, соблюдаетъ должную средину между двумя крайностями, чрезъ что наши пожеланія и становятся разумными, т.е. причастными разуму. Эти добродѣтели суть уже нравственныя въ обширномъ смыслѣ [illegible] каковы напр.

щедрость, мужество, умѣренность и проч.. Итакъ, въ смыслѣ совершенства, добродѣтель есть такое совершенство души человѣческой, въ силу котораго въ ней владычествуетъ разумъ, умъ (нусъ), подчиняя себѣ волю, какъ способность пожеланій, подчиняя себѣ пожеланія такъ, чтобы онѣ стали разумными, причастными разуму. Но недостаточно еще человѣку имѣть разныя умственныя или нравственныя совершенства, а необходимо, чтобы эти добродѣтели, какъ совершенства, дѣйствовали, т.е., чтобы онѣ производили нѣчто доброе, чтобы наприм. мудрый человѣкъ дѣйствительно мудро мыслилъ и чтобы мужественный человѣкъ совершалъ мужественныя дѣянія. Въ произведеніи чего нибудь добраго и состоитъ разумная дѣятельность, жизнь души, а въ этой дѣятельности и состоитъ свое особенное дѣло души человѣческой, какъ разумной души.

Самая высшая нравственная въ обширномъ смыслѣ или этическая добродѣтель, которою Аристотель особенно и занимается, есть правда и справедливость. Это есть добродѣтель нравственная, этическая и притомъ въ приложеніи къ фактическимъ отношеніямъ людей между собою, какъ членовъ общества. Такими только отношеніями эта добродѣтель и ограничивается, не касаясь отношеній человѣка къ самому себѣ. Другими словами: правда и справедливость есть совершенство, какъ дѣйствительное совершенство, а именно способствующее на самомъ дѣлѣ обязанности человѣка къ другимъ людямъ, такъ что правдою и справедливостью непремѣнно предполагается общеніе между людьми. Въ этомъ смыслѣ правда и справедливость есть общественная, нравственная добродѣтель и въ этомъ

смыслѣ ее въ особенности признаетъ Аристотель общественною правдою и справедливостью. Такая правда и справедливость состоитъ какъ въ отрицательной, такъ и въ положительной внѣшней дѣятельности человѣка. Отрицательная праведная и справедливая внѣшняя дѣятельность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ намѣренно не причинялъ вреда другимъ людямъ, какъ относительно тѣлесныхъ или внѣшнихъ ихъ благъ, (напр. здоровья) такъ и относительно ихъ внутреннихъ, духовныхъ благъ (каково напр. душевное спокойствіе), т.е. чтобы человѣкъ не нарушалъ должной соразмѣрности благъ и золъ, долженствующей быть между людьми, присвоивая себѣ болѣе должнаго, присвоивая себѣ меньше, а именно присвоивая себѣ болѣе благъ нежели онъ можетъ заслужить по своимъ добродѣтелямъ, вообще болѣе благъ, чѣмъ онъ лично достоинъ. Въ этомъ отношеніи правда и справедливость состоитъ въ томъ, чтобы каждому человѣку было выдѣлено то, что онъ заслуживаетъ по своимъ добродѣтелямъ, вообще по своимъ личнымъ достоинствамъ. такъ, чтобы люди, равные по добродѣтели, равные по своимъ внѣшнимъ достоинствамъ, и получали равное, а неравные въ этомъ отношеніи получали неравное. Короче сказать, правда и справедливость состоитъ въ относительномъ и условномъ, а не въ абсолютномъ, безусловномъ и безотносительномъ равенствѣ, т.е. въ равенствѣ равныхъ въ объясненномъ смыслѣ (по личнымъ достоинствамъ) и въ неравенствѣ неравныхъ. Положительная, праведная и справедливая внѣшняя дѣятельность человѣка и состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ всѣ свои добродѣтели направлялъ дѣйствительно ко благу другихъ людей, т.е. чтобы всѣ свои добродѣтели обращалъ на службу не своего собственнаго, а чужаго блага. Въ [illegible]

смыслѣ правды и справедливости соединяетъ какъ-бы, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, такъ что она есть добродѣтель въ ея цѣлости, во всемъ ея совершенствѣ и полнотѣ единствѣ этого совершенства. Въ этомъ-то смыслѣ она есть самая высшая, самая совершенная этическая добродѣтель и потому Аристотель и называетъ ее правдою и справедливостью всеобщею, т.е. всестороннею нравственною, этическою добродѣтелью. Отъ нея въ этомъ смыслѣ отличаетъ Аристотель такъ имъ называемую особенную правду и справедливость, а именно въ смыслѣ особенныхъ частей или особенныхъ видовъ, формъ, въ которыхъ обнаруживается эта всеобщая, всецѣлая правда и справедливость. Главные виды, формы этой всеобщей, всесторонней правды и справедливости, какъ главныхъ особенныхъ ея частей суть во 1) домашняя или семейная правда и справедливость и во 2, политическая или государственная правда и справедливость. Домашняя или семейная правда и справедливость относится до взаимныхъ внутреннихъ отношеній людей между собою какъ членовъ семьи, а именно въ трехъ слѣдующихъ общественныхъ людскихъ союзахъ, а именно во 1, есть правда и справедливость въ союзѣ супружескомъ, относящаяся до взаимныхъ внутреннихъ отношеній между супругами, во 2, правда и справедливость въ союзѣ между родителями и дѣтьми, въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою и во 3, правда и справедливость въ союзѣ между господами и рабами, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Но особенно Аристотель обращаетъ вниманія въ своей Политикѣ, которой основаніемъ есть его Этика, на политическую или государственную правду и справедливость, которая относится вообще до всего государства, т.е. до совокупности всѣхъ его

членовъ или-же въ частности до единичныхъ гражданъ, которыхъ совокупность составляетъ государство, до единичныхъ гражданъ, какъ членовъ государства или до гражданъ, какъ частныхъ лицъ. Политическая или государственная правда и справедливость, относящаяся вообще ко всему государству, есть правда и справедливость, имѣющая въ виду благо всего цѣлаго государства, или общественное благо, благо всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Она опредѣляется и сохраняется всею совокупностью законовъ въ государствѣ, а именно съ одной стороны эти законы опредѣляютъ, въ чемъ состоитъ благо государства въ его цѣлости, что въ томъ или другомъ отношеніи полезно или вредно государству, что потому должно принадлежать каждому гражданину государства, на основаніи его личнаго достоинства, заключающагося въ его добродѣтели вообще, а съ другой стороны законы государства охраняютъ благо государства, не допуская, чтобы гражданинъ дѣйствовалъ противъ общественнаго и частнаго блага, присвоивая себѣ лишнее, нарушая относительное и условное равенство. Поэтому правда и справедливость въ этомъ смыслѣ слова есть соблюденіе всѣхъ законовъ государства или, что все равно, она обнаруживается въ ихъ соблюденіи, въ ихъ исполненіи, а законы государства въ свою очередь объемлютъ всѣ добродѣтели, всѣ общественныя и частныя блага государства, и слѣд. они-же объемлютъ отрицательно и всѣ пороки, т. е. нѣтъ такой добродѣтели, которой бы они не требовали и нѣтъ такого порока, котораго они-бы не воспрещали. Этимъ такимъ-то образомъ правда и справедливость, какъ соблюденіе, исполненіе всѣхъ законовъ государства, соединяетъ, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ добродѣтели или, что все равно,

правда и справедливость въ этомъ смыслѣ есть вся добродѣтель, добродѣтель во всей ея цѣлости вообще. Вотъ почему политическая, государственная правда и справедливость и есть то же самое, что прежде Аристотель называлъ всеобщею или всецѣлою правдою и справедливостью. Эта политическая или государственная правда и справедливость въ отношеніи къ единичнымъ гражданамъ государства, какъ частнымъ лицамъ, двоякая, а именно во 1, распредѣляющая и во 2, исправительная или возстановляющая. Распредѣляющая правда и справедливость повелѣваетъ начальствующимъ въ государствѣ лицамъ быть правильными при распредѣленіи между гражданами общественныхъ благъ государства, какъ-то чести, т. е. государственныхъ должностей (въ Греціи должности были почетными и не приносили вознагражденія) и имущества, обращать вниманіе на личныя достоинства гражданъ, распредѣляя равное равнымъ и неравное - неравнымъ, ибо, говоритъ Аристотель, раздоръ, несогласіе, между собою между гражданами и жалобы возникаютъ именно тогда, когда равные получаютъ неравное, или когда неравнымъ достается равное. Послѣ того какъ блага общественныя или государственныя будутъ распредѣлены такимъ образомъ правильно между гражданами, другая правда и справедливость, а именно исправительная или возстановляющая охраняетъ такое относительное и условное равенство тѣмъ, что она хочетъ сохранить каждому гражданину свое, ему принадлежащее, во взаимныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ между гражданами, какъ единичными лицами. Поэтому если будетъ нарушено условное и относительное равенство въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ между гражданами, нарушено правильное распредѣленіе благъ государства между гражданами,

нарушено то правило, что каждый гражданинъ сохраняетъ свое, то эта правда и справедливость возстановляетъ такое равенство, такое правильное распредѣленіе благъ между гражданами, возвращая каждому то, что ему принадлежитъ, что есть для него свое и въ этомъ смыслѣ исправляетъ то, что, такъ сказать, не испорчено нарушеніемъ сказаннаго равенства, сказаннаго правила, сказаннаго правильнаго распредѣленія.

И такъ, правда и справедливость во всѣхъ ея родахъ и видахъ есть въ этомъ смыслѣ слова равенство, т.е. уравнительность, соразмѣрность, почему Аристотель и прямо называетъ праведное и справедливое (τὸ δίκαιον) равнымъ въ сказанномъ смыслѣ. Но такое равенство есть по Аристотелю, какъ мы видѣли, относительное и условное.

Смыслъ этого Аристотелева опредѣленія еще прежде выразилъ Пиѳагоръ, греческій философъ, жившій еще въ 6 в. до Р.Х.. Пиѳагоръ былъ первымъ, который опредѣлилъ правду и справедливость какъ равенство абсолютное, т.е. безотносительное и безусловное, а именно, какъ воздаяніе равнаго за равное, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, въ смыслѣ гражданскаго правосудія, такъ и въ дѣлахъ уголовныхъ, въ смыслѣ карательнаго правосудія. Выразивъ это опредѣленіе числами (ибо число у него было верховнымъ принципомъ) такъ: праведное и справедливое (τὸ δίκαιον) есть число равнократно равное.

45. Нѣкоторые изъ новыхъ и даже изъ новѣйшихъ философовъ, которые выводили, подобно указаннымъ нами философамъ, правопонятіе также изъ разумной природы человѣка, выводили его не изъ разумной природы человѣческой вообще, а изъ того, что назыв. теоретическимъ разумомъ, умомъ, т.е. изъ разума, ума, какъ мыслящей, познавательной способ-

ности силы человѣческой души или-же изъ тѣк
наго практическаго разума, ума, т.е. изъ
ума, изъ мышленія, направляющаго свободу
человѣческой воли къ практической дѣятельно-
сти, какъ внѣшней человѣческой дѣятельности
и притомъ выводили правопонятіе изъ разу-
ма человѣческаго, не въ смыслѣ только формаль-
наго принципа права, а также и въ смыслѣ
реальнаго субъективнаго принципа права,
о чемъ мы теперь и будемъ говорить.

Изъ теоретическаго разума, какъ изъ реаль-
наго субъективнаго принципа права, изъ ра-
зумной природы, дедуцировалъ правопонятіе
англійскій богословъ Волластонъ, о которомъ
мы упоминали при разсмотрѣніи его фор-
мальнаго принципа права. Волластонъ сво-
образно развиваетъ въ этомъ смыслѣ то по-
ложеніе стоиковъ и Цицерона, что человѣкъ
долженъ слѣдовать природѣ, т.е. своей разум-
ной природѣ, а именно онъ говоритъ, что слѣ-
довать природѣ значитъ слѣдовать исти-
нѣ, ибо, что ложно, то никогда не можетъ
быть ни нравственно добрымъ, ни праведнымъ
и справедливымъ, потому что оно противно
самой природѣ человѣка, т.е. его разумной
природѣ; или такая дѣятельность чело-
вѣка, какъ разумнаго существа, которая
противорѣчитъ истинному его сужденію
или отрицающая что-нибудь такое что есть
въ дѣйствительности, не можетъ быть пра-
ведною и справедливою, нравственною или доб-
рою дѣятельностью вообще, ибо нравственно
доброе соотвѣтствуетъ истинному сужде-
нію, а нравственно злое соотвѣтствуетъ лож-
ному сужденію. Напримѣръ, рабство противе-
но правдѣ и справедливости, потому что
оно основано на ложномъ сужденіи о чело-
вѣкѣ. Человѣкъ есть по своей природѣ суще-
ство свободное (это есть истинное сужденіе)
и потому, если я обращаюсь съ человѣкомъ

какъ съ существомъ свободнымъ, то въ этомъ случаѣ дѣяніе мое будетъ доброправственно вообще или правдиво и справедливо въ особенности, потому что въ основѣ этого дѣянія лежитъ истинное сужденіе. Если же я поработію себѣ человѣка, дѣлаю его рабомъ, обращаюсь съ нимъ какъ съ рабомъ, то такое мое дѣяніе будетъ злонравственнымъ вообще или неправеднымъ и несправедливымъ въ особенности, потому что оно соотвѣтствуетъ такому моему ложному сужденію, что человѣкъ не есть по природѣ своей существо свободное. Здѣсь Волластонъ, очевидно, смѣшиваетъ дѣйствіе нашей познавательной, теоретической способности съ дѣйствіемъ нашей пожелательной, практической способности, нашей воли, между тѣмъ какъ ихъ слѣдуетъ различать, не доводя однако такого различія до такой противоположности, что будто-бы между ними нѣтъ ничего общаго, потому что общее имъ есть именно душа человѣка, его природа, такъ что и познавательная и желательная способность наша суть душевныя наши силы, способности, а не [illegible]. Вслѣдствіе сказаннаго смѣшенія дѣйствій нашей познавательной и желательной способности, или воли, Волластонъ не можетъ себѣ уяснить, почему есть множество такихъ дѣяній человѣческихъ, которыя признаютъ безразличными въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ они основываются все таки на ложномъ сужденіи. Напр. я срываю въ своемъ саду цвѣтокъ и потомъ безцѣльно разрываю его и бросаю, какъ это дѣлаютъ часто, не благовоспитанныя дѣти. Такое мое дѣяніе, безъ всякаго сомнѣнія, противно истинному сужденію о цвѣткѣ и вообще о растеніи, потому что растеніе есть существо живое, котораго жизнь я не долженъ уничтожать безцѣльно (конечно, съ цѣлью я могу его уничтожить, потому что

въ природѣ все служитъ для цѣли человѣка, какъ высшаго существа природы); но это дѣянiе не можетъ считаться ни добронравственнымъ, ни злонравственнымъ, и о немъ можно сказать только то, что оно безумно.

Изъ разума практическаго, но также уже какъ реальнаго субъективнаго принципа, а не формальнаго, изъ разумной природы человѣка, въ смыслѣ его нравственной природы, дедуцировали правопонятiе съ особенною опредѣленностью новѣйшiе знаменитые философы, Кантъ и Гербартъ, но каждый изъ нихъ дедуцировалъ своеобразно. Такъ Кантъ признаетъ что практическому уму, а именно нравственной природѣ человѣческой, присуще, какъ безусловное требованiе, какъ такъ назыв. категорическiй императивъ, поступать такъ чтобы его свободный произволъ [количественно произвола] прочихъ людей, по всеобщему закону, т. е. по закону всеобщей свободы, для того, чтобы возможна была свобода всѣхъ и каждаго. Слѣдов., по Канту, человѣкъ долженъ ограничить свой свободный произволъ такимъ-же свободнымъ произволомъ другихъ людей. Такое безусловное требованiе есть требованiе именно права, какъ правды и справедливости, какъ основнаго юридическаго закона, который ничего болѣе отъ насъ не требуетъ. Слѣд. въ этомъ именно и состоитъ, по Канту, вся сущность или понятiе права, какъ правды и справедливости. Таковъ Кантовъ реальный субъективный принципъ права односторонне формаленъ, т. е. этимъ принципомъ опредѣляется только форма, образъ того, какъ долженъ поступать человѣкъ, чтобы его внѣшняя дѣятельность была правдивою и справедливою, а именно, по Канту, онъ долженъ ограничить свою индивидуальную свободу, произволъ, возможностью индивидуаль-

ной свободы, произвола другихъ лицъ, ихъ совмѣстимостью, дабы возможна была свобода для человѣка вообще. Но этимъ принципомъ вовсе не опредѣляется матерія, содержаніе этой внѣшней дѣятельности человѣческой, т.е. не опредѣляются, въ чемъ именно состоятъ безусловныя велѣнія, юридическіе законы для внѣшней дѣятельности человѣка въ людскихъ союзахъ, дабы эта дѣятельность была праведною и справедливою.

Гербартъ, какъ мы видѣли, призналъ присущими уму человѣческому, также въ смыслѣ нравственной природы человѣческой такъ назыв. практической или этической, т.е. нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этическія, какъ онъ ихъ называетъ, въ обширномъ смыслѣ идеи. Подъ такими идеями разумѣетъ Гербартъ присущіе человѣческому уму образцы или идеалы для всѣхъ формъ, для всѣхъ видовъ волеотношеній, т.е. для того, каковы должны быть отношенія воли человѣческой, чтобы эти отношенія нравились намъ, людямъ, чтобы мы ихъ безусловно одобряли, какъ согласныя съ присущими именно нашей нравственной природѣ, практическими или нравственными въ обширномъ смыслѣ идеалами и слѣдов. чтобы мы ихъ одобряли, признавая ихъ нравственно добрыми въ обширномъ смыслѣ волеотношеніями. Такихъ практическихъ или эстетич. нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ идей признаетъ Гербартъ безчисленное множество; но всѣ ихъ онъ сводитъ къ слѣдующимъ главнымъ основнымъ идеямъ, какъ самымъ простымъ, изъ которыхъ всѣ прочія нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этическія идеи слагаются, какъ ихъ комбинаціи (это уже состав. идеи), а именно во 1, къ идеѣ внутренней свободы, во 2, къ идеѣ совершенства, въ 3, къ идеѣ доброжела-

тельства, въ 4, къ идеѣ собственно права, и въ 5, къ идеѣ собственно справедливости или возмездія. По спеціальности нашего предмета мы скажемъ только объ идеѣ права.

<u>Идея права</u> есть, по Гербарту, присущій человѣческому уму, т. е. нравственной природѣ человѣческой, образецъ для такого отношенія между двумя волями, т. е. между волею одного лица или нѣсколькихъ лицъ съ одной стороны и между волею другаго лица или другихъ лицъ съ другой стороны, которое (волеотношеніе) возникаетъ вслѣдствіе не намѣренной, а случайной встрѣчи этихъ волей въ какомъ нибудь одномъ и томъ-же внѣшнемъ предметѣ, а именно, когда одно лицо хочетъ распоряжаться какимъ-нибудь внѣшнимъ предметомъ и этимъ-же самымъ предметомъ хочетъ распоряжаться и другое лицо (слѣд. воля сталкивается съ другою волею). Если это такой внѣшній предметъ что оба эти лица могутъ распоряжаться имъ, не исключая взаимнаго своего распоряженія, то такое распоряженіе возможно и оно не приводитъ ни къ какой коллизіи между лицами, ихъ волями; напр. я и вы можемъ пользоваться воздухомъ и свѣтомъ, не приходя въ столкновеніе. Но если внѣшній предметъ будетъ таковъ, что случается всего чаще, что при распоряженіи этимъ предметомъ одно лицо должно исключить распоряженіе другаго лица или, по крайней мѣрѣ, ограничить его въ распоряженіи такимъ предметомъ, то въ такомъ случаѣ дѣйствительно возникаетъ между волями двухъ лицъ такое волеотношеніе, которое состоитъ въ коллизіи ихъ волей. Вотъ такое-то столкновеніе или коллизія волей въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою и называетъ Гербартъ, Streit, т. е. спора. Такой споръ собственно намъ не

нравится, нами не одобряемъ, [illegible] именно присущей нашему уму, т.е. нравственной природѣ, идеи права, которая есть такой образецъ для волеотношеній, что споръ или распря должна быть изглаждаема, т.е. прекращаема, когда она уже началась и предупреждаема, чтобы она не началась. Для такого избѣжанія спора необходимы твердыя правила, нормы, составленныя по соглашенію волей человѣческихъ. Вотъ такія-то нормы и суть правныя, юридическія нормы, законы. Совокупность такихъ юридическихъ нормъ, законовъ и есть право въ объективномъ смыслѣ. Слѣдов. право въ объективномъ смыслѣ есть, по Гербарту, совокупность нормъ, законовъ, установленныхъ съ соглашенія волей для прекращенія уже начавшихся споровъ и для предупрежденія будущихъ споровъ. Изъ этого права въ объективномъ смыслѣ, какъ изъ своей основы, возникаетъ право въ субъективномъ смыслѣ и соотвѣтствующія ему юридическія обязанности, а именно сказанныя юридическія нормы, законы, дозволяютъ человѣку свободно вращаться въ области свободной дѣятельности, но до извѣстнаго предѣла, границы (это и суть права въ субъект. смыслѣ), а другимъ лицамъ запрещаютъ переступать эту границу (это суть юридическія обязанности).

Такое Гербартово опредѣленіе правопонятія похоже на Кантово въ томъ смыслѣ, что оно одностороннее, а именно оно одностороннее въ томъ отношеніи, что по ученію Гербарта, какъ и Канта, право ограничиваетъ свободу, т.е. свободный произволъ одного лица совмѣстимостью съ свободнымъ произволомъ другихъ лицъ. [illegible] отношеніи [illegible] мнѣнія, оно [illegible], ибо оно не касается [illegible] сознанія са-

мого юридическаго закона, какъ верховнаго законнаго закона, самаго совершенія, идеи права.

Фихте и Шеллингъ опредѣляли правопонятіе, согласно съ Кантомъ и Гербартомъ въ томъ отношеніи, что право есть также ограниченіе свободы, какъ они говорили, выводя однако правопонятіе не изъ разумной и нравственной только природы человѣка, но вообще изъ духовной природы. Какъ они опредѣляли правопонятіе, это мы уже показали, говоря о формальныхъ принципахъ права.

Итакъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ и косвенно Гербартъ признали право какъ нѣчто такое, чѣмъ ограничивается свобода. Но уже до Канта знаменитый французскій мыслитель Ж. Ж. Руссо, родившійся въ Женевѣ въ 1712 и умершій 1778 г., особенно въ своемъ сочиненіи „De contrats socials en principe du droit politique" призналъ, что право не ограничиваетъ истинной свободы человѣческой, а напротивъ осуществляетъ ее въ дѣйствительности. Онъ говорилъ что ту свободу, которую человѣкъ имѣетъ въ естественномъ, т.е. дообщественномъ, догосударственномъ состояніи, бытіи, человѣкъ дѣйствительно теряетъ въ государствѣ; но эта свобода есть ничто иное какъ рабство, ибо только природныя влеченія суть двигатели этой свободы, а природнымъ влеченіямъ мы невольно подчиняемся, какъ рабы. Хотя человѣкъ теряетъ такую мнимую свободу въ государствѣ, но зато онъ пріобрѣтаетъ въ немъ уже истинную свободу, ибо только въ подчиненіи законамъ, которые люди сами для себя установили, и состоитъ истинная свобода, потому что мы, люди, всегда вопрошаемъ свой умъ прежде, чѣмъ послѣдуемъ требованію нашихъ природныхъ влеченій. Слѣдов. и Руссо выводитъ право изъ разумной природы человѣческой; однако-же Руссо полагаетъ так назыв. имъ истинную свободу въ совокупности,

въ суммѣ свободы единичныхъ людей, слѣдов. въ смыслѣ суммы единичныхъ произволовъ, опредѣляя право какъ осуществленіе всеобщей воли, но понимая эту всеобщую волю въ смыслѣ суммы воли всѣхъ гражданъ или по крайней мѣрѣ въ смыслѣ суммы волей большинства гражданъ и слѣд. подъ свободой разумѣя также произволъ, какъ Кантъ и другіе.

Гегель, напротивъ того, хотя и выводитъ право, подобно Канту, Фихте, Шеллингу и др. только изъ духовной природы человѣка, но онъ опредѣляетъ его въ обширномъ смыслѣ, т.е. со включеніемъ и абстрактнаго или формальнаго права и моральности и нравственности въ общественныхъ людскихъ союзахъ уже какъ осуществленіе въ дѣйствительности, какъ реализацію, какъ объективированіе свободы, въ смыслѣ разумной свободы, какъ идею разумной свободной воли, въ смыслѣ всеобщей воли, понимая подъ всеобщею волею не сумму единичныхъ произволовъ, а субстанціальную волю, т.е. лежащую въ основѣ всѣхъ единичныхъ волей или долженствующую лежать въ ихъ основѣ, потому что единичная воля должна подчиниться этой волѣ для того, чтобы ея дѣянія были праведными и справедливыми.

Наконецъ, мы здѣсь не можемъ оставить безъ разсмотрѣнія одного изъ главныхъ послѣдователей Гегелевой философіи, профессора Берлинскаго университета Мишле, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ историкомъ Мишле. Предки Мишле были выходцами изъ Франціи, во время революціи, но отецъ Мишле въ Пруссіи совершенно онѣмечился и самъ Мишле совершенно свободно владѣетъ нѣмецк. языкомъ. Подобно Гегелю, Мишле опредѣляетъ право какъ осуществленіе въ дѣйствительности также свободы, но прибавляетъ при этомъ что оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіе равенства и брат-

ства въ томъ смыслѣ, какъ онъ говоритъ, что свобода содержитъ въ себѣ, какъ субъектъ свой, свободную волю (ибо кто свободенъ? воля, слѣдов., человѣкъ, субъектъ) и во 2, она содержитъ въ себѣ объектъ этой свободы (объектъ свободы есть также свободная воля, но не этого человѣка, а всѣхъ другихъ людей). Слѣдов. въ этомъ отношеніи можно сказать что одинъ человѣкъ равенъ другому человѣку; всѣ люди суть разумныя существа, являющіяся субъектами съ одной стороны для своей свободы и объектами для свободной воли другихъ субъектовъ. И такъ въ нераздѣльной связи съ свободой находится равенство между людьми; слѣдов. правомъ осуществляется въ дѣйствительности не только свобода, но и равенство, а именно потому, что право непосредственно вытекаетъ изъ свободы. Въ такомъ равенствѣ заключается причина того, что люди сознаютъ свое единство, т.е., что всѣ они суть какъ-бы одно существо, котораго сущность состоитъ въ свободѣ, вслѣдствіе которой они равны между собою. Такое единство между людьми есть братство. Слѣдов. въ нераздѣльной связи со свободою и равенствомъ находится братство между ними, которое также осуществляется правомъ, какъ правдою и справедливостью. И такъ, говоритъ онъ, свобода, равенство и братство, которыя какъ принципы въ отдѣльности были выставлены различными мыслителями (а именно Ж. Ж. Руссо выставилъ принципомъ свободу, Аристотель и Гегель — равенство и социалисты — братство между людьми), должны быть въ нераздѣльной связи, какъ понятія одно изъ другаго выводимыя, составляющія стороны полнаго проявленія правопонятія. Эти стороны въ отдѣльности были открыты Ж. Жакомъ Руссо, затѣмъ Аристотелемъ и социалистами; но теперь, говоритъ онъ, въ конституціи

Французской республики 4-го Ноября 1789 г. свобода и равенство были положены въ основу права на самой практикѣ. Наконецъ къ двумъ звукамъ, которые раздались еще въ революцію 1789 г., т. е. къ звукамъ свободы и равенства присоединился еще уже не революціею одного только французскаго народа, но революціею всей западной Европы (революція 1848 г.) еще третій звукъ, а именно братство.

Всѣ приведенныя мною дедуцированія правопонятія суть, какъ мы видѣли, дедуцированія односторонния, ибо въ нихъ право дедуцируется только изъ духовной природы человѣка, не обращая вниманія на всю единую всецѣлую природу человѣка, которая не есть только духовная, но и тѣлесная, ибо человѣкъ есть существо духовно-тѣлесное.

И такъ, на пятой ступени генетическаго развитія человѣческаго сознанія реальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые выводятъ правопонятіе изъ разумной нравственности, вообще духовной природы человѣка и потому опредѣляютъ право, какъ законъ, обязательный для человѣка, какъ существа разумнаго, нравственнаго и вообще духовнаго, ибо правомъ вообще и регулируется жизнь человѣка, какъ разумнаго, нравственнаго, вообще духовнаго существа, состоящаго въ общеніи съ другими такими же разумными, нравственными, вообще духовными существами.

в) Субъективные реальные принципы права выражающіе уже не тѣлесную и не духовную природу человѣка въ отдѣльности, а всю всецѣлую природу человѣка.

Съ особенною полнотою и опредѣленностью поставилъ полную природу человѣка ближайшимъ

реальнымъ субъективнымъ принципомъ права
и старался изъ него дедуцировать правопоня-
тіе новѣйшій философъ Краузе, а развилъ это
правопонятіе и самъ дедуцировалъ въ подроб-
ностяхъ и частностяхъ, проведшій его чрезъ всю
свою философскую систему права, главнѣйшій
его послѣдователь, Аренсъ, въ своемъ сочиненіи
"Naturrecht." Мы скажемъ только объ Аренсѣ,
тѣмъ болѣе что мы уже довольно сказали о
Краузе, говоря о его формальномъ принципѣ
права. Философія права, говоритъ Аренсъ, дол-
жна вывести особенный принципъ права
или особенные принципы права изъ всей сущ-
ности, изъ всей природы человѣка, изъ всѣхъ
жизненныхъ отношеній человѣка, взятыхъ въ
ихъ единствѣ. Этотъ особенный принципъ пра-
ва философія права, выведши его аналитически
изъ природы человѣка, должна затѣмъ син-
тетически привести въ связь съ послѣднею, т.е.
конечною, верховною цѣлью человѣческаго су-
ществованія, всей человѣческой жизни и вмѣстѣ
съ тѣмъ со всеобщимъ нравственнымъ міро-
вымъ порядкомъ. Наконецъ, философія пра-
ва должна развить найденный ею такимъ
образомъ аналитическій принципъ права,
связанный синтетически со всѣмъ нравст-
веннымъ міровымъ порядкомъ, провести по
всѣмъ существеннымъ моментамъ человѣческ.
жизни, человѣческаго существованія и распро-
странить на всѣ подчиненныя этому прин-
ципу отношенія, установивъ принципъ пра-
ва, какъ идею права, какъ идеалъ для осуще-
ствленія его въ дѣйствительности, именно
въ государствѣ, въ государственномъ порядкѣ
и такимъ образомъ посредствомъ одного и того-
же единаго принципа представить связь со
всѣми частями науки права и государство-
46 вѣдѣнія, или систему основоположеній для всѣхъ
особенныхъ областей этихъ наукъ, какъ спе-
ціальныхъ ихъ частей, систему связанную най-

деннымъ единымъ принципомъ права и правильно разчлененную, раздѣленную на живое цѣлое, на части. Соотвѣтственно такимъ именно требованіямъ и старается изложить Аренсъ свою философскую систему права. Хотя во всѣхъ своихъ теоріяхъ, т.е. во всѣхъ своихъ ученіяхъ о правѣ, философы вынуждены были принять за отправную точку природу человѣка, но они старались вывести право не изъ цѣлой и полной природы права, какъ мы и показали, а изъ нѣкоторыхъ только отдѣльныхъ частей этой природы, какъ напр. изъ общительности, изъ эгоистическаго самосохраненія и проч., или же опредѣляя природу по нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея сторонамъ и цѣлямъ, какова напр. свобода, счастіе, совмѣстное существованіе людское и проч., между тѣмъ какъ Аренсъ ставитъ именно полную, всецѣлую природу человѣческую ближайшимъ реальнымъ принципомъ права. Такое полное, продолжаетъ Аренсъ, понятіе добыто только въ новѣйшее время его учителемъ, философомъ Краузе. Это высшее познаніе права состоитъ, по Краузе, въ томъ что для живаго пониманія права нужно искать такого понятія, которое было-бы центральнымъ для всякаго человѣческаго хотѣнія, для всякой человѣческой дѣятельности, а именно, что понятіе должно искать въ основномъ принципѣ добра и блага, или благъ вообще, дабы такимъ образомъ было возможно привести право въ тѣснѣйшую связь съ нравственностью, въ обширномъ смыслѣ слова, слѣдов., дабы было возможно привести въ тѣснѣйшую связь философію права съ этикою, какъ наукою о нравственности вообще, ибо основной принципъ нравственности вообще и есть добро или благо и блага вообще. Поэтому, продолжаетъ Аренсъ, методическое развитіе особеннаго принципа права, или, какъ онъ выражается, идеи права, должно во

1, отправляться отъ психологическаго разслѣдованія этой идеи права, т.е., какъ она проявляется въ сознаніи образованнаго человѣка; затѣмъ во 2, должно разсмотрѣть антропологически человѣч. сущность, т.е. природу; въ ея способностяхъ или силахъ и наконецъ въ 3, должно этически свести или привести всѣ эти человѣческія способности, силы, къ основному принципу нравственности вообще, какъ къ добру и благу и благамъ вообще, какъ содержанію всѣхъ жизненныхъ отношеній и цѣлей человѣческихъ. Въ этихъ трехъ методическихъ дѣйствіяхъ философіи права какъ науки, и состоитъ тотъ путь развитія идеи права, т.е. правопонятія, который Аренсъ, вмѣстѣ съ Краузе, называетъ аналитическимъ его развитіемъ. Но на такомъ развитіи ни Аренсъ, ни Краузе не останавливаются, а требуютъ, чтобы послѣ такого аналитическаго развитія идеи права, т.е. правопонятія, философія права синтетически связала-бы найденный его такимъ образомъ принципъ права съ полной, всецѣлой природой человѣческой съ верховнымъ принципомъ всего бытія и всякой жизни, т.е. съ божествомъ, дабы такимъ образомъ дать всему правному, юридическому и государственному порядку твердую опору, верховную основу, т.е. ближайшій принципъ права единую, полную, всецѣлую природу человѣка возвести къ божеству, какъ верховному его принципу. Согласно съ своими требованіями философію права Аренсъ и начинаетъ съ психологическаго разслѣдованія идеи права, какъ съ перваго аналитическаго движенія философіи права. Въ результатѣ этого своего изслѣдованія онъ говоритъ: „право, какъ всеобщее понятіе или идея, проявляется въ человѣческомъ сознаніи, какъ одно изъ такихъ понятій

изъ такихъ идей, которою мы, люди, руководствуемся для обсужденія и для улучшенія всего существующаго. Поэтому идея права, т.е. правопонятіе, принадлежитъ къ числу такихъ высшаго понятія идей, которыя даютъ высшее направленіе всей нашей духовной, психической дѣятельности, какъ предмету психологіи, таковы суть во 1, идея истиннаго или истины, во 2, идея прекраснаго, изящнаго или красоты и въ 3, идея добра и блага, а именно, какъ идея нравственности въ собственномъ смыслѣ или морали, и какъ идея права. Но доброе, благое и какъ морально доброе, и какъ правно, юридически доброе отличается отъ двухъ первыхъ идей (идей истины и красоты) тѣмъ, что идея морали и идея права относятся до свободнаго хотѣнія и до свободной дѣятельности человѣческой. Отличаясь такимъ образомъ отъ идеи истины и отъ идеи красоты, идея морали и идея права или идея нравственности вообще находятся между собою въ тѣснѣйшей связи. Для этихъ трехъ идей высшаго порядка и существуютъ трояка го рода законы, а именно во 1, для идеи истины, т.е. для ея изслѣдованія и познанія - законы логическіе, законы мышленія и познанія; во 2, для идеи красоты, т.е. для воспріятія прекраснаго, изящнаго и для сужденія о немъ - законы эстетическіе и наконецъ въ 3, для идеи нравственности вообще, т.е. для идеи и морали и права или для свободнаго хотѣнія дѣятельности человѣческой - законы нравственные въ обширномъ смыслѣ, законы этическіе или практическіе. Но относительно къ идеѣ морали или къ идеѣ права идея добра и блага есть общая для нихъ идея, какъ идея нравственности вообще т.е. она содержитъ въ себѣ обѣ эти идеи, какъ нравственныя въ обширномъ смыслѣ идеи, какъ

идеи этическія, практическія. Благо, добро есть вообще все то, что сообразно съ природою и сущностью человѣка, въ ея полнотѣ, цѣлости, а также съ обоснованными на этой природѣ истинными потребностями человѣческими. Слѣдов., благо, добро есть вообще нѣчто достойное вожделенія человѣческаго, т.е. какъ удовлетворяющее истиннымъ потребностямъ, цѣлямъ человѣческой природы, въ ея цѣлости, въ ея полнотѣ. Поэтому нравственность въ собственномъ смыслѣ или мораль и государство коренятся въ сущности, въ природѣ человѣческой, въ ея полнотѣ, и какъ таковыя, какъ достойныя вожделенія право и мораль суть существенныя блага человѣческой жизни. Однако мораль и право различаются тѣмъ, что мораль находится въ связи съ субъект. побужденіями, мотивами человѣческой дѣятельности, обусловливаясь ими въ томъ смыслѣ, что для благой въ моральномъ отношеніи дѣятельности необходимо, чтобы и ея мотивы были добрые, благіе мотивы, между тѣмъ какъ право разсматриваетъ внѣшнюю дѣятельность человѣка саму по себѣ, объективно, т.е. помимо мотивовъ. Мораль требуетъ, чтобы то, что есть благо, добро само по себѣ, было совершено безусловно, т.е. чисто ради самого блага, т.е. чтобы побужденія, мотивы къ дѣятельности были согласны съ объективнымъ благомъ, добромъ, между тѣмъ какъ право требуетъ, чтобы всякое благо, добро, сообразно со всѣми его опредѣляющими и обусловливающими его отношеніями, ибо, хотя съ перваго взгляда и можно бы сказать, что право вообще не обращаетъ вниманія ни на благо и добро вообще, ни на тѣ и другія блага, а смотритъ только на дѣянія человѣческія, какъ онѣ суть сами по себѣ, но, при ближайшемъ, болѣе глубокомъ разсмотрѣніи оказывается, что какъ самая вообще внѣшняя дѣятельность человѣка и положи-

тельная и отрицательная должна направлять-
ся къ вожделенному предмету, какъ къ своей цѣли,
такъ точно и право всегда имѣетъ въ виду ох-
раненіе, удержаніе, пріобрѣтеніе, передачу или
потерю, утрату тѣхъ или другихъ благъ.
Такое благо, добро вообще, можетъ быть од-
нако же или благо, добро, данное человѣч. личностью
т.е. ею обусловленное, какова честь, свобода чело-
вѣческая, или же благо, добро можетъ состо-
ять во внѣшнихъ предметахъ, вещахъ и от-
ношеніяхъ, образуя составную часть того, что
юристы называютъ имуществомъ, въ отли-
чіе отъ личности. Но благо и въ томъ и
другомъ случаѣ всегда имѣетъ своей задачею
регулировать касающуюся жизни и благъ
человѣка и общества внѣшн. дѣятельность
во всѣхъ отношеніяхъ, какія только требу-
ютъ, чтобы на нихъ обращаемо было должное
вниманіе, ибо основаніе права лежитъ во
всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ человѣче-
ской жизни, касающихся благъ человѣка и об-
щества, и правильное познаніе всѣхъ этихъ
отношеній должно служить для права ос-
новою и постояннымъ руководителемъ.

Изъ такого психологическаго изслѣдованія
идеи государства, т.е. правопонятія, и выво-
дитъ Аренсъ слѣдующее опредѣленіе идеи
права, т.е. правопонятія: право есть норма,
регулирующая употребленіе, т.е. реализи-
рованіе, осуществленіе свободы въ человѣческихъ
отношеніяхъ, касающихся жизни и благъ чело-
вѣка и человѣческаго общества. Поэтому, го-
воритъ Аренсъ, необходимо развить этиче-
ски ученіе о благѣ и добрѣ и благахъ вообще,
какъ такую основу ученія о правѣ, дабы по-
томъ показать въ чемъ состоитъ соотвѣт-
ственное съ отношеніями, касающимися жиз-
ни и благъ человѣческихъ регулированіе внѣш-
ней дѣятельности человѣческой посредствомъ
права, а для такой цѣли необходимо разсмо-

трактъ §9, антропологически всю, полную сущность, природу человѣка. Такъ переходитъ Аренсъ ко второму дѣленію своего антропологич. изслѣдованія идеи права, т.е. правопонятія. Конечный результатъ такого антропологич. изслѣдованія, по Аренсу, есть слѣдующее. Человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ тѣмъ, что онъ есть лицо, т.е. человѣкъ есть самосознающее и свободное существо, одаренное умомъ и свободною волею, такъ что умъ есть основа его мышленія, а свободная воля есть основа его дѣятельности. Но этотъ же самый умъ человѣческій служитъ также и основою общаго всѣмъ людямъ назначенія человѣческаго, которое долженъ выполнить свободно въ своей дѣятельности. Чрезъ посредство опредѣленія этого человѣческаго назначенія, Аренсъ переходитъ наконецъ къ третьей и послѣдней части своего аналитическаго изслѣдованія идеи права, т.е. правопонятія, а именно къ этической части, - переходитъ такимъ образомъ. Всякій человѣкъ долженъ выполнить свое назначеніе. Это значитъ: всякій человѣкъ долженъ во всецѣломъ мировомъ этическ. организмѣ, т.е. во всемъ нравственномъ порядкѣ міра, занять свое мѣсто, т.е. мѣсто, подобающее ему, вслѣдствіе его особенной сущности природы. Такое назначеніе человѣка состоитъ въ осуществленіи въ его жизни добра, блага, какъ особенной существенной принадлежности, содержанія его жизни, ибо вообще благо, добро всякаго существа есть то единственно существенное содержаніе всякаго живаго существа, всякой области, всякой сферы, которое (содержаніе) это существо, соотвѣтственно своей особенной сущности, особенной природѣ, можетъ и должно осуществить, реализировать въ жизни, такъ какъ благо и добро есть его особенное существенное, жизненное назначеніе.

Въ выполненіи этого условія, т.е. назначенія, и состоитъ совершенная жизнь каждаго даннаго существа, а слѣдов. и человѣка. Право съ своей стороны должно дать человѣку всѣ условія необходимыя для выполненія имъ своего особеннаго назначенія, обусловливаемаго всею его особенною природою. Условіемъ или условностью называется здѣсь все то, отчего зависитъ свободная дѣятельность людей, взятыхъ и порознь и вмѣстѣ, въ соединеніи, для достиженія именно жизненныхъ благъ, какъ жизненныхъ цѣлей, какъ человѣческаго назначенія. Но такъ какъ назначеніе человѣка состоитъ въ осуществленіи, въ реализаціи въ жизни, во всѣхъ ея областяхъ, сферахъ, блага, добра, а благо, добро есть понятіе нравственно общее, этическое, то въ этомъ смыслѣ можно сказать что право есть средство для нравственности въ обширномъ смыслѣ.

На основаніи всего сказаннаго слѣдуетъ, что задача права состоитъ въ томъ, чтобы жизнь человѣческая была совершенною, т.е. нравственно доброю посредствомъ предлагаемыхъ свободѣ человѣку условій, при которыхъ онъ могъ бы выполнить свое назначеніе, т.е. осуществлять, реализировать во всей своей жизни благо, добро. Такъ какъ единственно существенное содержаніе жизни вообще есть благо, добро, то можно сказать также, что право требуетъ, чтобы единое благо, добро, на сколько оно обусловливается человѣческою свободою, осуществлялось, реализировалось посредствомъ всѣхъ предлагаемыхъ правомъ свободѣ условій во всей ихъ цѣлости.

И такъ идея права, какъ правопонятіе, есть принципъ, регулирующій или нормирующій всю человѣческую жизнь, сообразно съ умомъ, слѣдов. регулирующій разумную жизнь человѣка, а именно регулирующій всѣ условія при которыхъ всѣ благія, добрыя жизненныя

цѣли могутъ быть преслѣдуемы въ человѣческой жизни, могутъ быть въ ней осуществляемы, реализируемы именно въ человѣческомъ обществѣ. Или можно сказать, право есть принципъ, которымъ осуществляется благо, добро, во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, такъ что онѣ всѣ регулируются въ своемъ существованіи и развитіи, какъ взаимно себя обусловливающія. Или, можно сказать и такъ, что право въ насъ (идея права, правопонятіе) есть приводящій въ порядокъ и организующій принципъ человѣческой жизни, т.е. правомъ должны быть приведены въ связь всѣ жизненныя области, сферы человѣческой жизни для взаимнаго вспомоществованія и прогресса. Такъ какъ самое людское общество есть также организмъ, такъ сказать, круговой т.е. жизненной сферы, области, такъ какъ всѣ условія для ихъ существованія, для ихъ прогрессивнаго развитія составляютъ также одинъ организмъ, т.е. единое живое, органическое цѣлое. Поэтому уже Краузе опредѣляетъ право, т.е. идею права или правопонятіе такимъ образомъ: право есть органическое цѣлое зависимыхъ отъ дѣятельности свободной воли человѣческой или отъ свободы условій для возведенія въ органическое цѣлое всѣхъ жизненныхъ цѣлей единичныхъ людей и всего людскаго общенія, всѣхъ людскихъ, общественныхъ союзовъ. Или, право есть органическое цѣлое временной въ отличіи отъ вѣчной условности (т.е. всего того, что обусловливаетъ) жизни, т.е. для всего нравственнаго порядка міра, для добра, блага. Или, право есть свободная во времени условность разумнаго назначенія, разумной жизни человѣческой. Самъ Краузе опредѣляетъ въ этомъ смыслѣ право, т.е. идею права или правопонятіе такимъ образомъ: право есть организмъ условій, поставляемыхъ свободною волею человѣческою для достиженія разум-

ной цѣли жизни. Въ этомъ смыслѣ Аренсъ и называетъ право средствомъ для нравственности, говоря, что право служитъ средствомъ для нравственной жизни человѣка, т. е. для выполненія имъ своего назначенія, для реализаціи, осуществленія во всей жизни всеобщаго блага, добра.

Другой, главный представитель этихъ реальныхъ субъективныхъ принциповъ права, которыми выражается полная, цѣлая природа человѣческая, есть Тренделенбургъ, бывшій проф. берлинскаго университета (1802—1872), а именно онъ выразилъ это отчасти въ своемъ главномъ знаменитомъ сочиненіи, превосходно переведенномъ въ сокращенномъ видѣ на русскій языкъ г. Корниломъ, и въ своемъ сочиненіи, относящемся до нашего предмета, подъ назв.: „Естественное право, основанное на этикѣ". Тренделенбургъ, подобно Аренсу, выводитъ право изъ всей полной, цѣлостной природы человѣка и также

подобно Аренсу

смотритъ на право какъ на средство нравственности, выражая это нѣсколько инымъ образомъ, а именно онъ говоритъ, что право есть организмъ, т. е. орудіе нравственности, почему онъ хотя и дедуцируетъ правопонятіе, подобно Аренсу, изъ всецѣлой природы человѣка, но своеобразно. Онъ отправляется отъ той мысли, которую высказалъ и развилъ отчасти уже Аристотель, что всему міру, т. е. всѣмъ существамъ ея присуща цѣль, какъ внутренняя цѣль, которая и движетъ даннымъ существомъ, заставляя его стремиться къ осуществленію цѣли и такимъ образомъ понуждаетъ его къ дѣятельности. Но изъ всѣхъ существъ, говоритъ Тренделенбургъ, только однимъ человѣкомъ сознается ему присущая цѣль, а именно сознается она его умомъ,

потому что только человѣкъ одаренъ таким умомъ и потому что только человѣкъ хочетъ, желаетъ этой цѣли сознательно и свободно, а именно хочетъ достигнуть ее, осуществить своею свободною волею, такъ какъ онъ только одаренъ такою волею. Человѣкъ мыслитъ о томъ, чего онъ хочетъ, чего онъ желаетъ, а хочетъ, желаетъ онъ того, о чемъ онъ мыслитъ, такъ что мышленіе и хотѣніе соединяются въ немъ, составляя его особенную сущность, особенную его природу. На сколько движеніе, стремленіе, дѣятельность человѣка къ такой присущей ему внутренней цѣли становится для него сознательнымъ и свободнымъ орудіемъ, на сколько онъ сознательно и свободно ставитъ право своего внѣшнею цѣлью, стараясь достигнуть его своею внѣшнею дѣятельностью, на столько эта дѣятельность его заключаетъ въ себѣ этическій, нравственный элементъ, т. е. она есть нравственно добрая дѣятельность, въ противоположность нравственно дурной, порочной дѣятельности. Вся прочая дѣятельность человѣка, кромѣ нравственно доброй и нравственно дурной его дѣятельности, безразлична въ нравственномъ отношеніи, ибо безъ мышленія нравственность немыслима. Присущая каждому существу особенная цѣль и составляетъ особенную природу, сущность этого существа, а слѣдовательно и присущая человѣку особенная цѣль составляетъ также особенную природу, сущность его, какъ человѣка, которую въ этомъ смыслѣ можно назвать человѣчностью. Эта человѣчность и движетъ человѣка къ его внѣшней дѣятельности. Такъ какъ человѣкъ есть, какъ мы сказали, существо свободное, то ему вольно и не двигаться этою присущею ему цѣлью, т. е. ему вольно дѣйствовать и не согласно съ этою цѣлью, т. е. несогласно съ человѣчностью. Такая дѣятельность, если она со-

знательна и свободна, и есть порочная въ нравственномъ отношеніи. Напротивъ сознательная и свободная дѣятельность человѣка, согласная съ его присущею цѣлью и слѣд. съ его особенною природою, сущностью, человѣчностью и есть нравственно добрая дѣятельность. И такъ дѣйствовать, жить какъ человѣкъ, въ истинномъ смыслѣ слова, — вотъ въ чемъ состоитъ верховный основной этическій законъ, законъ нравственности вообще.

Право-же, относимое къ этой нравственности, есть ничто иное, какъ органъ, орудіе этой нравственности, т.е. право дѣлать возможною и охранять эту нравственность, а также право дѣлать возможнымъ существованіе и охранять живые, цѣлые организмы съ ихъ членами, которые осуществляютъ нравственность дѣятельности и которые въ этомъ смыслѣ слова суть нравственные организмы, каково, въ особенности семейство, какъ основной для всякаго нравственнаго организма, и государство въ смыслѣ нравственныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ. Съ этой точки зрѣнія Тренделенбургъ опредѣляетъ понятіе права, или, по его выраженію, идею права такимъ образомъ: право охраняетъ силою, могуществомъ цѣлаго т.е. всего общества необходимыя для осуществленія въ дѣйствительности нравственности внѣшняго условія; или право есть въ нравственномъ цѣломъ, т.е. въ людскомъ обществѣ, сумма всеобщихъ велѣній, правилъ свободной дѣятельности т.е. человѣческой, въ силу которыхъ происходитъ то, какъ продуктъ этой дѣятельности, что нравственное цѣлое, т.е. нравственно общественный людской союзъ со всѣми его членами можетъ сохранять и развивать себя далѣе. Всякое право, продолжаетъ Тренделенбургъ, если оно есть право, а не неправо, вытекаетъ изъ влече-

нія охранять такое нравственное цѣлое, т.е. нравственно-общественный союзъ; но въ такомъ правѣ признаетъ Трендэленбургъ три существенныхъ момента или стороны права: 1, Этическій или нравственный въ обширномъ смыслѣ. Въ силу его право есть органъ, орудіе нравственности, т.е. средство для осуществленія ея въ дѣйствительности. 2, Физическій элементъ или моментъ, въ силу котораго право принудительно, т.е. соединено съ принужденіемъ въ случаѣ его неисполненія или нарушенія, и 3е элементъ или моментъ логическій, въ силу котораго къ праву, какъ къ чему-то всеобщему въ смыслѣ закона юридическаго, возводится все частное право, какъ всеобщее, низводится къ частному, а именно ко всеобщему, какъ закону, возводятся всѣ частныя правоотношенія, какія есть въ дѣйствительности или закономъ разрѣшаются всѣ вообще, такъ называемыя, судебныя дѣла, и наоборотъ, право низводится въ самомъ судѣ ко всему частному, конкретному, т.е. примѣняется къ частнымъ случаямъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ. Вообще говоря, всякое логическое сужденіе, выраженное въ томъ, что назыв. въ грамматикѣ предложеніемъ, состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ соединеніи всеобщаго и частнаго. Этотъ элементъ или моментъ въ правѣ и называетъ Трендэленбургъ логическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ: человѣкъ смертенъ, то въ этомъ предположеніи человѣкъ есть нѣчто частное, ибо смертны и другія существа кромѣ человѣка, такъ что смертность и есть нѣчто всеобщее къ которому приводится человѣкъ; слѣдов. въ этомъ предложеніи смертность есть всеобщее, а человѣкъ есть частное, которое приводится ко всеобщему понятію о смерти и что послѣднее понятіе низводится къ час-

ному понятію, каковъ человѣкъ. Въ этомъ соеди-
неніи всеобщаго и частнаго и состоитъ логическій
моментъ. Тоже самое происходитъ и съ правомъ:
право, какъ законъ, низводится ко всѣмъ конкрет-
нымъ частнымъ случаямъ и, наоборотъ, частные
случаи возводятся къ праву, какъ всеобщему.
Замѣтимъ, какъ о Краузе, такъ и о Тран-
деленбургѣ и его послѣдователяхъ, которыхъ,
впрочемъ, до сихъ поръ мало, что, если смотрѣть
на право, какъ на средство для нравственности
вообще, то, если-бы они остались строго послѣдо-
вательными, они должны были-бы придти къ та-
кому заключенію, которое содержитъ въ себѣ ви-
димое самопротиворѣчіе, а именно, если право
есть средство или органъ нравственности, то
всякое право, которое не есть средство для осу-
ществленія нравственности, которое не есть
органъ нравственности, есть неправо, такъ что
выходитъ, что право есть неправо. Слѣдователь-
но тѣ, которые защищаютъ указанное положе-
ніе, должны придти, будучи консеквентными, къ
мысли о возможности насильствен. ниспроверженія
существующаго права или революціи, къ чему,
конечно, они вовсе не желаютъ придти.
Итакъ, на 6-й и послѣдней ступени генети-
ческаго развитія реальныхъ принциповъ права
стоятъ тѣ философы, которые выводятъ пра-
вопонятіе изъ человѣческой природы вообще, какъ
изъ тѣлесной такъ и духовной нераздѣльно, во
всецѣлости и соотвѣтственно тому опредѣ-
ляютъ понятіе права, правопонятіе, хотя
и опредѣляютъ его, какъ мы видѣли, различнымъ
образомъ.
Мы окончили такимъ образомъ разсмотрѣ-
ніе реальныхъ принциповъ права. Но кромѣ
этихъ принциповъ выставлены были нѣкото-
рыми философами также и телеологическіе
принципы права въ отличіе отъ реальныхъ, вы-
водя ихъ непосредственно изъ своихъ реальныхъ
принциповъ права. Вотъ почему телеологическіе

Литографія А. Степанова, В. О. Съѣздовая ул. д. № 11

принципы права должны быть разсмотрены после реальныхъ принциповъ права и при томъ непосредственно вслѣдъ за ними. Итакъ,

II. Телеологич. принципы права. Ихъ можно назвать цѣлестремительными (отъ τέλος - цѣль) и можно назвать и называютъ principia fendalia т. е. juris, id est justi въ отличіе отъ реальныхъ и формальныхъ принциповъ права, а именно, подъ ними нужно разумѣть присущія правопонятію цѣли (τέλος) его бытія и становленія или того, для чего, для какой цѣли, на какой конецъ (отсюда и называютъ principia finalia) существуетъ или должно существовать право по своей внутренней сущности, по своей природѣ, какая присущая праву цѣль, каково ея назначеніе. Эти принципы мы поставили непосредственно за реальными принципами права, потому что телеологическіе принципы права обыкновенно обусловливаются производящ. принципами права, такъ что тѣ-же принципы, которые полагаютъ философы, какъ реальные принципы, принципы, дающіе праву бытіе и становленіе, поставляются философами и какъ присущія праву внѣшней цѣли его бытія и становленія. Если такимъ образомъ телеологич. матеріальныя или реальныя принципы права непосредственно обусловливаются матеріальными производящими принципами права, то потому необходимо, чтобы сообразно числу ступеней генетическаго развитія реальныхъ принциповъ права было столько-же ступеней и телеологическихъ принциповъ права. Но мы видѣли, что всѣхъ шесть ступеней реальныхъ принциповъ права; слѣдоват. необходимо должно быть и на самомъ дѣлѣ есть шесть-же ступеней развитія генетическаго телеологич. принциповъ права. Итакъ,

Первая ступень: такъ напр., софисты въ собственномъ смыслѣ этого слова, которые при-

знавали, что право есть продуктъ внѣшней случайности, а именно, индивидуальнаго и моментальнаго человѣческаго произвола, - они тѣмъ самымъ признали, что осуществленіе этого произвола индивида, какъ осуществленіе моментальнаго индивидуальнаго произвола и есть внѣшняя цѣль права или есть его телеологическій принципъ.

Вторая ступень: такъ напр., Гераклитъ, признающій, что производящій принципъ права есть внѣшняя, физическая необходимость или, такъ назыв., міровая правда и справедливость тѣмъ самымъ признаетъ, что право имѣетъ своею внѣшнею цѣлью осуществленіе этой міровой правды и справедливости въ государствѣ.

Третья ступень: такъ напр., средневѣковые философы теологи, признающіе, что производящій принципъ права есть внѣшняя нравственная необходимость, а именно, велѣнія или заповѣди Божіи или совѣсть, какъ сознаніе этихъ велѣній, этимъ самымъ признали, что право имѣетъ цѣлью своею исполненіе этихъ велѣній, этихъ заповѣдей или постановленій или послушаніе своей совѣсти.

Четвертая ступень: такъ напр., философы, признающіе производящимъ принципомъ права физическую природу человѣка, а именно, природныя влеченія или инстинкты общительные, какъ Гуго Гроцій напр., или эгоистическіе, какъ Гоббсъ, или тѣ и другіе, какъ смѣшные вмѣстѣ, какъ Вольфъ, тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ цѣлью внѣшнее удовлетвореніе этихъ природныхъ влеченій или инстинктовъ человѣческихъ.

Пятая ступень: такъ напр., тѣ философы, которые признали производящими принципами права разумную, вообще духовную природу человѣка, тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ своею цѣлью осуществленіе требованій или велѣній этой при-

роды; напр. осуществленіе или разумной свободы, или равенства, или братства и наконецъ всего этого вмѣстѣ, какъ говоритъ Мишле.

Шестая и послѣдняя ступень: такъ наконецъ тѣ философы, которые старались выводить право изъ полной всецѣльной природы человѣка, какъ изъ производящаго принципа, какъ напр. Краузе съ его послѣдователями и Трандел[е]нбургъ, тѣмъ самымъ признали присущею права цѣлью осуществленіе нравственности въ дѣйствительности.

Такъ мы окончили разсмотрѣніе вообще во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, какъ формальные такъ и матеріальные принципы права, или реальные. Тѣ и другіе вмѣстѣ можемъ мы назвать теоретическими принципами, ибо формальные принципы указываютъ на то, что изъ его выводится правопонятіе человѣческимъ мышленіемъ, а реальные указываютъ на то, изъ чего это мышленіе производитъ право, т. е. самое его содержаніе, самое его велѣніе. На этихъ-то теоретическихъ т. е. какъ формальныхъ, такъ и матеріальныхъ принципахъ права и основываются третьяго рода принципы права, которые въ отличіе отъ теоретическихъ принциповъ права мы называемъ практическими принципами права. Итакъ,

3, Практическіе принципы.

Подъ ними разумѣемъ мы основныя правила или основные законы, которыми долженъ, т. е. нравственно обязанъ человѣкъ руководствоваться во всей своей внѣшней дѣятельности, во всѣхъ дѣяніяхъ, поступкахъ, дабы эти дѣянія, поступки могли быть признаны праведными и справедливыми, т. е. согласными съ правдою и справедливостью. Вотъ въ этомъ смыслѣ мы и называемъ практическими или дѣятельны-

ми эти принципы. Эти принципы обыкновенно выводятся изъ реальныхъ принциповъ права, какъ теоретическихъ принциповъ права и, слѣдоват., практическіе принципы обусловливаются, какъ формальными, такъ и матеріальными принципами права, которые служатъ для нихъ основаніемъ. Вотъ почему мы и поставили разсмотрѣніе этихъ практическихъ принциповъ на 3ѣемъ и послѣднемъ мѣстѣ, послѣ формальныхъ и матеріальныхъ принциповъ права.

Практическіе принципы права были опредѣленно формулированы только новыми и новѣйшими философами, да и то не всѣми. Впрочемъ, если-бы самъ философъ и не формулировалъ своего практическаго принципа права, а только свой теоретическій принципъ права, то мы сами легко могли-бы формулировать его практическій принципъ на основаніи его теоретическаго принципа. Такъ какъ всего 6-ть ступеней генетическаго развитія реальныхъ принциповъ права, изъ которыхъ непосредственно выводятся практическіе принципы права, то всего шесть-же ступеней можетъ и должно быть генетическаго развитія практическихъ принциповъ права. Мы можемъ разсмотрѣть ихъ также кратко, именно, потому, что они выводятся изъ нами уже поставленныхъ реальныхъ принциповъ права. И такъ,

Первая ступень: такъ напр., если философы выставили матеріальнымъ принципомъ права моментальный индивидуальный произволъ эмпирически даннаго человѣка, какъ индивида, то мы можемъ вывести отсюда и формулировать такой практическій принципъ права, который не поставленъ былъ самими софистами: поступай согласно съ твоимъ индивидуальнымъ и моментальнымъ произволомъ и тогда твои дѣйствія

будутъ праведными и справедливыми.

Вторая ступень: такъ, если по Гераклиту мировой порядокъ, міровая правда и справедливость есть реальный принципъ права, постигаемый умомъ человѣческимъ, какъ формальнымъ принципомъ права, и если Гераклитъ требуетъ, чтобы никто (ни государство, ни отдѣльный гражданинъ) не превозносился надъ міровымъ порядкомъ, закономъ, правдою и справедливостью, чтобы никто не пребывалъ въ эгоистическомъ обособленіи отъ мірового порядка, а подчинялся-бы ему, въ чемъ и состоитъ содержаніе всей правды и справедливости; то мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права, не смотря на то, что самъ Гераклитъ его не формулировалъ: подчиняйся во всей твоей дѣятельности міровому закону правды и справедливости, не превознося(сь) надъ нею, не пребывая въ обособленіи отъ мірового порядка, и тогда твоя дѣятельность будетъ праведною и справедливою.

Третья ступень: такъ напр., изъ матеріальныхъ или реальныхъ принциповъ права средневѣковыхъ философовъ теологовъ мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права: исполняй заповѣди Божіи и внимай голосу совѣсти, къ голосу самого Бога и тогда поступки твои будутъ праведными и справедливыми.

Четвертая ступень: такъ напр., тѣ философы, которые выставили реальнымъ принципомъ какіе-нибудь инстинкты, природныя влеченія или общительные, или эгоистические, или смѣшанные изъ тѣхъ и другихъ, или слитые, должны были послѣдовательно вывести отсюда практическій принципъ права, который можетъ быть формулированъ, вообще говоря о всѣхъ ихъ такимъ образомъ: удовлетворяй твоимъ природнымъ влеченіямъ, ин-

стинктамъ и тогда дѣятельность твоя будетъ праведною и справедливою. Такъ напр., Спиноза изъ формальнаго и реальнаго принципа права, а именно, изъ могущественнаго, необходимаго для удовлетворенія природнаго влеченія, инстинкта индивида къ самосохраненію, къ сохраненію индивидуальности самъ уже формулируетъ такой свой практическій принципъ: каждый индивидъ долженъ стараться, на сколько онъ сможетъ, пребывать въ своемъ индивидуальномъ состояніи т. е. сохранять свою индивидуальность и дѣйствовать для ея сохраненія. Такъ изъ Гуго-Гроціева природнаго влеченія, инстинкта къ общежитію (appetitus societatis), къ общенію съ другими людьми и при томъ къ мирному, спокойному и устроенному согласно съ требованіемъ разума, можно вывести и формулировать такой практическій принципъ права: удовлетворяй твоему природному влеченію къ мирному и разумному общенію твоему съ другими людьми. Такъ Гоббесъ дедуцировалъ право изъ эгоистическаго природнаго влеченія, инстинкта къ сохраненію человѣкомъ своей жизни и своихъ членовъ, т. е. членовъ своего тѣлеснаго организма; изъ такого реальнаго принципа права онъ выводитъ и формулируетъ такой практическій принципъ права: должно искать мира въ виду сохраненія человѣкомъ своей жизни и своихъ членовъ, что невозможно безъ мира.

Пуффендорфъ первый старался примирить общительныя природныя влеченія, инстинкты Гуго-Гроціевы съ Гоббесовыми эгоистическими природными влеченіями признаніемъ прирожденной потребности человѣка въ мирномъ общеніи съ другими людьми, въ виду удовлетворенія инстинкта, природнаго влеченія къ самосохраненію, ибо, говоритъ онъ, человѣкъ не можетъ сохранить себя въ единствѣ, т. е. внѣ общенія съ другими людьми. Что необходимо для такого общенія, то и признается Пуффендорфомъ пра-

веднымъ и справедливымъ (justum), а что могло бы мѣшать, препятствовать такому общенію, то онъ признаетъ неправеднымъ и несправедливымъ. Самъ Пуффендорфъ выводитъ и формулируетъ такой практическій принципъ права: человѣкъ обязанъ, на сколько это отъ него зависитъ, уважать и охранять общительность (societatem). Вольфъ, извѣстный замѣчательный послѣдователь Лейбница, изъ своего реальнаго принципа права, т. е. изъ природнаго влеченія человѣка къ совершенству, въ которомъ, по его словамъ, сливаются всѣ природныя влеченія, всѣ инстинкты человѣческіе и которые познаются умомъ человѣческимъ, какъ формальный принципъ, самъ уже выводитъ и формулируетъ такой свой практическій принципъ права: совершенствуй себя (т. е. внутренне) и свое состояніе (какъ нѣчто внѣшнее), а также совершенствуй другихъ (т. е. внутренне) и ихъ состояніе (какъ нѣчто внѣшнее).

Пятая ступень: такъ напр., изъ Платоновыхъ реальныхъ и формальныхъ принциповъ права и согласныхъ съ ними опредѣленій права мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права: какъ человѣкъ вообще, въ смыслѣ разумнаго существа, подчиняй неразумн. части души твоей, и какъ гражданинъ государства, дѣлай только свое дѣло, обусловленное твоею особенною природою, и зависимымъ отъ этой природы твоимъ общественнымъ положеніемъ, не вмѣшиваясь въ чужое дѣло. Такъ изъ реальныхъ и формальныхъ принциповъ Аристотеля и согласныхъ съ ними опредѣленій права мы можемъ вывести и формулировать слѣдующ. практическій принципъ права: какъ разумное существо вообще, не вреди другимъ, чужому благу, служи, вспомоществуй другимъ и воздавай каждому свое т. е. равное равнымъ и неравное неравнымъ, какъ должное имъ. Такъ изъ ре-

альныхъ и формальныхъ принциповъ права стоиковъ и Цицерона и согласныхъ съ ними ихъ опредѣленій правопонятія мы можемъ вывести и формулировать слѣдующій практическій принципъ права, который они, впрочемъ, и сами уже выразили: живи согласно съ природою, т. е. разумною природою человѣческою. Такъ Волластонъ выводитъ право, какъ мы видѣли, изъ постигаемаго человѣческимъ умомъ, какъ формальнымъ принципомъ, согласія внѣшней дѣятельности человѣка съ истиннымъ сужденіемъ, какъ матеріальнымъ принципомъ права. Отсюда мы можемъ вывести и формулировать слѣдующій практическій принципъ права: поступай такъ, чтобы твое дѣяніе было основано на истинномъ сужденіи, а не на ложномъ. Такъ изъ производящаго принципа права Ж. Ж. Руссо, т. е. изъ всеобщей воли, мы можемъ вывести и формулировать слѣдующій практическій принципъ права: подчиняйся всеобщей волѣ, выраженной или единогласно, или большинствомъ твоихъ согражданъ. Кантъ самъ уже выводитъ изъ своего реальнаго принципа права, какъ присущаго практическому уму безусловн. велѣнія, въ смыслѣ формальнаго принципа права, и самъ-же формулируетъ, слѣдов., свой практическій принципъ права: поступай такъ, чтобы свободное употребленіе твоей воли, т. е. произвола, могло быть совмѣстно со свободою каждаго другаго лица по всеобщему закону, т. е. чтобы свобода твоя была совмѣстима со свободою, т. е. произволомъ каждаго другаго лица и всѣхъ вмѣстѣ. Фихте старшій также самъ выводитъ изъ своего реальнаго принципа права, сознаваемаго умомъ нераздѣльно и теоретическимъ и практическимъ, какъ формальнымъ принципомъ права, и самъ-же формулируетъ такой свой практическій принципъ права:

каждый человѣкъ свободно долженъ ограничивать
свою свободу, т.е. свой произволъ, понятіемъ воз-
можности свободы, т.е. произвола другаго чело
вѣка подъ условіемъ взаимности, т.е. и тотъ
и другой человѣкъ долженъ дѣлать самъ съ сво-
ей стороны тоже самое. Изъ Шеллингова реаль-
наго и формальнаго принципа права, нами
уже разъясненнаго, мы можемъ вывести и фор-
мулировать слѣдующій практическій прин-
ципъ права: принуждай себя свободно подчи-
нять всеобщей волѣ свою свободную волю, т.е.
свое природное эгоистическое стремленіе къ
своему добру, благу, счастію - подчинять благу,
добру, счастію всѣхъ и такимъ образомъ самъ
ограничивай свою свободу, т.е. свой произволъ
свободою всеобщей воли. Изъ Гегелева формальнаго
и реальнаго принципа права въ обширномъ
смыслѣ этого слова, нами прежде разъяснен-
ныхъ, мы можемъ вывести и формулировать
его практическій принципъ вообще такъ: осу-
ществляй въ дѣйствительности, реализируй
свою свободную волю, какъ объективированіе
абсолюта; въ особенности-же какъ практи-
ческій принципъ права въ собственномъ смы-
слѣ, т.е., такъ назыв. Гегелемъ, абстрактнаго
или формальнаго права, самъ Гегель устана-
вливаетъ такой принципъ: будь лицомъ,
почитай другихъ, т.е. людей, лицами, под-
разумѣвая при этомъ, при осуществленіи
твоей свободной воли во внѣшнемъ, видимомъ
мірѣ, въ вещахъ. Затѣмъ во 2, какъ практи-
ческій принципъ моральности или морали,
мы можемъ вывести такое положеніе: осу-
ществляй твою свободную дѣятельность самъ
въ себѣ, какъ субъектъ, согласно съ твоею сущ-
ностью. И наконецъ въ 3, какъ практическій
принципъ нравственности въ обширномъ
смыслѣ этого слова, мы можемъ формулиро-
вать такое положеніе: осуществляй твою сво-
бодную волю согласно со всеобщею свободною волею

развивающееся въ нравственныхъ, этическихъ людскихъ общественныхъ союзахъ, т. е. въ семействѣ, въ гражданскомъ обществѣ и въ государствѣ, какъ членъ этихъ союзовъ, т. е. будь добрымъ членомъ семейства, гражданскаго общества и государства.

Изъ Гербартовой практической или этической идеи права, какъ реальнаго принципа права, присущаго уму человѣческому, какъ формальному принципу права, мы можемъ вывести и формулировать такой практич. принципъ права: подчиняйся закону, какъ выраженію всеобщей воли, предотвращающему и пресѣкающему споръ между лицами, при ненамѣренномъ столкновеніи ихъ волей между собою въ распоряженіи однимъ и тѣмъ-же предметомъ.

Наконецъ шестая и послѣдняя ступень. Изъ Краузева и въ особенности изъ Аренсова формальныхъ и реальныхъ принциповъ права можно вывести и формулировать такой практическій принципъ права: предоставляй другимъ людямъ въ твоей временной жизни всѣ зависящія отъ твоей свободы условія, необходимыя для того, чтобы другіе люди могли выполнить свое назначеніе и достигнуть разумной цѣли своей жизни, какъ своего блага, добра или своихъ благъ, а также и самъ выполняй свое назначеніе и стремись къ достиженію разумной цѣли, которая состоитъ въ разумной жизни, со всѣми ея областями, имѣющей въ виду благо, добро, какъ жизненныя цѣли и имѣющей въ виду осуществленіе, въ дѣйствительности нравственности вообще, къ чему такимъ образомъ право и служитъ средствомъ.

Наконецъ, изъ Трандепенбурговыхъ реальныхъ и формальныхъ принциповъ права, нами прежде разъясненныхъ, мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права: будь истиннымъ человѣкомъ, т. е. существомъ свободно разумнымъ и нравствен-

но добрымъ, охраняя и поддерживая существованіе и развитіе этическихъ организмовъ, т.е. нравственныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ вмѣстѣ со всѣми ихъ членами для осуществленія въ дѣйствительности вообще нравственности, къ чему право и служитъ органомъ, орудіемъ, содержа въ себѣ однако не только одинъ этотъ нравственный, этическій элементъ, но еще и два другіе элемента: физическій и логическій.

Мы окончили генетическое развитіе въ человѣческомъ сознаніи ближайшихъ принциповъ права и правопонятія, разсмотрѣвъ ихъ, какъ слѣдуетъ разсматривать все въ нашей наукѣ, а именно во 1, вообще, а не въ частности, представивъ особенно важные принципы права только въ видѣ примѣровъ, для чего мы взяли особенно выдающіеся принципы права преимущественно изъ философскихъ цѣльныхъ системъ главныхъ представителей историкогенетическаго развитія философіи права; во 2, всесторонне, а не съ одной стороны, т.е. не теряя изъ виду никакихъ принциповъ права, которые представляютъ собою какую нибудь сторону во всемъ генетическомъ развитіи человѣч. сознанія принциповъ права; въ 3, всеобъемлюще, т.е. обнимая все существ. содержаніе всѣхъ принциповъ права и въ 4, всецѣло, т.е. какъ одно цѣлое, генетически развивающееся.

Уже изъ такого нашего разсматриванія принциповъ права можно видѣть различіе и даже по видимому противоположность между поставленными различными мыслителями ближайшими принципами права и дедуцированными изъ нихъ опредѣленіями права; но въ этомъ различіи и даже по видимому противоположности вы могли-бы еще болѣе удостовѣриться, если-бы я представилъ всѣ безъ исключенія принципы права, которые только когда нибудь и кѣмъ нибудь были выставляемы, а также и всѣ опредѣленія правопонятія.

Но представить всѣ принципы въ нашей наукѣ было-бы даже неумѣстно, по самому свойству нашей науки, да и вообще для насъ въ этомъ нѣтъ никакой надобности, потому что всѣ прочіе принципы, кромѣ нами выведенныхъ, суть ничто иное, какъ болѣе или менѣе своеобразные оттѣнки приведенныхъ нами принциповъ права, такъ сказать переливы, переходы изъ одного въ другой. Что-же касается прочихъ опредѣленій правопонятія, кромѣ нами приведенныхъ, то всѣ они дедуцируются изъ прочихъ принциповъ права или приведенныхъ или не приведенныхъ нами, такъ что и они суть также ничто иное какъ своеобразные оттѣнки, переливы приведенныхъ нами опредѣленій правопонятія или-же если такія опредѣленія, нами не приведенныя, вовсе не дедуцируются ни изъ какихъ принциповъ тѣми, которые выставили ихъ, то эти опредѣленія позаимствованы у другихъ мыслителей, которые дедуцировали ихъ изъ поставленныхъ уже ими принциповъ права и при такомъ позаимствованіи эти опредѣленія правопонятія поставлены или безъ всякаго измѣненія или же измѣнены болѣе или менѣе своеобразно, но во всякомъ случаѣ, такъ, что не могутъ имѣть притязаній на самостоятельность, на творческую оригинальность и потому не могутъ имѣть претензіи на то, чтобы мы обязаны были упомянуть о нихъ здѣсь, гдѣ, по особенной сущности содержанія нашей науки, весь ея предметъ, слѣдов. между проч. и право съ его принципами и опредѣленіями должно быть разсматриваемо во всеобщности, а не въ частности, во всесторонности, а не съ одной стороны, во всеобъемлемости, а не въ частномъ какомъ нибудь объемѣ, во всецѣлости, а не въ разъединеніи, точно такъ какъ мы и поступили на самомъ дѣлѣ со всѣми приведенными принципами и опредѣленія

ми ~~государства~~ права. Но какъ-бы то нибыло, мы должны признать, что принциповъ права было выставлено множество, а опредѣленій правопонятія и еще того больше и что тѣ или другія болѣе или менѣе различны, если не противоположны одни другимъ. Въ виду этого несомнѣннаго положительнаго факта, спрашивается; какъ-же вообще относится на самомъ дѣлѣ и должна относиться наука, т. е. философія права къ различнымъ и даже, по видимому противоположнымъ опредѣленіямъ правопонятія? Такъ, мы переходимъ генетически къ третьей и послѣдней главѣ этого перваго отдѣла, первой части нашей науки. Эта глава есть исходная, т. е. конечная точка всего этого перваго отдѣла, разсматривающаго вообще принципы и опредѣленія права.

Глава III.

Отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Прежде всего мы должны уяснить ближайшимъ образомъ заглавіе этой главы съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить съ чѣмъ именно мы будемъ имѣть дѣло въ этой главѣ. Разъясняя это заглавіе, мы замѣтимъ во 1, что подъ отношеніемъ науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права разумѣемъ мы всякое отношеніе, въ которое ставитъ въ самомъ дѣлѣ или должна ставить себя наука, т. е. философія права, только къ главнымъ принципамъ права, а не ко всѣмъ вообще. Спрашивается поэтому, какіе же это главные принципы права и почему только къ нимъ ставитъ и должна ставить себя въ отношеніе наука, т. е. философія права, а не ко всѣмъ вообще принципамъ?

При оконченномъ нами генетич. развитіи въ человѣческ. сознаніи принциповъ и опредѣленій права вы, конечно, замѣтили, что изъ всѣхъ различныхъ родовъ принциповъ права реальные принципы права суть главные принципы права, ибо а) съ одной стороны предшествующіе имъ принципы, т. е. формальные принципы права, служатъ только къ тому, чтобы посредствомъ ихъ найти, открыть реальные принципы права, а слѣд. служатъ только средствомъ для достиженія такой цѣли; б) съ другой стороны, всѣ послѣдующіе принципы права, т. е. лежащіе за реальными принципами права, суть не болѣе какъ производные принципы права изъ реальныхъ, которые по отношенію къ нимъ могутъ б. названы производящими ихъ принципами права. Въ этомъ смыслѣ реальные принципы права могутъ быть названы центральными принципами права по отношенію ко всѣмъ проч. принципамъ права, ибо съ одной стороны, къ реальнымъ принципамъ права стремятся всѣ, такъ сказать, формальные принципы права, какъ радіусы къ своему центру, а съ другой стороны, изъ реальныхъ принциповъ права выходятъ телеологическіе и практич. принципы права, также какъ бы радіусы изъ своего центра. Итакъ, реальные принципы права суть главные въ смыслѣ центральныхъ принциповъ права. Кромѣ того во вторыхъ, реальные принципы права суть главные принципы права и въ томъ еще смыслѣ, что изъ нихъ могутъ быть дедуцированы въ самомъ дѣлѣ дедуцируются всѣ опредѣленія правопонятія. Въ томъ смыслѣ реальные принципы права могутъ быть названы основными принципами права, ибо на нихъ основываются всѣ опредѣленія правопонятія. Итакъ, изъ всѣхъ принциповъ права реальные принципы права суть главные и въ смыслѣ центральныхъ принциповъ права по отношенію ко всѣмъ

прочимъ принципамъ и въ смыслѣ основныхъ принциповъ права по отношенію ко всѣмъ опредѣленіямъ права. Вотъ та раціональная причина, почему философія права ставитъ на самомъ дѣлѣ и должна ставить себя въ отношеніе собственно только къ реальнымъ принципамъ права, а не ко всѣмъ вообще принципамъ. Вотъ что и подразумѣвается нами въ заглавіи этой третьей главы перваго отдѣла, первой части, которое выражено вкратцѣ такимъ образомъ: отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, потому что, если бы мы захотѣли выразить это заглавіе вполнѣ, то мы должны были-бы выразить его такъ: отношеніе науки, т.е. философіи права, къ главнымъ, т.е. реальнымъ принципамъ права и къ выводимымъ изъ нихъ опредѣленіямъ правопонятія.

Но, въ дополненіе къ такому объясненію заглавія этой третьей главы, необходимо замѣтить еще слѣдующее. Въ отношеніе къ главнымъ, т.е. реальнымъ принципамъ права и выводимымъ изъ нихъ опредѣленіямъ правопонятія ставитъ на самомъ дѣлѣ и должна ставить себя только наука о правѣ въ смыслѣ философіи права, а не что нибудь иное, т.е. нечто нибудь такое что въ генетическомъ развитіи человѣч. сознанія предшествуетъ, конечно, образованію науки о правѣ, какъ мы видѣли, но что не есть еще наука о правѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Когда мы въ первой главѣ этого перваго отдѣла разсматривали постепенное генетич. восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права, то мы видѣли, что только наука о правѣ. т.е. философія права ищетъ принциповъ права и, найдя ихъ, выводитъ изъ нихъ правопонятіе; напротивъ того, не ищетъ такихъ принциповъ права и не дедуцируетъ изъ нихъ опредѣленій правопонятія ни простой человѣческій умъ, ни безотчетное, неопредѣленное,

темное и смутное чувство права, ни даже болѣе или менѣе опредѣленное, отчетливое, ясное и раздѣльное правосознаніе, пока оно останавливается на отдѣльныхъ, разъединенныхъ, безсвязныхъ, хотя и раціональныхъ основаніяхъ того или другого постановленія положительнаго права, такъ что, стоя на всѣхъ такихъ ступеняхъ генетическаго восхожденія къ принципамъ и опредѣленіямъ права, человѣческое сознаніе относится къ нимъ равнодушно, индеферентно. Поэтому только наука о правѣ, т.е. философія права ставитъ и должна ставить себя въ извѣстное отношеніе къ главнымъ, т.е. реальнымъ принципамъ права и выводимымъ изъ нихъ опредѣленіямъ правопонятія. Вотъ что мы хотѣли выразить въ заглавіи этой третьей главы, сказавъ: отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Такимъ образомъ въ этой главѣ мы будемъ имѣть дѣло съ тѣми отношеніями, въ которыя наука права, т.е. философія права, ставитъ и должна ставить себя къ главнымъ, т.е. реальнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Философія права ставитъ себя на самомъ дѣлѣ въ многоразличныя отношенія къ принципамъ и опредѣленіямъ права; но всѣ ея какимъ отношенія можно свести къ нѣкоторымъ видамъ, родамъ и подвидамъ, а именно можно различить прежде всего 2 слѣдующіе рода ея отношеній: отрицательный и положительный. Разсмотримъ эти два рода отношеній, съ ихъ видами и подвидами, въ такомъ именно порядкѣ, обусловливаемомъ генетическимъ развитіемъ этихъ отношеній. И такъ.

1 Отрицательное отношеніе науки права къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Въ отрицательномъ отношеніи къ принципамъ и опредѣленіямъ права ставитъ себя нау-

Лит. А. Степанова Б. Садовая. д. № 4

ка права тогда, когда она отрицаетъ или ихъ возможность или ихъ самостоятельность. Если наука права отрицаетъ ихъ возможность, то такое отрицательное ея отношенiе можно называть скептическимъ отношенiемъ, а если она отрицаетъ только самостоятельность до сихъ поръ поставленныхъ принциповъ и определенiй права, то такое ея отношенiе можно назвать критическимъ отношенiемъ. Такимъ образомъ можно различить два вида отрицательныхъ отношенiй: скептическiй и критическiй. Скажу о каждомъ изъ этихъ видовъ въ такомъ именно порядкѣ, обусловленномъ генетическимъ развитiемъ отрицат. отношенiй, ибо критическое отношенiе стоитъ ближе къ положительному нежели скептич. отношенiе. И такъ;

a, Скептическое отношенiе науки права къ принципамъ и опредѣленiямъ права.

Это отношенiе состоитъ въ томъ, что наука не признаетъ возможности постановленiй какихъ-бы то ни было принциповъ и опредѣленiй права. Въ такое отношенiе наука ставитъ себя или прямо или косвенно, и потому мы должны различить два подвида скептич. отношенiй: прямое и косвенное. Необходимо начать съ перваго вида, какъ прямаго отрицательнаго отношенiя и въ этомъ смыслѣ чисто отрицательнаго, такъ какъ оно находится всего далѣе отъ положительнаго отношенiя. И такъ,

Прямое скептическое отношенiе.

Въ такое скептическое отношенiе ставитъ себя на самомъ дѣлѣ наука, когда она отвергаетъ возможность постановленiя какихъ-бы то нибыло принциповъ и опредѣленiй права, т.е. правопонятiя и притомъ совершенно прямо, на томъ основанiи, на какомъ скептики отвергаютъ вообще всякую достовѣрность нашего познанiя, допуская развѣ

только большую или меньшую вѣроятность, большее или меньшее правдоподобие. Невозможность познанія принциповъ и опредѣленій права скептики доказываютъ вообще тѣмъ, что всѣ до сихъ поръ поставленные принципы и опредѣленія права не достовѣрны, не истинны, а недостовѣрность доказываютъ они тѣмъ, что всѣ они различны и даже противоположны одинъ другому. Будучи различными и даже противоположными, говорятъ скептики, всѣ принципы и опредѣленія права, какіе только когда либо и кѣмъ-либо были выставлены, уже сами себя взаимно отрицаютъ, а слѣд. и наука, говорятъ они, въ правѣ отвергнуть всѣхъ ихъ, какъ недостовѣрные, какъ не истинные, а также такое взаимное отрицаніе ихъ, продолжаютъ скептики, происходитъ отъ того, что вообще принципы права не доступны человѣческому уму, не познаваемы имъ, а слѣдоват. непознаваемо и то, что дедуцируется изъ нихъ, т. е. опредѣленія права или правопонятія. Такъ напр. прямо скептически отнесся ко всѣмъ опредѣленіямъ правопонятія, а слѣдоват., чрезъ ихъ посредство — къ принципамъ права. Г. Рененкампфъ въ своихъ „Очеркахъ Юридическ. Энциклопедіи" онъ говоритъ: „всѣ попытки уяснить существо, идею права или понятіе права, какъ высшую безусловную идею, дать ей такое опредѣленіе, которое-бы обняло всѣ ея черты, были безуспѣшны." Но наука не должна относиться такъ прямо скептически къ принципамъ права и дедуцируемымъ изъ нихъ опредѣленіямъ правопонятія, потому что наука не имѣетъ никакого положительнаго факта къ тому, чтобы сказать, что принципы и опредѣленія права для насъ непостижимы, не познаваемы человѣческимъ умомъ, ибо скептики не могутъ привести никакого другаго доказательства ихъ непознавательности, непостижимости и въ этомъ смыслѣ невозможности ихъ

установленія, кромѣ развѣ только того, что
они до сихъ поръ не познаны. Но мало-ли что
прежде не было познаваемо, а потомъ было уже по-
знано, какъ о томъ свидѣтельствуютъ положит.
факты. Слѣдоват., можно еще сказать, что пра- 49.
вознаніе до сихъ поръ еще не познано и въ дока-
зательство этого можно, пожалуй, сослаться на
положит. факты; но сказать что что-либо
и впредь никогда не будетъ познано — это совер-
шенно гипотетически, неосновательно, ибо бу-
дущее не есть еще положительный фактъ, на ко-
торый можно было-бы опираться. Далѣе, ут-
вержденіе скептиковъ, что что-либо не можетъ
быть познано, есть ихъ самопротиворѣчіе, (а вся-
кое самопротиворѣчіе есть абсурдъ), ибо послѣ-
довательный, концеквентный скептицизмъ ни-
чего не можетъ ни утверждать, ни отрицать,
какъ ложное, а можетъ развѣ только допустить
вѣроятность, правдоподобіе чего либо въ различной
степени. Но можетъ быть, скажутъ скептики,
вѣроятно, правдоподобно, что принципы и опре-
дѣленія права не познаются, что доказывается
тѣмъ что принципы и опредѣленія права
взаимно уничтожаются ихъ различіемъ и про-
тивоположеніемъ. Но и этого наука не должна
допустить, ибо мало-ли въ свѣтѣ различій и
даже по видимому противоположеній, однако все
это существуетъ вмѣстѣ, не уничтожая одно дру-
гое. Такъ напр. въ мірѣ, подлежащемъ внѣшн.
чувствамъ, различны тоны или звуки, различ-
ны сладкое и горькое, плотное, жидкое и газооб-
разное, благовонное и смрадное или-же въ мірѣ,
подлежащемъ внутреннему чувству, различ-
ны и даже противоположны прекрасное и безоб-
разное, истинное и доброе, благое и злое, однако
все это сосуществуетъ вмѣстѣ. Наконецъ,
прибавимъ еще противъ скептич. міросозер-
цанія еще и то, что искать какихъ-бы то
ни было принциповъ не только ближайшихъ,
но даже и верховныхъ такъ свойственно человѣ-

ческому уму, что онъ не можетъ отъ этого отдѣлаться. Доказательствомъ этого служитъ то, что философы постоянно ищутъ принциповъ права.

49. Что касается опредѣленій права, то мы не только находимъ, что философы искали и ищутъ какихъ-нибудь опредѣленій права, но и убѣждены, что искать ихъ необходимо, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Тренделенбургъ въ одной изъ своихъ статей; „безправно въ наукѣ (т. е. не имѣетъ права войти въ ея составъ) все то, чего понятіе не опредѣлено; слѣд. не возможно, говоритъ Тренделенбургъ, чтобы и право осталось таковымъ, т.е., чтобы его понятіе не было опредѣлено, потому что тогда не возможна была бы и самая наука права". Но если опредѣленія понятія права, скажемъ мы, необходимо, то, безъ сомнѣнія, необходимо и поставленіе принципа права, ибо опредѣленіе права должно быть на чемъ нибудь основано, а это основаніе его и есть то, что назыв. принципомъ права, въ смыслѣ главнаго, т.е. реальнаго принципа права, такъ какъ изъ него непосредственно и вытекаетъ опредѣленіе права. Въ противномъ случаѣ опредѣленіе права будетъ неосновательнымъ, т.е. ни на чемъ неоснованнымъ, чего не можетъ допустить наука права, если она есть дѣйствительно наука.

И такъ, по всѣмъ сказаннымъ причинамъ, наука не должна относиться прямо скептически къ принципамъ и опредѣленіямъ права, т.е. не должна признавать вообще прямой невозможности постановленія ихъ.

б, Косвенное скептическое отношеніе.

Въ такое отношеніе ставитъ себя наука, когда она отвергаетъ возможность постановленія принциповъ и опредѣленій права косвенно, а именно тѣмъ, что она противопоставляетъ всякому

философскому изученію права, будто-бы вовсе не состоятельному, такъ назыв. историч. изученіе права, будто-бы единственно состоятельное и слѣдоват., можно сказать въ этомъ смыслѣ, что она такимъ образомъ косвенно отвергаетъ всякую возможность постановленія философіею права какихъ-нибудь принциповъ права и дедуцированія изъ нихъ опредѣленій права. Дѣйствительно, если неосновательно вообще философское изученіе права, то отсюда прямо слѣдуетъ, что несостоятельно и постановленіе философіею права его принциповъ и опредѣленій самого права, ибо это постановленіе и опредѣленіе и должно служить отправною точкою всего философскаго изученія права. Изъ несостоятельности постановленія принциповъ и дедуцированія изъ нихъ опредѣленій права косвенно слѣдуетъ необходимость отвергнуть ихъ. Такъ косвенно скептически отнеслась къ философіи права вообще и тѣмъ самымъ косвенно ко всѣмъ принципамъ и опредѣленіямъ права такъ назыв. историческая школа юристовъ (Historische Rechtsschule), ибо именемъ исторической школы юристовъ обыкновенно обозначается особеннаго рода противо философское, исключительно историческое воззрѣніе на право вообще, или правовоззрѣніе, высказанное впервые съ опредѣлительностью знаменитымъ, не такъ давно умершимъ юристомъ Савиньи, бывшимъ профес. Римскаго права въ Берлинскомъ университетѣ, и затѣмъ Прусскимъ министромъ юстиціи, а именно въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „О призваніи нашего времени къ законодательству и къ наукѣ права." Впрочемъ, свое правовоззрѣніе Савиньи смягчилъ нѣсколько въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, къ сожалѣнію неоконченномъ, подъ названіемъ: „Система нынѣшняго Римскаго права" (т. е. римскаго пр. въ томъ его видѣ, какъ оно нынѣ дѣйствуетъ именно въ Германіи). Съ теченіемъ времени противоположность между

такъ назыв. историч. школою юристовъ и между такъ назыв. философскою школою юристовъ мало по малу если не совсѣмъ исчезла, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшилась, такъ что въ наше время объ этой противоположности собственно и нельзя говорить въ томъ смыслѣ, что чисто исключительное историческое изученіе права или правовоззрѣніе перестало быть исключительнымъ, не смотря на то, что исключительное историческое правовоззрѣніе было нѣкогда весьма преобладающимъ между юристами особенно Германскими. Множество болѣе или менѣе своеобразныхъ послѣдователей или приверженцевъ правовоззрѣнія, высказаннаго съ опредѣлительностью Савиньи, появилось въ особенности въ Германіи. Эти-то послѣдователи или приверженцы его воззрѣнія и образовали тогда особенную историческую школу, которая имѣла даже и свой собственный органъ въ журналѣ подъ названіемъ: „Журналъ исторической науки права". Эти-то юристы и признали такимъ образомъ основателемъ своей школы Савиньи, хотя уже и до Савиньи знаменитый Геттингенскій проф. Густавъ Гуго, положилъ первое основаніе такому исключительно историческому правовоззрѣнію. Главнымъ, хотя и самостоятельнымъ развивателемъ правовоззрѣній историч. школы юристовъ послѣ Савиньи, былъ его преемникъ по каѳедрѣ римскаго права, недавно умершій профес. Берлинскаго университета Пухта, особенно въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „О правѣ обычномъ" и во введеніи къ другому своему сочиненію подъ заглавіемъ: „Курсъ институцій", т. е. Очерки Юстиніанова римск. права, а также и въ началѣ своего, болѣе обширнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: „Пандекты или Пандектное право".

Поводъ къ образованію исторической школы юристовъ былъ слѣдующій. Когда Германія свергла съ себя иго Наполеона I-го, то знаменитый профес-

соръ Римскаго права Гельденбергскаго Университета, Тибо, возымѣлъ мысль о составленіи общаго для всей Германіи Гражданск. Уложенія, которую и высказалъ въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „О необходимости для Германіи общаго гражданскаго права". 1814го года. Противъ этой мысли возсталъ Савиньи въ приведенномъ нами сочиненіи, изданномъ въ томъ-же 14мъ году. Въ этомъ сочиненіи онъ старается развить ту мысль, что настоящее, т.е. тогдашнее время, ни формально, т.е. не относительно языка, относительно юридическихъ терминовъ, ни матеріально, т.е. ни относительно полноты и внутренней связи, систематичности ученій гражданскаго права не способно произвесть сколько нибудь годное для всей Германіи Гражд. Уложеніе. По этому-то поводу Савиньи высказалъ въ этомъ сочиненіи то свое исключительно историческое правовоззрѣніе, которое потомъ легло въ основаніе правовоззрѣнія такъ назыв. исторической школы юристовъ, ибо Савиньи въ замѣнъ Гражд. Уложенія предлагаетъ въ своемъ сочиненіи, какъ единственно возможное средство для развитія дѣйствовавшаго тогда въ разныхъ частяхъ Германіи положительнаго права, раціональное и живое историческое изученіе этого права по всѣмъ его составнымъ частямъ, каковы суть: Римское право въ видѣ Юстиніанова права, чисто Германское право, на сколько оно образовалось самостоятельно въ Германіи, Каноническое право, т.е. право, установленное Римско-католич. церковью, право Ленное, т.е. основанное феодальными законами и обычаями въ той или другой части Германіи и наконецъ Партикулярное право, т.е. право, основанное особенными законами и обычаями въ той или другой части Германіи.

Въ чемъ-же, спрашивается, состояло правовоззрѣніе этой такъ наз. Исторической шко-

лы юристовъ? Историческая школа юристовъ признавала, что право вообще, какъ и языкъ, какъ и нравы, какъ и изящныя искусства, не имѣетъ какого-нибудь отдѣльнаго бытія отъ этихъ именно сторонъ общественной жизни; напротивъ, всѣ эти стороны суть нѣчто иное какъ продукты, результаты дѣятельности одного и того-же народа, который выражаетъ въ нихъ свою особенность или, такъ сказать, свой особенный духъ. Всѣ эти стороны, области народной жизни, образуютъ, вмѣстѣ взятыя, одно связное, систематическое цѣлое, вслѣдствіе общаго всему народу убѣжденія или общаго ему чувства внутренней необходимости, т.е. естественной въ нихъ потребности народа. И такъ, право возникаетъ и не случайно, и не произвольно, а напротивъ, право, подобно языку, нравамъ и изящнымъ искусствамъ, является непосредственно въ народномъ сознаніи. Въ началѣ право всякаго народа скудно содержаніемъ, но за то въ его содержаніи вполнѣ выражается живое по формѣ внутреннее чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе живой внѣшней дѣятельности, выражается во внѣ, обнаруживается въ этой самой дѣятельности, а именно, въ народныхъ обычаяхъ. Часто это содержаніе права есть даже предметъ народныхъ вѣрованій. Но подобно тому, какъ языкъ народа нуждается для своего сохраненія въ непрерывномъ практическ. упражненіи даннаго народа, такъ и право нуждается для своего охраненія въ видимой обществ. власти. Въ наше время эта власть преимущественно принадлежитъ законодательству, т.е. юридическимъ нормамъ, охраняющимъ право, какъ письменнымъ и формальнымъ постановленіямъ; т.е. тому, что назыв. собственно законами, которыми утверждается или отверждается, такъ сказать фиксируется со стороны государственной законодательной власти присущее народу право.

Но въ первыя времена, въ первобытной племенной народной жизни, общественная власть въ отношеніи къ правоохраненію принадлежитъ народу, вслѣдствіе чего право образуется тогда какъ народное или обычное право, т. е. соотвѣтствующее народнымъ обычаямъ, въ смыслѣ также юридическихъ нормъ, охраняющихъ право, но охраняющихъ его самою жизнью народа, а именно, употребляемыми народомъ дѣйствіями, преимущественно образными, символическими и вообще тѣми его обычаями, въ которыхъ заключается юридическое содержаніе права, правопостановленія. Но вмѣстѣ съ ростомъ такого народа, котораго право есть продуктъ, растетъ и право органически. Вслѣдствіе разростающагося обильнаго разнообразія взаимныхъ отношеній между членами народа, членами людскаго обществ. союза, право переходитъ мало по малу изъ всеобщаго народнаго сознанія въ сознаніе особеннаго класса, какъ-бы особеннаго сословія граждань, а именно, въ сознаніе юристовъ. Тогда этотъ классъ, это сословіе юристовъ становится представителемъ своего народа и дальнѣйшаго развитія народнаго права. Съ этого времени право начинаетъ жить двоякою жизнью: съ одной стороны оно живетъ какъ часть всей народной жизни, какъ одна изъ сторонъ общественной жизни, именно какъ народное право или, что все равно, какъ обычное право, а съ другой стороны оно живетъ уже какъ особенная наука, какъ научное право и въ смыслѣ разумной научной теоретической дѣятельности особеннаго сословія юристовъ, а также какъ результатъ ихъ практической дѣятельности, въ особенности судебной, что вмѣстѣ составляетъ такъ наз. право юристовъ, т. е. какъ продуктъ и теоретической и практической дѣятельности юристовъ, гдѣ слово право употребляется въ

смыслѣ объективномъ (подъ правомъ юристовъ разумѣется не право, принадлежащее юристамъ, а право, произведенное юристами). Что касается до письменнаго, именно законодательнаго права, т. е. постановленнаго законодат. властью государства, то оно возникаетъ непосредственно изъ народнаго обычнаго права, а слѣд. непосредственно изъ народнаго познанія, изъ народнаго духа и слѣдов. оно возникаетъ изъ того-же самого источника, изъ котораго возникаетъ непосредственно неписанное народное право, т. е. собственно народное или обычное право. Такимъ образомъ все право того или другаго народа, того или другаго общественнаго союза, есть произведеніе, продуктъ правосознанія, правовоззрѣнія даннаго союза или, что все равно, продуктъ народнаго духа. И въ самомъ дѣлѣ, право вездѣ и всегда зарождается прямо изъ нравовъ и вѣрованій народныхъ, изъ народнаго духа, ex opinioni necessitatis, т. е. изъ сознанія со стороны народа въ его необходимости. Но возникаетъ оно въ началѣ не намѣренно, какъ-бы безсознательно, по крайней мѣрѣ безъ рефлексіи, а потомъ уже народъ, обществ. людской союзъ порождаетъ право намѣренно, съ рефлексіею, именно посредствомъ своихъ представителей, какъ особеннаго сословія въ этомъ отношеніи, особеннаго класса юристовъ. Слѣдоват., право всегда порождается внутренними, дѣйствующими въ самомъ народѣ силами, какъ силами нравственными, а не произволомъ того или другаго законодателя. Законодатель собственно ничего иного не дѣлаетъ, какъ только отвердѣваетъ, фиксируетъ право письменно, формально, а вовсе не порождаетъ его творчески. Затѣмъ, право, какъ и всѣ прочія стороны народной жизни, находит. въ непрерывномъ, связномъ, поступательномъ прогрессивномъ образованіи и разви-

тія, потому что оно не можетъ ни оторваться отъ прошедшаго времени, пройденнаго народною жизнію, ни замкнуться отъ будущности, предстоящей народу. Только такъ, а не иначе можетъ быть надлежащимъ образомъ понято и всякое нынѣ и вообще во всякій данный моментъ времени дѣйствующее въ данномъ народѣ положительное право.

Въ этомъ заключается исключительное историческое правовоззрѣніе исторической школы юристовъ, которое въ такомъ именно пониманіи права посредствомъ науки или, что все равно, въ такомъ исключительномъ историческ. изученіи и находитъ единственно состоятельное научное знаніе, такъ что все научное изученіе права, согласное съ правовоззрѣніемъ исторической школы юристовъ есть ничто иное какъ изученіе единаго, непрерывнаго, связнаго историческаго образованія и развитія права даннаго народа, даннаго людскаго общественнаго союза, какъ его положительнаго права. О такомъ правовоззрѣніи исторической школы мы можемъ и должны замѣтить слѣдующее. Въ этомъ правовоззрѣніи вѣрна безъ сомнѣнія та мысль, что насколько восходитъ въ прежнія времена исторія, всегда и вездѣ она встрѣчаетъ ненамѣренное и безъ рефлексіи возникшее положительное право даннаго народа, даннаго людскаго общественнаго союза. Прежде право, порождаемое ненамѣренно, и безъ рефлексіи, затѣмъ уже продолжаетъ образоваться, развиваться въ непрерывной связи во времени (въ исторіи). Но такая сама по себѣ вѣрная мысль вовсе не дѣлаетъ излишнею философію права, какъ науку о правѣ, уже потому, что этимъ исключительнымъ историч. правовоззрѣніемъ вовсе не рѣшается вопросъ — откуда выводитъ право свою нравственную обязательность,

какъ бы оно тамъ не возникло - ненамѣренно-ли, безъ рефлексіи или-же намѣренно, съ рефлексіею. Вѣдь и сами приверженцы и послѣдователи исторической школы утверждаютъ, что не только право, но и языкъ и изящное искусство суть продукты народнаго сознанія, народнаго духа. Почему-же, спрашивается, нормы, правила языка и нормы изящныхъ искусствъ не имѣютъ обязательности, не суть нравственныя или этическія нормы, между тѣмъ какъ нормы права, юридическія нормы суть, напротивъ того, этическія нормы, имѣющія нравств. обязательность. Вообще историческая школа юристовъ предлагаетъ намъ исторію возникновенія положительнаго права, а самое понятіе права она оставляетъ не разъясненнымъ, между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Тренделенбургъ, безъ опредѣленія понятія права не возможна и самая наука о правѣ вообще. Всего лучше видно это отсутствіе опредѣленія правопонятія у послѣдователей историч. школы изъ Пухтова опредѣленія понятія права. „Право говоритъ Пухта, есть убѣжденіе "общее состоящимъ между собою въ правномъ общеніи людямъ". Желая опредѣлить право, Пухта вводитъ въ составъ опредѣленія права прилагательное правный, производное слово отъ слово правый; т.е. вводитъ въ опредѣленіе то, что еще нужно опредѣлить, уяснить. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, что такое правное общеніе?

50. Пухта прибавляетъ, правда, слѣдующее: воля цѣлаго народа или его отдѣльныхъ представителей порождаетъ право. Но и это прибавленіе вовсе не разъясняетъ самаго даже источника права, ибо та же самая воля народа порождаетъ и многое другое, что не есть право (языкъ, изящныя искусства и вообще всѣ стороны общественной жизни)

и даже она порождаетъ можетъ быть и неправо. Какимъ образомъ это другое отличается отъ правнаго порядка, это оставляетъ Пухта безъ всякаго разъясненія. Далѣе, не объясняется понятіе права также и силкой историч. школы юристовъ на то, что она называетъ естественнымъ возрастаніемъ или ростомъ, потому что какъ право естественно образуется, возрастаетъ, такъ образуется, возрастаетъ въ народѣ и многое другое. Наконецъ историческая школа юристовъ какъ-бы забываетъ, что философія права изслѣдуетъ вовсе не историческое происхожденіе права, какъ права положительнаго, дѣйствующаго въ извѣстномъ народѣ, а изслѣдуетъ философск. начало права, принципы права, какъ праведнаго и справедливаго, дабы изъ этихъ принциповъ дедуцировать правопонятіе.

Впрочемъ, какъ я сказалъ, въ наше время уже многое сгладилось въ томъ исключительно историческомъ правовоззрѣніи, такъ что то, что мы сказали противъ него, не относится къ теперешнимъ послѣдователямъ этой исторической школы юристовъ. Уже самъ основатель этой школы, Савиньи, въ своемъ основномъ сочиненіи „Система нынѣшняго Римскаго права" отступился отъ этого исключительнаго взгляда, какъ это видно изъ примѣчаній, помѣщенныхъ въ этомъ сочиненіи (Савиньи страдалъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ). Въ этихъ примѣчаніяхъ Савиньи признаетъ и философское изученіе права. Какъ-бы то ни было, исключительно историч. правовоззрѣніе составляетъ одну изъ главныхъ ступеней человѣческаго сознанія генетическаго развитія отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, такъ что оно не есть преходящее явленіе. Если-бы не было этой школы, то была-бы другая косвенная скептическая школа, которая поставила-бы въ такое

отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, почему я считалъ возможнымъ внести это правовоззрѣніе въ разсматриваемыя нами отношенія, въ которыя ставитъ себя наука.

Итакъ, по всѣмъ сказаннымъ причинамъ, мы можемъ убѣдиться, что наука не должна ставить себя въ косвенное скептич. отношеніе къ философ. принципамъ и опредѣленіямъ права, въ какое себя поставила въ началѣ историческая школа юристовъ.

Б. Критическое отношеніе, какъ второй видъ отрицательнаго отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ правопонятія.

Критическое отношеніе есть также отрицательное отношеніе, какъ и скептическое, но уже не такъ абсолютно отрицательное, какъ скептическое отношеніе. Въ такое отношеніе ставитъ себя наука когда она, провѣривъ критически (отсюда и названіе) поставленные уже принципы и опредѣленія права, признаетъ всѣхъ ихъ невѣрными, а потому и отвергаетъ ихъ; слѣдов. она отвергаетъ ихъ уже не вслѣдствіе тѣхъ соображеній или причинъ, какими руководствуются скептики, а только потому, что они невѣрны, слѣд. несостоятельны. Но все таки при этомъ отношеніи считается возможнымъ впредь найти истинный принципъ и истинное опредѣленіе правопонятія и даже признается необходимымъ искать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не найдутся. Такъ напр. отнесся съ наибольшею опредѣленностью къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права философъ Тренделенбургъ, въ своемъ сочиненіи по естественному праву и въ особенности въ одной изъ множества своихъ статей.

Трандeленбургъ прежде всего напоминаетъ то, что сказалъ за нѣсколько лѣтъ знаменитый нѣмецк. философъ Кантъ объ опредѣленіяхъ, дефинiціяхъ вообще всякаго предмета и въ особенности права. „Прекрасно, сказалъ Кантъ, но часто трудно придти къ опредѣленію, къ дефиниціи. Такъ напр. еще юристы до сихъ поръ ищутъ опредѣленія своего понятія. Напомнивъ это изреченіе Канта и предложивъ свое, вамъ извѣстное, опредѣленіе права, Тран-деленбургъ прибавляетъ: если-же и теперь все еще продолжается тоже самое, что сказалъ Кантъ о юристахъ, т.е., что они все еще ищутъ и не нашли дефиниціи своего понятія, то все таки юристы должны наконецъ придти къ окончательному опредѣленію правопонятія, безъ чего правовѣдѣніе не было-бы возможно, а потому, да не пренебрегутъ юристы, столь привыкшіе составлять себѣ ясныя и строгія опредѣленія, дефиниціи разныхъ юридическихъ понятій, - да не пренебрегутъ юристы сдѣлать еще новую попытку опредѣлить правопонятіе вообще, ибо кто убѣжденъ, а въ этомъ долженъ быть убѣжденъ всякій человѣкъ науки, что безправно въ наукѣ все то, чего понятіе не опредѣлено, тотъ не захочетъ, чтобы право, это основное понятіе правовѣдѣнія, осталось безъ опредѣленія; кто убѣжденъ, а въ этомъ долженъ б. убѣжденъ также всякій человѣкъ науки, что опредѣленіе, дефиниція понятія есть завершеніе и послѣднее слово всякаго научнаго изслѣдованія, что опредѣленіе, дефиниція, есть результатъ всей науки и что проведеніе дефиниціи понятія чрезъ все изложеніе содержанія данной науки есть связь, система, т.е. что оно даетъ изложенію систематическую связь и есть тождество принципа, т.е. доказательство самымъ дѣломъ вѣрности того принципа, изъ котораго дедуцировано опредѣленіе правопонятія, - тотъ

не долженъ отказываться отъ такой задачи, т.е. отъ новой попытки составить наконецъ вѣрное опредѣленіе правопонятія, напротивъ, тотъ долженъ снова вскатывать камень на гору, хотя-бы и съ рискомъ, что этотъ камень опять скатится внизъ, т.е. тотъ долженъ попытаться составить новое опредѣленіе правопонятія, хотя-бы онъ былъ убѣжденъ, что оно окажется также негоднымъ, что оно не будетъ также окончательно опредѣленнымъ, такъ что его трудъ будетъ подобенъ труду извѣстн. въ мифологіи Сизифа, который былъ осужденъ богами на такую нескончаемую работу (непрестанно вскатывать камень на вершину горы, зная притомъ, что онъ опять скатится внизъ).

Ясно, что въ послѣднихъ словахъ Трандгеленбурга заключается не положительное критическое, а отрицательное критическое отношеніе его къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Если-бы оно было положительно критическимъ, то въ такомъ случаѣ, провѣривъ критически всѣ до сихъ поръ поставленные принципы и опредѣленія права и нашедши въ результатѣ, что всѣ они не выдерживаютъ критики, что они несостоятельны, онъ не только-бы требовалъ, чтобы юристы пытались найти опредѣленіе правопонятія, но и сказалъ-бы имъ, что ваши попытки не окончатся безплодными и что вы въ концѣ концовъ дойдете до такого опредѣленія правопонятія, которое будетъ вполнѣ окончательнымъ, а между тѣмъ онъ говоритъ, что сколько вы не будете пытаться составить опредѣленіе правопонятія, всѣ ваши труды будутъ безплодными, подобно труду Сизифа. Такое отрицательно критическое отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ права все таки ближе къ положительному отношенію, нежели скептическое отношеніе, потому что въ немъ, по крайней мѣрѣ, положительно выражается необходимость придти, наконецъ, къ опредѣленію права вслѣдствіе того, что

безъ такого опредѣленія не возможна вообще никакая наука.

Относясь съ своей стороны критически къ словамъ Тренделенбурга, мы можемъ сказать слѣдующее. Совершенно вѣрна мысль Тренделенбурга, что наука должна относиться критически къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права, потому что наука вообще, какъ результатъ познаванія человѣческаго, ничего не должна принимать только на вѣру, а напротивъ, все должна подвергнуть строгой критикѣ, дабы такимъ образомъ придти наконецъ къ истинѣ. Но наука, скажемъ мы, вовсе не есть Сизифова работа, не есть проклятый богами, ни къ чему негодный, совершенно безплодный и неблагодарный трудъ; правда, это трудъ непрестанный и нескончаемый, какъ Сизифова работа, но трудъ благословенный, благотворный, производительный трудъ человѣч. ума, научнаго мышленія, котораго представителями и служатъ всѣ дѣятели науки въ этомъ отношеніи. Правда, въ виду множества различныхъ и даже, по видимому, противоположн. принциповъ и опредѣленій права наука уже потому должна относиться къ нимъ критически; но истинная критика есть критика положительная, а эта критика никогда не можетъ привести насъ къ такому отрицательному результату, т. е. къ признанію того, что всѣ выведенные принципы являются только напрасно потеряннымъ трудомъ, послѣ котораго наука должна начинать все совершенно снова, т. е. снова должна искать совершенно новыхъ принциповъ и опредѣленій права, какъ будто-бы до тѣхъ поръ рѣшительно ничего не было сдѣлано наукою въ этомъ отношеніи. Тренделенбургъ думаетъ, что наука должна искать принциповъ и опредѣленій права съ тѣмъ рискомъ, что она никогда не придетъ къ положительному результату и что трудъ ея будетъ совершенно напраснымъ, безплоднымъ. Этого сказать мы не можемъ.

если бы критика пришла къ такому чисто отрицательному результату, то тѣмъ самымъ она заявила-бы о себѣ, что она есть ложная критика, псевдокритика. Истинная критика принциповъ и опредѣленій права непремѣнно приведетъ къ какому-нибудь положительному результату, руководствуясь признаніемъ, что умъ человѣческій, его научное мышленіе, въ его представителяхъ не могъ даромъ, безплодно трудиться до сихъ поръ, какъ не даромъ, не безплодно будетъ онъ трудиться всегда и впредь, - руководствуясь сознаніемъ, что умъ человѣческій не обладаетъ вполнѣ истиною и потому непрестанно ищетъ истины. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать вмѣстѣ съ знаменитымъ нѣмец. поэтомъ, философомъ и историкомъ, Лессингомъ: если-бы богъ сказалъ, держа въ одной рукѣ полную истину, а въ другой только непрестанное исканіе, стремленіе къ ней, сказалъ-бы мнѣ, выбирай одно изъ двухъ, то я-бы отвѣтилъ: дай мнѣ, боже, стремленіе къ истинѣ, исканіе истины, ибо, обладаніе ею вполнѣ принадлежитъ Тебѣ единому.

Итакъ, въ заключеніе всего этого перваго рода отношеній науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, мы можемъ сказать вообще, что наука не должна относиться къ поставленнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права отрицательно ни въ смыслѣ прямаго или косвеннаго скептическаго отрицанія, ни въ смыслѣ псевдокритическаго отрицанія принциповъ и опредѣленій права. Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что наука должна относиться къ поставленнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права положительно. Такъ, мы переходимъ къ положительному отношенію къ нимъ науки.

2, Положит. отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, какъ

второй родъ ея отношений къ нимъ.

Наука ставитъ себя въ положительное отношение къ принципамъ и опредѣленiямъ права, когда она не отрицаетъ ни ихъ возможности, ни ихъ состоятельности, а напротивъ, признаетъ ту и другую. Но такое признание со стороны науки многоразлично, а слѣдов. и въ многоразличныя положительныя отношения ставитъ себя къ нимъ. Все множество различныхъ положительныхъ отношений, въ которыя до сихъ поръ ставила себя наука, и вмѣстѣ съ тѣмъ и то положительное отношение, въ которое она по нашему мнѣнiю должна себя наконецъ поставить, могутъ быть подведены къ слѣдующимъ видамъ положит. отношений, которыя суть ничто иное какъ ступени генетическаго развития положительнаго отношенiя вообще, слѣдующiя именно въ такомъ порядкѣ: во 1, эклектическое отношение, во 2, критическое отношение, въ 3, органическое отношение и въ 4, генетическое отношение. Скажемъ о каждомъ отношенiи порознь, но въ связи ихъ.

α, Эклектическое отношение.

Подъ нимъ разумѣемъ мы отношение науки къ принципамъ и опредѣленiямъ права, состоящее въ томъ, что изъ множества различныхъ и даже, по видимому, противоположныхъ опредѣлений права, которые до сихъ поръ были составлены, наука избираетъ одинъ какой-нибудь принципъ права, а слѣдов. и одно какое нибудь опредѣление правопонятiя, какъ дедуцированное изъ этого принципа, и признавъ только этотъ избранный принципъ и это избранное опредѣление правопонятiя вѣрными, отвергаетъ всѣ прочие принципы и опредѣления, какъ совершенно ложные. Но на такомъ выборѣ, или на такомъ эклектицизмѣ мы не можемъ остановиться,

потому что мы при этомъ не можемъ руководствоваться ничѣмъ инымъ какъ только нашимъ индивидуальнымъ мнѣніемъ и произволомъ, какимъ обыкновенно въ самомъ дѣлѣ и руководствуются въ философіи тѣ мыслители, которые называются эклектиками вообще, т.е. какъ выборщиками изъ разныхъ философскихъ системъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ положеній, связанныхъ ими въ свою систему только внѣшнею связью. Эклектики въ философіи вообще выбираютъ или одинъ принципъ, какъ верховный принципъ, и всѣ выводы изъ него считаютъ истинными, или выбираютъ уже отдѣльныя положенія изъ той или другой философской системы, хотя-бы онѣ не были связаны однимъ и тѣмъ-же принципомъ, и стараются какъ нибудь ихъ связать въ виду какой нибудь внѣшней, посторонней для науки цѣли, а не въ виду самой сущности этихъ положеній. Въ отличіе отъ такого эклектицизма, эклектич. отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ правопонятія состоитъ въ томъ, что эклектики берутъ только одинъ принципъ изъ какой-нибудь философск. системы, считая, что принципы другихъ философскихъ системъ не могутъ быть признаны вѣрными, а слѣдов. и дедуцируемыя изъ нихъ опредѣленія правопонятія признавая также ложными. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ эклектицизмъ не основателенъ въ наукѣ именно потому, что основаніе эклектицизма есть личное мнѣніе о справедливости одного положенія или принципа и о невѣрности другихъ принциповъ. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ и первоначальныхъ философовъ эклектиковъ былъ извѣстный римскій писатель, Цицеронъ. Спрашивается, на чемъ онъ основывалъ то, что можно основать свою философскую систему или рядъ своихъ философскихъ истинъ посредствомъ выборки изъ разныхъ другихъ особенно главныхъ философскихъ системъ, а именно, на чемъ онъ основывалъ убѣжде-

ніе въ справедливости такого выбора? Если-бы онъ дѣйствовалъ, подобно новѣйшимъ эклектикамъ, напр. Кузену, на основаніи того такта, который пріобрѣтается посредствомъ философскаго изученія, то отчасти можно было-бы сказать, что здѣсь нѣтъ ничего произвольнаго, хотя все таки произволъ здѣсь играетъ нѣкоторую роль, потому что тактъ не есть еще нѣчто такое, что представляется совершенно отчетливымъ и вѣрнымъ. Тактъ пріобрѣтается вслѣдствіе привычки, но для этого нужны все таки природныя дарованія. Говорятъ напр., что нѣтъ необходимости въ Педагогіи, такъ какъ педагогамъ нуженъ только извѣстный тактъ, безъ чего ничего нельзя сдѣлать. Дѣйствительно тактъ необходимъ, точно также какъ необходимъ въ философіи зрѣлый разумъ; но съ однимъ зрѣлымъ разумомъ нельзя сдѣлаться философомъ, точно также какъ нельзя сдѣлаться Рубенштейномъ, имѣя одни здоровые пальцы.

Эклектическое отношеніе есть первая ступень положительнаго отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, потому что эклектическое отношеніе есть наименѣе положительное изъ всѣхъ нами названныхъ положительныхъ отношеній, ибо эклектическое отношеніе признаетъ, какъ мы видѣли, только одинъ произвольно избранный принципъ права, а слѣдов. и одно выводимое изъ него опредѣленіе права, а всѣ прочіе принципы и опредѣленія права отрицаетъ какъ абсолютно невѣрные, несостоятельные.

б) Вторая ступень: синкретическое отношеніе.

Подъ нимъ разумѣемъ мы отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, состоящее въ томъ, что изъ множества различныхъ и даже, по видимому, противопол. принциповъ и опредѣленій права, которые выставлены различн. филосо-

фами, избираютъ уже не одинъ, а два и даже иногда болѣе принциповъ и опредѣленій права и, избравши ихъ, какъ вѣрные, какъ состоятельные, стараются примирить ихъ и даже слить въ одинъ принципъ права, находя, что только монизмъ состоятеленъ въ наукѣ, т.е., что только признаніе одного принципа состоятельно и что напротивъ дуализмъ (т.е. выборъ двухъ и болѣе принциповъ) не состоятеленъ. Примиривши два или болѣе принципа или сливши ихъ въ одинъ принципъ, подъ который эти принципы подводятся, какъ къ высшему принципу, стараются изъ этого высшаго принципа, какъ принципа монистическаго, дедуцировать уже научнымъ образомъ опредѣленіе правопонятія. Конечно, это синкретическое отношеніе стоитъ уже гораздо выше эклектическаго отношенія, ибо при синкретическомъ отношеніи избирается не одинъ только принципъ права, какъ вѣрный, какъ состоятельный, а два и болѣе принципа права, но все таки и синкретич. отношеніе есть не болѣе какъ выборъ, основанный на индивидуальномъ мнѣніи и произволѣ, точно также какъ и эклектическое отношеніе, а наука не должна основываться на какомъ бы то ни было индивидуальномъ мнѣніи или произволѣ. Вслѣдствіе этого и синкретическое отношеніе есть только отчасти положительное отношеніе, а отчасти и отрицательное отношеніе, ибо, признавая вѣрными два или болѣе принципа, а не всѣ принципы, оно тѣмъ самымъ отрицаетъ всѣ прочіе принципы, какъ невѣрные, несостоятельные и только признаетъ избранные его принципы. Вотъ почему синкретич. отношеніе хотя и стоитъ въ генетическомъ развитіи выше эклектическаго отношенія, но все таки оно не есть самая высшая ступень генетическаго развитія положительныхъ отношеній къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Философы и вообще писатели, ставящіе себя

въ такое синкретическое отношеніе къ философск. системамъ вообще, а не только къ системамъ философіи права, назыв. вообще синкретиками. Они признаютъ вѣрными, состоятельными, какихъ нибудь два или болѣе принципа, но признаютъ ихъ односторонними и потому стараются сдѣлать ихъ всесторонними чрезъ восполненіе одного принципа другимъ, а именно, или только примиряютъ ихъ, т.е. собственно говоря, смѣшиваютъ, такъ что избранные ими принципы остаются такъ, какъ они есть, или они берутъ вмѣстѣ ихъ и притомъ съ преобладаніемъ одного принципа надъ другимъ, какъ это именно сдѣлалъ по отношенію къ принципамъ права философъ юристъ Пуфендорфъ, который старался примирить (и потому смѣшалъ) принципы противоположные, а именно обществ. принципъ прирожденныхъ влеченій Гуго Гроція и эгоистическій принципъ, представителемъ котораго былъ Гоббесъ (онъ старался примирить эти принципы въ своемъ внѣшнемъ принципѣ, причемъ эгоистич. принципъ остался у него преобладающимъ). Другіе синкретики по отношенію къ философіи права стараются слить два или болѣе принципа права такъ, что избранные ими принципы подчинить новому внѣшнему принципу, какъ поступилъ въ философіи права напр. Вольфъ, стараясь подчинить всѣ природныя влеченія человѣка, какъ принципы права, подъ одно внѣшнее природное влеченіе къ совершенствованію, которое и выставилъ онъ принципомъ права.

Третья ступень: органическое отношеніе.

Подъ нимъ разумѣемъ мы отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, состоящее въ томъ, что всѣ вообще принципы, а слѣд. и всѣ дедуцированныя изъ нихъ опредѣленія права стараются философы или писатели вообще сое-

динить не внѣшнею только связью, какъ эклектики, а внутреннею связью въ одно живое цѣлое, которое они называютъ организмомъ, подобно организму органическихъ существъ, въ томъ предположеніи, что всѣ принципы, досихъ поръ поставленные, составятъ вмѣстѣ взятые такой единый организмъ, такое единое живое цѣлое. Вотъ почему такое отношеніе можно назвать органическимъ. Это отношеніе есть высшее, сравнительно съ первыми двумя ступенями генетическаго развитія отношенія науки къ принципамъ права именно потому, что оно уже относится положительно, а не отрицательно ко всѣмъ вообще принципамъ и опредѣленіямъ права, какіе были когда-либо выставлены. Но и это отношеніе все таки не состоятельно въ томъ смыслѣ, что оно основывается на сказанномъ неосновательномъ предположеніи, что принципы и опредѣленія права досихъ поръ выставленные составляютъ одно живое цѣлое, одинъ организмъ. Это предположеніе произвольно и потому оно противно сущности науки. Произвольно это предположеніе потому, что никто не можетъ поручиться, что впредь не будетъ найдено никакого принципа права, а слѣдов. и новаго опредѣленія понятія права, такъ что никакъ нельзя утверждать, что если тѣ принципы и опредѣленія права, которые до сихъ поръ найдены, соединить внутреннею связью въ одно живое цѣлое, то они и составятъ собою полное живое единое цѣлое, подобное дѣйствительному организму. Сверхъ того, это предположеніе противно вообще сущности науки, ибо непрестанное развитіе науки есть нѣчто для нея существенное, какъ развитіе нескончаемое. Слѣдов., наука не должна относиться такимъ образомъ, органически, къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права. Но не смотря на это, въ такое именно

отношеніе вынуждены поставить себя тѣ философы и вообще писатели, которые употребляютъ такъ называемый органическій способъ при изложеніи философіи права, какъ напр. Краузе и главный его послѣдователь по отношенію къ философіи права, Аренсъ.

Четвертая ступень: діалектич. отношеніе

Подъ нимъ разумѣемъ мы отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, состоящее въ томъ, что всѣ принципы и опредѣленія права превращаются въ ступени діалектическаго процесса, какъ прогрессивнаго и законосообразнаго самодвиженія правопонятія. Этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока понятіе права не перейдетъ въ другое понятіе, которое уже не есть предметъ правовѣдѣнія а именно, какъ у Гегеля, – пока философія права въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. какъ философія объективнаго духа, не перейдетъ въ философію абсолютнаго духа, что происходитъ чрезъ посредство философіи исторіи, какъ мы говорили. Въ самомъ дѣлѣ, въ такое отношеніе ставитъ науку къ принципамъ и опредѣленіямъ права Гегель и въ особенности гегеліянецъ Мишле въ своемъ сочиненіи по естественному праву, именно потому, что они разсматриваютъ все мышленіе, тождественное у нихъ съ бытіемъ, какъ діалектич. процессъ абсолюта. Но этотъ абсолютъ Гегеля и его діалектич. самодвиженіе по закону трехъ моментовъ есть произвольное предположеніе и притомъ такое, которое вынуждаетъ также произвольно исключить нѣкоторые принципы изъ этого процесса, а именно тѣ, которые при всемъ стараніи, при всѣхъ сознательныхъ или безсознательныхъ натяжкахъ, не могутъ быть втиснуты гегеліянцами в. діалектическій процессъ абсолюта. Но тѣмъ не менѣе, діалектич. отношеніе науки къ прин-

ципамъ и опредѣленіямъ права есть уже высшая ступень генетич. развитія этого отношенія въ сравненіи не только съ эклектическимъ, не только съ синкретическимъ, но также и съ органическимъ отношеніемъ, потому что органическое отношеніе не видитъ уже вовсе никакого движенія въ принципахъ и опредѣленіяхъ права, ограничиваясь только ихъ соединеніемъ въ одно живое цѣлое, въ одинъ организмъ, между тѣмъ какъ діалектическое отношеніе, по самой своей сущности, потому что оно представляетъ діалектическій процессъ абсолюта вообще, непремѣнно предполагаетъ такое движеніе принциповъ, если еще и не сознаетъ его съ полною вѣрностью.

И такъ, наука не должна относиться къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права ни эклектически, ни синкретически, ни органически, ни даже діалектически, какъ не должна она относиться и отрицательно по приведеннымъ выше причинамъ. Слѣдов., остается отнестись наукѣ къ принципамъ и опредѣленіямъ права не иначе какъ генетически. И такъ,

Пятая ступень: генетическое отношеніе.

Оно состоитъ въ томъ, что наука смотритъ на всѣ вообще выставленные принципы и опредѣленія права и притомъ не только на главные, реальные принципы, но и на всѣ прочіе принципы права, какъ на ступени генетическаго развитія человѣческаго правосознанія. Наша именно наука, Энциклопедія, по отличительной сущности ея содержанія, и должна представить ихъ не иначе какъ генетически. Въ предыдущей, второй главѣ, мы представили такое генетическое развитіе принциповъ и опредѣленій права, а потому повторять его здѣсь не будемъ. Изъ представленнаго нами постепеннаго генетическаго развитія человѣч. правосоз-

нанія, какъ сознанія всѣхъ родовъ, видовъ и подвидовъ принциповъ и опредѣленій права, т.е. правопонятія, мы ясно видимъ, что во 1, опредѣляя понятіе права, всѣ философы, мыслители, разумѣютъ подъ словомъ право правое, какъ праведное и справедливое (justum), т.е. все согласное съ правдою и справедливостью (justitia), но въ двоякомъ смыслѣ этого слова, а именно во 1, въ субъективн. смыслѣ, т.е. въ смыслѣ качества субъекта, качества праведнаго и справедливаго человѣка, въ смыслѣ его праведности и справедливости, какъ его добродѣтели, во 2, въ объективномъ смыслѣ, т.е. въ смыслѣ образа внѣшней, видимой дѣятельности такого праведнаго и справедливаго человѣка въ людскихъ общественныхъ союзахъ, какъ объективированіе, т.е. внѣшнее выраженіе или обнаруженіе въ дѣятельности его внутренняго качества, его праведности и справедливости. Но затѣмъ во 2, мы видѣли, что каждая группа философовъ и вообще мыслителей, стоящихъ на одной и той-же ступени генетич. развитія человѣческаго сознанія принциповъ и опредѣленій права, стараясь опредѣлить понятіе права ближайшимъ образомъ, ищетъ основанія разъясненной нами прежде обязательности права и отправляясь отъ различныхъ принциповъ, въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе этого различно опредѣляетъ понятіе права. Но это различіе происходитъ только вслѣдствіе того, что каждая группа философовъ смотритъ на правопонятіе съ различной стороны, а каждая сторона выражаетъ одинъ какой нибудь существенный моментъ правопонятія, такъ что правовоззрѣніе каждой группы философовъ вѣрно, но не совсѣмъ, не вполнѣ, ибо оно одностороннее. Слѣдов., всѣ до-сихъ поръ поставленныя философами, мыслителями, опредѣленія права, взятыя порознь, односторонни, и только вмѣстѣ взятыя они многосторонни. Нельзя сказать всесторонни, потому, что если мы и соединимъ всѣ до сихъ-поръ

поставленныя философами опредѣленія права, то нельзя еще сказать положительно, чтобы онѣ составили всестороннее понятіе, ибо никакъ нельзя поручиться, что впредь не будетъ открыто новыхъ принциповъ и опредѣленій права. Это указываетъ на то, что одно опредѣленіе правопонятія восполняетъ болѣе или менѣе всѣ прочія опредѣленія, какъ одна сторона въ предметѣ восполняетъ всѣ прочія стороны предмета или, по крайней мѣрѣ, исправляетъ ихъ, дѣлая ихъ болѣе вѣрными. Съ этимъ восполненіемъ или, по крайней мѣрѣ, исправленіемъ опредѣленій правопонятія находится въ неразрывной связи восполненіе или, по крайней мѣрѣ исправленіе главныхъ, т.е. реальныхъ принциповъ права, потому что изъ этихъ принциповъ и выводится непосредственно опредѣленіе правопонятія. Но такъ какъ эти главные, т.е. реальные принципы права, суть центральные для прочихъ принциповъ права (для формальныхъ, телеологическихъ и практическихъ, то въ связи съ восполненіемъ или, по крайней мѣрѣ, исправленіемъ реальныхъ принциповъ права и выводимыхъ изъ нихъ непосредственно опредѣленій правопонятія находится также и восполненіе или, по крайней мѣрѣ, исправленіе прочихъ принциповъ права, т.е. и формальныхъ и телеологическихъ и практическихъ. Откуда слѣдуетъ, что всѣ опредѣленія права и его принципы, какъ взаимно себя восполняющіе или, по крайней мѣрѣ, исправляющіе должны быть разсмотрѣны вмѣстѣ, въ ихъ внутренней связи между собою. Такая связь есть частью внѣшняя зависящая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и причинъ, обусловливаемая послѣдовательностью появленія ихъ одного за другимъ во времени, въ исторіи; частью-же она есть внутренняя, обусловливаемая генезисомъ человѣческаго научнаго, философскаго правовоззрѣнія, т.е. генетическ. связь, слѣдов., эта связь есть и историческая

и генетическая. Если это взаимное восполнение или, по крайней мѣрѣ, исправленіе всѣхъ опредѣленій права и всѣхъ ихъ принциповъ мы будемъ разсматривать исторически, какъ они появлялись во времени и пространствѣ, то мы отнесемся къ опредѣленіямъ права и ко всѣмъ его принципамъ исторически. Но представленіе историческаго развитія принциповъ и опредѣленій права есть одна изъ главныхъ задачъ особенной науки, отдѣльной отъ нашей науки, а именно Исторіи философіи Права, а не нашей науки, Энциклопедіи, ибо наша наука представляетъ право, а слѣдов. и принципы и опредѣленія права, по самой отличительной сущности своего содержанія во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости. Такъ мы дѣйствительно и представили ихъ. Но и при такомъ генетическомъ развитіи мы не должны забывать, что внѣшнее, видимое развитіе ихъ во внѣшней видимой дѣйствительности, реальности, происходитъ непремѣнно во времени и пространствѣ и слѣдов. исторически, а исторія не есть что-нибудь законченное, а есть нѣчто продолжающееся. Поэтому мы никогда не должны утверждать, что мы получимъ въ результатѣ всеобщее, всестороннее, всеобъемлющее и всецѣлое опредѣленіе права, т. е. правопонятіе, если мы соединимъ въ одно цѣлое всѣ до сихъ поръ сдѣланныя опредѣленія права, т. е. всѣ открытые въ понятіи права существ. моменты, Напротивъ, мы должны ожидать, что вѣроятно и впредь откроются новые моменты въ опредѣленіи права, которые теперь еще не открыты человѣческимъ научнымъ мышленіемъ, научнымъ правовоззрѣніемъ. Поэтому во 1, мы должны воспользоваться всѣми существенными моментами, которые уже открыты умомъ человѣческимъ, научнымъ человѣческимъ мышленіемъ, т. е. его представителями, философами, мыслителями, въ поня-

тіи права и затѣмъ во 2, мы не должны оста навливаться на этихъ моментахъ и искать новыхъ еще моментовъ въ опредѣленіи права. Гдѣ-же, спрашивается, мы должны искать ихъ? Въ самыхъ словахъ, въ которыхъ выражается понятіе права, ибо въ этихъ словахъ выражаетъ человѣчество, а именно народъ, свое правовоззрѣніе, такъ какъ всякое вообще слово есть ничто иное какъ выраженіе сознанія какой нибудь стороны сущности понятія, обозначаемаго этимъ словомъ, именно сознаніе того народа, на языкѣ котораго встрѣчается данное слово. Итакъ, мы не должны ограничиваться только правовоззрѣніемъ философовъ и вообще представителей науки или научными только, иначе наз. строго логическими реальными опредѣленіями правопонятія, собственно такъ назыв. въ логикѣ дефиниціями, но сверхъ того мы должны обратить также вниманіе и на тѣ правовоззрѣнія, которыя выводятся изъ словопроизводство, изъ словоупотребленія, на языкахъ разныхъ народовъ, т.е. мы должны обратиться къ такъ назыв. вербальнымъ и номинальнымъ опредѣленіямъ правопонятія въ ихъ внутренней связи, потому что умъ человѣческій выражаетъ правовоззрѣніе не только чрезъ посредство философовъ, какъ представителей научн. правовоззрѣнія, но и въ языкахъ разныхъ народовъ, ибо въ словахъ, употребляемыхъ на этихъ языкахъ для обозначенія правопонятія и даже въ самомъ употребленіи этихъ словъ народа и вообще человѣчества выражаютъ также существен. моменты, стороны правопонятія, съ тою только разницею, что выраженія народами прямо на ихъ родныхъ языкахъ существенныхъ моментовъ правопонятія суть выраженія, такъ сказать, донаучнаго человѣческаго чувства права, между тѣмъ какъ у философовъ, представителей науки, они суть

уже выраженія научнаго правоваго сознанія. Само собой разумѣется, что мы здѣсь не будемъ и не должны, по самому свойству нашей науки, разсматривать всѣ обозначающія правопонятія слова на всѣхъ вообще языкахъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ вовсе надобности, ибо для нашей науки достаточно разсмотрѣть тѣ слова, которыми обозначается правопонятіе прежде всего на нашемъ отечественномъ языкѣ, потому что онъ намъ самый близкій родной языкъ, а затѣмъ и на прочихъ языкахъ и на европейскихъ, какъ языкахъ образованнѣйшихъ народовъ древняго и новаго міра, а именно, на греческомъ и латинскомъ языкѣ, а затѣмъ на языкахъ германскихъ и романскихъ, т. е. на тѣхъ языкахъ, знаніе которыхъ требуется отъ всякаго истинно образованнаго юриста вслѣдствіе богатства юридическ. литературы на этихъ языкахъ. Такъ, изъ германскихъ языковъ мы разсмотримъ такія слова преимущественно въ нѣмец. языкѣ уже потому, что съ этимъ языкомъ существенно сродны всѣ германскіе языки (голландскій, шведскій, датскій, норвежскій) и затѣмъ въ англійскомъ языкѣ, какъ языкѣ переходномъ отъ германскихъ къ романскимъ и наконецъ изъ романскихъ языковъ мы разсмотримъ такія слова въ особенности во франц. языкѣ, потому что съ нимъ сродны всѣ прочіе романскіе языки (итальянскій, испанскій и португальскій).

Различ. значенія права, выражаемыя словами, которыми оно обозначается на сказанныхъ, нами приведенныхъ языкахъ, мы должны разсматривать не иначе какъ генетически, а именно въ томъ постепенномъ порядкѣ, въ какомъ происходитъ генезисъ самыхъ словъ вообще, т. е. начиная съ значенія словъ, такъ сказать, видимаго, нагляднаго и въ этомъ смыслѣ простаго, первоначальнаго и восходя постепенно къ интеллектуальному, умственному

значенію, абстрактному, метафорическому, ибо это и суть выраженія на языкахъ различныхъ народовъ существ. моментовъ правопонятія. Всѣхъ такихъ ступеней генетическаго развитія, какъ главныхъ, всего 5, а именно во 1, право, какъ правое, въ значеніи прямаго; во 2, право, какъ правое, въ значеніи истиннаго; въ 3, право въ значеніи благого; въ 4, право въ значеніи нравственно добраго и наконецъ въ 5, въ значеніи, соединяющаго людей въ внѣшнія общенія или въ общественные союзы. И такъ,

Первая ступень: право, какъ правое въ значеніи прямаго.

На нашемъ родномъ языкѣ въ старину употреблялось слово право, какъ нарѣчіе вмѣсто нынѣ употребляемаго слова прямо, т.е. безразлично одно за другое. Это старинное употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ осталось и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ народныхъ поговоркахъ и въ нѣкоторыхъ производныхъ словахъ. Такъ напр. говорятъ: право какъ дуга (иронія); „право (т.е. прямо) ходить, душою не кривить" „ходи право (т.е. прямо), гляди браво". Въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ даже и теперь часто говорится: иди право т.е. прямо: правый путь, т.е. прямой путь", правая дорога, т.е. прямая дорога. Точно также и въ производныхъ словахъ слово право употребляется часто въ смыслѣ прямо; такъ напр. слово „править" значитъ прямить, дѣлать прямымъ или равнять что-либо, наприм. въ выраженіи „править дорогу" т.е. дѣлать ее прямою болѣе или менѣе или равнять дорогу; править кирпичъ, т.е. прямить, равнять его, что дѣлаютъ когда онъ еще сыръ и мягокъ; править желѣзную полосу, т.е. дѣлать ее прямою. Другое производное слово отъ слова право, въ смыслѣ прямо, есть прямило или прямилка, - это снарядъ для направленія чего-либо. Съ этимъ словомъ сход-

Лит. А. Степанова въ Садовой улицѣ д. № 29.

но слово правило, — это снарядъ, состоящій изъ
прямой доски съ устойкою и отвѣсомъ, который
плотники и каменьщики употребляютъ для
возведенія стѣнъ и заборовъ прямо, т. е. отвѣсно,
а также слово правило или прямило, подъ ко-
торымъ разумѣется собственно деревянный бру-
сокъ въ родѣ большой линейки аршина въ два, ко-
торый употребляется для кирпичной кладки (т. е.
правки кирпичъ) 3, отъ слова право, въ смыслѣ
52. прямо, происходитъ и слово <u>правило</u> въ значеніи
уже не чувственномъ, а умственномъ, а именно,
въ значеніи постоянныхъ нормъ или законовъ для
всякой вообще дѣятельности людской и жизни, какъ
внутренней, такъ и внѣшней, а именно во 1, въ
силу природной, естественной необходимости, т. е.
въ смыслѣ требованія, вытекающаго прямо изъ при-
роды, свойства извѣстнаго рода дѣятельности,
какъ присущей ей нормы, соблюденіе которой дѣла-
етъ эту дѣятельность такою, что она обозна-
чается именно словомъ нормальная дѣятельность.
Такъ говорятъ въ логикѣ о правилахъ, какъ нор-
махъ, законахъ мышленія, въ грамматикѣ — о пра-
вилахъ языка, какъ его нормахъ, въ эстетикѣ —
о правилахъ изящныхъ искуствъ, какъ ихъ нор-
махъ, и т. п. Во 2, въ силу нравственной необходи-
мости, т. е. въ смыслѣ велѣнія высшаго существа,
имѣющее, какъ высшее существо, власть надъ
низшими существами, ему подчиненными, каково
божество или-же человѣкъ властвующій. Такое
существо налагаетъ на человѣка нравственную
обязанность исполнять, соблюдать его постано-
вленія, которыя суть правила для его дѣятельно-
сти. Такъ напр. говорятъ о заповѣдяхъ Божіихъ,
въ смыслѣ такихъ правилъ и о постановленіяхъ
законодательной власти, въ смыслѣ такихъ-же
правилъ. Наконецъ въ 3, въ смыслѣ свободнаго и соз-
нательнаго самоопредѣленія человѣческаго, такъ
напр. говорятъ: „я поставилъ себѣ правило или
за правило дѣлать то-то и не дѣлать того-то"
что предполагаетъ именно свободное и сознатель-

ное самоопредѣленіе со стороны такого человѣ-
ка, поставляющаго себѣ то или другое правило.
Во всѣхъ приведенныхъ нами производныхъ сло-
вахъ, коренящихся въ словѣ право, имѣющемъ зна-
ченіи прямаго, выражается вообще прямое стре-
мленіе или направленіе предмета или пассив-
ное, т.е. возбуждаемое другимъ предметомъ или
активное, т.е. изъ самого предмета истекаю-
щее и направляющееся къ извѣстной, опредѣ-
ленной цѣли. Въ этомъ смыслѣ право есть ни-
что такое, чѣмъ указывается прямое устрем-
леніе, направленіе человѣческой дѣятельности къ
опредѣленной цѣли, т.е. той цѣли, которою
эта дѣятельность опредѣляется, какъ дѣятель-
ность правая, въ смыслѣ правомѣрной или пра-
вильной и справедливой дѣятельности. Другими
словами, правомъ устремляется, направляется
человѣческая дѣятельность прямо такъ, какъ
это должно быть, а именно по праву, т.е. по
правдѣ и справедливости. Такое значеніе сло-
ва права обусловливается его словопроизводствомъ,
а именно, слово право, какъ и слово правый, рав-
но какъ и сродныя съ ними слова, отъ одного и
того-же съ ними корня происходящія, суть уже
сами слова производныя отъ коренного слова
<u>пру</u>. Слово пру въ первоначальномъ смыслѣ зна-
читъ жать, давить, а затѣмъ съ усиліемъ сдви-
гать что-нибудь съ мѣста или не допускать
чему нибудь сдвинуться съ мѣста и наконецъ дви-
нуть къ чему нибудь, какъ къ цѣли. Отсюда сло-
во пру, въ переносномъ смыслѣ, значитъ по-
нуждать или побуждать къ чему, настаи-
вать на чемъ, требовать чего, какъ это въ особен-
ности видно изъ значенія славянскаго слова
прати. Слѣдов., слово право, по своему производ-
ству, значитъ нѣчто понуждающее или нѣ-
что побуждающее къ чему-либо, какъ къ пря-
мой, опредѣленной цѣли, дѣятельность человѣ-
ческую, есть нѣчто настаивающее на что-ни-
будь, т.е. на то, чтобы дѣятельность человѣче-

ская была такая, а не иная есть нѣчто требующее чего нибудь, т.е. требующая того, чтобы человѣкъ что-нибудь дѣлалъ или чего-нибудь не дѣлалъ.

Въ древнемъ греческомъ языкѣ также вмѣсто нарѣчія δικαίως, т.е. право, прямо, праведно и справедливо, употребляется нарѣчіе ὀρθῶς, т.е. прямо, такъ что и здѣсь слово право употребляется въ значеніи прямо, такъ напр. выраженіе ὀρθῶς πράττειν дѣлать прямо употребляется вмѣсто того, чтобы сказать, δικαίως πράττειν; ὀρθὸς ὁδὸν вмѣсто δίκαιος ὁδὸν быть прямымъ, находиться въ прямомъ положеніи, состояніи или въ прямомъ движеніи, быть правымъ, т.е. праведнымъ и справедливымъ. Во 2, точно также и въ прилагательномъ ὀρθός – прямой заключается также понятіе объ устремленіи, направленіи чего-нибудь прямо къ опредѣленной цѣли, ибо нарѣчіе ὀρθῶς значитъ между прочимъ въ прямомъ направленіи, напр. говорилось ὀρθόν (подразумѣвая ὁδόν), что значило прямою дорогою. Точно также въ нарѣчіи δικαίως корень δικ означаетъ указаніе на что либо, какъ на опредѣленную цѣль, а потому и устремленіе, направленіе, къ прямой, опредѣленной цѣли, такъ что отсюда прилагательное употребляемое въ смыслѣ существительнаго τὸ δίκαιον, право, т.е. правда и справедливость есть нѣчто устремляющее или направляющее къ прямой, опредѣленной цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающее ее. Отсюда происходитъ греческій глаголъ δικάζω, который значитъ указывать право, т.е. указывать что въ данномъ случаѣ есть правомѣрное, праведное и справедливое, а такъ какъ это указываетъ судья, то слово δικάζω значитъ прямо устанавливать судебныя рѣшенія и приговоры, въ которыхъ и выражается указаніе судьею право. Самый судья называется отсюда δικαστής, т.е. указывающій право, а судилище, судъ, называется δικαστήρια.

<u>Въ латинскомъ языкѣ</u> также вмѣсто нарѣчія juste, или justum, т. е. праведно и справедливо, употребляется нарѣчіе recte или rectum напр. въ выраженіяхъ recte vivere вмѣсто juste vivere, rectum est вмѣсто justum est. Отъ нарѣчія recte происходитъ сложное нарѣчіе directe, а отъ прилагательнаго rectus, a, um, произошло сложное прилагательное directus, a, um. Directe значитъ то-же, что и recte, равно какъ и directus значитъ то же, что и rectus, но съ тѣмъ различіемъ, что directe и directus есть усиленное значеніе recte и rectus, вслѣдствіе того, что предъ recte и rectus стоитъ частица di, которая есть усѣченный предлогъ dis. Этотъ предлогъ въ этомъ слитіи получаетъ такое-же значеніе, какое получаютъ въ греческомъ языкѣ слова чрезъ прибавленіе предлога δία, подобно тому какъ и у насъ есть такіе предлоги, которые усиливаютъ значеніе словъ, предъ которыми они стоятъ, каковы напр. раз и пре. И такъ, directe или directus значитъ разпрямо, т.е. очень прямо, препрямо. Отъ словъ directe и directus произошелъ латинскій глаголъ dirigo, что значитъ устремляю, направляю что-нибудь прямо къ опредѣленной цѣли, а отсюда слово directio значитъ самое устремленіе, самое направленіе. Мало того, и въ латинскомъ языкѣ есть общій съ греческимъ языкомъ корень dic, что значитъ указаніе именно на цѣль, устремленіе, направленіе къ цѣли. Отсюда производное латинское слово digitus - палецъ, т.е. указывающій на что нибудь, indico - указывать, показывать, а отсюда важный юридическій терминъ inditium - показаніе, напр. свидѣтельское. Даже латинскій глаголъ dico значитъ собственно указываю, показываю, заявляю, а затѣмъ уже говорю, въ словахъ заявляю мысль, напр. въ особенности въ такихъ юридическихъ выраженіяхъ, какъ jus dicere - указывать право, т.е. что должно быть въ данномъ случаѣ правомѣрнымъ (напр. при

обвиненіи, при спорѣ), а отсюда - произносить судъ, постановлять судебныя рѣшенія, судебные приговоры. Но это выраженіе, состоящее изъ двухъ словъ, - jus dicere, - сливается у римлянъ въ одно слово въ глаголъ judico, которое есть въ самомъ дѣлѣ сложное слово изъ jus и dicere, означающее тоже самое, что и jus dicere, отсюда происходитъ judicium - судъ, какъ показывающій право, judex - судья, какъ показывающій право.

Отъ латинскаго слова directus именно въ среднемъ родѣ directum произошло франц. слово droit - право, что видно уже изъ того, что оно прежде писалось такъ, что между буквами i и t была буква c (droict). Но въ особенности это видно изъ того, какъ пишется слово право на итальянскомъ языкѣ. Droit употребляется французами вмѣсто directement. Съ другой стороны, отъ латинскаго слова dirigo произошло франц. слово diriger - направлять, устремлять что-либо къ опредѣленной цѣли, а также и слово direction - направленіе, въ основѣ котораго также лежитъ понятіе объ устремленіи, направленіи чего-либо прямо къ опредѣленной цѣли, слѣд. въ словѣ droit, происшедшемъ отсюда, также заключается то-же понятіе.

Въ нѣмецкомъ языкѣ слово recht не происходитъ отъ латинскаго слова rectum, какъ можно было-бы заключить по созвучію этихъ словъ, а произошло отъ древнегерманскаго корня rik, сроднаго съ санскритскимъ корнемъ rig, а отъ послѣдняго произошелъ санскритскій глаголъ riga, что значитъ быть прямымъ, стоять прямо. Отъ древнегерманскаго rik произошелъ глаголъ rickten - дѣлать прямымъ, устремлять прямо къ опредѣленной цѣли, что видно изъ производнаго отсюда существительнаго richtung - направленіе. Вотъ почему нѣмецк. слово recht значило прежде у нѣмцевъ то-же, что теперь значитъ слово gerade, т. е. прямо, такъ напр. прямо

стоять прежде выражалось у нѣмцевъ словами recht stehen, а теперь выражаютъ это съ прибавленіемъ предлога auf, говоря auf recht stehen. Впрочемъ, и до сихъ поръ иногда употребляется въ нѣмецкомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, выраженіяхъ слово recht вмѣсто gerade; напр. нѣмцы говорятъ recht winkel, т.е. прямой уголъ. Вообще, слово recht есть древне германское слово, означающее gerichtet sein – быть направленнымъ, устремленнымъ къ опредѣленной цѣли и въ этомъ смыслѣ recht значитъ Richtigkeit, такъ что das rechte или das gerechte есть направленное или устремленное прямо къ опредѣленной цѣли.

Отъ древне германскаго корня rih произошло и англійское слово right, которое значитъ также и право и прямо. Но въ тоже время отъ латинскаго слова directum произошло англійское слово direct, которое значитъ также прямо, но еще значитъ, какъ глаголъ, направлять, устремлять что либо къ опредѣленной цѣли.

И такъ, мы нашли, что въ словѣ право и въ производныхъ отъ него словахъ въ индоевропейскихъ языкахъ образованнѣйшихъ народовъ по преимуществу заключается понятіе о чемъ то прямомъ. Поэтому право по своему понятію, по своей сущности, по своей природѣ, какъ правое т.е. праведное и справедливое, есть нѣчто прямое и притомъ въ слѣдующихъ значеніяхъ, какъ ближайшихъ опредѣленіяхъ этого прямаго: во 1, право, само по себѣ взятое, есть нѣчто прямое, какъ прямо стоящее, т.е. не уклоняющееся ни въ какую сторону, непреклонное, непоколебимое, непреложное, незыблимое, неподвижное. Во 2, право въ своемъ дѣйствіи постоянно дѣлаетъ прямымъ, ровняетъ все, что само по себѣ есть не право, что само по себѣ криво, неровно и т.п. и постоянно направляетъ, устремляетъ все прямо къ опредѣленной цѣли, т.е. къ тому, чтобы дѣятельность

человѣческая была согласна съ правдою и справедливостью. Въ такомъ-то просто первоначальномъ значеніи права по его словопроизводству и словоупотребленію выразили народы свое донаучное чувство права, по его понятію, сущности и природѣ, а именно въ этомъ словѣ первоначально выражаются такіе существ. моменты его понятія: во 1, право само по себѣ есть правое, а будучи опредѣляемо отрицательно, есть нѣчто неизмѣнное, въ противоположность измѣнчивому праву, а именно въ противоположность положительному праву, извѣстнаго общества, народа, государства, дѣйствующему въ извѣстное время, какъ чему-то измѣнчивому, тогда какъ право, какъ праведное и справедливое, есть постоянно твердое, вѣчное, въ противоположность временному праву того или другаго общества или государства. На основаніи положительныхъ фактовъ, мы должны признать вообще вѣрнымъ такой взглядъ народовъ, человѣчества, однако-же съ слѣдующими существенными ограниченіями. Такъ, право само по себѣ, какъ праведное и справедливое, есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто неизмѣнное, но въ томъ только смыслѣ, что оно не должно измѣняться изъ какихъ-либо постороннихъ ему видовъ, соображеній, или, какъ обыкновенно выражаются, правда и справедливость, какъ правосудіе или правый судъ, должна быть нелицемѣрною, безпристрастною для обоихъ сторонъ (обвинителя и обвиняемаго, истца и отвѣтчика), не преклоняясь ни предъ какими внѣшними вліяніями или не руководствуясь никакими личными соображеніями. Но право само по себѣ неизмѣнчиво, а не въ томъ смыслѣ, чтобы люди никогда не измѣняли своихъ взглядовъ на содержаніе права, на его велѣнія, требованія, ибо противъ этого свидѣтельствуютъ также положительные факты (напр. взглядъ человѣчества на свободу или на равенство людей). Во 2, право само по себѣ, какъ праведное и справедливое, въ самомъ дѣлѣ посто-

янное, но только въ смыслѣ присущей человѣку, его природѣ, его естеству способности чувствовать, сознавать и выражать или осуществлять въ дѣйствительности праведное и справедливое, а не въ смыслѣ чего-либо прирожденнаго человѣку или чего-нибудь просто самосущаго. Далѣе, право, какъ праведное и справедливое въ своемъ дѣйствіи въ самомъ дѣлѣ ненарушимо и въ этомъ отношеніи священно, свято, но въ томъ только смыслѣ, что никакая власть, ни божеская, ни человѣческая, никакими силами не въ состояніи превратить право въ неправо и неправо – въ право, и кромѣ того въ томъ смыслѣ, что правомъ предотвращаются и пресѣкаются правонарушенія, что право возстановляется само собою, будучи неправомъ. Слѣдов. право есть въ этомъ смыслѣ нѣчто постоянное, непреходящее, между тѣмъ какъ неправо, его отрицающее, есть нѣчто преходящее. Кромѣ того, ненарушимо, постоянно въ томъ смыслѣ что правомъ всѣ равняются, т. е. что оно уравниваетъ всѣхъ воздавая каждому должное какъ свое, какъ suum, возстановляя нарушенное равенство, такъ что предъ правомъ или, какъ обыкновенно говорятъ, предъ закономъ всѣ равны, что право устремляетъ все прямо къ опредѣленной цѣли, давая направленіе всей внѣшней дѣятельности человѣческой въ людскихъ общественныхъ союзахъ, служа для этой дѣятельности постояннымъ обязательнымъ правиломъ, требуя, чтобы всѣ шли прямо къ опредѣленной цѣли, т. е. къ реализаціи права, какъ правды и справедливости, не уклоняясь отъ этой цѣли ни въ какую сторону (а не въ томъ смыслѣ право постоянно въ своемъ дѣйствіи, что будто-бы неправо не имѣетъ дѣйствительнаго бытія, что будто-бы только право его имѣетъ) потому что неправо исчезаетъ, таетъ какъ воскъ, предъ правомъ и, какъ свидѣтельствуютъ положительные факты, по крайней мѣрѣ, всеобщая

исторія человѣчества, вѣрна русская пословица, которая гласитъ: „все минется, одна правда останется."

Такъ, мы опредѣлили право по его сущности, по его природѣ, въ значеніи прямаго; такъ, что прямота его есть одинъ изъ существенныхъ моментовъ правопонятія, въ разъясненномъ нами смыслѣ. Но почему же, спрашивается, мы начали генетическое развитіе этихъ значеній правопонятія, выражающихся въ народныхъ языкахъ, именно съ такого значенія права, какъ прямаго, какъ съ первой ступени этого развитія? Это потому, что значеніе права, въ смыслѣ чего то прямого, есть самое первоначальное, самое простое опредѣленіе право, ибо во 1), называя право, прямымъ, человѣч. умъ опредѣляетъ это подлежащее право, сказуемымъ прямое, которое онъ беретъ непосредственно изъ внѣшн. опыта, изъ окружающей его природы, въ которой онъ находитъ то, что называется прямымъ, въ противоположность кривому, такъ что, опредѣляя право въ этомъ значеніи прямо, человѣч. умъ еще вовсе не относитъ право къ себѣ, не переноситъ его въ себя, въ свое я. Этотъ перенос дѣлаетъ уже умъ человѣческій въ слѣдующихъ затѣмъ опредѣленіяхъ правопонятія, которыя всѣ уже суть значенія переносныя, символическія, въ отличіе отъ первоначальнаго, не символическаго. Человѣкъ переноситъ правопонятіе въ себя, въ свое я, какъ нѣчто прямое, какъ нѣчто неизмѣнное и постоянное прежде всего въ своемъ чувствованіи, а затѣмъ въ своемъ мышленіи, и тогда уже слово право, къ правое, какъ праведное и справедливое, получаетъ значеніе чего то истиннаго, почему такое значеніе есть уже вторая ступень генетич. развитія опредѣленій правопонятія, выражающихся въ народ. языкахъ. И такъ.

Вторая ступень: право, какъ правое т.е. правдивое и справедливое въ значеніи истиннаго.

Въ нашемъ отечественномъ языкѣ слово право въ самомъ дѣлѣ употребляется въ такомъ именно значеніи, а именно, или въ видѣ нарѣчія, когда говорятъ право вмѣсто того, чтобы сказать истинно, т.е. во истину, по истинѣ, увѣряя въ истинности чего либо, т.е. вѣрности, справедливости напр. въ выраженіи, я право не знаю того-то и того-то, - или въ видѣ прилагательнаго правый, когда оно употребляется вмѣсто нарѣчія истинный, напр. въ выраженіи, ты правъ, т.е. ты сказалъ истину, правду или въ видѣ даже существительнаго, т.е. когда слово право употребляется вмѣсто слова истина, какое значеніе слово право было обычнымъ въ нашемъ старомъ языкѣ. Хотя въ современномъ языкѣ слово право и не употребляется въ значеніи истины, зато слово право удержало это значеніе въ словахъ сложныхъ и производныхъ; т.к. напр. православіе значитъ послѣдованіе ученію правой т.е. истинной вѣры или значитъ вообще истинная вѣра. Отсюда слово православный, т.е. исповѣдующій такую истинную вѣру. Отсюда происходитъ и слово правовѣріе, т.е. исполненіе истинной вѣры, и правовѣрный, какъ называютъ себя собственно магометане. Отсюда же юридич. терминъ правомѣріе - истинная, правильная и полная мѣра, а въ переносномъ смыслѣ значитъ то же, что правосудіе. Отсюда же слово правомѣрный, т.е. соотвѣтствующій съ истинною, правильною, вѣрною и полною мѣрою и слѣд. соотвѣтствующій, равномѣрный въ своихъ частяхъ, пропорціональный, соотвѣтствующій мѣрѣ, а въ переносномъ смыслѣ - соотвѣтствующій собственно съ положит. правомъ, т.к. съ своею мѣрою соотвѣтствующій, согласный съ нимъ и въ

этомъ смыслѣ правосудный. Отсюда же происходитъ и существительное <u>правомѣрность</u> — согласіе съ собственно положит. правомъ, какъ съ своего мѣрою, какъ съ своимъ критеріемъ. Самое слово <u>правосудность</u>, <u>правосудіе</u> происходитъ отъ слова право, въ смыслѣ прямо; правосудность значитъ собственно истинное сужденіе вообще, а въ переносномъ см., именно юридическомъ, значитъ судъ, соотвѣтствующій праву, или правый, праведный, правомѣрный судъ, правомѣрное судебное рѣшеніе и приговоръ. Отсюда происходитъ слово <u>правосудный</u>, т.е. тотъ, кто судитъ вообще истинно или правосудно, а въ переносномъ юридич. см., тотъ, кто постановляетъ судебные приговоры или рѣшенія, согласные съ правомъ. Далѣе, самое наше слово <u>правда</u> произошло отъ слова право въ этомъ значеніи, а отъ слова правда произошло наше слово <u>справедливость</u>. Въ словѣ справедливость предлогъ указываетъ на то, что слово справедливость значитъ собственно согласіе съ правдою. Вотъ почему, какъ слово правда, такъ и слово правда и справедливость употребляются въ значеніи истины вообще, а именно или въ формѣ нарѣчія, напр. говорятъ: правда въ правду, за правду, въ заправду, по правдѣ, т.е. по истинѣ, истинно, справедливо, — или въ формѣ существительнаго, напр. говорятъ совершенная правда; что правда — то правда; сказать кому всю правду; сказать правду-матку.

Въ греческомъ языкѣ прилагательныя δίκαιος, праведный и справедливый вмѣсто ἀληθής истинный, такъ что, эти слова замѣняются одно другимъ; напр. говорится λέγειν δίκαιον — говорить истинную правду. Въ латинскомъ языкѣ употребляются однѣ слова за другія въ значеніи праведнаго и справедливаго и въ значеніи истиннаго; такъ, jus, justa, justum употребляется вмѣсто verus, vera, verum, напр. juste laudantur вмѣсто

vere laudantur. Во французскомъ языкѣ вмѣсто слова droit употребляется слово raison, въ см. истины, напр. говорятъ: donnez raison à quelqu'un вмѣсто donnez droit à quelqu'un, т. е. утверждать, что на чьей либо сторонѣ правда и справедливость. Кромѣ того, во франц. яз. слово juste употребляется вмѣсто слова vrai. Въ нѣмецкомъ языкѣ употребляется слово recht вмѣсто слова wahr, напр. въ выраженіи es ist recht вмѣсто es ist wahr. Отъ слова recht въ см. истины произошло слово Rechtigkeit и Aufrechtigkeit — не уклонность, истинность, т. е. прямота, соединенная съ истиною, выраженною безъ лжи и обмана, безъ коварства и лукавства. Наконецъ и въ англійскомъ языкѣ употребляется слово Right вмѣсто слова Truth напр. въ выраженіи: истина на вашей сторонѣ.

И такъ, на языкахъ разныхъ народовъ умъ человѣческій выразилъ тотъ существ. моментъ правопонятія, что право есть нѣчто истинное, что правда и справедливость есть истина. Этотъ же самый существенный моментъ въ правопонятіи, какъ моментъ, порождаемый до-научнымъ чувствомъ человѣчества, замѣченъ былъ и открытъ нѣкоторыми философами. Такъ нѣкоторые философы, преимущественно Валластонъ, какъ мы знаемъ, право, какъ праведное и справедливое, отождествляютъ съ истиною. Но истина есть одинъ только изъ существ. моментовъ правопонятія, почему мы и не можемъ признать, подобно Валластону, что вся сущность права заключается въ его истинности; но тѣмъ не менѣе этотъ моментъ правопонятія такъ существененъ, что онъ имѣетъ огромную и теоретическую и практич. вѣрность, которую должны признать и мы юристы на основаніи положит. фактовъ. Такъ, во 1)

право, какъ истинное, заключаетъ въ себѣ необходимое требованіе его познанія человѣч. умомъ, мышленіемъ, его уразумѣнія, его осмысленія, его пониманія, какъ чего-то такого, что само по себѣ разумно, въ чемъ есть разумъ, смыслъ, въ чемъ есть истина, а истина и есть предметъ знанія. И въ самомъ дѣлѣ, на право смотрѣли многіе философы какъ на нѣчто само по себѣ разумное, называя его всеобщимъ и необходимымъ разумомъ, всеобщею и необходимою истиною. Но на разумное, на смыслъ, на разумъ въ правѣ, мы не должны смотрѣть теперь какъ на какой-то нечеловѣческій разумъ, напр. божественный, какъ въ особенности смотрѣли нѣкоторые средневѣковые философы, а должны смотрѣть напротивъ какъ на разумъ чисто человѣческій, потому что все право есть только человѣческое право. Такъ во 2, право, какъ истинное, необходимо заключаетъ въ себѣ предположеніе его сознанія, познанія, безъ котораго не возможна никакая правомѣрная, правдивая и справедливая дѣятельность и слѣдов. невозможно никакое правдивое и справедливое постановленіе въ какой-нибудь человѣческой средѣ. Поэтому всегда и вездѣ положительное право требовало и требуетъ отъ всѣхъ гражданъ своего государства знанія своихъ законовъ вообще, юридическихъ нормъ, имѣющихъ въ немъ обязательное дѣйствіе, обязательную силу. Мало того, положительное право не только требуетъ и предполагаетъ знаніе его нормъ, но даже знаніе праведнаго и справедливаго вообще, ибо оно подвергаетъ отвѣтственности гражданина не только за такія дѣянія, поступки, которые запрещены, но и за такія дѣянія, которыя хотя не запрещены положительнымъ правомъ, какъ преступленія, но тѣмъ не менѣе признаются преступными или чувствомъ права или правосознаніемъ въ данное время со стороны людскаго общества, союза или даже со стороны всего человѣчества вообще. Извѣстно, что когда Солона спро-

сили почему онъ пропустилъ въ своемъ законодательствѣ наказаніе за убійство, то онъ отвѣчалъ, что я пропустилъ не потому, что забылъ такое важное преступленіе, а потому, что считалось невозможнымъ, такъ какъ оно противно человѣческой природѣ. Слѣдов., если-бы послѣ изданія законовъ Солона было совершено такое преступленіе, отцеубійство, то, понятно, что оно повлекло-бы за собою наказаніе, такъ какъ оно противно человѣческой природѣ вообще, противно правосознанію человѣчества. Долгое время въ уголовныхъ европейскихъ кодексахъ не было упомянуто наказаніе за противозаконное лишеніе кого-нибудь свободы насильственнымъ заключеніемъ, но отсюда вовсе еще не слѣдовало, чтобы такое преступленіе не вело за собою наказанія. Далѣе, въ наше время, какъ извѣстно, съ легкой руки французовъ, начало входить въ моду преступленіе, извѣстное подъ именемъ шантажа, и если въ уголовныхъ кодексахъ ничего о немъ не говорится, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что оно ненаказуемо.

Отъ права, въ значеніи истиннаго, умъ человѣческій непосредственно переходитъ къ праву, въ значеніи благаго, а именно онъ переходитъ изъ области теоретической въ область практическую, въ которой право содержится уже какъ нѣчто благое, ибо право вообще есть такое понятіе, которое не можетъ оставаться теоретическимъ, созерцаемымъ, не можетъ оставаться только при своемъ значеніи какъ истины, а непремѣнно переходитъ въ практическую дѣятельность, въ область общественной жизни, какъ законъ для нея. Въ этой практической области, т.е. въ людской общественной жизни, люди сперва чувствуютъ, а потомъ мало по малу и сознаютъ важное значеніе права вообще для своей общественной жизни, т.е. смотрятъ на право вообще какъ на одно изъ весьма важныхъ средствъ для своей общественной жизни, которое, право, необходимо для ея охраненія и поддержанія, ибо безъ права невозможна общественная жизнь. Такимъ образомъ, право, чувствуемое и со-

знаваемое людьми, получаетъ въ этомъ отношенiи, какъ средство къ цѣли, значенiе благаго. И такъ,

Третья ступень: право въ значенiи благаго.

Слова благо и добро обыкновенно употребляются безразлично одно за другое, но мы, желая выразить различныя понятiя, будемъ употреблять слово благо въ значенiи, отличномъ отъ значенiя слова добро. Благо заключаетъ въ себѣ понятiе о чемъ-то такомъ, что служитъ средствомъ для извѣстныхъ цѣлей, что напр., какъ право, есть полезное для общественной жизни, а добро мы будемъ разумѣть, какъ добро само по себѣ, и для отличiя отъ блага, мы придадимъ ему нравственный или этическiй смыслъ, т.е. будемъ говорить о нравственно добромъ и о нравственно дурномъ, между тѣмъ какъ слово благо, въ смыслѣ средства къ извѣстной цѣли, какъ что-то полезное, мы будемъ употреблять безразлично въ нравственномъ отношенiи. Полезное, съ точки зрѣнiя нравственной, можетъ быть нравственно добрымъ и нравственно дурнымъ. Но благо должно предшествовать нравственному добру, ибо оно стоитъ прежде въ генетическомъ развитiи понятiя самого права, потому что, какъ только право переходитъ изъ сферы теоретической, гдѣ оно имѣетъ значенiе истины, въ практич. жизнь, то оно прежде всего понимается людьми вообще какъ благое, то не дѣлается еще спецiальнаго различiя между благомъ, въ смыслѣ нравственно добраго, и благомъ, въ смыслѣ нравственно злаго. Уже только при дальнѣйшемъ развитiи умъ человѣческiй понимаетъ право какъ нѣчто нравственно доброе. Вотъ въ такомъ-то, разъясненномъ нами, особенномъ смыслѣ въ см. терминовъ, которые мы условились употреблять, народы вообще часто выражаютъ свое чувство права, признавая право чѣмъ-то благимъ, какъ чѣмъ-то полезнымъ для своей общественной жизни и отождествляя вслѣдствiе этого нерѣдко правое и благое.

Отождествляя эти понятія, народы нерѣдко противополагаютъ правое лѣвому вообще, какъ чему то худому, дурному вообще, т.е. противному благому. Въ основаніи такого противоположенія между правымъ и лѣвымъ лежитъ конструируемая человѣчествомъ мысленно прямая математич. линія, раздѣляющая все, внѣ этой линіи находящееся, какъ бы на двѣ области, изъ которыхъ одна называется правою, а другая лѣвою, а именно или относительно разсматриваемаго предмета, объекта, т.е. въ объективномъ см. (такъ напр. правый и лѣвый берегъ рѣки обозначается ея теченіемъ отъ источника къ устью), или же относительно разсматривающаго предметъ человѣка, субъекта, т.е. въ субъективномъ смыслѣ, соотвѣтственно съ правымъ и лѣвымъ его глазомъ, съ правою или лѣвою его рукою и вообще съ правою и лѣвою стороною его корпуса, туловища, тѣла. Въ этомъ то общемъ смыслѣ народы различаютъ правое и лѣвое вообще такъ, что или правое предпочитаютъ лѣвому или даже такъ, что правое признаютъ благимъ для людской общественной жизни въ противоположность лѣвому, какъ противному этой жизни, какъ дурному. Предпочтеніе праваго лѣвому можетъ быть, происходитъ отъ того, что вслѣдствіе предразсудка и основанныхъ на немъ привычекъ и обычаевъ, правая рука обыкновенно признается главнымъ орудіемъ внѣшней, видимой дѣятельности человѣка и, какъ такое главное орудіе, обыкновенно употребляется предпочтительно предъ лѣвой рукою. Предпочтеніе вообще праваго лѣвому выражается во многихъ такъ назыв. обрядовыхъ юридическихъ дѣйствіяхъ, въ нѣкоторыхъ публичныхъ, торжественныхъ засѣданіяхъ, а также въ нѣкоторыхъ народныхъ поговоркахъ, напр. въ нашей пословицѣ: „правая рука всегда правѣе." Противоположеніе благому, какъ доброму, полезному для людской жизни, лѣваго, какъ недобраго, вреднаго, также выражается въ различныхъ другихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ; такъ напр. при заключе-

ніи условій, договаривающіяся стороны подають взаимно другъ другу правыя руки, или „бьють по рукамъ" при вѣнчаніяхъ связываются правыя руки жениха и невѣсты. Особенно же это противоположеніе выражается въ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣріяхъ и въ предразсудкахъ; такъ напр. - если правая бровь свербитъ, чешется; то говорятъ, что хвалятъ, а если лѣвая - то бранятъ; если человѣкъ увидитъ первый разъ новорожденную луну съ правой стороны и если при этомъ онъ чего пожелаетъ, то въ томъ видитъ счастливое предзнаменованіе, а если увидитъ съ лѣвой стороны, то въ этомъ видитъ дурное предзнаменованіе для своихъ желаній; если кто, вставши отъ сна, вступитъ правою ногою, то, по суевѣрію, надѣется провести день благополучно, а если лѣвою ногою - то не благополучно. Впрочемъ, помимо всѣхъ подобныхъ обнаруженій до научнаго чувства права, какъ чего то добраго, не нужно ни человѣку, ни обществу и народу стоять на высшей ступени образованности, чтобы чувствовать, что право есть нѣчто благое. Вырабатывая изъ такого чувства права научное уже сознаніе права, многіе древніе философы признали право вообще благомъ. Такъ Сократъ говоритъ, что не знаетъ добра, которое не было бы благимъ, т.е. полезнымъ для чего либо, понимая подъ благомъ не нравственно доброе, а благое вообще, въ разъясненномъ нами смыслѣ. Противники Сократа, софисты, признавали также, что право есть благо или для сильныхъ или для слабыхъ, - понимая благо въ смыслѣ выгоды, пользы. Многіе затѣмъ средневѣковые философы признали право вообще средствомъ для человѣческаго благоденствія, счастія. Всѣ новые философы (начиная отъ Декарта и Бекона и доходя до Канта) признали право благомъ въ томъ смыслѣ, что право удовлетворяетъ какому либо влеченію человѣка, какъ присущей ему потребности, и тѣмъ даетъ человѣку довольство, а именно оно удовлетворяетъ

или эгоистическое или обязательное, альтруистическое влечение, или то и другое вмѣстѣ. Даже большинство новѣйшихъ философовъ (начиная съ Канта) смотрѣли на право какъ на благое для людской жизни, а именно или для того, чтобы возможна была свобода, предполагая, что у человѣка есть инфинкуръ природное влеченіе къ свободѣ (Кантъ, Фихте, Шеллингъ и даже Гегель) или же для того, чтобы прекратить споръ, распрю между людьми, которая абсолютно не можетъ нравиться человѣку (Гербартъ) или для того, чтобы дать свободѣ условія, необходимыя для практической жизни (какъ утверждалъ Краузе и главный его послѣдователь Аренсъ) или для того, чтобы возможна была нравственность или нравственно людскіе союзы, какъ говорилъ въ особенности Тренделенбургъ. Мы съ своей стороны не можемъ не признать въ понятіи права, какъ существеннаго момента, блага, ибо это подтверждаютъ положительные факты; но мы должны также признать, что всѣ вообще философы, опредѣляющіе право вообще какъ благое, впадаютъ въ односторонность, потому что вообще не возможно остановиться на понятіи права какъ на чемъ то благомъ, т. е. какъ на полезномъ. Если

54 бы мы остановились только на этомъ его значеніи, то мы должны были бы признать право не больше какъ только средствомъ для какой нибудь внѣшней, ему посторонней цѣли, потому что, если бы право было не больше какъ такимъ только средствомъ къ цѣли, то отсюда слѣдовало бы само собою, что съ достиженіемъ такой цѣли право превратилось бы въ неправо, а это было бы самопротиворѣчіемъ понятія права, ибо никогда право не можетъ быть неправомъ и неправо никогда не можетъ стать правомъ. Поэтому необходимо взойти отъ значенія права, какъ благаго самого по себѣ, права, какъ праведнаго и справедливаго, въ смыслѣ благаго,

т. е., полезнаго для какой нибудь цѣли, отъ значенія права, какъ благаго самого по себѣ и для себя или какъ самоцѣльнаго блага въ собственномъ смыслѣ; къ значенію права, какъ нравственно въ обширномъ смыслѣ или этически добраго, слѣд. къ значенію права, какъ правды и справедливости, какъ добродѣтели въ нравственномъ смыслѣ, словомъ, необходимо взойти на четвертую ступень генетическаго развитія правопонятія. И такъ,

Четвертая ступень: право въ значеніи нравственно-добраго.

Право, какъ нравственно доброе, какъ доброе само по себѣ и для себя относится уже до человѣческой воли, именно до свободнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательнаго выраженія, обнаруженія ея хотѣнія въ дѣяніяхъ, или поступкахъ человѣческихъ, т. е. во внѣшней, видимой человѣческой дѣятельности. Такъ, въ самомъ дѣлѣ люди, вообще говоря о хотѣніи человѣческой воли или объ обнаруженіи ея въ дѣяніяхъ или поступкахъ человѣческихъ, признаютъ ихъ или нравственно хорошими сами по себѣ или нравственно дурными сами по себѣ, злыми, порочными и вмѣстѣ съ тѣмъ люди называютъ нравственно доброе хотѣніе человѣка или нравственно доброе дѣяніе человѣческое праведнымъ и справедливымъ, а нравственно дурное, злое, порочное хотѣніе человѣческое или нравственно дурное, злое, порочное дѣяніе человѣческое называютъ неправеднымъ и несправедливымъ. Поэтому люди и добродѣтель называютъ правдою и справедливостью, въ см. праведности, а порокъ вообще называютъ неправдою и несправедливостью, въ см. неправедности. Но право, какъ таковое, какъ праведное и справедливое (justum), тогда только можетъ вполнѣ опредѣлиться какъ доброе,

въ собственномъ смыслѣ, т.е. въ отличіе отъ блага, когда оно будетъ признано не какъ доброе вообще, а какъ нравственно, этически доброе или доброе въ нравственномъ, этическомъ смыслѣ этого слова, ибо право вообще есть нравственно, этически обязательное для свободы человѣческой поставляемое правило или законъ. Этотъ существенный моментъ въ правопонятіи выраженъ въ самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе всѣми людьми, во всѣхъ языкахъ и между прочимъ въ особенности въ языкахъ образованныхъ народовъ. Такъ, въ русскомъ языкѣ, нарѣчіе <u>право</u>, какъ праведное и справедливое, часто употребляется въ смыслѣ нравственно добраго, такъ напр. говорится: „право ходить, душою не кривить". Далѣе, прилагательное правый, какъ праведный и справедливый часто употребляется также въ смыслѣ нравственно добраго; напр. говорятъ правый человѣкъ, т.е. нравственно добрый человѣкъ, который называется иначе праведнымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого и добродѣтель вообще называется праведностью.

На греческ. языкѣ часто употребляются безразлично, какъ синонимы, τὸ δίκαιον (праведное и справедливое) и τὸ ἀγαθόν (доброе, т.е. нравственно доброе). Въ латинскомъ языкѣ также часто употребляются какъ синонимы justum и bonum и даже эти два слова нерѣдко соединяются въ одно нераздѣльное цѣлое; напр. римскіе юристы опредѣляли jus naturale, между прочимъ, какъ justum et bonum или bonum et justum. Во французск. языкѣ о нравственно добрыхъ людяхъ говорится, что они суть les justes (праведники). Въ нѣмецк. языкѣ о нравственно добрыхъ людяхъ говорится, что они суть rechts или gerechts leute, т.е. праведники. Наконецъ, въ англійскомъ языкѣ нравственно добрыхъ людей называютъ также праведниками: just man or woman. Но въ особенности на этотъ существенный моментъ правопо-

натія, т. е. на то, что въ немъ заключается понятіе нравственно добраго, указываетъ греческое прилагательное δίκαιος, праведный и справедливый; а именно тѣмъ, что это слово происходитъ прямо отъ существительнаго δίκη, а это слово происходитъ въ свою очередь отъ корня δικ, который значитъ собственно казать, указывать, въ томъ-же смыслѣ въ какомъ употреблялось, въ особенности, прежде нѣмецкое слово weisen. Греческ. корень δικ сохранился въ этомъ смыслѣ и въ нѣкоторыхъ латинскихъ словахъ, напр. indicare, indicium, digitus, такъ что происшедшій отъ греческаго корня δικ δίκαιος значитъ то-же, что и нѣмецкое weise, т. е. образъ, видъ, какъ внѣшній образъ, а именно, какъ образъ опредѣленной внѣшней дѣятельности человѣческой, - опредѣленной, т. е. неизмѣнной, постоянной и потому повторяющейся и слѣдов. обыкновенный, обычный. Отсюда произошло греческое слово δίκη, въ смыслѣ обычаевъ или нравовъ, а именно въ людскихъ общественныхъ союзахъ, въ смыслѣ того, что греки называли ἔθος, т. е. въ смыслѣ обществ. нравственности, а именно, въ смыслѣ нравственности, какъ постоянныхъ правилъ или законовъ, обязательныхъ для людскихъ общественныхъ союзовъ въ цѣломъ и въ частяхъ, и для членовъ этихъ союзовъ. Того человѣка, какъ гражданина, какъ члена общественнаго союза, и признавали греки δίκαιος, т. е. праведнымъ и справедливымъ, котораго внѣшняя, видимая дѣятельность согласна съ нравственностью (ἔθος) своего государства, своего общества, или вообще съ законами (νόμος), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ Греціи подъ словомъ законъ (νόμος) разумѣлись не только законы письменные, собраніе которыхъ, система, составляетъ такъ назыв. положительное право, но также и вообще всѣ общественныя, государственныя учрежденія и наконецъ всѣ обычаи и нравы, что указываетъ именно на связь между словомъ νόμος

-законъ съ одной стороны и словомъ δίκη съ другой стороны. Слѣдов. τὸ δίκαιον, т.е. правое, какъ праведное и справедливое, какъ законъ въ этомъ смыслѣ, есть у грековъ нравственно, этически доброе или доброе въ нравственномъ, этическ. смыслѣ этого слова. Такое чувство права, какъ праведнаго и справедливаго, находимое нами у греческаго народа, возведено греческими философами въ научное понятіе права, а именно, и они стали смотрѣть на право, какъ на нравственно доброе, слѣдов., какъ нравственное въ обширномъ смыслѣ или этич. понятіе. Но, спрашивается, что-же именно есть нравственно доброе по своему содержанію, т.е. въ чемъ именно состоитъ его сущность, его понятіе, въ чемъ состоитъ существенное содержаніе всѣхъ законовъ, всѣхъ велѣній, всѣхъ требованій нравственности; а слѣд., какой основной для нихъ законъ и какія изъ него проистходятъ велѣнія? На этотъ вопросъ народы и философы отвѣчали различно, такъ какъ содержаніе нравственности въ обширномъ смыслѣ понимали различно не только народы, но даже и философы. Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы должны признать содержаніе нравственнаго добра чѣмъ-то такимъ, что не можетъ быть опредѣлено для всѣхъ народовъ и для всѣхъ вѣковъ, ибо это содержаніе не одно и то-же у разныхъ народовъ и въ разныя времена. Но тѣмъ не менѣе съ другой стороны мы также имѣемъ достаточное количество положительныхъ фактовъ, чтобы признать прогрессивное развитіе человѣчества какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, прогрессивное развитіе человѣчества въ отношеніи пониманія имъ содержанія права привело, какъ указываютъ положит. факты, къ тому чувству и научному сознанію права, которое основано на природѣ человѣческой взятой въ ея цѣлости, когда на человѣка смотрятъ

какъ на нераздѣльно духовное и тѣлесное существо. Въ наше время нравственно добрымъ, въ обширномъ смыслѣ, признается все, что человѣчно или, какъ обыкновенно выражаются, что гуманно. Но и этотъ истинно современный нашъ взглядъ на содержаніе нравственнаго добра все еще до сихъ поръ не совсѣмъ точенъ и вполнѣ опредѣленъ, потому что на вопросъ что же именно человѣчно, что гуманно, т. е. что согласно со всецѣлою природою человѣка, мы еще до сихъ поръ не въ состоянiи дать такого опредѣленнаго отвѣта, какъ отвѣта полнаго, всесторонняго, все объемлющаго и всецѣлаго, за вѣрность котораго могли-бы ручаться, потому что для такого абсолютно полнаго отвѣта мы напередъ должны знать всю природу человѣческую, а мы, какъ извѣстно, еще не знаемъ ее совершенно. Но какъ-бы то ни было, самая уже постановка такого вопроса есть огромный шагъ впередъ въ прогрессивномъ нравственномъ развитіи человѣчества, въ сравненіи съ прежними взглядами на содержаніе нравственнаго добра, не говоря уже о томъ, что отвѣтъ на такой вопросъ уже значительно подвинулся впередъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ также многіе положительные факты; такъ напр. право, въ значеніи нравственно добраго, какъ человѣчнаго, какъ гуманнаго, признаетъ достоинство каждаго человѣка, какъ человѣка, а не только какъ члена извѣстнаго религіознаго общенія, какъ смотрѣли и до сихъ поръ еще смотрятъ всѣ восточные народы, признавая, что если человѣкъ не принадлежитъ къ тому или другому религіозному общенію, которое тождественно съ политическимъ общеніемъ цѣлаго государства, то онъ не имѣетъ человѣческаго значенія, человѣческаго достоинства, и практикуется какъ вещь или рабъ.

Итакъ право мы должны признать однимъ

изъ видовъ нравственнаго добра - право, которое опредѣляется какъ нѣчто гуманное, т.е. нѣчто человѣчное, - однако же не болѣе какъ однимъ изъ видовъ нравственнаго добра, ибо нравственно доброе имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели право, ибо нравственно доброе есть вообще человѣчное, гуманное, а право, также т.е. нравственно доброе есть не болѣе какъ человѣчное, гуманное въ особенномъ значеніи, а именно, въ приложеніи ко внѣшнимъ видимымъ отношеніямъ членовъ людскаго общественнаго союза, какъ между собою, такъ и къ цѣлому общенію. Такимъ образомъ, отъ права вообще, разсматриваемаго нами, какъ нравственно доброе, мы восходимъ къ значенію права, какъ къ чему то, соединяющему людей во внѣшнее, видимое общеніе, въ общественный постоянный и самоцѣльный людской союзъ, а именно, мы восходимъ необходимо потому что въ этомъ союзѣ и выражается, обнаруживается объективируется право какъ нравственно доброе. И такъ,

Пятая ступень: <u>право какъ прямое, т.е. праведное и справедливое въ значеніи чего то соединяющаго людей во внѣш. общенія въ людскіе, общественные, постоянные и самоцѣльные союзы</u>.

Этотъ существ. моментъ въ понятіи права также чувствуется всѣми людьми и подразумѣвается всѣми народами на ихъ языкахъ, когда они говорятъ о правѣ, въ см. праведнаго и справедливаго, но на самомъ дѣлѣ, въ словѣ право выраженъ былъ прямо этотъ существ. моментъ одними только римлянами, а именно въ ихъ словѣ jus, хотя сами римляне и римскіе юристы, которые спеціально имѣли дѣло съ правомъ, обыкновенно производили слово jus отъ существительнаго justum - велѣніе, которое является производнымъ словомъ отъ слова

jubeo, такъ что по этому производству слово jus значитъ будто бы повелѣніе. Но уже то обстоятельство, что слово jus короче словъ justum и jubeo, должно было указать на несостоятельность такого словопроизводства. Дѣйствительно, въ наше время нашли, что корень латинскаго слова jus есть ju, который сохранился въ санскритскомъ яз. и значитъ связывать, соединять, впрочемъ, этотъ корень ju сохранился даже въ нѣкоторыхъ латинскихъ производныхъ словахъ, очевидно выражающихъ понятіе о связи, о соединеніи, какъ то въ словахъ jugum - пара воловъ запряженныхъ, слѣд. соединенныхъ вмѣстѣ въ одинъ плугъ ярмомъ, такъ что и самое слово ярмо обозначается тѣмъ же словомъ jugum. Отъ слова jugum произошелъ глаголъ jugare - запрягать воловъ, т.е. соединять ихъ, jugamentum - скотъ рабочій, волы, какъ они соединены вмѣстѣ и наконецъ отъ него же произошелъ важный для юристовъ терминъ conjugium, что значитъ супружество, какъ соединеніе людей разнаго пола. Такимъ образомъ, въ словѣ jus, по его истинному словопроизводству, выразили римляне нѣчто связующее, соединяющее. Спрашивается, что оно связуетъ? Очевидно, связуетъ людей во внѣшнія, видимыя общенія, въ отличіе отъ внутренней связи людей, какъ гармоніи мыслей, чувствъ и желаній. Это внѣш. общеніе между людьми и есть то, что мы должны называть людскимъ обществ. союзомъ вообще, какъ постояннымъ и самоцѣльнымъ, - постояннымъ въ томъ см., что этотъ союзъ заключается не на какое-нибудь опредѣленное время, на извѣстный срокъ, съ истеченіемъ котораго онъ самъ бы разрушился, - и самоцѣльнымъ въ томъ см., что этотъ союзъ не имѣетъ внѣ себя какой нибудь опредѣленной цѣли, т.е. такой цѣли, съ достиженіемъ которой онъ

бы разрушился. Такъ напр., нельзя сказать, что бы бракъ имѣлъ своею цѣлью рожденіе дѣтей, потому что въ такомъ случаѣ супруги д. д. бы расходиться въ то время, когда, по физiологическимъ условiямъ, у нихъ не можетъ быть дѣтей. Платонъ совѣтуетъ супругамъ расходиться въ томъ случаѣ, когда отъ ихъ сожитiя не рождаются дѣти, т.к. какъ они не достигаютъ цѣли, а именно, не производятъ дѣтей на пользу государства. Слѣд. по ученiю Платона, бракъ имѣлъ совершенно постороннюю ему цѣль: рожденiе дѣтей на пользу государства. Къ постояннымъ и самоцѣльнымъ союзамъ относится во 1) союзъ семейный, (заключающiй въ себѣ три существенныя ступени генетическаго развитiя, а именно a, союзъ супружескiй, в, союзъ родителей и дѣтей и с, союзъ родственниковъ) во 2, союзъ родовой, въ составъ котораго входятъ отдѣльныя семьи, соединяющiяся въ одинъ союзъ; въ 3, союзъ племенной (слова родъ и племя мы употребляемъ какъ условные термины, для обозначенiя различныхъ понятiй, а именно, подъ родомъ мы разумѣемъ соединенiе нѣсколькихъ семействъ въ одно цѣлое, а подъ племенемъ мы разумѣемъ уже соединенiе нѣсколько родовъ); въ 4, союзы соцiальные, но только тѣ изъ нихъ, которые являются въ самомъ дѣлѣ постоянными и самоцѣльными въ объясненномъ смыслѣ, а именно, сюда относится тотъ союзъ, который называется обыкновенно гражданскимъ обществомъ или государств. обществомъ; наконецъ въ 5, союзъ политическiй, государственный, элементами котораго служитъ во 1, само государство (отдѣльныя государства, — политическiе союзы въ тѣсномъ смыслѣ; во 2, международный союзъ, какъ союзъ между различными государствами и наконецъ въ 3, общенародный союзъ обнимающiй собою всѣ народы и всѣ государства.

5. Такой существенный моментъ въ понятіи права, какъ соединяющаго людей въ общественные, самоцѣльные и постоянные союзы и служащ уже непосредственнымъ переходомъ къ праву постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ или, что все равно, къ такъ назыв. праву (jus) въ отличіе отъ праведнаго и справедливаго (justum) потому что именно, въ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ, какъ внѣшнихъ людскихъ общеніяхъ, и проявляется или объективируется, т.е. становится объективнымъ, предметнымъ для насъ право, какъ праведное и справедливое (justum) именно какъ связующее или соединяющее людей внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое. Вотъ почему можно сказать, что эта пятая ступень генетическаго развитія права, выражаемаго въ разныхъ языкахъ разныхъ народовъ, есть послѣдняя ступень этого развитія. На объективн. правѣ основывается субъект. право съ соотвѣтствующими ему обязанностями, какъ правными, или юридическ. обязанностями, въ отличіе отъ моральныхъ. Въ объективномъ правѣ и въ субъективномъ правѣ и въ соотвѣтствующихъ обязанностяхъ и развивается понятіе права, какъ праваго, т.е. праведнаго и справедливаго. Такъ мы переходимъ отъ перваго отдѣла ко второму отдѣлу первой части нашей науки. Итакъ,

Отдѣлъ второй.

Развитіе права.

Подъ развитіемъ разумѣется здѣсь развитіе генетическое въ объясненномъ нами прежде смыслѣ, а вовсе не историческое, а подъ правомъ разумѣется здѣсь собственно такъ называемое право (jus), а не право, какъ праведное и справедливое, которое составляетъ сущность,

понятія права, но о которомъ мы говорили уже въ первомъ отдѣлѣ. Это собственно такъ наз. право, jus, генетически развивается по слѣдующимъ двумъ главнымъ ступенямъ: во 1, какъ право въ объективномъ смыслѣ (jus in sensu objectivo, короче sensu objectivo) или короче объективное право и во 2, какъ право въ субъективномъ смыслѣ (jus in sensu subjectivo или короче subjectivo) или короче субъективное право. Такое объективное право есть первая ступень генетическаго развитія собственно такъ назыв. права, а субъективное право есть вторая ступень его развитія и вотъ почему право, какъ правое или какъ праведное и справедливое, justum, не есть нѣчто заключенное само въ себѣ такъ, чтобы оно вовсе не проявлялось ни въ чемъ и въ этомъ смыслѣ оно не есть самосущее, а напротивъ, оно проявляется въ чемъ либо, оно объективируется, оно становится объектнымъ, предметнымъ или въ мышленіи человѣческаго ума или въ дѣятельности свободной человѣческой воли. Если оно становится предметомъ мышленія человѣческаго ума, то въ такомъ случаѣ объект. право мы можемъ называть мыслимымъ правомъ, хотя оно обыкновенно назыв. естественнымъ или природнымъ правомъ; если-же оно проявлясь, становится предметомъ, объектомъ свободной человѣческой воли, а эта дѣятельность выражается во внѣшней дѣйствительности, реальности, то такое право можно назвать въ такомъ случаѣ дѣйствительнымъ, реальнымъ, въ отличіе отъ мыслимаго права, хотя оно обыкновенно назыв. положительнымъ правомъ. Такъ, право, какъ праведное и справедливое (justum) непосредственно переходитъ въ объективное право, которое, вслѣдствіе такого непосредственнаго перехода и есть первая ступень генетическаго развитія собственно такъ назыв. права. Затѣмъ на объективномъ правѣ

основывается то право, которое есть принадлежность, достояніе или полномочіе какого-нибудь существа, какъ субъекта этого полномочія, почему право въ этомъ смыслѣ и называется субъективнымъ правомъ. Отсюда видно, что объективное право есть основа субъективнаго права, а именно въ томъ смыслѣ, что всѣ вообще субъективныя права, съ соотвѣтствующими имъ правными юридическ. обязанностями, составляютъ содержаніе объективнаго права, основываясь на немъ; а такъ какъ основа вообще предшествуетъ въ генетическомъ развитіи тому, что на ней обосновано, то потому и объективное право, какъ основа для субъективнаго права, д. быть признано первою ступенью генетическаго развитія собственно такъ называемаго права, juris, а субъективное право — уже второю ступенью. Отсюда-же очевидно, что болѣе двухъ такихъ ступеней генетич. развитія собственно такъ назыв. права нѣтъ и быть не можетъ, потому что вообще всякимъ основаніемъ ничего болѣе не обосновывается какъ то, что на чемъ основывается; все обосновывающееся основывается на основаніи, условливаясь имъ, и наоборотъ, всѣмъ обоснованнымъ ничего болѣе не предполагается какъ то, что служитъ для него основаніемъ. Объективное право есть основа для субъективнаго права, а субъективное право есть основанное на немъ и слѣд. болѣе двухъ ступеней быть здѣсь не можетъ. Вотъ почему этотъ второй отдѣлъ первой части нашей науки долженъ быть раздѣленъ ни болѣе ни менѣе, какъ на 2 главы и притомъ въ такомъ порядкѣ и съ такими именно заглавіями, какъ выражающими особенное содержаніе каждой изъ нихъ: I право въ объективномъ смыслѣ или объективное право и глава II — право въ субъективномъ смыслѣ или субъективное право. Итакъ,

Глава первая

Право въ объективномъ смыслѣ или объективное право.

Право въ объективномъ смыслѣ или объективное право есть система нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, или, что все равно, этическ. законовъ, обязательныхъ для внѣшней дѣятельности человѣческой во внѣшнихъ людскихъ общеніяхъ, какъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ обществ. союзахъ. Этими законами опредѣляются и охраняются какъ взаимныя внѣшнія отношенія членовъ этихъ союзовъ между собою и къ самымъ союзамъ, въ ихъ цѣлости и въ ихъ частяхъ, а также устройство и управленіе этихъ самыхъ союзовъ также и въ цѣлости и въ ихъ частяхъ.

Разъяснимъ эту дефиницію, строго логическое опредѣленіе права. Во 1, мы сказали, что право въ объективн. смыслѣ или объективное право есть система законовъ. Подъ системою законовъ разумѣется здѣсь соединеніе ихъ въ одно цѣлое, но связью внутреннею, т.е. связью, присущею самымъ законамъ. Поэтому объективное право не слѣдуетъ наукѣ понимать просто какъ цѣлую, безсвязную совокупность отдѣльныхъ законовъ, какъ скученіе или агрегатъ и даже не слѣдуетъ и такъ понимать, что объективное право есть соединеніе законовъ, но не посредствомъ связи, которая не есть внутренняя связь, присущая самымъ законамъ, а есть внѣшняя связь, которую устанавливаютъ сами излагатели этого объективнаго права, по своему произволу, вслѣдствіе внѣшнихъ постороннихъ цѣлей, а напротивъ, наука должна смотрѣть на соединеніе законовъ въ одно цѣлое, какъ на соединеніе ихъ въ силу внутренней связи ихъ между собою, при-

щей самымъ законамъ, т.е. ихъ содержанію (а содержаніе есть нѣчто внутреннее); потому что только такое, а не иное соединеніе, есть такъ назыв. систематическое соединеніе, т.е. соединеніе, образующее въ строгомъ смыслѣ систему, какъ единое научное цѣлое.

2, Право въ объективномъ смыслѣ или объективное право есть система законовъ, какъ мы сказали, **нравственныхъ** или **этическихъ**. Подъ ними разумѣемъ мы законы человѣч. свободы или точнѣе для человѣческой свободы, т.е. для человѣческой свободной воли или, что все равно, законы для человѣка, какъ существа свободнаго и въ этомъ смыслѣ нравственнаго, ибо нравственность не возможна безъ свободы. Вотъ почему эти законы назыв. нравственными въ обширномъ смыслѣ слова или этическими (отъ ἔθος). Напротивъ, эти законы не суть законы для человѣка, какъ существа природнаго, т.е. физическаго, подчиненнаго такъ назыв. природн. физич. законамъ, т.е. законамъ не для свободы, а законамъ природы, какъ внѣшняго матеріальнаго міра. Такіе законы суть законы необходимости, въ отличіе отъ нравственныхъ законовъ, какъ законовъ свободы. Будучи законами внѣшней необходимости, они не могутъ обязывать человѣка и слѣд. о нихъ нельзя сказать, чтобы они были обязательными въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ законы для свободы обязательны въ нравственномъ отношеніи. Наша воля до того свободна, что она можетъ нарушать даже физическіе законы, хотя это нарушеніе показывается самими-же физическими законами, съ тою желѣзною необходимостью, которую хотѣлъ между прочимъ ввести въ сущность права Шнингъ, такъ что онъ хотѣлъ физическіе законы отождествить въ этомъ смыслѣ съ законами этическими. Эти нравственные въ обширномъ смыслѣ

или этич. законы, которые нужно отличать отъ нравственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ или моральныхъ законовъ, какъ законы человѣческой свободы или для человѣческой свободы, суть постоянные для человѣческой свободы, для человѣческой свободной воли, правила (regulae) или постоянныя нормы (normae). Въ этомъ смыслѣ можно сказать что этими законами, какъ правилами, или нормами, регулируется или нормируется свободная человѣческая воля. Эти законы, какъ правила или нормы, суть постоянные, но не въ томъ см., чтобы они никогда не измѣнялись, а въ томъ смыслѣ, что цѣль ихъ не есть измѣненіе, что они не съ цѣлью существуютъ, чтобы измѣняться. Брачный союзъ напр. постояненъ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ никогда не разрушался, а въ томъ смыслѣ что при заключеніи брака не имѣется въ виду его разрушеніе; бракъ заключается на всю жизнь, а не въ виду развода. Нравственные въ обширномъ смыслѣ или этич. законы необходимо предполагаютъ, что человѣкъ есть существо свободное или одаренное свободною волею, т.е. что человѣкъ есть существо способное самоопредѣляться, способное быть первоначальною причиною и своей внутренней дѣятельности въ самомъ себѣ (своего образа мыслей, образа чувствованій и желаній) и своей внѣшн. дѣятельности (своихъ поступковъ, своихъ дѣяній), потому что если бы человѣкъ не былъ существомъ свободнымъ, то не мыслимо было бы, не возможно существованіе самыхъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ или этическихъ законовъ. Такимъ образомъ мы здѣсь предполагаемъ какъ положительный фактъ двоякаго рода законы, между собою различные, но не противоположные, т.е. законы нравственные въ обширн. смыслѣ, какъ законы для человѣческой свободы, для человѣка, какъ существа свободнаго, и законы природные или физическіе также въ отношеніи человѣка, какъ законы для человѣческой

Изд. Студ. СПБ. Унив.

природы, законы необходимости. Эти законы не противоположны въ отношеніи человѣка потому, что онъ есть существо духовное и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесное: какъ существо духовное или нравственно свободное (свобода есть существенная принадлежность его духа), онъ подчиненъ нравственнымъ въ обширномъ смыслѣ или этич. законамъ, а какъ существо тѣлесное, онъ подчиненъ законамъ физическимъ, законамъ необходимости силъ, по отношенію къ человѣку дѣйствующимъ какъ тѣ, такъ и другіе законы и слѣд. этихъ законовъ хотя и не должно смѣшивать, но и не нужно противополагать. Сколько бы не мудрствовали о законахъ нравственности и о законахъ необходимости, все таки мы должны, движимые модою современной философіи, того положительнаго факта что есть такое существо, въ которомъ эти законы соединяются. Въ непосредственной связи съ тѣмъ предположеніемъ, что человѣкъ подчиняется законамъ свободы и необходимости, мы предполагаемъ также какъ положительный фактъ, что человѣкъ есть существо, одаренное свободою, ибо безъ такого предположенія нравственность въ обширномъ смыслѣ, т. е. нравственные или этич. законы, какъ отличные отъ природныхъ физическихъ законовъ, не мыслимы и самая нравственность не мыслима, невозможна.

3.) Право въ объективномъ смыслѣ или объективное право, сказали мы, есть система нравственныхъ въ обшир. см. или физическихъ законовъ не вообще, а особеннаго вида этихъ законовъ, а именно правныхъ или юрид. законовъ, въ отличіе отъ другихъ видовъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ или этическихъ законовъ, которые мы назовемъ, какъ назвалъ ихъ Гегель, моральными или нравственными въ тѣсномъ см. законами. Правные, или юрид. законы, которыхъ система и образуетъ объектив

право, обязательны въ отличіе отъ моральныхъ законовъ, только для внѣшней дѣятельности человѣческой, т.е. для дѣятельности видимой, проявляемой, обнаруживаемой во внѣ, какъ во внѣш. опытѣ, подлежащемъ нашимъ внѣшн. чувствамъ, – обязательны для того, что называется внѣшн. дѣяніями или дѣяніями вообще, ибо внутреннюю дѣятельность человѣка не слѣдуетъ называть дѣяніями, а можно называть дѣйствіями, каково напр. мышленіе и т.п. (по крайней мѣрѣ, юристы, говоря о дѣяніяхъ, разумѣютъ подъ ними человѣка, внѣшн. дѣятельность, поступки человѣка, какъ проявленія его свободной воли). Дѣяніе въ этомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ какое нибудь измѣненіе, которое человѣкъ производитъ сознательно и свободно во внѣ, во внѣшнемъ видимомъ мірѣ. Взмахъ напр. руки есть уже дѣяніе, такъ какъ отъ этого взмаха произошло измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ. (разсѣченъ воздухъ). Это дѣяніе не имѣетъ, впрочемъ, юридическаго характера, но если напр. кто нибудь махнулъ рукой и далъ пощечину, то это уже будетъ юридич. дѣяніе, потому что здѣсь нанесено оскорбленіе личности. Слѣд., можно сказать на оборотъ, что правные юридич. законы, которыхъ система образуетъ объективное право, напротивъ, не обязательны для внутренней дѣятельности человѣка, т.е. для непроявляемыхъ во внѣ, для не обнаруживаемыхъ человѣкомъ внутрен. чувствованій, мыслей и желаній, такъ какъ для нихъ обязательны только такъ назыв. моральные или нравств. въ тѣсномъ смыслѣ законы. Но въ своемъ практическомъ примѣненіи и правные или юридическіе законы, слѣд. вообще объективное право, обращаетъ вниманіе не только на одну внѣшн. дѣятельность, но для правильной оцѣнки человѣч. дѣяній

т.е. для такъ назыв. юридич. вмѣненія даннаго дѣянія въ вину дѣятеля, объективное право обращаетъ вниманіе и на внутр. дѣятельность человѣка. Это видно изъ уголов. судопроизводства. Судья не долженъ останавливаться только на внѣшн. дѣяніи человѣка, а долженъ снизойти къ тому, что есть источникъ этого дѣянія, а этотъ источникъ есть нѣчто у внутреннее, т.е. чувства мысли и желанія самаго человѣка, произведшаго данное дѣяніе. Въ этомъ только случаѣ судья можетъ найти, что извѣст. человѣкъ можетъ считаться виновникомъ совершенія даннаго дѣянія, т.е. можетъ вмѣнить ему въ вину данное дѣяніе и только тогда онъ можетъ оцѣнить степень виновности дѣятеля, т.е. можетъ узнать, совершено ли данное дѣяніе по неосторожности, по легкомыслію или съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ.

Правные или юридич. законы, образующіе систему объективн. права, обязательны для внѣшн. дѣятельности въ людскихъ общеніяхъ, какъ въ постоянныхъ и самоцѣльныхъ общественныхъ союзахъ, т.е. въ видимыхъ общеніяхъ между людьми, во внѣшнихъ общеніяхъ а не въ невидимыхъ общеніяхъ, т.е. въ общеніяхъ людей, основанныхъ напр. на согласіи на гармоніи ихъ между собою, въ чувствахъ, мысляхъ и желаніяхъ. Для такихъ невидимыхъ общеній обязательны для человѣка не юридичеч. законы, а законы моральные или нравственные въ тѣсномъ смыслѣ.

Правные или юридич. законы, а слѣд. и система ихъ, т.е. объективное право опредѣляетъ, сказали мы и охраняетъ взаимныя отношенія членовъ сказанныхъ союзовъ между собою и къ своимъ союзамъ въ цѣломъ и въ ихъ частяхъ. Это значитъ, что такія отношенія суть отношенія только

между людьми, а не отношенія человѣка къ чему нибудь другому, а слѣдов., ни къ животному, ни къ самому верховному существу, Божеству. Послѣднія отношенія, хотя-бы онѣ были и внѣшними, не подлежатъ объективному праву, а подчиняются моральнымъ законамъ. Казалось-бы, что это такъ ясно, что объ этомъ нечего и говорить; однакожъ въ древности, напр. въ древней Греціи и даже въ средніе вѣка подчиняли взаимныя отношенія между человѣкомъ и животными объективному праву. Такъ напр. если какая нибудь статуя падала и убивала человѣка или ранила его, то ее изгоняли остракизмомъ точно также какъ изгоняли человѣка. Изгнаніе изъ отечества было въ это время однимъ изъ важныхъ наказаній, особенно въ Греціи и Римѣ, потому что Греки и римляне были лучшими патріотами, считавшими для себя величайшимъ наказаніемъ покинуть свое отечество на всегда, между тѣмъ какъ въ настоящее время выходцы изъ своего отечества дѣлаются все болѣе и болѣе частнымъ явленіемъ. Моральныя отношенія, какъ внутреннія отношенія, подчиняющіяся моральнымъ законамъ, часто смѣшиваютъ съ юридическими отношеніями, употребляя для обозначенія моральныхъ отношеній юридическіе термины. Такъ напр. взаимныя отношенія между людьми въ общественныхъ людскихъ постоянныхъ союзахъ, суть отношенія, основанныя между прочимъ на любви и дружбѣ, а потому и говорятъ о правахъ и обязанностяхъ дружбы, между тѣмъ какъ то и другое относится собственно къ юридическимъ отношеніямъ, а не къ моральнымъ. Но этого мало, часто, даже въ законахъ положительныхъ, слѣдов., входящихъ въ составъ положительнаго объективнаго права, люди обязываются къ тому, что входитъ въ область не права, а моральности. Въ нашемъ напр. Сводѣ Законовъ говорится, что супруги должны любить другъ друга, т. е. нашъ законъ обязываетъ подобною любовью супруговъ. Но

спрашивается, какая-же санкція этого постановленія, какъ можно заставить супруговъ любить другъ друга? Понятно, что не мѣсто въ законѣ подобнаго рода требованію. Другое дѣло, если-бы въ законѣ говорилось, что взаимное внѣшнее отношеніе между супругами должно быть согласно съ сущностью брака, напр. что супруги не должны нарушать супружеской вѣрности и т. п., что уже можетъ быть признано юридическ. обязанностью.

Взаимное внѣшнее отношеніе людей, подчиняющихся правнымъ или юридическимъ законамъ, или объективному праву, суть отношенія людей какъ членовъ сказанныхъ союзовъ, а не просто только какъ людей, ибо взаимныя отношенія людей, просто какъ людей, подчиняются не юридическимъ, а моральнымъ, или нравственнымъ законамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Взаимныя отношенія людей, подчиняющихся правнымъ или юридическимъ законамъ, суть взаимныя отношенія ихъ, какъ членовъ такихъ союзовъ, и между собой и къ своимъ союзамъ, цѣлымъ и въ частяхъ. Отношенія членовъ союза между собою суть отношенія такъ назыв. частныя, ибо здѣсь разсматривается каждый человѣкъ союза не какъ членъ союза, а какъ частное, отдѣльное лицо, homo singularis. Другія отношенія членовъ союза суть уже отношенія къ самому союзу въ цѣломъ и въ частяхъ. Союзъ въ цѣломъ и въ его частяхъ есть общество и потому такія отношенія назыв. общественными или публичными отношеніями, въ отличіе отъ частныхъ, ибо здѣсь разсматриваются отношенія членовъ общества къ самому обществу и отношенія общества къ его членамъ, равно какъ и отношенія членовъ между собою, какъ членовъ обществ. союза, а не какъ отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, каково напр. отношеніе начальника, какъ занимающаго правительственную должность, къ подчиненнымъ.

Наконецъ, правными или юридическ. законами сказали мы, опредѣляются и охраняются такія отно-

ненія, которыя по содержанію своему суть или подходящія подъ тѣ же назв. опредѣлительныхъ или опредѣляющіе законы или подъ такъ назыв. охранительные или охраняющіе законы. Тѣ законы, которые опредѣляютъ такія отношенія, т.е. указываютъ въ чемъ они именно должны состоять, можно назвать и называютъ опредѣлительными или опредѣляющими, правовыми, юридическ. законами (каковы напр. всѣ почти такъ назыв. гражданскіе законы), а тѣ же законы, которыми охраняются сказанныя отношенія, т.е. которыми они защищаются отъ нарушенія, можно назвать и называютъ охранительными или охраняющими, каковы напр. всѣ карательные законы и многіе полицейскіе законы, но и въ моральныхъ законахъ, а не только въ правовыхъ или юридическихъ, можно различить опредѣлительные или опредѣляющіе и охранительные или охраняющіе законы, хотя предметъ ихъ опредѣленія и охраненія нѣсколько иной, нежели предметъ опредѣленія и охраненія правовыхъ юридическ. законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя мѣры охраненія иныя, нежели мѣры охраненія нравственныхъ законовъ.

Наконецъ, правовыми или юридическ. законами опредѣляется и охраняется также устройство и управленіе постоянныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ въ цѣломъ и въ частяхъ ихъ. Подъ устройствомъ же разумѣютъ тотъ самый строй цѣлаго союза или его части, который дѣлаетъ внѣшнее между людьми общеніе постояннымъ и самоцѣльнымъ людскимъ общественнымъ союзомъ или его частью, ибо безъ такого строя это внѣшнее общеніе не было-бы вовсе ни постояннымъ, ни самоцѣльнымъ союзомъ (таковы напр. законы, опредѣляющіе устройство нашего государства, извѣстные подъ именемъ основныхъ государств. законовъ), а подъ управленіемъ разумѣется вся дѣятельность такого союза, какъ постояннаго и самоцѣльнаго, т.е. та дѣятельность, которая имѣетъ въ виду сохраненіе его существованія и его развитія, какъ внѣшн. общенія между

людьми. Такимъ образ. всѣ законы, имѣющіе въ виду такіе цѣли, суть законы, относящіеся до управленія государствомъ, каковы именно наши законы, извѣстные подъ именемъ государственныхъ и губернскихъ или областныхъ законовъ, законы финансовые, полицейскіе и т. п.. И моральнымъ законамъ могутъ быть подчинены устройство и управленіе людскихъ общественныхъ союзовъ, но уже въ виду иныхъ цѣлей, нежели какія имѣются въ виду правными или юридическими законами, а именно, въ виду сохраненія, существованія и развитія сказанныхъ союзовъ, какъ внутренняго, а не внѣшняго общенія между людьми и не только между людьми, но и общенія людей съ Богомъ и съ проч. существами въ мірѣ. Вотъ почему нельзя говорить, какъ говорили прежде, о преступленіяхъ религіозныхъ, о преступленіяхъ противъ Бога; преступленіе немыслимо противъ Бога, въ смыслѣ нарушенія его правъ или неисполненія человѣкомъ юридическ. обязанностей по отношенію къ Богу, потому что люди не состоятъ съ Богомъ въ юридич. отношеніи, а въ моральномъ. Такъ какъ правств. въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы, постоянныя правила или нормы образуютъ въ своемъ систематич. соединеніи объективн. право, то потому короче объективное право можетъ быть опредѣлено такимъ обр.: <u>объективное право есть система правныхъ, или юридич. законовъ, нормъ</u>, а такъ какъ объективное право имѣетъ дѣло со внѣшнею дѣятельностью человѣческою въ постоянныхъ, самоцѣльныхъ людскихъ обществ. союзахъ, какъ таковыхъ, то объективное право можетъ быть опредѣлено короче такимъ образ.: <u>объективное право есть право обществъ</u>, но въ этомъ случаѣ подъ обществомъ мы должны разумѣть постоянные и самоцѣльные людскіе обществ. союзы, а подъ правомъ мы должны разумѣть юридич. законы, нормы, а не какіе нибудь другіе. Притомъ, опредѣляя объективное право, какъ право обществъ, въ смыслѣ системы его правныхъ, юридическ. законовъ, нормъ, никакъ нельзя смѣшивать, какъ это иногда дѣлаютъ даже юристы, смыслъ входящихъ въ составъ объек-

тивнаго права юридическ. законовъ съ тѣмъ, что называется социологами также законами обществъ, но въ др. смыслѣ. Подъ законами общества социологи вовсе не разумѣютъ ни правныхъ, юридическихъ законовъ, ни объективное право, какъ систему этихъ законовъ, а разумѣютъ только законы всѣхъ явленій общественной жизни, какъ нѣчто въ нихъ постоянно повторяющееся и притомъ часто, совершенно напрасно, ограничивая социологію только хозяйственною экономическ. сферою, социологи разумѣютъ подъ законами общества законы именно хозяйственной, экономической стороны общественной жизни. Такіе законы излагаются въ той наукѣ, которая обыкновенно прежде называлась и теперь въ нашемъ Университетскомъ уставѣ назыв. Политической Экономіей, но которую правильнѣе было-бы назвать наукою народнаго хозяйства. Однимъ изъ основныхъ законовъ общества, въ смыслѣ законовъ экономич. и хозяйств. стороны его жизни, будетъ напр. такой законъ: спросъ всегда соотвѣтствуетъ предложенію. Это постоянное явленіе въ экономической жизни и въ этомъ смыслѣ есть законъ общества, а не юридическій законъ, которымъ бы опредѣлялись права и обязанности или устройство и управленіе постояннаго людскаго общежит. союза. И моральные законы, подобно правнымъ, юридич. законамъ, суть также законы общества, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это социологи, а суть также нравственные, этическіе законы, какъ законы для человѣческой свободы. Эти моральные законы, подобно юридическ. законамъ, соединяются также внутреннею связью въ одно цѣлое, въ одну систему. Такая система моральныхъ или нравственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ законовъ назыв. моралью, моральностью или нравственностью въ тѣсн. смыслѣ или объективною моральностью въ томъ-же смыслѣ какъ и система нравств. юридическихъ законовъ, т.е. или какъ предметъ человѣческаго мышленія, человѣч. ума, или какъ предметъ дѣятельности свободной человѣч. воли. Точ-

но также на этой объективной морали, моральности, или нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, основывающіяся нравственныя въ субъективн. смыслѣ права, а не юридич. права. Субъективныя права, основанныя на объективн. правѣ, могутъ просто правами, а основанныя на объективн. морали, всегда требуютъ ближайшаго опредѣленія, а именно, для отличія ихъ отъ правъ юридич. правъ ихъ всегда нужно называть моральными въ субъективномъ смыслѣ или субъективными моральными правами. Такъ какъ объективное право и объективн. мораль, или объективная нравственность въ тѣсномъ смыслѣ равно образуются изъ соединенія въ систему нравственныхъ въ обширн. см. или этическихъ законовъ, какъ законовъ человѣческой свободы, или для человѣческой свободы, то потому то и другое соединяется въ одно цѣлое, которое для отличія отъ объективн. права съ одной стороны и отъ объективн. морали, или объективной нравственности въ тѣсномъ смыслѣ съ др. стороны, можно назвать объективною нравственностью уже въ обширномъ смыслѣ, также какъ предметъ мышленія человѣческаго ума или какъ предметъ дѣятельности свободной человѣческой воли. Слѣдов. объективная нравственность въ обширномъ смыслѣ образуетъ во 1, объективное право и во 2, объективную мораль, или нравственность въ тѣсномъ смыслѣ, соединенныя въ одно цѣлое внутреннею связью въ систему нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ или этическихъ законовъ. На такой объективной нравственности въ обширн. смыслѣ основываются субъективныя нравственныя въ обширномъ смыслѣ права, какъ принадлежность, достояніе, полномочіе субъекта.

Для большей ясности мы резюмируемъ все то, что мы сказали о природныхъ или физическихъ и о нравств. законахъ съ ихъ видами. Мы различаемъ два вида законовъ: во 1, природные или физическіе и 2о нравств. въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы. Оставляя въ сторонѣ природные

или физическіе законы, какъ и такіе, съ которыми не имѣетъ дѣла наша наука, мы различаемъ два вида нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ или этическихъ законовъ: во 1, правовые или юридическіе законы и во 2, моральные или нравственные въ тѣсномъ смыслѣ законы. Система всѣхъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, или этическихъ законовъ есть нравственность въ объективномъ смыслѣ, или объективная нравственность. Виды ея суть: во 1, система правовыхъ или юридическ. законовъ или, что все равно, право объективное и во 2, система моральныхъ или нравственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова законовъ, или мораль, моральность, нравственность въ тѣсномъ смыслѣ; объективная мораль.

На объективномъ правѣ основываются субъективныя права, какъ права собственно юридическія, а на объективн. морали, моральности, нравственности въ ограниченномъ смыслѣ, основываются моральныя, нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ субъективныя права. Всѣ эти термины д. быть извѣстны юристамъ и притомъ извѣстны въ связи ихъ между собою, въ той связи, которую можно доказать и которая именно признается съ одной стороны ихъ различіемъ, а съ другой стороны ихъ сходствомъ между собою. Сходство это, о которомъ мы только что говорили, основывается на томъ, что право и мораль или нравственность въ тѣсномъ смыслѣ и въ объективномъ и въ субъективномъ ихъ значеніи, соединяются въ нравственности въ обширномъ смыслѣ также и въ объективномъ и въ субъективн. значеніи. Отсюда уже прямо непосредственно слѣдуетъ, что право и мораль или нравственность въ тѣсномъ смыслѣ, какъ въ объективномъ, такъ и въ субъективномъ ихъ значеніи, вовсе не противоположны, а только различны. Что онѣ не противоположны, а только различны, это уже явствуетъ изъ того, что въ объективн. смыслѣ онѣ суть равно законы этическіе или нравственные въ обширн. смыслѣ, суть равно

законы человѣч. свободы или для человѣческой свободы, т. е. онѣ суть обязательны для нея, а въ субъективномъ см. онѣ суть равно принадлежность, достояніе, полномочіе субъекта, будучи основаны на нравственныхъ въ обширном. смыслѣ или на этическ. законахъ, на нравственности въ обширн. смыслѣ. Но далѣе, присутствіе въ нихъ только различія и отсутствіе, напротивъ, противоположности между ними еще болѣе явствуетъ изъ слѣдующ. двухъ положительныхъ фактовъ, которые и должны быть приняты нами за основаніе такого разсматриванія, а именно во 1, изъ соотношенія между ними въ самой жизни человѣческой и во 2, изъ общаго ихъ генетическаго развитія въ человѣческомъ сознаніи. Представимъ-же здѣсь вообще, какъ слѣдуетъ представлять вообще все въ нашей наукѣ, и то и другое.

1, Въ самой жизни человѣческой или человѣчества право и мораль состоятъ между собою въ такомъ соотношеніи, что сперва болѣе или менѣе смѣшиваются. Это мы видимъ съ особенною ясностью во многихъ письменныхъ памятникахъ, относящихся болѣе или менѣе къ юридич. области разныхъ восточныхъ народовъ, какъ напр. въ такъ назыв. Китайскомъ священномъ пятикнижіи, въ древнихъ египетскихъ такъ назыв. законахъ Ману, въ древнихъ персидскихъ законахъ Авеста обыкновенно назыв. Зендъ-Авеста, въ Моисеевомъ пятикнижіи и особенно въ его Второзаконіи и наконецъ даже въ новое время — въ Магометанской священной книгѣ извѣстной подъ именемъ Коранъ или Алькоранъ. Мало того, даже въ Греціи право и мораль недостаточно различались, а въ древнемъ римск. государствѣ право хотя отдѣлялось отъ морали особенно подъ вліяніемъ римскихъ преторовъ и юристовъ въ судахъ гражданскихъ и даже отчасти въ судахъ, имѣющихъ небольшое сходство съ нашими уголовными судами, но въ самой жизни онѣ не разъединялись, какъ это видно изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій римскихъ писателей, особенно римскихъ ораторовъ и философовъ. Въ этомъ

отношеніи можно указать на Цицерона, какъ наиболѣе соединившаго въ своемъ лицѣ не только оратора и философа, но и юриста и политика. Далѣе, въ средніе вѣка право подчиняется христіанской религіи вмѣстѣ съ моралью, являясь въ жизни столько-же нераздѣльнымъ съ моралью, сколько и въ мышленіи философовъ теологовъ, какъ это видно изъ множества явленій средневѣковой жизни, каковы напр. такъ назыв. суды божіи и въ особенности такъ назыв. судебн. поединки, изъ инквизиціи и стоящ[ей] съ нею въ связи форма[ою] уголовнаго процесса, называвшагося инквизиціонн[ы]мъ (теперь онъ обыкновенно назыв. слѣдственнымъ или разбирательнымъ процессомъ) изъ законовъ о ростѣ, о процентахъ, (которые запрещались именно съ точки зрѣнія моральной, между тѣмъ какъ это запрещеніе не оправдывалось съ точки зрѣнія юридической, вслѣдствіе чего въ настоящее время во всѣхъ западн. государствахъ уничтожено запрещеніе брать большіе или меньшіе проценты и только у насъ до сихъ поръ законными процентами служатъ 6-ть процентовъ), какъ это видно изъ средневѣковыхъ законовъ въ особенности о бракѣ и вообще изъ всѣхъ сочиненій средневѣковыхъ философовъ теологовъ. Въ новой собственно Исторіи, начиная съ Гуго Гроція, хотя право и получаетъ самостоятельность относительно религіи, но даже и у новыхъ философовъ право продолжаетъ пребывать не разъединеннымъ съ моралью, не говоря уже о жизни, гдѣ слѣды прежней нераздѣльной связи долго еще не исчезаютъ въ эти времена, какъ это видно изъ уголовнаго, государственнаго и международнаго права этихъ временъ. Наконецъ, въ новѣйшей Исторіи, начиная съ конца прошедшаго столѣтія, хотя первые новѣйшіе философы, каковъ Кантъ и въ особенности Фихте старшій, и доводятъ въ своемъ философск. ученіи о правѣ до полнаго разъединенія право и мораль, хотя они поставляютъ для этого критеріумъ права его принудительность, въ противоположность непринудительности морали, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ они проти-

противополагалъ право и мораль до такой крайности, что утверждалъ, что будто-бы государство не нуждается въ моральныхъ гражданахъ, т.е. въ гражданахъ подчиненныхъ моральнымъ законамъ, такъ что для государства все равно, будутъ-ли его граждане нравственны или безнравственны въ моральномъ отношеніи людьми (будутъ ли они дьяволами, какъ выражаются нѣкоторые философы) лишь бы только они внѣшнимъ образ. исполняли юридическія законы; однакоже послѣдующіе за Кантомъ и Фихте философы (Шеллингъ, Гегель, Краузе, Гербартъ, Тренделенбургъ) старались опять соединить право и мораль, различая ихъ, но не противополагая. Но еще гораздо болѣе того самая жизнь представила такое ихъ между собою соединеніе, въ силу котораго право непрестанно, такъ сказать, перемѣщается въ мораль и мораль въ право, однакоже такъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ могутъ быть теперь различены въ самой жизни область права и область морали, вслѣдствіе чего такое ихъ различіе между собою не доводится до противоположности.

9, Что касается общаго права и морали генетическаго развитія ихъ въ человѣческомъ сознаніи, то оно наглядн. образомъ, хотя и не безъ важныхъ научныхъ ошибокъ и заблужденій, подготовлено уже Гегелемъ въ его философіи права, гдѣ онъ представляетъ теоретич. процессъ права въ обширномъ смыслѣ по слѣдующ. тремъ главнымъ его ступенямъ, во 1, какъ право въ собствен. смыслѣ, которое Гегель называетъ абстрактнымъ или формальнымъ правомъ, во 2, какъ моральность и въ 3, какъ нравственность. Послѣ этой подготовки, сдѣланной Гегелемъ, мы уже можемъ теперь сказать, что право и мораль суть уже ничто иное какъ ступени генетическаго развитія нравственности въ обширн. смыслѣ этого слова.

Опредѣливъ понятіе объективнаго права и указавъ его отношеніе къ морали и нравственности въ об-

широкомъ смыслѣ. Указанія въ употребленіе самихъ словахъ, которыми на разныхъ языкахъ образованныхъ народовъ обозначается это объективное право [illegible], что объективное право есть совокупность правовыхъ юридическихъ [illegible], объясняется возможностію употребленія въ древнемъ греческомъ языкѣ и въ позднѣйшемъ англійскомъ яз., вмѣсто слова право въ объективномъ его значеніи, слова законъ (по гречески νόμος и по англійски law); такъ напр. мы говоримъ естественное право, употребляя слово право въ объективн. смыслѣ, а греки говорили естественные законы; мы говоримъ: гражданское право, а англичане говорятъ гражданскіе законы, такъ что слово право ни въ греческомъ ни въ англійск. яз. не употребляется въ объективн. смыслѣ. Но въ латинскомъ языкѣ слово jus, на французскомъ droit, на нѣмецкомъ Recht употребляются какъ въ объективномъ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ. Наконецъ, въ нашемъ родномъ языкѣ слово право въ объективн. смыслѣ замѣнило употреблявшіяся въ старину слова законъ или законы, въ смыслѣ, конечно, юридич. законовъ, а также и слово правда, которое употреблялось напр. въ значеніи объективнаго права въ заглавіи извѣстнаго юридич. памятника „Русская Правда". Хотя нѣкоторые философы находятъ, что Русская Правда не есть Св. Законовъ позднѣйшаго времени, подобный напр. нашему Св. Зак., и не есть также уголовный, а есть не болѣе какъ собраніе древнихъ судебныхъ постановленій; но если даже и принять это мнѣніе, нельзя не признать, что слово правда въ этомъ заглавіи имѣетъ значеніе объективн. права, ибо судебныя постановленія выражаютъ собою частью объективное право, такъ какъ онѣ, какъ мы увидимъ, входятъ въ составъ такъ наз. права юристовъ, будучи результатомъ ихъ практической дѣятельности, а право юристовъ, какъ результатъ ихъ дѣятельности, есть право въ объективномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, въ настоящее время, когда русскіе юристы стали

научнымъ образ. изучать правовѣдѣніе преимущественно по сочиненіямъ франц. и нѣмецкихъ юристовъ, то они позаимствовали отъ французовъ и нѣмцевъ и объективн. смыслъ слова право, такъ что теперь слово право употребляется и въ объективномъ и субъективн. см. (въ субъективн. смыслѣ слово право у насъ употребляется издавна); но не смотря на то нѣкоторые русскіе юристы, даже въ весьма недавнее время употребляли слово право только въ субъективн. смыслѣ, а не въ объективномъ. Въ объективн. смыслѣ вмѣсто слова право употребляли у насъ по образцу древнихъ грековъ и англичанъ слово законъ или законн или замѣняли ихъ словомъ законодательство (гр. Сперанскій, а за нимъ Неволинъ, а за Неволинымъ Рождественскій въ своихъ „Энциклопедіяхъ Законовѣдѣнія"). При этомъ замѣчу, что въ объективн. смыслѣ словомъ право на латинскомъ, франц., нѣмецк. и русскомъ языкахъ называется также и самая наука о правѣ, и притомъ назыв. или вся наука о правѣ вообще, т.е. то, что назыв. иначе правовѣдѣніемъ, какъ наукою или-же какая нибудь ея часть, т.е. спеціальная какая нибудь юридич. наука, (напр. уголовное, гражданское право и т.п. не въ смыслѣ системы граж. данскихъ частныхъ законовъ, но въ смыслѣ науки, излагающей эту систему) и даже отдѣльныя, спеціальныя части спеціальныхъ юридическихъ наукъ назыв. также правомъ въ объективн. смыслѣ (напр. говорятъ вещное право, обязательственное право и т. п.). Объективное право или право въ объективномъ смыслѣ вообще генетически развивается по слѣдующимъ двумъ главнымъ ступенямъ, которыя мы должны разсмотрѣть, а именно: А) какъ мыслимое право, назыв. обыкновенно естественнымъ или природнымъ правомъ и Б) какъ дѣйствительное или реальное право, назыв. обыкновенно положительнымъ правомъ, такъ что это есть вмѣстѣ съ нимъ, можно сказать, и главные роды объективнаго права. Мыслимымъ правомъ мы называемъ то объективное

Лит. Ант. Степанова в. "Сборникѣ Мл. Ур."

право, которое есть предметъ, объектъ мышленія человѣческаго, почему оно и называется мыслимымъ правомъ, а дѣйствительнымъ, реальнымъ или положительнымъ правомъ мы называемъ то объективное право, которое есть предметъ, объектъ дѣятельности свободной человѣческой воли, которая проявляетъ мыслимое умомъ человѣческимъ право во внѣшней, видимой дѣйствительности, реальности. Такъ какъ объективное право можетъ быть предметомъ, объектомъ только или мышленія человѣческаго ума, какъ внутренней дѣятельности человѣческой или же дѣятельности свободной человѣческой воли, какъ обнаруженія дѣятельности человѣческой, проявляющей мыслимое человѣчествомъ объективное право во внѣ, во внѣшней, видимой дѣйствительности, реальности, то на этомъ основаніи не можетъ быть ни болѣе, ни менѣе какъ только 2 ступени генетическаго развитія объективнаго права или, что все равно, какъ два главные рода, изъ которыхъ одна ступень или одинъ родъ есть мыслимое объективное право, а другая ступень или другой родъ, - есть дѣйствительное или реальное право въ объясненныхъ нами значеніяхъ. Что эти ступени или роды должны слѣдовать одна за другою или одинъ за другимъ въ такомъ именно, а не обратномъ порядкѣ (т.е. первая ступень есть мыслимое объективное право, а вторая - дѣйствительное, реальное право), - это слѣдуетъ уже изъ того, что мыслимое право есть ничто иное какъ правое т.е. праведное и справедливое (justum), о которомъ мы говорили въ первомъ отдѣлѣ, но уже объективированное, т.е. ставшее предметомъ, объектомъ мышленія человѣческаго ума, какъ внутренней человѣческой дѣятельности и слѣд. объективное мыслимое право есть непосредственное объективированіе праваго, т.е. праведнаго и справедливаго, justum, а потому оно непосредственно должно слѣдовать въ генетическомъ развитіи за первымъ отдѣломъ, т.е. быть первою сту-

Лит. А. Стеценко в. Садовая ул. д. 7, кв. 12.

нымъ генетическаго развитія объективнаго права. Дѣйствительное или реальное право есть уже посредственное объективированіе праваго, т.е. праведнаго и справедливаго (justum), т.е. уже чрезъ посредство человѣческой воли, которымъ (правомъ) проявляющаяся, осуществляется въ дѣйствительности объективное мыслимое право, почему оно и должно слѣдовать за мыслимымъ объективнымъ правомъ въ генетическомъ развитіи права вообще, а не быть первою ступенью.

Замѣтимъ въ заключеніе разсматриванія объективнаго права вообще, что юристы иногда говорятъ въ этомъ именно смыслѣ о двухъ различныхъ главныхъ источникахъ объективнаго права вообще (т.е. какъ мыслимаго, такъ и реальнаго права). Притомъ они понимаютъ слово источникъ въ смыслѣ того, изъ чего происходитъ и мыслимое и дѣйствительное или реальное объективное право.

Первымъ источникомъ въ этомъ смыслѣ мыслимаго объективнаго права признаютъ они человѣческое чувство права, какъ праведнаго и справедливаго (justi) и затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи сознанія права, т.е. также какъ праведнаго и справедливаго (justi), правосознанія, причемъ, выражая то и другое понятіе (чувство права и правосознаніе) однимъ словомъ, они говорятъ о правоубѣжденіи человѣческомъ, такъ что источникомъ мыслимаго права есть въ этомъ смыслѣ человѣческое правоубѣжденіе (т.е. мыслимое право прямо, непосредственно вытекаетъ изъ человѣческаго правоубѣжденія). Напротивъ того источникомъ дѣйствительнаго или реальнаго положительнаго права они признаютъ свободную волю человѣческую, такъ что это право признаютъ они происходящимъ непосредственно изъ свободной человѣческой воли, ибо человѣческая воля есть ближайшій его источникъ. Кромѣ того, посредственнымъ источникомъ они признаютъ человѣч. правоубѣжденіе, другими словами: они признаютъ дѣйствительное, реальное право результатомъ непо-

средственной дѣятельности свободной человѣческой воли, хотя и коренящимися въ человѣческомъ правоубѣждении.

Теперь мы можемъ разсмотрѣть эти двѣ ступени генетическаго развитія объективнаго права вообще, или два главные его рода въ такомъ именно порядкѣ, нами оправданномъ: во 1, мыслимое право, назыв. обыкновенно естественнымъ или природнымъ правомъ и во 2, дѣйствительное или реальное право, назыв. обыкновенно положительнымъ правомъ.

57. A, Мыслимое право.

Послѣ того, что мы сказали о немъ прежде, мы можемъ опредѣлить его такимъ образомъ: оно есть объективное право, представляющее собою систему тѣхъ правныхъ юридическихъ законовъ или нормъ, которые мыслятся умомъ человѣческимъ какъ правое, т.е. праведное и справедливое (justum) въ силу человѣческаго правоубѣжденія, т.е. въ силу человѣческаго чувства права или правосознанія. Мыслимое право обозначается мыслителями и какъ представителями науки, различными названіями. Главныя изъ тѣхъ названій, которыми выражается какой-нибудь существенный моментъ въ понятіи мыслимаго права слѣдуютъ одно за другимъ въ такомъ порядкѣ генетическаго развитія выражаемыхъ ими существенныхъ моментовъ въ понятіи этого права: во 1, естественное или природное право, во 2, моральное право, въ 3, раціональное право, въ 4, необходимое право, въ 5, всеобщее право, въ 6, первоначальное право, въ 7, нормальное право и наконецъ въ 8, основное право. Разсмотримъ всѣ эти названія въ такой ихъ генетической постепенности, которыя въ частности объясняются при самомъ ихъ разсмотрѣніи.

I Естественное или природное право.

Греки называли его τὸ φύσικον δίκαιον, естественнымъ

правомъ, или же τὸ δίκαιον φύσει, т.е. праведнымъ и справедливымъ естественнымъ, природнымъ правомъ, римляне называли jus naturale и нѣмцы naturrecht. Такое названіе есть самое употребительное изъ всѣхъ названій уже съ самой древности, т.е., начиная съ грековъ и восходя до нашихъ временъ. Но естественнымъ или природнымъ правомъ называлось и назыв. мыслимое право въ различныхъ значеніяхъ, а именно во 1, въ значеніи права природы (jus naturale) гдѣ слово право употребляется въ субъективномъ смыслѣ, т.е. въ смыслѣ полномочія, принадлежащаго всей природѣ, а слово природа употребляется въ смыслѣ единенія, или совокупности всѣхъ вообще существъ внѣшняго, т.е. видимаго міра. Въ этомъ отчасти смыслѣ говорили уже нѣкоторые греческіе философы о мировомъ правѣ,- отчасти, сказалъ я, потому, что подъ правомъ разумѣли они также и объективное право. Въ этомъ далѣе смыслѣ также отчасти мы встрѣчаемъ у римскихъ юристовъ между прочими опредѣленіями, дефиниціями естественнаго права и такое его опредѣленіе, которое вамъ уже извѣстно, а именно: jus naturale est quod natura omnia animalia docuit. Здѣсь подъ jus naturale разумѣется совокупность такихъ, природныхъ, прирожденныхъ, естеств. влеченій или инстинктовъ, которые общи человѣку съ прочими животными, какъ это видно наприм. въ примѣрѣ, приводимомъ на это опредѣленіе, а именно, въ примѣрѣ половаго влеченія. Мы сказали отчасти, потому что jus значитъ у римлянъ и объективное право, а не только субъективное право. Въ этомъ же также отчасти смыслѣ употреблялъ и философъ Спиноза естественное или природное право, какъ могущество, потенцію всей природы, т.е. всего міра, отождествленнаго у него съ божествомъ, а также и живыхъ существъ въ природѣ или въ этомъ мірѣ какъ индивидовъ, - отчасти, говорю я, потому что у него

естественное или природное право имѣетъ кромѣ субъективнаго и объективное значеніе. Но мы съ своей стороны, держась и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, положительныхъ фактовъ, не можетъ признавать никакого права въ субъективномъ правѣ вообще, а слѣд. и никакого природнаго, естественнаго права, какъ полномочія, никакому иному существу, кромѣ только человѣка, хотя и можемъ допустить, что зародышъ права вообще встрѣчается уже и у прочихъ животныхъ, особенно у тѣхъ, которыя живутъ болѣе или въ постоянномъ внѣшнемъ общеніи между собою, въ государственныхъ, такъ сказать союзахъ, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, въ животныхъ государствахъ. На этотъ зародышъ права у такихъ животныхъ указалъ Вундтъ въ извѣстномъ сочиненіи „Душа человѣка и животныхъ".

Или во 2, названіе естественнаго или природнаго права употреблялось въ значеніи уже объективнаго права, а не субъективнаго, а именно, въ значеніи правныхъ, юридическихъ законовъ или нормъ, обязательныхъ для человѣка, въ его такъ называемомъ естественномъ или природномъ состояніи (status naturalis). Подъ такимъ естественнымъ или природнымъ состояніемъ разумѣли многіе философы жизнь или бытъ людей абсолютно внѣ всякаго между собою общенія, т.е. внѣ всякихъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ общественныхъ союзовъ. Такъ понимали естественное или природное право почти всѣ новые философы въ собственномъ смыслѣ, т.е. начиная отъ Декарта и Бэкона и доходя до Канта и даже, по крайней мѣрѣ, отчасти самъ основатель новѣйшей философіи, Кантъ. Впрочемъ, эти философы понимали такое естественное состояніе въ смыслѣ внѣобщественнаго или до-общественнаго состоянія людей, сперва какъ дѣйствительно существовавшій въ исторіи бытъ, а потомъ собственно только въ смыслѣ предполагаемаго быта, въ смыслѣ гипотезы, для объясненія того, какъ

люди приходятъ къ общественному быту, выступая a statu naturali, изъ естественнаго состоянія, быта въ гражданскій бытъ, какъ они говорили. Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы съ своей стороны должны отвергнуть, какъ небылицу въ исторіи человѣчества, такъ называемое естественное или природное состояніе, въ смыслѣ абсолютно дообщественнаго или внѣобщественнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны отвергнуть и все дѣйствующее будто-бы въ такомъ естественномъ или природномъ состояніи такое естественное или природное право, ибо, даже во времена такъ назыв. допотопнаго или ископаемаго человѣка мы, какъ теперь доказываютъ положительные факты, находимъ людей уже живущими болѣе или менѣе въ постоянныхъ самоцѣльныхъ общественныхъ союзахъ, какъ бы ни были слабы узы, соединяющія ихъ въ такія общенія. Однако-же съ другой стороны мы должны признать естественное или природное состояніе людей въ смыслѣ до государственнаго или внѣ государственнаго, а не дообщественнаго вообще или внѣобщественнаго вообще, т. е. мы должны признать, что люди жили въ такихъ общественныхъ союзахъ, которые не суть еще государственные союзы (политическіе союзы), потому что обществ. союзъ вообще не можетъ быть названъ государствомъ. Въ такомъ смыслѣ мы можемъ признать и существовавшее въ этомъ до государственномъ или внѣгосударственномъ состояніи, въ этой догосударств. или внѣгосударственной людской жизни природное, естественное право. Что касается до вопроса о томъ, признать-ли или не признать такое состояніе людей, въ смыслѣ необходимаго для объясненія наступленія общественнаго состоянія, то мы должны съ своей стороны признать, что такое состояніе и въ смыслѣ гипотезы или предположенія является совершенно излишнимъ, потому что нынѣ объясняется такое происхожденіе общественнаго состоянія между людьми уже другимъ

образомъ, а не выходомъ изъ вне-общественнаго состоянія, такъ что теперь следов. мы уже не нуждаемся более въ этой гипотезе. Въ самомъ деле, уже Платонъ говорилъ, что человекъ имеетъ такія прирожденныя ему потребности, полное удовлетвореніе которыхъ не можетъ последовать вне общенія его съ прочими людьми, а Аристотель прямо уже выяснилъ эту существенную, прирожденную человеку потребность, которою объясняется, что люди всегда и везде должны жить въ общественномъ состояніи, а именно, онъ сказалъ, что человекъ есть общительное животное.

Или наконецъ въ 3, некоторые философы употребляли названіе естественнаго или природнаго права въ значеніи также объективнаго права, какъ системы правныхъ, юридическихъ законовъ особеннаго естества или особенной природы (natura) человека, какъ ему прирожденной или врожденной сущности. Этою ему прирожденною или врожденною сущностью человекъ отличается отъ прочихъ животныхъ. Основываясь на положительныхъ фактахъ, мы не можемъ съ своей стороны признать никакихъ прирожденныхъ или врожденныхъ человеческому естеству, природе, правныхъ, юридическихъ законовъ или нормъ въ смысле уже какъ-бы готово лежащаго въ немъ матеріала права, а можемъ только развъ признать что человекъ, по своему особенному естеству, по своей особенной сущности, отличающей его отъ прочихъ существъ, имеетъ возможность или способность чувства права и правосознанія, словомъ, правоубежденія. Такое то правоубежденіе и раскрывается мыслящимъ человеческимъ умомъ въ такихъ правныхъ, юридическихъ законахъ, нормахъ, система которыхъ и образуетъ такъ назыв. естественное или природное право, въ смысле объективнаго права, соответствующаго всецелому естеству, всецелой природе, т.е. всецелой сущности человека. Въ такомъ

только смыслъ это право может быть названо нами естественнымъ или природнымъ правомъ. На такомъ-то естественномъ или природномъ правѣ, въ объективномъ его смыслѣ, какъ мыслимомъ правѣ, основываются всѣ природныя, естественныя права, также какъ мыслимыя человѣческимъ умомъ.

II. Моральное право.

Мыслимое право называли нѣкоторые философы, въ особенности средневѣковые философы теологи, моральнымъ правомъ (jus morale) въ отличіе отъ дѣйствительнаго, реальнаго положительнаго права, какъ собственно слѣд. юридическаго, собственно правнаго права въ объективномъ смыслѣ. Эти философы утверждали что мыслимое право имѣетъ моральную, нравственную въ тѣсномъ смыслѣ обязательность или обязываетъ человѣка только морально, имѣетъ для него только моральную обязательную силу, т. е. обязываетъ его совѣсть, нравственное сознаніе, между тѣмъ какъ дѣйствительное, реальное или какъ его обыкновенно называютъ, положительное право, имѣетъ для человѣка принудительную, обязательную силу, т. е. оно вынуждаетъ себѣ подчиняться всякими мѣрами насилія или принужденія. Такую принудительность, свойственную дѣйствительному, реальному или положительному праву, называютъ юристы юридическою обязательною силою или собственно юридическимъ обязательнымъ дѣйствіемъ положительнаго права. Такъ, многіе философы даже до сихъ поръ не перестаютъ говорить, а за ними говорятъ и простые юристы, что будто-бы вся гарантія или обезпеченіе исполненія предписаній дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права состоитъ единственно только въ принужденіи человѣка къ этому соблюденію. Мы съ своей стороны, на основаніи положительныхъ фактовъ, должны приписать объективному праву вообще, т. е. и дѣйствитель-

ному, реальному или положительному праву, а не только естественному, природному праву моральную обязательность и слѣд. мы не можемъ противополагать ихъ въ этомъ отношеніи, хотя и не должны ихъ смѣшивать, а должны различать ихъ именно тѣмъ, что понятію мыслимаго, естественнаго или природнаго права присущъ только одинъ этическій, нравственный элементъ, между тѣмъ какъ понятію положительнаго права присущъ еще также и другой элементъ, а именно физическій элементъ, т. е. принужденіе, но въ томъ смыслѣ, что нарушеніе постановленій дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права, правонарушеніе, отрицаніе права, неправо, должно быть въ свою очередь также отрицаемо, нарушеніе права должно быть возстановляемо, причемъ оно отрицается и возстановляется также и мѣрами насилія, принужденія, такъ какъ само правонарушеніе есть принужденіе. Напротивъ того, нарушеніе мыслимаго, естественнаго или природнаго права не можетъ быть отрицаемо такимъ образомъ, а можетъ быть только отрицаемо мысленно, какъ мыслимое право; оно не можетъ быть также возстановляемо принужденіемъ, именно по его особенной сущности, ибо оно есть нѣчто внутреннее въ человѣкѣ (мысль слѣдов. и совѣсть человѣка есть нѣчто внутреннее, а все внутреннее не подлежитъ никакому принужденію, такъ какъ оно абсолютно недоступно вообще никакому насилію), а можетъ быть подчинено только убѣжденіямъ, наставленіямъ и т. п.

III. Раціональное право (отъ ratio) т. е. разумное право; нѣмцы называютъ его Vernunftrecht. Такимъ названіемъ весьма часто противополагаютъ философы мыслимое, естественное или природное право дѣйствительному или положительному праву. Но, называя мыслимое право раціональнымъ правомъ, будучи послѣдовательны-

ми; мы должны назвать положительное право неразумнымъ, нерацiональнымъ правомъ. На такую консеквентность не осмѣливаются даже и тѣ философы, которые называютъ мыслимое право рацiональнымъ правомъ. Дѣйствительно, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы должны признать, что какъ въ мыслимомъ, такъ и въ реальномъ правѣ есть разумъ (ratio); но своего рода разумъ присущъ дѣйствительному, реальному праву и своего рода разумъ присущъ мыслимому праву. Обозначенiе того или другого уже сдѣлали римскiе юристы, говоря, что естественному, природному праву присущъ ratio naturalis, т. е. естественный разумъ, а положительному праву присущъ ratio civilis, т. е. гражданскiй разумъ. Это значитъ, что въ существѣ положительнаго права есть нѣчто такое разумное, которое составляетъ его сущность, такъ что мы не можемъ отвергнуть содержанiя положительнаго права, т. е. его предписанiя, велѣнiя, не нарушая этой сущности. Возьмемъ въ примѣръ узуфруктъ. Подъ узуфруктомъ разумѣется извѣстное право на чужую вещь, т. е. право ея употребленiя для того назначенiя, которому она служитъ. Узуфруктъ примѣняется какъ къ вещамъ незамѣняемымъ (res nonfungibiles), т. е. не опредѣленнымъ извѣстн. качествами (мнѣ напримѣръ данъ подсвѣчникъ въ пользованiе и я долженъ возвратить тотъ-же самый подсвѣчникъ его хозяину), такъ и по отношенiю къ вещамъ замѣняемымъ (res fungibiles), т. е. опредѣленнымъ извѣстн. качествами, а не самою индивидуальностью, какъ вещи незамѣняемыя. Вещи замѣняемыя при узуфруктѣ отдаются въ томъ-же количествѣ и того-же качества, но не тѣ-же самыя вещи, которыя были отданы въ пользованiе. Напр., если дана мнѣ свѣча, то я не могу возвратить ту-же самую свѣчу обратно хозяину, потому что иначе я не могу ею воспользоваться, а могу возвратить хозяину такую-же свѣчу,

т. е. такого-же качества (стеариновую напрым. свечу такого-то завода) и количества (одну свечу, стоющую столько-то). Это въ особенности видно на деньгахъ. Деньгами нельзя пользоваться, не издерживая ихъ, и потому, получивъ деньги въ пользованіе, можно возвратить ихъ только въ томъ-же количествѣ (взято напр. 3 рубля и возвращается 3 рубля) и того-же качества (взято золотой монетою и возвращается золотой монетою, а не кредитными билетами, такъ какъ между кредитными билетами и золотою монетою бываетъ большая разница въ курсѣ). Что касается до пользованія (usus), то оно состоитъ не только въ употребленіи вещи, соотвѣтственно ея назначенію, но и въ томъ, чтобы плоды этой вещи поступали въ пользу того, кто ею пользуется. Если напр. взять, какъ узуфруктъ, конскій заводъ, то узуфруктуарію принадлежитъ весь приплодъ отъ кобылицъ а не только одно право ѣздить такъ или иначе на лошадяхъ. Такимъ образомъ, въ понятіи узуфрукта лежитъ нѣчто ему существенное, нѣчто необходимое, такъ что если отдѣлите напр. отъ узуфрукта употребленіе и пользованіе въ объясненномъ смыслѣ, то въ такомъ случаѣ не получите узуфрукта, а что-то другое. Это-то необходимое, въ самомъ понятіи узуфрукта заключающееся, какъ его сущность, его природа, и есть естественный разумъ (naturalis ratio) узуфрукта. Что касается до civilis ratio, то подъ нимъ разумѣли римляне ту пользу, которую приноситъ извѣстное право въ гражданскомъ быту, такъ что, соотвѣтственно этой пользѣ, и установляется извѣстное право. Возьмемъ въ примѣръ институтъ давности. Подъ давностью разумѣется такой юридическій институтъ, въ силу котораго владѣлецъ чужой вещи, по истеченіи извѣстнаго срока владѣнія, получаетъ право собственности въ этой вещи подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ владѣлъ ею добросовѣстно, т. е.

чтобы онъ вѣровалъ въ правомѣрность своего владѣнія, думалъ, что это его вещь или, какъ говорятъ юристы, имѣлъ bonam fidem. Такимъ образомъ можно пріобрѣсти и самую землю (у насъ напр. по истеченіи 10-ти лѣтняго срока). Если-бы не существовало давности, то никто не былъ-бы увѣренъ въ своемъ правѣ собственности. Получая напр. въ наслѣдство землю, вы не были-бы увѣрены, что она принадлежитъ вамъ, потому что, кто знаетъ, можетъ быть явится человѣкъ, который за нѣсколько десятковъ лѣтъ владѣлъ ею, и предъявитъ на нее свои права. Вы боялись-бы купить какое нибудь имущество, такъ какъ всегда можно было-бы опасаться, что это имущество не принадлежитъ продавцу. Вамъ предъявляютъ документы, удостовѣряющіе право собственности продавца, но, кто знаетъ, можетъ быть явится новое лицо съ лучшими документами. Слѣдов., самая польза общественныхъ отношеній требуетъ установленія института давности. Эта-то польза и есть разумное въ этомъ институтѣ давности, есть его ratio civilis.

58. Останавливаясь на положительныхъ фактахъ, мы не можемъ не признать, что нѣтъ противоположности между мыслимымъ и положительнымъ правомъ, т. е. что въ томъ и другомъ есть свой разумъ, есть нѣчто разумное, потому что мыслимое право есть необходимый продуктъ дѣятельности человѣческаго разума, ума, а именно, его мышленія, а дѣйствительное, реальное право есть его-же продуктъ, но уже чрезъ посредство свободной человѣческой воли, которая осуществляетъ въ дѣйствительности, реальности, человѣческое мышленіе о правѣ или осуществляетъ здѣсь мыслимое право. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, назвать собственно только мыслимое, а не дѣйствительное право, раціональнымъ правомъ. Но были еще и такіе философы, которые называли мыслимое или естественное пра-

во раціональнымъ въ другомъ смыслѣ, а именно въ томъ, что оно есть будто-бы право чистаго разума, чистаго ума человѣческаго, познаваемаго чистымъ умозрѣніемъ, или какъ они выражались, интеллектуальнымъ созерцаніемъ, такъ что оно есть чисто умозрительное право. Напротивъ того, говорили они, дѣйствительное, реальное или положительное право есть право, познаваемое изъ опыта и наблюденія, слѣдов., есть какъ-бы чисто опытное право. Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы не можемъ допустить вообще такого чистаго умозрѣнія или интеллектуальнаго созерцанія, а слѣд. мы не можемъ противоположить въ частности мыслимое или естественное право, какъ чисто будто-бы умозрительное, дѣйствительному, реальному или положительному праву, какъ чисто будто-бы опытному; напротивъ, мы должны признать, что то и другое право познается человѣческимъ умомъ изъ опыта и наблюденія. Однако мы не должны смѣшивать, а должны различать ихъ, а именно такъ, что мыслимое право, какъ непосредственно чувствуемое или непосредственно сознаваемое нашимъ я праведное и справедливое, justum, слѣдов., состоящее въ области внутренняго опыта, познается въ этомъ смыслѣ умомъ человѣческимъ изъ внутренняго опыта и наблюденія, а дѣйствительное, реальное или положительное право, какъ установленное во внѣшнемъ людскомъ общеніи, т.е. въ постоянныхъ и самоцѣльныхъ общественныхъ союзахъ чрезъ посредство свободной воли человѣческой, слѣдов., посредственно въ области внѣшняго опыта, и познается умомъ человѣческимъ изъ внѣшняго опыта и наблюденія. И такъ, вообще только въ смыслѣ мыслимаго права, мы можемъ назвать естественное право раціональнымъ для отличія его отъ положительнаго права, а не для противоположенія ихъ

между собою.

IV. Необходимое право (jus necessarium).

Такъ какъ мыслимое или естественное право есть право вполнѣ соотвѣтствующее всецѣлому естеству, всецѣлой природѣ человѣческой, а это естество, эта природа есть сущность человѣка; то мыслимое право существенно въ этомъ смыслѣ человѣку. Но все существенное чего-бы то ни было есть для него необходимое, а потому нѣкоторые философы и называли мыслимое или естественное право правомъ необходимымъ и противополагали такое необходимое право праву положительному, какъ зависимому уже отъ свободной человѣческой воли, отъ ея произволенія, называя его въ этомъ смыслѣ произвольнымъ правомъ (jus voluntarium). Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы не можемъ допустить въ этомъ смыслѣ противоположности между ними, хотя мы и не должны смѣшивать ихъ; слѣд., мы должны ихъ различать, не противополагая ихъ однако-же одного другому, а именно, мы должны признать, что въ томъ-же всецѣломъ естествѣ, въ той-же всецѣлой природѣ или сущности человѣка, лежитъ какъ мыслимое право, такъ и дѣйствительное право, ибо мыслимое право есть непосредственный продуктъ мышленія человѣческаго ума, а дѣйствительное право есть непосредственный продуктъ свободной человѣческой воли, а умъ вообще и воля вообще коренятся въ естествѣ, природѣ, въ сущности человѣка; слѣд., противополагать въ этомъ отношеніи мыслимое право, какъ необходимое, дѣйствительному праву, какъ произвольному, нельзя, какъ и нельзя противополагать вообще мышленія, какъ дѣятельности ума человѣческаго, и хотѣнія, какъ дѣятельности свободной человѣческой воли, а слѣдует

только различать ихъ, а именно тѣмъ, что мыслимое право, какъ продуктъ ума человѣческаго, а дѣйствительное право есть его-же продуктъ, но чрезъ посредство свободной человѣческой воли, какъ ея уже непосредственный продуктъ.

V. Всеобщее право (jus universale)

Такъ какъ все необходимо существенное есть общее для всѣхъ тѣхъ существъ, для которыхъ оно необходимо и существенно, то нѣкоторые философы называли мыслимое право въ этомъ смыслѣ всеобщимъ правомъ, т. е. общимъ для всѣхъ людей и всѣхъ вообще народовъ, какъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ и противополагали такое мыслимое право, какъ всеобщее, дѣйствительному праву, какъ особенному праву, т. е. праву особеннаго, извѣстнаго народа или извѣстнаго, постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы можемъ допустить только различіе между ними, не доводя этого различія до противоположности, потому что все всеобщее ни въ чемъ иномъ не проявляется въ дѣйствительности, реальности, какъ именно въ особенномъ. Подобнымъ-же образомъ и мыслимое право проявляется въ дѣйствительномъ, въ реальномъ правѣ, но подъ особенными, такъ назыв. историческими условіями. Въ силу этихъ условій, въ дѣйствительномъ, реальномъ или положительномъ правѣ всегда, непремѣнно и необходимо есть два существенныхъ элемента, во 1, чисто мыслимое или естественное право и во 2, чисто дѣйствительное, реальное или положительное право. Такъ напр. малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, по естественному праву, по самому существу, по самой природѣ человѣческой, хотя имѣютъ способность ко всѣмъ правамъ, слѣд. имѣютъ правоспособность или

личность, но не имѣютъ такъ назыв. юридической дѣеспособности, т.е. не могутъ пользоваться всѣми правами на самомъ дѣлѣ. Это признается всѣми положительными правами; слѣдов. такое положеніе входитъ въ составъ положительнаго права, какъ элементъ естественнаго мыслимаго права. Но затѣмъ, всякое положительное право согласно съ историч. обстоятельствами, а именно здѣсь съ физическимъ развитіемъ индивидовъ, полагаетъ различные сроки наступленія совершеннолѣтія, т.е. наступленія юридической дѣеспособности. Эти сроки суть уже продуктъ чисто положительнаго права и составляютъ въ немъ чисто положительный его элементъ.

VI. Первоначальное право.

Такъ какъ все необходимое или существенное есть нѣчто первоначальное или самородное, въ отличіе отъ всего искусственнаго, какъ не необходимаго, какъ несущественнаго, какъ не самороднаго, какъ производнаго изъ первоначальнаго, то нѣкоторые философы прилагаютъ это къ мыслимому и дѣйствительному праву, а именно, они признавали мыслимое или естественное право правомъ первоначальнымъ, самороднымъ, т.е. правомъ, которое есть таковое само по себѣ, по своей сущности, по своей природѣ или есть продуктъ этого его существа, естества, природы, сущности, и въ этомъ смыслѣ есть нѣчто первоначальное, есть нѣчто самородное, и противополагали дѣйствительному, реальному или положительному праву, какъ продукту человѣческаго искусства, т.е. человѣческаго изобрѣтенія, выдумки, и въ этомъ смыслѣ какъ искусственному, производному праву. Но, основываясь на положительныхъ фактахъ, мы не можемъ допустить такой между ними противоположно-

стви, потому что то и другое право коренится во всецѣломъ existence, природѣ, сущности человѣка, есть его продуктъ; но не раздѣльно съ тѣмъ, что и другое право есть продуктъ человѣческаго искусства. Однако мы не должны смѣшивать ихъ, а должны различать, потому что мыслимое право есть непосредственный продуктъ всецѣлаго существа, всецѣлой природы, сущности человѣческой, какъ продуктъ человѣческаго чувства права и сознанія права и вообще какъ продуктъ человѣческаго правоубѣжденія, а дѣйствительное, реальное или положительное право есть посредственный уже продуктъ всецѣлаго существа, природы, сущности человѣка, т. е. чрезъ посредство свободной воли человѣческой.

VII. Нормальное право (normalrecht; jus normale).

Нѣкоторые философы ставятъ мыслимое право еще и въ такое отношеніе къ дѣйствительному, реальному или положительному праву, что признаютъ его нормою, т. е. общимъ правиломъ для положительнаго права и въ этомъ смыслѣ называютъ мыслимое право нормальнымъ правомъ. Основываясь на положительныхъ фактахъ, мы можемъ сказать, что такой взглядъ на ихъ взаимное соотношеніе вѣренъ, но вѣренъ только въ томъ смыслѣ, что мыслимое право исходитъ непосредственно изъ человѣческаго правоубѣжденія, а дѣйствительное, реальное или положительное право исходитъ уже изъ мыслимаго права, а слѣдов., только посредственно, косвенно исходитъ оно изъ человѣческаго правоубѣжденія. Но если во взглядѣ на мыслимое право, какъ на нормальное право, кроется противуположность между мыслимымъ и дѣйствительнымъ правомъ въ томъ смыслѣ, что будто-бы дѣйствительное, реаль-

Лит. А. Степанова. Б. Садовая ул. № 9, кв. 2.

ное или положительное право есть ненормальное или абнормальное право (jus abnormale), то мы, держась положительныхъ фактовъ, вовсе не можемъ допустить такой между ними противоположности, потому что и мыслимое право и дѣйствительное, реальное право суть равно объективированіе, предметное выраженіе человѣческаго чувства права и правосознанія, вообще человѣческаго правоубѣжденія. То и другое право, какъ право объективное, есть равно система правныхъ, юридическихъ нормъ или законовъ, равно нормирующихъ или регулирующихъ внѣшнюю человѣческую дѣятельность во внѣшнемъ людскомъ общеніи, а именно въ постоянныхъ, самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ, а также нормирующихъ и регулирующихъ самое устройство и управленіе этихъ союзовъ въ цѣломъ и въ частяхъ ихъ. Но мы должны признать и въ этомъ отношеніи различіе между ними, состоящее въ томъ, что мыслимое право истекаетъ непосредственно изъ человѣческаго правоубѣжденія, а дѣйствительное, реальное право истекаетъ изъ него уже чрезъ посредство свободной человѣческой воли, въ силу особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, которая, воля, въ силу особенныхъ историческихъ обстоятельствъ можетъ отступить отъ законоположеній и въ этомъ смыслѣ отъ принциповъ мыслимаго права, какъ отъ своей нормы или какъ отъ общаго для себя правила и въ самомъ дѣлѣ часто отступаетъ. Наконецъ, съ этимъ названіемъ, нормальное право, находится въ непосредственной связи и слѣдующее затѣмъ названіе мыслимаго права, а именно:

VIII. <u>Основное право</u> (fundamentalrecht).

Мыслимое право признаютъ многіе философы основаніемъ или основою для дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права. Такъ

что въ этомъ смыслѣ мыслимое право можетъ быть названо основнымъ правомъ, въ отличіе отъ обоснованнаго на немъ дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права. Держась положительныхъ фактовъ, мы можемъ допустить такое различіе ихъ между собою, потому что это различіе не ставитъ мыслимое и положительное право въ какую нибудь противоположность, ибо, вообще говоря, не противоположны, а только различны съ одной стороны основаніе или основа, а съ другой - все на ней обоснованное. Но мы можемъ признать мыслимое право основнымъ для дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права въ томъ только смыслѣ, что человѣческое чувство права и правосознаніе, вообще человѣческое правоубѣжденіе, которое объективируется въ мыслимомъ правѣ прямо, непосредственно, объективируется также и въ дѣйствительномъ, реальномъ, положительномъ правѣ но уже не прямо, а косвенно, посредственно, проходя такъ сказать, чрезъ посредство свободной воли человѣческой, такъ что мыслимое право служитъ именно въ этомъ смыслѣ основою или основаніемъ для дѣйствительнаго, реальнаго, положительнаго права, а именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ человѣческое чувство вообще и человѣческое сознаніе вообще служитъ основою, основаніемъ вообще для человѣческой свободной воли или - въ томъ смыслѣ, въ какомъ человѣческое мышленіе вообще служитъ основою, основаніемъ для человѣческаго хотѣнія также вообще, такъ что человѣкъ въ своемъ хотѣніи выражаетъ свое мышленіе; или, другими словами, въ томъ, чего онъ хочетъ, выражаетъ онъ то, что онъ мыслитъ, т. е. въ своихъ желаніяхъ выражаетъ онъ свои чувствованія и свои мысли. Прилагая это общее, несомнѣнное основоположеніе въ частности къ соотношенію между мыслимымъ или дѣйствительнымъ правомъ, мы можемъ сказать вообще,

что человѣчество признаетъ въ чувствованіи и въ сознаніи своемъ, вообще въ своемъ убѣжденіи правымъ, т. е. праведнымъ и справедливымъ (justum) и слѣд. что если мыслимое право того человѣчества, того онъ хочетъ и желаетъ и такое свое хотѣніе, желаніе и такую свою волю онъ выражаетъ въ своемъ дѣйствительномъ, реальномъ, положительномъ правѣ. Въ этомъ-то смыслѣ мыслимое право служитъ основою для положительнаго права, а не въ томъ смыслѣ, что будто-бы все дѣйствительное, реальное, положительное право было тождественно съ мыслимымъ правомъ по своему содержанію, т. е. по содержимымъ въ немъ правоположеніямъ, потому что этому противорѣчатъ положительные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что дѣйствительное, реальное, положительное право далеко не всегда и далеко не во всемъ совпадаетъ по своему содержанію съ законами, нормами мыслимого права. Такъ напр., личность всякаго человѣка, какъ человѣка, а слѣд. равная для всѣхъ людей, какъ людей, правоспособность была признана мыслимымъ, естественнымъ правомъ какъ законъ, какъ норма, уже съ самого появленія христіанства, которое признало достоинство каждаго человѣка, какъ человѣка, а не только какъ гражданина, какъ это представляли себѣ греческие философы, — не смотря на то, рабство въ разныхъ степеняхъ и видахъ продолжало существовать въ дѣйствительномъ, реальномъ, положительномъ правѣ, какъ норма, какъ законъ, у христіанскихъ народовъ, даже образованнѣйшихъ, именно потому, что свободная воля человѣческая, выражаемая прямо, непосредственно въ дѣйствительномъ, реальномъ, положительномъ правѣ была еще не совсѣмъ согласна, не гармонировала вполнѣ съ человѣч. правоубѣжденіемъ, выражаемымъ прямо, непосредственно, въ мыслимомъ правѣ, вслѣдствіе чего содержаніе положительнаго права

не совпадало во всемъ съ содержаніемъ мыслимаго права. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, въ виду положительныхъ фактовъ, мыслимое право основаніемъ, основою дѣйствительнаго, реальнаго, положительнаго права въ томъ именно смыслѣ, что мыслимое право ни въ чемъ иномъ не осуществляется въ дѣйствительности, не реализируется, какъ именно въ дѣйствительномъ, реальномъ, т.е. положительномъ правѣ, и притомъ оно реализируется въ немъ непремѣнно и неизмѣнно, хотя мало по малу, постепенно, такъ что положительное право не могло-бы вовсе существовать, не могло бы становиться, если-бы ему не предшествовало мыслимое, естественное право, если-бы ему не предшествовало мышленіе о правѣ, какъ о правдѣ и справедливости. Если-бы напр. не была признана за человѣкомъ, какъ человѣкомъ, личность, правоспособность, юридическая свобода, юридическое равенство всѣхъ передъ закономъ, какъ норма, какъ законъ мыслимаго права, какъ нѣчто праведное и справедливое, какъ justum, то и до сихъ поръ существовало рабство, какъ оно существовало въ древности, какъ оно существуетъ еще и теперь на Востокѣ, потому что въ древности рабство признавалось закономъ, нормою мыслимаго права, какъ чѣмъ-то праведнымъ и справедливымъ.

Такое значеніе мыслимаго, естественнаго права для дѣйствительнаго, реальнаго, положительнаго права и представляетъ уже для насъ непосредственный переходъ отъ разсматриванія мыслимаго или естественнаго права къ разсматриванію дѣйствительнаго, реальнаго или положительнаго права, потому что въ этомъ названіи мыслимаго права основнымъ правомъ выражается именно непосредственная связь его, какъ основы съ дѣйствительнымъ, реальнымъ, положительнымъ правомъ, какъ обоснованнымъ на немъ. И такъ,

Б, Дѣйствительное или положительное право.

Послѣ того, что мы прежде о немъ сказали, мы можемъ опредѣлить его строго логически такимъ образомъ: дѣйствительное или реальное т.е. положительное право есть объективное право, представляющее собою систему такихъ правныхъ, юридическихъ законовъ или нормъ, которые, будучи установлены въ извѣстномъ, постоянномъ и самоцѣльнымъ людскомъ общественномъ союзѣ его свободною волею, имѣли вслѣдствіе того или имѣютъ правное, юридическое дѣйствіе или правную, юридическую силу въ предѣлахъ этого союза. Этими законами или нормами опредѣляются и охраняются права въ субъективномъ смыслѣ съ соотвѣтствующими юридическими обязанностями членовъ этого союза, въ ихъ взаимныхъ, внѣшнихъ, видимыхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ союзу, въ цѣломъ и въ частяхъ его; этими же законами также устрояется и управляется самый этотъ союзъ, также въ цѣломъ и въ частяхъ его.

Уже древніе греки называли это дѣйствительное, реальное, положительное право праведнымъ и справедливымъ по своему установленію τὸ δίκαιον θέσει но еще чаще называли его они праведнымъ и справедливымъ по закону, (τὸ δίκαιον νόμον) а иногда правымъ закономъ, праведнымъ и справедливомъ τὸ νομικὸν δίκαιον. Подъ закономъ понимали они въ этомъ отношеніи именно законъ, изданный государственною властью въ данномъ государствѣ. Но кромѣ того, подъ закономъ они разумѣли также нравы и обычаи въ этическомъ смыслѣ гражданъ, составляющихъ вмѣстѣ извѣстное государство. Римляне и въ особенности римскіе юристы называли дѣйствительное, реальное право гражданскимъ

правомъ (jus civile) въ томъ смыслѣ, что оно установляется для извѣстнаго гражданства (civitas), т.е. для извѣстнаго народа, государства, въ смыслѣ соединенія, civium, граждан. Но преимущественно дѣйствительнымъ, реальнымъ или положительнымъ правомъ называли римляне только право собственное въ собственной своей civitatis romanae, или право римскихъ граждан (jus civium romanorum) съ одной стороны въ отличіе отъ jus naturale, т.е. естественнаго права, а съ другой стороны въ отличіе отъ jus gentium, т.е. общаго, всѣхъ народовъ дѣйствительнаго, реальнаго, объективнаго права, какъ права положительнаго. Но теперь дѣйствительное право назыв. обыкновенно положительнымъ правомъ, jus positivum. Jus positivum хотя и выведено изъ чисто латинскаго корня (pono, ponui, positum), но оно не употреблялось римлянами. Изъ этого же корня французы и нѣмцы вывели также названіе для положительнаго права (droit positive, positivrecht). Такъ называли его потому, что оно имѣетъ обязательное юридическое дѣйствіе, обязательную юридическую силу чрезъ то самое, что оно установлено (positum est) въ извѣстномъ, самоцѣльномъ, людскомъ, общественномъ союзѣ, непосредственно его свободною волею, чрезъ то, что оно какъ-бы положено во внѣшней дѣйствительности, реальности въ данномъ обществѣ, и что оно имѣетъ юридическое дѣйствіе, юридич. обязательную силу прямо только чрезъ то, что оно установлено (per positionem), а не въ силу какой нибудь другой причины, напр. въ силу тѣхъ причинъ, по которымъ имѣетъ свое дѣйствіе мыслимое объективное право напр. не въ силу того, что это право естественно, существенно человѣку, что оно раціонально, что въ немъ выражается прямо, непосредственно человѣческое чувство права и правосознаніе, вообще правоубѣжденіе. Постоянный и самоцѣльный люд-

ской общественный союзъ опредѣляетъ, въ силу своей свободной воли, что должно быть правомъ, юридическими законами или нормами, обязательными для своихъ членовъ и для самого себя въ цѣломъ и въ частяхъ его. Въ силу такого-то самоопредѣленія его свободной воли, эти нормы, эти законы, установленные союзомъ, суть правныя, юридическія его нормы, законы, имѣющіе правную, обязательную юридическую силу, правное обязательное юридическое дѣйствіе. Въ этомъ значеніи положительное право можно назвать системою правоположеній, имѣющихъ правное или юридическое дѣйствіе, правную или юридическую обязательную силу. Изъ поставленнаго нами опредѣленія дѣйствительнаго, реальнаго права, обыкновенно называемаго положительнымъ, вытекаетъ непосредственно эта его правная, юридическая, обязательная сила, правное, юридическое, обязательное дѣйствіе. Такое правное, юридическое дѣйствіе положительнаго права обусловливается во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, что обыкновенно называется источниками положительнаго права, во всѣхъ его видахъ, формахъ. На такомъ-то основаніи, разсматривая дѣйствительное, реальное или положительное право въ генетическомъ его развитіи въ человѣч. сознаніи, мы должны сперва сказать о его дѣйствіи, а затѣмъ уже о его источникахъ. Такимъ образомъ мы раздѣляемъ здѣсь два раздѣла, слѣдующіе въ такомъ именно порядкѣ: раздѣлъ первый - юридическое дѣйствіе или обязательная сила права или, короче, дѣйствіе положительнаго права и раздѣлъ второй - источники положительнаго права. Итакъ,

Дѣйствіе положительнаго права.

Дѣйствіе положительнаго права вообще (а не той или другой его формы) въ смыслѣ правна.

го, юридическаго его дѣйствія или правной, обязательной его силы, т. е. его правоположеній, его содержанія, состоитъ въ томъ, что его правоположенія или его законы, его нормы должны быть исполняемы, соблюдаемы такъ, что неисполненіе, несоблюденіе или нарушеніе ихъ можетъ быть предотвращено, пока оно не началось, пресѣкаемо, когда началось и уничтожаемо, когда оно началось, принудительными мѣрами, каковы напр. въ государствѣ суть мѣры гражданскія, состоящія напр. въ вознагражденіи за причиненный убытокъ, вредъ или ущербъ, мѣры полицейскія, состоящія въ различныхъ взысканіяхъ, особенно въ денежныхъ пеняхъ, въ кратковременномъ заключеніи (сюда принадлежитъ заключеніе въ карцеръ) и каковы напр. мѣры карательныя въ собственномъ смыслѣ, назыв. наказаніями, и въ международныхъ союзахъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть верховной власти, — реторсіи (воздаяніе равнымъ за равное) репрессаліи и наконецъ война.

59. Дѣйствіе положительнаго права проявляется въ слѣдующ. 4хъ отношеніяхъ: во 1, относительно времени, во 2, относительно пространства, въ 3, относительно лицъ и въ 4, относительно цѣлаго союза, въ цѣломъ и въ частяхъ его, а именно, относительно его устройства и управленія. Это суть ступени генетическаго развитія проявленія положительнаго права. Разсмотримъ ихъ порознь и въ связи.

1, Дѣйствіе положительнаго права относительно времени.

Дѣйствіе положительнаго права, а именно его правоположеній вообще, начинается съ момента времени ихъ установленія, какъ ихъ возникновенія, и продолжается до момента времени окончанія или прекращенія этого дѣйствія. Поэтому, говоря о дѣйствіи положительнаго права

вообще относительно времени, мы необходимо должны сказать во 1, о возникновеніи, т.е. началѣ дѣйствія положительнаго права вообще и во 2, о прекращеніи, т.е. окончаніи дѣйствія положительнаго права вообще. Итакъ,

1, Возникновеніе дѣйствія положительнаго права вообще.

Дѣйствіе положительнаго права вообще или его правоположеній возникаетъ во всякомъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ общественномъ союзѣ или непосредственно, прямо или посредственно, непрямо, косвенно. Итакъ,

а, Непосредственное возникновеніе дѣйствія положительнаго права вообще.

Дѣйствіе положительнаго права вообще или его правоположеній возникаетъ прямо, непосредственно вслѣдствіе внѣшней дѣятельности самого постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, а именно, вслѣдствіе установленія имъ у себя извѣстнаго юридическаго обычая или вслѣдствіе изданія извѣстнаго закона въ собственномъ смыслѣ, въ смыслѣ законопостановленія отъ верховной власти государства или узаконенія, или въ смыслѣ признанія, какого нибудь правоположенія имѣющимъ обязательную силу, которое правоположеніе выработано или практич. дѣятельностью юристовъ, какова въ особенности судебная ихъ дѣятельность или теоретическою дѣятельностью юристовъ, какова въ особенности научная ихъ дѣятельность. Такъ, возникающее положительное право вообще можно назвать <u>кореннымъ</u>, какъ бы <u>самороднымъ правомъ</u> извѣстнаго людскаго общественнаго союза (jus <u>genuinum</u>); такъ, напр., во всей Россійской Имперіи имѣетъ дѣйствіе только русское право, какъ его коренное, самородное право, римское-же право напр. вовсе не имѣетъ въ ней дѣйствія, между тѣмъ

какъ оно имѣетъ дѣйствіе во всей почти Германской Имперіи, хотя тамъ есть свое коренное Германское право. Римское право имѣетъ у насъ только научное значеніе.

б) Косвенное возникновеніе дѣйствія положительнаго права вообще.

Дѣйствіе положительнаго права вообще или его правоположеній возникаетъ косвенно вслѣдствіе или чрезъ посредство позаимствованія извѣстныхъ правоположеній однимъ постояннымъ и самоцѣльнымъ людскимъ общественнымъ союзомъ отъ другаго такого-же союза, гдѣ такія правоположенія являются кореннымъ правомъ. Такимъ образомъ установленное въ данномъ союзѣ положительное право вообще можно назвать позаимствованнымъ или пришлымъ правомъ (jus receptum). Такъ напр., во всей почти Германской имперіи имѣетъ теперь дѣйствіе римское право, а именно гражданское частное право, въ силу такъ назыв. принятія его (receptionem), т. е. позаимствованія его у римлянъ въ той формѣ, въ какой оно дѣйствовало во время Юстиніана, въ видѣ Юстиніанова права (jus justinianeum), въ отличіе отъ права, дѣйствовавшаго у римлянъ до Юстиніана (jus antejustinianeum) и дѣйствовавшаго послѣ Юстиніана (jus postjustinianeum). При дѣйствіи позаимствованнаго права различаютъ трojакую степень его дѣйствія, а именно во 1, заимствованное право имѣетъ въ данномъ союзѣ дѣйствіе въ замѣну кореннаго права (таково напр. дѣйствіе франц. гражд. Уложенія (Cod civil), составленнаго при Наполеонѣ I и въ честь его названнаго Cod Napoleon, введеннаго въ дѣйствіе въ прирейнскихъ германскихъ владѣніяхъ въ замѣну того положительнаго права, которое тамъ до того времени дѣйствовало), или-же во 2, заимствованное положительное право имѣетъ дѣй-

ствіе наравнѣ съ кореннымъ правомъ (такъ напр. во всей почти Германской Имперіи римское гражданское право дѣйствуетъ наравнѣ съ кореннымъ германскимъ правомъ) и наконецъ въ 3, заимствованное право имѣетъ дѣйствіе не въ замѣну и не наравнѣ, а только въ пособіе коренному праву. Въ послѣднемъ случаѣ можно назвать вспомогательнымъ правомъ (jus subsidiale), противополагая его коренному праву, которое въ этомъ отношеніи можно назвать главнымъ правомъ. Дѣйствіе его, кк вспомогательнаго права, состоитъ въ томъ, что, при судебной практикѣ, судья долженъ прежде всего обратиться къ главному праву или коренному и, если не найдетъ въ немъ отвѣта на извѣстный вопросъ, то въ такомъ только случаѣ онъ можетъ обратиться къ вспомогательному праву. Такъ напр. въ Пруссіи собственно римское гражданское право признается только вспомогательнымъ правомъ относительно кореннаго права, изложеннаго въ прусскомъ гражданскомъ Уложеніи, съ его измѣненіями.

2, Прекращеніе дѣйствія положительнаго права вообще, его правоположеній.

Если дѣйствіе положительнаго права или его правоположеній какимъ-нибудь образомъ оканчивается, уничтожается, то вмѣсто прежняго, т. е. прежде дѣйствовавшаго положительнаго права или его правоположеній является новое положительное право, новыя правоположенія, напр., вмѣсто прежняго узаконенія является новый законъ и проч.. Прекращеніе дѣйствія положительнаго права вообще, его правоположеній совершается четырьмя различными образами, выражающими 4 ступени генетическаго развитія этого прекращенія, а именно или во 1, отмѣною извѣстныхъ правоположеній,

во 2, замѣною, въ 3, измѣненіемъ и наконецъ въ 4, дополненіемъ. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ.

а, Отмѣна. Отмѣна есть полное и прямо выраженное уничтоженіе дѣйствія извѣстныхъ правоположеній положительнаго права. Такъ напр. у насъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, прямо и вполнѣ уничтожены или отмѣнены всѣ относившіяся къ этой зависимости правоположенія; или такъ напр. во Франціи, съ изданіемъ при Наполеонѣ I Code civil прямо и вполнѣ отмѣнено все гражданское положительное право, которое имѣло въ то время дѣйствіе во Франціи.

б, Замѣна правоположеній есть такое-же какъ отмѣна, уничтоженіе, но косвенное, а не прямое, дѣйствія положительнаго права, напр., съ изданіемъ нашихъ судебныхъ уставовъ, уничтожилось дѣйствіе нашего прежняго устава гражданскаго судопроизводства въ этомъ именно смыслѣ (въ см. замѣны).

в, Измѣненіе правоположеній есть прямое, но не полное уничтоженіе дѣйствія положительнаго права, его правоположеній, такъ напр. наши новые законы о всесословной военной повинности измѣнили прежніе законы о военной повинности, лежавшія только на такъ назыв. податныхъ сословіяхъ.

Наконецъ г, дополненіе правоположеній есть косвенное и неполное уничтоженіе дѣйствія извѣстн. правоположеній лишь на столько, на сколько этимъ дополненіемъ или ограничивается или-же напротивъ расширяется дѣйствіе извѣстн. правоположеній, въ данный моментъ дѣйствующихъ. Примѣровъ на дополненіе можно найти множество въ нашемъ сводѣ законовъ, а именно, въ издаваемыхъ къ нему ежегодно такъ назыв. продолженіяхъ. Римскіе юристы, для обозначенія сказанныхъ четырехъ образовъ прекращенія дѣйствія положительнаго права, его правоположеній, хотя

только относительно той его формы, которая называется законодательнымъ правомъ и даже того изъ видовъ этой формы, который римляне называли собственно leges, законами, въ смыслѣ постановленій народныхъ собраній (комицій) употребляли особенныя слова, которыя и теперь употребляются юристами какъ термины, хотя уже въ болѣе широкомъ смыслѣ. Такъ, римскіе юристы обозначались словомъ rogatio изданіе вообще народн. собраніемъ какого-нибудь закона въ собственномъ смыслѣ (lex). Отъ слова rogatio они произвели слѣдующія слова: во 1, abrogatio (отмѣна) во 2, subrogatio (замѣна) и въ 3, derogatio (измѣненіе закона). Для обозначенія четвертаго образа прекращенія дѣйствія положительнаго права, которое мы называемъ дополненіемъ, римляне не имѣли особеннаго термина (такъ какъ они никогда не дѣлали дополненій къ законамъ, а только отмѣняли, замѣняли или измѣняли ихъ); за-то они имѣли слово abrogatio, подъ которымъ они разумѣли всякое прекращеніе дѣйствія положительнаго права (leges), его правоположеній, за исключеніемъ только abrogatio (прямаго и полнаго прекращенія), а слѣдов. и дополненіе подходитъ подъ слово abrogatio точно также какъ подъ него подходитъ derogatio и subrogatio. Наши юристы говорятъ объ отмѣнѣ, замѣнѣ, измѣненіи и дополненіи правоположеній не только положительнаго права, но и всякихъ правоположеній положительнаго права вообще, а слѣд. напр. и обычнаго права.

Изъ исчисленныхъ и объясненныхъ нами, такимъ образомъ видовъ прекращенія дѣйствія положительнаго права, его правоположеній слѣдуетъ, что новое положительное право, новое правоположеніе, новый юридическій законъ или норма уничтожаетъ, прекращаетъ дѣйствіе прежняго положитель-

наго права, прежнихъ правоположеній, прежнихъ юридическихъ нормъ, законовъ на столько, на сколько прежнія правоположенія отмѣняются, замѣняются, измѣняются и дополняются новыми правоположеніями. Такимъ образомъ, предотвращается или можетъ быть предотвращено (къ сожалѣнію не всѣ даже юристы знаютъ это правило) всякое столкновеніе между правоположеніями въ этомъ отношеніи при практическомъ приложеніи въ судебныхъ постановленіяхъ данныхъ правоположеній. Юристы выражаютъ такое отношеніе новаго положительнаго права вообще къ прежнему, какимъ-нибудь образомъ измѣненному, т. е. отмѣненному, замѣненному, измѣненному или дополненному въ слѣдующ. юридическомъ правилѣ: lex posterior derogat priori, т. е. послѣдующій законъ измѣняетъ дѣйствіе предшествовавшаго ему закона. Понимаютъ это правило современные юристы еще шире, чѣмъ римскіе юристы, а именно они признаютъ, что послѣдующимъ правоположеніемъ вообще прекращается дѣйствіе предшествовавшаго ему во времени прежняго правоположенія вообще на столько, на сколько прежнее правоположеніе или отмѣняется, или замѣняется, или измѣняется или дополняется новымъ правоположеніемъ, и никакъ не болѣе и ни какъ не менѣе. Слѣдуя такому правилу, мы не должны затрудняться при практическомъ приложеніи положительнаго права, его правоположеній вообще, а именно, на сколько новое правоположеніе, новый законъ противорѣчитъ прежнему правоположенію, прежнему закону, на столько прежнее правоположеніе, прежній законъ долженъ быть отмѣненъ новымъ правоположеніемъ, новымъ закономъ; слѣд., на сколько новое правоположеніе не противорѣчитъ прежнему, на столько оно остается

въ своей силѣ, сохраняетъ свое дѣйствіе. Это можно выразить и такимъ образомъ: на сколько прежнее право положеніе отмѣняется, замѣняется, измѣняется и дополняется новымъ правоположеніемъ, на столько прежнее правоположеніе обращается въ недѣйствующее положительное право или историческое право и наоборотъ, на сколько прежнее правоположеніе не отмѣняется, не замѣняется, не измѣняется и не дополняется, на столько прежнее правоположеніе остается дѣйствующимъ въ данный моментъ или современнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что новое правоположеніе или вообще новое положительное право, имѣющее дѣйствіе въ извѣстный моментъ времени, можетъ быть названо относительно этого момента дѣйствующимъ или современнымъ, т.е. современнымъ въ данный моментъ времени, а прежнія правоположенія, неимѣющія въ данный моментъ времени юридическаго дѣйствія, но имѣвшія его въ прежнее время, можно назвать наоборотъ недѣйствующимъ правомъ или, какъ его обыкновенно называютъ, историческимъ правомъ въ томъ смыслѣ, что оно есть уже предметъ исторіи. При этомъ нужно замѣтить, что понятіе даннаго момента нельзя ограничить настоящимъ временемъ вообще, въ смыслѣ настоящаго момента, а нужно его понимать относительно, т.е. по отношенію къ тому моменту, когда разсматривается данное право, или правоположеніе; такъ напр. въ данный моментъ намъ современно дѣйствующее въ Россіи или современное положительное право, изложенное въ Св. зак.; но во время царя Алексѣя Михайловича, дѣйствующимъ положительнымъ правомъ, современнымъ этому данному моменту, было право, изложенное въ Улож. Алексѣя Михайловича, которое теперь уже является не дѣйствующимъ,

хотя оно и положено въ основу всего дѣйствующаго права. Напротивъ, то положительное право, которое дѣйствовало до даннаго момента времени, когда оно разсматривается, не есть уже дѣйствующее, а является недѣйствующимъ или историческимъ правомъ; такъ напр. судебники Іоанна III-го и Іоанна IV заключали въ себѣ для своего времени дѣйствующее право, но во время дѣйствія Уложенія Алексѣя Мих. они были недѣйствующимъ правомъ. И такъ, мы должны различать дѣйствующее или современное и недѣйствующее или историческое право. Но, различая ихъ, мы не должны однако противополагать ихъ, какъ это дѣлали въ особенности прежде, ибо между ними всегда есть внутренняя историческая связь, так что для того, чтобы надлежащимъ образомъ, научно, понять юристу дѣйствующее въ данный моментъ времени положительное право, для этого нужно понять историч. связь его со всѣмъ предшествующимъ ему, хотя уже и недѣйствующимъ, положительнымъ правомъ. Такое-то пониманіе есть слѣдствіе того, что назыв. научнымъ историч. изученіемъ даннаго положительнаго права. Однако-же и при такомъ изученіи, необходимо избѣгать слѣдующ. двухъ крайностей, равно невѣрныхъ, а именно во 1, той крайности, въ которую впала извѣстн. историческая школа юристовъ, во главѣ которой стоялъ знаменитый Савиньи, ибо она смотрѣла на дѣйствующее право односторонне, собственно только какъ на результатъ всего его историческаго развитія, такъ какъ она отрицала возможность творчества новаго права для каждаго даннаго момента времени и во 2, мы должны избѣгать и той крайности, въ которую впалъ знаменитый противникъ Савиньи Тибо, который утверждалъ, что всякое время имѣетъ творческую силу, способность произвести новое право, что будто-бы при этомъ созданіи

Лит. А. Степанова В. Садовая д. № 8, кв. 2.

новаго права можно вовсе не обращать никакого вниманія на предшествующее развитіе права. Это невѣрно потому, что связь настоящаго права съ предшествующимъ ничѣмъ не искоренима и даже такими насильственными мѣрами, какими старались ее искоренить во Франціи, во время революціи. Насильственными мѣрами она м. быть только прикрыта, что еще хуже, потому что скрытую боль лечить труднѣе чѣмъ открытую. Основываясь на положительныхъ фактахъ, мы должны признать, что всякое положительное право, дѣйствующее въ данный моментъ времени, есть результатъ своего историческаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ есть результатъ творчества, конечно, результатъ большій или меньшій, смотря по способности даннаго времени къ творчеству. Только подъ тѣмъ условіемъ положительное право идетъ поступательно, прогрессивно впередъ, а не регрессивно, назадъ.

Юридическое дѣйствіе или юридическая обязательная сила положительнаго права во всѣхъ сказанныхъ отношеніяхъ ему существенно, потому что оно вытекаетъ изъ самой сущности его, выраженной въ приведенномъ нами въ самомъ началѣ разсматриванія положительнаго права опредѣленіи или дефиниціи. Въ самомъ дѣлѣ положительное право есть право извѣстнаго и постояннаго людскаго общественнаго союза, какъ сущее во внѣшнемъ опытѣ, въ дѣйствительности, реальности, а именно въ исторіи, а потому положительное право вмѣстѣ съ самымъ постояннымъ и самоцѣльнымъ людскимъ общественнымъ союзомъ, гдѣ оно дѣйствуетъ, гдѣ оно установлено, подчиняется времени, какъ своему историческому условію. Но есть еще другое историческое условіе, которому оно также подчиняется, — это пространство. Все вообще совершающееся въ исторіи, совершается въ извѣстное время и въ

извѣстномъ мѣстѣ, въ предѣлахъ извѣстн. пространства. Потому и юридическое дѣйствіе положительнаго права, какъ юридич. стороны людской общественной жизни должно б. разсматриваемо не только относительно времени, какъ мы его до сихъ поръ разсматривали, но и относительно пространства. Пространство слѣдуетъ за временемъ потому, что время есть нѣчто внутреннее, а пространство есть нѣчто внѣшнее, выражаемое во внѣ. Такъ переходимъ мы отъ дѣйствія положительнаго права относительно времени къ дѣйствію положительнаго права относительно пространства. Итакъ,

60. ## II, Дѣйствіе положительнаго права относительно пространства.

Это дѣйствіе состоитъ въ томъ, что дѣйствительное, реальное, или положительное право имѣетъ юридическую обязательную силу въ предѣлахъ области, или территоріи даннаго постояннаго и самоцѣльнаго людского обществ. союза, т. е. въ предѣлахъ занимаемой имъ опредѣленной части всей земной поверхности, а не внѣ этихъ предѣловъ; такъ напр. русское право имѣетъ дѣйствіе въ предѣлахъ, занимаемыхъ Россійскою Имперіею, а не внѣ ея. Дѣйствительное, реальное, или положительное право, дѣйствующее въ предѣлахъ постояннаго и самоцѣльнаго людскаго обществ. союза можно назвать туземнымъ, а дѣйствующее внѣ предѣловъ этой территоріи, относительно къ ней можно назвать чужеземнымъ, иноземнымъ или иностраннымъ правомъ. Дѣйствіе положительнаго права относительно пространства подчиняется слѣдующ. общему юридич. правилу (regula juris), которое выводится изъ сущности положительнаго права, выраженной въ его дефиниціи, нами пред-

ставленной: положительное право имѣетъ дѣйствіе только въ предѣлахъ того пространства, или той области, территоріи, которую занимаетъ данный постоянный и самоцѣльной людской обществ. союзъ. Но положительное право можетъ быть установлено или для всей этой области территоріи даннаго союза или не для всей, а только для нѣкоторыхъ большихъ или меньшихъ частей этой области, словомъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. На этомъ основаніи юристы различаютъ <u>общее положительное право</u> (jus generale), какъ право дѣйствующее въ предѣлахъ всей области или территоріи даннаго постояннаго и самоцѣльнаго людского обществ. союза, слѣдов., по всей мѣстности, которое въ этомъ смыслѣ можно назвать <u>повсемѣстнымъ</u> правомъ (таковъ напр. нашъ Св. зак.) и во 2, <u>мѣстное положительное право</u> (jus speciale; partikulare recht), какъ такое положительное право, которое имѣетъ свое дѣйствіе въ опредѣленной мѣстности, т.е. въ одной изъ частей даннаго людскаго общественнаго союза. У насъ напр. рядомъ съ общимъ Сводомъ Закон. Россійской Имперіи дѣйствуютъ еще и своды мѣстныхъ законовъ, напр. Св. Законовъ Прибалтійскихъ губерній. Но понятія общаго и мѣстнаго положительнаго права по самой своей сущности суть понятія не абсолютныя, безусловныя и безотносительныя а напротивъ, условныя и относительныя, т.е. одно положительное право м. быть и общимъ и мѣстнымъ въ различномъ отношеніи, такъ какъ одно положительное право, въ сравненіи съ другимъ есть болѣе общее право, а другое менѣе общее, а третье еще менѣе общее и т. д.. Такъ напр. нашъ Св. Законовъ Россійской Имперіи содержитъ въ себѣ общее, т.е. повсемѣстное положительное право, въ сравненіи со всѣми прочими мѣстными законодательствами, напр. со сводомъ законовъ прибалтійскихъ губерній;

но и въ самыхъ Прибалтiйскихъ губернiяхъ есть такiя мѣстности, напр. городъ Рига, которыя имѣютъ свои особенные положительные законы, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ отличные не только отъ общаго свода Россiйской Имперiи, но даже и отъ Свода мѣстныхъ законовъ Прибалтiйскаго края. Такимъ образомъ законы города Риги относительно къ общему Своду Законовъ Россiйск. Имперiи является еще болѣе мѣстн. правомъ, чѣмъ Св. законовъ Прибалтiйскаго края, который по отношенiи къ законамъ г. Риги является уже общимъ правомъ. Впрочемъ, юристы говорятъ объ общемъ положительномъ правѣ какого-нибудь государства, въ смыслѣ повсемѣстнаго права, не опредѣляя при этомъ ближайшимъ образомъ въ какомъ отношенiи и въ какой степени и мѣрѣ можно назвать это право общимъ, такъ что подъ общимъ положительнымъ правомъ разумѣютъ такое право, которое дѣйствуетъ въ предѣлахъ всей области, или всей территорiи, а подъ мѣстнымъ разумѣютъ положительное право, дѣйствующее въ какой нибудь одной части или области даннаго государства. Въ этомъ смыслѣ общимъ правомъ для Россiи можно называть только Св. Законовъ Россiйск. Имперiи, который содержитъ въ себѣ общее положительное право, какъ повсемѣстное право, а всѣ вообще законы дѣйствующiе въ какой нибудь части или мѣстности Рос. Имперiи (и Св. Зак. Прибалтiйскаго края и законы г. Риги и т. п.) можно называть мѣстнымъ положительнымъ правомъ. Столкновенiе или коллизiя между общимъ и мѣстнымъ положительнымъ правомъ, въ объясненномъ смыслѣ, предотвращается тѣмъ, что въ случаѣ противорѣчiя между ними мѣстное право д. быть предпочтено предъ общимъ, потому что мѣстное право есть исключенiе изъ общаго правила, которымъ въ этомъ случаѣ является общiй законъ. Это вы-

ражено между прочимъ и въ нашихъ законахъ. Но, само собою разумѣется, что если въ какомъ-нибудь государствѣ будетъ изданъ законъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ дѣйствіе непремѣнно въ предѣлахъ всей его области или территоріи, то такимъ закономъ уничтожается дѣйствіе всякаго вообще мѣстнаго закона, на сколько мѣстный законъ противорѣчитъ этому закону. Замѣтимъ при этомъ, что юристы придаютъ иногда и такое значеніе общему положительному праву, по которому дѣйствіе его выходитъ изъ за предѣловъ области, территоріи главнаго государства. Такъ напр. нѣмецк. юристы излагаютъ такъ назыв. общее германское право, разумѣя подъ нимъ такое положительное право, которое признано дѣйствующимъ во всей Германской Имперіи или на ряду съ правомъ того или другаго германскаго государства, или-же по крайней мѣрѣ, какъ вспомогательное для него право. въ пособіе для него. Далѣе, такъ назыв. каноническое право (jus canonicum), называемое просто иначе церковнымъ правомъ, римско-католическая церковь признаетъ общимъ правомъ для всѣхъ странъ, гдѣ исповѣдуется, какъ преобладающая религія, исповѣданіе Римско-католической церкви. Оно можетъ быть названо и называется общимъ правомъ, т.е. правомъ, имѣющимъ дѣйствіе во всѣхъ римско-католич. земляхъ или странахъ. или какъ право, имѣющее дѣйствіе для всѣхъ римскихъ католиковъ. Наконецъ и международное право можетъ быть названо и иногда называется общимъ, т.е. какъ дѣйствующимъ въ международныхъ сношеніяхъ между всѣми государствами, состоящими въ такъ назыв. международномъ союзѣ, т.е. какъ право, установленное для всѣхъ европейскихъ государствъ.

III. Дѣйствіе положит. права относительно лицъ.

Дѣйствіе положит. права въ этомъ отноше-

шенiи состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляются или охраняются права въ субъективномъ смыслѣ съ соотвѣтствующими имъ юридическими обязанностями членовъ постояннаго и самоцѣльнаго людского общественнаго союза, который установилъ у себя это право. Всѣ эти члены назыв. лицами въ юридическомъ смыслѣ, т. е. существами правоспособными. Между ними различаютъ однако, собственно въ государствахъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ въ данномъ государствѣ постоянное мѣстожительство (domicilium), хотя-бы они въ то или другое время не присутствовали въ данномъ государствѣ и тѣхъ лицъ, которыя въ немъ не имѣютъ постояннаго мѣстожительства. Первыя называются во всѣхъ государствахъ, въ особенности съ республиканск. образ. правленiя, гражданами, а въ государствахъ, имѣющихъ монархич. образъ правленiя — подданными, т. е. подчиненными верховной власти монарха въ данномъ государствѣ. Прочiя лица, неимѣющiя постояннаго мѣста жительства называются по отношенiю къ этому государству иностранцами, иноземцами, и проч. Права вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ юридич. обязанностями всѣхъ такихъ лицъ опредѣляются положительнымъ правомъ, т. е. опредѣляется ихъ начало, или возникновенiе, продолженiе и наконецъ прекращенiе въ прежнемъ или измѣнномъ видѣ, что впрочемъ не всегда бываетъ. Съ этой стороны положительное право можно назвать опредѣлительнымъ или опредѣляющимъ. Сверхъ того, положительное право охраняетъ права всѣхъ этихъ лицъ съ соотвѣтствующими имъ юридическ. обязанностями. Мѣры охраненiя, какъ я говорилъ, суть всѣ мѣры ихъ защиты отъ нарушенiя, мѣры принудительныя, а именно, въ государствѣ эти мѣры суть или гражданскiя состоящiя преимущественно въ вознагражденiи вреда, ущерба и убытковъ, понесенныхъ гражда-

намъ отъ нарушенія правъ, или такъ назыв. положительныя мѣры, т.е. взысканія за такъ назыв. проступки (delicta), мѣры той административной власти, которая называется полицейскою, или наконецъ это суть мѣры уголовныя, состоящія въ наказаніи. Что касается до международнаго права, то тамъ есть свои особенныя мѣры (реторсіи и репресаліи), изъ которыхъ самая послѣдняя, крайняя мѣра есть война. Въ этомъ разсматриваемомъ нами отношеніи положительное право можно назвать <u>охранительнымъ</u> или <u>охраняющимъ правомъ</u>. Положительнымъ правомъ опредѣляются и охраняются права съ соотвѣтствующими имъ юридич. обязанностями лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ какъ между собою, такъ и къ цѣлому своему союзу и его частямъ. Тѣ и другія отношенія, какъ опредѣляемыя и охраняемыя положит. правомъ, называются правными, юридическими отношеніями, или <u>правоотношеніями</u>. Изъ нихъ перваго рода отношенія, какъ и самыя права и юридическія обязанности, которыми обусловливаются эти отношенія, называются <u>частными</u> (privata), а въ государствахъ они обыкновенно назыв. гражданскими (civile), а втораго рода отношенія, равно какъ и права и обязанности ихъ обусловливающія, назыв. обыкновенно <u>общественными</u> или <u>публичными</u> (publica), а въ государствахъ назыв. они <u>политическими</u>.

Говоря о дѣйствіи положительнаго права относительно лицъ, юристы различаютъ право общее, право особенное и право такъ сказать исключительное, которое иначе называется технически привиллегiею. <u>Общее положительное право</u> (jus commune) есть общее, уже не въ смыслѣ повсемѣстнаго права, дѣйствующаго въ извѣстной территоріи или области или ея части, а въ смыслѣ дѣйствую-

щаго безразлично въ данномъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ обществ. союзѣ, такъ что это право есть общее не относительно территорiи, какъ веществ. элементу государства, а въ отношенiи къ лицамъ, какъ личному элементу государства. Нашъ общiй св. законовъ Росс. Имперiи хотя и дѣйствуетъ повсемѣстно, во всей Россiи, но въ немъ есть и такiе законы, которые не суть общiе для всѣхъ русскихъ подданныхъ; такъ напр. въ немъ заключаются нѣкоторыя правоположенiя, дѣйствующiя только для нѣкоторыхъ сословiй, напр. для дворянъ (такихъ правоположенiй осталось теперь очень немного), для купцовъ, для мѣщанъ, для крестьянъ, а также для женщинъ и для лицъ несовершеннолѣтнихъ. Такiя правоположенiя содержатъ въ себѣ такъ назыв. особенное положительное право. И такъ во 2, __особенное положительное право__ (jus singulare) есть право дѣйствующее только для извѣстныхъ особенныхъ лицъ въ данномъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ обществ. союзѣ. Это право можно-бы назвать и частнымъ правомъ, но это названiе имѣетъ уже другое опредѣленное значенiе и употребляется какъ терминъ для отличiя частнаго права отъ публичнаго. Наконецъ въ 3, есть еще положительное право, которое можно назвать __исключительнымъ правомъ__ или привиллегiею (jus personale или jus in singularum personas или privilegia). Въ самомъ дѣлѣ, это право никакъ не должно смѣшивать ни съ общимъ, ни съ особеннымъ правомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы объяснили эти термины, какъ иногда ихъ смѣшиваютъ и вслѣдствiе этого приходятъ къ невѣрнымъ выводамъ. Слово привиллегiя, подъ которымъ обыкновенно понимаютъ такого рода исключительныя права, произошло отъ латинскаго слова privilegium, а это слово есть сложное слово, про-

исшедшее отъ словъ privus — особенный и lex — законъ, такъ что это есть priva lex и слѣд. привиллегія есть частный, особенный законъ въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе его простирается только на извѣстныхъ лицъ, а именно какъ физическихъ, т. е. единичныхъ лицъ, такъ и юридическихъ, собирательныхъ лицъ, каково напр. наше дворянство, какъ сословіе. Такія исключительныя права или такія привиллегіи заключаютъ въ себѣ двоякаго рода исключенія, а именно, или въ пользу или во вредъ тѣхъ лицъ, которыхъ они исключаютъ изъ дѣйствія общихъ и даже особенныхъ законовъ. Когда привиллегіи устанавливаются въ пользу лицъ, то ихъ называютъ юристы privilegia favorabilia seu graciosa, т. е. привиллегіи, устанавливаемыя въ пользу или въ милость извѣстн. лицамъ. Это суть преимущества такъ наз. привиллегіи, т. е. особенныя отличительныя права извѣстныхъ сословій (каковы напр. права нашего дворянства) или же такъ назыв. вольности и льготы, въ смыслѣ изъятія отъ закона въ пользу извѣстн. лицъ, какъ физическихъ, такъ и собирательныхъ, т. е. юридическихъ. Напротивъ того, тѣ привиллегіи, которыя установлены во вредъ извѣстнымъ лицамъ, назыв. обыкновенно юристами privilegia odiosa, т. е. ненавистными привиллегіями. Коллизія или столкновеніе между общимъ правомъ въ опредѣленномъ смыслѣ или особеннымъ правомъ съ привиллегіями, предотвращается тѣмъ, что какъ предъ общимъ, такъ и особеннымъ правомъ должны быть предпочтены привиллегіи, ибо особенное право есть исключеніе изъ общаго права, а привиллегіи суть исключенія изъ общаго и особеннаго права, исключеніе-же всегда должно б. предпочитаемо предъ правиломъ.

Съ дѣйствіемъ положительнаго права относитель-

но пространства и относительно лицъ юристы соединяютъ такъ назыв. <u>территоріальную систему права</u>, иначе называемую личною или національною системою права. Въ смыслѣ территоріальной системы права дѣйствіе положительнаго права простирается на территорію (отъ того и названіе) или область, занимаемую извѣстн. постояннымъ и самост. людскимъ обществ. союзомъ, безъ различія живущихъ на ней племенъ или народовъ; такъ напр. франц. право простираетъ свое дѣйствіе на всю Францію, безъ различія племеннаго происхожденія, народности лицъ, какъ граждан. французской республики. Напротивъ того, въ смыслѣ личной или національной системы права дѣйствіе положительнаго права простирается на лицъ или на цѣлое племя, народъ, безъ различія на какой-бы территоріи не застало ихъ право. Такъ наприм. въ древности римское право простирало свое дѣйствіе на всѣхъ римлянъ, гдѣ-бы они ни были, т.е. они всегда судились по римскому праву, а не по праву той области, въ которой они находились въ данный моментъ. Римляне, какъ говорятъ, носили съ собою вездѣ свое право. Это видно изъ дѣяній апостольскихъ. Когда апостола Павла хотѣли судить въ Іудеѣ то онъ сказалъ, что я римскій гражданинъ, вслѣдствіе чего его и отослали въ Римъ для того, чтобы тамъ его судить. Или наприм. въ средніе вѣка дѣйствовали такъ наз. leges barbarorum. Слово barbari римляне позаимствовали отъ грековъ и называли имъ тѣхъ лицъ, которыя не были членами ихъ государства, т.е. которые не были римлянами. У такихъ варваровъ, во время упадка римской имперіи, были установлены разные болѣе или менѣе краткіе сборники законовъ, частью позаимствованныхъ изъ римскаго права,

частью-же изъ своихъ собственныхъ обычаевъ. Къ такимъ законамъ относятся напр. законы, бывшие у салическихъ франковъ. Въ новое время такое личное право дѣйствовало для евреевъ и только весьма недавно въ западныхъ государствахъ оно отмѣнено, а у насъ оно все болѣе и болѣе ограничивается, такъ какъ выдѣление евреевъ изъ общества всѣхъ другихъ гражданъ, вслѣдствие установления для нихъ особенныхъ законовъ, дѣйствуютъ вредно не только для однихъ евреевъ, но и для всего государства. Въ новое время вообще можно сказать преобладаетъ территориальная система права, между тѣмъ какъ въ средние вѣка преобладала личная система права. Это объясняется тѣмъ, что въ новое время территория есть нѣчто постоянное, твердое, неподвижное, тогда какъ въ средние вѣка, особенно во время великаго переселения народовъ, постоянными были лица, которыя безпрестанно перемѣняли территорию, вслѣдствие чего и носили съ собой свое право.

Въ государствахъ, гдѣ территориальная система проведена вполнѣ, положительное право, его правоположения имѣютъ равное дѣйствие для всѣхъ пребывающихъ въ предѣлахъ территории даннаго государства, безъ различия национальности извѣстныхъ лицъ, т.е. безъ различия принадлежности ихъ къ той или другой нации, народу, въ смыслѣ племени, а также безъ различия расы, т.е. принадлежности лица къ бѣлой или кавказской расѣ или въ какой нибудь другой, цвѣтной расѣ, что также находится въ тѣсной связи съ принадлежностью лица къ извѣстной нации, къ извѣстному народу, въ смыслѣ племени, а также безъ различия религии, находящейся также въ тѣсной связи съ национальностью, съ народностью, даже безъ различия того, - постоянно или временно

пребываютъ извѣстныя лица въ данномъ государствѣ, т.е. граждане-ли они или иностранцы и наконецъ безъ различія того, что обыкновенно назыв. званіемъ лица, т.е. его общественнымъ положеніемъ. Такое дѣйствіе положительнаго права въ отношеніи къ лицамъ постоянно или временно пребывающимъ въ предѣлахъ, въ области, въ территоріи даннаго государства, назыв. равенствомъ ихъ предъ закономъ, т.е. юридическимъ ихъ равенствомъ (equalitas juridica). Въ этомъ-то смыслѣ говорятъ юристы, что въ такомъ-то государствѣ всѣ равны предъ закономъ. Но, говоря вообще, выраженіе, равенство предъ закономъ, употребляется въ различныхъ значеніяхъ, которыя необходимо уяснить для предотвращенія всякихъ недоразумѣній и ложныхъ выводовъ, а именно: во 1, оно употребляется въ значеніи подчиненія постоянно или временно пребывающихъ лицъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи государства дѣйствію однихъ и тѣхъ-же законовъ вообще, т.е. одному и тому-же дѣйствующему въ государствѣ положительному праву, т.е. однимъ и тѣмъ-же правоположеніямъ его, какъ правоположеніямъ общимъ и относительно пространства (повсемѣстно дѣйствующимъ) и относительно лицъ (въ противоположность особенному и исключительному праву), такъ что въ предѣлахъ всего даннаго государства дѣйствуетъ одно въ томъ и другомъ смыслѣ общее положительное право для всѣхъ лицъ постоянно или временно пребывающихъ въ государствѣ, такъ что въ немъ нѣтъ особеннаго права для извѣстныхъ лицъ, какъ лицъ извѣстной національности, или извѣстн. расы, или извѣстной религіи, или извѣстнаго гражданства или подданства, или извѣстн. званія. Однако-же вездѣ есть и должно быть особенное право для лицъ, находящихся въ такъ назыв. юристами [illegible]

номъ, а не гражданскомъ состоянiи. Гражданскимъ состоянiемъ назыв. то состоянiе, что юридическое положенiе даннаго лица, которое возникло изъ положенiя его въ гражданск. обществѣ, а въ отличiе отъ него, естественное состоянiе (status naturalis) есть то состоянiе, которое вытекаетъ изъ самаго естества, изъ самой природы человѣка. Сюда относится во 1, возрастъ, какъ естественное состоянiе (различiе въ юридическ. положенiи совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ) во 2, полъ и въ 3, здоровье (различiе юридич. положенiя между здоровыми и душевно больными людьми). Въ самомъ дѣлѣ, есть особенное право и не можетъ не быть особеннаго права для несовершеннолѣтнихъ вслѣдствiе того, что несовершеннолѣтнимъ не возможно предоставить всѣхъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены совершеннолѣтнимъ. Далѣе, есть особенныя права и не можетъ не быть таких правъ для душевно больныхъ людей, находящихся въ состоянiи безумiя, потому что нельзя, конечно, предоставить душевно больнымъ всѣхъ правъ, которыми пользуются здоровые люди. Впрочемъ, и по отношенiю къ сумасшедшимъ и безумнымъ допускаются такъ назыв. свѣтлые промежутки (lucida intervalla), т. е. такiе болѣе или менѣе продолжительные моменты времени, въ теченiе которыхъ сумасшедшiе не подлежатъ своей душевной болѣзни, и когда, слѣдов., имъ можетъ быть предоставлено пользованiе всѣми правами. Наоборотъ, теперь новые юристы признаютъ такъ назыв. obscura intervalla, т. е. темные промежутки для тѣхъ лицъ, которыя чаще всего находятся въ здоровомъ состоянiи, но разсудокъ которыхъ иногда хотя можетъ быть и очень рѣдко, помрачается какою нибудь особенною страстью,

напр. гнѣвомъ, ревностью и т. п.. Наконецъ, что касается до пола, то это, конечно, есть также особенное состояніе, которое до сихъ поръ принимается во вниманіе въ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ есть особенныя права для женщинъ. Но эти права мало по малу ограничиваются въ объемѣ, такъ что права женщинъ все болѣе и болѣе подводятся подъ общія права съ мужчинами и это объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ не найдено какихъ нибудь такихъ отличій въ организмѣ женщинъ, которыя дѣлали-бы необходимымъ установленіе для женщины особенныхъ правъ. Если-бы такія отличія были найдены, что до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, вполнѣ не изслѣдовано научнымъ образомъ, то это могло-бы повести къ доставленію различныхъ правъ для женщинъ и мужчинъ, но различныхъ не всегда во вредъ женщинамъ и въ пользу мужчинамъ, а напротивъ различныхъ иногда въ пользу женщинъ и во вредъ мужчинамъ (т. е. въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было предоставить женщинамъ такія права, которыми не пользуются мужчины и наоборотъ).

61. Съ равенствомъ предъ закономъ, въ разсмотрѣнномъ смыслѣ, находится въ непосредственной связи, какъ его послѣдствіе 2, равенство предъ закономъ, въ смыслѣ равной подсудности лицъ постоянно или временно пребывающихъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи извѣстн. государства, т. е. всѣхъ ихъ безъ различія должны судить судебныя мѣста или судьи на основаніи однихъ и тѣхъ-же законовъ, т. е. одного и того-же положительнаго права или однихъ и тѣхъ-же правоположеній, имѣющихъ дѣйствіе въ одномъ и томъ-же государствѣ, или-же всѣ они имѣютъ право на охраненіе и защиту своихъ правъ судеб. мѣста-

ми, т. е. со стороны судебныхъ мѣстъ и лицъ даннаго государства и наконецъ для всѣхъ ихъ должны быть суды общіе, въ противоположность особеннымъ, или привиллегированнымъ судамъ, и суды обыкновенные, ординарные, въ противоположность чрезвычайнымъ или екстраординарнымъ судамъ. Но равенство предъ закономъ въ этомъ смыслѣ не есть абсолютное равенство даже тамъ, гдѣ оно признается въ принципѣ; такъ напрм. вездѣ допускаются, по крайней мѣрѣ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, военные суды.

Съ разсмотрѣннымъ равенствомъ предъ закономъ, равно какъ и съ равенствомъ предъ закономъ въ первомъ смыслѣ находится въ прямой ближайшей связи, какъ ихъ послѣдствіе 3, такъ назыв. <u>равноправность</u>, т. е. равенство правъ и соотвѣтствующихъ имъ юридическ. обязанностей всѣхъ лицъ постоянно или временно пребывающихъ въ предѣлахъ территоріи извѣстнаго, постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Но подъ равноправностью всегда слѣдуетъ разумѣть только равную правоспособность, т. е. равную возможность всѣхъ лицъ пріобрѣтать и имѣть всѣ права вообще, какія допускаются положительнымъ правомъ; напротивъ, подъ равноправностью никакъ не слѣдуетъ разумѣть во 1, равной юридич. дѣеспособности. Подъ юридическою дѣеспособностью, въ отличіе отъ правоспособности, разумѣютъ юристы правную, юридическую, т. е. основанную на положительномъ правѣ, возможность для всѣхъ лицъ приводить въ дѣйствіе свои права, т. е. пользоваться ими на самомъ дѣлѣ, какъ правами, которыя они пріобрѣли. Несовершеннолѣтніе могутъ быть равноправными съ совершеннолѣтними; но несовершеннолѣтніе а также безумные и су-

масшедшие не могутъ имѣть такой-же дѣеспособности какъ совершеннолѣтние, а имѣютъ одну только правоспособность. Такъ напр. несовершеннолѣтние, а также безумные и сумасшедшие признаются собственниками своихъ имуществъ, но они не имѣютъ права распоряжаться ими (не могутъ продать, подарить и т. п.). Во 2) подъ правоспособностью не слѣдуетъ также разумѣть и равнаго количества и качества приобрѣтаемыхъ и владѣемыхъ лицами правъ, - равнаго количества, т. е. не слѣдуетъ думать, чтобы всѣ лица имѣли равную сумму правъ, такъ какъ одинъ имѣетъ напр. больше имущества, а другой - меньше, одинъ богаче, а другой бѣднѣе, - и равнаго качества, т. е. не слѣдуетъ думать, чтобы всѣ лица имѣли одного и того-же качества права, потому что напр. въ имуществѣ своемъ одинъ бываетъ полнымъ собственникомъ, другой - ограниченнымъ собственникомъ (напр. на его имуществѣ лежатъ сервитуты), одинъ вполнѣ можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнию, а другой пользуется извѣстнымъ имуществомъ только пожизненно, имѣетъ usus fructus, и т. п.) Вотъ почему и равенство предъ закономъ не можетъ быть въ этомъ смыслѣ названо абсолютнымъ, хотя всѣ лица могутъ быть равными предъ закономъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что равенство предъ закономъ есть равенство права, а не равенство правъ. Что это значитъ. Подъ равенствомъ права разумѣется то, что дѣйствие одного и того-же права въ объективн. смыслѣ распространяется равно на всѣ лица, а равенство правъ значитъ, что всѣ лица пользуются одними и тѣми-же правами въ субъективномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли дѣйствие положительнаго права въ трехъ отношенияхъ, а именно во 1, относительно времени, во 2, относительно пространства и въ 3, относительно лицъ.

Остается разсмотрѣть дѣйствіе положительнаго права относительно союза. И такъ,

IV. Дѣйствіе положительнаго права относительно союза какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ его.

Дѣйствіе положительнаго права вообще въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что положительнымъ правомъ опредѣляется и охраняется устройство и управленіе даннаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго обществ. союза въ цѣломъ или въ его частяхъ. Здѣсь подъ устройствомъ разумѣется составъ общественной власти въ государствѣ, а именно верховной власти и ея органовъ и вообще все то, что есть предметъ статики постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Слово статика взято здѣсь изъ естественныхъ наукъ. Разсматривать общество in statu quo значитъ разсматривать его въ состояніи покоя, а не въ состояніи движенія. Сюда относятся напр. законы, опредѣляющіе устройство нашего государства, назыв. основными законами или вообще учрежденіями государственными, губернскими и областными; сюда-же принадлежатъ такъ назыв. органическіе законы или всѣ конституціи въ смыслѣ конституціонныхъ хартій и т. п. Подъ управленіемъ же (gouvernement, Verwaltung) разумѣется все то, что относится до дѣятельности общественныхъ властей въ государствѣ, т. е. какъ дѣятельности самой верховной власти, такъ и ея органовъ, все то, что есть такъ сказать предметъ динамики даннаго союза. Слово динамика взято также изъ естественныхъ наукъ; оно происходитъ отъ δύναμις сила, движеніе т. е. даннаго союза (правленіе есть дѣятельность, есть движеніе, между тѣмъ какъ устройство есть нѣчто спокойное). Въ разсматриваемомъ отношеніи различаютъ во 1,

положительное право, которымъ устанавливается самый союзъ въ цѣломъ и въ частяхъ его и во 2, положительное право, которымъ управляется самый союзъ въ цѣломъ и въ частяхъ его. Таковы напр. законы, относящіеся до законодательной, до судебной и до административной власти, иначе назыв. властью исполнительною. Коллизія законовъ, опредѣляющихъ и охраняющихъ устройство союза съ одной стороны съ законами, опредѣляющими и охраняющими управленіе союза, съ другой стороны устраняется тѣмъ, что правоположенія, касающіяся управленія даннаго союза, не могутъ имѣть дѣйствія, юридической обязательной силы если они противорѣчатъ правоположеніямъ, опредѣляющимъ и охраняющимъ устройство союза.

Наконецъ, относительно степени и мѣры дѣйствія положительнаго права вообще (а не относительно пространства времени и т.п.) юристы различаютъ абсолютное право, и относительное или такъ назыв. диспозитивное, или условно обязательное право. Подъ абсолютнымъ правомъ юристы разумѣютъ то абсолютное право или тѣ его правоположенія, которыя требуютъ абсолютнаго, безусловнаго своего соблюденія, опредѣляя внѣшнюю дѣятельность, т.е. повелѣвая что нибудь дѣлать или запрещая что нибудь дѣлать и въ случаѣ неисполненія, не соблюденія, употребляя принудительныя мѣры; имъ исключается слѣд. всякій личный произволъ, такъ что оно получаетъ свое примѣненіе независимо отъ желанія даннаго лица физическаго или юридическаго. Въ этомъ смыслѣ и называютъ его абсолютнымъ, принудительнымъ, какъ дѣйствующимъ въ такой степени и мѣрѣ, что дѣйствіе его есть абсолютно принудительное. Диспозитивное или условно обязательное положительное право или его правоположенія предоставляютъ на волю, на усмотрѣніе лица, его внѣшнюю

дѣятельность, т.е. предоставляютъ ему иначе опредѣлить его то или другое отношение посредствомъ своего личнаго произвола, — иначе какъ это постановлено въ положительномъ правѣ. Это право получаетъ обязательную силу условно, т.е. въ томъ случаѣ, когда личный произволъ никакъ не опредѣлилъ даннаго отношенія по своему усмотрѣнію. Всякому предоставляется напр. распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ (но не родовымъ) имуществомъ на случай смерти посредствомъ объявленія своей послѣдней воли, или посредствомъ завѣщанія (testamentum), и только въ томъ случаѣ, когда кто не распорядится такимъ образомъ своимъ имуществомъ, распоряжается имъ положительное право, а именно тогда вступаютъ въ наслѣдство наслѣдники, назначенные закономъ. Вотъ почему такое право назыв. диспозитивнымъ, т.е. распоряжающимся распорядительнымъ правомъ въ смыслѣ условно обязательнаго права. Абсолютное или принудительное право можетъ быть нарушено двоякимъ образомъ (о нарушеніи диспозитивныхъ законовъ не можетъ быть и рѣчи, потому что исполненіе ихъ предоставляется на волю лицъ), а именно во 1, или прямо, или 2, косвенно. Прямо нарушается дѣйствіе абсолютныхъ законовъ, когда кто нибудь прямо не дѣлаетъ того, что повелѣваетъ дѣлать положительное право (это назыв. отрицательнымъ правонарушеніемъ) или-же, если кто дѣлаетъ то, что запрещается положительнымъ правомъ (это назыв. положительнымъ правонарушеніемъ). Косвенно нарушается абсолютное или принудительное право тогда, когда кто либо какимъ нибудь образомъ обходитъ повелѣнія или запрещенія абсолютнаго положительнаго права. Это еще римскіе юристы называли дѣйствіемъ in fraudem legis, т.е. дѣйствіемъ во вредъ закона. Чиновникъ напр. всю свою жизнь бравшій взят-

ки и обкрадывавшій казну, опасаясь на старости лѣтъ, чтобы законъ его не покаралъ и не отнялъ все его, таким образ. неблагопріобрѣтенное имущество, передаетъ его на имя своей жены; или напр. купецъ, желающій устроить подъ конецъ свои дѣла, рѣшается не исполнить своихъ обязательствъ, но боясь чтобы его не объявили злостнымъ банкротомъ, даетъ на себя такъ назыв. безденежные векселя (т.е. не занимая денегъ) съ цѣлью чтобы его объявили неосторожнымъ, а не злостнымъ банкротомъ, такъ какъ послѣдствія того и другаго банкротства совершенно различны; или напр. человѣкъ желаетъ передать въ полную собственность родовое имущество своей женѣ, но, не имѣя возможности завѣщать его прямо въ полную собственность своей женѣ, такъ какъ это запрещаетъ законъ (въ настоящее время позволяется отдать родовое имущество женѣ въ пожизненное пользованіе), то онъ даетъ своей женѣ безденежные векселя на сумму превышающую стоимость его родоваго имѣнія, вслѣдствіе чего жена и пріобрѣтаетъ это имѣніе на продажѣ съ публичнаго торга; или напр. чиновникамъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ производятся торги, запрещается брать различныя поставки, подряды, и въ обходъ этого закона чиновники представляютъ такъ назыв. подставныхъ лицъ, которыя берутъ подряды на свое имя, между тѣмъ какъ подрядъ принимается собственно самыми этими чиновниками и т.п.

Какъ прямое, такъ и косвенное нарушеніе закона назыв. правонарушеніемъ. Спрашивается, въ какомъ смыслѣ употреблено въ этомъ словѣ правонарушеніе слово право. Одни юристы говорятъ, что оно здѣсь употреблено только въ субъективномъ смыслѣ, а другіе говорятъ, что оно употреблено въ объективн. смыслѣ, и есть наконецъ такіе юристы, которые признаютъ, что оно употреблено и въ объективномъ и въ субъективномъ смыслѣ, т.е. одни смотрятъ,

что подъ правонарушенiемъ разумѣется нарушенiе положительнаго права, т. е. права въ объективномъ смыслѣ, другiе говорятъ, что здѣсь разумѣется нарушенiе субъектив. правъ и наконецъ нѣкоторые говорятъ, что подъ нимъ разумѣется нарушенiе объектив. права и субъектив. права. По моему мнѣнiю, болѣе вѣрнымъ нужно признать послѣднее воззрѣнiе, такъ кк не всѣ правонарушенiя могутъ быть подведены подъ нарушенiе права, равно кк не всѣ правонарушенiя могутъ б. подведены подъ нарушенiе субъект. правъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите напр. богохульство. Это есть правонарушенiе, но спрашивается, чьи права здѣсь нарушаются? Нельзя сказать, чтобы при богохульствѣ нарушались права Божества, потому что Божество возвышается надъ всякими правами: оно не есть лицо въ юридич. см., которого бы права могли быть нарушены. Слѣд. можно бы сказать, что богохульство есть нарушенiе права въ объективномъ смыслѣ, т. е. положит. закона, который запрещаетъ произносить хулу противъ Бога. Можно сказать, конечно, такъ, что при богохульствѣ нарушаются права общества потому что общество имѣетъ право на то, чтобы религiю его почитали; но подобное толкованiе будетъ слишкомъ отдаленно. Можно указать еще на другое преступленiе или, по крайней мѣрѣ, проступокъ въ томъ см. что онъ легче наказывается, а именно на жестокое обращенiе съ животными. Конечно, права животныхъ не могутъ б. нарушены и слѣдовательно при жестокомъ обращенiи съ животными, нарушается право въ объектив. см., а не права. Но вообще можно и такъ сказать, что жестокое обращенiе съ животными запрещается пото-

му, что люди имѣютъ право на то, чтобы не обращались жестоко съ животными, т.к. что въ этомъ случаѣ является преступленіе противъ добрыхъ нравовъ contra bonos mores, к.к. уже говорили римскіе юристы. Но безъ всякихъ тонкостей софистическихъ и схоластическихъ лучше сказать, что въ словѣ правонарушеніе заключается и объективн. и субъективный смыслъ. Это будетъ всестороннѣе и слѣдоват. справедливое.

Мы разсмотрѣли юридическое дѣйствіе, юрид. обязат. силу положит. права во всѣхъ возможныхъ, а именно въ четырехъ отношеніяхъ. Во всѣхъ этихъ четырехъ отношеніяхъ юридич. дѣйствіе юридич. обязат. сила положит. права вообще обусловливается, т. е. зависитъ отъ его возникновенія, или происхожденія изъ того, что можно назвать и дѣйствительно называютъ источниками права, въ см. источниковъ положит. права т.е. въ см. того, чѣмъ непосредственно установливаются правоположенія или положит. право вообще. Такъ мы переходимъ къ разсмотрѣнію источниковъ положит. права. Итакъ.

Раздѣлъ второй.

Источники положит. права.

Мы сказали прежде, что непосредственный источникъ дѣйствительнаго, реальнаго или обыкновенно т.к. наз. положит. права есть свободная воля человѣческая въ томъ см. что положит. право есть ничто иное к.к. непосредств. объективированіе свободной человѣческой воли, или что оно есть объективн. право, уста-

новленное свободною волею человеческою въ извѣстномъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ общественномъ союзѣ, имѣющее правное или юридическое дѣйствіе или юридическую обязательную силу въ этомъ данномъ извѣстномъ союзѣ. Но свободная воля человѣческая, какъ воля постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза проявляется въ особенныхъ образахъ, формахъ. Эти-то формы и называются юристами въ особенномъ техническомъ смыслѣ источниками права, подразумѣвая при этомъ положительныя права (fontes juris, sourus du droit, sauras of positive law, Rechts quellen). И такъ, въ этомъ собств. тѣсномъ техническомъ смыслѣ источники права суть ничто иное, какъ формы положительнаго права, а потому источники права въ этомъ опредѣленномъ нами значеніи не должно смѣшивать во 1, съ источниками права вообще, ибо источники положительнаго права суть его формы, тогда какъ источники права вообще суть существо права и правосознаніе, словомъ, правоубѣжденіе, которое есть непосредственный источникъ мыслимаго или естественнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посредственный источникъ дѣйствительнаго, реальнаго и положительнаго права, чрезъ посредство свободной воли общественнаго союза. Во 2, не должно смѣшивать источниковъ права въ смыслѣ формъ положительнаго права съ источниками исторіи права (fontes historii juris) т. е. письменными памятниками, содержащими въ себѣ юридическія нормы, или законы, правоположенія извѣстнаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Такъ напр. источники русскаго права суть: Русская Правда, Судебникъ и Уложеніе Алексѣя Михайловича и наконецъ Св. законовъ.

Всѣ юристы признаютъ два источника права или двѣ его формы въ этомъ именно указан-

номъ нами тѣсномъ см. слова, а именно, обычное и законодательное право; но нѣкоторые юристы, къ которымъ и я считаю честью принадлежать, присоединяютъ къ этимъ двумъ формамъ или источникамъ положительныя права, а именно то, что со времени Пухты называютъ правомъ юристовъ (juristen recht).
62. Различаютъ два главные его вида этой формы права, а именно во 1, право, вытекающее изъ практической дѣятельности юристовъ, въ особенности изъ судебной практики, которое можно назвать въ этомъ смыслѣ практическимъ правомъ, и во 2, право, вытекающее изъ теоретической или научной дѣятельности, которое въ этомъ смыслѣ можно назвать и въ самомъ дѣлѣ называютъ теоретическимъ или научнымъ правомъ. И такъ, по всей справедливости, слѣдуетъ признать и различать три главные рода источниковъ положительнаго права, или его формъ, а именно во 1, обычное право, во 2, законодательное право и въ 3, право юристовъ. Эти три источника положительнаго права, или его формы суть ничто иное какъ ступени его формальнаго генетическаго развитія, т. е. развитія его формъ, ибо эти источники и суть ничто иное какъ формы положительнаго права. Эти ступени идутъ въ такомъ именно порядкѣ, что на первой ступени положительное право является какъ обычное право, на второй ступени какъ законодательное право, а на третьей ступени какъ право юристовъ. Поэтому въ такомъ именно порядкѣ мы и должны ихъ разсмотрѣть. Но при этомъ замѣчу, что такъ генетически развивается въ формальномъ отношеніи положительное право вообще, т. е. по всѣмъ тремъ ступенямъ, но не такъ оно развивается въ частности во всякомъ постоянномъ и самостоятельномъ людскомъ общественномъ союзѣ, т. е. не во всякомъ такомъ союзѣ, положи-

тельное право проявляется во всѣхъ трехъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что въ однихъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ положительно право проявляется только въ одной формѣ обычнаго права. Это бываетъ, говоря вообще, въ союзахъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, а именно въ союзахъ догосударственныхъ и внѣ государственныхъ. Въ этихъ союзахъ не можетъ быть законодательнаго права, потому что въ нихъ нѣтъ власти законодательной его устанавливающей, ибо законодательная власть есть отраслъ законодательной власти вообще, а верховная государственная власть не можетъ существовать во внѣ государственныхъ и догосударственныхъ союзахъ. Далѣе, въ другихъ людскихъ общественныхъ союзахъ положительное право проявляется только въ двухъ формахъ, а именно, въ формѣ только обычнаго и законодательнаго права. Это бываетъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ еще не образовался особенный классъ, особенное сословіе юристовъ, которое-бы считало своимъ призваніемъ занятіе правомъ и которое-бы его союзомъ было признано органомъ его свободной воли, устанавливающимъ положительное право. Но есть и такіе союзы, въ которыхъ проявляется положительное право также въ двухъ формахъ, но другихъ, а именно, въ формѣ только обычнаго права и права юристовъ, но не въ формѣ законодательнаго права. Въ этихъ двухъ формахъ положительное право проявляется въ международныхъ союзахъ. Въ этихъ союзахъ, по самой ихъ сущности, не можетъ быть верховной власти, потому что въ составъ международныхъ союзовъ входятъ независимыя, самостоятельныя государства, а эта независимость и самостоятельность [illegible] выражается въ томъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ свою

верховную власть. Но если международные союзы не имѣютъ верховной власти, то они не могутъ имѣть и законодательной власти, потому что законодательная власть есть одна изъ отраслей верховной власти, а если не имѣютъ законодательной власти, то въ нихъ не можетъ быть и результата ея дѣятельности, т. е. законодательнаго права. Наконецъ, есть и такіе людскіе общественные союзы, въ которыхъ положительное право проявляется уже во всѣхъ трехъ формахъ, а именно въ формѣ обычнаго, законодательнаго права и права юристовъ. Сюда относятся такія государства, въ которыхъ юридическая сторона общественной жизни находится на такой высокой ступени своего историческаго развитія, что въ нихъ образовался особенный классъ, особенное сословіе юристовъ, такъ что юристы, въ смыслѣ этого сословія, признаются органами свободной воли союза, установляющего положительное право. Это мы находимъ въ древности у однихъ только римлянъ, ибо у грековъ, не смотря на ихъ образованность, не было особеннаго сословія юристовъ, въ объясненномъ смыслѣ. Въ новое время мы находимъ это во всѣхъ образованныхъ государствахъ стараго и новаго свѣта.

Сказавши такимъ образомъ объ источникахъ положительнаго права вообще, мы разсмотримъ теперь всѣ эти три источника положительнаго права сперва порознь каждый изъ нихъ, а потомъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а именно въ ихъ внутренней связи между собою, вслѣдствіе которой онѣ составляютъ одно цѣлое.

1, Обычное право.

По латыни его называютъ теперь jus consuetudinale, хотя это прилагательное [illegible]аго образованія не было извѣстно древнимъ юристамъ.

Римляне называли его просто consvetudo или majorum mores, т.е. нравы и обычаи предковъ или просто mores, т.е. нравы и обычаи; французы называютъ его просто coutume или droit coutumes, англичане customs, нѣмцы Gewohnheit recht, или recht Gewohnheiten.

Обычное право есть такой источникъ права или такая его форма вообще, въ которой извѣстный постоянный и самоцѣльный людской общественный союзъ устанавливаетъ юридическія нормы, законы, или правоположенія, выражая свою свободную волю самъ непосредственно фактически во внѣшней своей дѣятельности, или въ своихъ дѣяніяхъ, называемыхъ обычаями, короче сказать: обычное право есть то положительное право, которое соблюдается фактически въ извѣстномъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ обществ. союзѣ его членами. Какъ свободное выраженіе воли союза, обычай есть простое дѣяніе или внѣшняя дѣятельность этого союза, т.е. его членовъ, есть нѣчто фактическое, а именно, есть юридическій обычай. Но, спрашивается, что такое есть юридическій обычай какъ такое дѣяніе? Въ выраженіи юридическій обычай есть два слова, а именно, слово юридическій и слово обычай. Слово юридическій, что значитъ правный, уже было нами объяснено, а потому мы остановимся здѣсь только на объясненіи слова обычай и сперва скажемъ, что такое обычай вообще, (а не юридическій обычай). Слово обычай находится въ ближайшей связи со словомъ привыкать, привычка. Привычка есть, такъ сказать, индивидуальный обычай, т.е. обычай того или другого индивида, какъ единичнаго человѣка; напротивъ того, обычай есть, такъ сказать привычка общественная, т.е. привычка извѣстнаго людскаго обществ. союза. Этимъ разсматриваемыя слова различаются и этимъ-же они и сближаются, а именно, привычка и обычай истекаютъ или вытека-

ютъ изъ свободной человѣческой воли, изъ ея самоопредѣленія, но съ тѣмъ различіемъ, что привычка возникаетъ изъ свободной воли, изъ самоопредѣленія индивида, единичнаго человѣка, а обычай изъ свободной воли изъ самоопредѣленія общества. Что привычка и обычай возникаютъ изъ свободной воли, это доказывается положительными фактами. Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкаемъ свободно къ чему нибудь; нельзя сказать чтобы въ этомъ случаѣ кто нибудь насъ принуждалъ, хотя, конечно, при этомъ могутъ на насъ дѣйствовать изъ внѣ, чтобы мы къ чему нибудь привыкли, въ чемъ и заключается между прочимъ первая ступень воспитанія. Нужно стараться, чтобы дѣти получали добрыя привычки, но при этомъ необходимо, чтобы они, вслѣдствіе своей свободной воли, повторяли постоянно одинаковымъ образомъ одно и тоже въ однихъ и тѣхъ-же случаяхъ. Подобнымъ же образомъ изъ свободной воли, изъ ея самоопредѣленія возникаетъ и обычай, потому что обычай есть ничто иное какъ общественная привычка. Но затѣмъ, какъ свидѣтельствуютъ положительные факты, и привычка и обычай превращается въ нѣчто невольное, въ нѣчто необходимое (иначе не было бы привычки и обычая) или, какъ часто говорятъ, превращается во вторую природу человѣка или общества. Такое превращеніе совершается не иначе какъ вслѣдствіе постояннаго повторенія однихъ и тѣхъ-же дѣяній (слѣдов. одинаковыхъ по содержанію) однимъ и тѣмъ-же образомъ (слѣд. одинаково по формѣ) и въ однихъ и въ тѣхъ-же случаяхъ. Слѣдов. обычаи суть такія дѣянія общества или его членовъ, которыя совершаются ими съ чувствомъ или сознаніемъ необходимости ихъ соблюденія, какъ дѣяній постоянно и однообразно повторяемыхъ въ одинаковыхъ случаяхъ.

Мы опредѣлили что такое обычай вообще;

но, спрашивается, что такое юридическій обычай? На этотъ вопросъ теперь отвѣчать легко. Содержаніе обычая можетъ быть разное. Если содержаніе обычая есть юридическое, т. е., если въ обычаѣ выражается сознаніе или чувство права, словомъ, правоубѣжденіе, то въ такомъ случаѣ обычай назыв. юридическимъ. И такъ, юридическіе обычаи суть такія дѣянія членовъ постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, которыя совершаются или съ чувствомъ или сознаніемъ права, словомъ, съ правоубѣжденіемъ въ необходимости ихъ соблюденія какъ чего-то праведнаго и справедливаго, какъ дѣяній постоянно и однообразно повторяемыхъ въ одинаковыхъ случаяхъ, что и составляетъ содержаніе обычаевъ, какъ такихъ юридическихъ нормъ или законовъ, въ которыхъ объективируется правда и справедливость. Соединеніе, внутренняя связь, или, что все равно, система такихъ юридическихъ обычаевъ какого-нибудь извѣстнаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза образуетъ то, что юристы называютъ обычнымъ правомъ, подъ которымъ разумѣется обычное положительное право, потому что обычнаго мыслимаго права быть не можетъ. Такимъ образ., обычное право содержитъ въ себѣ всѣ юридическіе обычаи даннаго общественнаго союза и въ этомъ смыслѣ юристы употребляютъ два выраженія: обычное право и юридич. обычаи совершенно безразлично одно за другое.

Такимъ образомъ мы опредѣлили понятіе обычнаго права или, что все-равно, юридич. обычаевъ, слѣдов. опредѣлили ихъ сущность. Изъ этой сущности, изъ понятія нами опредѣленнаго обычнаго права прямо, непосредственно вытекаетъ, что юридич. дѣйствіе, или юридическая обязательная сила обычнаго права основывается на томъ, что въ немъ выражаетъ свою свободную волю непосредственно, фактически,

въ своихъ дѣяніяхъ, какъ обычаяхъ или въ своей внѣшней видимой дѣятельности извѣстн. постоянный и самоцѣльный людской общественный союзъ, т. е., тѣ лица, или тѣ члены, изъ соединенія которыхъ и состоитъ этотъ союзъ, такъ что нельзя требовать отъ этого союза отчета, почему онъ хочетъ чтобы въ немъ имѣли юридическія дѣйствія или юридическую обязательную силу такія-то юридическія нормы, такія то правоположенія, а не другія какія-либо, ибо обычай есть ничто иное какъ привычка, т. е. есть нѣчто необходимое и слѣдов. состоящее въ невольномъ соблюденіи съ сознаніемъ необходимости этого соблюденія, но почему это необходимо, въ этомъ отчета не даютъ соблюдающіе. Они знаютъ, что это вытекаетъ изъ ихъ сознанія, что въ такихъ-то юридическихъ обычаяхъ выражается justum, т. е. праведное и справедливое: но почему это есть justum, а не что нибудь другое, — въ этомъ отношеніи соблюденіе юридическихъ обычаевъ безсознательно и слѣдов. безотчетно. Но эта безсознательность и безотчетность не значитъ, чтобы въ соблюденіи юридическаго обычая не проявлялось чувство, сознаніе и вообще убѣжденіе въ томъ, что соблюдаемое есть право, т. е. правда и справедливость. Такое-то убѣжденіе есть верховное основаніе юридическаго дѣйствія, юридич. обязательной силы обычнаго права, вслѣдствіе чего обычное право и возводится къ праву, какъ къ праведному и справедливому, такъ что праведное и справедливое есть его источникъ, какъ источникъ положительнаго права. Этимъ и доказывается, что обычное право есть одна изъ формъ объективнаго положительнаго, дѣйствительнаго, реальнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческое чувство права, человѣческое правосознаніе, вообще человѣч. правоубѣжденіе какъ мы прежде уже разъяснили и доказали, есть верховный источникъ всякаго положительнаго

права, а слѣд. есть верховный источникъ и этой формы положительнаго права, этого его особеннаго источника, т.е. обычнаго права. Если это есть особенный источникъ положительнаго права, то слѣд., онъ отличается отъ прочихъ источниковъ, формъ положительнаго права, а именно онъ отличается тѣмъ, что обычное право есть ничто иное какъ соединеніе юридическихъ обычаевъ, т.е. обычаевъ, имѣющихъ юридическое содержаніе. Будучи, такимъ образомъ особенною только формою положительнаго права вообще, которое вмѣстѣ со всѣмъ положительнымъ правомъ имѣетъ въ основѣ своего юридическаго дѣйствія, юридической обязательной силы, какъ верховный источникъ, правоубѣжденіе, и обычное право, какъ и положительное право вообще, имѣетъ юридическое дѣйствіе во всѣхъ четырехъ отношеніяхъ, въ какихъ мы разсматривали дѣйствіе положительнаго права вообще, т.е. и въ отношеніи времени, и въ отношеніи пространства, и въ отношеніи лицъ, и въ отношеніи самого союза, въ цѣломъ и въ его частяхъ. Слѣдов., дѣйствіе обычнаго права должно быть разсмотрѣно во всѣхъ этихъ четырехъ отношеніяхъ, хотя это разсмотрѣніе не должно занять столько времени, сколько заняло разсмотрѣніе дѣйствія положительнаго права вообще, ибо это есть примѣненіе того, что мы сказали о дѣйствіи положительнаго права вообще. И такъ,

<u>Дѣйствіе положительнаго права относительно времени</u>. Какъ различаютъ дѣйствующее или современное и недѣйствующее или историческое право вообще такъ различаютъ и въ особенности дѣйствующее или современное и недѣйств или, историческое обычное право. Далѣе, какъ съ дѣйствіемъ относительно времени положительнаго права вообще находится, какъ мы видѣли, въ тѣснѣйшей, ближайшей связи и его возникновеніе и его прекращеніе, такъ точно и въ особенности съ дѣйствіемъ относительно времени и

обычнаго права находится въ ближайшей связи и его возникновеніе и его прекращеніе. Такъ, обычное право возникаетъ тогда, когда въ самой жизни членовъ извѣстн. постояннаго и самостоятельнаго людскаго общественнаго союза возникаетъ юридическій обычай, которымъ эти члены станутъ руководствоваться какъ чѣмъ-то юридически необходимымъ, соблюдая его какъ юридическую норму, какъ юридическій законъ. Какія же условія для возникновенія обычнаго права, или что требуется для того, чтобы установился какой нибудь юридическій обычай. Этотъ вопросъ разрѣшается уже тѣмъ, что мы сказали о сущности или о понятіи обычнаго права, а именно, говоря вообще, для этого нужно соблюденіе извѣстныхъ законовъ, извѣстныхъ юридическихъ нормъ, которое выражало бы собою общее всѣмъ членамъ даннаго людскаго общественнаго союза правоубѣжденіе, т.е. убѣжденіе въ томъ, что данный обычай выражаетъ собою извѣстный юридическій законъ, извѣстную юридическую норму. Говоря же въ частности, для возникновенія юридическаго права необходимы слѣдующ. условія: во 1, соблюденіе обычая не должно вызываться ни какими иными побужденіями, мотивами, кромѣ убѣжденія въ его юридической необходимости, т.е. убѣжденія въ томъ, что соблюдается что-нибудь такое, что оно признается правовою юридическою нормою, правовымъ юридическимъ закономъ. Изъ этого слѣдуетъ наоборотъ, что если напр. верховная государственная власть, а именно, законодательная власть издаетъ какое нибудь законоустановленіе, узаконеніе, требующее соблюденіе чего нибудь, то путемъ исполненія такого узаконенія не возникаетъ юридическаго обычая вообще потому что побужденіемъ, мотивомъ соблюденія законовъ, изданныхъ законодат. властью не есть вовсе правоубѣжденіе членовъ союза, а есть просто подчиненіе со стороны членовъ союза верховной власти (прд-

знаніе верховной власти должно быть соблюдаемо потому что въ немъ выражается существенное признаніе членовъ союза этой власти надъ собою). Во 2-хъ соблюденіе не должно быть единичное или какъ говорятъ юристы, не должно проявляться только одинъ разъ, не должно быть однимъ актомъ — дѣяніемъ, дѣйствіемъ, а напротивъ, должно быть повторяемо много разъ; такъ что должно быть много актовъ соблюденія, потому что, какъ мы сказали, этого требуетъ сущность обычая вообще а слѣд. юридическаго обычая въ особенности. Отсюда само собою возникаетъ требованіе или условіе, чтобы соблюденіе продолжалось въ теченіи извѣстнаго времени. Однако рѣшительно не возможно поставить какое нибудь постояннаго правила о томъ, какъ велико должно быть число актовъ соблюденія для того, чтобы составился юридическій обычай точно также какъ нельзя установить какого нибудь постояннаго правила о томъ какъ долго должно продолжаться соблюденіе его гдѣ нибудь во времени, чтобы этимъ соблюденіемъ установился обычай. Впрочемъ, самая сущность обычая требуетъ, чтобы количество актовъ соблюденія было какъ можно больше — чтобы время соблюденія было какъ можно продолжительнѣе. Въ этомъ смыслѣ римскіе юристы говорятъ о юридическомъ правѣ какъ o longa consuetudo, т.е. какъ о долгомъ обычаѣ, inveterata consuetudo, т. е. о закоренѣломъ древнемъ обычаѣ, diuturna consuetudo, какъ о продолжительномъ обычаѣ, antiquitas probata et semper tenacita, т.е. какъ о древнемъ и постоянно сохраняемомъ. [illegible] въ этомъ смыслѣ называютъ его majorum mores, т.е. правами или обычаями предковъ. Въ 3, соблюденіе должно быть необходимо однообразно въ одинаковыхъ случаяхъ т.е. акты соблюденія юридическаго обычая не должны прерываться актами несоблюденія, какъ отрицательными

актами или актами какого-нибудь соблюденія не одного и того-же обычая? Въ этомъ смыслѣ римскіе юристы объ обычаѣ говорили какъ о consvetudo tenaciter, т.е. какъ объ обычаѣ настойчиво постоянно соблюдаемомъ, и jugiter servata, т.е. непрерывно соблюдаемомъ. Въ 4, правоубѣжденіе, лежащее въ основѣ соблюденія обычая, должно быть постояннымъ убѣжденіемъ соблюдающихъ, а не должно быть основаннымъ на заблужденіи, на error. Но то, что должно и чего не должно считать заблужденіемъ слѣдуетъ измѣрять не тѣмъ мѣриломъ, т.е. критеріемъ, какимъ опредѣляется вообще разумность, раціональность даннаго юридическаго обычая, т.е. согласіе его съ праведнымъ и справедливымъ, justum, а напротивъ, мѣриломъ здѣсь должно быть чувство, сознаніе, или убѣжденіе самихъ исполняющихъ этотъ обычай членовъ даннаго союза, что они своими дѣйствіями выражаютъ праведное и справедливое, т.е. должно думать, что если уже извѣстное дѣйствіе противорѣчитъ праведному и справедливому, какъ оно должно быть понимаемо, все таки изъ него м. образоваться юридическій обычай, если только совершающіе эти дѣйствія убѣждены, что они совершаютъ ихъ какъ нѣчто праведное и справедливое. Такимъ образомъ обычай можетъ образоваться и изъ совершенія такихъ дѣйствій, относительно которыхъ выражается ошибочное сужденіе относительно праведнаго и справедливаго. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ такомъ обычаѣ необходимо должно продолжаться выраженіе того ошибочнаго мнѣнія о праведномъ и справедливомъ, которое первоначально послужило основаніемъ для установленія обычая. Можетъ быть и такъ, что послѣдующее поколѣніе совершенно забываетъ о томъ, изъ какого правоубѣжденія, ошибочнаго или вѣрнаго, возникъ обычай, а продолжаетъ соблюдать его, вовсе не забывъ о

его происхожденіи. Въ этомъ случаѣ новое поколѣніе будетъ соблюдать его уже просто какъ обычай или законъ, который оно застало уже въ своемъ союзѣ. Но, для достиженія такого результата, нужно, конечно, весьма продолжительное время, ибо изъ того, что первые изъ соблюдающихъ юридич. обычай не сознаютъ его ошибочнаго основанія, нельзя еще выводить того заключенія, что у нихъ уже образовалось сознаніе въ томъ, что это есть юридическій законъ; для этого недостаточно одного факта соблюденія, а нужно, чтобы это соблюденіе продолжалось долгое время. Наконецъ въ 5, содер-
63. жаніе соблюдаемаго юридическаго обычая не должно быть, какъ говорятъ юристы, неразумнымъ. Подъ неразумнымъ нельзя здѣсь понимать отсутствія цѣлесообразности, а слѣдуетъ понимать только противорѣчіе обычая государственному и нравственному порядку, въ извѣстномъ общественномъ союзѣ. Обычай не можетъ сдѣлаться юридическимъ обычаемъ, если что нибудь соблюдается и долго, и въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и одинаковымъ образомъ, но такое, что противно государственному и нравственному порядку въ данномъ государствѣ существующему; какъ бы часто и какъ бы долго чиновники и сановники не брали взятокъ въ разныхъ видахъ и какъ бы часто и долго не обкрадывали казну, какъ бы долго они ни основывались на непотизмѣ и протекціи разнаго рода при опредѣленіи въ должности, но отсюда никакъ не можетъ возникнуть юридическаго обычая, а можетъ возникнуть только простой обычай, потому именно, что это противорѣчитъ государств. нравственному порядку.

Что извѣстный юридическій обычай уже возникъ, т.е. что онъ имѣетъ юридическое дѣйствіе, — это можетъ быть распознаваемо или непосредственно изъ самыхъ <u>актовъ</u> его со-

блюденія, если эти акты удовлетворяютъ указаннымъ нами условіямъ, или же посредственно т. е. посредствомъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Такъ напр. у насъ указаніе членовъ волости признается доказательствомъ существованія юридич. обычая. Кромѣ того, обычай м. быть распознаваемъ изъ разныхъ символическихъ дѣйствій. Спрашивается напр. въ какой моментъ совершается traditio, т. е. передача движимости? У насъ есть одно символическое дѣйствіе, которымъ опредѣляется такой моментъ, въ особенности напр. при покупкѣ или при продажѣ лошади, а именно: изъ полы въ полу передаютъ. Моментъ передачи имѣетъ весьма важное значеніе. Представьте себѣ, что послѣ такой символической передачи лошади, покупщикъ взялъ ее себѣ въ стойло, но не заплатилъ продавцу денегъ. Лошадь съ этого момента считается уже собственностью покупщика и потому, если-бы она сейчасъ заболѣла и пала, то покупщикъ все таки долженъ отдать за нее продавцу деньги. Напротивъ того, если бы даже лошадь была приведена въ стойло покупщика, но она все таки будетъ считаться собственностью продавца, если передача не была совершена въ видѣ указаннаго символич. дѣйствія, и потому покупщикъ не отвѣчаетъ, если лошадь въ этомъ случаѣ падетъ въ его стойлѣ. Подобные указанному символы мало по малу исчезаютъ даже изъ жизни такъ назыв. простаго народа, не говоря уже о среднемъ и высшемъ классѣ, между тѣмъ, какъ въ древности они были во всѣхъ государствахъ и въ особенности у римлянъ они были въ большомъ ходу и или выражали многіе юридическіе обычаи, какъ выражающіе въ свою очередь юридическіе законы, юридическія нормы; слѣд., они имѣли тогда особенное значеніе, какое они теперь потеряли. Указаніемъ на

юридическій обычай могутъ служить также народной пословицы въ настоящ[ем]ъ смыслѣ слова, переходящія изъ устъ въ уста. Представимъ себѣ такой случай: У меня украдена лошадь и я иду на конную площадь съ тѣмъ намѣрен., чтобы купить другую лошадь; но вдругъ встрѣчаю свою лошадь у барышника. Я обращаюсь къ нему и говорю, что это моя лошадь; а барышникъ въ свою очередь говоритъ, что онъ купилъ эту лошадь и показываетъ свидѣтельство о покупкѣ. Спрашивается: долженъ ли я идти къ тому лицу, которое продало барышнику лошадь, и вообще доискиваться вора, переходя отъ одного лица къ другому, въ рукахъ которыхъ была моя лошадь у барышника, который нечаянно встрѣтился мнѣ на конной площади, и предоставить ему уже вѣдаться съ тѣмъ, у котораго онъ купилъ мою лошадь? Относительно этого случая у насъ есть юридическая пословица, выражающая въ сущности тотъ искъ, который былъ извѣстенъ римлянамъ подъ названіемъ rei vindicatio. Въ силу этого иска каждый собственникъ могъ взять свою вещь у того, у кого онъ ее нашелъ, не переходя къ тому лицу, у котораго вещь была прежде. Эта пословица слѣдующая: „съ чужого коня среди грязи долой", т.е., если я могу доказать, что найденная лошадь принадлежитъ мнѣ, то я могу ее взять прямо у того человѣка, у котораго я ее нашелъ. Эта пословица опредѣленнѣе можетъ быть высказывается относительно указанныхъ случаевъ, нежели само наше законодательство, которое въ этомъ отношеніи не совсѣмъ опредѣленно высказывается. Символическія дѣйствія большею частію служатъ вѣрными доказательствами существованія юридическаго обычая, между тѣмъ какъ народныя пословицы далеко не всегда выражаютъ юридическій обычай: онѣ выражаютъ иногда обычай, но не юридическій, а иногда можно встрѣ-

щать такія пословицы, которыя противорѣчатъ одна другой), и потому нужно съ осторожностью пользоваться народными пословицами. О юридическихъ пословицахъ помѣщена въ изданіи [illegible] юридическихъ записокъ статья бывшаго профессора Харьковскаго университета [illegible]. Далѣе акты соблюденія юридич. обычая могутъ быть распознаваемы также и непосредственно т.е. чрезъ личное ознакомленіе съ этими актами или же посредственно, т.е. чрезъ посредство достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній. Впрочемъ не существуетъ такого юридическаго правила для распознаванія существованія юридическаго обычая, такъ что самъ судья долженъ составить себѣ при рѣшеніи дѣла убѣжденіе о существованіи юридическаго обычая) съ помощью тѣхъ-же основныхъ правилъ и принциповъ, на основаніи которыхъ строится вообще всякое человѣческое убѣжденіе. Но если у судьи нѣтъ въ наличности надлежащихъ средствъ и способовъ распознаванія существованія юридич. обычая, то обязанность доставить эти средства и способы (onus probandi, бремя доказательствъ) падаетъ на того, кто ссылается на юридическій обычай. У насъ напр. обычное право допущено въ волостныхъ судахъ; слѣд., если при разборѣ дѣла въ волостномъ судѣ какая нибудь сторона ссылается на юридическій обычай и если волостной старшина не знаетъ о существованіи такого юридическаго обычая, то та сторона, которая на него ссылается должна доказать его существованіе. Однако въ доказательствахъ существованія юридическаго обычая не могутъ примѣняться правила судопроизводства о доказательствѣ фактовъ, такъ онѣ не могутъ примѣняться и въ доказательство существованія законовъ, исходящихъ [illegible] верховной власти, потому что юридическ[illegible]

обычаи хотя суть ни что фактическое, но они представляютъ собою особенные факты, а именно, въ томъ отношеніи, что въ этихъ фактахъ выражается правоубѣжденіе, т.е. убѣжденіе въ томъ, что соблюдаемые юридическіе обычаи выражаютъ собою право, праведное и справедливое, чего нельзя сказать о другихъ фактахъ.

О прекращеніи юридическихъ обычаевъ.

Юридическіе обычаи прекращаются, т.е. прекращается ихъ юридическое дѣйствіе, ихъ обязательная сила, когда въ самой жизни своей члены извѣстнаго постояннаго и самоцѣльнаго общественнаго союза перестаютъ соблюдать обычай, какъ юридическій законъ. Римскіе юристы называли такое прекращеніе дѣйствія юридическаго обычая словомъ desuetudo. Это слово не имѣетъ точно соотвѣтствующаго слова на русск. языкѣ. Но мы сказали, что обычай есть ничто иное какъ общественная привычка. Когда прекращается привычка въ собственномъ смыслѣ, то говорятъ, что это есть отвычка. По аналогіи мы можемъ назвать и прекращеніе дѣйствія юридическаго обычая отвычкою, въ смыслѣ общественной отъ него отвычки (desuetudine). Это прекращеніе дѣйствія юридич. обычая, какъ и вообще обычнаго права, совершается такими-же тремя способами какъ совершается прекращеніе положит. права, а именно или desuetudine, т.е. отмѣною или замѣною или измѣненіемъ или дополненіемъ даннаго юридич. обычая. Дѣйствіе юридическ. обычаевъ прекращается также и законами отъ верховн. власти исходящими, объ этомъ прекращеніи мы будемъ говорить послѣ.

б, <u>Дѣйствіе обычнаго права относительно пространства</u>. Какъ положит. право вообще быва-

етъ общее, т. е. повсемѣстное или же мѣстное, такъ точно и обычное право, какъ особенной видъ положительнаго права, или его форма, бываетъ общее или повсемѣстное и мѣстное.

в) Дѣйствіе обычнаго права относительно лицъ. Какъ положительное право вообще бываетъ общее, т. е. для всѣхъ лицъ, или особенное, т. е. для нѣкоторыхъ только лицъ или наконецъ исключительное, такъ въ особенности и обычное право бываетъ или общее, или особенное, или исключительное, въ объясненномъ нами смыслѣ.

Наконецъ г) Дѣйствіе обычнаго права относительно самого союза, какъ въ цѣломъ такъ и въ частяхъ его. Какъ положительное право вообще относится или къ устройству, или къ управленію союза въ цѣломъ и въ частяхъ его, такъ точно въ особенности и обычное право относится или къ устройству, или къ управленію союза.

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли обычное право вообще, какъ слѣдуетъ въ нашей наукѣ. Второй источникъ положительнаго права въ порядкѣ формальнаго генетическаго развитія есть законодательное право, иначе назыв. законодательствомъ. И такъ,

9. Законодательное право.

(1) Римскіе юристы называютъ его lex или leges, французы — loit или legislation, а нѣмцы — Gesetz. Законодательное право есть тотъ источникъ полож. права, или та его форма вообще, въ которой извѣстное государство, какъ постоянный и самоцѣльный людской общежит. союзъ, устанавливаетъ юридич. нормы, законы, или правоположенія чрезъ посредство своей государств. власти, какъ власти законодательной, выражающей свою волю въ томъ, что называется въ собственномъ или тѣс-

томъ смыслѣ закономъ (lex). Подъ закономъ въ этомъ смыслѣ разумѣется изреченіе государства, т. е. государственной законодательной власти въ образѣ изустномъ или письменномъ, — изреченіе о томъ, что то или другое должно считаться правомъ, т. е. закономъ, нормою для внѣшней дѣятельности членовъ государства, какъ постояннаго самоцѣльнаго союза, въ цѣломъ и въ его частяхъ. Кому именно принадлежитъ такая государств. власть или право, въ силу котораго дѣлаются такія изреченія, имѣющія обязательную силу, — этотъ вопросъ разрѣшается на основаніи положительнаго права, а именно того права, которымъ опредѣляется и охраняется устройство даннаго государства, т. е. на основаніи того, что нѣмцы называютъ правомъ устройства (таковы у насъ напр. основные законы). Такая государств. власть, разсматриваемая со стороны законодательной дѣятельности, какъ законодательная власть, называется вообще законодательною властью, а потому и то положительное право, которое устанавливается верховн. властью, какъ законодат. властью, можно назвать законодательнымъ правомъ. Законод. право есть ничто иное какъ соединеніе или система законовъ въ собственномъ или тѣсн. смыслѣ этого слова. Эти законы формулируютъ правоположенія въ словахъ или изустно или письменно, чѣмъ эта форма права и отличается отъ обычнаго права, котораго образъ выраженія суть дѣянія, между тѣмъ какъ здѣсь образъ или форма выраженія суть слова, выраженныя изустно или письменно. Но обыкновенно законы издаются письменно, хотя и допускается выраженіе воли государства въ законахъ и изреченіяхъ верховной власти, или такъ называемые словесные въ тѣсн. смыслѣ законы, въ тѣсномъ смыслѣ въ

отличие отъ письменныхъ. Но во всякомъ случаѣ, существуя рядомъ съ писанными законами, словесные законы имѣютъ болѣе ограниченное дѣйствіе чѣмъ письменные законы. Такъ напр. у насъ словесныя высочайшія повелѣнія имѣютъ болѣе ограниченное дѣйствіе нежели письменныя, какъ это прямо высказано въ нашихъ основныхъ законахъ; гдѣ именно говорится, что по словесно объявленнымъ повелѣніямъ нельзя никого лишать ни жизни, ни чести, ни имущества. Притомъ законы, издаваемые законодательною властью, суть законы государства, (какъ это видно изъ самого понятія законодательнаго права), а ни какого-нибудь другаго союза; слѣд. нельзя назвать приказанія главы семейства подчиненнымъ ему лицамъ закономъ; нельзя назвать также закономъ распоряженія наприм. разныхъ органовъ верховной власти и т. п. Вообще законы суть установленія исключительно законодательной государственной власти, а никакой нибудь другой власти, даже существующей въ самомъ государствѣ, какова напр. власть судебная и административная. Не смотря на то, въ нашемъ напр. Св. законовъ помѣщены не только законы въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ, но и распоряженія разныхъ правительственныхъ мѣстъ, какъ органовъ верховной власти, такъ что если отдѣлить послѣднія изъ Свода зак., то изъ 15 томовъ останется можетъ б. только одинъ. Не удивительно послѣ того, что нашъ Сводъ законовъ нужно перевозить если не на ломовомъ, то во всякомъ случаѣ на легковомъ извощикѣ; между тѣмъ какъ французское напрім. Уложеніе заключаетъ въ себѣ 5ть не большихъ томиковъ. Подобное смѣшеніе законовъ въ собственномъ смыслѣ съ законами въ обширномъ смыслѣ ведетъ не къ одному

тому неудобству что законов является огромная масса, но и къ тому, что чрезъ это изменяются законы въ настоящемъ смыслѣ съ другими постановленіями. Нужно напр. исправить какое нибудь распоряженіе и вдругъ говорятъ объ исправленіи закона, между тѣмъ какъ весьма часто самъ законъ, будучи цѣлесообразнымъ, хорошимъ, можетъ продолжать свое дѣйствіе, а нужно только исправить распоряженіе, посредствомъ котораго законъ приводится въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ есть нѣчто твердое, примѣняемое въ жизни; между тѣмъ какъ распоряженія, имѣющія въ виду оживить законъ, могутъ быть часто измѣняемы."

Юридическое дѣйствіе или юридическая обязательная сила законодательнаго права основывается на томъ, что законодательное право есть продуктъ воли государственной власти, какъ законодательной власти даннаго государства, и что эта воля подчиняетъ себѣ волю всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ области, территоріи даннаго государства или всѣхъ его членовъ. Слѣд., здѣсь другія основанія юридич. дѣйствія нежели основанія обычнаго права.

Какъ положит. право вообще, такъ и законодат. право имѣетъ свое дѣйствіе въ трехъ отношеніяхъ, а именно во 1, относительно времени, во 2, относительно пространства, въ 3, относительно лицъ и въ 4, относительно самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ его. Итакъ,

<u>Дѣйствіе законодательнаго права относительно времени.</u>

Какъ различаютъ дѣйствующее или современное и недѣйствующее или историческ. положительное право вообще, такъ различаютъ и въ особенности дѣйствующее или современное и недѣйствующее и т. историческое

законодат. право. Далье, какъ съ дѣйствіемъ положит. права вообще находится въ тѣснѣйшей и ближайшей связи его возникновеніе и прекращеніе, т.к. и въ особенности съ дѣйствіемъ во времени законодат. права находится въ тѣснѣйшей и ближайшей связи его возникновеніе и прекращеніе, т.е. возникновеніе этого дѣйствія и его прекращеніе въ извѣст. время.

Законодат. право или законы въ собственномъ см. получаютъ юридич. обязательное дѣйствіе со времени своего изданія; напротивъ того, законодательное право или законъ въ тѣсномъ см. слова прекращаетъ свою юридическую обязательную силу, т.к. и положит. право вообще или отмѣною (abrogatio) или замѣною (subrogatio) или измѣненіемъ (derogatio) или дополненіемъ (abrogatio). Но есть и такіе законы, которые сами, т.к. сказать заявляютъ о себѣ, что они обязательны только на извѣстное, опредѣленное время или для извѣстныхъ обстоятельствъ или условій. Сюда относятся собственно т.к. наз. юристами транзиторные, т.е. переходные законы, т.е. такіе, которые служатъ для перехода отъ одного юридич. быта къ другому, въ цѣломъ или въ частяхъ его. Т.к. напр. законы прежняго судопроизводства даже и послѣ изданія новыхъ судеб. уставовъ дѣйствовали при рѣшеніи дѣлъ прежняго времени и слѣд. они превратились въ переходные законы. Точно также съ изданіемъ напр. франц. гражд. Уложенія, при Наполеонѣ I б. изданы, по обыкновенію, законы, въ которыхъ говорилось о введеніи этого Уложенія въ дѣйствіе, а потому они имѣли только временное значеніе. Послѣ изданія какихъ нибудь законоположеній, касающихся опред. части права

каково напр. Уложеніе франц. обыкновенно дается извѣстн. срокъ для ознакомленія съ ними, т.к. что они не сейчасъ же примѣняются послѣ ихъ обнародованія. Во время такого промежутка времени (съ момента времени изданія такихъ законовъ до момента времени вступленія ихъ въ силу) дѣйствуютъ транзиторные или переходные законы. Есть такіе транзиторные законы, въ к[отор]ыхъ прямо сказано, что они дѣйствуютъ впредь до изданія новыхъ постановленій. Прекращеніе юридич. дѣйствія законодат. права совершается или путемъ законнымъ, или, т.к. говорятъ, путемъ незаконнымъ и насильственнымъ. Законнымъ путемъ законъ прекращаетъ свое дѣйствіе въ томъ случаѣ, когда онъ отмѣняется на основаній дѣйствующихъ въ извѣстн. гос[ударст]вѣ законовъ, т.е. въ законодат. порядкѣ (у насъ напр. въ этомъ случаѣ составляется коммиссія, мнѣніе которой восходитъ въ Государственный Совѣтъ, к.к. высшее законодательное собраніе, и наконецъ утверждается верховною властью). Незаконнымъ или насильственнымъ обр. измѣняются законы напр. во время революціи, каковы была напр. Франц. революція 1789 г. Первый случай прекращенія дѣйствія законодат. права называется обыкновенно нормальнымъ или преобразованіемъ законодательства, а послѣд. случай — переворотомъ или революціею.

п. 64 Какъ съ возникновеніемъ, т.к. и съ прекращеніемъ дѣйствія законодат. пра[в]а находится въ непосредственной близкой связи изданіе закон[а]. Подъ изданіемъ закона разумѣется письменное его составленіе и обнародованіе или объявле-

ніе закона. Сперва я скажу о составленіи закона, а потомъ уже объ его обнародованіи, потому что законъ д. сперва составленъ, а затѣмъ уже онъ можетъ б. обнародованъ. Итакъ.

а.) Составленіе закона.

Составленіе закона вообще есть сложное дѣйствіе; оно состоитъ изъ трехъ простыхъ дѣйствій, а именно во 1.) изъ того, что называется проектированіемъ закона (это есть предворительное предначертаніе закона или приготовленіе т. наз. законопроекта); во 2.) изъ ревизіи закона (это есть последующее разсмотрѣніе, обсужденіе и исправленіе составленнаго законопроекта) и въ 3.) изъ конфирмаціи закона верхов. законодат. властью (это есть окончательное утвержденіе разсмотреннаго, т. е. обсужденнаго и исправленнаго законопроекта. Изданный законъ, если онъ совершенно полонъ по своему составу, имѣетъ слѣдующія составныя части, а именно во 1.) текстъ закона, слова закона, verba legis, т. е. тѣ слова, которыя составляютъ собственно содержаніе закона, к.к юридич. закона, какъ юридич. нормы, какъ правоположенія. Но и текстъ закона, хотя и не всякаго, а только полнаго закона, въ свою очередь состоитъ также изъ двухъ частей, изъ кот. одна называется опредѣлительною или опредѣляющего, а другая охранительною или охраняющего. Въ опредѣлительной или опредѣляющей части закона излагается самый юридич. законъ или самая юридич. норма, составляющая содер-

жание закона, а въ охранительной или охраняющей части закона излагается все то, что служитъ для охраненія юридическаго дѣйствія, юридической обязательной силы этой опредѣлительной или опредѣляющей части для того, чтобы каждый законъ былъ дѣйствительно соблюдаемъ, исполняемъ всѣми тѣми лицами, до которыхъ онъ относится. Охранительная часть закона часто юристами назыв. санкціею закона, его освященіемъ, а именно въ томъ смыслѣ, что въ этой части излагаются мѣры, служащія къ тому, чтобы законъ былъ святъ т.е. ненарушимо, исполняемъ, соблюдаемъ. Во второй главной части полнаго закона излагается то, что можно назвать поводомъ закона (occasio legis), т.е. то случайное происшествіе или событіе, которое послужило ближайшею причиною къ изданію этого закона, наконецъ, третью главн. часть закона составляютъ такъ наз. мотивы законы или побудительныя причины, въ смыслѣ уже не внѣшнихъ причинъ или поводовъ, а въ смыслѣ внутренней причины, т.е. въ смыслѣ оснований закона и его высшей цѣли, т.е. что именно предполагается достигнуть законовъ. Изъ этихъ мотивовъ можно признать то, что назыв. юристами ratio legis, разумъ закона, т.е. смыслъ, духъ закона, въ чемъ именно заключается его сущность. Но не всегда и не всѣ законы появляются обнародованными, опубликованными въ такой именно полнотѣ всѣхъ трехъ составныхъ частей своихъ, ибо для такого обнародованія или публикаціи закона существенно необходимъ текстъ закона, такъ какъ въ немъ-то и содержится самый законъ, который долженъ быть соблюдаемъ и его санкція, которая существенно важна въ особенности для тѣхъ лицъ, для которыхъ данъ этотъ законъ, такъ какъ изъ этой санкціи

Лит. А. Степанова въ Садовая ...

можно узнать, чѣмъ именно угрожаетъ законъ, какими наказаніями, въ случаѣ его неисполненія. Относительно этой-то существенно необходимой для обнародованія части закона юристы и различаютъ слѣдующіе по содержанію и по формѣ главн. роды закона, а именно относительно содержанія во 1, по степени ихъ дѣйствія: абсолютные, и такъ наз. относительные или диспозитивные, т. е. условно обязательные. Мы уже говорили о значеніи абсолютныхъ, относительныхъ и условно обязательныхъ законахъ, говоря о положительномъ правѣ вообще. Все то, что мы о нихъ тамъ сказали, относится и къ законод. праву, какъ особенной формѣ положит. права, и потому объ этомъ здѣсь не б. повторять. Во 2) юристы различаютъ опредѣлительные или опредѣляющіе и охранительные или охраняющіе законы, въ см. охраненія чего нибудь существующаго, а не въ см. одной изъ главн. частей каждаго закона. Таковы напр. карательные законы, какъ собственно охранительные или охраняющіе законы. Изъ карательныхъ законовъ можно-бы вывести опредѣлительные законы, т. е. можно-бы воспользоваться ими для того, чтобы вывести изъ нихъ нормы закона, ибо то и охраняется, что может б. опредѣлено. О томъ, что такое охранительные или охраняющіе законы мы также сказали, говоря о положит. правѣ вообще. Тѣмъ и другимъ различіемъ законовъ по ихъ содержанію условливаются слѣдующ. уже выставленные римск. юристами и теперь признаваемые виды закона, а именно во 1, законы такъ наз. повелительные, во 2, запретительные, въ 3, дозволительные, въ 4, карательные. Повелительные и запретительные относятся къ числу абсолютныхъ или относительныхъ законовъ и опредѣлительныхъ и опредѣляющихъ законовъ, но съ тѣмъ различіемъ, что повелител. законы опредѣляютъ положительно что нужно дѣлать, а запретительные законы опредѣляютъ

Литогр. А. Степанова въ Садовой ул. д. Ю...

это отрицательно, т. е. указывают чего не нужно дѣлать. Затѣмъ, дозволительные законы относятся къ числу диспозитивныхъ или условно обязательныхъ законовъ и опредѣлительныхъ или опредѣляющихъ законовъ. Наконецъ, что касается до карательныхъ законовъ, то они относятся къ числу охранительныхъ или охраняющихъ законовъ, какъ это видно уже изъ самого ихъ названія. Наконецъ юристы различаютъ еще <u>подтвердительные</u>, <u>пояснительные</u> и <u>новые законы</u> также относительно ихъ содержанія. Подтвердительными законами они называютъ тѣ законы, которыми подтверждается только юридич. дѣйствіе, юридическая обязательная сила законовъ уже существующихъ дѣйствующихъ, но вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ не соблюдаемыхъ. Подтвердительные законы издаются для того, чтобы указать что хотя такой-то законъ и не соблюдается, но онъ не переставалъ имѣть обязательной силы и какъ таковой онъ долженъ б. исполняемъ; слѣд., подтвердительный законъ ничего нового не устанавливаетъ. Пояснительные законы уже болѣе приближаются къ законамъ устанавливающимъ что нибудь новое. **Пояснительн.** законами поясняется смыслъ дѣйствующихъ законовъ въ случаѣ ихъ неясности для тѣхъ, которые должны ихъ исполнять. Когда уже поясняется смыслъ чего нибудь, что не было яснымъ, то въ этомъ случаѣ вносится что нибудь новое, потому что ясность въ отличіе отъ неясности есть новость. Наконецъ, новыми законами назыв. тѣ, которыми устанавливаются какія нибудь правоположенія, до того времени не существовавшія, а именно, или въ отмѣну прежнихъ правоположеній, или въ замѣну ихъ, или въ измѣненіе, или въ дополненіе.

Спрашивается, какіе виды законовъ различаютъ юристы, смотря по тексту законовъ, т. е. по ихъ содержанію? Относительно текста

юристы различают законы, изданные или въ видѣ одноцредметныхъ законовъ, т. е. такихъ, которые заключаютъ въ себѣ одно постановленіе, одно правоположеніе, относящееся къ одному и тому-же предмету (такова большая часть законовъ, собранныхъ въ нашемъ полномъ собр. законовъ, состоящихъ изъ высочайшихъ указовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная со времени изданія Улож. царя Алексѣя Мих.), или въ видѣ многопредметныхъ законовъ, соединенныхъ въ одно систематич. цѣлое какою нибудь общею мыслію. Изъ такихъ законовъ одни содержатъ въ себѣ систему однородныхъ законовъ по одной какой-нибудь части государственнаго устройства и государств. управленія (такіе законы у насъ назыв. обыкновенно учрежденіями, а также иногда установленіями); другіе содержатъ въ себѣ хронологич. сборникъ законовъ по одной какой нибудь области или по всѣмъ областямъ права (каково у насъ напр. полное собраніе законовъ, въ которомъ помѣщены законы, изданные со времени изданія Улож. ц. Алексѣя Мих. и по настоящее время), и наконецъ есть еще и такіе систематич. собранія, которыя назыв. Св. законовъ или Уложеніями. Въ общежитіи эти слова обыкновенно смѣшиваются, но юристы должны ихъ строго различать, а именно, подъ Сводомъ законовъ должно разумѣть соединеніе, т. е. приведеніе въ одно систематич. цѣлое уже дѣйствовавшихъ до изданія Св. законовъ, каковъ напр. нашъ Св. Законовъ Россійской Имперіи, а подъ именемъ Уложенія (Codex, Cod) собственно нужно разумѣть творческое, самостоятельное, оригинальное изложеніе законовъ (каково напр. наше Улож. о наказаніяхъ), слѣд., законовъ новыхъ, хотя, конечно, вслѣдствіе того, что все настоящее находится въ связи съ предшествующимъ, въ составъ Улож. необходимо входитъ множество законовъ изъ прежде дѣйствовавшаго права.

Съ такъ назыв. пояснительн. законами находится въ непосредствен. связи очень важное для юристовъ ученіе или теорія о толкованіи закона (interpretatio). Слово толкованіе, interpretatio, употребляютъ одни юристы въ одномъ только значеніи, а другіе въ различн. значеніяхъ. Тѣ, которые употребляютъ это слово въ одномъ только значеніи, разумѣютъ подъ толкованіемъ такую дѣятельность законодателя или-же самихъ обществъ, т. е. членовъ извѣстн. постоян. и самост. людскаго обществ. союза или наконецъ самыхъ юристовъ, которая состоитъ въ выясненіи истиннаго смысла, текста или словъ закона, въ которыхъ законодатель формулироветъ установленныя имъ юридич. нормы, юрид. законы, юридич. правоположенія. Тѣ-же юристы, которые употребляютъ слово толкованіе, interpretatio, въ различн. значеніяхъ упомянутое нами только-что толкованіе признаютъ тѣмъ, что м. назвать толкованіемъ только словъ закона въ собственномъ, или тѣсн. смыслѣ этого слова, а затѣмъ къ толкованію причисляютъ еще и др. видъ дѣятельности юристовъ, назыв. ее толкованіемъ. Эта дѣятельность обозначается ими также словомъ толкованіе, но употребляемымъ уже въ болѣе обширн. смыслѣ, въ сравненіи съ опредѣленнымъ нами толкованіемъ въ тѣсномъ, или собственномъ см.. Такъ какъ всѣ эти роды дѣятельности находятся между собою въ самой тѣсной связи, то уже по этой причинѣ я съ своей стороны обозначу ихъ однимъ общимъ именемъ толкованія, съ различеніемъ затѣмъ толкованія въ собств. или тѣсномъ см. и толкованія въ болѣе обширномъ см. значенія этого слова. Скажу сперва о толкованіи въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ, пот. что оно находится уже въ ближайшей, тѣснѣйшей связи съ законодат. правомъ, о которомъ мы теперь говоримъ, а именно съ такъ наз. пояснительн. законами,

а потомъ уже скажу о толкованіи въ болѣе обширномъ смыслѣ въ разныхъ его видахъ, ибо оно состоитъ уже въ отдаленнѣйшей связи съ законодат. правомъ.

Мы уже опредѣлили понятіе толкованія въ собств., тѣсн. смыслѣ слова. Говоря объ этомъ толкованіи въ собств. см. слова юристы различаютъ слѣдующ. 3 рода такого толкованія, а именно во 1, такъ назыв. законное или аутентическое толкованіе (interpretatio autentica seu legalis), т.е. толкованіе закона, совершаемое самымъ (αὐτός) законодателемъ, отчего оно и назыв. аутентическимъ; это толкованіе дѣлается посредствомъ особеннаго пояснительнаго закона, а такъ какъ законъ по латыни назыв. lex, то отсюда произошло названіе этого толкованія легальнымъ, законнымъ. Это толкованіе поставлено нами на первомъ мѣстѣ въ ряду значеній толкованія вообще въ тѣсн. смыслѣ, пот. что это толкованіе есть самое первоначальное толкованіе въ томъ смыслѣ, что оно исключаетъ оба другіе вида толкованія, такъ что если законодатель пояснилъ свой законъ, то въ этомъ случаѣ незачѣмъ бываетъ обращаться къ другимъ видамъ толкованія. Подобное предпочтеніе легальному толкованію отдается потому, что законодатель, имѣющій право постановить новый законъ, конечно тѣмъ болѣе имѣетъ право пояснить изданный законъ. Но этого мало; къ законодательству здѣсь примѣняется тоже самое, что м. сказать о толкованіи всякихъ словъ вообще: самый, конечно, лучшій толкователь извѣстн. словъ есть тотъ кто произнесъ эти слова, а слѣд., самый лучшій толкователь словъ закона есть самъ законодатель. Во 2., юристы различаютъ такъ назыв. обычное толкованіе (interpretatio usualis). Это есть толкованіе закона, которое вошло въ обычай даннаго постоян. и самоцѣльн. юд.

скаго обществ. союза, такъ что этотъ обычай имѣетъ юридич. дѣйствіе, юридическ. обязательную силу и слѣд. есть юридич. обычай. Это толкованіе можно назвать въ этомъ см. толкованіемъ со стороны юридич. обычаевъ или обычнаго права. Толкованіе это поставлено нами на второмъ мѣстѣ потому, что оно есть ближайшее по своей обязательной силѣ, дѣйствію, послѣ законод. толкованія, такъ что, если нѣтъ законнаго толкованія, то преимущество отдается предъ всѣми др. родами толкованія обычному толкованію. Въ 3, юристы различаютъ практическое толкованіе со стороны юристовъ, назыв. обыкновенно судебн. толкованіемъ (interpretatio forensis). Это есть толкованіе закона, совершаемое при его практ. приложеніи или примѣненіи къ разнымъ судебн. дѣламъ, почему оно и назыв. практическимъ или судебнымъ. Впрочемъ не только судьи совершаютъ это толкованіе, но и администраторы, такъ что судебн. толкованіемъ назвать это толкованіе нельзя, а нужно называть его вообще практич. толкованіемъ. Наконецъ въ 4, есть еще теоретическое или научное толкованіе юристовъ (interpretatio doctrinalis). Это толкованіе совершается въ теоріи или въ наукѣ юристами, какъ представителями науки (doctrina), имѣющей предметомъ своимъ право, откуда и произошло названіе этого толкованія. Теоретич. толкованіемъ назыв. это толкованіе потому, что научная дѣятельность есть теоретич. дѣятельность юристовъ. Это толкованіе поставлено за практич. толкованіемъ потому, что научное толкованіе находится въ ближайшей связи съ практич. толкованіемъ, ибо дѣятельность юристовъ есть двоякая: теорет. или научная и практическая. Мѣсто, занимаемое этимъ научнымъ толкованіемъ въ ряду всѣхъ толкованій въ собств. смыслѣ, есть

послѣднее, пот. что научное толкованіе имѣетъ мѣсто только тогда, когда не сдѣлано никакого изъ прочихъ предыдущихъ родовъ толкованія (ни законодательнаго, ни обычнаго, ни практич. толкованія). Теоретич. или научное толкованіе закона имѣетъ свои извѣстныя общія правила, какъ имѣетъ ихъ и вообще теоретич. научное толкованіе всякаго текста, всякихъ словъ. Система этихъ общихъ правилъ образуетъ особенную науку, извѣстн. подъ именемъ герменевтики или вообще науки толкованія (отъ ἑρμηνεύω толкую), т. е. толкованія какого-бы то ни было текста. Но если предметъ толкованія есть текстъ извѣстнаго закона или даже текстъ какого нибудь юрид. документа (напр. контракта, завѣщанія и т. п.), то наука, излагающая систему правилъ для теоретич., научнаго толкованія текста закона или юридич. документовъ, назыв. въ особенности юридич. герменевтикою. Это есть уже одна изъ спеціальныхъ герменевтикъ, ибо есть еще и др. спеціальн. герменевтики, какъ напр. теологическая, филологическая и т. п., а эта именно герменевтика въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ герменевтикъ и всеобщей герменевтики, назыв. юридич. герменевтикою, какъ наукою, излагающею систему общихъ правилъ для толкованія текста, имѣющаго юридич. содержаніе. Однако-же и всякая спеціальная герменевтика м. только указать одни основныя руководныя правила теорет. или научнаго толкованія, а никакъ не особенныя подробныя правила для всякаго случая, а затѣмъ умѣнье прилагать эти общія правила къ частнымъ случаямъ м. быть достигнуто не изученіемъ герменевтики, а практич. обращеніемъ толкованія. Въ этомъ см. говоритъ Виндшейдъ, что теорет. или научное толкованіе есть не столько наука, которую можно изучить, сколько искуство, ко-

торому можно выучиться.

Теоретич. или научное толкованіе должно опредѣлить силу, которую законодатель придалъ своимъ словамъ въ данномъ законѣ. Но для этого нужно бываетъ иногда, особенно относительно законовъ, изданныхъ до изобрѣтенія книгопечатанія, возстановить самыя слова закона, которыя употребилъ самъ законодатель, потому что иногда онѣ бываютъ испорчены переписчиками. Но мало того, иногда бываетъ нужно даже еще прежде возстановленія подлинныхъ словъ закона доказать, что такой-то юридич. памятникъ, юридическ. законъ былъ истинно подлиннымъ, т.е. что онъ дѣйствительно изданъ законодателемъ, которому онъ приписывается, слѣд. изданъ въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ и проч. (нужно напр. доказать, что Русск. Правда издана Ярославомъ и т.п.). То и др. дѣйствія (возстановленіе подлинныхъ словъ закона и удостовѣреніе въ подлинности самыхъ памятниковъ) составляетъ задачу критики также въ смыслѣ науки и искусства. Есть между проч. критика всеобщая, излагающая систему общихъ правилъ для толкованія всякаго вообще текста, каково-бы ни было его содержаніе, и есть спеціальн. критики и между проч. спеціальн. юридич. критика, которой задача состоитъ въ примѣненіи извѣстн. общихъ правилъ къ юридич. памятникамъ въ дѣлѣ возстановленія подлинности ихъ словъ и даже въ дѣлѣ оправданія самой ихъ подлинности. Когда критика занимается только возстановленіемъ подлинныхъ словъ, то она назыв. низшею критикою, а когда она имѣетъ своею задачею доказать подлинность всего документа, то она назыв. высшею критикою, пот. что, вообще говоря, труднѣе бываетъ доказать подлинность акта (сказать гдѣ и кѣмъ онъ б. изданъ и т.п.) нежели возстановить подлинныя

слова извѣстн. акта, хотя бываетъ и такъ, что труднѣе указать то, что относится къ низшей критикѣ, чѣмъ то, что относится къ высшей критикѣ.

Въ теоретич. или научномъ толкованіи юристы различаютъ обыкновенно два его вида, а именно во 1, такъ наз. <u>буквальное или грамматическое толкованіе</u> (interpretatio grammatica) и во 2, такъ наз. <u>логическое толкованіе</u>. Буквальное или граммат. толкованіе есть такое теоретич. толкованіе закона, которое понимаетъ слова закона въ общеупотребительномъ ихъ значеніи. Оно называется граммат. потому, что основывается оно на законахъ языка; а съ законами языка имѣетъ дѣло та наука, которая называется грамматикою; буквальнымъ-же оно назыв. потому, что оно строго придерживается буквы закона, т.е. общеупотребительнаго значенія каждаго слова, входящаго въ текстъ закона. Поставлено оно нами на первомъ мѣстѣ потому, что законъ есть юридич. норма, формулированная законодателемъ въ словахъ, о которыхъ нужно предполагать, что они употреблены законодателемъ въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ они употребляются въ самомъ обществѣ, для котораго изданъ законъ, ибо законъ издается именно съ тою цѣлью, чтобы онъ былъ исполняемъ, соблюдаемъ всѣми, до кого онъ относится, а соблюденіе, исполненіе его требуетъ, разумѣется, его пониманія, т.е. пониманія его словъ самихъ по себѣ, что предполагаетъ общеупотребительное ихъ значеніе. При опредѣленіи смысла, который законодатель придалъ своимъ словамъ, отправною точкою д. служить именно законы того языка, на которомъ изданъ разсматриваемый законъ. Къ этимъ законамъ языка или, что все равно, къ его грамматикѣ, и должно обратиться прежде всего для опредѣленія смысла, какъ взятыхъ въ отдѣльности одно отъ другаго, такъ и въ ихъ-

связи. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе не только общіе законы языка, на которомъ написанъ законъ, но также и особенный способъ выраженія въ то время, когда былъ написанъ законъ (провинціальный языкъ напр. м. нѣсколько отличаться отъ общаго языка.

Что касается такъ назыв. логическ. толкованія (interpretatio logica), то это есть теоретич. или научное толкованіе закона, которое доискивается въ какомъ именно значеніи употреблены законодателемъ слова, доискивается именно выясненія ихъ смысла, разума отчего оно и назыв. логическимъ. Съ этою цѣлію наука д. обращаться ко всевозможнымъ средствамъ, а именно она должна обратить вниманіе не только на самыя слова или текстъ закона, но и на поводъ его изданія и на мотивы, т.е. основн. и цѣли его изданія. Затѣмъ, наука д. обратиться къ др. законамъ того-же законодателя, чтобы при ихъ помощи уяснить слова, употребляемыя въ данномъ законѣ. Но если и это средство будетъ недостаточнымъ, то наука должна обратиться и къ законамъ др. законодателей того-же обществ. союза, если между этими законами и даннымъ закономъ, который нужно разъяснить, м. быть допущена какая-нибудь внутренняя связь. Наконецъ, если и этого средства недостаточно для объясненія истиннаго см. закона (ratio legis), то наука должна обратить вниманіе на духъ всего законод. права даннаго союза, въ особенности-же того законодат. права, которое современно данному толкуемому закону, и даже на духъ всего положит. права вообще.

65. Если всѣ исчисленныя нами средства логич. толкованія не приведутъ ни къ какому положит. результату, такъ что истинный см. закона не будетъ раскрытъ, выясненъ, то при практическомъ приложеніи даннаго закона, особенно къ судебн. дѣламъ, толкованіе зако-

на можетъ и даже д. удовлетвориться одною простою вѣроятностью, т.е. наиболѣе правдоподобнымъ, подходящимъ къ правдѣ, къ истинѣ, смысломъ, пот. что при практич. приложеніи закона, особенно въ судебныхъ дѣлахъ, для ихъ рѣшенія судья во что-бы то ни стало обязанъ добиться какого-нибудь положит. результата своего толкованія, пот. что подъ предлогомъ неясности, темноты, законъ не дозволяетъ судьѣ оставить дѣло безъ рѣшенія или, какъ выражаются юристы, не дозволяетъ судьѣ отказать въ правосудіи подъ страхомъ за то наказанія опредѣленное положит. правомъ какъ за преступленіе. При этомъ слѣдуетъ судьѣ держаться такого правила, что въ случаѣ сомнѣнія, онъ д. рѣшить предстоящее ему дѣло въ пользу наименьшаго уклоненія отъ дѣйствующаго положит. права вообще и во 2, въ пользу наименѣе строгаго рѣшенія разсматриваемаго дѣла.

Таково толкованіе въ тѣсн. см. этого слова. Съ этимъ смысломъ, съ этимъ понятіемъ о толкованіи въ собств. тѣсномъ смыслѣ слова находится въ нераздѣльной связи <u>толкованіе въ болѣе обширномъ смыслѣ</u>. Мы м. различить нѣсколько ступеней такого толкованія въ обширн. см., начиная съ толкованія менѣе обширнаго и доходя до толкованія болѣе обширнаго. Такъ, сюда относится во 1, <u>исправляющее или дополняющее толкованіе закона</u>, т.е. такая дѣятельность юристовъ, которою не только выясняется полное выраженіе закона въ словахъ, но и исправляются его невѣрныя выраженія, и дополняются его неполныя выраженія. Невѣрнымъ или неполнымъ бываетъ выраженіе закона въ трехъ отношеніяхъ а именно, во 1, оно можетъ б. шире того, что законодатель хотѣлъ собственно сказать, т.е. когда законодатель сказалъ болѣе того, что онъ хотѣлъ сказать (въ этомъ случаѣ необходимо

ограничить эти выраженія, почему такое толкованіе назыв. ограничительнымъ или суж-нительнымъ, — interpretatio restrictiva) или во 2, оно мож. быть тѣснѣе того, что законодатель хотѣлъ сказать, т.е. законодатель сказалъ менѣе того, что хотѣлъ сказать (въ этомъ случаѣ необходимо расширить выраженія законодателя или дополнить ихъ, почему такое толкованіе назыв. распространительнымъ, — interpretatio extensiva) и наконецъ въ 3, законодатель м. сказать иногда вовсе не то, что онъ хотѣлъ сказать (тогда выраженіе закона нужно измѣнить, почему такое толкованіе назыв. измѣнительнымъ или измѣняющимъ, interpretatio commutans, seu permutans). Однако и такое толкованіе можетъ лишь только исправить отдѣльныя выраженія, употребленныя въ законѣ, почему это толкованіе и есть наименѣе обширное изъ всѣхъ другихъ видовъ обширн. толкованія.

2, Второй болѣе обширный видъ такого толкованія назыв. аналогич. толкованіемъ или просто аналогіею. Слово аналогія происходитъ отъ грец. слова ἀνὰ λόγος, что значитъ по латыни secundum rationem (по разуму); въ приложеніи же въ особенности къ закону или вообще къ положительному праву аналогія наз. аналогіею по закону, — secundum rationem legis, seu juris, т.е. аналогія по разуму закона или по духу положит. права вообще, т.е. по мотивамъ или цѣлямъ или значенію изъ даннаго закона или же по разуму по духу положит. права вообще. На этомъ основ. юристы различаютъ аналогію закона и аналогію права. Аналогіею закона назыв. та дѣятельность юристовъ относительно даннаго отдѣльнаго закона, которою по его разуму, secundum rationem legis, распространяются выраженныя въ этомъ отдѣльномъ законѣ правоположенія на такіе случаи им

правоотношенія, которыя хотя и не опредѣлены прямо этимъ закономъ, но которые однако-жъ подобны, сходны, сродны съ тѣми случаями и съ тѣми правоотношеніями, которыя опредѣлены закономъ, въ силу тождества ихъ разума, ratio-nis, или ~~иныхъ~~ мотивовъ, цѣлей, которыми законодатель руководствовался при изданіи даннаго закона; короче, въ силу равенства, одинаковости, однородности основанія тѣхъ и др. случаевъ какъ опредѣленныхъ, такъ и неопредѣленныхъ закономъ. Отсюда слѣдуетъ, что аналогія закона или аналогія толкованія закона допускается во 1, когда нѣтъ закона, опредѣляющаго данный случай, данное дѣло, данное правоотношеніе; во 2, когда данный случай, данное дѣло, данное правоотношеніе сходно съ тѣмъ случаемъ, дѣломъ или правоотношеніемъ, которое опредѣлено закономъ и въ 3, когда основанія примѣненія закона въ тѣхъ и др. случаяхъ равны. Но само собой разумѣется, что аналогія закона возможна только тогда, когда самъ законъ не запрещаетъ такого распростра-ненія его обязательнаго дѣйствія на подобные или сходные случаи, дѣла или правоотношенія.

Аналогіею права назыв. юристы такую дѣятельность относительно положит. права вообще, а не относительно закона того или другаго, т. е. какого нибудь юридич. цѣлаго, какого нибудь юридич. учрежденія, юридич. института, которою (дѣятельностью) по духу, разуму института восполняются въ немъ найденные юристами пробѣлы, посредствомъ распространенія входящихъ въ его составъ отдѣльныхъ правоположеній на такіе случаи, дѣла, правоотношенія, которыя хотя не опредѣлены этими отдѣльными правоположеніями, существующими въ извѣстн. институтѣ, въ извѣстн. положительн. правѣ, но которые могутъ быть опредѣлены именно изъ разума, изъ духа всего юридич. цѣлаго, всего института, всего положит. права.

3, Еще въ болѣе обширн. см. слова, чѣмъ аналогія

закона, но не въ болѣе обширн. смыслѣ, чѣмъ аналогія права, подъ толкованіемъ юристы разумѣютъ толкованіе обычнаго права. Это есть такая дѣятельность юристовъ, которою они стараются раскрыть истинную мысль лицъ, соблюдающихъ юридич. обычаи, ибо хотя сами наблюдающіе и имѣли такую мысль (пот. что иначе не соблюдали-бы юрид. обычая), но они не сознавали бы ее ясно и раздѣльно.

4, Еще въ болѣе обширн. см. слова употребляется юристами слово толкованіе въ томъ случаѣ, когда подъ нимъ разумѣютъ такую дѣятельность юристовъ, посредствомъ которой юристы выводятъ юридич. нормы, юридич. правоположенія ex natura rei, т. е. изъ природы самой вещи, при недостаткѣ опредѣленія какого-нибудь правоотношенія закономъ или даже вообще положит. правомъ. Такъ напр., если понятіе узуфрукта (usus fructus) опредѣляется по римск. праву какъ такое право въ чужой вещи, въ силу котораго эту вещь можно употреблять и пользоваться ею, т. е. получать отъ нея плоды, но не иначе какъ сохраненіемъ сущности самой вещи съ тѣмъ, чтобы ее можно было возвратить хозяину, то отсюда естественно само собою слѣдуетъ, какъ ex natura rei, что предметомъ узуфрукта могутъ быть, res non fungibiles, а не вещи замѣняемыя, res fungibiles. Поэтому, когда въ Римѣ былъ допущенъ закономъ узуфруктъ относительно вещей замѣняемыхъ, res fungibiles, то римскіе юристы, будучи подобно современнымъ англійск. юристамъ, строго консеквентными, не могли назвать это новое отношеніе узуфруктомъ, такъ какъ это было-бы противно природѣ вещей, а назвали его какъ-бы узуфруктомъ, quasi usus fructus.

Наконецъ 5. пятый видъ толкованія въ обширномъ смыслѣ слова и притомъ видъ толкованія самого обширнаго, есть такая дѣятельность юристовъ, посредствомъ которой, они такъ сказать творчески развиваютъ не только извѣстн. го-

сти законод. права, но и все данное положительное право, какъ это дѣлали напр. по отношенію къ такъ назыв. законамъ 12ти табл. преторы и даже частные юристы, въ см. признанія ихъ римскимъ народомъ органами дальнѣйшаго творческаго развитія своего положит. права, причемъ матеріалы для такого развитія въ особенности преторы брали изъ jus gentium и изъ jus naturale, а нетолько изъ самого положит. римск. права.
Разсмотрѣвъ толкованіе закона, мы разсмотрѣли первую составную часть того дѣйствія, которое назыв. изданіемъ законовъ въ собствен. см. слова, т.е. законовъ, входящихъ въ составъ законод. права, а именно ту часть, которая назыв. составленіемъ закона. Но есть еще другая составная часть закона, которая непосредственно слѣдуетъ за первою составною частью и к-рая наз. публикаціею закона. И т.к.,

5.) Обнародованіе, публикація закона.
(promulgatio или publicatio)

Это есть такая дѣятельность, посредствомъ которой составленный надлежащимъ образ. законъ въ тѣсн. см. слова, т.е. законъ, изданный законодат. властью доводится до свѣдѣнія или только тѣхъ лицъ, к-рыя его знать и исполнять должны (это наз. въ т.с. сл. объявленіемъ закона) или же доводится до свѣдѣнія всего г-ва, т.е. всего народа, всего государственнаго общества, публики, почему это объявленіе наз. публикаціею или обнародованіемъ. Вопросъ о томъ, к-къ въ самомъ дѣлѣ должна производиться эта дѣятельность (обнародованіе, публикація или объявленіе закона) разрѣшается на основаніи особенныхъ законовъ, установленныхъ для этого въ каждомъ г-венномъ союзѣ. Такая дѣятельность необходима, потому что въ законѣ выражается свобод. воля г-ва, а именно верховной государственной власти

Эта воля юридически обязательна для подвластныхъ ей лицъ, к-рыя юридически обязаны ее исполнять. Если эта воля не будетъ извѣстна, не будетъ объявлена въ формѣ слова, то она не м. б. исполняема, а слѣд. не мож. быть юридически обязательна.

Законъ объявленный, обнародованный, признается во 1.) извѣстнымъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, до свѣдѣнія к-рыхъ онъ доведенъ, потому что послѣ этого объявленія, обнародованія или публикаціи закона никто не можетъ оправдываться въ случаѣ его несоблюденія или неисполненія его незнаніемъ, въ особенности же по отношенію къ судьямъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ такое правило, выраженное въ слѣдующихъ словахъ: jura novit curia, т.е. право предполагается извѣстнымъ и слѣд. судья д. его знать и прилагать къ случаямъ, подлежащимъ его обсужденію, не отказывая никому въ правосудіи и не оправдываясь тѣмъ, что онъ не знаетъ закона.

2.) Такой законъ д. б., послѣ того т.к. онъ будетъ изданъ, исполняемъ тѣми, до кого онъ относится и въ 3.) этотъ законъ признается имѣющимъ обязательное дѣйствіе послѣ его составленія и со дня его изданія, т.е. объявленія, публикаціи или обнародованія. Т.к. т.к. законы получаютъ юридич. дѣйствіе только со времени своего изданія, т.е. составленія и затѣмъ объявленія, публикаціи или обнародованія, то отсюда прямо слѣдуетъ, что законъ не м. простирать свое юридич. дѣйствіе, юридич. обязательность, на время, предшествующее его изданію, т.е. на время въ этомъ см. вообще предшествующее, а только м. простирать свое дѣйствіе на время будущее, т.е. слѣдующее за его изданіемъ. Юристы выражаютъ эти мысли въ слѣдующемъ правилѣ: lex non tra

Лит. ст. Степанова Б. Садовая с. 46 к. 14.

Корр. Исп. Ст. С.Пб. Университ. ...

gendo ad praeteritum, т.е. законъ не долженъ простираться на предшествующее время или, к.к. выражаются юристы иначе, законъ не имѣетъ обратной силы.

Мы окончили разсмотрѣніе вообще законодательства; но въ заключеніе этого дѣла мы должны сказать вообще о томъ, что находится съ законодательствомъ въ непосредственной связи, а именно о т.к. наз. автономіи, въ см., конечно, юридическомъ. Слово автономія происходитъ отъ греч. словъ αὐτὸς самый и νόμος законъ; слѣд., буквально слово автономія значитъ самозаконіе. Подъ автономіей или самозаконіемъ въ юридич. см. понимаютъ юристы право въ объектив. см., т.е. полномочіе, принадлежащее какой нибудь отдѣльной провинціи входящей въ составъ какого нибудь государства, установлять для себя юридич. формы, юридич. законы по своей инниціативѣ, по своему почину, помимо государственной власти и помимо установленнаго государственною властію законодат. ства. Изданное въ силу такой автономіи, постановленіе называютъ обыкновенно юристы статутомъ, въ отличіе отъ законовъ, изданныхъ верхов. властью. Но по самой сущности автономіи дѣйствіе такого статута ограничивается только тѣмъ людскимъ союзомъ, к.рый установилъ его у себя въ силу такой автономіи. Тотъ видъ обычнаго права, который соотвѣтствуетъ автономіи, юристы называютъ обыкновенно обсерваціею, т.е. собственно автономически установленнымъ обычнымъ правомъ, хотя юристы употребляютъ это слово и въ другихъ значеніяхъ; к.рыя прямо уже сюда не относятся.

Мы разсмотрѣли вообще первые 2 источника права или первыя 2 формы положит. права. Остается разсмотрѣть третій и послѣд. источникъ права или третью форму положит. права. И т.к.,

3.) Право юристовъ (juristenrecht.)

Такъ его называютъ обыкновенно со времени

Лит. А. Стефанова В. Садовая с. 46. 71.

Пухты, когда оно вошло въ употребленіе. Право юристовъ въ этомъ см. есть тотъ источникъ положит. права или та его форма, въ кот. извѣстный постоянный и самост. людской обществ. союзъ или даже другое какое нибудь общество устанавливаетъ юрид. нормы, юридич. законы или правоположенія, выражая въ нихъ свою свобод. волю, чрезъ посредство юристовъ, кк своего особеннаго сословія или класса, въ качествѣ органовъ своей воли, выражающей правоубѣжденіе. Право юристовъ выражается обоими способами, т. е. и тѣмъ, которымъ выражается обычное право, а именно, въ дѣяніяхъ внѣшней дѣятельности самихъ юристовъ и тѣмъ способомъ, которымъ выражается законод. право, т. е. словомъ. Съ этими формами, или способами выраженія права юристовъ состоитъ въ ближайшей связи различіе двоякой дѣятельности юристовъ, изъ которыхъ одна есть дѣятельность практическая, а другая есть дѣятельность теоретическая или научная. Практическая дѣятельность юристовъ состоитъ во 1, въ подачѣ своихъ мнѣній или отвѣтовъ по судебнымъ дѣламъ въ качествѣ или частныхъ ученыхъ юристовъ, какъ частныхъ лицъ, или-же въ качествѣ адвокатовъ, присяжныхъ повѣренныхъ, или-же въ качествѣ прокурора и т. п., - въ подачѣ мнѣній или по запросу сторонъ дѣйствующихъ въ судѣ при разбирательствѣ извѣстнаго дѣла (истца или отвѣтчика, обвиняемаго или обвинителя) или-же по запросу самихъ судей, или-же по запросу государств. власти. Римскіе юристы называли это opiniones seu responsa prudentium (мнѣніемъ или отвѣтомъ юристовъ). Во 2, практич. дѣятельность юристовъ состоитъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ или приговорахъ, установленныхъ юристами въ качествѣ именно судей. Судебныя рѣшенія или приговоры, вообще судебныя постановленія, имѣютъ вообще важное значеніе для развитія положительнаго права тогда, когда они являются примѣрными, т. е. образцами для будущихъ судебн. постановле-

ній въ подобныхъ-же судебныхъ дѣлахъ, каковы у насъ напр. въ этомъ смыслѣ постановленія Правительствующаго Сената въ качествѣ кассаціоннаго суда.

Съ практич. дѣятельностью юристовъ находится въ непосредственной связи уже нами прежде опредѣленное судебн. толкованіе (interpretatio forensis), ибо именно судьи и толкуютъ законъ, т.е. выражаютъ его толкованіе тѣмъ, что они рѣшаютъ судебныя дѣла. Мы должны сказать, что вообще практическою дѣятельностью юристовъ возводятся всѣ единичныя, конкретныя правоотношенія, т.е. юридич. отношенія между лицами въ юридическ. смыслѣ къ объективному праву, какъ положительному праву, какъ мы это укажемъ, когда будемъ говорить о возведеніи права къ правовидѣнію. Право юристовъ въ смыслѣ установленныхъ имъ юридич. нормъ, законовъ, правоположеній, какъ продукта частной практической дѣятельности юристовъ, можно назвать практич. правомъ. Французскіе юристы назыв. его jurisprudence arrêts или просто jurisprudence (приговоръ, судебн. рѣшеніе).

Теоретическая или научная дѣятельность юристовъ состоитъ въ собраніи источниковъ положительнаго права (fontes historii juris), въ смыслѣ памятниковъ, имѣющихъ юридическое содержаніе, именно какъ письменныхъ памятниковъ, во 2, въ ихъ научной разработкѣ посредствомъ возстановленія подлиннаго, вѣрнаго текста письменныхъ памятниковъ, что назыв. критикою; въ 3, въ изученіи права какъ чего-то существующаго въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время; въ 4, въ научномъ толкованіи (interpretatio doctrinalis) во всѣхъ его видахъ и родахъ (т.е. въ тѣсномъ смыслѣ слова и во всѣхъ обширныхъ значеніяхъ этого слова и наконецъ въ 5, въ подведеніи подъ научную систему юридическихъ законовъ, нормъ, правоположеній, образующихъ вмѣстѣ положительное право, въ постановленіи общихъ юридич. правилъ (regulae juris) и даже общихъ принциповъ какъ осно-

воположений, служащихъ основою тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ правоположеніямъ положительнаго права и въ развитіи философіи права какъ науки слѣд. философ. правовѣдения, имѣющаго предметомъ своимъ естественное, т.е. мыслимое право и наконецъ въ сообщеніи результатовъ своего научнаго изслѣдованія въ двухъ формахъ; или въ формѣ изустныхъ лекцій или-же въ формѣ сочиненій по предметамъ правовѣденія. Изъ этого опредѣленія различныхъ видовъ теоретической или научной дѣятельности юристовъ видно, что въ нихъ можно различить двоякаго рода дѣятельность: одну можно назвать рецептивною или воспринимающею слѣд. пассивною, а другую — активною, производительною, творческою. Воспринимающая пассивная дѣятельность состоитъ именно въ изученіи дѣйствующаго въ данное время и въ данномъ мѣстѣ положительнаго права какъ оно есть, хотя-бы они и возводили его въ отдѣльныя правоположенія, въ извѣстныя юридическія правила или принципы. Активная или воспроизводительная, дѣятельность юристовъ состоитъ уже въ новообразованіи положительнаго права, въ восхожденіи къ философ. праву или къ правдѣ и справедливости, почему активная или производительная дѣятельность есть уже самая высшая дѣятельность юристовъ, какъ истинно творческая дѣятельность, и потому тотъ юристъ, который въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ юристомъ, не долженъ ограничиваться одною пассивною дѣятельностью, но долженъ творить право, ибо его самое высшее назначеніе есть именно осуществленіе въ дѣйствительности правды и справедливости.

66. Въ заключеніе разсмотрѣнія всѣхъ видовъ теоретической дѣятельности юристовъ прибавимъ, что такою дѣятельностью возводятся всѣ единичныя юридическія отношенія, или правоотношенія, какъ они существуютъ въ жизни, къ объективному праву и самое объективное право возводится къ правовѣдѣнію, какъ наукѣ. Право юри-

стовъ, какъ продуктъ теоретической или научной дѣятельности юристовъ, можно назвать научнымъ правомъ, какъ въ самомъ дѣлѣ его и называютъ нѣмецкіе юристы, именно со времени Пухте; по французски оно просто назыв. doctrine, т. е. наукою, подразумѣвая юридическую науку.

Юридическое дѣйствіе, или юридическая обязательная сила права юристовъ вообще, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, основывается на томъ, что юристы признаются органами, орудіями, или представителями своего постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, какъ его чувства права и его правосознанія, слѣд. правоубѣжденія. Спеціальное призваніе юристовъ состоитъ вслѣдствіе двоякой ихъ дѣятельности въ практическомъ, именно судебн. приложеніи и теоретическомъ научномъ изученіи существующаго объективнаго права. Но юристы вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаютъ быть и членами своего постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза и въ особенности членами своего государств. общества, народа, въ см. государственнаго общества, ибо въ государствѣ то и образуется, какъ мы сказали, сословіе юристовъ. Какъ таковые члены своего государства, своего народа, они причастны живущему въ своемъ народѣ чувству права, правосознанію, вообще правоубѣжденію. Но такъ какъ всю свою дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, спеціальную дѣятельность, они посвящаютъ вообще праву, то потому постоянное и казуальное правоубѣжденіе образуется въ юристахъ легче чѣмъ въ остальныхъ членахъ ихъ союза, ихъ народа. Вслѣдствіе этого, въ тѣ времена, когда производящая право сила народа въ цѣломъ его составѣ уже слабѣетъ, что, какъ мы видѣли, бываетъ вслѣдствіе усиливающейся сложности правоотношеній, которыя требуютъ спеціальнаго изученія, юристы являются естеств. представителями своего народа въ отношеніи къ праву. Нельзя, конечно,

не согласиться, что въ сословіи юристовъ, какъ и въ прочихъ сословіяхъ того или другаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза могутъ явиться и такія правоубѣжденія, которымъ остальные члены ихъ государства или вовсе не сочувствуютъ, или же сочувствуютъ лишь отчасти и что такимъ образомъ у юристовъ можетъ образоваться и такое правоубѣжденіе, которое болѣе или менѣе чуждо всему народу, какъ это было напр. съ нѣмецкими юристами въ половинѣ среднихъ вѣковъ, когда они сами, изучая римское право, внесли это чуждое своему народу право въ свое правоубѣжденіе и примѣняли его правоположенія и къ судебн. постановленіямъ при своей практич. дѣятельности. Но во 1, такому отдѣленію юристовъ отъ своего народа относительно своего правоубѣжденія противодѣйствуетъ то обстоятельство, что сословіе юристовъ ни есть какое-нибудь замкнутое сословіе, ни есть какая нибудь каста, ибо никому не воспрещается вступить въ это сословіе и потому оно никогда не перестаетъ сохранять живую связь со всѣмъ государствомъ. Во 2, хотя-бы дѣйствительно въ томъ или другомъ случаѣ и возникло у юристовъ чуждое ихъ народу правоубѣжденіе, которое-бы не имѣло корней въ правоубѣжденіи ихъ народа, ихъ государства, но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе продолжительности соблюденія выработанныхъ юристами правоположеній должно образоваться и въ самомъ дѣлѣ образуется въ самомъ народѣ убѣжденіе, что эти примѣняемыя юристами, въ особенности въ судебныхъ дѣлахъ, выработанныя ими правоположенія относятся къ дѣйствительному реальному положительному праву, имѣющему для народа юридическую обязательную силу, обязательное юридическое дѣйствіе, потому что именно они соблюдались продолжительно какъ таковыя на самомъ дѣлѣ, такъ что эти правоположенія должны быть признаны народомъ какъ юридич. обычаи, до тѣхъ поръ, пока не будетъ пре-

кращено ихъ юридич. дѣйствіе исходящимъ уже непосредственно изъ народа обычнымъ правомъ или же пока эти правоположенія, выработанныя юристами, не будутъ возведены верховною законодат. властью въ законод. право, какъ это и было въ Германіи съ римскимъ правомъ вслѣдствіе признанія дѣйствія римскаго права на ряду съ дѣйствіемъ туземнаго права или по крайней мѣрѣ въ качествѣ вспомогательнаго для него права, что наз. обыкновенно принятіемъ римскаго права въ Германіи. Но собственно тоже самое, что мы сказали о продуктѣ практич. дѣятельности юристовъ, то-же самое нужно сказать и о продуктахъ теоретической, научной дѣятельности юристовъ, о правоположеніяхъ научнаго права: добываемыя юристами научнымъ путемъ правоположенія могутъ также стать дѣйствительнымъ положительнымъ правомъ, какъ это обыкновенно и бываетъ если эти правоположенія долго соблюдались народомъ какъ юридическія нормы, какъ юридическіе законы и если при такомъ соблюденіи народъ не сознавалъ тѣхъ научныхъ основаній, до которыхъ эти правоположенія были построены юристами. Юридическое дѣйствіе права юристовъ называли римскіе юристы auctoritas prudentium seu juris peritorum (авторитетъ юристовъ). Этотъ авторитетъ права юристовъ, какъ его юридическое дѣйствіе, его юридическая сила, не есть только внутренній авторитетъ, а есть вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшній авторитетъ. Внутренній авторитетъ есть дѣйствіе его въ силу своей внутренней силы, т. е. потому оно дѣйствуетъ, что въ его правоположеніяхъ выражается именно народное правоубѣжденіе, какъ истинное, дѣйствительное правоубѣжденіе, а внѣшній авторитетъ состоитъ въ признаніи юристовъ органами, орудіями свободной воли со стороны извѣстнаго народа, извѣстнаго государства, вслѣдствіе чего признается дѣятельность юристовъ не только какъ ограничен-

ная пассивн. восприниманіемъ существующаго въ данное время, въ данный моментъ положит. права, но и признается также и дѣятельность активная, правопроизводительная, творческая въ силу новообразованія права. Слѣд. право юристовъ есть также точно источникъ права, или форма положительнаго права какъ и право обычное, какъ и право законодательное, такъ что право юристовъ стоитъ въ этомъ смыслѣ на ряду съ этими двумя другими источниками или формами положительнаго права. Поэтому, односторонни тѣ юристы, которые признаютъ только два источника положительнаго права, а именно, обычное и законодательное право; напротивъ, и право юристовъ должно быть также признано источникомъ положит. права и притомъ самымъ высшимъ, самымъ послѣднимъ въ генетическомъ развитіи положительнаго права, такъ какъ юристы не только пользуются обычнымъ законодательнымъ правомъ, какъ уже существующимъ положительнымъ правомъ, но они то и другое право, слѣд., все вообще положительное право, развиваютъ дальше творчески.

Что касается внѣшняго авторитета права юристовъ, то онъ съ особенной наглядностью проявляется во 1, въ ряду постоянно произносимыхъ судебныхъ постановленій, т.е. рѣшеній и приговоровъ по одинаковымъ или подобнымъ судебнымъ дѣламъ. Это называли римскіе юристы res perpetuo simi-liter judicata, т.е. судебныя дѣла непрестанно одинаковымъ образомъ рѣшаемыя; нѣмецк. юристы называютъ это одинаковою судебною практикою. Это относится собственно до практической дѣятельности юристовъ, которой продуктъ есть практическое право юристовъ. Во 2, внѣшній авторитетъ права юристовъ проявляется и въ согласныхъ мнѣніяхъ относительно какого нибудь юридическаго вопроса, что называется

юристами communis opinio doctorum, общее мнѣніе докторовъ, т. е. ученыхъ юристовъ. Наконецъ, право юристовъ имѣетъ юридическое дѣйствіе, юридич. обязательную силу подобно положительному праву вообще, какъ одинъ изъ его источниковъ, одна изъ его формъ, со времени своего возникновенія въ предѣлахъ области установившаго его постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза для всѣхъ лицъ и для самого союза въ цѣлости и въ частяхъ его. Слѣдов., это дѣйствіе права юристовъ должно быть разсматриваемо точно также какъ дѣйствіе положительнаго права вообще въ слѣдующихъ четырехъ отношеніяхъ: во 1, относительно времени, во 2, относительно пространства, въ 3, относительно лицъ и въ 4, относительно самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ его.

1, Юридическое дѣйствіе права юристовъ относительно времени.

Какъ различаютъ дѣйствующее, или современное или недѣйствующее или историческое право вообще, такъ точно слѣдуетъ различать и въ особенности дѣйствующее, или современное и недѣйствующее или историческое право юристовъ въ тѣхъ-же значеніяхъ. Далѣе, какъ съ дѣйствіемъ юридич. положительнаго права вообще относительно времени находится въ прямой непосредственной связи и его возникновеніе и его прекращеніе, такъ и съ юридическ. дѣйствіемъ относительно такого права юристовъ находится и его возникновеніе и его прекращеніе, т. е. возникновеніе юридич. его дѣйствія и его прекращеніе въ извѣстное время. Право юристовъ возникаетъ тогда, когда въ судебн. практикѣ вырабатываются такія судебныя постановленія или въ правовѣдѣніи, какъ наукѣ, вырабатываются такія юридическія правила, которыми постоянный и самоцѣльный людской общественный

союзъ или государств. народъ станетъ руководствоваться какъ юридич. нормами законами и наоборотъ юридич. дѣйствіе права юристовъ прекращается, когда извѣстный постоянный и самоцѣльный людской обществ. союзъ, именно ихъ союзъ, въ особенности государство, народъ въ государствѣ, перестанетъ руководствоваться продуктами дѣятельности своихъ юристовъ. Прекращеніе дѣйствія выражается и здѣсь въ тѣхъ же четырехъ формахъ, въ какихъ выражается прекращеніе дѣйствія положительнаго права вообще, т.е. отмѣною, замѣною, измѣненіемъ и дополненіемъ.

2, Юридическое дѣйствіе права юристовъ относительно пространства.

Какъ положительное право вообще, такъ и право юристовъ въ особенности м. быть въ этомъ отношеніи или общее т.е. повсемѣстное или мѣстное право юристовъ.

3, Юридич. дѣйствіе права юристовъ относительно лицъ. Какъ положительное право вообще, такъ и право юристовъ въ особенности или бываетъ общее, или особенное или исключительное.

Наконецъ въ 4, юридическое дѣйствіе права юристовъ относительно самого союза. Какъ положительное право вообще, такъ и право юристовъ въ особенности относится или до устройства или до управленія своего союза въ цѣломъ и частяхъ его.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ всѣ три источника права, или три формы положительнаго права порознь: обычное право, законодательное право и право юристовъ, разсмотрѣли ихъ вообще, всесторонне и всеобъемлюще какъ то требуется особеннымъ содержаніемъ нашей науки. Теперь мы можемъ и должны разсмотрѣть ихъ во внутренней связи между собою, какъ одно все-

цѣлое, потому что мы разсматриваемъ все вообще, что входитъ въ составъ нашей науки какъ одно всецѣлое, такъ какъ это есть существенное требованіе нашей науки, обусловленное ея сущностью, именно ея особеннымъ содержаніемъ. Внутренняя связь между этими тремя источниками права или тремя формами положительнаго права и вслѣдствіе того соединения ихъ въ одно всецѣлое понятіе основывается на томъ, что всѣ они суть равно выраженія свободной воли извѣстнаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, такъ что это равенство есть нѣчто имъ общее, внутреннее, связующее въ одно всецѣлое понятіе, а такъ какъ свободная воля извѣстнаго постояннаго самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, выражаемая въ этихъ источникахъ права, или этихъ формахъ положительнаго права, имѣетъ юридич. обязательное дѣйствіе, юридич. обязательную силу для этого именно союза со всѣми его частями и членами, то въ этомъ отношеніи всѣ источники права, всѣ формы положительнаго права равны между собою т. е. они имѣютъ равное юридич. дѣйствіе, равную юридическую обязательную силу, такъ что юридич. обязательная сила обычнаго права не больше и не меньше дѣйствія законодательнаго права и права юристовъ; юридич. дѣйствіе законодательнаго права не больше и не меньше такого дѣйствія и обычнаго права и права юристовъ и наконецъ юридич. дѣйствіе права юристовъ не больше и не меньше юридич. дѣйствія и обычнаго права и законодательнаго права, такъ что всѣ они суть равно источники права или формы положительнаго права, а слѣдов. изъ всѣхъ ихъ равно истекаютъ юридич. нормы, юридич. законы, правоположенія. Поэтому мы должны сказать и наоборотъ: всѣми ими равно прекращается юридич. дѣйствіе права вообще, какъ положительнаго права, такъ что обычнымъ правомъ именно дѣйствіе прекраща-

ется юридич. дѣйствіе законодательнаго права, законод. правомъ прекращается дѣйствіе обычнаго права и права юристовъ и наконецъ правомъ юристовъ прекращается дѣйствіе обычнаго и законодательнаго права. Отсюда прямо слѣдуетъ, что хотя и возможна коллизія, столкновеніе между этими тремя источниками права или формами положительнаго права, но эта коллизія устраняется именно такимъ равнымъ ихъ юридическимъ дѣйствіемъ. Однако же мы находимъ и противорѣчащее тому мнѣніе со стороны нѣкоторыхъ юристовъ и даже противорѣчащія тому постановленія со стороны законодательной власти т. е. законовъ въ собственномъ смыслѣ и при томъ въ такой постепенности. Одни законы въ собственномъ смыслѣ, какъ напр. Улож. Австро-Прусское и новое саксонское отказываютъ вообще во всякой юридич. обязательной силѣ обычаямъ, если этими уложеніями прямо не предоставляется имъ такой обязательной силы посредствомъ ссылки на нихъ. Это есть наибольшая степень пониженія обычнаго права въ сравненіи съ законодательнымъ правомъ. Другіе законы, напр. такъ назыв. общее Германское Уложеніе торговое отрицаютъ обязательную силу обычнаго права только въ томъ смыслѣ, что недопускаютъ, чтобы обычное право могло отмѣнить постановленія законодательной власти, закона въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это уже есть меньшая степень пониженія обычнаго права въ сравненіи съ законодат. правомъ. Наконецъ въ 3, были попытки ограничить законное признаніе юрид. обязательной силы обычнаго права только тѣмъ обычнымъ правомъ, которое не противорѣчитъ законод. праву и слѣдов. понизить обычное право на степень вспомогательнаго, субсидіарнаго права для законодательнаго права. Это есть уже наименьшая степень пониженія обычнаго права

въ сравненіи съ законодательнымъ правомъ. Но такія мнѣнія юристовъ и такія постановленія законодательной власти или закона въ тѣсномъ смыслѣ возникли изъ того воззрѣнія, что будто-бы обычаи истекаютъ изъ такой свободной воли государств. общества, или народа въ этомъ смыслѣ, которая установляетъ себѣ будто-бы чрезъ посредство своихъ обычаевъ или въ формѣ обычаевъ извѣстныя правоположенія въ противоположность свободной воли государства, какъ госу-дарств. власти; но такое воззрѣніе ошибочно, невѣрно, несправедливо, потому что свободная воля государств. общества или народа въ этомъ смыслѣ и свободная воля государства въ смыслѣ госуд. власти есть въ сущности одна и та-же воля, а именно, это есть свободная воля из-вѣстнаго постояннаго и самоцѣльнаго людскаго обществ. союза, а слѣд. обычное право не можетъ намѣренно стать въ противоположность законод. праву. Различіе между тѣмъ и другимъ заключается развѣ только въ томъ, что въ обычномъ правѣ эта свободная воля выражается непосредственно во внѣшней дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ цѣлому союзу, а въ законодательномъ правѣ эта же самая воля выражается въ формѣ слова чрезъ посредство законодат. власти союза, какъ власти государственной. Дѣйствитель-но, законодательное право можетъ замѣнить возникшее обычное право и даже можетъ ли-шить его своей защиты, охраны, санкціи и тѣмъ ослабить его дѣйствіе; но законода-тельное право можетъ такимъ путемъ именно только ослабить юридическое дѣй-ствіе обычнаго права, но совсѣмъ уничто-жить такимъ путемъ оно не можетъ, а можетъ только путемъ обыкновеннымъ, какой принадлежитъ всему положитель-ному праву т. е. или отмѣною или замѣ-ною или измѣненіемъ или дополненіемъ пра-

воположений обычнаго права. Конечно, только въ такомъ случаѣ мы говорили это, если въ самомъ дѣлѣ обычаи суть юридич. обычаи, если обычное право есть въ самомъ дѣлѣ право, а если-же обычай есть только просто обычай, а неюридическій, то изъ соблюденія его не возникаетъ обычнаго права и въ такомъ случаѣ законодательное право можетъ и даже должно уничтожать его юридическое дѣйствіе. Что сказанное нами объ отношеніи въ этомъ смыслѣ законодательнаго права къ обычному праву совершенно вѣрно, справедливо - это подтверждается положительными фактами. Что въ самомъ дѣлѣ законодательное право ослабляетъ иногда дѣйствіе обычнаго права, но не уничтожаетъ его развѣ только этимъ сказаннымъ нами путемъ, то это видно изъ того, что этотъ-же путь предоставленъ и обычному праву въ отношеніи къ законодательному праву, т.е. что и обычное право можетъ отмѣнить постановленія законодательнаго права этимъ-же путемъ. Въ сущности тоже самое слѣдуетъ сказать и о правѣ юристовъ въ отношеніи законодательнаго права т.е. что законод. право можетъ только ослабить его юридич. дѣйствіе, но не можетъ уничтожить его этимъ именно путемъ, если право юристовъ есть въ самомъ дѣлѣ право и это въ самомъ дѣлѣ подтверждается на опытѣ несомнѣнными положительными фактами.

Что касается до соотношенія между обычн. правомъ и правомъ юристовъ, то тѣ юристы которые признаютъ право юристовъ также источникомъ права или формой положительнаго права, какъ и обычное право, какъ и законодательное право, нисколько не сомнѣваются, что они взаимно могутъ какъ-бы ослабить свое юридич. дѣйствіе, если въ самомъ дѣлѣ то и другое есть право, развѣ только путемъ

обыкновеннымъ (отмѣною, замѣною, измѣненіемъ и дополненіемъ) — путемъ, который открытъ для всѣхъ вообще источниковъ права. И такъ, вѣрно только то, что между всѣми этими равными по сущности, по своей юридич. обязательной силѣ источниками права, или формами положительнаго права можетъ встрѣтиться коллизія, какая встрѣчается точно также и между правоположеніями каждаго источника права или каждой формы его, напр. между тѣми и другими юридич. обычаями, между тѣмъ и другимъ закономъ въ собственномъ смыслѣ какъ продуктомъ законодательной дѣятельности и наконецъ между тѣмъ и другимъ правоположеніемъ, установляемымъ юристами; но какъ та такъ и другая коллизія разрѣшается на одномъ и томъ-же основаніи, принципѣ, а именно, что относительно времени всякое правоположеніе — будь оно выражено въ формѣ обычнаго права или въ формѣ законодательнаго или, наконецъ, въ формѣ права юристовъ, имѣетъ значеніе позднѣйшее предъ болѣе старымъ правоположеніемъ; далѣе, что относительно дѣйствія ихъ въ пространствѣ, правоположеніе каждаго изъ этихъ источниковъ, простирающее дѣйствіе на весь союзъ или составляющее такъ называем. общее, повсемѣстно дѣйствующее, постановленіе, исключается, какъ правило вообще, дѣйствіемъ мѣстныхъ правоположеній всѣхъ этихъ источниковъ, каковы-бы они не были; далѣе, — относительно дѣйствія ихъ на лица также точно исключительное право исключаетъ и особенное право и общее право, ибо исключительное право есть исключеніе и изъ особеннаго и изъ общаго права, а особенное право исключаетъ общее право; и наконецъ относительно дѣйствія ихъ на союзъ въ цѣломъ и въ частяхъ всякое правоположеніе, относящееся до управленія союза, должно быть основано на правоположеніи, относящемся къ устройству союза, безъ чего оно

не можетъ имѣть юридич. дѣйствія.

Итакъ, совершенно основательно, какъ римскіе юристы, такъ и такъ назыв. историческая школа юристовъ ставитъ и обычное право и законодательное право и право юристовъ въ сущности на одну и ту-же равную ступень общей ихъ юридич. силы, юридич. дѣйствія, ибо такое существенное равенство ихъ вытекаетъ прямо изъ сущности ихъ какъ источниковъ права или формъ положит. права, которые имѣютъ между собою то общее, какъ мы сказали, что они суть равно выраженія свободной воли извѣстнаго, постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Вытекая непосредственно изъ этой сущности, такое равенство всѣхъ источниковъ права относительно ихъ юридическаго дѣйствія есть нѣчто имъ существенно необходимое, а потому они вовсе не подлежатъ измѣненію, а тѣмъ менѣе уничтоженію со стороны вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ, а именно вслѣдствіе вліянія на нихъ какихъ нибудь историч. событій. Но то, что дѣйствительно подлежитъ измѣненію въ нихъ, какъ обусловленное именно историч. событіями, - это вовсе не дѣйствіе ихъ, а объемъ и значеніе этого дѣйствія, - дѣйствіе этихъ источниковъ или формъ положительнаго права во взаимномъ сравнительномъ соотношеніи одного къ другому, т. е. вслѣдствіе вліянія историч. событій одни изъ этихъ источниковъ права имѣютъ или могутъ имѣть то большій то меньшій объемъ въ сравненіи съ другими или могутъ то большее, то меньшее значеніе для дальнѣйшаго развитія существующаго права, для его преобразованія или даже для его новаго образованія, для творческаго его развитія. Такъ въ догосударственномъ или въ внѣгосударств. бытѣ народовъ въ смыслѣ племенъ гдѣ нѣтъ и быть не можетъ государств. власти потому, что тамъ нѣтъ еще самого государства, само собою разумѣется

дѣйствуетъ исключительно только обычное право, потому что тамъ нѣтъ законодательной власти, а слѣдоват. нѣтъ и законодательства нѣтъ сословій, а слѣд. нѣтъ и сословія юристовъ. Тогда обычное право заключаетъ въ своемъ объемѣ все положительное, тогда оно преобразуетъ существующее право, развиваетъ его и даже образуетъ новое право. Мало того даже и въ государствѣ, но при неразвитомъ еще состояніи народа въ смыслѣ государственнаго общества, когда отношенія между членами государства еще не сложны, когда члены или части государства еще разъединены и когда государство представляетъ такимъ образ. агрегатъ, скученіе отдѣльныхъ членовъ и частей, а вовсе не ихъ единство, соединеніе, - тогда въ немъ преобладаетъ относительно и объема и значенія свое обычное право, какъ правный государственный порядокъ, установившійся фактически преобладаетъ надъ законодательнымъ правомъ, ибо о правѣ юристовъ нѣтъ тамъ и помину. Слѣд. источникъ является преобладающимъ вслѣдствіе сознания государств. обществомъ, народомъ въ этомъ смыслѣ необходимости обычнаго права, а также подъ вліяніемъ нравовъ и религіозныхъ вѣрованій и наконецъ также подъ вліяніемъ особенно могущественныхъ какихъ нибудь отдѣльныхъ личностей въ народѣ, либо семейства, либо цѣлыхъ родовъ. Затѣмъ во 2, при дальнѣйшемъ еще развитіи государственнаго общества, народа въ этомъ смыслѣ изъ сказаннаго правнаго юридическаго порядка, установившагося обычнымъ правомъ, образуется отвлеченное отъ него общее правило дѣятельности, дѣлаемое государственною властію и является какъ-бы установленный законъ, дающій ему юридическое дѣйствіе на будущее время съ цѣлію облегчить юридическому обществу, народу въ этомъ смыслѣ сознаніе уже существующаго фактически права въ формѣ обычнаго права, съ цѣлію предотвратить и пресѣчь колебанія его

пониманія и наконецъ съ цѣлію снабдить его надлежащею охраною, придать ему санкцію въ особенности опредѣленіемъ наказаній за его нарушеніе. Таковъ именно объемъ и таково значеніе законодательнаго права на этой первой ступени его развитія сравнительно съ обычнымъ правомъ, а именно законодательное право на этой ступени есть не болѣе какъ выраженіе уже фактически существующаго права обычнаго, какъ его отвержденіе, какъ его фиксированіе такъ что законодательное право на этой ступени не содержитъ въ себѣ ни дальнѣйшаго развитія и преобразованія существующаго положительнаго права, ни чѣмъ болѣе чего нибудь новаго, не предшествуетъ фактически уже существующему праву въ формѣ обычнаго права, а только какъ-бы слѣдуетъ за нимъ, а именно слѣдуетъ за нимъ въ формѣ писаннаго, записаннаго обычнаго права, являясь или его толкованіемъ, или даже его охранителемъ. Далѣе въ 3, когда отношенія между членами даннаго государства усложняются и развиваются когда члены или части государства, т. е. общества государственнаго, народа въ этомъ смыслѣ приходятъ въ большее между собою соединеніе, единство и когда появляется наконецъ государственная власть, соединяющая ихъ въ одно цѣлое, назначеніе которой, власти, заключается именно въ установленіи правнаго юридическаго порядка въ отношеніяхъ между членами и частями государства, тогда и только тогда естественно уже сама собою возникаетъ чрезъ это дѣятельность законодательной государственной власти и такимъ образомъ становится преобладающимъ въ сравненіи съ обычнымъ правомъ законодательное право какъ по своему объему такъ и по своему значенію отодвигая въ этихъ отношеніяхъ обычное право на задній планъ. Такая дѣятельность государственной власти становится уже на первый планъ, и обычное право съ этого времени все болѣе и болѣе ограничивается меньшими и меньшими частными кругами об-

щественной жизни государствъ а именно или кругами въ смыслѣ географическомъ т.е. тѣ юридическіе обычаи, которые имѣли повсемѣстное дѣйствіе, становятся дѣйствующими только въ той или другой мѣстности, - или-же кругами въ смыслѣ профессіональномъ, т.е. юридическіе обычаи перестаютъ уже имѣть дѣйствіе по отношенію ко всѣмъ лицамъ и мѣстамъ, а являются только дѣйствующими въ качествѣ особеннаго права для тѣхъ или другихъ лицъ т.е. для лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной профессіи; но вообще и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ обычное право ограничивается уже тѣми оборотами, тѣми отношеніями между членами государства вообще и между частями его, которые для интересовъ всего государства считаются индеферентными или, по крайней мѣрѣ, безразличными, такъ что могутъ быть и такіе обычаи, которые между собою противоположны, но это для государства безразлично и потому государство смотритъ совершенно равнодушно на то, какъ они возникаютъ, какъ они прекращаются, какъ они измѣняются, - на устроеніе упорядоченіе правнаго юридическаго быта въ тѣхъ или другихъ географическихъ или профессіональныхъ кругахъ, государство только обращаетъ вниманіе на то, чтобы правный юридическій порядокъ въ нихъ былъ устроенъ какимъ-бы то нибыло образомъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно дѣйствующимъ какимъ-бы онъ ни былъ.

Наконецъ въ 4, является, какъ источникъ права, или форма положительнаго права не только для внутренней собственно государственной жизни даннаго государства, но и для внѣшней его жизни, вообще для внѣшней жизни государствъ, т.е. въ такъ назыв. международныхъ, общенародныхъ отношеніяхъ, - тотъ источникъ права или та форма положительнаго права, которая называется <u>правомъ юристовъ</u>. Эта форма или этотъ источникъ становится мало по малу все болѣе

преобладающимъ источникомъ права по своему объему и значенію сравнительно не только съ обычнымъ правомъ, но даже и съ правомъ законодательнымъ, какъ это указываетъ въ самомъ дѣлѣ настоящее время въ особенности. Объ этомъ проявленіи права юристовъ, какъ новомъ источникѣ права, справедливо замѣчаетъ Савиньи въ своей „Системѣ римскаго нынѣшняго права" слѣдующее: „въ естественномъ ходѣ развитія народа лежитъ, что съ преуспѣваніемъ образованности отдѣляются разнаго рода дѣятельности и познанія и образуютъ такимъ образомъ своеобразное жизненное призваніе особенныхъ классовъ. Такъ и право, бывши сперва общимъ достояніемъ всего народа, развивается въ частности и подробности вслѣдствіе все болѣе и болѣе развѣтвляющихся соотношеній практической жизни, — развивается наконецъ до того, что уже не можетъ какъ прежде пребывать равномѣрно распространенное въ народѣ познаніе его. Тогда образуется и особенный классъ юристовъ, который, будучи только составною частію народа, есть представитель народа въ этомъ юридическомъ кругѣ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли право въ объективномъ смыслѣ или объективное право вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, какъ подобаетъ наукѣ нашей по ея особенному существенному содержанію. Объективное право есть нѣчто внѣшнее для субъекта, имѣющаго право, но право не остается во внѣ, или внѣшнимъ для субъекта, а становится принадлежностію, аттрибутомъ самого объекта, какъ полномочіе его, или, что все равно, становится правомъ въ субъективн. смыслѣ, субъективнымъ правомъ, а съ этимъ правомъ нераздѣльно соединяются такъ назыв. юридическія обязанности. Такъ переходимъ мы къ разсмотрѣнію права въ субъективномъ смыслѣ или къ субъективному праву вмѣстѣ съ юридическою обязанностію, что есть уже предметъ второй и послѣдней главы второго отдѣла 1-й части нашей науки. И такъ

Глава вторая.

Право въ субъективномъ смыслѣ въ связи съ юридическ. обязанностью.

Все содержаніе этой главы развивается генетически въ человѣч. сознаніи по ступенямъ, которое составляетъ предметъ 6ти раздѣловъ этой главы, а именно: А, отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанности къ праву въ объектив. смыслѣ; Б, опредѣленіе понятія права въ субъект. смыслѣ и юридической обязанности; В, соотношеніе между правомъ въ субъективномъ смыслѣ и юридической обязанностію. Г, Субъекты и объекты права и ихъ юридич. обязанностей; Д, развитіе въ дѣйствительности правъ и юридич. обязанностей съ ихъ субъектами и объектами и наконецъ Е, правоотношеніе.

Разъяснимъ заглавія этихъ раздѣловъ и оправдаемъ порядокъ слѣдованія ихъ одно за другимъ. Въ предыдущей нами уже изложенной первой главѣ мы разсмотрѣли вообще право въ объективномъ смыслѣ, а въ этой второй главѣ мы разсмотримъ вообще право въ субъективномъ смыслѣ въ связи съ юридич. обязанностью. Почему-же за разсмотрѣніемъ права въ объективномъ смыслѣ должно слѣдовать непосредственно разсмотрѣніе права въ субъективномъ правѣ? Это потому, что они находятся между собою въ непосредственной связи. Вотъ почему мы должны прежде всего опредѣлить эту связь между ними, какъ непосредственное отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ вмѣстѣ съ юридическою обязанностію къ праву въ объективномъ смыслѣ и тѣмъ связать внутреннимъ образомъ обѣ эти главы. Опредѣленіе этой-то связи или этого отношенія и есть предметъ перваго отдѣла этой второй главы. Въ этомъ-то смыслѣ мы и озаглавили этотъ первый отдѣлъ такъ: отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ и юридической обязанности къ праву въ

объективномъ смыслѣ. Но предметъ этой второй главы представляетъ, какъ видно изъ заглавія, собственно право въ субъективномъ смыслѣ съ юридическою обязанностью. Что такое право въ субъектив. смыслѣ и юридич. обязанности и какое понятіе соединяется съ этими словами — это необходимо также опредѣлить, а слѣдов. послѣ опредѣленія отношенія права въ субъективномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ юридическою обязанностью къ праву въ объективномъ смыслѣ мы должны затѣмъ непосредственно опредѣлить понятіе права въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанности. Вотъ это-то и есть предметъ 2-го раздѣла, 2-ой главы, который мы озаглавили такъ: опредѣленіе понятія права въ субъективномъ смыслѣ и юрид. обязанности. Изъ опредѣленнаго такимъ образомъ понятія права въ субъективномъ смыслѣ и юрид. обязанности вытекаетъ прямо непосредственно взаимное отношеніе между ними. Опредѣленіе этого соотношенія и есть потому предметъ 3-го раздѣла 2-ой главы, который мы въ этомъ смыслѣ озаглавили такъ: соотношеніе между правомъ въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанностью. Какъ правами въ субъективномъ смыслѣ такъ и юридич. обязанностями, состоящими между собою въ опредѣленномъ взаимномъ соотношеніи необходимо предполагается какъ ихъ субъекты (въ отвѣтъ на вопросъ, кто имѣетъ права и обязанности), такъ и ихъ объекты (въ отвѣтъ на вопросъ на что они простираются). Вотъ опредѣленіе этихъ такъ назыв. субъектовъ и объектовъ правъ въ субъективн. смыслѣ и юридическ. обязанностей есть предметъ 4-го раздѣла, непосредственно потому слѣдующаго за опредѣленіемъ взаимнаго соотношенія между правомъ въ субъективномъ смыслѣ и юридическою обязанностью. Этотъ раздѣлъ въ этомъ смыслѣ мы озаглавили такъ: субъекты и объекты правъ и юридическихъ обязанностей. Права въ субъективн. смыслѣ и юридическія обязанности, разсматриваемыя уже вмѣстѣ съ ихъ субъек-

тами и объектами суть уже опредѣленныя отношенія; какъ таковыя, онѣ являются въ дѣйствительности, въ реальности, какъ во внѣшней, видимой, дѣйствительности, именно онѣ развиваются въ общественной людской жизни, въ жизни постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ обществ. союзовъ. Развитіе въ такой дѣйствительности и есть предметъ 5го раздѣла, непосредственно потому слѣдующаго за опредѣленіемъ субъектовъ и объектовъ и объектовъ правъ и обязанностей. Этотъ раздѣлъ мы озаглавили въ этомъ смыслѣ такъ: развитіе правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами. Наконецъ, опредѣленные, извѣстные субъекты правъ и юридич. обязанностей, вмѣстѣ съ ихъ объектами состоятъ во внѣшней дѣйствительности, именно въ жизни общественныхъ союзовъ въ опредѣленныхъ, извѣстныхъ соотношеніяхъ между собою. Эти соотношенія назыв. юридическими отношеніями или правоотношеніями. Эти-то правоотношенія вообще и составляютъ предметъ разсматриванія 6го и послѣдняго раздѣла, непосредственно потому слѣдующаго за разсмотрѣніемъ развитія правъ и юридическихъ обязанностей съ ихъ субъектами и объектами. Этотъ раздѣлъ въ этомъ смыслѣ мы озаглавили кратко такъ: правоотношенія.

Ни болѣе, ни менѣе этихъ 6^ти^ раздѣловъ не можетъ быть въ этой 2^й^ главѣ, не можетъ быть менѣе потому, что только въ этихъ 6^ти^ раздѣлахъ можетъ быть раскрыто право въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанность, — раскрыто вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, какъ того требуетъ наша наука. Не можетъ быть болѣе или менѣе этихъ раздѣловъ потому, что 6^й^ раздѣлъ мы озаглавили „правоотношеніе", которое и составляетъ собою переходъ къ третьему и послѣднему отдѣлу 1^й^ части науки, къ тому отдѣлу, гдѣ именно съ правоотношеній начинается возведеніе права къ правовѣдѣнію, такъ что этотъ 6^й^ раздѣлъ, разсматривающій эти правоотношенія есть и

долженъ быть последнимъ раздѣломъ, 2-и послѣдней главы 2-го раздѣла 1-й части науки.

Раздѣливъ такимъ образомъ эту главу на 6-ть раздѣловъ, разъяснивъ заглавіе и оправдавъ порядокъ слѣдованія одного раздѣла за другимъ, остается теперь въ этомъ именно порядкѣ излагать содержаніе этихъ раздѣловъ. Итакъ,

А) <u>Отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанности къ праву въ объект. смыслѣ.</u>

Это отношеніе раскрывается въ слѣдующемъ: 1, право въ субъективномъ смыслѣ и юридическая обязанность относятся къ праву въ субъект. смыслѣ, какъ относятся вообще существенныя составныя части или элементы къ своему цѣлому, существенно состоящему изъ этихъ частей или элементовъ, которые составляютъ его существенное содержаніе. Это потому, что право въ объективномъ смыслѣ есть ничто иное, какъ мы видѣли, какъ система юридическихъ нормъ законовъ; существенное содержаніе такихъ юридич. нормъ, законовъ, потому что они юридическіе, правные, не можетъ быть иное, какъ именно также юридическое, правное. Это-то юридическое, правное содержаніе ихъ и состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ правѣ въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанности. Поэтому, собственно говоря, только права и юридическія обязанности признаютъ юристы существенными составными частями или элементами объективнаго права какъ его существенным содержаніемъ; все же прочее, кромѣ права и обязанности, хотя не можетъ быть опредѣлено и въ самомъ дѣлѣ опредѣляется также объективнымъ правомъ, но оно не составляетъ собственно его существеннаго содержанія, а состоитъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкой или отдаленной связи. Таковы напр. законы, опредѣляющіе судоустройство и судопроизводство, ибо судоустройство находится въ связи съ судопроизводствомъ, а судопроизводство есть производство тѣхъ дѣлъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ права и обязанно-

сти, почему оно и опредѣляется также объективнымъ правомъ.

Съ этимъ первымъ отношенiемъ субъективнаго права и субъект. обязанности находится въ связи другое отношенiе: 2) права и обязанности, будучи существенно составными частями, или элементами, или содержанiемъ права въ объективномъ смыслѣ, необходимо суть вмѣстѣ съ тѣмъ и его существенный предметъ, или, что все равно, право въ объективномъ смыслѣ т. е. юридич. законы, юридич. нормы имѣютъ своимъ существеннымъ предметомъ права въ субъективн. смыслѣ. Итакъ права и юридическiя обязанности относятся къ праву въ объективн. смыслѣ, какъ относятся вообще существенные предметы, объекты къ тому, что есть ихъ субъектъ.

Отсюда прямо вытекаетъ слѣдующ. 3-ье отношенiе, 3, право въ объективн. смыслѣ служитъ существенною необходимою основою, или основанiемъ, для правъ въ субъективномъ см. и юридич. обязанностей. Это потому, что право въ субъект. смыслѣ, какъ нѣчто дозволенное для человѣческой воли, дозволяется именно ничѣмъ инымъ какъ правомъ въ объективномъ смыслѣ, какъ юридическими законами, какъ юридическими нормами. Точно также юридич. обязанности налагаются на человѣч. волю какъ нѣчто нравственно необходимое ничѣмъ инымъ, какъ правомъ въ объект. смыслѣ. Итакъ субъективное право и юридич. обязанность относятся къ праву въ объективн. смыслѣ, какъ относится вообще обоснованное къ своей основѣ.

Съ этимъ отношенiемъ находится въ непосредственной связи слѣдующ. четвертое отношенiе, а именно, 4, право въ объективномъ смыслѣ, будучи какъ мы сказали, основанiемъ права въ субъект. смыслѣ и юридич. обязанностей, есть существенное потому необходимое условiе правъ въ субъект. смыслѣ и юридич. обязанностей, ибо права въ субъект. смыслѣ и юрид. обязанности обусловливаются ничѣмъ инымъ какъ правомъ въ объективн. смыслѣ, т. е.

права въ субъективн. смыслѣ и юридич. обязанности здѣсь имѣютъ дѣйствительное бытіе, существуютъ во внѣшней дѣйствительности въ общественной жизни постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, какъ таковыхъ, и становятся здѣсь, какъ таковые (т.е. какъ права юридич. обязанности) таковыми (т.е. правами и юридическ. обязанностями) если это бытіе и это становленіе дается имъ правомъ, въ объективн. смыслѣ. И такъ права и юридич. обязанности относятся къ праву въ объективн. смыслѣ, какъ относится вообще все обусловленное къ своему условію.

Съ такимъ отношеніемъ находится наконецъ въ непосредственной связи пятое отношеніе: 5) право въ объективн. смыслѣ, будучи, какъ мы сказали, условіемъ субъект. правъ и юридич. обязанностей, служитъ нормою или постояннымъ правиломъ для всѣхъ правъ и юридич. обязанностей, или: права и юридическія обязанности нормируются, регулируются именно правомъ въ объективномъ смыслѣ, а ничѣмъ нибудь инымъ. И такъ права и юридическія обязанности относятся къ праву въ объективномъ смыслѣ, какъ относится вообще все нормируемое или регулируемое къ своей нормѣ, регулѣ, правилу, какъ общему правилу.

Всѣ исчисленныя и уясненныя отношенія мы можемъ и даже должны свести къ слѣдующимъ двумъ отношеніямъ, какъ двумъ родамъ отношеній, которыхъ сказанныя отношенія суть только различные виды. Перваго рода отношенія заключаются въ томъ, что всѣ права и юридическія обязанности составляютъ существенное содержаніе и существенный предметъ права въ объективн. смыслѣ, какъ мы это указали (предметъ и содержаніе находятся между собою въ ближайшей связи, почему мы ихъ и соединяемъ). Втораго рода отношенія заключаются въ томъ, что право въ объективномъ см. служитъ основаніемъ или нормою правъ и юридич. обязанностей (мы соединяемъ эти отношенія потому, что они взаимно

себя обусловливаютъ). Изъ послѣдняго рода отношенія, выраженнаго нами въ положительной формѣ, непосредственно вытекаетъ отношеніе, которое есть тоже самое, но выраженное въ отрицательной формѣ, и именно въ слѣдующей: нѣтъ вовсе такихъ субъективныхъ правъ и такихъ юридическихъ обязанностей, для которыхъ право въ объективномъ смыслѣ не служило-бы основою, условіемъ и нормою, а именно объективное право или такъ называемое естественное, природное право или-же такъ называемое положительное право. Это отношеніе м. б. еще выражено такимъ образомъ: нѣтъ вовсе такого права въ субъективномъ смыслѣ, которое-бы не было дано, предоставлено, дозволено правомъ въ объективномъ смыслѣ или естественнымъ правомъ или положительнымъ правомъ и нѣтъ такой юридической обязанности, которая не была-бы наложена правомъ въ объективномъ смыслѣ или естественнымъ правомъ, или положительнымъ правомъ; или: ничто не можетъ стать и быть правомъ въ субъективномъ смыслѣ безъ того, чтобы право въ объективн. смыслѣ не дало на то полномочія свободной человѣческой волѣ, такъ что право въ субъективномъ смыслѣ есть ничто иное, какъ полномочіе, данное человѣческой волѣ правомъ въ объективн. смыслѣ; или короче: всякое право въ субъективномъ смыслѣ есть правомочіе въ этомъ смыслѣ, т. е. есть полномочіе, данное правомъ въ объективномъ смыслѣ человѣческой волѣ, полномочіе, обусловленное, нормируемое и регулируемое правомъ въ объективн. смыслѣ, точно также ничто не можетъ стать и быть юридич. обязанностію безъ того, чтобы право въ объект. смыслѣ его не обусловливало, не нормировало и не регулировало. Права и юрид. обязанности, состоящія такимъ образомъ въ опредѣленномъ нами отношеніи къ объект. праву, называются потому юристами въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ правами и обязанностями въ отличіе именно отъ правъ и обязанностей, состоящихъ въ та-

комъ же отношеніи, но уже не къ праву въ объектив-
номъ смыслѣ, не къ юридич. законамъ не къ юрид.
нормамъ, а къ моральнымъ законамъ, къ мораль-
нымъ нормамъ, которыя (права и обязанности)
потому и называются моральными правами и
обязанностями; они суть существенныя состав-
ныя части, элементы и предметы морали, кото-
рая также служитъ имъ основою, условіемъ и
нормою. Если бы нужно было найти выраженіе
для отличія того, что называютъ юристы соб-
ственно правами и обязанностями (безъ всякаго
прилагательнаго) отличнаго, отъ того что на-
зывается моральными правами и обязанностя-
ми, то перваго рода права и обязанности соб-
ственно т. к. назыв. можно назвать правными,
юридическими правами и обязанностями. Впро-
чемъ, говоря о правахъ и обязанностяхъ, юристы
обыкновенно не прибавляютъ эпитета юридичес-
кіи, потому что съ юридич. только правами
и обязанностями они имѣютъ дѣло.

Такъ напр. можно говорить о правѣ мораль-
номъ человѣка вообще на любовь къ нему всѣхъ
прочихъ людей, т. к. его ближнихъ и о соотвѣт-
ствующей этому моральному праву мораль-
ной обязанности любить ближняго т. к. самаго
себя, если мы говоримъ о моральныхъ правахъ
и обязанностяхъ въ духѣ христіанской религіи.
Т. к. напр. говорятъ объ особенномъ правѣ, какъ
правѣ моральномъ человѣка, оказавшаго дру-
гому благодѣяніе какое нибудь или удовольствіе -
о правѣ, которое онъ имѣетъ на благодарность
со стороны человѣка и о соотвѣтствующей
этому праву обязанности благодарить, ибо
всякое одолженіе, по пословицѣ, обязываетъ. Т. к.
слѣдуетъ остерегаться, чтобы не смѣшивать
права и морали въ объект. смыслѣ, т. к. точно
слѣдуетъ остерегаться смѣшенія правъ и юрид.
обязанностей съ правами и обязанностями
моральными; ихъ слѣдуетъ различать пото-
му что для юридич. правъ и обязанностей

основою, условіемъ и нормою служитъ объектив-ное право, а для моральныхъ правъ и обязанно-стей основою, условіемъ и нормою служитъ мо-раль въ объективномъ смыслѣ. Однакоже какъ не слѣдуетъ различія между правомъ и моралью въ объек-тивномъ смыслѣ доводить до противоположности и различія между основанными на нихъ правами и обязанностями, ибо какъ право и мораль въ объек-тивномъ смыслѣ соединяются въ нравственности въ обширномъ смыслѣ, т.е. въ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ законахъ или нормахъ, такъ точно и юриди-ческія и моральныя субъективныя права и обязанно-сти соединяются въ нравственныя въ обширномъ смыслѣ законахъ или нормахъ, такъ точно и юри-дическія и моральныя субъективныя права и обязан-ности соединяются въ нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этическія субъективныя права и обя-занности. Какъ называютъ юристы правомъ въ собственномъ объективномъ смыслѣ только поло-жительное право, а естественное право хотя и на-зываютъ правомъ, но не въ собственномъ смыслѣ, такъ различаютъ они обыкновенно права въ субъ-ективномъ смыслѣ и обязанности, основанныя на положительномъ правѣ, признавая ихъ собст-венно правами и обязанностями, отъ правъ и обязанностей, основанныхъ на естеств. правѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ отношеніе правъ въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанностей къ объективному праву, необходимо опредѣлить самое понятіе права въ субъективномъ смыслѣ и юридическія обязанности. Такъ мы переходимъ ко 2-му раздѣлу. Итакъ,

Б, Опредѣленіе понятія права въ субъективномъ смыслѣ и юридической обязанности.

Мы должны начать въ этомъ раздѣлѣ съ опре-дѣленія понятія права въ субъективн. смыслѣ, а затѣмъ уже опредѣлить понятіе юридич. обязан-ности. Это потому, что основа, условіе и норма права въ субъективномъ смыслѣ есть только пра-

во въ объективномъ смыслѣ и слѣдовательно понятіе права въ субъективномъ смыслѣ должно быть опредѣлено непосредственно послѣ разсмотрѣнія права въ объективномъ смыслѣ, юридическая же обязанность имѣетъ и можетъ имѣть такимъ основаніемъ, условіемъ и нормою не только право въ объективномъ смыслѣ, но и право въ субъективн. смыслѣ, слѣдов. понятіе юридич. обязанности должно быть опредѣлено уже послѣ того какъ будетъ опредѣленъ понятіе не только права въ объективномъ смыслѣ, что мы сдѣлали прежде, но и понятіе права въ субъективномъ смыслѣ.

Раздѣлъ 2-й.

1, Опредѣленіе понятія права въ субъективн. смыслѣ.

Право въ субъективномъ смыслѣ опредѣляется по гречески словами τὸ δίκαιον (напр. τὸ δίκαιόν ἐστι имѣть право что нибудь дѣлать и не дѣлать чего-либо) или ἡ δικαιώσις, или τὸ δικαίωμα (что значитъ правое, справедливое требованіе) или ἡ ἐξουσία (напр. ἐξουσίαν ἔχειν πράττειν, имѣть право что либо дѣлать или чего нибудь не дѣлать; ἐξουσίαν πράττειν имѣть на что нибудь право и т. п.). По лат. обозначается это понятіе права въ субъективномъ смыслѣ также словомъ jus, какъ и понятіе права въ объективномъ смыслѣ; точно также по французски le droit, по нѣмецки - das recht, и только въ англійскомъ языкѣ право въ субъективномъ смыслѣ выражается словомъ the right, тогда какъ право въ объективномъ смыслѣ выражается словомъ law.

Если можно опредѣлить право въ субъективн. смыслѣ вообще, не разсматривая генетическаго развитія этого понятія, то можно сказать о немъ, что оно есть полномочіе воли, даваемое, дозволяемое, допускаемое правомъ въ объективномъ смыслѣ; или короче: оно есть полномочіе въ субъективномъ смыслѣ. Но это понятіе генетически развивается въ человѣческомъ сознаніи по извѣст-

ннымъ ступенямъ, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ и главныя значенія права въ объективномъ смыслѣ. Только обращая вниманіе на всѣ эти ступени въ ихъ нераздѣльности, какъ на одно всецѣлое, мы можемъ составить себѣ вѣрное, всестороннее, всеобъемлющее, всецѣлое понятіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ, а потому мы должны разсмотрѣть это генетическое развитіе этого понятія. Всѣхъ ступеней этого развитія три: а слѣдов. всѣхъ есть три главныхъ значенія этого слова, а именно, первое главное значеніе, первая ступень права въ субъективномъ смыслѣ въ которомъ (значеніи) или на которой (ступени) право въ объективномъ смыслѣ и есть опредѣленная, извѣстная, нравственная, именно, правомѣрная какого нибудь субъекта способность, или возможность дѣлать что нибудь, или недѣлать, что и выражаютъ иногда юристы такимъ опредѣленіемъ права въ субъективномъ смыслѣ на латинскомъ языкѣ: facultas seu potentia moralis (нравственная въ обширномъ смыслѣ способность или возможность) jure de terminata. Разъяснимъ это опредѣленіе. Во 1, право въ субъективномъ смыслѣ есть нравственная способность или возможность, т.е. предоставленная свободной волѣ человѣческой, а не физическая способность или возможность, т.е. оно не зависитъ отъ физической силы человѣка, ибо физическая сила не есть право. Въ этомъ смыслѣ можно сказать вмѣстѣ съ Виндшейдомъ, что право въ субъективномъ смыслѣ есть дозволенность человѣческой воли. Во 2, право въ субъективномъ смыслѣ есть ближайшимъ образомъ правомѣрная способность или возможность, т.е. основанная на правѣ въ объект. смыслѣ или имъ обусловленная, нормируемая или регулируемая. Въ 3, право въ субъект. смыслѣ состоящее въ правомѣрной способности дѣлать что нибудь называется положительнымъ правомъ (напр. право собственника вещи владѣть и распоряжаться ею есть положи-

тельное право), а право, состоящее въ правомѣрной способности, возможности субъекта чего нибудь не дѣлать, назыв. отрицательнымъ правомъ, каково у насъ напр. право дворянъ не платить подушной подати. Принадлежащая какому нибудь извѣстному субъекту правомѣрная способность, возможность называется правоспособностью (переводъ нѣмецкаго слова Recht fähigkeit); такую правоспособность назыв. юридич. личностью въ особенномъ юридическомъ смыслѣ въ отличіе отъ общаго смысла этого слова. Въ общемъ смыслѣ этого слова личности есть принадлежащая какому-нибудь существу способность или возможность самосознанія и свободы (напр. когда философъ рѣшаетъ вопросъ на основаніи разума (а не вѣры) о томъ, есть-ли божество личное существо, то подъ существомъ разумѣетъ именно способность самосознанія и свободы). Этотъ-то общій смыслъ юристы ограничиваютъ, а именно личность въ юридическомъ смыслѣ есть правоспособность, есть способность къ праву въ субъект. смыслѣ. Существо имѣющее личность въ этомъ юридическомъ смыслѣ или правоспособность назыв. также юристами въ этомъ смыслѣ (въ юридич.) лицомъ, между тѣмъ какъ въ общемъ смыслѣ подъ именемъ лица разумѣется существо, имѣющее личность въ общемъ смыслѣ, т. е. существо самосознающее и свободное. Отъ этой личности въ юридич. смыслѣ, какъ правоспособность слѣдуетъ отличать и отличаютъ юристы, дѣеспособность въ юрид. смыслѣ (переводъ нѣмецкаго слова Handel-fähigkeit). Подъ дѣеспособностью разумѣется правомѣрная способность, возможность пользоваться на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности такими правами въ субъект. смыслѣ, которыя имѣетъ субъектъ въ возможности (напр. хотя малолѣтній и несовершеннолѣтній имѣетъ такія-же права собственности какъ и совершеннолѣтній въ возможности, но пользоваться ими можетъ только съ большимъ ограниченіемъ

т. е. несовершеннолѣтній и совершеннолѣтній, имѣютъ равную правоспособность, но дѣеспособность неравную, а именно несовершеннолѣтній имѣетъ меньшую дѣеспособность, доходящую даже до нуля у младенцовъ.).

Опредѣляя право въ субъективномъ смыслѣ какъ нравственную или правомѣрную способность дѣлать что нибудь или чего-нибудь не дѣлать, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ право въ субъект. смыслѣ и еще только какъ право въ возможности, а не въ дѣйствительности, ибо кто имѣетъ только способность что нибудь дѣлать или чего нибудь не дѣлать - о томъ нельзя еще сказать, что онъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ право и пользоваться этимъ правомъ. Мало-ли напр. намъ русскимъ не представляется правъ въ возможности, мало-ли есть такихъ правъ вообще, которые-бы мы могли имѣть по нашимъ русскимъ законамъ, мало-ли такихъ правъ, къ которымъ мы способны, но много-ли изъ нихъ такихъ правъ, которыми мы можемъ пользоваться на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности, а также мало-ли такихъ правъ, которыя-бы могли быть намъ предоставлены русскимъ, мало-ли какія права для насъ возможны но такъ какъ эти права не предоставлены намъ нашимъ законамъ, то мы ихъ не имѣемъ, и не пользуемся въ дѣйствительности. Вы видите такимъ образомъ рѣзкое различіе между правомъ въ возможности и правомъ въ дѣйствительности, на которое иногда не обращаютъ должнаго вниманія юристы. Конечно для того, чтобы имѣть права въ субъективномъ смыслѣ, для того, чтобы пользоваться ими на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности, необходимо имѣть напередъ правоспособность, имѣть личность въ юридическомъ смыслѣ, ибо если человѣкъ не будетъ признанъ правоспособнымъ объективнымъ правомъ, не будетъ признанъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, то онъ не можетъ имѣть никакихъ правъ, на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности (напр. рабъ, не имѣя правоспособности, не можетъ пользоваться никакими

Лит. А. Сазонова б. Солдатскій ... № 4

правами). Однако-же одна только правоспособность, личность въ юридическомъ смыслѣ еще недостаточна для того, чтобы имѣть права, пользоваться ими на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности. Поэтому, для полнаго опредѣленія понятія права въ субъективномъ смыслѣ еще недостаточно опредѣленій его, какъ нравственной, правомѣрной возможности, способности дѣлать что либо, или чего-нибудь недѣлать, а потому еще нужно опредѣлить его и какъ нѣчто существующее въ самой дѣйствительности, а не въ одной только возможности. Тутъ необходимо взойти отъ опредѣленія права въ возможности къ опредѣленію права въ дѣйствительности, что есть уже высшая, вторая ступень его генетическаго развитія, или второе его главное значеніе, необходимо предполагающее его первое главное значеніе т. е. какъ права въ возможности и потому оно второе, что имъ предполагается первое. Итакъ,

Вторая ступень, или второе главное значеніе права въ субъективномъ смыслѣ.

Право въ субъективномъ смыслѣ есть на этой ступени, въ этомъ значеніи опредѣленная, извѣстная, нравственная, именно правомѣрная чья-нибудь, какого-нибудь субъекта власть, мочь, могущество, потенція, господство, сила. Разъяснимъ это опредѣленіе. Во 1, право въ субъективн. смыслѣ есть нравственная власть, могущество, господство силы, ибо физическая сила не есть право. Во 2, право въ субъект. смыслѣ есть, сказали мы, та именно нравственная власть и проч. которая есть правомѣрна (правомѣрное могущество, господство, сила), т. е. основанная на правѣ въ объективномъ смыслѣ имъ обусловленная, имъ нормируемая, имъ регулируемая. Въ 3, съ такою властію правомѣрною, съ такимъ могуществомъ, господствомъ, силою соединяется то, что называется юристами юридич. притязаніемъ въ

смыслѣ физическаго требованія извѣстнаго лица отъ другихъ лицъ, чтобы они дѣлали что-нибудь и чего нибудь не дѣлали на самомъ дѣлѣ т.е. чтобы они исполняли то, что назыв. юридическою обязанностію, какъ мы это увидимъ, когда будемъ говорить о юридич. обязанности. Въ 4, хотя физическая власть, господство, сила не есть право въ субъективн. смыслѣ, однако-же право безъ такой силы, безъ такого могущества не есть право въ дѣйствительности, а есть право только въ возможности, такъ что безъ нея право безсильно, не мощно. Вообще физическая сила есть или во 1, нѣчто безразличное въ юридическомъ отношеніи какъ физическая сила по себѣ взятая (о такой силѣ нельзя сказать, чтобы она была правомѣрна, если ее разсматривать относительно права) или во 2, она относительно къ праву можетъ быть уже различна т.е. можетъ быть или правомѣрною, или неправомѣрною: правомѣрною - когда она нераздѣльна съ правомъ въ субъективномъ смыслѣ, ибо тогда она, какъ право, обоснована правомъ въ объективномъ смыслѣ, тогда она имъ регулируется, нормируется, если-же она противна праву въ субъективномъ смыслѣ, а слѣдоват. противна праву въ объективномъ смыслѣ, то она есть неправомѣрная сила въ этомъ смыслѣ, т.е. есть нарушеніе права и въ субъективномъ и въ объективномъ смыслѣ, есть правонарушеніе. Если физическою силою не нарушается право ни въ субъективномъ, ни въ объективномъ смыслѣ, то она является непремѣнно правомѣрною (такъ что слѣдоват. достаточно для этого одного такого отрицательнаго признака); напр. овладѣніе такъ наз. вещью никому не принадлежащею, что юристы обозначаютъ словомъ occupatio, есть дѣйствіе физической силы и ничего больше, однако-же эта физическая сила признается правомѣрною т.е. объективное право предоставляетъ каждому право овладѣть вещью никому не принад-

лежащею (res nullius). Но ни право въ возможности, опредѣляемое какъ нравственная именно правомѣрная способность, или возможность что-нибудь дѣлать и чего нибудь не дѣлать (1ая ступень или 1е значеніе), ни право въ дѣйствительности, опредѣляемаго какъ власть, могущество, господство, сила, не выражаетъ еще вполнѣ сущности понятія права въ субъективномъ смыслѣ, хотя для того, чтобы было право въ субъективномъ смыслѣ, необходимо, чтобы оно было возможно, а также необходимо чтобы оно было на самомъ дѣлѣ правомъ въ дѣйствительности. Но спрашивается, что же есть такое возможность и дѣйствительность права въ объективномъ смыслѣ. На это нѣтъ отвѣта ни въ 1мъ значеніи этого слова (1-я ступень), ни во 2мъ (2-я ступень). Въ чемъ состоитъ сущность этой возможности и дѣйствительности права - отвѣтъ на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ третье и послѣднее опредѣленіе и главное значеніе права въ субъективномъ смыслѣ, какъ третью и послѣднюю ступень генетическаго развитія права въ субъективномъ смыслѣ. Итакъ,

Третья и послѣдняя ступень или третье и послѣднее главное значеніе права въ субъективномъ смыслѣ.

Въ этомъ значеніи право есть правомѣрная (не будемъ говорить нравственная, потому что иною она не можетъ быть) свобода лица въ юридическомъ смыслѣ. Разъяснимъ это. Во 1, право есть свобода лица, но мы прибавили слово „правомѣрная", что значитъ основанная на правѣ въ объективномъ смыслѣ и нормируемая и регулируемая, свобода - не неправомѣрная, т. е. неоснованная на правѣ, а на чемъ-нибудь другомъ, а именно вообще на свойствѣ человѣческой воли самоопредѣляться къ дѣйствительности внѣшней, къ дѣяніямъ, или на свойствѣ чело-

вѣческой воли, быть первопричиною извѣстнаго какого нибудь дѣянія – такая свобода есть безразличное своеволіе или самоволіе въ юридическомъ отношеніи. Свобода же неправомѣрная, въ смыслѣ противной объективному праву, есть неправо, а именно есть неправомѣрное своеволіе, своевольство, т.е. если человѣкъ ставитъ свою единичную волю противъ всеобщей воли, выраженной въ объективномъ правѣ. Слѣдоват. это есть уже нѣчто противное объективному праву, когда человѣкъ ставитъ то, что истекаетъ изъ его единичной воли на мѣсто того, что истекаетъ изъ всеобщей воли, выраженной въ объективномъ правѣ – это есть уже потому преступный, беззаконный произволъ, это есть уже неправо, правонарушеніе, есть неправомѣрная свобода, преступная. Во 2, право въ субъективномъ смыслѣ какъ правомѣрная свобода лица, есть свобода предоставленная лицу правомъ въ объективномъ смыслѣ въ смыслѣ права возможности дѣлать что нибудь или чего нибудь не дѣлать, которую (свободу) имѣетъ лицо какъ право въ субъективномъ смыслѣ – и въ дѣйствительности т.е. какъ право пользоваться на самомъ дѣлѣ такою возможностью на основаніи объективнаго права въ смыслѣ права въ дѣйствительности т.е. въ смыслѣ власти. Такимъ образомъ въ значеніи права въ субъективномъ смыслѣ права въ дѣйствительности т.е. въ смыслѣ власти. Такимъ образомъ въ значеніи права въ субъективномъ смыслѣ какъ правомѣрной свободы соединяются предъидущія значенія т.е. и право въ возможности и право въ дѣйствительности. Вотъ почему право, какъ правомѣрная свобода лица, поставлено нами на третьемъ мѣстѣ. И вотъ почему нѣтъ больше главныхъ значеній права въ субъективномъ смыслѣ и вотъ почему нѣтъ больше ступеней его генетическаго развитія.

Во всемъ томъ, на что лицо имѣетъ право въ возможности и въ дѣйствительности, онъ воленъ, свободенъ; такъ напрseason. онъ воленъ въ вещи, когда онъ имѣетъ на нее право, онъ воленъ въ лицѣ, когда онъ имѣетъ на него право. Это значитъ, что онъ влагаетъ въ нихъ свою волю, выражаетъ ее въ нихъ или надъ ними. Если-бы человѣкъ не могъ ни во что вложить свою свободную волю, не могъ ничѣмъ выразить, обнаружить ее, то свободная воля его оставалась-бы въ бездѣйствіи, слѣдоват. она противорѣчила-бы своей сущности, состоящей въ самоопредѣленіи, а потому она сама себя уничтожила-бы. Зачѣмъ было имѣть человѣку свободную волю, если-бы онъ не могъ ни въ чемъ, ни во что вложить ее, ни въ немъ не могъ выразить, обнаружить? Изъ этого видно, что понятіе, сущность права въ субъективномъ смыслѣ есть въ самомъ дѣлѣ есть свобода какъ правомѣрная свобода лица. Но такъ какъ субъектъ не иначе какъ юридически воленъ, свободенъ, т. е. въ юридическомъ отношеніи, на основаніи права въ объективномъ смыслѣ, то потому право, какъ правомѣрная свобода лица, есть тоже самое, что свобода юридическая или свобода въ юридическомъ смыслѣ. Таковы всѣ права въ субъективномъ смыслѣ какія только можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ лицо, суть ничто иное, какъ существенныя составныя части, или элементы той правомѣрной свободы, свободы въ юридическомъ смыслѣ, или существенныя составныя части, элементы права, какъ правомѣрной свободы лица, а потому въ этомъ третьемъ и послѣднемъ главномъ значеніи права въ субъективномъ смыслѣ выражается вообще всестороннее, всеобъемлющее, всецѣлое понятіе права въ субъективномъ смыслѣ какъ оно выражалось въ первыхъ двухъ значеніяхъ, а слѣдоват. это есть послѣдняя самая высшая ступень генетическаго

го развитія понятія права въ субъективномъ смыслѣ, именно въ человѣческомъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, что это понятіе всестороннее — это доказывается тѣмъ, что право, какъ правомѣрная свобода лица, есть и право, разсматриваемое со стороны его возможности и вмѣстѣ съ тѣмъ есть право, разсматриваемое со стороны его дѣйствительности. Далѣе, что это понятіе права, какъ правомѣрной свободы лица, есть понятіе всеобъемлющее — это доказывается тѣмъ, что право, какъ правомѣрная свобода, обнимаетъ всѣ права, какъ свои существенныя, составныя части, или элементы, ибо нѣтъ никакого права въ субъективномъ смыслѣ, которое-бы не входило въ составъ понятія права, какъ правомѣрной свободы лица. Всякое право въ субъективномъ смыслѣ есть свобода лица, какъ свобода правомѣрная. Наконецъ, что право, какъ правомѣрная свобода лица, есть единое всецѣлое понятіе — это доказывается тѣмъ, что въ правомѣрной свободѣ лица соединяются всѣ права въ субъективномъ смыслѣ, какъ его составныя части и элементы, въ одно всецѣлое понятіе, ибо права хотя и не смѣшиваются между собою, а различаются одно отъ другого, но никакъ не противополагаются одно другому, т. е. не разъединяются, а слѣдоват. они соединяются въ одно всецѣлое понятіе права, какъ правомѣрной свободы. Такъ право въ субъективномъ смыслѣ, какъ юридическая свобода лица, или свобода въ юридическомъ смыслѣ этого слова, соединяетъ съ собою всѣ права, какъ свои составныя части или элементы. Въ этомъ-то смыслѣ право въ субъективномъ смыслѣ, какъ одно всестороннее всеобъемлющее и всецѣлое право, можетъ быть названо правомъ въ его всеобщности или вообще, а въ отличіе отъ него, всѣ права, входящія въ его составъ, какъ его существенныя составныя части, элементы, могутъ быть названы, въ отличіе отъ всеобщаго права или

отъ права вообще, особенными правами, такъ что безчисленное множество правъ различныхъ есть ничто иное, какъ только осуществленіе, выраженіе правомѣрной свободы лица или права вообще, права въ его всеобщности. И такъ, если мы хотимъ опредѣлить понятіе права въ субъективномъ смыслѣ вообще, а не въ частности того или другаго права особеннаго, то мы можемъ опредѣлить его иначе, какъ сказалъ, что оно есть правомѣрная свобода лица или свобода въ юридическомъ смыслѣ, т.е. свобода, основанная на объективномъ правѣ, обусловленная, нормируемая или регулируемая объективнымъ правомъ. Но затѣмъ между различными правами юристы различаютъ права, которыя называются сложными и права, которыя называются простыми: сложными, особенными правами называютъ тѣ, которыя, какъ показываетъ самое слово, слагаются изъ многихъ, простыхъ правъ, какъ изъ своихъ составныхъ частей или элементовъ, соединяющихся въ одно такое сложное право, а простыми правами называются тѣ особенныя права, которыя не составляются изъ такихъ правъ, а слѣдовательно суть простыя существенныя составныя части, или же элементы права вообще, ибо изъ нихъ слагаются всѣ сложныя права, а сами они затѣмъ ни изъ чего не слагаются, почему они и называются простыми. Напр. право собственности, какъ исключительное право лица на извѣстную вещь или просто называемое юристами собственностію (dominium) есть право сложное, составное, состоящее изъ соединенія слѣдующихъ простыхъ правъ: 1, изъ права владѣнія (jus possidendi) изъ права употребленія (usus), изъ права пользованія (fructus) т.е. пользоваться продуктами данной вещи и наконецъ изъ права распоряженія (jus disponendi или dispositionis), въ составъ которого входятъ опять какъ простыя права, право оставленія вещи, когда человѣкъ бросаетъ вещь, не имѣетъ въ виду опредѣленнаго лица, которое бы

приняло ее въ свою собственность (derelictio) и право отчужденія (jus alienationis) когда человѣкъ передаетъ свою вещь въ собственность другого лица извѣстного. Но такое дѣленіе юристовъ на сложные и простые права въ этомъ смыслѣ есть дѣленіе не точное въ томъ отношеніи, что во 1, вообще говоря, понятія о сложномъ и простомъ суть понятія относительныя и условныя: что является простымъ въ отношеніи одного, то является сложнымъ въ отношеніи къ чему нибудь другому и что во 2, въ особенности ни одно изъ, такъ называемыхъ юристами, простыхъ правъ не есть простое въ смыслѣ элемента права, какъ абсолютнаго элемента, какъ абсолютно элементарной, т. е. недѣлимаго уже на особенныя права, права, въ смыслѣ того, какъ химики говорятъ объ элементахъ въ смыслѣ абсолютно-простыхъ правъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, уже изъ приведеннаго нами правомѣрнаго права собственности вы видите ясно, что оно есть право сложное только относительно и условно, а именно относительно заключающихся въ его составѣ разлигчныхъ нами исчисленныхъ правъ (владѣнія, употребленія, пользованія и распоряженія) но это самое право собственности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право простое относительно къ праву, которое называется вещнымъ правомъ (jus in re или ad re), ибо не только право собственности входитъ въ составъ этихъ вещныхъ правъ, но и другое право, какъ его элементъ, какъ напр. право въ вещи т. е. принадлежащее другому лицу. Затѣмъ и всякое вещное право (jus in re или ad re) есть опять право сложное только относительно права собственности и правъ въ вещи, ибо относительно къ тому праву, которое называется правомъ имущественнымъ, оно есть простое право, ибо въ составъ имущественныхъ правъ входятъ не

только вещныя права, но и права по обязательствамъ. Далѣе, и имущественное право есть право сложное только относительно этихъ правъ по обязательствамъ и права вещнаго; но съ другой стороны оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ право простое, а именно относительно тѣхъ правъ, которыя называются jura privata (частныя права) т. е. принадлежащія частнымъ лицамъ, какъ таковымъ, ибо въ составъ частныхъ правъ входятъ не только имущественныя права, но и права семейныя и наслѣдственныя. Наконецъ и право частное есть право сложное только въ отношеніи имущественныхъ правъ, но оно есть простое относительно права вообще, какъ правомѣрной свободы лица, которое потому есть сложное право въ отношеніи права частнаго, ибо не только частное право входитъ въ составъ такого права вообще, какъ правомѣрной свободы лица, но и политическія права, государственныя, международныя, общественныя, соціальныя права. Наконецъ, что касается до этого права вообще, какъ правомѣрной свободы лица, то это право единственно можетъ быть названо абсолютно сложнымъ правомъ т. е. безотносительно и безусловно сложнымъ, ибо оно уже не есть элементъ или часть составная какого нибудь права, такъ что оно есть такое право вообще, въ которое входятъ всѣ права, какъ его составныя части и слѣдоват. нѣтъ никакого права, въ составъ котораго оно бы входило, потому что оно есть право вообще. Съ другой стороны въ приведенномъ нами примѣрѣ, если мы возьмемъ напр. хоть право распоряженія или-же право употребленія, какъ особенное право, то мы должны признать, что эти права особенныя суть права простыя только относительно и условно т. е. относительно права собственности вообще, ибо всѣ они входятъ въ составъ этого

права; но съ другой стороны мы должны признать, что эти права (право распоряженія, пользованія и т.п.) однако сложны относительно derelictio и alienatio, ибо въ составѣ напр. права распоряженія входитъ и derelictio и alienatio, которыя суть уже простыя права. Далѣе, самое право derelictio и alienatio не есть простое право абсолютно, а только относительно и условно, а именно право отчужденія наприм., alienatio можетъ быть разложено на безчисленное множество особенныхъ правъ, входящихъ въ его составъ. Это разложеніе мы можемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не найдемъ такихъ правъ, которые уже не разлагаемы. Вотъ эти-то послѣднія права и суть абсолютно простыя, особенныя права безотносительно и безусловно, - это есть дѣйствительно въ полномъ и точномъ смыслѣ права особенныя, которыя могутъ быть названы элементарными правами вообще, какъ элементами права вообще, абсолютно, подобно тому, какъ химики стараются дойти до элементовъ всѣхъ вещей, всего существующаго, до самыхъ элементарныхъ вещей, но съ тѣмъ различіемъ, что химики остаются на томъ, что они называютъ элементами только условно, т.е. они никакъ не могутъ ручаться, чтобы эти элементы, числомъ болѣе 60^ти^, не были въ послѣдствіи и не могли быть разложены, какъ разложили вещи другія на свои составные элементы, какъ это и было. Прежде было множество элементовъ, а теперь ихъ гораздо меньше и когда найдутъ средство дальнѣйшаго разложенія, тогда и теперешніе элементы будутъ разложены, что же касается до простыхъ элементарныхъ правъ, то они дѣйствительно въ полномъ смыслѣ, а не условно и относительно суть простые элементарныя права. Право отчужденія напр. есть сложное право, если мы говоримъ просто о правѣ отчужденія; но

спрашивается, какое самое элементарное право входитъ въ его составъ? Отчужденіе такой-то вещи, при такихъ-то условіяхъ и обстоятельствахъ - всѣ вообще окружающія обстоятельства этого отчужденія - это и есть элементарное право, а отчужденіе вообще есть сложное право. Слѣдов. элементарное право есть абсолютное простое право.

Такъ какъ мы получили съ одной стороны абсолютно-сложное право, какъ право вообще, какъ правомѣрная свобода вообще, которая не входитъ въ составъ какого-бы то ни было высшаго права, а съ другой стороны мы нашли абсолютно простыя права, которыя суть въ дѣйствительности существующія права. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать правами in concreto, конкретными правами. Это извѣстные, опредѣленные элементы права, право-же вообще какъ абсолютно сложное право не есть нѣчто существующее физически въ дѣйствительности, а есть нѣчто существующее въ мышленіи, - оно есть отвлеченіе отъ всей безконечности и разнообразнаго множества единичныхъ этихъ конкретныхъ элементарныхъ правъ, почему оно можетъ быть названо правомъ in abstracto въ собственномъ смыслѣ этого слова т. е. абсолютно - абстрактнымъ правомъ, между тѣмъ абсолютно - элементарными предметами или единичными конкретными правами, какъ абсолютно-простыми правами съ одной стороны и между абсолютно сложнымъ правомъ, какъ и абсолютно - абстрактнымъ правомъ, которое есть право въ смыслѣ правомѣрной свободы лица, есть, какъ мы видѣли, множество другихъ абстрактныхъ правъ, которыя постепенно въ нашемъ мышленіи, представленіи мы обобщаемъ. Такъ напр. безчисленное множество въ дѣйствительности существующихъ отчужденій мы подводимъ подъ право отчужденія вообще, а затѣмъ правоотчужденіе мы подво-

димъ подъ право собственности (это опять обобщеніе), а право собственности мы подводимъ подъ право вещное (опять обобщеніе), а право вещное мы подводимъ подъ право имущественное (опять обобщеніе), а право имущественное мы подводимъ подъ право частное, а право частное мы подводимъ подъ право общее (это наибольшее обобщеніе). Слѣдоват. если юристы говорятъ о простыхъ и сложныхъ особенныхъ правахъ, то, если и можно говорить о нихъ, то только въ смыслѣ относительномъ и условномъ, въ смыслѣ-же абсолютномъ есть одно только сложное право, въ составъ котораго входятъ всѣ права - это есть право вообще, или правомѣрная свобода; точно также какъ есть одни только абсолютно-простыя права - это есть единичныя, конкретныя въ самой дѣйствительности существующія права. Выразимъ это въ возможной всеобщности.

Абсолютно сложное право есть одно единственное а именно правомѣрная свобода лица, а относительно и условно-сложныя права суть всѣ права, входящія въ его составъ съ одной стороны; съ другой стороны абсолютно простыхъ элементарныхъ правъ, конкретныхъ правъ безчисленное множество, а именно это всѣ права, являющіяся въ дѣйствительности какъ конкретныя права. Относительно и условно простыя права суть тѣ же права, какія права и относительно сложныя, а именно всѣ права особенныя, за исключеніемъ только этихъ абсолютно-простыхъ правъ. Такое точное теоретическое научное опредѣленіе понятія такъ называемыхъ научныхъ и такъ называемыхъ простыхъ правъ имѣетъ огромную важность въ правовѣдѣніи, какъ наукѣ, а именно для систематизированія этихъ правъ, чего требуетъ и наша наука. Правовѣдѣніе какъ и всякая наука есть система. Абсолютно-про-

стыхъ правъ безчисленное множество и потому необходимо ихъ связать внутреннею связью, привести въ систему. Это можно сдѣлать не иначе, какъ дѣлая большее и большее обобщеніе. Наша наука есть единственная наука, которая говоритъ о правѣ вообще. Начиная съ права вообще, мы разлагаемъ это сложное право сперва на ближайшія его составныя части (частное, политическое право и т. п.), затѣмъ эти права опять разлагаемъ (напр. частное право на право имущественное, семейное и наслѣдственное), а затѣмъ и эти права разлагаемъ (имущественное напр. право разлагаемъ на вещное и обязательственное), а эти опять разлагаемъ (вещное право напримѣр. на право собственности и на право въ чужой вещи), а затѣмъ право собственности, напр., опять разлагаемъ на право владѣнія, опредѣленія, пользованія и распоряженія, а затѣмъ распоряженія, напр., мы разлагаемъ на право оставленія и на право отчужденія, дальше чего разложеніе уже не можетъ идти. Но мы сказали, что есть абсолютно простыя права, которыхъ безчисленное множество; спрашивается можемъ ли мы что нибудь сказать о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности? Нѣтъ. Никакая наука юридическая не имѣетъ дѣла съ простыми элементарными правами, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ обобщеніями и связываетъ эти права въ систему. Это не есть особенность правовѣдѣнія, а есть сущность всякой науки, всякая наука имѣетъ дѣло только съ общими явленіями, она выводитъ законы явленій (напр. естественная наука), потому что невозможно, да и безполезно говорить въ наукѣ о каждомъ единичномъ явленіи. Совсѣмъ другое дѣло въ юридической практикѣ, — тамъ недостаточно разсмотрѣть право вообще, всѣ абстрактныя права, а тамъ имѣется дѣло съ правами элементарными,

простыми, которыя являются въ жизни, которыя слѣдов. и нужно особенно разсмотрѣть. Что же мы дѣлаемъ изъ нихъ? Мы тоже обобщаемъ, возводимъ ихъ къ закону и проч. Мы видимъ, что при такихъ-то обстоятельствахъ совершилось отчужденіе, но мы не можемъ разсматривать его, если не подведемъ подъ право отчужденія вообще, потому что мы не могли-бы понять единичнаго отчужденія, если-бы не подвели его къ отчужденію вообще. Такимъ образомъ наука низводитъ право вообще къ абсолютно-простымъ правамъ, къ единичнымъ правамъ для того, чтобы ихъ понять (слѣдов. наука обращается здѣсь къ жизни), а практика юридическая напротивъ возводитъ эти единичныя права къ праву вообще. Вотъ въ какомъ смыслѣ важно было то, о чемъ я говорилъ т. е. совершенно ясное пониманіе о томъ, что есть право вообще, что такое абсолютно-простыя права и какія между ними промежуточныя права. Слѣдоват. это не есть простой схоластицизмъ не имѣющій значенія: оно имѣетъ значеніе юридическое, какъ для науки, такъ и для юридической практики. Что это дѣйствительно такъ, мы это увидимъ уже въ особенности въ 3-й и послѣдней главѣ 2-го отдѣла, гдѣ мы будемъ говорить о возведеніи права къ правовѣдѣнію.

Вотъ все, что можно и должно было сказать въ нашей наукѣ объ опредѣленіи понятія права въ субъективномъ смыслѣ. Но праву въ субъективномъ смыслѣ соотвѣтствуютъ обязанности, какъ юридическія обязанности, о которыхъ мы должны говорить послѣ опредѣленія понятія права въ субъективномъ смыслѣ, потому что обязанность юридическая основывается не только на правѣ въ объективномъ смыслѣ т. е. обусловливается законами юридическими, которые налагаютъ обязанность, но основывается и обусловливается и правомъ въ субъективномъ смыслѣ.

И такъ въ непосредственной связи съ правомъ въ субъективномъ смыслѣ находятся юридическія обязанности. Опредѣлимъ теперь понятіе юридической обязанности также всесторонне, всеобъемлюще и какъ единое всецѣлое, какъ опредѣлили понятіе права въ субъективномъ смыслѣ.

II. Опредѣленіе понятія юридической обязанности.

Это понятіе обязанности обозначается въ греческомъ языкѣ словами τὸ δίκαιον τὸ προσῆκον, τὸ καθῆκον, τὸ ἔργον, въ латинскомъ языкѣ словомъ officium, но никакъ не obligatio, что юридически далеко не одно и тоже, хотя даже юристы нерѣдко смѣшиваютъ эти два слова. Officium juridicum можно сказать, но нельзя сказать obligatio juridica. Обязательства суть особыя отношенія между опредѣленными лицами, какъ юридическое отношеніе, въ составъ котораго входятъ обязанности и права, а слѣдоват. обязанности суть составныя части обязательства, а потому ихъ нельзя смѣшивать. По французски это понятіе обозначается le devoir, но никакъ не obligatione; по нѣмецки - die Pflicht, по англійски - the duty.

Понятіе юридической обязанности вообще можетъ быть опредѣлено не иначе, какъ соотвѣтственно понятію права въ субъективномъ смыслѣ; понятіе же права въ субъективномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, генетически развивается по указаннымъ уже нами тремъ ступенямъ, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ и главныя значенія права въ субъективномъ смыслѣ, а потому и понятіе юридической обязанности, развивается также по тремъ ступенямъ, а именно соотвѣтственно тремъ ступенямъ генетическаго развитія понятія права въ субъективномъ смыслѣ или, что все равно, юриди-

ческая обязанность имѣетъ три главныя значенія, соотвѣтствующія тремъ главнымъ значеніямъ права въ субъективномъ смыслѣ. Итакъ,

Первая ступень или первое главное значеніе юридической обязанности.

Право въ субъективн. смыслѣ есть на этой ступени, или въ этомъ значеніи нравственная или правомѣрная возможность, способность субъекта дѣлать что нибудь или чего нибудь не дѣлать. Въ соотвѣтствіе съ этимъ опредѣленіемъ право въ субъективномъ смыслѣ, юридическая обязанность, какъ юридическій долгъ или какъ юридически должное, есть нравственная или правомѣрная необходимость извѣстнаго субъекта дѣлать что либо, или чего нибудь не дѣлать. Разъяснимъ это опредѣленіе, какъ разъяснили опредѣленіе права въ субъективномъ смыслѣ на этой ступени. Во 1, мы сказали, что юридическая обязанность есть необходимость, но прибавили, что это есть нравственная необходимость, а это значитъ, что это не есть необходимость, условленная физическими т.е. устрашающая физической силы, а есть необходимость относящихся къ свободѣ, къ свободной волѣ человѣка, какъ нѣчто нравственно для него необходимое. Во 2, эта нравственная необходимость есть (опредѣляя и ближайшимъ образомъ) правомѣрная необходимость, т.е. ея основою, условіемъ и нормою служитъ право въ объективномъ смыслѣ и право въ субъективномъ смыслѣ. Основаніемъ, условіемъ и нормою юридическая обязанность отличается отъ моральной обязанности, ибо основаніе, условіе и норма моральной обязанности есть мораль въ объективномъ смыслѣ, а не право въ объективномъ смыслѣ и суть моральныя права, а не юридическія права въ юридическомъ смыслѣ. Слѣдоват. моральныхъ обязанностей и юридическихъ обязанностей не должно смѣши-

Лит. А. Ситникова, Б. Садовая ул. №

вать, а должно различать; но это различіе между ними не должно доводить до противоположности, какъ мы видѣли по прежде сказаннымъ причинамъ, какъ не должно смѣшивать и права въ объективномъ смыслѣ - съ моралью въ объективн. смыслѣ; ибо если не должно доводить различія основъ до противоположности, то не должно доводить до противоположности и того, что основано на нихъ. Это потому, что какъ юридич. такъ и моральныя обязанности соединяются въ общей для нихъ обязанности, а именно въ нравственной обязанности въ обширномъ смыслѣ или этической обязанности т.е. такой обязанности, которая есть необходимо относящаяся къ свободной волѣ человѣка, которая находится въ зависимости отъ свободной воли человѣка, а не отъ природы (не отъ физическихъ силъ и т. п.). Въ 3, если эта юридическая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать что нибудь, то она назыв. положительною обязанностью подобно тому какъ называется положительнымъ правомъ, въ субъективномъ смыслѣ возможность или способность субъекта дѣлать что-нибудь; если же юридическая обязанность состоитъ въ томъ, что чего нибудь не дѣлать, то въ такомъ случаѣ она называется отрицательною обязанностью, подобно тому какъ отрицательнымъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ называется способность или возможность субъекта чего либо не дѣлать. Но юридическая обязанность какъ правомѣрная обязанность есть обязанность только въ возможности, а не въ дѣйствительности, ибо возможное юридически не есть еще соблюдаемое на самомъ дѣлѣ. Мало-ли, въ самомъ дѣлѣ, къ чему мы можемъ юридически обязать себя, и мало-ли какихъ юридическихъ обязанностей можетъ быть наложено на насъ объективнымъ или субъективнымъ правомъ; но такъ какъ юридическая

обязанность въ возможности не есть еще обязанность въ дѣйствительности, то потому такое опредѣленіе понятія юридической обязанности, по которой она есть нравственная именно правомѣрная необходимость субъекта дѣлать что нибудь или чего нибудь не дѣлать не есть еще такое опредѣленіе, которое-бы выражало вполнѣ ея понятіе, ея сущность. Дѣйствительно, чтобы юридическая обязанность стала изъ возможной дѣйствительною, - необходимо опредѣлить ее, какъ дѣйствительную обязанность. Такъ мы переходимъ ко второй ступени генетическаго развитія юридич. обязанности, или ко второму главному значенію этого слова. И такъ,

Вторая ступень. Генетическое развитіе понятія юридической обязанности.

На этой ступени юридическая обязанность есть нравственное именно правомѣрное подчиненіе извѣстнаго субъекта правомѣрной власти, правомѣрному могуществу, силѣ другого извѣстнаго лица, а такъ какъ власть, могущество и сила въ юридическомъ смыслѣ, какъ правомѣрная и есть право въ субъективномъ смыслѣ на второй ступени его развитія, то значитъ, что такимъ образомъ юридическая обязанность на этой ступени развитія соотвѣтствуетъ праву въ субъективномъ смыслѣ на этой-же ступени, а именно она есть подчиненіе праву въ субъективномъ смыслѣ, т.е. подчиненіе правомѣрной власти, могуществу, господству, силѣ. Такое опредѣленіе есть уже опредѣленіе, которое опредѣляетъ понятіе въ самомъ дѣлѣ какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, въ жизни. Подобно тому какъ правомѣрно власть, могущество, господство, сила есть право въ дѣйствительно

сти, такъ точно и подчиненіе этой власти въ смыслѣ юридической обязанности есть также обязанность въ дѣйствительности. Слѣд. изъ этого видно, что и это опредѣленіе юридической обязанности, какъ и первое главное значеніе представляетъ соотвѣтствіе между юридическою обязанностью и правомъ въ субъективномъ смыслѣ. Но хотя юридическая обязанность какъ правомѣрное подчиненіе извѣстнаго субъекта есть уже обязанность въ самой дѣйствительности, но и это опредѣленіе понятія юридической обязанности не выражаетъ вполнѣ того, въ чемъ состоитъ сущность понятія юридической обязанности, такъ точно какъ и право въ возможности и въ дѣйствительности не выражаетъ собою въ сущности самого права. Что же, спрашивается, есть по своей сущности возможное или дѣйствительное право? Вотъ какой вопросъ мы тамъ ставили. Точно также издавна у насъ ожидается вопросъ: что же по своей сущности есть эта возможная или дѣйствительная юридическая обязанность? Вотъ почему необходимо взойти къ такому опредѣленію понятія юридической обязанности, которое-бы выражало вполнѣ эту самую сущность понятія. Такъ мы переходимъ къ третьему и послѣднему главному значенію юридической обязанности или переходимъ къ третьей послѣдней ступени генетическаго развитія ея понятія. Итакъ,

Третья и послѣдняя ступень генетическаго развитія понятія юридической обязанности или третье главное его значеніе.

На этой ступени или въ этомъ значеніи юридическая обязанность есть правомѣрное ограниченіе или опредѣленіе (предѣлъ значитъ граница) вообще свободы ея субъекта. Разъяснимъ

это опредѣленіе. Мы сказали вообще свободы ея субъекта, слѣдов. не свободы какой-нибудь особенной, не свободы въ смыслѣ юридической, или особенной, неправомѣрной свободы, слѣдов. не той свободы, которая обусловливается, нормируется или регулируется правомъ въ объективномъ смыслѣ, а свободы не въ юридическомъ смыслѣ т.е. или во 1, безразличной въ юридическомъ см., въ юридическомъ отношеніи, каково, какъ мы видѣли, своеволіе, самоволіе и произволеніе, которое безразлично, т.е. о которомъ нельзя сказать, что оно нарушало право или не нарушало права въ объективномъ смыслѣ; или во 2, свободы неправомѣрной, противной и праву въ объективномъ смыслѣ и праву въ субъективн. смыслѣ, т.е. тому праву, которое есть свобода, обязанность-же есть ограниченіе этой свободы т.е. ограниченіе своевольства, самовольства и произвольства противнаго праву. Кто къ чему юридически обязанъ тотъ не воленъ болѣе въ этомъ именно отношеніи — того свобода заключена въ извѣстныя границы, предѣлы, того свобода опредѣлена, ограничена въ этомъ смыслѣ. Это опредѣленіе понятія юридической обязанности выражаетъ ея сущность всеобще, всесторонне, всеобъемлюще, всецѣло какъ ни выражало ея первое и второе главное значеніе юридической обязанности, точно также какъ второе и первое значеніе права въ субъективномъ смыслѣ не выражало существа понятія права въ субъект. смыслѣ всеобще, всесторонне, всеобъемлюще, всецѣло, такъ что сущность юридической обязанности состоитъ именно въ опредѣленіи, въ ограниченіи безразличной, абсолютной свободы человѣка, а чрезъ это въ превращеніи ея въ свободу опредѣленную, ограниченную правомъ въ объективномъ смыслѣ и правами въ субъективномъ смыслѣ слѣдов. — въ превращеніи въ условную, относительную именно въ правомѣрную свобо-

ды лица въ томъ смыслѣ, что изъ свободы безразличной дѣлается правомѣрная свобода. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что юридич. обязанность есть также правомѣрная свобода какъ и право въ субъективномъ смыслѣ, что она не есть ограниченіе свободы вообще, а есть ограниченіе только безграничной, безотносительной, безусловной свободы. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы имѣть право въ субъективномъ смыслѣ, необходимо имѣть обязанность; кто ни къ чему не обязанъ юридически, о томъ нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ какія нибудь права въ субъективномъ смыслѣ. Рабъ напр. не имѣетъ никакихъ правъ и потому не имѣетъ обязанностей никакихъ; о господинѣ говорятъ, что онъ по отношенію къ рабу не имѣетъ никакихъ обязанностей, а слѣдов. ему нельзя приписать также какихъ нибудь правъ, такъ что слѣдов. ни рабу, ни господину нельзя приписать какой нибудь правомѣрной свободы, такъ что рабъ ничуть не хуже своего господина. Въ деспотическихъ государствахъ власть принадлежитъ лицу, которое является деспотомъ, которому нельзя приписать какихъ нибудь обязанностей, хотя это не значитъ, чтобы это лицо не приписывало себѣ никакихъ правъ. Абсолютная свобода неограниченная, неопредѣленная правомъ объективнымъ не есть еще правомѣрная свобода, а слѣдов. не есть еще право въ субъективномъ смыслѣ; напротивъ, такая свобода, опредѣленная, ограниченная объективнымъ правомъ и есть юридическая обязанность. Въ этомъ смыслѣ право и юридич. обязанность являются понятіями совпадающими, — есть равно опредѣленная, ограниченная объект. правомъ или однимъ словомъ правомѣрная свобода. Но еще и въ томъ смыслѣ юридич. обязанность есть правомѣрная свобода точно также какъ и право въ субъектив. смыслѣ, что кто исполняетъ свою юридическую обязанность, тотъ также

истинно свободенъ, какъ и тотъ, кто пользуется своимъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ. Это значитъ, что для того, кто исполняетъ свою юридическую обязанность, объективное право не есть только внѣшняя просто необходимость, какъ не есть оно внѣшняя необходимость и для того, кто пользуется своимъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ; или, что все равно юридическая обязанность не есть для того просто внѣшняя необходимость, какъ нѣчто должное, какъ долгъ, и не есть невольное, несвободное, принудительное подчиненіе праву. Такимъ опредѣленіемъ понятія юридической обязанности, какъ ограниченія абсолютной свободы, или какъ опредѣленной ограниченной свободы выражается уже вполнѣ понятіе юридической обязанности во всеобщности т. е. выражается во всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости. Потому что это и есть послѣдняя и самая высшая ступень генетическаго развитія понятія юридической обязанности въ человѣческомъ сознаніи, въ которомъ соединяется обязанность въ возможности и обязанность въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, что это понятіе всесторонне - это доказывается тѣмъ, что юридическая обязанность какъ опредѣленная ограниченная правомѣрная свобода, или ограниченная правомъ абсолютная свобода есть и обязанность, разсматриваемая со стороны ея возможности и со стороны ея дѣйствительности, такъ что первыя два главныя значенія входятъ въ составъ ея понятія. Далѣе, что это понятіе всеобъемлюще - это доказывается тѣмъ, что юридическая обязанность, какъ опредѣленная, ограниченная объективнымъ правомъ свобода, обнимаетъ всѣ обязанности, какъ свои существенныя составныя части или элементы, ибо нѣтъ такой обязанности, которая бы не входила въ составъ понятія опредѣленной, ограниченной правомъ правомѣрной

свободы. Наконецъ, что это понятіе юридическ. обязанности есть единое всецѣлое понятіе — это доказывается тѣмъ, что въ опредѣленной, ограниченной правомъ свободѣ соединяются всѣ обязанности всецѣлое понятіе, ибо хотя юридическія обязанности и разсматриваются сами по себѣ какъ особенныя обязанности, но они различаются, а никакъ не разъединяются, а напротивъ, соединяется въ одно всеобщее понятіе юридической обязанности, какъ опредѣленной, ограниченной правомъ свободы лица, субъекта вообще, какъ юридической обязанности въ ея всеобщности. Эта юридическая обязанность, какъ правомѣрное опредѣленіе, ограниченіе свободы лица соединяетъ въ себѣ всѣ юридическія обязанности какъ свои составныя части, элементы. Въ этомъ смыслѣ юридическая обязанность, какъ одно такое всестороннее, всеобъемлющее и всецѣлое понятіе, можетъ быть названа юридич. обязанностью въ ея всеобщности или обязанностью вообще въ этомъ именно значеніи, а напротивъ всѣ юридическія обязанности, входящія въ ея составъ могутъ быть названы особыми юридическими обязанностями (точно также какъ и право въ субъективномъ смыслѣ какъ правомѣрная свобода, какъ мы это доказали, есть право вообще, а всѣ прочія, входящія въ составъ его, права суть простыя права) такъ что каждая изъ безчисленнаго множества юридическ. обязанностей есть особенное выраженіе правомѣрнаго опредѣленія, ограниченія свободы лица. Но въ числѣ особенныхъ обязанностей различаютъ обыкновенно юристы (какъ и въ числѣ особенныхъ правъ въ субъект. смыслѣ) обязанности простыя и сложныя. Относительно этихъ простыхъ и сложныхъ юридическихъ обязанностей нужно было-бы намъ повторить тоже самое, что мы сказали о простыхъ и сложныхъ правахъ въ субъективн. смыслѣ; но послѣ того что мы сказали объ этомъ о правахъ въ субъ-

ективномъ смыслѣ, намъ нѣтъ надобности въ этомъ повторенiи, такъ что достаточно представить только результатъ, который вообще согласенъ съ результатомъ, приведеннымъ нами въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы говорили о правѣ въ субъективномъ смыслѣ, а именно, что единственно абсолютная юридическая обязанность есть обязанность въ смыслѣ правомѣрнаго опредѣленiя, ограниченiя свободы абсолютной или обязанность in abstracto въ полномъ смыслѣ этого слова, а единичныя абсолютно простыя, элементарныя юридич. обязанности суть всѣ особенныя юридическiя обязанности, разсматриваемыя in concreto, которыя существуютъ въ дѣйствительности, въ жизни и которыхъ безчисленное множество. Всѣ прочiя затѣмъ юридическiя обязанности, стоящiя между ними въ срединѣ, суть только относительно и условно простыя или сложныя юрид. обязанности. Наконецъ мы должны повторить и о юридич. обязанности тоже, что сказали о правѣ въ субъект. смыслѣ, а именно, что различiе юридическихъ обязанностей на простыя и сложныя, на абсолютно простыя и абсолютно сложныя, имѣетъ ту же самую научную, теоретическую и практическую важность, какъ и различенiе правъ въ субъективномъ смыслѣ, которая, важность, также станетъ для насъ очевидною въ слѣдующемъ отдѣлѣ когда мы будемъ говорить о возведенiи права къ правоведенiю. Въ самомъ дѣлѣ, наука права, правовѣдѣнiе имѣетъ дѣло съ абстрактными юридическими обязанностями, съ тѣми, которыя суть обобщенiя безчисленнаго множества конкретныхъ юридическихъ обязанностей, а не съ этими конкретными юридическими обязанностями и наоборотъ, практика имѣетъ дѣло съ существующимъ въ жизни безчисленнымъ разнообразiемъ юридич. обязан-

ностей, конкретныхъ, которыя она и возводитъ къ юрид. обязанности абсолютно-сложной.

Такъ мы разсмотрѣли опредѣленіе понятія и права въ субъект. смыслѣ и юридич. обязанности вообще. Въ непосредственной связи съ тѣмъ или другимъ опредѣленіемъ этого понятія находится соотношеніе между правомъ въ субъект. смыслѣ съ одной стороны и между юридическою обязанностью съ другой. Итакъ,

Г. Четвертый раздѣлъ

Соотношеніе между правомъ въ субъективн. смыслѣ и юрид. обязанностью.

Соотношеніе между правомъ въ субъектив. смыслѣ съ одной стороны и юридич. обязанностью съ другой двоякаго рода: 1, абсолютное, безотносительное, безусловное т.е. соотношеніе само по себѣ разсматриваемое безъ относительно къ субъектамъ правъ и обязанностей, неусловливаясь ими; во 2, относительное и условное, т.е. по отношенію къ ихъ субъектамъ и объектамъ, какъ ими обусловленное. Скажемъ сперва о безотносительномъ и безусловномъ соотношеніи. Итакъ,

I. Абсолютное соотношеніе между правомъ въ субъективн. смыслѣ и юридич. обязанностью.

Съ такого соотношенія мы должны начать потому, что оно прямо вытекаетъ изъ самого опредѣленія понятія права въ субъект. смыслѣ и юридич. обязанностей а именно во 1, право въ субъек. смыслѣ какъ правомѣрная способность или возможность одного лица что нибудь дѣлать или чего нибудь не дѣлать или, что все равно, первая ступень генетич. развитія понятія права въ субъективн. смыслѣ или первое

главное его значеніе всегда соотвѣтствуетъ первой-же ступени генетическаго развитія понятія юридич. обязанности или первому главному его значенію, какъ мы видѣли. Напр. если я какъ хозяинъ, собственникъ вещи, имѣю исключительное вещное право, какъ право въ возможности или-же какъ способность распоряжаться этою моею вещью, то, затѣмъ всѣ прочія лица имѣютъ юридич. обязанность какъ правомѣрную необходимость не только не распоряжаться ею, но и вообще не препятствовать мнѣ въ моемъ распоряженіи ею, воздерживаясь отъ всякого положительного воздѣйствія своего на эту вещь. Во 2, праву, какъ правомѣрной власти, силѣ, господству одного лица надъ другимъ соотвѣтствуетъ юридическ. обязанность какъ правомѣрное подчиненіе этой власти, могуществу, силѣ, со стороны другихъ лицъ, или, что все равно, вторая ступень генетич. развитія понятія права въ субъективномъ смыслѣ или второе главное его значеніе соотвѣтствуетъ второй-же ступени генетическаго развитія понятія обязанности, или второе ея главн. значеніе. Напр. если родители имѣютъ власть надъ своими дѣтьми, то дѣти съ своей стороны подчинены этой власти; власть родителей есть ихъ право въ субъект. смыслѣ, а подчиненіе этой власти со стороны дѣтей есть ихъ юридич. обязанность. Наконецъ въ 3, праву, какъ правомѣрной свободѣ одного лица соотвѣтствуетъ обязанность какъ правомѣрное ограниченіе свободы другихъ лицъ, или права и обязанности суть равно опредѣленная правомъ абсолютная свобода, или: третья и послѣдняя ступень генетическаго развитія права или его третье главное значеніе соотвѣтствуетъ третьей и послѣдней ступени генетическаго развитія понятія юридич. обязанности, или его третьей ступени. Напр. если мнѣ принадлежитъ право узуфрукта т.е. пользованія чьего нибудь

вещью т.е. пользованія плодами, продуктами и т. под., то этимъ самымъ правомъ я ограничиваю право хозяина собственника этой вещи, предоставившаго мнѣ этотъ узуфруктъ, такъ что, предоставивъ мнѣ пользованіе, владѣніе своей вещью, узуфруктъ, хозяинъ вещи уже не можетъ пользоваться ею, какъ пользуется узуфруктуарій.

И такъ, право въ субъективн. смыслѣ и юридическая обязанность состоятъ между собою въ такомъ абсолютномъ соотношеніи, что они взаимно себя предполагаютъ. Это безусловное соотношеніе выражаютъ юристы въ такомъ юридическомъ правилѣ: jus sine obligatione non intelligitur, — право безъ обязанности ему соотвѣтствующей немыслимо, - а слѣдов. можно сказать и наоборотъ: никакая юридич. обязанность немыслима безъ соотвѣтствующаго ей права въ субъект. смыслѣ. Поэтому если мы найдемъ или въ объективн. положит. правѣ, или-же въ наукѣ юридической, правовѣденіи и наконецъ въ самой жизни, въ дѣйствительности, слѣдов. въ практикѣ какое нибудь право въ субъект. смыслѣ то мы можемъ приискать всегда и соотвѣтствующую ему юридическую обязанность, хотя-бы не была прямо выражена эта юридич. обязанность въ правѣ въ объективн. смыслѣ, въ наукѣ или въ самой жизни, такъ что оно необходимо ему соотвѣтствуетъ и наоборотъ, если мы встрѣтимъ какую нибудь юридическую обязанность, выраженную въ правѣ, наукѣ и самой жизни, то мы найдемъ и соотвѣтствующее ей право въ субъективн. смыслѣ, хотя-бы оно прямо и не было выражено. Если мы не встрѣтимъ въ объект. правѣ, наукѣ или жизни никакого права, то мы не можемъ допустить и никакой соотвѣтствующей обязанности, и что они взаимно себя соотвѣтствуютъ, или наоборотъ, если мы не встрѣ-

тимъ никакой юридической обязанности, то мы не можемъ допустить, чтобы было и какое нибудь право ей соответствующее. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что если кто не имѣетъ никакихъ правъ, то не имѣетъ никакой и обязанности и наоборотъ: рабъ не имѣетъ никакихъ правъ, а слѣд. не имѣетъ и никакой обязанности и наоборотъ, господинъ по отношенію къ рабамъ не имѣетъ никакой юрид. обязанности, а слѣдов. не имѣетъ никакихъ правъ на рабовъ, какъ на лицъ, (но можетъ имѣть права какъ на вещи и никакихъ обязанностей), т. е. не имѣетъ правъ на опредѣленную дѣятельность своихъ рабовъ. Опредѣленная дѣятельность основывается большею частью на договорахъ, въ которые не можетъ вступать господинъ съ рабомъ, такъ какъ рабъ считается вещью.

Взаимно соотносящіяся права и обязанности абсолютно, т. е. сами по себѣ, безотносительно и безусловно всегда соединяются между собою. Это соединеніе бываетъ различное, если мы будемъ разсматривать права и обязанности относительно ихъ субъектовъ и объектовъ, какъ условленное ими. Такъ мы переходимъ къ относительному и условному соотношенію между правомъ и обязанностью.

II. Относительное и условное соотношеніе между правомъ въ субъект. смыслѣ и юридич. обязанностью.

При этомъ соотношеніи мы разсматриваемъ права и обязанности уже не сами по себѣ, а именно по отношенію къ ихъ субъектамъ и объектамъ. Скажемъ-же теперь напередъ мимоходомъ для опредѣленія этихъ соотношеній, что субъектами правъ и обязанностей называются вообще извѣстныя лица въ юридич. смыслѣ, которыя обладаютъ извѣстными пра

вами и обязанностями, а объектомъ правъ и обязанностей называются извѣстныя вещи въ юридическомъ смыслѣ, т.е. въ смыслѣ средствъ удовлетворяющихъ потребностямъ человѣческимъ, какъ цѣлямъ, на которыя имѣютъ извѣстныя лица извѣстныя права и относительно которыхъ извѣстныя лица имѣютъ извѣстныя обязанности; напр. я, какъ собственникъ такой-то вещи, есть субъектъ этого-то права собственности, а эта вещь, принадлежащая мнѣ въ собственность, есть его объектъ. Но если я эту именно вещь продаю, тогда я обязанъ отдать ее покупщику, я какъ субъектъ этой обязанности, а объектомъ этой обязанности остается таже вещь, которую я обязанъ отдать. Когда право въ субъективномъ смыслѣ и юридич. обязанность взаимно себѣ соотвѣтствуютъ, тогда объектъ ихъ, какъ видно изъ сказаннаго прежде, одинъ и тотъ-же; но субъектами ихъ могутъ быть или одно и тоже лицо, или разныя лица; другими словами: право въ субъект. смыслѣ и соотвѣтствующая ему обязанность могутъ или сливаться въ одномъ и томъ-же субъектѣ или же раздѣляться между двумя и болѣе субъектами. Такимъ обр. разсматривая относительное и условное соотношеніе между правами и обязанностями, т.е. относительно ихъ субъектовъ и объектовъ, условленное ими, мы м. говорить какъ о слитіи ихъ въ одномъ и томъ же субъектѣ, такъ и о раздѣленіи ихъ между разными субъектами.

1, Слитіе правъ и обязанностей въ одномъ и томъ же субъектѣ.

Оно можетъ имѣть два вида: или а) извѣстное лицо, имѣющее извѣстныя права, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ или по крайн. мѣрѣ д. имѣть и соотвѣтствующія ему обязанности. Это первый видъ слитія. Примѣръ на

этотъ первый видъ можно представить какъ самый наглядный и наиболѣе требующій юридическихъ познаній, такой, что если присяжные засѣдатели (jury) имѣютъ право судить о предложенномъ ихъ рѣшенію фактѣ, по личному своему убѣжденію или, что все равно, по своей совѣсти, то эти присяжные засѣдатели тѣмъ самымъ и юридически обязаны судить такъ, а неиначе т. е. по своему убѣжденію или совѣсти, потому что присяжные засѣдатели неиначе могутъ воспользоваться сказаннымъ правомъ произнести рѣшеніе о фактѣ, какъ исполнивъ свою сказанную обязанность судить по личному убѣжденію, по своей совѣсти. Въ этомъ то смыслѣ и говорятъ юристы, что чѣмъ больше кто имѣетъ правъ, тѣмъ больше онъ имѣетъ и обязанностей, соотвѣтствующихъ этимъ правамъ. Слѣдов. здѣсь въ одномъ и томъ же субъектѣ смѣшиваются права и обязанности. Или же б., какъ второй видъ смѣшенія, наоборотъ извѣстное лицо, имѣющее извѣстныя обязанности вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ или по крайней мѣрѣ должно имѣть и соотвѣтствующія этимъ обязанностямъ права. Примѣръ здѣсь также наглядный и наименѣе требующій юридическихъ познаній, можетъ быть такой: я, какъ судья, напр., обязанъ рѣшать дѣла судебныя вообще по закону, на основаніи права въ объектив. смыслѣ и притомъ обязанъ, какъ говорится прямо въ нашемъ законѣ, судить такъ, не взирая на лица и необращая вниманія ни на какія постороннія дѣлу обстоятельства. Поэтому мнѣ, какъ судьѣ, и предоставляется или по крайней мѣрѣ, должно быть предоставлено право быть нестѣсняемымъ никакими лицами и никакими посторонними дѣлу обстоятельствами при

моемъ сужденіи. Съ этой то цѣлію и признана въ новѣйшее время въ образованныхъ государствахъ несмѣняемость или принципъ несмѣняемости судей, независимость ихъ отъ администраціи, какъ причина этой неизмѣняемости, безъ чего судья не могъ бы исполнить своей обязанности судить такъ, какъ я сказалъ. Въ этомъ то смыслѣ и говорятъ юристы: чѣмъ кто имѣетъ больше обязанностей, тѣмъ больше имѣетъ и правъ. Въ этомъ именно состоитъ смѣшеніе правъ и обязанностей въ одномъ и томъ же субъектѣ.

2. Раздѣленіе правъ и обязанностей между различными субъектами, но при одномъ и томъ же объектѣ.

Оно бываетъ также двоякаго вида: или а., такое раздѣленіе, при которомъ на сторонѣ одного субъекта существуютъ находящіяся только права, а на сторонѣ другаго субъекта - только соотвѣтствующія этимъ правамъ обязанности. Примѣрами этого вида раздѣленія служатъ всѣ, такъ называемыя, безмездныя или дарственныя, даровыя обязательства, иначе называемыя односторонними, именно въ томъ смыслѣ, что здѣсь на одной сторонѣ только права, а на другой только обязанности; напр. сюда принадлежитъ собственно такъ называемое дареніе, при которомъ на одной сторонѣ, одаряемой, имѣется только право (получить вещь), а на другой сторонѣ на сторонѣ дарителя - только обязанность (отдать вещь); сюда же принадлежатъ и другіе дарственные или даровые или безмездные договоры, каковы: безмездный заемъ (безпроцентный), безмездная ссуда, когда ссужается вещь даромъ, безмездная поклажа и проч. Или б., (второй видъ) такое

раздѣленіе правъ и обязанностей между различными субъектами, при которомъ на сторонѣ каждаго субъекта находятся права и обязанности, хотя и различныя, но взаимно себѣ соотвѣтствующія вслѣдствіе тождества объекта правъ и обязанностей. Примѣромъ такого видораздѣленія служатъ всѣ, такъ назыв. юристами, возмездные договоры, или иначе называемые меновые въ обширномъ смыслѣ, но не въ собственномъ смыслѣ; ихъ называютъ также <u>двусторонними</u>, или правильнѣе - многосторонними въ томъ смыслѣ, что на сторонѣ каждаго субъекта при этихъ договорахъ находятся и права и обязанности, каждаго, а не только, какъ это было прежде, на сторонѣ одного только права, на сторонѣ другого только обязанности. Сюда принадлежитъ напр. заемъ съ процентами, при которомъ на сторонѣ того, кто даетъ заемъ, имѣется право получить процентъ за тѣ деньги, которыя онъ даетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность платить проценты. Сюда-же принадлежитъ также ссуда съ вознагражденіемъ, поклажа также съ вознагражденіемъ, въ особенности мѣна въ собственномъ смыслѣ, купля и продажа и товарищество (почему я и сказалъ, что правильнѣе сказать - многостороннее раздѣленіе правъ и обязанностей, ибо въ товарищество могутъ вступить многія лица и каждое изъ нихъ имѣетъ права и обязанности). И такъ можно сказать вообще: кто, какъ субъектъ, имѣетъ право на что нибудь, какъ объектъ, тотъ или самъ имѣетъ соотвѣтствующую ему обязанность, - есть ея субъектъ, или-же разные субъекты имѣютъ права и соотвѣтствующія имъ обязанности, такъ что если кто имѣетъ права на извѣстный объектъ, или есть субъектъ извѣстныхъ правъ, то другое лицо имѣетъ соотвѣтствующія этимъ правамъ и обязанности, - есть субъектъ обязанностей. Таково относительное и условное соотношеніе между правами въ субъективномъ смыслѣ и обязанностями. Отсюда слѣдуетъ, что права и обязанности необходимо предполагаютъ существованіе своихъ субъектовъ и объектовъ.

Это значитъ, что никакое право и никакая обязанность не можетъ быть въ действительности, въ жизни безъ того, чтобы не было субъектовъ и объектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь права въ субъективномъ смыслѣ отъ того такъ и назыв. правами въ субъективномъ смыслѣ, что онѣ суть принадлежность субъекта или какого нибудь лица, которому они принадлежатъ. А если мы говоримъ о какихъ нибудь обязанностяхъ, то также непремѣнно предполагаемъ, что кто нибудь обязанъ, или, что есть какой нибудь субъектъ обязанностей.
71. Слѣдов. существование правъ и обязанностей необходимо требуетъ также и существование въ действительности, въ жизни ихъ субъектовъ уже потому, что вообще (не въ юридич. смыслѣ) понятие о субъектѣ немыслимо безъ понятия объ объектѣ, а здѣсь (въ юридическ. смыслѣ) въ особенности потому, что въ тождествѣ, извѣстнаго объекта, извѣстныхъ правъ и обязанностей, въ этомъ тождествѣ и выражается взаимное соотвѣтствие между правами и обязанностями, потому что всѣ взаимносоотвѣтствующія себѣ въ этомъ отношеніи права и обязанности имѣютъ одни и тѣже объекты, напр. при куплѣ и продажѣ такого то дома, покупщикъ съ одной стороны есть субъектъ права, состоящаго въ томъ, чтобы продавецъ отдалъ ему этотъ домъ, а въ соотвѣтствіи этому праву продавецъ есть субъектъ обязанности, состоящей въ томъ, чтобы отдать этотъ домъ; съ другой стороны покупщикъ есть субъектъ обязанности, состоящей въ томъ, чтобы заплатить деньги продавцу за домъ и въ соотвѣтствіе этой обязанности продавецъ есть субъектъ права на получение денегъ за этотъ домъ. И такъ, существование вообще правъ и обязанностей необходимо требуетъ, какъ существованія субъектовъ ихъ, такъ и существованія ихъ объектовъ. Такъ мы прямо переходимъ отъ относительнаго и условнаго соотношенія между правомъ въ субъективномъ смыслѣ и юридическою обязанностію къ четвертому раздѣлу этой главы, - прямо, потому что именно такое только соотношение относительное и условное требуетъ

существованія правъ и обязанностей, тогда какъ абсолютное и необходимое соотношеніе этого не требуетъ. И такъ,

4, Субъекты и объекты правъ и юридическихъ обязанностей.

Прежде мы скажемъ о субъектахъ правъ и юридическихъ обязанностей, а потомъ уже объ объектахъ, потому что объекты необходимо предполагаются субъектами. И такъ,

I. Субъекты правъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей.

Здѣсь скажемъ сперва о субъектахъ правъ, а потомъ уже скажемъ о субъектахъ обязанностей, потому что обязанность всегда предполагаетъ право какъ въ объективномъ смыслѣ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ, на которомъ оно основывается. Итакъ,

1, Субъекты правъ.

Субъектомъ правъ (subjectum juris) называются извѣстныя лица въ юридич. смыслѣ, имѣющія извѣстныя опредѣленныя права въ субъективномъ смыслѣ, лицомъ же въ юридическомъ смыслѣ (persona) назыв. всякое правоспособное существо, или-же, что все равно, имѣющее личность въ юридич. смыслѣ, а личностью въ юридическомъ смыслѣ называется правоспособность, а наконецъ правоспособностью назыв. тѣ качества, которыя должно имѣть средство для того, чтобы пріобрѣтать и имѣть извѣстныя права. Изъ этихъ опредѣленій прямо слѣдуетъ три слѣдующ. вывода во 1, не всякое лицо въ юридич. смыслѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и субъектъ правъ или, выражаясь точнѣе, слова лицо въ юридическомъ смыслѣ и субъектъ права не суть слова тождественныя, почему ихъ и не слѣдуетъ смѣшивать, ибо лицо въ юридическомъ смыслѣ есть не болѣе какъ су-

щество правоспособное, т. е. способное пріобрѣтать и имѣть извѣстныя права, но такое существо, которое можетъ и не имѣть ихъ на самомъ дѣлѣ, слѣдов. могущее не быть субъектомъ права. Лицо есть субъектъ извѣстнаго права, слѣдоват. только въ возможности, а не въ дѣйствительности, а субъектъ права есть существо, имѣющее въ дѣйствительности извѣстныя права; или: лицо есть существо, имѣющее права въ возможности, а субъектъ правъ есть лицо, имѣющее извѣстныя права въ дѣйствительности. Слѣдоват. пока извѣстный субъектъ не пріобрѣтаетъ извѣстныхъ правъ и не имѣетъ ихъ въ дѣйствительности, до тѣхъ поръ оно не есть субъектъ этихъ правъ и потому въ этомъ случаѣ понятіе о лицѣ въ юридическомъ смыслѣ и понятіе о субъектѣ права не совпадаетъ въ одномъ и томъ-же лицѣ, существѣ, такъ что субъектъ права и лицо въ юридическомъ смыслѣ здѣсь должны быть различны. Пока мы говоримъ о какомъ-нибудь существѣ только какъ о лицѣ въ юридическомъ смыслѣ, то мы не указываемъ ни на какія права, принадлежащія ему, но коль скоро извѣстное лицо пріобрѣтаетъ извѣстныя права, или имѣетъ ихъ въ самомъ дѣлѣ, тогда понятіе о лицѣ и субъектѣ правъ совпадаетъ въ одномъ и томъ-же лицѣ, такъ что тогда слова: субъектъ правъ и лицо въ юридическомъ смыслѣ суть тождественны. Слѣдоват. хотя и не должно смѣшивать этихъ понятій, а должно ихъ различать, но не должно доводить этого различія до противоположности, т. е. когда мы указываемъ, что такое-то лицо въ юридическомъ смыслѣ имѣетъ такія-то права, то мы говоримъ уже о лицѣ, какъ о субъектѣ этихъ правъ. Наприм. всякій, такъ называемый пролетарій (богатый только дѣтьми) есть лицо, конечно, въ юридическомъ смыслѣ, по понятію образованныхъ народовъ т. е. лицо способное стать субъектомъ всѣхъ извѣстныхъ правъ,

которыя предоставлены извѣстнымъ положительнымъ правомъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены гражданиномъ извѣстнаго государства, а между тѣмъ пока пролетарій остается пролетаріемъ, онъ не есть субъектъ правъ не только на недвижимое имущество (отчего онъ и назыв. пролетаріемъ), да и права его на недвижимое имущество доходятъ часто до нуля, такъ что онъ является субъектомъ правъ своего собственнаго тѣла, какъ это замѣтилъ уже Гегель. Во 2, наоборотъ, всякій субъектъ извѣстнаго права необходимо есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лицо въ юридическомъ смыслѣ, ибо лицо есть ничто иное, какъ правоспособное существо, а слѣдов. есть существо способное пріобрѣсти и имѣть извѣстныя права, а слѣд. - способное стать субъектомъ извѣстныхъ правъ. Если существо не правоспособно, не способно имѣть права, то оно не можетъ ихъ имѣть и на самомъ дѣлѣ, то оно не способно стать субъектомъ этихъ правъ. Поэтому, для того, что существо могло быть субъектомъ извѣстныхъ правъ, оно должно быть наоборотъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, а если оно не будетъ такимъ лицомъ, то оно не будетъ и субъектомъ на какія нибудь права: напр. рабъ не есть лицо въ юридическомъ смыслѣ, а слѣдов. онъ не можетъ стать и субъектомъ какихъ-бы то ни было правъ. Наконецъ, въ 3, дабы какое-нибудь существо могло стать субъектомъ извѣстныхъ правъ, необходимо, чтобы оно было признано прежде правоспособнымъ, т.е. лицомъ въ юридическомъ смыслѣ. Существо можетъ быть признано правоспособнымъ или лицомъ въ юридическомъ смыслѣ только со стороны объективнаго права, или только объективнымъ правомъ опредѣляются тѣ качества необходимыя для того, чтобы какое-нибудь существо могло пріобрѣтать и имѣть извѣстныя права, или объективнымъ правомъ опредѣляется личность въ юридическомъ смыслѣ. Какія-же стра-

шивается существа признает объективное право лицами въ юридическомъ смыслѣ? Говоря вообще, объективное право признаетъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ всякое лицо въ общемъ смыслѣ, такъ что, говоря вообще, само собою разумѣется, лицо въ юридическомъ смыслѣ и лицо въ общемъ смыслѣ суть понятія тождественныя, такъ что эти слова синонимы. Но что-же такое лицо въ общемъ смыслѣ? Лицо въ общемъ смыслѣ есть существо, одаренное самосознаніемъ и свободною волею. Какія-же это существа одарены самосознаніемъ и свободною волею? Мы, люди, знаемъ одно такое существо, ибо оно для насъ видимо, а именно человѣка, какъ единичное существо, какъ единичнаго человѣка; слѣдов. лицо въ общемъ смыслѣ есть человѣкъ какъ единичное существо. Объективное право, говоря вообще, признаетъ именно человѣка, какъ единичное существо, слѣдов. лицо въ общемъ смыслѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лицо въ юридическомъ смыслѣ т.е. правоспособное существо, именно это можно сказать по отношенію и къ общему мнѣнію, господствующему среди народовъ образованныхъ, и по отношенію къ наукѣ права, правовѣдѣнію и по отношенію, наконецъ, къ объективному праву. Обыкновенно признаютъ за каждымъ человѣкомъ достоинство, личность въ этомъ общемъ смыслѣ и потому предоставляютъ каждому человѣку извѣстныя права и на каждаго человѣка налагаютъ извѣстныя юридическія обязанности. Но на отождествленіи лица въ общемъ смыслѣ съ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, объективное право, какъ и наука права, не останавливается, а съ одной стороны суживаетъ понятіе о лицѣ въ общемъ смыслѣ, для того, чтобы получить понятіе о лицѣ въ юридическомъ смыслѣ, а съ другой стороны расширяетъ его для этой-же цѣли. Такимъ образомъ выходитъ, что лицо въ юридическомъ смыслѣ не всегда, по крайней мѣрѣ не тождественно съ лицомъ въ общемъ смыслѣ,

а наоборотъ, понятие о лицѣ въ юридическомъ смыслѣ или тѣснѣе, или шире понятия о лицѣ въ общемъ смыслѣ, а именно оно тѣснѣе т.е. не всякій человѣкъ, какъ единичное существо признается всякимъ объективнымъ правомъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ т.е. правоспособнымъ (напр. римские юристы строго различали человѣка (homo) и лицо (persona), и это различие именно осуществляли въ томъ, что они не признавали всякаго человѣка, лицомъ. Такъ какъ рабъ у нихъ былъ homo но не persona въ юридическомъ смыслѣ, воз, шире понятия о лицѣ въ общемъ смыслѣ, а именно не только человѣкъ какъ единичное существо обыкновенно признается со стороны объективнаго права лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, но еще и нѣкоторыя другия существа въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношенияхъ признаются правоспособными т.е. способными быть субъектами разныхъ правъ, но не всѣхъ правъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ понятие о лицѣ въ юридическомъ смыслѣ шире понятия о лицѣ въ общемъ смыслѣ или потому, что объективное право признаетъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ не только человѣка, какъ единичное существо, но и нѣкоторыя другия существа. На этомъ основывается различие, которое дѣлаютъ юристы между лицомъ, какъ единичнымъ существомъ, какъ человѣкомъ, и между лицомъ, какъ всякимъ другимъ существомъ, кромѣ человѣка, обозначая это различие и особенными терминами, особенными научными словами. Такъ лицо въ первомъ смыслѣ, т.е. какъ человѣка, какъ единичное существо называютъ юристы обыкновенно физическимъ лицомъ (persona fisica), въ смыслѣ лица, существующаго въ физической дѣйствительности, въ природѣ, какимъ является человѣкъ, — а также называютъ его единичнымъ лицомъ (persona singularis), въ смыслѣ того, что онъ есть единичное существо. Другия-же существа, кромѣ че-

ловѣка суть юридическія лица, лица въ юридическомъ смыслѣ (хотя юридическимъ лицомъ называется какъ собственно юридическое лицо, такъ и физическое лицо т.е. человѣкъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что человѣкъ есть лицо какъ въ физическомъ такъ и въ юридическомъ смыслѣ, между тѣмъ какъ прочія существа суть только лица въ юридическомъ смыслѣ, но не въ физическомъ. Въ самомъ дѣлѣ эти существа, кромѣ человѣка какъ единичнаго существа называются обыкновенно юристами persona juridica, юридическими лицами, именно потому, что они суть лица только въ юридическомъ смыслѣ, а не въ физическомъ. Кромѣ этого названія употребляется еще другое, которое, впрочемъ, не обозначаетъ всей сущности этого понятія, а именно persona moralis, въ противоположность persona fisica т.е. потому, что они существуютъ только въ моральной дѣйствительности, въ мышленіи, представленіи человѣка, хотя для опредѣленія этого понятія служитъ другое болѣе близкое названіе - persona intelligibeles (мыслимое лицо). Иногда говорятъ также persona ficta (воображаемое лицо) т.е. выдуманное, измышленное для того, чтобы обозначить что есть такія права и обязанности которыя по объективному праву принадлежатъ неизвѣстнымъ физическимъ лицамъ, какъ не единичнымъ существамъ, а другимъ существамъ. Называютъ также эти юридическія лица мистическими лицами (persona mistica) въ томъ смыслѣ, что это таинственныя лица, между тѣмъ какъ физическія лица есть нѣчто явное и открытое въ физической дѣйствительности существующее. Такое обозначеніе теперь уже вышло изъ употребленія. И такъ лица - ли въ юридическомъ смыслѣ бываютъ или 1, физическое единичное существо (persona singularis) и во 2, юридическое лицо (juridica persona). Мы будемъ придерживаться этихъ послѣднихъ

названій. Подъ первымъ названіемъ юристы разумѣютъ только единичнаго человѣка, котораго объективное право признано лицомъ т. е. правоспособнымъ существомъ, а подъ вторымъ названіемъ юристы разумѣютъ за исключеніемъ человѣка, какъ единичнаго существа, всякое другое существо, которое признано объективнымъ правомъ также правоспособнымъ, также лицомъ. Но слова persona juridica уже стали быть употребляемы въ позднѣйшее время, такъ что римскіе юристы ихъ не употребляли, такъ какъ римскіе юристы были весьма осторожны, при изобрѣтеніи всякихъ юридическихъ терминовъ. Такъ въ отношеніи опредѣленія даннаго понятія они говорили, persona vicem sustinet или fingitur т. е. что такое-то существо служитъ за лицо вмѣсто настоящаго лица, т. е. что оно отправляетъ ту-же функцію (fungitur) какъ и физическое лицо. Впрочемъ ученіе о юридическихъ лицахъ еще до сихъ поръ не установилось окончательно, такъ какъ до сихъ поръ поръ еще юристы не согласны между собою въ томъ, что именно лежитъ въ основѣ понятія юридическаго лица и почему именно присвоивается объективнымъ правомъ не только человѣку, какъ единичному существу, но и юридическимъ лицамъ, еще и другимъ существамъ право быть субъектами, есть-ли юридическое лицо произведеніе, продуктъ юридической фикціи для объясненія многихъ явленій юридической жизни или-же юридическія лица являются продуктомъ чего-то другаго, а не этой фикціи? Въ самомъ дѣлѣ теперь многие юристы говорятъ, что о существуютъ такія права, которыя не связаны съ человѣкомъ какъ единичнымъ существомъ какъ физическимъ лицомъ — (persona singularis, persona fisica) — именно такія права, которыя признаны необходимыми для служенія извѣстной какой нибудь цѣли, напр. для цѣли государственной, какъ напр. право налагать и взимать пода-

ти съ граждан, назначенныя на содержаніе государства на удовлетвореніе всѣхъ тѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе не можетъ быть достигнуто безъ такого пожертвованія. Спрашивается, есть-ли здѣсь субъектъ этихъ правъ? Говорятъ, что здѣсь нѣтъ такого субъекта какъ человѣкъ. Что-же это такое? Это есть юридическое лицо, которымъ является и имущество, служащее для извѣстной цѣли, напрм. въ данномъ случаѣ вся казна есть юридическое лицо, которое служитъ для удовлетворенія государственной цѣли. Слѣдов. это имущество, какъ имущество имѣющее такую цѣль есть имущество центростремительное, имущество стремящееся къ извѣстной цѣли. Но есть и существуютъ такія права, какъ и такія обязанности, которыя хотя даже не предназначены для извѣстной цѣли, но тѣмъ не менѣе имѣютъ извѣстнымъ субъектомъ, какъ носителемъ этихъ правъ и обязанностей извѣстнаго человѣка, такъ что, хотя они и служатъ дѣйствительно для человѣка однакоже существуютъ безъ связи съ человѣкомъ, какъ ихъ субъектомъ; такъ напр. говорятъ объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти умершаго, въ наслѣдство котораго еще не вступили наслѣдники, что это есть hereditas jacens, что оно лежитъ не поднятымъ, что еще никто не вступилъ въ его владѣніе. Такое имущество (hereditas jacens) безпрестанно увеличивается или уменьшается (на немъ напр. лежатъ долги, по которымъ нужно платить проценты, или оно имѣетъ извѣстные процентныя бумаги, на которыя оно получаетъ проценты и т. под.). Но спрашивается, кто-же является субъектомъ этого имущества? Говорятъ, что субъектомъ является здѣсь юридическое лицо, а именно hereditas jacens и называютъ его въ такомъ случаѣ собирательнымъ имуществомъ, какъ совокупностью вещей въ юри

дическомъ смыслѣ, служащихъ для удовлетворенія потребностей. Но противъ этого возстаютъ другія теоріи, которыя говорятъ, что во всякомъ случаѣ человѣкъ не можетъ представить себѣ что нибудь безъ отношенія къ себѣ самому и въ особенности не можетъ представить объекта какихъ нибудь правъ и обязанностей безъ субъекта, и потому, если не видитъ наглядно, что субъектомъ такимъ является человѣкъ, то онъ измышляетъ, выдумываетъ этого субъекта посредствомъ фикціи (отъ того и названа persona ficta), создаетъ его искуственнымъ, мыслимымъ процессомъ для объясненія себѣ разныхъ явленій юридической жизни, - создаетъ себѣ именно такое лицо, и тогда напр. права и обязанности, предназначенныя для государственной цѣли, приписываютъ государству, какъ субъекту, которое такимъ образомъ и является лицомъ. Точно также права и обязанности, предназначаемыя для другаго какого-нибудь существа, приписываютъ представителямъ какихъ-нибудь обществъ или корпорацій (напр. начальству, властямъ богоугодныхъ заведеній), которые въ этомъ случаѣ и являются юридическими лицами. Само собою разумѣется, хотя мы и сдѣлали очеркъ о лицахъ, но по свойству нашего предмета, мы не могли входить въ подробности, а потому для ближайшаго ознакомленія съ этимъ предметомъ отсылаю васъ къ монографіи Цительмана, въ которой приведено много теорій о юридическихъ лицахъ съ критическимъ ихъ разборомъ, хотя конечно критику эту не вездѣ можно признать удовлетворительною. Монографія эта извѣстна подъ назв. „Понятіе и сущность юридич. лицъ". она издана въ Лейпцигѣ и удостоена преміи первой со стороны Лейпцигскаго Университета.

Какія именно существа въ частности суть юридич. лица - это опредѣляется уже весьма различно въ различныхъ положительныхъ правахъ.

Однако-же это множественное разнообразіе опредѣленій ихъ мы можемъ подвести подъ слѣдующ. главные роды и виды юридич. лицъ: 1й родъ: юридич. лицо есть собирательное лицо въ смыслѣ соединенія многихъ физическихъ единичныхъ лицъ въ одно всецѣлое, признаваемое, какъ таковое, въ такой его всецѣлости, въ такомъ его единствѣ, правоспособнымъ, слѣдов., признаваемое за одно лицо въ юрид. смыслѣ. Люди въ соединеніи признаются однимъ собирательнымъ лицомъ или во 1, какъ существующіе въ одно и тоже время (это есть первый видъ этого рода) или-же во 2, какъ слѣдующія, одно за другимъ во времени (это есть другой видъ перваго рода). Собирательное лицо какъ юридическое лицо перваго вида есть всякій людской общественный союзъ, или какъ постоянный союзъ и самоцѣльный или-же просто какъ общеніе людей, составляющее однакоже одно всецѣлое. Такъ напр. всякая семья, какъ единое цѣлое общеніе, - это одинъ изъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, есть юридическое лицо, а также всякій родъ, всякое племя, гражданское общество, государство, общенародный союзъ - все это признается юридическимъ лицомъ, какъ единымъ всецѣлымъ въ отношеніи и къ членамъ своимъ и къ другимъ такимъ-же союзамъ. Далѣе, и всякое другое общеніе людей, если оно признается объективнымъ правомъ, какъ единое всецѣлое въ смыслѣ правоспособнаго существа, также составляетъ одно лицо. Таковы напр. каждыя корпораціи, каждый классъ, сословіе гражданъ, каждая община, вообще все то, что римскіе юристы называли corpora collegia суть юридическія лица, если они признаются таковыми объективн. правомъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ такіе союзы постоянные и самоцѣльные и всѣ такія общенія какъ юридическія лица, назыв. юристами universitatis personarum (соединеніе въ од-

но всецѣлое какъ юридич. лицъ и въ этомъ см. universitatis), напр. государство, если его разсматривать, какъ соединение членовъ, его граждан въ одно всецѣлое, то оно въ отношении къ своимъ гражданамъ и къ другимъ государствамъ, какъ самостоятельнымъ и независимымъ отъ нихъ, представляетъ собою юридич. лицо, правоспособное существо. Собирательное лицо втораго вида есть, какъ я сказалъ, соединение лицъ въ одно всецѣлое, слѣдующихъ одно за другимъ во времени, такъ что между ними есть связь, вслѣдствие которой это единое всецѣлое является правоспособнымъ существомъ, т.е. имѣющимъ права, а слѣдов. имѣющимъ и обязанности. Напр. въ монархическихъ государствахъ всѣ монархи, слѣдующие одинъ за другимъ во времени, представляютъ собою единое всецѣлое, какъ юрид. лицо, какъ правоспособное существо. Это ясно изъ того, что каждому слѣдующему монарху обязательны трактаты, заключенные его предшественниками съ другими государствами и вмѣстѣ съ тѣмъ на основании этихъ договоровъ, каждый монархъ и послѣдующий имѣетъ тѣ-же права, которыя именно выговорены въ договорахъ, трактатахъ, заключенныхъ его предшественниками. Точно также наприм. и всякие правители государства, слѣдующие одинъ за другимъ представляютъ въ своемъ соединении въ этомъ смыслѣ также юридическое лицо. Далѣе, всякия правительственныя должности государства являются также юридическимъ лицомъ въ этомъ-же смыслѣ, т.е. слѣдующия одно за другимъ по времени лица, занимающия одну и ту-же должность, составляютъ вмѣстѣ одно всецѣлое, какъ юридическое лицо.

Второй родъ юридическихъ лицъ. Это суть всякия другия существа, признанныя объективн. правомъ въ ихъ единой всецѣлости правоспособными существами въ извѣстномъ какомъ

нибудь отношенiи, а слѣд. и лицами, но лицами не физическими, единичными, а юридическими. Таковы какъ: различныя религiозныя, благотворительныя, вообще богоугодныя учрежденiя, заведенiя, а также ученыя и учебныя заведенiя, - каждое изъ нихъ, если оно признается какъ одно правоспособное существо, есть юридическое лицо. Далѣе государственная казна (fiscus) признаваема была уже римскими юристами юридическимъ лицомъ, какъ одно вседѣлое, правоспособное, могущее прiобрѣтать права, на которое могутъ быть налагаемы обязанности и тому под.. Наконецъ даже и такъ называемое юристами hereditas jacens (буквально лежачее наслѣдство) признается также римскими юристами, хотя и невсѣми юристами новѣйшими, а только нѣкоторыми, лицомъ юридическимъ а именно подъ нимъ разумѣется имущество, оставшееся послѣ чьей либо смерти, пока оно небудетъ прiобрѣтено наслѣдникомъ или наслѣдниками, или, какъ выражаются римскiе юристы; ante adita hereditate.

Замѣчу, что второй видъ перваго рода юридическихъ лицъ, какъ соединенiе многихъ людей слѣдующихъ одинъ за другимъ во времени въ смыслѣ собирательныхъ лицъ, нѣкоторые юристы въ наше время не признаютъ юридическимъ лицомъ, хотя такое свое непризнанiе они неосновываютъ на какихъ нибудь несомнѣнныхъ доказательствахъ. Однако же вѣрно то, что во всѣхъ отношенiяхъ можно сравнить этотъ второй видъ перваго рода, какъ это вы подробно узнаете изъ гражданскаго права, но во всякомъ случаѣ при опредѣленiи лица въ юридическомъ смыслѣ еще необходимо обратить вниманiе и на тѣ обстоятельства, когда единичное, физическое лицо въ юридическомъ смыслѣ, словомъ человѣкъ, представляетъ собою въ этомъ юридическомъ смыслѣ многiя лица. Юристы римскiе говорятъ, что онъ есть

homo, qui plures sustinet personas (человѣкъ, который называется носителемъ многихъ лицъ, которыя соединяютъ въ себѣ многія лица въ юридическомъ смыслѣ). Это значитъ что этотъ человѣкъ соединяетъ въ себѣ многія качества, въ силу которыхъ по каждому отдѣльному качеству, ему принадлежащему, онъ имѣетъ особенныя права какъ и имѣетъ соотвѣтствующія имъ обязанности. Такъ напр. въ самомъ дѣлѣ въ жизни мы видимъ, что одинъ и тотъ человѣкъ есть, и можетъ быть и мужемъ или женою и отцемъ или матерью или сыномъ, или дочерью или родственникомъ, или родственницею, вообще можетъ быть различнымъ членомъ одного и того же семейнаго союза. Затѣмъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ извѣстной корпораціи извѣстнаго сословія или класса гражданъ или членомъ извѣстной общины или членомъ даже общенароднаго союза. Даже въ союзахъ, семьяхъ (въ семьяхъ, родахъ, племенахъ и вообще во всѣхъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ, за исключеніемъ общенароднаго союза) одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть и начальникомъ союза и подначальнымъ лицомъ и, по каждому такому качеству, онъ можетъ имѣть и имѣетъ особенныя права и соотвѣтствующія имъ обязанности. Вотъ въ этомъ то смыслѣ одинъ и тотъ же человѣкъ является носителемъ многихъ лицъ, соединяя въ себѣ извѣстныя качества. При этомъ соединеніи въ одно лицо многихъ лицъ въ юридическомъ смыслѣ или многихъ качествъ слѣдуетъ обратить юристу вниманіе въ какомъ именно качествѣ своемъ одинъ и тотъ же человѣкъ что нибудь дѣлаетъ, совершаетъ, какъ

лицо въ юридическомъ смыслѣ. На это нужно обращать вниманіе потому, что между различными правами, а слѣдовательно и обязанностями, какія могутъ принадлежать одному и тому же человѣку но различному по качеству, можетъ быть столкновеніе, коллизія. Вотъ для того чтобы избѣжать коллизіи, необходимо различать эти права и обязанности, по какому свойству, качеству они принадлежатъ ему. Я приведу теперь обыкновенный примѣръ, какой приводилъ и прежде, какъ очень разительный такой коллизіи. Въ началѣ царствованія императора Николая 1-го былъ такой случай. Помѣщица, потомственная дворянка, имѣвшая, какъ таковая, права на владѣніе крестьянами, поселенными на ея земляхъ, вышла замужъ за одного изъ своихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого вышло то, что она, какъ помѣщица, имѣла извѣстныя права на своего мужа, а какъ жена, по нашему праву, она была подчинена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своему мужу. Конечно это различіе могло остаться безъ коллизіи, но она могла случиться и въ самомъ дѣлѣ случилась слѣдующ. образомъ. Помѣщица разсердилась на своего мужа и отдала его въ солдаты, на что она имѣла право, какъ помѣщица. Мужъ, сданный въ солдаты, пошолъ жить въ казармы вмѣстѣ съ прочими солдатами, Въ казармахъ есть помѣщеніе для женатыхъ. Вотъ мужъ и потребовалъ свою жену, помѣщицу, жить вмѣстѣ съ нимъ въ казармахъ, на что онъ имѣлъ право по нашему закону (отъ мужа зависитъ дать своей женѣ паспортъ или нѣтъ). Помѣщица, понятно, воспротивилась и не пожелала жить съ своимъ мужемъ въ казармахъ. Дѣло дошло до суда и не знали, что дѣлать, такъ что предсѣда-

вили это дѣло государю и онъ рѣшилъ весьма мудро, что помѣщица должна прежде, нежели желаетъ выйти замужъ за своего крестьянина, освободить его отъ крѣпостной зависимости и, тогда не можетъ возникнуть коллизіи между правами помѣщицы и правами мужа, какъ крестьянина.

Юристы имѣютъ общія юридическія правила для избѣжанія коллизіи, а именно: два такія общія правила юридическія (regulae juris). Всѣми юристами признается во 1, что то, что дѣлаетъ, совершаетъ человѣкъ въ силу одного изъ своихъ качествъ не должно ему вредить, т. е. лишать его правъ относительно прочихъ качествъ. Напр. несовершеннолѣтній можетъ поступить на службу у насъ уже съ 16 лѣтъ. Состоя на службѣ, онъ имѣетъ извѣстныя права и соотвѣтствующія имъ обязанности, а, какъ несовершеннолѣтній, онъ не имѣетъ нѣкоторыхъ правъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей, какія имѣетъ совершеннолѣтній. Тутъ можетъ быть коллизія. Чѣмъ она избѣгается? Тѣмъ, что право его, какъ состоящаго на службѣ, не должно вредить тому его качеству, что онъ несовершеннолѣтній, не должно лишать его этихъ правъ. Но и наоборотъ признается и другое юристами общее юридическое правило: такія особенныя права человѣка, которыя онъ имѣетъ въ силу одного своего качества, не могутъ быть переносимы къ правамъ, принадлежащимъ ему въ силу другихъ качествъ, напр. если кто имѣетъ извѣстныя права надъ кѣмъ-нибудь другимъ по службѣ, въ качествѣ его начальника и слѣдов. подчиняя его себѣ въ служебномъ его отношеніи, то изъ того нисколько не слѣдуетъ выводить, чтобы онъ-же имѣлъ право подчинять его себѣ и въ прочихъ не служебныхъ отношеніяхъ, каковы имущественныя и семейныя отношенія, напр. никакой начальникъ не имѣетъ права

сказать, чтобы его подчиненный отдалъ ему свое имущество за безцѣнокъ, или напр. начальникъ не можетъ сказать подчиненному, что у меня есть взрослая дочь, а потому прошу жениться на ней, иначе она можетъ остаться въ дѣвкахъ. Конечно подчиненный можетъ отказаться отъ такого требованія своего начальника, но понятно, что весьма немногіе выдерживаютъ въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду разныя связи и протекціи.

Такъ мы окончили разсмотрѣніе вообще, какъ подобаетъ нашей наукѣ, о субъектахъ правъ; скажемъ теперь о субъектахъ обязанностей.

2. Субъекты обязанностей.

Субъектами обязанностей назыв. лица, которыя имѣютъ какія-нибудь обязанности. Здѣсь слово лицо употребляется въ опредѣленномъ нами юридическомъ смыслѣ, а потому мы не будемъ объ этомъ говорить. Изъ такого опредѣленія прямо слѣдуютъ тѣ выводы, которые слѣдовали изъ опредѣленія понятія субъекта права но въ приложеніи къ обязанности, а именно: во 1, не всякое лицо въ юридическомъ смыслѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и субъектъ извѣстной обязанности, ибо лицо въ юридическомъ смыслѣ есть лицо только способное имѣть обязанности, а субъектъ обязанности есть существо, имѣющее извѣстную обязанность на самомъ дѣлѣ; слѣдов. субъектъ извѣстныхъ обязанностей и лицо не одно и тоже. Лицо есть субъектъ обязанностей только въ возможности, а субъектъ извѣстной обязанности есть существо, имѣющее уже въ дѣйствительности извѣстныя обязанности. Слѣд. не должно смѣшивать, а должно различать понятіе субъекта обязанностей и лицо въ юридич. смыслѣ. Пока на лицѣ въ юридич. смыслѣ не будутъ лежать извѣстныя обязанности, это лицо не есть еще субъектъ извѣст-

ныхъ обязанностей, а потому въ этомъ случаѣ понятіе о лицѣ въ юридич. смыслѣ и понятіе о субъектѣ обязанностей не совпадаютъ; но коль скоро на лицо въ юридическомъ смыслѣ будетъ наложена извѣстная обязанность, то лицо въ юридическомъ смыслѣ и субъектъ обязанностей совпадутъ въ одномъ и томъ-же лицѣ. Слѣдоват. хотя и должно различать понятіе субъекта обязанностей и лицо въ юридическомъ смыслѣ, не слѣдуетъ доводить этого различія до противоположности, а напротивъ должно представлять себѣ эти понятія въ ихъ единствѣ. Во 2, наоборотъ всякій субъектъ извѣстныхъ обязанностей есть необходимое лицо въ юридическомъ смыслѣ, ибо, если существо не можетъ имѣть ни какихъ обязанностей, то оно не можетъ быть лицомъ въ юридическомъ смыслѣ. Поэтому для того, что бы существо могло стать субъектомъ извѣстныхъ обязанностей, оно должно быть непремѣнно лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, а если оно не будетъ лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, то оно не будетъ субъектомъ никакой обязанности; напр. рабъ не есть лицо въ юридическомъ смыслѣ а слѣд. онъ не можетъ быть субъектомъ какой-бы то ни было юридической обязанности. Наконецъ въ 3, дабы какое-нибудь существо могло стать субъектомъ извѣстныхъ обязанностей, необходимо, чтобы было признано лицомъ въ юридическомъ смыслѣ со стороны объективнаго права, ибо только объективнымъ правомъ опредѣляются качества, необходимыя для того, чтобы какое-нибудь существо было лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, а слѣдоват., чтобы оно могло стать и субъектомъ извѣстныхъ юридическихъ обязанностей.

Сказавши о субъектѣ правъ и субъектѣ обязанностей, въ заключеніе я скажу еще о субъектѣ правъ и обязанностей вообще, а именно въ этомъ отношеніи мы должны замѣтить, что какъ извѣстныя права, такъ и извѣстныя обязанности

могутъ принадлежать или одному извѣстному субъекту или нѣсколькимъ извѣстнымъ субъектамъ. Когда одно и то-же право или одна и таже обязанность принадлежитъ нѣсколькимъ извѣстнымъ субъектамъ, то въ такомъ случаѣ юристы говорятъ о стеченіи субъектовъ. Такое стеченіе возможно однако-же не во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ; напр. оно невозможно въ семейныхъ правахъ и обязанностяхъ, гдѣ субъектовъ одного извѣстнаго права и извѣстной обязанности не можетъ быть нѣсколько. Тамъ-же, гдѣ это стеченіе возможно, оно является въ двоякомъ видѣ: или во 1, такъ что всякій субъектъ извѣстнаго права обладаетъ имъ вполнѣ, такъ что не одинъ изъ этихъ нѣсколькихъ субъектовъ одного и того-же права не можетъ препятствовать другому осуществлять все это право. Равнымъ образомъ отъ всякаго субъекта извѣстной обязанности можетъ быть потребовано исполненіе ее вполнѣ, совершенно, причемъ этотъ субъектъ не вправѣ привлечь къ участію въ этомъ исполненіи остальныхъ субъектовъ этой обязанности. О такомъ стеченіи нѣсколькихъ субъектовъ, юристы говорятъ, что эти субъекты имѣютъ права и обязанности in solidum (солидарность). Наглядный примѣръ такой солидарности представляетъ называемое юристами obligatio correalis (корреальное обязательство), когда напр. одинъ человѣкъ проситъ у другаго въ займы денегъ, а другой соглашается дать ему, но съ тѣмъ, чтобы въ уплатѣ занятыхъ денегъ поручались нѣсколько лицъ и при томъ такъ, чтобы каждое изъ этихъ лицъ возвратило ему весь долгъ, а потомъ уже расчитывалось со всѣми другими лицами. Или другой видъ: извѣстное одно и тоже право и извѣстная одна и та-же обязанность можетъ принадлежать, и на самомъ дѣлѣ это встрѣчается, нѣсколькимъ лицамъ сообща, такъ что и право и обязанность могутъ

быть осуществляемы лишь всѣми этими субъектами вмѣстѣ, и противъ нихъ вмѣстѣ; такова напр. (самый наглядный примѣръ) общая собственность (communio bonorum). Если я напр. имѣю на извѣстный домъ вмѣстѣ съ другими общую собственность, то это значитъ, что я одинъ могу распоряжаться вмѣстѣ съ другими субъектами такъ, какъ и каждый отдѣльно, какъ будто-бы не было другихъ лицъ, но такъ, чтобы этотъ каждый отдѣльно субъектъ представлялъ собою цѣлое общество. Слѣдов., субъектомъ являются здѣсь всѣ вмѣстѣ, сообща владѣющіе. Въ этомъ состоитъ стеченіе субъектовъ.

II. Объекты правъ и юридическихъ обязанностей.

И здѣсь прежде скажемъ объ объектахъ правъ, а потомъ объ объектахъ обязанностей по той-же самой причинѣ, по которой мы прежде говорили о субъектахъ правъ, а потомъ о субъектахъ обязанностей.

1, Объекты правъ.

Объекты правъ (objectum juris) суть вещи въ юридическомъ смыслѣ этого слова, на которыя имѣютъ права извѣстныя субъекты права. Если субъектъ права есть необходимо, какъ мы видѣли выше, лицо въ юридическомъ смыслѣ (persona), то объектомъ права наоборотъ должно быть все то, что не имѣетъ личности въ юридическомъ смыслѣ, - вотъ все это и называется вещью въ юридическомъ смыслѣ (res), а именно вещью въ юридическомъ смыслѣ, скажемъ мы уже теперь напередъ, называется все то, что лицо употреблять можетъ, какъ средство для удовлетворенія своихъ потребностей, интересовъ какъ цѣлей. Изъ такого опредѣленія прямо вытекаютъ слѣдующіе выводы: во 1, невсякая вещь въ юридическомъ

смыслѣ есть объектъ права, а только та, на которую дѣйствительно имѣетъ право извѣстный субъектъ. Та вещь, на которую лицо еще можетъ имѣть право, а не имѣетъ его на самомъ дѣлѣ, не есть еще объектъ права, такъ напр. res nullius, т. е. вещь никому не принадлежащая не есть объектъ права, потому что еще нѣтъ извѣстнаго субъекта, которому бы принадлежала эта вещь. Слѣдов. объектъ права и вещь не суть тождественныя понятія и потому не слѣдуетъ ихъ смѣшивать, а слѣдуетъ различать: вещь есть объектъ права только въ возможности, а объектъ права есть та вещь, на которую дѣйствительно имѣетъ права извѣстный субъектъ права. Пока извѣстное лицо не пріобрѣтетъ правъ на извѣстную вещь, она, вещь, еще не есть объектъ права, а потому въ этомъ именно понятіи о вещи, вещь и объектъ права не совпадаютъ; но коль скоро лицо пріобрѣтетъ извѣстную вещь и станетъ субъектомъ извѣстныхъ правъ, и вещь становится объектомъ его, то тогда понятіе объ объектѣ права и о вещи совпадутъ въ одной и той-же вещи, а потому хотя эти понятія и слѣдуетъ различать, но не слѣдуетъ доводить этого различія до противоположности, а напротивъ должно представлять ихъ въ единствѣ. Во 2, наоборотъ, всякій объектъ права есть необходимо вещь въ юридическомъ смыслѣ, ибо ничто иное не можетъ быть объектомъ права. То существо, которое есть лицо, не м. быть объектомъ права, т. е. вся жизнь его, всѣ его дѣянія, мысли, чувствованія и желанія не могутъ быть объектомъ права, ибо тогда вся личность человѣка принадлежала-бы другому человѣку какъ субъекту права и въ такомъ случаѣ личность перестала-бы быть личностью, а обратилась-бы въ вещь, почему человѣкъ, которого личность принадлежитъ другому человѣку, есть вещь и въ этомъ смыслѣ есть объектъ права вполнѣ - это есть рабъ. Слѣ-

довательно, хотя лицо можетъ имѣть право въ отношеніи къ другому человѣку, но не на всю его личность, а только на извѣстныя опредѣленныя дѣянія этого человѣка, какъ лица; напр. покупщикъ чего-либо имѣетъ право на опредѣленныя дѣянія напр. на то, чтобы продавецъ отдалъ ту вещь, которая куплена, а не на всю личность. Наконецъ въ 3, дабы какое-нибудь существо могло стать объектомъ извѣстнаго права, необходимо, чтобы оно было признано объективнымъ правомъ вещью въ юридическомъ смыслѣ. Существо можетъ быть признано вещью въ юридическомъ смыслѣ только со стороны объективнаго права, ибо только имъ опредѣляются качества, необходимыя для того, чтобы какое нибудь существо могло стать объектомъ права. Это качество не обозначается юристами особеннымъ терминомъ, какъ обозначается качество лица, словомъ личность какъ терминъ; но если-бы мы захотѣли составить терминъ для обозначенія качества вещи въ юридическомъ смыслѣ, то, по аналогіи со словомъ личность, мы можемъ обозначить качество вещи другимъ какимъ нибудь образомъ, какъ словомъ вещность въ смыслѣ возможности быть объектомъ права въ юридич. смыслѣ со стороны какого-нибудь существа. Что-же признается объектомъ права, вещью въ юридическомъ смыслѣ. Говоря вообще объектомъ права, вещью, въ юридическомъ смыслѣ признается всякая вообще вещь въ общемъ смыслѣ. Говоря вообще вещь въ юридическомъ смыслѣ и вещь въ общемъ смыслѣ суть понятія тождественныя. Что-же такое вещь въ общемъ смыслѣ? Это всякая опредѣленная, ограниченная часть внѣшней видимой природы, существующая въ природѣ, всѣ существующія въ физической дѣйствительности, неодаренныя самосознаніемъ и свободною волею существа, все равно будутъ-ли это существа произведеніемъ самой природы, или человѣческаго труда, и искусства; слѣдов. все, что

не есть человѣкъ, есть вещь въ общемъ смыслѣ слова. Но на этомъ отождествлении вещи въ общемъ смыслѣ съ вещью въ юридическомъ смыслѣ юристы не останавливаются: съ одной стороны они суживаютъ а съ другой стороны расширяютъ понятие о вещи въ общемъ смыслѣ (какъ и понятие о лицѣ) и такимъ образомъ получаются вещи въ юридическомъ смыслѣ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что вещь въ юридическомъ смыслѣ не тождественна съ вещью въ общемъ смыслѣ, а наоборотъ понятие о вещи въ юридическомъ смыслѣ или тѣснѣе или шире понятия о вещи въ общемъ смыслѣ, а именно оно тѣснѣе т.е. не всякая опредѣленная, ограниченная часть внѣшней природы, видимой, признается со стороны объективнаго права вещью и въ юридическомъ смыслѣ, напр. hereditas jacens — это можно назвать вещью въ юридическомъ смыслѣ, которую субъектомъ является она сама, какъ говорится, какъ юридическое лицо, до тѣхъ поръ пока не явится другого субъекта, а именно того, который вступитъ въ открывшееся послѣ смерти умершаго лежачее наслѣдство; hereditas jacens есть именно имущество, оставшееся послѣ смерти умершаго, которое до тѣхъ поръ, пока не будетъ приобрѣтено преемникомъ умершаго, соединяетъ въ себѣ вещи въ юридическомъ смыслѣ, ибо имущество вообще есть ничто иное какъ соединение вещей въ юридическомъ смыслѣ. Но спрашивается, hereditas jacens, какъ соединение вещей въ юридическомъ смыслѣ изъ какихъ вещей состоитъ? Не только изъ вещей, какъ частей внѣшней природы, но и изъ того, что не есть вещь, слѣдоват. не только изъ вещей, въ общемъ, а и изъ того, что не есть вещь въ общемъ смыслѣ, а только вещь въ юридическомъ смыслѣ, каковы права и обязанности принадлежащія этому наслѣдству, такъ какъ въ составъ имущества могутъ входить доли активные и пассивные

(активные - права на получение извѣстныхъ вещей и пассивные - обязанность уплатить извѣстные доли). Во 2, оно шире, т. е. не только опредѣленная, ограниченная часть внѣшней природы признается вещью въ юридическомъ смыслѣ со стороны объективнаго права, но и еще, какъ я указалъ въ примѣрѣ, который имѣетъ значеніе и въ этомъ случаѣ, нѣчто другое т. е. не только части внѣшней видимой природы, но и не части внѣшней природы признаются вещью въ юридическомъ смыслѣ. На этомъ основаніи различіе между вещами въ смыслѣ опредѣленныхъ, ограниченныхъ частей внѣшней, видимой природы и между вещами въ смыслѣ чего нибудь отличнаго отъ частей внѣшней, видимой природы. Вещи въ первомъ смыслѣ назыв. римскіе юристы, а за ними и многіе другіе новые юристы - вещами <u>тѣлесными</u> (res corporales), а вещи въ другомъ смыслѣ назыв. <u>невещественными</u> (res incorporales). Подъ тѣлесными вещами разумѣютъ юристы тѣ существа, которыя подлежатъ нашимъ внѣшнимъ тѣлеснымъ чувствамъ, или, какъ выражаются римскіе юристы, quae sua natura tangi possunt; Цицеронъ опредѣляетъ эти вещи такъ, что это суть - quae sunt, т. е. которыя существуютъ, подразумѣвая конечно при этомъ, что они существуютъ въ дѣйствительности, а не въ нашемъ представленіи, въ мышленіи. Римскіе юристы для наглядности приводятъ примѣры и говорятъ, что res corporales - это суть <u>homo</u> какъ <u>servus</u> - это <u>fundus</u> (земля), - это vestis (одежда) - это aurum (золото), это argentum (серебро) и другое безчисленное множество вещей въ этомъ общемъ смыслѣ слова. Вещами безтѣлесными (incorporalibus) назыв. вещи въ общемъ смыслѣ, которыя не подлежатъ нашимъ внѣшнимъ тѣлеснымъ чувствамъ, по своей сущности, по своей природѣ, или, какъ выражаются римскіе юристы, quae natura sua tangi non

possunt (все, что неосязаемо). Хотя все, что может стать объектомъ извѣстнаго права, или же, какъ выражается Цицеронъ, res, quae intelliguntur, все, что мышленіемъ можетъ быть представлено нами, существуетъ не въ физической дѣйствительности, а въ нашемъ представленіи, мышленіи. Римскіе юристы исчисляютъ примѣры также и этого рода вещей и говорятъ, что это суть quae in jura consistent (это суть права) что они суть actiones (иски, направленные къ осуществленію правъ въ случаѣ ихъ нарушенія) hereditas (въ смыслѣ не имущества, а права наслѣдованія имуществомъ умершаго) -usus (т.е. неупотребленіе, а право на употребленіе) - usus-fructus т.е. непользованіе, а право на это пользованіе и вообще всѣ права въ чужой вещи (jura in re aliena), а также и суть obligationes quoque modo constructi (эти обязательства какъ-бы не установились - или посредствомъ договора, или посредствомъ какого-нибудь дѣянія другаго лица, т.е. сюда принадлежатъ права, входящія въ составъ обязательства въ смыслѣ правъ на опредѣленныя дѣянія другихъ опредѣленныхъ лицъ, а не въ смыслѣ правъ на всю личность. Какъ res corporales, такъ и res incorporales называютъ юристы римскіе, а затѣмъ и большинство новыхъ юристовъ общимъ именемъ res въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Общее между тѣми и другими вещами то, что и вещи въ общемъ смыслѣ и вещи въ юридическомъ смыслѣ суть равно все то, чѣмъ можетъ распоряжаться человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей, для преслѣдованія своихъ интересовъ, ибо объективное право въ томъ и состоитъ, что оно даетъ средство для удовлетворенія потребностей человѣка, а вещь есть такое средство. Изъ этого видно, что есть нѣчто общее между вещами въ общемъ смыслѣ и между вещами въ юридическомъ смы-

слѣ, хотя повидимому, если мы будемъ понимать только слово res въ общемъ смыслѣ и только на этомъ будемъ основываться, нѣтъ между тѣми и другими ничего общаго. Спрашивается какже юристы пришли къ такому значенію слова вещь въ юридическомъ смыслѣ, что въ составъ его понятія входятъ и вещи какъ части матеріальной, внѣшней природы и вещи какъ права? Они пришли слѣдующ. путемъ. Въ основѣ такого понятія вещи въ юридическомъ смыслѣ полагается понятіе о потребности человѣка. Слово потребность имѣетъ двоякій смыслъ - субъективный и объективный; въ субъективномъ смыслѣ потребность есть ощущаемый или чувствуемый человѣкомъ какъ субъектомъ внутри самого себя недостатокъ въ чемъ либо, который онъ желаетъ восполнить посредствомъ удовлетворенія этой своей личной субъективной потребности. Напр. кто нибудь чувствуетъ, ощущаетъ потребность въ домѣ не для того только, чтобы жить въ немъ на квартирѣ, а чтобы распоряжаться въ немъ въ качествѣ собственника - хозяина и для этого онъ покупаетъ, пріобрѣтаетъ въ собственность извѣстный домъ. Это будетъ потребность субъективная, которая удовлетворена посредствомъ купли и продажи. Въ объективномъ смыслѣ словомъ потребность называются внѣшнія, внѣ субъекта существующія, средства (самыя уже средства) или предметы служащія средствомъ къ восполненію ощущаемаго, чувствуемаго человѣкомъ недостатка въ восполненіи субъективной, личной потребности. Вотъ въ этомъ-то объективномъ смыслѣ слово потребность тождественно съ вещью въ юридическомъ смыслѣ, слѣдовательно вещь въ юридическомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ объективная потребность, т. е. все то, что служитъ средствомъ для удовлетворенія человѣческой

потребности, какъ цѣли, или точнѣе, - чѣмъ человѣкъ можетъ располагать (а онъ можетъ не всѣмъ располагать) какъ средствомъ для удовлетворенія своей личной потребности. Другіе юристы опредѣляютъ еще вещь въ юридическомъ смыслѣ какъ составную часть имущества, такъ что вещь есть составная часть имущества; но опредѣляя такимъ образомъ вещь, нужно сперва опредѣлить, что такое имущество. Точнѣйшее опредѣленіе имущества будетъ сдѣлано нами въ своемъ мѣстѣ, а теперь мы скажемъ коротко, что имущество есть соединеніе вещей въ юридическомъ смыслѣ, какъ единичное всецѣлое, слѣдоват. и часть имущества есть вещь въ юридическомъ смыслѣ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и говорятъ, что вещь есть ничто иное какъ составная часть имущества.

Относительно какъ тѣлесныхъ, такъ и безтѣлесныхъ вещей (въ нашемъ св. закон. тѣлесныя вещи назыв. наличнымъ имуществомъ, хотя-бы онѣ были отданы въ залогъ, закладъ и т. п. а вещи безтѣлесныя - долговымъ имуществомъ) юристы различаютъ во 1, единичныя вещи въ юридическомъ смыслѣ т. е. или какъ единичную опредѣленную часть внѣшней природы, или какъ единичное право, элементарное право, конкретное право (то и другое называютъ res singulares подобно тому какъ говорятъ о persona singulari) и во 2, соединеніе вещей въ одно цѣлое въ томъ и другомъ смыслѣ римскіе юристы называютъ ихъ unitum corpus res connexe, т. е. ихъ можно представить какъ-бы собирательными вещами въ юридическомъ смыслѣ, по аналогіи съ собирательными лицами, въ юридическомъ смыслѣ и сказать, что подобно тому, какъ собирательныя лица мы называемъ universitas personarum, такъ и собирательныя вещи можно

назвать universitas вещей.

9. Объекты юридических обязанностей.

Къ чему обязанъ субъектъ, или къ чему можетъ быть обязано лицо? Такъ какъ обязанность находится въ соотвѣтствіи съ правомъ, то и объектъ обязанности находится въ соотношеніи съ объектомъ правъ, такъ что при ихъ соотвѣтствіи между собою объекты правъ и объекты обязанностей будутъ одними и тѣми-же, а именно это суть извѣстныя вещи въ юридическомъ смыслѣ. Поэтому распространяться объ объектахъ обязанностей значило-бы повторять тоже самое, что мы сказали объ объектахъ правъ.

Такъ мы разсмотрѣли субъекты и объекты правъ и обязанностей и слѣдоват. разсмотрѣли все, что составляетъ содержаніе этого раздѣла. Въ окончательномъ результатѣ этого раздѣла о субъектахъ и объектахъ правъ и обязанностей мы получаемъ, что субъектъ правъ есть извѣстное существо, имѣющее извѣстныя права, а субъектъ обязанностей есть извѣстное существо, имѣющее извѣстныя обязанности, а объектъ правъ и обязанностей есть извѣстная вещь въ юридическомъ смыслѣ. Опредѣляя ихъ такимъ образомъ, мы всегда прибавляли прилагательное <u>извѣстный</u> и прибавляли не даромъ: этими словами (единичный, конкретный, опредѣленный) мы хотѣли обозначить существующее въ дѣйствительности, а не въ представленіи, in concreto, а не in abstracto, какъ элементарное простое, въ отличіе отъ сложнаго, ибо только элементарное и представляется въ жизни. Слѣдов. субъектъ правъ имѣетъ опредѣленныя единичныя, конкретныя права, какъ опредѣленныя, конкретныя, единичныя субъективныя

права, а на субъектъ обязанностей лежитъ къ чему нибудь определенная, единичная, конкретная, субъективная обязанность. Это мы хотѣли обозначить словами конкретный, единичный и т. д.. Слѣдоват. права и обязанности относительно субъектовъ и объектовъ суть опредѣленныя, единичныя, конкретныя, элементарныя права и обязанности. Почему же такъ? Потому что субъектъ правъ есть извѣстное существо, именно лицо въ юридическомъ смыслѣ, имѣющее въ дѣйствительности, а не въ представленіи, извѣстныя т. е. опредѣленныя, конкретныя, единичныя на извѣстный опредѣленный, единичный, конкретный объектъ права, а право въ дѣйствительности всегда, какъ мы сказали прежде, есть абсолютно простое право, т. е. элементарное право, какъ право in concreto, а не in abstracto. Субъектъ обязанности есть извѣстное существо, именно лицо въ юридическомъ смыслѣ, имѣющее въ дѣйствительности, а не въ представленіи извѣстную, опредѣленную, единичную, конкретную обязанность къ чему-либо, а извѣстная, опредѣленная, единичная, конкретная обязанность въ дѣйствительности есть абсолютно простая, элементарная обязанность.

Итакъ права и обязанности, разсматриваемыя съ ихъ субъектами и объектами суть извѣстныя, опредѣленныя, единичныя, конкретныя, элементарныя, абсолютно простыя права и обязанности, какъ они являются въ самой дѣйствительности, а не въ представленіи, а именно какъ они являются въ людской общественной жизни, гдѣ вообще проявляется какъ право въ объективномъ смыслѣ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ. Проявляясь въ дѣйствительности, права и обязанности, какъ и все, что является въ дѣйствительности, имѣютъ свое развитіе въ ней. Такъ мы переходимъ къ развитію въ дѣйствительности правъ и обя-

занностей съ ихъ субъектами и объектами. Итакъ,

D, Пятый раздѣлъ.

Развитіе правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами.

Все извѣстное, опредѣленное, единичное, конкретное, развивается въ дѣйствительности, а слѣд. и извѣстныя, опредѣленныя, единичныя, конкретныя права и извѣстныя, опредѣленныя, единичныя, конкретныя обязанности съ ихъ извѣстными опредѣленными, конкретными, единичными субъектами и объектами имѣютъ, во 1, свое начало и возникновеніе въ дѣйствительности, во 2, свое продолженіе дѣйствія и наконецъ въ 3, свой конецъ. Это и есть три ступени такого генетическаго развитія въ дѣйствительности правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами. Разсмотримъ каждую ступень порознь, и въ связи и въ такомъ именно порядкѣ, обусловленномъ генетическ. развитіемъ. Итакъ,

I. Начало или возникновеніе или установленіе въ дѣйствительности извѣстныхъ, опредѣленныхъ конкретныхъ, правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами.

Такое начало или возникновеніе какъ правъ такъ и обязанностей называется ихъ установленіемъ. Сперва скажу объ установленіи или возникновеніи правъ, а потомъ объ установленіи обязанностей, потому что обязанности основываются на правѣ и въ субъективномъ и въ объективномъ смыслѣ. Итакъ,

1, Установленіе правъ.

Установленіемъ правъ называютъ обыкновенно юристы ихъ пріобрѣтеніе, которое и есть именно соединеніе извѣстныхъ опредѣленныхъ единичныхъ, конкретныхъ правъ съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ, единичнымъ, конкретнымъ субъектомъ. Впрочемъ нѣкоторые юристы различаютъ пріобрѣтеніе и возникновеніе правъ, говоря, что они не всегда совпадаютъ въ одинъ и тотъ-же моментъ времени, т.е. что право можетъ возникнуть въ извѣстный моментъ, но въ этотъ моментъ оно еще можетъ не соединиться съ извѣстнымъ субъектомъ и слѣдовательно можетъ быть еще не пріобрѣтено. Напр. если нѣтъ завѣщанія умершаго относительно того, кому слѣдуетъ наслѣдованіе имущества, то право на наслѣдство имѣетъ уже послѣ смерти тотчасъ-же законный наслѣдникъ, такъ что это право уже для него возникло; но нельзя сказать, чтобы оно было уже имъ пріобрѣтено, такъ какъ оно пріобрѣтается законнымъ наслѣдникомъ только тогда, когда онъ вступитъ въ наслѣдованіе, потому что онъ можетъ и отказаться отъ наслѣдства, вслѣдствіе напр. того, что долги, лежащіе на этомъ наслѣдствѣ, превышаютъ стоимость его активнаго имущества. Слѣдов. въ этомъ случаѣ не совпадаютъ въ одинъ моментъ времени возникновеніе и пріобрѣтеніе права. Но обыкновенно въ большинствѣ случаевъ они совпадаютъ и потому когда говорятъ о началѣ и возникновеніи правъ, то обыкновенно говорятъ, прямо уже о пріобрѣтеніи правъ. Для пріобрѣтенія лицомъ какъ субъектомъ извѣстнаго, опредѣленнаго, конкретнаго права съ его объектомъ правъ, необходимы слѣдующ. три условія: во 1, необходимо суще-

ство

правоспособное, могущее стать субъектом такого именно права. Ибо если существо неправоспособное, то оно не может быть субъектом во 2, необходимо существование чего-нибудь такого что может стать объектом этого именно права. Воздух, свет и т. под. предметы физические не приобретаются, хотя и они могут быть в известной степени приобретаемы; далее напр. краденая вещь приобретаема физически, но неприобретаема еще юридически, потому что вор еще не становится собственником вещи, а только владельцем вещи, следоват. фактически владеет ею. В 3, необходим известный правомерный способ приобретения данного права

Способов множество:

но все способы приобретения прав имуществ. могут быть подведены под следующие три главные рода: 1, юридическое деяние или юридический акт, к которым принадлежат в особенности так называе. юридическия сделки (actus juridici, rechts geschäfte), во 2, юридическия события или юридический факт (factum juridicum) и в 3, юридический закон (lex)

Разсмотрим каждое. Во первых мы сказали: юридическое действие или юридический акт, к которым принадлежит юридическая сделка. Деянием вообще называ. действие человеческой свободной воли т. е. внешнее ея проявление, которым изменяется что нибудь во внешнем видимом мире, окружающем наше самосознающее „я". Чтобы я не сделал - мигнул-ли глазом, махнул-ли рукою - все это производит изменение в окружающем мире (в данном случае напр. производится движение воздуха). Но не всякое деяние в этом смысле есть деяние такназыв. юридическое, т. е. не всякое деяние имеет юридическое значение, юридическия последствия, по которым рождаются права и обязанности, а потому не всякое деяние есть правомерный способ приобретения прав. Для того, чтобы деяние было юридиче

скимъ необходимо, чтобы оно было признано таковымъ со стороны объективнаго права. Объективное право, говоря вообще, не обращаетъ вниманіе на такія дѣянія, которыя безразличны, по отношенію къ правамъ и обязанностямъ, т.е. которые не имѣютъ юридическаго значенія, юридическихъ послѣдствій, или, что все равно, которыя находятся внѣ всякой связи съ правами и обязанностями. Однако-же всякое дѣяніе вообще можетъ получить юридическое значеніе въ томъ смыслѣ, что относительно всякаго дѣянія можетъ возникнуть вопросъ о томъ, имѣетъ-ли извѣстное лицо право на его совершеніе этого дѣянія или не имѣетъ, и слѣд. правомѣрно-ли оно или нѣтъ; напр. человѣкъ ѣстъ, пьетъ, прогуливается т.е. совершаетъ такія дѣянія, которыя не суть юридическія дѣянія, однако-же и относительно ихъ можетъ возникнуть вопросъ — вправѣ-ли человѣкъ совершать то или другое изъ этихъ дѣяній и тогда уже объ этихъ дѣяніяхъ можно сказать, что они получаютъ юридическое значеніе имѣютъ юридическія послѣдствія. Напр. если-бы кто нибудь вздумалъ ѣсть и пить не свое, не на свой счетъ, а чужое — на чужой счетъ, но безъ позволенія хозяина, — тогда это дѣяніе получаетъ юридическое значеніе, а именно оно является правонарушеніемъ (нарушеніемъ правъ собственника); или, если-бы кто нибудь вздумалъ, будучи заключеннымъ въ тюрьмѣ, прогуливаться во всякое время и гдѣ бы ему захотѣлось, тогда-бы ему, конечно, напомнили, что онъ не имѣетъ на это права, слѣдов., и это дѣяніе получаетъ юридическое значеніе, юридическое послѣдствіе, а именно оно является правонарушеніемъ или вообще неправомѣрнымъ дѣяніемъ. Вообще говоря, юридическимъ дѣяніемъ, актомъ, назыв. такое дѣяніе со стороны какого нибудь лица, которое зависимо отъ его свободной воли и которое имѣетъ юридическое значеніе и юридическія послѣдствія, т.е. права и обязанности, какъ съ нимъ связанныя. Но здѣсь мы

говоримъ о юридическихъ дѣяніяхъ только какъ о способахъ пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ, а не въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ относительно, такихъ юридическихъ дѣяній мы замѣтимъ, что они должны быть правомѣрными, т. е. согласными съ объективнымъ правомъ, а именно, или должны быть дозволены имъ, или должны-бы быть по крайней мѣрѣ незапрещены имъ, ибо если они не правомѣрны, то ими нельзя пріобрѣсти себѣ никакого права; напр. воровствомъ, кражею, которое есть юридическое дѣяніе (правонарушеніе), не можетъ быть пріобрѣтено право собственности на чужую вещь, ибо существуетъ такое общее юридическое правило (regula juris): никогда не правомъ т. е. неправомѣрнымъ дѣяніемъ не можетъ быть пріобрѣтено дѣйствительное право, ибо если-бы это было возможно юридически, то вышло бы самопротиворѣчіе. Нагляднымъ примѣромъ такихъ юридическихъ дѣяній, актовъ, которые суть правомѣрные способы пріобрѣтенія разныхъ правъ, служатъ всѣ вообще правомѣрныя т. е. законнымъ образомъ заключенныя сдѣлки (rechts. geschechten), подъ которыми разумѣются такія юридическія дѣянія, акты, которые состоятъ въ изъявленіи частной воли лица о томъ, что извѣстное право имъ возникло или, продолжаясь, измѣнилось, или прекратилось, окончилось, таковы напр. всѣ договоры (pactum). Это суть перваго рода способы пріобрѣтенія правъ.

2, Втораго рода способы пріобрѣтенія правъ суть такъ назыв. юридическія событія или юридическіе факты. Событіе, фактъ вообще есть что-нибудь происшедшее во внѣшнемъ, видимомъ мірѣ, но независимо отъ свободной человѣческой воли (этимъ отличается событіе отъ юридическаго дѣянія). То событіе, тотъ фактъ, который имѣетъ юридическое послѣдствіе или, что все равно, которымъ обусловливается возникновеніе, измѣненіе и наконецъ прекращеніе извѣстныхъ правъ и обязанностей

назыв. юридическимъ событіемъ, юридическимъ фактомъ. Юридическимъ событіемъ обусловливается между прочимъ и возникновеніе правъ, а именно правомѣрное пріобрѣтеніе правъ. Смерть, напр., человѣка есть событіе вообще, если-же она имѣетъ юридическое значеніе, юридич. послѣдствія, то она становится юридическимъ событіемъ. Такимъ юридическимъ послѣдствіемъ можетъ быть пріобрѣтеніе наслѣдникомъ оставшагося послѣ смерти извѣстнаго лица чужаго имущества или наслѣдство, такъ что наслѣдованіе есть одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества вслѣдствіе смерти собственника, какъ юридич. событія. Вообще со смертью человѣка имущество его превращается въ наслѣдство и затѣмъ наслѣдникъ пріобрѣтаетъ извѣстныя права и обязанности. Поэтому можно сказать въ этомъ смыслѣ, что смерть человѣка, какъ событіе, какъ фактъ, есть какъ-бы правомѣрный способъ пріобрѣтенія правъ, т. е. это событіе имѣетъ такое-то юридическое значеніе и его послѣдствіемъ являются такія-то права и обязанности или,- что оно есть событіе юридическое.

Наконецъ 3, юридическій законъ, право вообще есть также способъ пріобрѣтенія правъ, а именно есть такія права, которыя пріобрѣтаются или, точнѣе сказать, устанавливаются прямо, непосредственно юридическимъ закономъ или правомъ въ объективномъ смыслѣ; другими словами: есть такія права, въ субъективномъ смыслѣ, для установленія которыхъ не требуется никакихъ особенныхъ способовъ пріобрѣтенія какъ юридич. актъ и юридич. дѣяніе. По нашимъ законамъ установлено такъ, что рожденный отъ потомственнаго дворянина пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ право потомственнаго дворянства. Въ нашемъ сводѣ такія права называются установленными закономъ. Вотъ все, что можно и должно было сказать объ установленіи правъ.

2, Установленіе юридической обязанности.

- Здѣсь слѣдуетъ различать общія и особенныя обязанности,

въ смыслѣ, который будетъ нами изъясненъ ниже, а) подъ общею обязанностью разумѣется здѣсь та отрицательная обязанность, состоящая въ томъ, чтобы чего нибудь не дѣлать, которая не имѣетъ опредѣленныхъ субъектовъ, потому что она простирается на всѣ вообще лица, она соотвѣтствуетъ правамъ безъ различія принадлежащимъ другимъ лицамъ, какъ опредѣленнымъ субъектамъ дѣлать что-нибудь или чего-либо не дѣлать, такъ что коль скоро какое нибудь опредѣленное лицо пріобрѣтетъ какія нибудь опредѣленныя права, то вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается для всѣхъ вообще прочихъ лицъ безъ исключенія эта общая отрицательная обязанность, соотвѣтствующая этимъ правамъ. Напр., собственникъ, хозяинъ вещи имѣетъ право владѣть, употреблять, пользоваться ея плодами и распоряжаться ею, а потому всѣ вообще прочія лица (неопредѣляя какія это лица) имѣютъ обязанность отрицательную не дѣлать чего нибудь такого, что препятствовало-бы, мѣшало-бы собственнику владѣть вещью, употреблять ее, пользоваться ея плодами и распоряжаться ею. Вотъ это есть въ этомъ смыслѣ общая обязанность отрицательная. б) Подъ особенною обязанностью разумѣется здѣсь обязанность какъ и положительная, такъ и отрицательная, имѣющая свои опредѣленные субъекты, а не вообще всѣ. Такая обязанность устанавливается, какъ и права, или α, юридическими дѣяніями напр. договорами (напр. купившій вещь, нужно заплатить - это особенная обязанность, а именно положительная) или β, юридическими событіями, фактами (напр. обязанность наслѣдующаго имущество умершаго уплатить его долги) или γ, непосредственно, прямо юридическими законами т. е. тѣ обязанности, которыя въ нашемъ Св. Законовъ назыв. установленными законами, напр. разныя государственныя повинности личныя и имущественныя. Относительно собственно юридическихъ дѣяній какихъ нибудь лицъ, какъ устанавливающихъ особенныя юридическія обязанности,

юристы признают такое общее юридическое правило (regula juris): всякій человѣкъ, имѣющій правоспособность, или личность въ юридическомъ смыслѣ и юридич. дѣеспособность, отвѣчаетъ за всѣ юридическія послѣдствія, вытекающія изъ всѣхъ совершенныхъ имъ дѣяній, напр. всякій человѣкъ обязанъ дѣлать то, или не дѣлать того, къ чему онъ обязался по договору. Но обязываться къ чему-либо неправомѣрному никто юридически не можетъ, ибо самая такая обязанность была-бы такою неправомѣрною обязанностью, а слѣдов. не имѣющею юридическаго значенія, юридическихъ послѣдствій. Напр. обязаться договоромъ украсть что-либо у другого лица, или убить по порученію другого лица и т. под. юридически невозможно, ибо обязанности соотвѣтствуютъ права, а право, какъ мы сказали, не можетъ быть пріобрѣтаемо ни какимъ неправомъ.

Такъ мы сказали объ установленіи правъ юридическихъ и обязанностяхъ, а слѣд. и окончили разсмотрѣніе этой первой ступени развитія въ дѣйствительности правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами. Начавшіяся или установившіяся права и обязанности продолжаются или имѣютъ свой ходъ, свое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока не уничтожаются. Такъ мы восходимъ отъ первой ступени развитія правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами ко второй ступени

74. II. Продолженіе ходъ или теченіе опредѣленій правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами.

Оно состоитъ въ пользованіи правами съ ихъ объектами въ исполненіи обязанностей также съ объектами со стороны опредѣленныхъ субъектовъ данныхъ правъ и обязанностей. Сперва скажемъ о пользованіи правами, а потомъ объ исполненіи обязанностей. И такъ,

1, Пользованіе правами.

Пользоваться извѣстнымъ правомъ значитъ проявлять въ своей дѣйствительности, въ жизни его опредѣленнымъ субъектомъ свою правоспособность и юридич. дѣеспособность, или давать силу на самомъ дѣлѣ тому, на что этотъ субъектъ имѣетъ извѣстное право въ возможности, или же, что все равно, къ чему онъ управомоченъ. Изъ сущности понятія самого права въ субъективномъ смыслѣ разсматриваемаго, слѣдуетъ, что субъектъ извѣстнаго права управомоченъ по своему усмотрѣнію пользоваться или не пользоваться на самомъ дѣлѣ своимъ правомъ въ дѣйствительности, которое имѣетъ въ возможности, ибо право, которымъ личность не могла-бы воспользоваться на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности, сдѣлалось-бы понятіемъ безъ дѣйствительнаго значенія, а право, которымъ субъектъ обязанъ былъ-бы непремѣнно пользоваться, стало быть на дѣлѣ въ дѣйствительности обязанностью и перестало-бы быть правомъ. Слѣдоват. никто не можетъ быть вынужденъ пользоваться своимъ правомъ. Это, хотя нѣсколько ограниченные, выражаютъ римскіе юристы въ такомъ правилѣ: nemo cogitur rem suam defendere (никто не можетъ быть вынужденнымъ, защищать свою вещь). Впрочемъ такое общее юридическое правило дѣйствуетъ абсолютно, т.е. безотносительно и безусловно только по отношеніи къ такъ назыв. частнымъ, а не публичнымъ правамъ (каковы политич. права), въ отношеніи которыхъ есть ограниченія, напр. правомъ быть присяжнымъ засѣдателемъ, свидѣтелемъ и проч. необходимо должно воспользоваться, потому что здѣсь въ одномъ и томъ-же лицѣ соединяются права съ обязанностями, такъ что для того, чтобы исполнить политич. обязанность, необходимо воспользоваться политическимъ публичнымъ правомъ. Далѣе, кто пользуется выгодами своего права (comodat), тотъ долженъ нести и его невы-

годн (incomodat); - это есть также юридическое правило (regula juris) относящееся къ пользованію правомъ. Далѣе, пользоваться можно, или самолично, т. е. самому лицу, какъ субъекту права, или чрезъ посредство другихъ лицъ, которыя вообще называются повѣренными; но это абсолютно относится только къ правамъ частнымъ, но не публичнымъ, по отношенію къ которымъ есть ограниченія этого права. Далѣе, каждый управомоченный, имѣющій права субъекта, можетъ передать свои права другому, или вполнѣ, или отчасти безмездно, или возмездно; но можетъ передать разумѣется не болѣе, того, что онъ имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ такое юридическое правило: nemo plus juris in alium transferre potest, quam ipse habet т. е. никто не можетъ придать другому лицу болѣе правъ, нежели онъ самъ имѣетъ. Это также юридическое правило, сюда относящееся, но опять такое, которое имѣетъ такое абсолютное значеніе только относительно частныхъ правъ, а не публичныхъ правъ, ибо относительно публичныхъ правъ это правило имѣетъ также свои ограниченія. Управомоченный можетъ также отказаться отъ принадлежащаго ему права, не передавая его другому опредѣленному лицу; но это правило абсолютно относится только къ частнымъ такъ какъ по отношенію къ публичнымъ правамъ, существуютъ также нѣкоторыя ограниченія.

Кто имѣетъ право, тому должны быть предоставлены средства со стороны законовъ юридическихъ и средства защиты правъ. Эти средства назыв. правомъ иска (actio); но это общее юридическое правило имѣетъ абсолютное дѣйствіе только относительно частныхъ а не публичныхъ правъ - по отношенію къ публичнымъ есть также нѣкоторыя ограниченія. Правомъ можно воспользоваться только тог-

да, когда во 1, дѣйствительно оно возникло, т. е. пріобрѣтено, ибо иначе имъ воспользоваться невозможно, если его нѣтъ относительно извѣстнаго субъекта; во 2, когда управомоченный субъектъ этого опредѣленнаго права имѣетъ юридическую дѣеспособность и въ 3, когда фактическія обстоятельства допускаютъ пользованіе права (напр. если мою квартиру передѣлываютъ, то я не могу воспользоваться правомъ жить въ ней. Поэтому особеннымъ соглашеніемъ свободной воли лицъ, сдѣлки, договоромъ, можетъ быть опредѣленъ срокъ для начала пользованія права, - и тогда правомъ можно пользоваться только съ наступленіемъ этого срока. Наконецъ, пользоваться правомъ собственно можно только пока управомоченному, опредѣленному субъекту принадлежитъ право, о которомъ идетъ рѣчь. Поэтому нельзя собственно, строго говоря, распоряжаться своимъ правомъ на будущее время особенно когда субъектъ уже не будетъ болѣе имѣть этого права, потому что онъ самъ не будетъ существовать (не будетъ живъ) развѣ только положительное право это допускаетъ. Дѣйствительно, насколько положительное право это допускаетъ, признаетъ въ извѣстной степени и мѣрѣ юридическую силу такого распоряженія, такъ назыв. завѣщанія, настолько можно пользоваться этимъ правомъ и на будущее время, простирающееся за смерть даннаго лица. Положительное право обыкновенно допускаетъ такое пользованіе этимъ правомъ т. е. допускаетъ такое дѣйствіе завѣщанія относительно своего имущества, но съ различными ограниченіями; напр. у насъ дозволяется распоряжаться движимымъ и имуществомъ на случай смерти по завѣщанію, но только благопріобрѣтеннымъ, а не родовымъ; почему нашъ законъ такъ дѣлаетъ - это мы увидимъ, но, строго говоря, онъ могъ бы вовсе не допускать завѣщаній. Далѣе, ~~пользоваться~~ правомъ обык-

новенно можетъ не только субъектъ его, но за него и другія лица и притомъ не только вслѣдствіе данной на то имъ довѣренности, о чемъ мы говорили, но и въ силу такъ назыв. представительства (representatio), напр. опекуны могутъ воспользоваться правами за мѣсто субъектовъ, надъ которыми они поставлены, какъ опекуны. Вотъ все, что слѣдовало сказать о пользованіи правомъ.

2. Исполненіе юрид. обязанности.

Оно есть проявленіе въ дѣйствительности правомѣрной необходимости дѣлать что-нибудь, или чего нибудь не дѣлать, или правомѣрное подчиненіе одного лица власти другаго лица какъ опредѣленнаго субъекта, или ограниченіе абсолютной свободы лица, именно вслѣдствіе того, что мы такъ и опредѣляемъ юрид. обязанность. Уже изъ такого опредѣленія того, въ чемъ состоитъ исполненіе юридической обязанности, прямо слѣдуетъ, что исполненіе ея независитъ отъ усмотрѣнія субъекта данной обязанности, - напротивъ оно должно быть проявлено на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, на сколько это допускаютъ фактическія обстоятельства (если фактическія обстоятельства этого не допускаютъ, то разумѣется, оно не можетъ б. проявлено; напр. если я взялъ чужую вещь и испортилъ ее, то я не могу ее возвратить). Обыкновенно требуется, чтобы самъ субъектъ обязанности исполнилъ ее; однако жъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ собственно о томъ, чтобы содержаніе данной юридич. обязанности, т.е. то, къ чему именно обязанъ извѣстный субъектъ, въ пользу субъекта права, было осуществлено кѣмъ-бы то ни было, - исполненіе юридич. обязанности въ этихъ случаяхъ можетъ послѣдовать и со стороны другихъ лицъ, а не только со

стороны самого субъекта данной обязанности; напр. если мнѣ должны извѣстную сумму денегъ, то для меня все равно, уплатили вы мнѣ, или уплатитъ кто нибудь другой, потому что содержаніе обязанности здѣсь состоитъ въ томъ только, чтобы извѣстная сумма денегъ была уплачена; если-же субъектъ обязанности имѣетъ представителя своего, то исполненіе его обязанности можетъ быть поручено этому представителю (напр. опекуну за малолѣтнихъ).

Такъ мы окончили разсмотрѣніе вообще исполненія обязанностей. Какъ пользованіе правами такъ и исполненіе юридич. обязанностей должно быть охраняемо на основ. объективнаго права отъ нарушенія. Такое нарушеніе назыв. вообще правонарушеніемъ или неправомъ. Правонарушеніе или неправо въ этомъ смыслѣ есть также, или положительное дѣяніе человѣка (когда онъ дѣлаетъ что нибудь) или отрицательное дѣяніе (когда не дѣлаетъ чего нибудь, напр. опущеніе обязанности). Правонарушеніе противно праву въ субъективномъ смыслѣ вообще или же противно существующимъ постановленіямъ въ объективномъ правѣ, а также противно субъективнымъ правамъ и обязанностямъ, ибо съ каждымъ правонарушеніемъ или неправомъ со стороны совершившаго его (это правонарушеніе) неразрывно соединяется нарушеніе какъ объективнаго права, такъ и субъективнаго права, т.е. какъ юридическаго закона такъ и чего-либо права въ смыслѣ неправомѣрнаго вторженія въ область его правомѣрной свободы, а слѣд. и нарушеніе соотвѣтствующей праву юридич. обязанности, какъ ограниченія абсолютной свободы, — нарушеніе состоящее въ томъ, что составляетъ обязанность дѣлать что нибудь или чего нибудь

не дѣлать. Замѣтимъ, что я сказалъ, что правонарушеніе или неправо нераздѣльно нарушаетъ какъ объективное право, такъ и субъективныя права и обязанности. Нѣкоторые криминалисты говорятъ, что всякое правонарушеніе есть нарушеніе только объективнаго права, что невѣрно; точно также и другіе криминалисты говорятъ, что всякое правонарушеніе есть нарушеніе субъективнаго права, что также невѣрно, потому что если нарушается чье либо право въ субъект. смыслѣ, то тѣмъ самымъ и нарушается и право въ объективномъ смыслѣ, потому что всѣ права въ субъективномъ смыслѣ основаны на правѣ въ объективн. смыслѣ; если же нарушаемъ даже объективное право, то тѣмъ самымъ нарушаемъ и субъективныя права, потому что необходимыя послѣдствія объективнаго права есть то, что оно устанавливаетъ субъект. права и обязанности. Изъ этого слѣдуетъ, что правонарушеніе или неправо можетъ быть произведено неправомѣрными положительными или отрицательными дѣяніями. Если же какое нибудь лицо только препятствуетъ опредѣленному субъекту права пользоваться своимъ правомъ, или даже если оно причиняетъ ему какую-бы то нибыло невыгоду, вредъ только тѣмъ, что этотъ субъектъ пользуется своимъ правомъ, то этотъ-же субъектъ тѣмъ еще не совершаетъ правонарушенія въ отношеніи къ другимъ субъектамъ, какъ субъектамъ права, потому что всякій субъектъ правъ, пользуясь своимъ правомъ, можетъ дѣлать то, что допускаетъ или чего требуетъ сущность самого права. Это основное положеніе выражается юристами въ слѣдующемъ юридич. правилѣ: qui jure suo utitur, nemini facit injuriam (кто пользуется своимъ правомъ, тотъ никому не дѣлаетъ

неправа). Это юридическое правило встрѣчается еще у Римск. юристовъ и въ другой формѣ, а именно напр. въ такой: nullo videtur dolo facere, qui suo jure utitur (нельзя считать злостнымъ то, когда человѣкъ ничего больше недѣлаетъ, какъ пользуется только своимъ правомъ); или въ такой формѣ: non videtur vim facere, qui jure suo utitur. (тотъ недѣлаетъ никакого насилія, — vim, — какъ неправомѣрнаго дѣянія, кто пользуется своимъ правомъ). Во время напр. самарскаго голода, хлѣбъ въ самарской губерніи страшно вздорожалъ, такъ какъ его тамъ было недостаточно не только для засѣва полей, но и для прокормленія жителей. Нашлись, конечно, люди, желавшие воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, которые стали подвозить хлѣбъ и продавать по очень дорогой цѣнѣ. Удѣльное вѣдомство, въ которомъ я имѣю честь служить, закупило сѣмена во время за дешевую цѣну для раздачи его тѣмъ, которые въ Удѣльномъ вѣдомствѣ содержали въ арендѣ поля. Вслѣдствіе этого обстоятельства хлѣбъ, конечно, сталъ падать въ цѣнѣ, что конечно было невыгодно для купцовъ, но понятно, никто не можетъ запретить кому-бы то нибыло покупать и продавать хлѣбъ по какой угодно цѣнѣ, потому что это не есть правонарушение, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о пользованіи своимъ правомъ. Впрочемъ и такія дѣянія, которыя направлены противъ чьего либо права, которыя были-бы правонарушеніемъ, неправомъ, если-бы они совершались безъ согласія того, противъ котораго они направлены, могутъ утратить характеръ правонарушенія, неправа, когда они совершаются по волѣ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ они направлены разумѣется подъ условіемъ, чтобы эти

лица способны были къ дѣйствительному выраженію своей воли, чтобы они имѣли юрид. дѣеспособность. Сюда относится слѣдующее юридическое правило: volenti non fit injuriam (для того, кто хочетъ чего нибудь — это не есть неправо). Если хозяинъ предоставитъ кому нибудь право вполнѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, собственностью съ крайнимъ ущербомъ для самого себя, то распоряжающій такимъ образомъ въ ущербъ хозяину не совершаетъ правонарушенія. Это общее правило, — volenti non fit injuriam, (подвергается различнымъ ограниченіямъ а именно: оно не примѣняется во 1, къ дѣяніямъ, имѣющимъ предметомъ своимъ всю личность, изъявляющаго согласія на это дѣяніе, потому что вся эта личность уничтожилась бы, если бы это дѣяніе было въ самомъ дѣлѣ совершено или совершилось; напр. у насъ запрещается закабалить себя въ рабство, хотя-бы и добровольно, потому что рабство есть уничтоженіе личности. Во 2, это правило неприменяется къ дѣяніямъ, которыя сами по себѣ содержатъ въ себѣ что нибудь неправомѣрное, противное праву въ объективномъ смыслѣ; напр. если-бы кто вздумалъ попросить другаго, чтобы онъ его убилъ и этотъ другой убилъ-бы его въ самомъ дѣлѣ, то это дѣяніе, убійство признается объективнымъ правомъ правонарушеніемъ, преступленіемъ, хотя есть юристы, которые держатся противнаго мнѣнія. Наконецъ въ 3, это общее правило не примѣняется къ дѣяніямъ, нарушающимъ особенную юридическую, обязанность лица, — такую, отъ которой это лицо не можетъ быть освобождено даже и при согласіи того, противъ котораго направлено это дѣяніе; напр. давать судьѣ взятки есть пра-

вонарушеніе, неправомѣрное дѣяніе, преступленіе, хотя-бы судья и согласился принять взятку. Самыя-же правонарушительныя дѣянія бываютъ во 1, по внѣшнему образу, по его формѣ или положительныя или отрицательныя. Положит. дѣянія суть тѣ, которыя состоятъ въ положит. дѣяніи, противномъ праву, а отрицательныя дѣянія суть тѣ, которыя состоятъ въ отрицаніи права, дѣянія, т. е. въ неисполненіи того, къ чему субъектъ извѣстный юридически обязанъ. Впрочемъ, мы объ этомъ упоминали уже по другому поводу. Во 2, по различію внутренняго самоопредѣленія воли дѣятеля, служащей источникомъ и причиною даннаго дѣянія какъ правонарушенія. Дѣянія бываютъ въ этомъ отношеніи или умышленныя, намѣренныя, злостныя, что выражаютъ юристы однимъ словомъ dolus; это такія дѣянія, которыя основываются на предварительномъ рѣшеніи со стороны дѣятеля совершить какое нибудь неправомѣрное дѣяніе, какое нибудь правонарушеніе, при чемъ послѣдствія правонарушенія слѣд. послѣдствія противныя праву были предусмотрѣны дѣятелемъ, или даже желаемы дѣятелемъ; (напр. если кто хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ убить другаго и въ самомъ дѣлѣ убилъ его, то это дѣяніе есть умышленное, намѣренное, злостное) или-же дѣянія бываютъ неумышленныя, по неосторожности или небрежности, неосторожныя или небрежныя дѣянія, что юристы называютъ однимъ словомъ culpa, это суть такія дѣянія, которыя имѣютъ своимъ послѣдствіемъ, что нибудь такое, что хотя и не было предметомъ прямаго хотѣнія, желанія дѣятеля, однакоже что им было предусмотрѣно имъ какъ возможное по-

последствие, либо даже вероятное последствие, или что можно, или должно было быть имъ предусмотрѣно. Напр. если кто нибудь затѣваетъ драку, то неизвѣстно чѣмъ она окончится: такъ какъ она можетъ кончиться и убійствомъ, которое, конечно, небываетъ въ этомъ случаѣ преднамѣреннымъ, которое небываетъ въ умыслѣ, но можно и должно было предусмотрѣть, что драка можетъ быть кончена убійствомъ. Поэтому юристы обыкновенно признаютъ разныя степени неосторожности или небрежности, а именно: culpa lata (тяжкая неосторожность) culpa levis и culpa levissima (самая легкая неосторожность). Сюда-же принадлежитъ также особенно въ правонарушеніяхъ, относящихся къ гражданскому праву такъ назыв. deligentia qua suis, т. е. вниманіе, которое обыкновенно обращаетъ дѣятель на храненіе своего собственнаго имущества. Такое-же вниманіе требуется и при храненіи чужихъ вещей; напр. если я дамъ кому нибудь на сохраненіе вещи и этотъ хранитель не будетъ обращать на нее столько-же вниманія, какъ и на свою собственную вещь, чтобы охранять ее, то въ случаѣ ея потери онъ признается виновникомъ гражданскимъ; если-же онъ будетъ также обращать вниманіе на сохраненіе своихъ вещей какъ и чужихъ, то въ случаѣ поврежденія чужихъ вещей его вина признается легчайшею въ сравненіи со всѣми прочими неосторожностями или небрежностями. Наконецъ въ 3, по различію видимыхъ послѣдствій правонарушенія бываютъ или совершившіяся или начатыя. Совершившимися дѣянія считаются тогда, когда онѣ вполнѣ окончены, такъ что чего хотѣлъ, чего желалъ достигнуть дѣятель, того и достигъ, начатыя-же дѣянія суть тѣ, когда предполагаемыя или желае-

мыя послѣдствія дѣянія еще не произошли; напр. я хотѣлъ убить и убилъ - это есть совершившееся дѣяніе, а во 2мъ случаѣ я хотѣлъ убить, но не убилъ - это есть несовершившееся дѣяніе, а только начатое: я приготовилъ всѣ средства къ тому, чтобы убить, но не убилъ, а только ранилъ, хотя и желалъ убить. Начатое, вообще недоведенное до конца правонарушеніе назыв. также покушеніемъ, если оно будетъ намѣреннымъ или умышленнымъ.

Права и обязанности въ своемъ продолженіи, или теченіи остаются или неизмѣняемыми или измѣняются. Неизмѣнными остаются онѣ тогда, когда во время своего продолженія, теченія сохраняются въ этомъ своемъ видѣ, образѣ, формѣ и съ тѣмъ-же самымъ содержаніемъ, матеріею, съ какими онѣ первоначально были установлены. Напротивъ права и обязанности измѣняются, когда измѣняется или ихъ образъ, видъ, или же измѣняется ихъ содержаніе, матерія. Слѣдов. измѣненіе въ правахъ и обязанностяхъ происходитъ или въ формальномъ или въ матеріальномъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ формою права и обязанности назыв. именно внѣшній образъ, видъ, въ которомъ существуютъ данныя права и обязанности помимо ихъ содержанія, а содержаніе права и обязанности или матерія его, есть то именно, что заключаетъ въ себѣ данное право и данную обязанность. Содержаніемъ даннаго права, даннымъ правомъ назыв. именно то, на что имѣетъ право субъектъ даннаго права, а содержаніемъ обязанности назыв. то, къ чему именно обязанъ субъектъ данной обязанности. Замѣчу, что при этомъ нужно остерегаться, чтобы не смѣшивать содержаніе или матерію права и содержаніе обязанности съ субъектами ихъ. Объекты ихъ всегда суть вещи въ юридическомъ смыслѣ, отчего отличается содержаніе правъ и обязанностей.

Лит. и. А. Степановой Б. Садовая угл. д. № 7/11.

какъ мы говорили. Въ формальномъ отношеніи измѣняется право и обязанность, когда измѣненъ будетъ образъ исполненія обязанностей, а слѣд. образъ требованія права на такое исполненіе. Напр. первоначально я съ вами условился уплатить долгъ звонкою монетою, а впослѣдствіи измѣнилъ этотъ договоръ такъ, что я могу уплатить долгъ кредитными билетами; или напр. мы согласились, чтобы долгъ былъ уплаченъ въ такомъ то мѣстѣ, а потомъ согласились, чтобы уплата долга была произведена въ другомъ мѣстѣ; или напр. мы согласились, чтобы уплата долга была произведена въ такой-то срокъ, а затѣмъ измѣнили этотъ срокъ. Все это суть примѣры на формальное измѣненіе правъ и обязанностей. Содержаніе правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанностей можетъ измѣниться или въ количественномъ или въ качественномъ отношеніи. Въ количественномъ отношеніи измѣненіе происходитъ, когда право становится или больше или меньше прежняго, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и обязанность; напр. когда принадлежащая кому нибудь земля будетъ увеличена въ своемъ пространствѣ, размѣрѣ отъ намыва земли, тогда правъ является больше, а слѣдоват. и обязанностей имъ соотвѣтствующихъ; но если напр. кредиторъ получитъ отъ заимодавца часть долга, а не всю его сумму, то въ такомъ случаѣ заимодавецъ будетъ удовлетворенъ, но несполна, однакоже право его въ количественномъ отношеніи будетъ меньше (онъ будетъ имѣть право на получение меньшей суммы денегъ). Въ качественномъ отношеніи измѣняются права и обязанности по своему содержанію тогда, когда или во 1, право доставляетъ его субъекту другой родъ юридич. власти, господства, отличный отъ прежняго напр. собственность, т.е.

какъ право собственности послѣ нарушенія этого права измѣняется въ томъ отношеніи, что до случая нарушенія право собственности состояло въ непосредственномъ господствѣ субъекта, собственника, хозяина вещи надъ самой вещью какъ объектомъ, — въ силу этого непосредственнаго господства надъ собственностью хозяинъ вещи, можетъ требовать отъ всѣхъ прочихъ лицъ, чтобы они не сопротивлялись праву его господства надъ вещью; но тогда когда право собственности будетъ нарушено напр. воровствомъ со всѣми его видами (такъ у насъ воровство - кража, воровство - мошенничество и воровство - обманъ), то право собственности по своей природѣ измѣняется а именно оно измѣняется изъ господства непосредственнаго надъ вещью безъ посредства лица; право собственника требовать возврата своей вещи уже отъ опредѣленнаго лица, именно отъ вора. Такимъ образомъ право въ вещи, которое въ первомъ случаѣ было чистое непосредственное право, или такъ называемое вещное право, измѣняется въ господство надъ вещью чрезъ посредство другаго лица, отъ котораго онъ имѣетъ право требовать возврата своей вещи, такъ какъ право собственности, какъ вещное право измѣняется въ право обязательственное. Такой характеръ тѣхъ правъ, которыя назыв. обязательственными въ отличіе отъ вещныхъ. Или же во 2, родъ юридическаго господства, власти неизмѣняется а измѣняется лишь то, что въ силу этой власти можно было требовать напр. лицо взяло въ ссуду вещь чужую незамѣняемую (напр. подсвѣчникъ, а не деньги, которыя замѣняемы — тогда былъ-бы заемъ, а не ссуда) и потомъ по собственной своей винѣ эту вещь испортилъ, потерялъ и проч. Нужно было-бы возвратить эту вещь тому, кто ее ссудилъ, а между тѣмъ она не м. быть возвращена и въ такомъ случаѣ ссу-

дывшій ее не имѣетъ права требовать возврата той же вещи, которую ссудилъ, а можетъ требовать только вознагражденія за эту вещь. Тутъ неизмѣняется родъ власти, т.е. господство лица надъ вещью какъ собственника, какъ хозяина остается и до утраты вещи и послѣ утраты вещи тѣмъ-же господствомъ непосредственнымъ или обязательственнымъ, но измѣняется въ томъ отношеніи, что въ первомъ случаѣ можно было требовать возврата самой вещи, а во второмъ случаѣ можно требовать только денежнаго вознагражденія за вещь.

Отъ измѣненія самыхъ правъ и обязанностей слѣдуетъ отличать измѣненіе ихъ субъекта. Оно состоитъ въ томъ, что мѣсто прежняго субъекта одного и того-же права и одной и той-же обязанности заступаетъ другой новый субъектъ. Вступленіе вообще одного субъекта на мѣсто другаго субъекта правъ равно какъ и обязанностей назыв. юристами преемствомъ (succesio) въ техническомъ смыслѣ этого слова, какъ терминъ. Одинъ изъ нагляднѣйшихъ примѣровъ преемства есть наслѣдованіе, но наслѣдованіе нетождественно съ преемствомъ, такъ какъ это есть одинъ изъ видовъ преемства; напр. я далъ кому нибудь деньги взаймы и передаю право полученія другому и такимъ образомъ является новый субъектъ, которому я передалъ это право вслѣдствіе преемства, а не вслѣдствіе наслѣдованія. При этомъ новый субъектъ, заступающій мѣсто прежняго, называется преемникомъ (succesor), а прежній субъектъ называется предшественникомъ. Однако-же замѣчу, что не всѣ вообще права, а слѣд. и соотвѣтствующія имъ обяз-сти таковы, что они по свойству своему м. мѣнять свои субъекты; главнымъ образомъ это преемство въ юридическомъ смыслѣ осуществляется въ области только имущественн-

ныхъ правъ, а не въ области политическихъ правъ.

Съ окончаніемъ, измѣненіемъ правъ и обязанностей возникаютъ, устанавливаются, получаютъ начало вообще новыя права и новыя обязанности. Поэтому права и обязанности могутъ измѣняться вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ основаній, вслѣдствіе которыхъ они возникаютъ или устанавливаются — или по волѣ лицъ (вслѣдствіе юридическаго дѣянія напр. юридическихъ сдѣлокъ) и во 2, вслѣдствіе юридич. событій (вслѣдствіе напр. смерти) и въ 3, прямо въ силу юридическаго закона.

Мы окончили разсмотрѣніе второй ступени развитія въ дѣйствительности правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами т. е. окончили все то, что слѣдуетъ сказать о нашей наукѣ о продолженіи измѣненіи правъ и обязанностей. Остается сказать наконецъ о концѣ, объ окончаніи извѣстныхъ правъ и обязанностей, чѣмъ возводятся въ генетическомъ развитіи своемъ права и обязанности на третью и послѣднюю ступень въ генетическомъ развитіи своемъ этого вида.

III. Конецъ извѣстныхъ правъ и обязанностей съ ихъ опредѣленными субъектами и объектами.

Въ этомъ отношеніи различаютъ во 1, конецъ ихъ относительный и условный, во 2, безотносительный и безусловный. Скажемъ о каждомъ. Подъ относительнымъ или условнымъ концомъ, окончаніемъ извѣстн. правъ и обязанностей разумѣется пріостановленіе фактическ. пользованія правами и фактическаго исполненія обязанностей, которое только бываетъ временное на извѣстное время. Это пріостановленіе бываетъ обыкновенно вслѣдствіе разныхъ

фактическихъ обстоятельствъ, измѣняющихъ фактическое пользованіе, фактическое исполненіе обязанностей, ибо коль скоро эти фактическія обстоятельства исчезаютъ, коль скоро факты, страдаютъ, которыми исключалось дѣйствіе правъ и обязанностей, послѣднія получаютъ свою обязательную силу, при чемъ для получения силы они не нуждаются въ новомъ возникновеніи, въ новомъ установленіи. Напр. я нанялъ по контракту домъ или квартиру на три года; домъ обрушился или, по крайней мѣрѣ, въ немъ произошли такія поврежденія, которыя требуютъ капитальнаго исправленія. Чрезъ это контрактъ не уничтожается, хотя я не могу жить въ квартирѣ вслѣдствіи этого фактическаго обстоятельства пока домъ не приведутъ въ прежнее состояніе. Вотъ на время капитальнаго исправленія пріостанавливается мое право пользоваться квартирою, а послѣ исправленія квартиры оно вновь вступаетъ въ силу. Это есть относительное и условное пріостановленіе правъ и обязанностей. Во 2, подъ безотносительнымъ абсолютнымъ концомъ, окончаніемъ правъ разумѣется совершенное ихъ прекращеніе или уничтоженіе; напр. я далъ въ займы денегъ, заимодавецъ уплатилъ мнѣ ихъ и между нами кончилось все то обязательство, которое назыв. займомъ. Это есть абсолютный конецъ. Такъ какъ каждому праву соотвѣтствуетъ юридическая обязанность, то отсюда слѣдуетъ, что съ прекращеніемъ правъ должны прекратиться и соотвѣтствующія имъ обязанности и наоборотъ, съ прекращеніемъ обязанностей уничтожаются, прекращаются и соотвѣтствующія имъ права. Напр. я нанялъ домъ на три года, срокъ найма прошелъ и прекращается мое право жить въ этомъ домѣ и

соответствующая обязанность домохозяина держать меня въ своемъ домѣ. Сперва я скажу о прекращении правъ, а потомъ о прекращении обязанностей въ особенности именно потому, что обязанности основываются на правахъ.

I. Прекращение извѣстнаго права принадлежащаго извѣстному субъекту.

Его называютъ юристы обыкновенно утратою или потерею права и опредѣляютъ какъ отдѣление или отношение извѣстнаго права отъ извѣстнаго, опредѣленнаго его субъекта, съ которымъ оно было соединено. Такая утрата или потеря правъ бываетъ или необходимая или добровольная: необходимая, если она независима отъ воли субъекта, а добровольная, когда зависитъ отъ его свободной воли. Та и другая можетъ наступить вслѣдствие различныхъ причинъ. Необходимая потеря правъ бываетъ отъ трехъ причинъ, вслѣдствие сходства ея съ возникновениемъ правъ, а именно эти причины суть во 1, юридическия дѣяния (но необходимыя дѣяния, потому что мы говоримъ о необходимомъ происхождении правъ); напр., я бы не хотѣлъ утратить извѣстнаго права, но утрачиваю вслѣдствие необходимости напр. вслѣдствие злоупотребления своимъ правомъ или вслѣдствие преступления какого нибудь, а особенно такой потерѣ правъ подвергаются за политическия преступления (конфискация имущества). Во 2, вслѣдствие юридическихъ событий, напр. пропала та вещь, на которую я имѣлъ право или прошолъ срокъ, въ течение котораго кто нибудь обязанъ былъ къ чему либо. Въ 3, на основании права, юридическаго закона; напр. обыкновенно положительное право всѣхъ образованныхъ государствъ при-

нимаютъ такъ называемую земскую давность (у насъ 10 лѣтъ) какъ причину утраты, уничтоженія права. Всѣ же причины добровольной утраты права при различіи своемъ сводятся къ одной причинѣ, а именно добровольная по своей самой сущности утрата права можетъ имѣть своею причиною только свободное юридическое дѣяніе, а онъ можетъ быть или послѣдствіемъ того, что юристы называютъ traditio (передача своего права, какъ перенесеніе своего права на другое лицо и при томъ на опредѣленное лицо, на такое-то лицо (или же вслѣдствіе отрицанія отъ своего права (renuntiatio) т. е. утраты добровольной но безъ перенесенія своего права на чужое лицо. Въ примѣръ перваго случая можетъ быть представлено отчужденіе (alienatio) вещи путемъ продажи, а въ примѣръ втораго случая можетъ быть приведено derelictio, т. е. оставленіе на произволъ судьбы своей вещи, не передавая ее другому лицу. Спрашивается, почему-же только можетъ быть одна причина добровольной утраты правъ? Потому что событіе не можетъ быть причиною добровольной утраты правъ, потому что событія не зависятъ отъ насъ, слѣдов. о событіяхъ, какъ о причинѣ добровольной утраты правъ говорить нельзя; не можетъ быть также причиною добровольной утраты правъ и законъ, потому что законъ юридическій по существу своему не зависитъ отъ нашей воли.

2, Прекращеніе или уничтоженіе извѣстной юридич. обязанности.

Оно можетъ быть названо и обыкновенно называется освобожденіемъ отъ обязанности, и это освобожденіе можетъ быть или необходимое или добровольное. Необходимое бываетъ также или вслѣдствіе юридическаго акта, напр.

вслѣдствіе исполненія юридической обязанности (напр. я заплатилъ свой долгъ) или вслѣдствіе юридическаго событія, напр. когда обязанность не можетъ быть практически исполнена (я напр. потерялъ взятую вещь на храненіе) или 3, въ силу прямо юридическаго закона (напр. вступленіемъ въ университетъ освобождается лично всякое лицо, принадлежащее къ податному сословію, отъ податей. Добровольное освобожденіе отъ обязанности имѣетъ другой смыслъ, нежели добровольная утрата правъ, а именно добровольное освобожденіе отъ обязанностей не значитъ, что обязанный по своей собственной волѣ могъ-бы освободить себя отъ обязанности, а значитъ, что его можетъ освободить отъ обязанности имѣющій на то право субъектъ, а именно посредствомъ его добровольнаго юридическаго дѣянія и только, потому что здѣсь также нельзя говорить о событіи или о законѣ, такъ какъ это независитъ отъ воли субъекта правъ, который освобождаетъ отъ обязанности. Впрочемъ это общее правило имѣетъ ограниченія, а именно есть такія обязанности, которыя по своей сущности таковы, что отъ нихъ, можетъ освободиться по своей волѣ самъ обязанный, напр. есть такіе договоры, назыв. товариществомъ (societas), при которыхъ каждый изъ товарищей можетъ освободить себя отъ обязанностей, которыя установлены товариществомъ, вышедши изъ него, причемъ необходимо, конечно, чтобы онъ окончилъ всѣ дѣла съ товариществомъ чтобы другіе товарищи не были въ убыткѣ. Но кромѣ того, во 2, есть и такія обязанности, отъ которыхъ не только не можетъ освободить себя субъектъ обязанностей, но даже не можетъ освободить его отъ исполненія обязанности субъекта права соотвѣт-

ствующаго этой обязанности, наприм. супруги имѣютъ взаимное право на то, чтобы они взаимно сохраняли супружескую вѣрность, а слѣдоват. и соотвѣтствующую этому праву юридическую обязанность супружеской вѣрности. Отъ супружеской вѣрности никакъ не можетъ освободить ни мужъ жену, ни жена мужа.

Съ прекращеніемъ извѣстныхъ правъ и обязанностей находится въ непосредственной связи то, что называется юристами возстановленіемъ правъ и обязанностей. Подъ возстановленіемъ правъ и обязанностей разумѣется именно возобновленіе того извѣстнаго права и той извѣстной обязанности, которая прекратилась, уничтожилась какимъ бы то нибыло образомъ. Это возстановленіе можетъ быть или въ такомъ-же неизмѣнномъ противъ прежняго видѣ, и въ неизмѣнной противъ прежняго формѣ, или матеріи, слѣдов. въ формальномъ отношеніи и въ матеріальномъ т. е. въ томъ самомъ видѣ и съ тѣмъ же содержаніемъ какъ права и обязанности были, существовали предъ самымъ своимъ прекращеніемъ, или-же уничтоженіемъ, или же во 2, въ измѣненномъ видѣ и формѣ, — тогда собственно возникаетъ или устанавливаются новыя права и обязанности, а слѣдовательно, здѣсь примѣняется то, что связано было о началѣ, возникновеніи или установленіи правъ и обязанностей. Лица, какъ извѣстныя опредѣленныя субекты извѣстныхъ правъ и обязанностей и субъекты извѣстныхъ опредѣленныхъ обязанностей вмѣстѣ съ ихъ извѣстн. опредѣленными единичными конкретными объектами

состоятъ между собою въ томъ, что называется извѣстнымъ опредѣленнымъ единичнымъ конкретнымъ отношеніемъ или же состоятъ между собою въ правоотношеніи. Такъ мы переходимъ къ шестому раздѣлу этой главы второй втораго отдѣла, въ которой мы должны разсмотрѣть вообще правоотношенія. И такъ,

Е. Правоотношенія.

Правоотношеніями или юридическими отношеніями называются взаимныя опредѣленныя конкретныя единичныя соотношенія между лицами какъ субъектами извѣстныхъ правъ и обязанностей съ ихъ извѣстными объектами опредѣляемыя и охраняемыя объективнымъ правомъ; слѣдов. правоотношеніе есть ничто иное какъ соединеніе извѣстныхъ правъ и обязанностей, принадлежащихъ извѣстнымъ субъектамъ на извѣстные объекты, опредѣляемыя и охраняемыя правомъ. Разсматривая ихъ вообще а слѣдовательно всеобще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, мы должны во 1ᵘ, опредѣлить, что ими предполагается ближайшимъ образомъ, какъ ихъ основа; во 2ᵘ, какая ихъ сущность и какія существенныя составныя части, или какой составъ правоотношеній, въ 3ᵘ, какъ они называются въ дѣйствительности въ жизни и въ 4ᵘ, какъ они различаются вообще, соотвѣтственно и своимъ основаніемъ (и въ томъ и другомъ отношеніи) и соотвѣтственно своему составу, раздѣляясь на главные роды и виды.

I Основы правоотношеній.

Въ основѣ всякаго правоотношенія, какъ юридич. отношенія лежитъ соотвѣтствую-

щее ему фактическое, бытовое, реальное, жизненное отношение. Разъяснимъ это. Человѣкъ состоитъ въ общеніи съ другими людьми, въ людскомъ обществѣ въ теченіи всей своей жизни, начиная отъ самаго рожденія и доходя до смерти своей, и невольно попадаетъ или по своей волѣ вступаетъ въ безчисленное множество различныхъ отношеній съ другими людьми. Такъ напр. только что родившийся человѣкъ попадаетъ въ извѣстное отношеніе къ своимъ родителямъ, къ своему роду, къ своему семейству, къ своему гражданскому обществу и государству, къ прочимъ государствамъ, вообще къ прочимъ людямъ. Затѣмъ, человѣкъ, продолжая жить въ людскомъ обществѣ, вступаетъ уже и по своей волѣ въ различныя отношенія съ другими людьми; такъ онъ продаетъ и покупаетъ, отдаетъ въ ссуду, отдаетъ для употребленія пользованія свою вещь или беретъ чужую вещь для своего употребленія и пользованія, заключаетъ разные юридическіе договоры, вступаетъ въ бракъ и чрезъ это въ другія семейныя отношенія и наконецъ въ виду смерти своей объявляетъ свою послѣднюю волю относительно того, какъ онъ хочетъ чтобы по его смерти было поступлено съ его имуществомъ, превратившимся тогда въ наслѣдство, или, что все равно, составляетъ завѣщаніе (testamentum). Вообще всѣ такія и имъ подобныя разнообразныя взаимныя отношенія съ людьми общественной жизни могутъ быть названы жизненными отношеніями, потому что они вызваны самою жизнію человѣка въ людскомъ обществѣ, его потребностями и цѣлями, интересами. Эти жизненныя отношенія или правоотношенія въ отличіе отъ юридическихъ называются также и фактическими или бытовыми реальными

отношеніями, потому что они дѣйствительно образуются въ обыденной общественной жизни; въ обыденномъ общественномъ быту т.е. не будучи установляемы объективнымъ правомъ, они существуютъ въ ней, въ жизни, въ быту просто какъ факты, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого юридическаго значенія, не соединены ни съ какимъ юридическимъ послѣдствіемъ, какъ соединены права и обязанности, опредѣляемыя и охраняемыя объективнымъ правомъ какъ соединены правоотношенія или юридическія отношенія. Вотъ почему они называются фактическими, бытовыми или реальными, ибо подъ реальнымъ, т.е. жизненнымъ разумѣется дѣйствительное какъ фактически существующее. Напротивъ юридическія отношенія или правоотношенія суть такія взаимныя отношенія между людьми въ людскомъ обществѣ, которыя имѣютъ юридическое значеніе, будучи соединяемы съ юридическими послѣдствіями, каковы права и обязанности, опредѣляемыя и охраняемыя объективнымъ правомъ, потому что состоящіе въ этомъ отношеніи имѣютъ тѣ или другія права и обязанности. Такія то юридическія отношенія существуютъ между супругами, между родителями и дѣтьми, между родственниками, между членами семейства, вообще между членами извѣстнаго гражданскаго общества, между членами извѣстнаго государства, между семьями, государствами или же между собственникомъ и прочими лицами, между хозяиномъ и употребляющимъ, пользующимся чужою вещью, между покупщикомъ и продавцемъ и вообще между состоящимъ въ обязательствѣ съ другими лицами

и т. под. Но несмотря на различіе между фактическими отношеніями и отношеніями юридическими между ними есть нѣчто общее, а именно тѣ и другія отношенія суть равно взаимныя отношенія между людьми въ людской общественной жизни. Вслѣдствіе такой ихъ общности между ними они состоятъ между собою въ тѣснѣйшей ближайшей связи. Эта связь выражается въ ихъ соотвѣтствіи. Въ силу этого соотвѣтствія всякое особенное юридическое отношеніе есть нѣчто иное какъ однородное по формѣ и содержанію фактическое отношеніе, но уже опредѣленное объективнымъ правомъ и охраняемое имъ, объективное право придаетъ фактическимъ отношеніямъ юридическое значеніе, т. е. юридическія послѣдствія, соединяя съ нимъ извѣстныя права и обязанности и превращая так. обр. фактическое отношеніе въ юридическое отношеніе или въ правоотношеніе; другими словами, фактическая жизнь рождаетъ безчисленное множество взаимныхъ фактическихъ отношеній, превращаемыхъ объективнымъ правомъ, юридическими нормами, законами въ юридическія отношенія чрезъ то, что объективное право, юридическіе нормы, юридическіе законы соединяютъ съ ними извѣстныя права и обязанности, опредѣляя и охраняя ихъ; такъ напр. объективное право, юридическія нормы, законы, превращаютъ фактическое половое отношеніе между мужчиной и женщиной въ юридическое отношеніе называемое супружескимъ отношеніемъ, или просто супружествомъ, бракомъ, опредѣляя и охраняя взаимныя права и обязанности супруговъ; или напр. объективное право, юридическія нормы, законы превращаютъ

фактическое отношеніе между хозяиномъ вещи съ одной стороны и тѣмъ лицомъ, которому онъ отдалъ вещь въ пользованіе, въ юридическое отношеніе, называемое узуфруктомъ, опредѣляя и охраняя взаимныя ихъ права и обязанности. Отсюда прямо вытекаетъ слѣдоват. два главныхъ положенія, которыя развивать мы и займемся. Первое: всякое юридическое отношеніе, или правоотношеніе необходимо предполагаетъ и существованіе соотвѣтствующаго ему фактическаго отношенія. Если еще вовсе несуществуетъ извѣстное фактическое отношеніе т. е. если оно вовсе невозникло въ людской общественной жизни, неможетъ возникнуть и соотвѣтствующаго ему юридическаго отношенія; напр. страховыхъ обществъ вовсе не было въ древнемъ мірѣ, а потому тогда и не было юридическихъ нормъ и законовъ, устраивающихъ общества, которыя бы опредѣляли сюда относящіяся права и обязанности. Съ постепеннымъ развитіемъ людей возникаетъ болѣе новыхъ фактическихъ отношеній между ними и тѣмъ болѣе является необходимости превратить эти фактическія отношенія въ юридическія отношенія. Если сравнимъ мы напр. число юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора, которое было извѣстно древнимъ Римлянамъ, входящихъ въ составъ ихъ такъ назыв. обязательнаго права, къ особеннаго ученія - если мы сравнимъ съ числомъ такихъ же отношеній, существующихъ по современному праву такихъ развитыхъ странъ, какъ напр. Англія и Сѣверо-американскіе штаты, гдѣ наиболѣе развито число разнаго рода сдѣлокъ, то мы неможемъ незамѣтить, какъ скудно было римское право въ этомъ отно-

щеніи и какъ богато современное право именно вслѣдствіе того, что у древнихъ римлянъ не образовалось множества такихъ фактическихъ отношеній, какія теперь образовались и теперь безпрестанно образуются.

И такъ юридическія отношенія состоятъ въ зависимости отъ фактическихъ отношеній въ томъ смыслѣ, что пока не явилось извѣстное фактическое отношеніе, никакъ не можетъ появиться и отношеніе юридическое, слѣдовательно можно сказать и наоборотъ: фактическія отношенія независимы отъ юридическихъ въ томъ смыслѣ, что фактическое отношеніе вовсе не вытекаетъ изъ объективнаго права, а предшествуетъ ему. Фактическое отношеніе вытекаетъ изъ самаго факта, изъ жизни, изъ потребностей, цѣлей и интересовъ и только уже по своемъ появленіи въ жизни, въ дѣйствительности, опредѣляется и охраняется объективнымъ правомъ, юридическими законами и такимъ образомъ, тогда только превращается въ юридическія отношенія. Объективное право, юридическіе нормы, юридическіе законы вовсе слѣдовательно не вызываютъ фактическихъ отношеній и слѣдовательно не устанавливаютъ ихъ, а ихъ вызываетъ самая жизнь, самая реальная дѣйствительность со своими потребностями съ цѣлями и интересами. Потому что они и называются жизненными, что они являются въ жизни, въ дѣйствительности просто какъ факты, отчего и называются фактическими; они появляются въ дѣйствительной жизни отъ чего и называются бытовыми, реальными. Объективное право только слѣдитъ, такъ сказать, за жизнью и превращаютъ фактическія отношенія въ юридическія. Но спрашивается, почему же объектив-

Лит. А. Степанова [illegible] 27 [illegible]

Qui jure suo utitur, alterum non laedit. Но это правило не всегда можетъ быть справедливо, нужно еще принять въ соображеніе мотивы моего дѣйствія; такъ какъ я могу дѣйствовать или въ своихъ интересахъ или же просто изъ злости въ видахъ принести моимъ дѣйствіемъ вредъ другому лицу. Положимъ у меня и у моего сосѣда два имѣнія рядомъ; у меня воды много, у моего сосѣда мало; если я вырою у себя новый колодезь, что бы отвлечь воду изъ колодезя моего сосѣда, то съ точки зрѣнія стараго права я поступаю справедливо, съ точки же зрѣнія *aequitatis* я поступаю несправедливо, такъ какъ дѣйствую единственно изъ видовъ причиненія вреда сосѣду. Новѣйшее право говоритъ, что права установляются *utilitatis singulorum causa*, и потому въ предоставленномъ примѣрѣ осуществленіе моего законнаго права будетъ несправедливостью.

Вотъ различіе между *jus strictum* и *aequitas*.

Съ большимъ правовымъ развитіемъ народа на первый планъ, вмѣсто прежняго интереса порядка выступаетъ стремленіе къ материальной справедливости. Прежде интересъ порядка дѣйствовалъ съ неумолимою послѣдовательностью, такъ что иногда могло случиться, что *summum jus* оказывалось *summa injuria*. Но какъ только порядокъ установился, то на первый планъ выступаетъ стремленіе къ установленію большей матеріальной справедливости, введенію такихъ юридическихъ нормъ, которые бы соотвѣтствовали жизненнымъ потребностямъ и принимали бы въ расчетъ и условія естественныя, экономическія и т. под. Такая система права и называется *jus aequum* — *billiges Recht*. Матеріальная справедливость и отличается тѣмъ, что она совершенно и есть право въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова; право, опредѣляющее отношенія между людьми согласно съ естественными потребностями

мы извлекаще согласие между людьми более удобнымъ. Стремленіе къ матеріальной справедливости можетъ проявиться или 1) спорадически, только въ отдельныхъ случаяхъ и законоположеніяхъ или же 2) если древнее право строго сохраняется, вследствіе духа консерватизма, а интеллектуальное развитие требуетъ новыхъ формъ, то и появляется въ целомъ новой системы права, более соответствующей современнымъ требованіямъ. Примеръ последняго случая мы видимъ у Римлянъ; до позднѣйшаго времени они сохраняли свое строгое право; но когда после пуническихъ войнъ появилась необходимость въ новомъ праве и самыя воззренія Римлянъ, вследствіе влиянія греческой философіи изменились, тогда явилось и стремленіе къ созданію новаго права, удовлетворяющаго требованіямъ действительной справедливости (только какъ Римляне убедились, что прежнее право служило только къ подтвержденію порядка). Изъ вышепредставленнаго изложенія видно, что по общему мненію <u>aequitas</u> проявляется только въ отдельныхъ законоположеніяхъ. Тогда какъ Гильденбрандъ даетъ ему более обширное значеніе, значение новаго правового принципа. Стремленіе приблизиться къ матеріальной справедливости проявляется въ законодательствѣ и въ судѣ и потому мы можемъ различить <u>aequitas</u> — законодат. и aequitas судебную (legis latorische und judiciarische Aequitas).

α) <u>Aequitas законодательная</u> должна являться въ тройномъ направленіи, чтобы правительственныя нормы соответствовали действительнымъ жизненнымъ потребностямъ.

β) <u>По отношенію къ воле субъекта.</u>

При обсужденіи юридическихъ последствій какого нибудь ~~положенія~~ изъявленія обращаютъ теперь прежде всего вниманіе на реальное существованіе воли и придается значеніе даже не

формальному изъявленію ея; наоборотъ всякое формальное изъявленіе воли не имѣетъ значенія, если не является продуктомъ самоопредѣляющей воли; прежде же главное вниманіе обращалось на внѣшнюю форму. Jus strictum старалось только констатировать проявленіе воли (такъ какъ уже тогда дѣйствовало правило cogitationis poenam nemo patitur), упуская изъ виду ея мотивы, которые разумѣется и было гораздо труднѣе изслѣдовать. По древнему римскому праву, если существованіе законнаго акта доказано, то заключившій договоръ обязанъ его исполнить независимо отъ мотива, побудившаго его исполнить договоръ (quamvis coactus volui); aequitas же наоборотъ обращаетъ главное вниманіе на внутреннюю сторону, на мотивы, на то, какъ образовалась воля, чѣмъ она вызвана, была ли свободна и т. д.; форма же проявленія воли играетъ меньшую роль. Поэтому въ первомъ періодѣ мы встрѣчаемъ множество формъ, обрядовъ, которые потомъ мало по малу исчезли. Итакъ, повторяя вкратцѣ сказанное по отношенію къ волѣ субъекта, дѣйствіе <u>aequitatis</u> проявляется въ постепенномъ уничтоженіи формальности сдѣлокъ, въ обращеніи вниманія на мотивы, вызывавшіе проявленіе воли, и объясненіи законовъ и юридическихъ актовъ не столько по буквѣ ихъ, сколько по внутреннему смыслу. Напр., если въ юридическомъ актѣ по ошибкѣ было употреблено выраженіе владѣніе вмѣсто собственность, то по древнему праву этотъ актъ такъ и толковался; въ новѣйшемъ же правѣ принималось во вниманіе то, что хотѣли выразить заключившіе договоръ, такъ какъ главное составляетъ опредѣленіе воли, а выраженіе ея второстепенное.

2) <u>По отношенію къ объекту.</u> Законодательная aequitas проявляется въ равномѣрномъ, соотвѣтственномъ распредѣленіи выгодъ и невыгодъ на основаніи принципа

nemo ex alterius damno locupletior fieri debet. По древнему праву, какъ уже указано выше, каждый всегда можетъ осуществлять свои права и по отношенію къ другимъ qui jure suo utitur nemo alterum non laedit; новѣйшее же право выставляетъ еще новый принципъ malitiis non est indulgendum, слѣдовательно мнѣ позволяется пользоваться своими правами, если я это дѣлаю, чтобъ извлечь для себя пользу; если же моя единственная цѣль есть нанесеніе вреда другому лицу, то я не могу пользоваться своимъ законнымъ правомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ нарушилось бы по отношенію къ объекту правило законодательной aequitatis suum cuique tribuere.

3.) Касательно юридическихъ отношеній законодательная aequitas принимаетъ въ разсчетъ основанія не только юридическія, но и нравственныя, естественныя и экономическія. Такъ напр. было признано и родство естественное — cognatio, тогда какъ прежде законъ признавалъ только родство гражданское — agnatio и сообразно съ этимъ родственники по женской линіи не считались членами семьи; такъ одинъ внукъ (сынъ сына лица А) получалъ все наслѣдство, а другой (сынъ дочери А) не получалъ ничего. Преторъ же въ 1ом классѣ доставилъ совершенно одинаковыя права всѣмъ liberis, какъ эманципированнымъ, такъ и не эманципированнымъ, что представляетъ уже важный шагъ. Во второмъ классѣ были уравнены права. Были также признаны obligationes naturales, такъ называемыя въ отличіе отъ obligationes civiles; так напр. былъ допущенъ искъ по поводу издержекъ (смотр. интерцессіи).

в) Aequitas судебная есть осуществленіе въ судѣ матеріальной справедливости; она предоставляетъ судьѣ большой просторъ въ свободныхъ.

Судья обращает теперь внимание на то, совершено ли что bona fide (добросовѣстно) или нѣтъ, чего бы онъ не могъ дѣлать на основаніи strictum jus. Всѣ contractus теперь заключаются ex bona fide и чрезвычайно разнообразны. Прежде судья буквально долженъ былъ держаться словъ, выраженныхъ въ юридическомъ актѣ или въ законѣ и не могъ выходить изъ его границъ. Такъ напр. при negotium mutui (договоръ займа) положимъ заимодавецъ выговорилъ себѣ извѣстные проценты, но посредствомъ condictio mutui не можетъ требовать уплаты процентовъ, такъ какъ въ законѣ объ процентахъ не сказано ничего; судья не можетъ принудить должника къ уплатѣ процентовъ, хотя бы и было доказано, что онъ ихъ обѣщалъ и заимодавецъ долженъ вчинить искъ на основаніи другого закона.

При negotia же bonae fidei можно дѣлать всевозможныя прибавленія и модификаціи, т.к. какъ судья долженъ рѣшать дѣла не по формѣ закона, а принять въ соображеніе всѣ привходящія обстоятельства. Итакъ jus aequum есть право осуществляющее матеріальную справедливость и болѣе соотвѣтствующее дѣйствительнымъ жизненнымъ потребностямъ.

Объекты права собственности.

Римляне не строго отдѣляютъ другъ отъ друга движимыя и недвижимыя вещи. Гораздо большее значеніе придаютъ они дѣленію ихъ на res mancipi и nec mancipi, между которыми встрѣчаются движимыя и недвижимыя вещи.

Остановимся подробно на разсмотрѣніи однихъ изъ нихъ res mancipi — на разсмотрѣніи института рабства.

Причины происхожденія рабства были двоякаго рода: оно основывалось частью на jus gentium, частью на jus civile.

a) <u>Установленіе рабства ex jure gentium.</u>

Юстиніанъ говоритъ о рабствѣ: „<u>servitus est constitutio juris gentium, qua quis dominio alieno contra naturam subjicitur.</u>"

Рабство было признано у Римлянъ уже съ древнихъ временъ и основаніемъ его являлись слѣдующія обстоятельства:

I.) <u>Captivitas</u> – военноплѣнные обращались въ рабовъ; но не только они, но всякій иностранецъ, попавшій въ чужую землю, если не было особенныхъ дружественныхъ отношеній. Помпоній (Dig. XLIX 15 fr. 5), жившій во времена Адріана, говоритъ: (см. институціи о jus postliminium) „Si cum gente aliqua neque amicitiam, „neque hospitium, neque foedus amicitiae causa „factum habemus hi hostes quidem non sunt: „quod autem ex nostro ad eos pervenit illorum „fit et liber homo noster ab iis captus servus „fit eorum. Idemque est si ab illis ad nos ali„quid perveniat."

Т. е. если Римляне не находились съ какимъ нибудь народомъ въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ, то всякій принадлежащій къ нему и попавшій на римскую территорію становился рабомъ. Точно также римскій гражданинъ, взятый другимъ народомъ, считался рабомъ даже въ самомъ Римѣ. Такимъ образомъ мы видимъ въ этомъ отношеніи полную взаимность. Впослѣдствіи это правило было смягчено.

b) <u>Jure postliminii</u>, по которому римскій гражданинъ, обратившійся въ раба, снова получалъ всѣ права римскаго гражданства, если возвращался въ римское государство, или даже государство, находящееся съ Римомъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; (съ переходомъ черезъ границу, черезъ <u>limen</u> снова возстановлялись всѣ прежнія права и отношенія (такъ filius familias снова подчинял-

ex patriae potestati и наоборотъ) это есть возвращенiе силы, точнѣе выразиться, только продолженiе прежней правовой сферы, и лицо какъ фингируется, что возвратившееся изъ рабства лицо, въ рабствѣ никогда и не было. *Jus postliminii* имѣетъ силу пока еще не заключенъ договоръ, непроизведенъ еще обмѣнъ плѣнныхъ (смотри институцiи). Другимъ смягченiемъ является

2. *Fictio legis Corneliae.*

По строгому праву, если бывшiй римскiй гражданинъ умиралъ въ рабствѣ, то его завѣщанiе, какъ завѣщанiе раба, никакой юридической силы не имѣетъ, между тѣмъ это представлялось въ высшей степени несправедливо, такъ какъ храбрый воинъ, сражавшiйся за отечество, не могъ даже передъ смертью распорядиться своимъ имуществомъ. Для избѣжанiя этого закона времени Суллы — *lex Cornelia testamentaria* — установилъ юридическую фикцiю, по которой умершiй въ плѣну, а слѣдовательно въ рабствѣ, фингируется умершимъ въ самый день взятiя своего въ плѣнъ и потому завѣщанiе его имѣетъ полную юридическую силу.

II. Другимъ способомъ установленiя рабства, кромѣ captivitas, является самое рожденiе. При бракѣ sine connubio по общему правилу *juris gentium partus sequitur ventrem.*

Дитя, рожденное отъ рабыни, считалось рабомъ, при чемъ принималось во вниманiе не время зачатiя, а время рожденiя. Si ancilla conceperit, deinde manumissa pariat, liberum parit; nam quamvis non legitime conceperit, cum editionis tempore libera sit, partus quoque liber est. Fragm. пер. IV. §10]

Переводъ. Если зачнетъ рабыня, но потомъ

будетъ отпущена на волю; родитъ, то рождаетъ свободнаго, потому что такъ какъ она зачала незаконнымъ образомъ (т. е. въ бракѣ sine connubio), то, такъ какъ она была свободна во время рожденія, то дитя ея свободно. Или, какъ говоритъ Юлій Павелъ (sententiae 5 XXIV §1):

Si serva conceperit, et postea manumissa pepererit, liberum parit.

Переводъ. Если рабыня зачнетъ и потомъ будетъ отпущена на волю, то рождаетъ свободнаго.

Но далѣе, такъ какъ Римляне смотрѣли на рабство, какъ на constitutio contra naturam, идетъ смягченіе in favorem libertatis:

Si libera conceperit et ancilla facta pepererit liberum parit: id enim favor libertatis exposcit (J. Pauli sent. 5 XXIV §2).

Переводъ. Если же зачнетъ, будучи свободная, и родитъ, сдѣлавшись рабыней, то рождаетъ свободнаго; потому что этого требуетъ свобода.

Между тѣмъ какъ при бракѣ sine connubio принимается въ соображеніе tempus editionis, въ этомъ же случаѣ принимается въ соображеніе tempus conceptionis.

Далѣе идетъ еще большее смягченіе:

Si ancilla conceperit et medio tempore manumissa sed rursus facta ancilla pepererit, liberum parit: media enim tempora libertati prodesse non nocere etiam possunt. (§3).

Переводъ. Если рабыня зачнетъ и во время беременности отпущена на волю и потомъ опять сдѣлается рабынею, то она рождаетъ свободнаго, потому что время беременности можетъ идти въ пользу, а не во вредъ свободѣ.

Т. е. достаточно, чтобы рабыня была бы во время беременности свободна

хоть на самое короткое время, чтобы рожденное отъ нея дитя считалось свободнымъ.

Въ этихъ постановленіяхъ мы видимъ постепенное развитіе favoris libertatis.

Установленіе рабства ex jure civili.

I. Уже по установленію Сервія Туллія рабомъ становился incensus, т. е. уклонявшійся отъ переписи (census lustralis) и тѣмъ самымъ уклонившійся отъ военной службы и отъ платежа податей, что считалось важнѣйшимъ и позорнѣйшимъ преступленіемъ.

II. По законамъ 12 таблицъ въ раба обращался также несостоятельный должникъ.

Положеніе рабовъ.

Общее правило относительно рабовъ есть servus nullum caput habet и servitus mortalitati fere comparatur.

Эти правила были проведены въ высшей степени послѣдовательно; власть господина всецѣло обнимала собою личность раба, который становился на одну доску съ домашними животными — servi et cetera animalia.

На дѣлѣ однако, какъ указываетъ Jhering, существовало нѣкоторое ограниченіе власти господина по отношенію къ рабамъ со стороны цензора, который являлся живымъ органомъ общественнаго мнѣнія; въ теоріи же власть господина являлась вполнѣ неограниченной.

Мы можемъ различать въ рабѣ, такъ сказать, двойственную природу: какъ вещь онъ подчинялся вполнѣ dominio своего господина, а какъ человѣкъ, онъ стоялъ подъ dominica potestas своего властелина и былъ къ нему въ томъ же отношеніи, какъ filii familias и libera capita in man-

cipio.

Такъ же, какъ filius familias, рабъ получаетъ отъ своего господина извѣстную часть имущества, которое составляетъ его peculium (См. выше) и большею частію оставалось за нимъ даже при отпущеніи его на волю.

Отпущеніе раба на волю.

Manumissio.

Ульпіанъ (Fragm. I §§ 5, 6, 7, 8....) говоритъ: libertorum hominum sunt tria (genera), cives romani, Latini Juniani, dediticiorum numero.

Въ прежнее же время этого различія не было и всякій вольноотпущенный становился римскимъ гражданиномъ.

А. Юридическое отпущеніе раба на волю.

Отпущеніе на волю есть самый сильный актъ частной автономіи, такъ какъ вслѣдствіе воли частнаго лица, прежде совершенно безправное существо — рабъ — теперь становится не только свободнымъ, но получаетъ даже римское гражданство, дарованіе котораго собственно принадлежитъ одной верховной власти. Такъ какъ этотъ актъ имѣетъ столь важныя послѣдствія по отношенію къ лицу, отпускающему на волю выставляются и извѣстныя требованія:

a) Онъ долженъ имѣть надъ отпускаемымъ рабомъ полную, квиритскую собственность;

b) Онъ долженъ примѣнить одну изъ manumissiones solemnes (торжественный способъ отпущенія на волю).

1) Vindicta 2) legitimus census 3) testamentum, nullo jure impediente (Ulp. Fragm. I. §6.)

I) Vindicta, говоритъ Ульпіанъ, manumittuntur apud magistratum populi romani, velut

consulem, praetorem ue, vel proconsulem. Это есть ничто иное, какъ примѣненіе къ manumissio обрядовъ in jure cessionis и объ этомъ способѣ уже упоминается въ законахъ 12 таблицъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: тотъ, который хочетъ отпустить своего раба на волю, проситъ одного изъ своихъ друзей виндицировать передъ преторомъ этого раба, который самъ, какъ рабъ, неимѣетъ juris in judicio standi.

Предъ преторомъ виндицирующій, assertor, vindex libertatis – говоритъ: hunc ego hominem ex jure Quiritium liberum esse ajo.

Если хозяинъ раба ничего не возражалъ или молчалъ, то преторъ въ знакъ того, что этотъ человѣкъ въ послѣдній разъ подвергался рабскому наказанію, слегка ударялъ его по щекѣ палочкой – vindicta или festuca, а хозяинъ выпускалъ его руку въ знакъ того, что отъ него отказывается (отъ этого и самое отпущеніе называется manumissio); послѣ чего преторъ addicit servo libertatem.

II, Censu manumittebantur olim qui lustrali censu Romae jussu dominorum inter cives romanos censum profitebantur. (Fr. Ulp. T. I § 8).

Переводъ. Посредствомъ ценза тогда отпускались тѣ, которые по люстральному цензу въ Римѣ по приказанію ихъ хозяина записывались въ римскіе граждане.

Цензоръ обыкновенно вносилъ въ одну рубрику книги имена гражданъ, а въ другую ихъ имущество, если кто либо, желая дать рабу свободу, просилъ перенести этого раба изъ рубрики вещей (res mancipi) въ число свободныхъ гражданъ, то рабъ дѣлался свободнымъ. Но самое утвержденіе свободы раба заключалось въ жертвоприношеніи (lustrum). Слѣд., только слѣдующій census lustralis, т. е. цензъ, оканчивающій ея жертвоприношеніемъ, могъ дать свободу рабу

а до этого времени его хозяинъ могъ снова обратить въ раба.

И въ этомъ актѣ мы видимъ особенную торжественность, такъ какъ онъ происходилъ при посредствѣ магистрата.

III. Ut testamento manumissi liberi sint lex XII tabularum facit, quae confirmat testamento datas libertates his verbis: uti legassit suae rei ita jus esto. (Fragm. Ulp. II).

Переводъ. Законъ XII таблицъ постановляетъ, чтобы отпущенные на волю по завѣщанію были свободны; этотъ законъ подтверждаетъ свободу, данную по завѣщанію слѣдующими словами: пусть считается закономъ то, что кто завѣщалъ.

Торжественность при этой manumissio per testamentum лежала въ самомъ завѣщаніи, которое заключалось in comitiis calatis и т. п. (См. выше).

На основаніи завѣщанія свобода могла быть или:

1) Libertas directo data; когда завѣщатель самъ дѣлаетъ раба свободнымъ извѣстными повелительными словами — verbis imperativis — Stichus, servus meus liber est, liber sit или.... liberum esse jubeo или

2) Libertas fidei commissoria (fidei commissum est omne quod fidei — добросовѣстности — commissum est) когда завѣщатель поручалъ наслѣднику отпустить раба на волю и тогда рабъ становился свободнымъ не раньше, какъ послѣ совершенія наслѣдникомъ акта отпущенія на волю однимъ изъ формальныхъ способовъ: vindicta или censu.

Это порученіе, данное наслѣднику, для него не имѣло никакой юридически обязательной силы и получило ее только во времена императорскія.

Поэтому только libertas testamento directo data основываетъ дѣйствительную свободу

такъ какъ отпущеніе на волю не имѣетъ даже и патрона, его патронъ находится in orco, въ подземномъ царствѣ и потому отпущенный называется libertus orcinus.

При libertas fidei commissoria, патрономъ вольно отпущеннаго считается наслѣдникъ, такъ какъ онъ его отпустилъ на волю.

B. Фактическое отпущеніе раба на волю.

Отпущеніе на волю, сдѣланное безъ соблюденія формъ одного изъ этихъ трехъ способовъ не имѣло никакой юридической силы, хотя рабъ былъ фактически совершенно свободенъ.

Впрочемъ власть ценсора и претора защищала раба отъ дурного обхожденія его съ нимъ господина; но юридически онъ все еще считался рабомъ и не могъ имѣть никакого имущества и все пріобрѣтенное имъ пріобрѣталось его господину, эти рабы были morantes in libertate, пребывающіе въ свободѣ, но только фактически. Между этой свободой и свободой юридической такая же разница, какъ между possessio и dominio — владѣніемъ и собственностью.

Ограниченія собственности, которыя ведутъ къ установленію сервитутовъ.

Неограниченное, всеобъемлющее право собственности ограничивается по отношенію къ недвижимому имуществу въ силу jus vicinitatis. Эти ограниченія изложены въ VII таблицѣ, „de servitutibus legalibus", чтобы между стѣнами двухъ домовъ сосѣднихъ было не меньше sestertium pes т. е. 2½ футовъ (1) ambitus (?) parietis sit sestertius pes), чтобы ширина дороги имѣла in porrectum — 8 футовъ а in anfractum 16 футовъ.

(4) Viae latitudo ex lege XII tab. in porrectum

VIII pars habet in confractum …;) чтобы каждый третій день было позволено собирать плоды, упавшіе на чужую землю.
(5) Cautum est lege XII tab., ut glandem in alienum fundum procidentem liceret colligere.)

Чтобы вѣтьви сосѣдняго дерева, дающаго слишкомъ много тѣни на мою землю, обрѣзать до высоты 15 футовъ; запрещено даже было измѣнять естественное теченіе воды, имѣющей въ Италіи очень важное значеніе, что бы этимъ не лишить сосѣднее имѣніе нужной ему воды. Въ Digest. помѣщенъ даже особенный титулъ de aqua pluviana.

B. Iura in re aliena.

Изъ правъ на чужую вещь, въ разсматриваемый нами періодъ, сильнаго развитія достигаютъ сервитуты. Это есть право владѣнія на чужую вещь, установленное для исключительнаго пользованія опредѣленнаго имѣнія, или опредѣленнаго лица.

На основаніи этого servitutes дѣлятся на I) servitutes praediorum и II servitutes personarum.

I. Раньше появились servitutes praediorum, которые упоминаются при перечисленіи rerum mancipi (см. выше) и которые съ древнѣйшихъ временъ считались чрезвычайно важными.

Servitutes praediorum есть право на исключительное пользованіе одного имѣнія — praedii dominantis другимъ сосѣднимъ имѣніемъ — praedio serviente и даетъ всякому хозяину одного имѣнія право требовать того или другого сервитута у всякаго хозяина другого. Сообразно съ дѣленіемъ praediorum и сервитуты дѣлятся на servitutes praediorum rusticorum и servitutes praediorum urbanorum. (Такъ въ Dig. l. VIII T. I, de servitut. T. II de servitut. praedior. urb. T. III de servit. praedi. rust.)

I.) Servitutes praediorum rusticorum самыя древния и уже упоминаются въ res mancipi; они являются выходствие естественныхъ недостатковъ одного имѣнія, которыя, такъ сказать, дополняются другимъ.

Servitutes, какъ iter, via, aquae, ductus и т. п. дополняютъ естественные пробѣлы моего имѣнія и дѣлаютъ пользованіе имъ возможнымъ; въ противномъ случаѣ не было бы возможности извлекать изъ имѣнія никакой выгоды. Эти сервитуты называются несубъективными потребностями временнаго владѣльца, а самою природою вещей.

II.) Servitutes praediorum urbanorum устанавливаются болѣе ради удобства. Мы различаемъ два вида этихъ сервитутовъ: Servitutes prohibendi и servitutes habendi projiciendi. Хозяинъ praedii dominantis можетъ запретить напр. по servitus altius non tollendi возведеніе въ домѣ своего сосѣда новой этажа, новаго этажа, которые мѣшаютъ хорошему виду изъ его оконъ, или по другой причинѣ. Это будетъ servitus prohibendi. Или еще, что бы дать примѣръ servitutes habendi право имѣть балконъ или навѣсъ, вдающійся въ воздушное пространство моего сосѣда и т. под.

Всѣ эти servitutes praediorum безусловно связаны съ извѣстнымъ имѣніемъ, съ praedium dominans, не могутъ быть отдѣлены отъ него и переданы какому нибудь другому лицу, кромѣ хозяина имѣнія.

Установленіе сервитутовъ praediorum rusticorum происходитъ чрезъ mancipationem, а servitutes praediorum urbanorum чрезъ in jure cessionem.

II Servitutes personales, которые устанавливаются вслѣдствіе желанія доставить извѣстной личности какое нибудь право

въ исключительное пользованіе, но безъ права на распоряженіе. Обыкновенно такой личный сервитутъ является mortis causa, такъ и въ русск. правѣ позволяется, напр., завѣщать извѣстное имущество съ предоставленіемъ ему права пользованія, но безъ права распоряженія. Мы различаемъ два вида servitutum personalium: ususfructus (Just. inst. § 2. тит. 4.) и usus (inst. Just. § 2 тит. 5.)

Jus Usus ususfructus есть право пожизненнаго пользованія съ сохраненіемъ физическаго состава и экономическаго значенія вещи. Usus есть право пользованія вещью, но безъ права пользованія ея плодами.

ПРОГРАММА

ЛЕКЦІЙ

ПО ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ,

читанныхъ Профессоромъ РЕДКИНЫМЪ въ $187\frac{5}{6}$ академическомъ году.

Введеніе. 1б.

Его необходимость и существенныя части.

I. Предметъ и содержаніе нашей науки.

Разъясненіе и оправданіе заглавія этой части.-

Литографировать

Предметъ нашей науки.

Содержаніе нашей науки.

Билетъ 2. II. Метода изложенія нашей науки.

Разъясненіе и оправданіе заглавія этой части, и связь ея съ первою частью.

Способы изложенія нашей науки.

Билетъ 3й. III. Опредѣленіе и названія нашей науки.

Разъясненіе и оправданіе заглавія этой части и связь ея съ предыдущими частями.

Опредѣленіе нашей науки.

Названія нашей науки.

дозволено

Билетъ 4. **IV. Раздѣленіе нашей науки на части.**

Разъясненіе и оправданіе заглавія этой части, и связь ея съ предъидущими частями.

Раздѣленіе нашей науки на части.

Подраздѣленіе каждой части на отдѣлы.

Отдѣленіе отъ Энциклопедіи Методологію.

Различеніе трехъ видовъ сочиненій по нашей наукѣ.

Билетъ 5. **V. Источники, исторія и литература нашей науки.**

Разъясненіе и оправданіе за-

Императорскаго

главія этой части, и связь ея съ предъидущими частями.

Объ источникахъ нашей науки см. источники однопредметныхъ съ ней наукъ.

Исторія нашей науки въ связи съ ея литературою.

1. Юридическая энциклопедія. Въ Германіи: Leibnitz, Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentia. 1668 г. — Martini, Collegium isagogicum in universam jurisprudentiam. 1685. — Schmauss, Очерки приготовительныхъ лекцій къ изученію права. 1737 г. Stephan Pütter,

С. Мейер Руденко

Старицій, Entwurf einer juristischen Encyclopädie. 1757 г. —
Онъ же, Neuer Versuch einer juristischen Encyclopädie 1767 г.
Hummel. Institutionen des gesammten positiven Rechts etc. 1798 u 1803. — Müllenbrück, Wenck, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. 1810. — Falk, Juristische Encyclopädie, herausgegeben von Jhering. 1850. Hugo, Lehrbuch der juristischen Encyclopädie 1817. Zachariä, Grundlinien einer wissenschaftlichen juristischen Encyclopädie. 1795. —

Университет

Thibaut, Juristische Encyclopädie und Methodologie 1797.- Rudhardt, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. 1812.- Wening, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. 1820.- Abegg, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft, ein Grundrisse. 1823.- Vogel, Einleitung in das academische Studium der Rechtswissenschaft. 1840.- Karl Theodor Pütter, Der Inbegriff der Rechtswissenschaft oder juristische Encyclopädie und Methodologie. 1846.- Friedländer, Juristische Encyclopädie oder System

[illegible]

der Rechtswissenschaft. 1847 г. – Bluhme, Cursus der in Deutschland geltenden Rechte. 3 Abtheilungen. 1854-1858. – Warnkönig, Juristische Encyclopädie. 1853. – Ahrens, Juristische Encyclopädie. 1855 (переведено на русскій языкъ) – Walter Juristische Encyclopädie. 1856. – Goldschmidt, Encyclopädie der Rechtswissenschaft im Grundrisse. 1862 (см. здѣсь полнѣйшую литературу Юридической Энциклопедіи въ Германіи). – 5) Реальные словари: Weiske, Rechtlexicon. 1839-1861. – Holtzendorf, Encyclopädie der Rechtswissenschaft. 2 тома

Отданарики

2^е^ изд. 1873-75.-

Въ Даніи: Schlegel, Juridisk Encyclopedie. 1825.

Въ Голландіи: Anne den Tex, Encyclopaedia jurisprudentiae. 1839.

Въ Бельгіи: Roussel, Encyclopédie du droit. 1872.

Во Франціи: Eschbach, Introduction général à l'étude du droit. 1856.-

Въ Италіи: Albini, Enciclopedia del diritto. 1846.- Buniva, Enciclopedia del diritto. 1859.- Pepere, Trattato di Enciclopedia giuridica 1864.- Buonamici: Introduzione del diritto, o Enciclopedia giuridica

профессоръ Загурскій

1869.- Vegni, Appunti del corso d'introduzione generale dlle scienze giuridiche etc. 1870.

Въ Испаніи: Don Pedro Gomez de la Serna, Prolegomenos del derecho. 1842.-

Въ Англіи: Hoffman, Curse of legal study. 2 тома. 1836.- Warren, Apopular and practical introduction to law studies etc. 2 тома. 1863. Amos, A systematic view of the science of jurisprudence. 1872.-

Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ: Washbuin, Lectores on the study and practice

of the law. 1872.

Въ Россіи: Неволинъ, Энциклопедія законовѣдѣнія. Изд. проф. Андреевскій. 2 тома 1857. Рождественскій, Энциклопедія Законовѣдѣнія 1863. Ренненкампфъ, Очерки Юридической Энциклопедіи. 1868.–

2. Политическая Энциклопедія. Gaspar de Réal, La science du gouvernement. 8 томовъ 1751-1764.– Robert von Mohl, Encyclopädie der Staatswissenschaften. 1872. (см. здѣсь литературу Политической Энциклопедіи).– Сергѣевичъ, Задача

правъ

и метода Государственныхъ наукъ. – Bluntschli und Brater, Deutsches Staatswörterbuch (выходитъ теперь вторымъ изданіемъ). – (Dr Huhn), Der Staat oder die Staatswissenschaften im Lichte unserer Zeit. 5 томовъ 1862–69.

3. Юридическая и политическая Энциклопедія: Hess, Encyclopädisch-methodologische Einleitung in das Juristisch-politische Studium. 1819. – Zambelli, Saggio della introductione enciclopedia allo studio politico-legale 2 тома 1823. – Albini, Saggio analitico del diritto, e sulla

Петръ

scienza ed istruzione politico-legale. 1839. — Virozsil, Encyclopädie und Methodologie des juristisch-politischen Studiums 1852. — Ortloff, Methodologie oder Lehre des Studiums der Rechts- und Staatswissenschaften 1863. — Cyclopaedia of political constitutional, statistical and forensic knowledge 4 тома. London 1866.

4. Соціальная и политическая энциклопедія: Glaser, Encyclopädie der Geselschafts und Staats wissenschaften. 1864 г.

Переходъ отъ введенія въ нашу науку къ изложенію ея со-

держанія.

Билетъ 6.

Часть первая.

Право.

Отдѣлъ первый.

Принципы и опредѣленія права.

Раздѣленіе этого отдѣла на 3 главы.

Разъясненіе заглавій этихъ главъ и оправданіе ихъ необходимости и послѣдовательности одной за другою.

Глава первая

Восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Пять ступеней этого восхожденія.

Марта

Первая ступень.

Всегда и вездѣ находимъ мы въ обществѣ: право въ объективномъ смыслѣ, права въ субъективномъ смыслѣ и юридическія обязанности. Сознаніе о правомѣрныхъ и неправомѣрныхъ дѣяніяхъ; о правости или правомѣрности, неправости, неправомѣрности, неправѣ и правонарушеніи.

Билетъ 7.

Вторая ступень.

Простое, пассивное отношеніе сознанія людей и народовъ къ праву въ объективномъ смыслѣ, къ правамъ въ субъективномъ смыслѣ, къ юридическимъ обязан-

ностямъ и къ судебнымъ постановленіямъ (къ правосудію).-

Третья ступень.

Восхожденіе людей и народовъ къ т. н. чувству права, къ праведному и справедливому, и неправедному и несправедливому къ правдѣ и справедливости и къ неправдѣ и несправедливости.
Сужденія людей и народовъ на основаніи своего чувства права.-
Право положительное и естественное или природное, формальное и матеріальное въ двухъ различныхъ значеніяхъ. Собственно справедливое (aequum) и спра-

ведливость (aequitas) и строгое право (jus strictum). Правосудіе и неправосудіе. Правосудіе въ смыслѣ отправленія правосудія вообще. Различіе между простымъ отношеніемъ къ праву и чувствомъ права. Возвышеніе послѣдняго надъ первымъ. Недостаточность чувства права и необходимость взойти къ правосознанію.

Четвертая ступень.

Различіе между правосознаніемъ и чувствомъ права, и возвышеніе перваго надъ послѣднимъ. Недостатокъ первоначальнаго не-

лѣтъ 6-й

года:

научнаго правосознанія и необходимость взойти къ научному, философскому правосознанію, къ философіи права.

Пятая и послѣдняя ступень.

Значеніе философіи права вообще. Принципы права и его опредѣленія. Переходъ ко второй главѣ.

Билетъ 9.

Глава вторая.

Развитіе принциповъ и опредѣленій права.

Принципы права, гдѣ подъ правомъ разумѣется положительное право.

Въ какомъ смыслѣ правда и

Литографировано

справедливость, и слѣд. чувство права и правосознаніе могутъ быть признаны и иногда признаются самымъ близкимъ принципомъ права.

Но въ какомъ смыслѣ философы, поставляя принципы права, обыкновенно понимаютъ ихъ? Какъ должны быть разсматриваемы въ нашей наукѣ принципы права?

Генетическое развитіе принциповъ права по группамъ.

Билетъ 10.

Первая главная группа.

Формальные принципы права (principia cognoscendi juris, id est

дозволено

justi).

Ихъ значеніе вообще. Почему съ нихъ слѣдуетъ начать? Что есть общее всѣмъ такимъ принципамъ?

Пять ступеней ихъ развитія.

Первая ступень.

Вѣра, совѣсть или нравственное чувство, какъ принципы права. Что есть общее всѣмъ имъ? Ихъ ненаучность, вслѣдствіе которой эти принципы представляютъ первую ступень.

Представленіе этой ступени.

Нѣкоторые средневѣковые философы-теологи и философы-схоластики. Сельденъ (1584-1654) (Sel-

Императорская

den, de jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum. London. 1640). Генрихъ Кокцеи и Самуилъ Кокцеи (Coccejii, De principio juris naturalis unico, vero et adaequato. 1699). Нѣкоторые т. н. отцы церкви и схоластики (совѣсть и вѣра). Крузіусъ (противникъ Лейбницъ-Вольфовой философіи) (Crusius, Anweisung vernünftig zu leben. 1767). Шотландскіе философы-моралисты (Гетчисонъ). Переходъ къ научнымъ принципамъ.

Билетъ 11.

Вторая ступень.

Умъ человѣческій, неопредѣлен-

С. Петербургъ

ный ближайшимъ образомъ, какъ принципъ права. Представители этой ступени: Гераклитъ (за 560 л. до Р. Х.). Всеобщій законъ, управляющій ходомъ становленія. Человѣческій умъ, какъ согласный съ вѣчнымъ закономъ, - умомъ и есть формальный принципъ права. Софисты: Протагоръ. Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Сократъ (за 500 л. до Р. Х.). Умъ вообще человѣческій, какъ формальный принципъ права. Всеобщія понятія. Послѣдователи Сократа: a.) Эвклидъ Мегарскій. в.) Антисфенъ (Циникъ) c.) Аристипъ (Киренейская школа). Платонъ (430),

Университетъ

его идеи, вѣчно пребывающія. Явленія – тѣни идей. 4 добродѣтели.
Аристотель (384–322). Форма, матерія, цѣль и движеніе. (Тренделенбургъ, Шопенгауеръ и Гартманъ).

Билетъ 12. Распаденіе греческой философіи послѣ Аристотеля на двѣ школы: а) Эпикурейская и в) Стоическая (Зенонъ). Скептицизмъ: (3 вѣка). Средняя академія (Архезилай), Новая академія (Корнатъ). Пирроники. Секстъ (Эмпирикъ) и Энесидемъ. Рядомъ съ скептицизмомъ Греко-Римская философія (Эклектическое направленіе). Грековосточная философія.

Засмуренвій

(Неоплатоники: Аммоній, Саккасъ и Плотинъ), которою завершается древняя философія (за 600 л. до Р.Х. и до 5го вѣка по Р.Х.). Затѣмъ Средневѣковая до Декарта и Бэкона Веруламскаго; далѣе новая философія до временъ Канта и наконецъ новѣйшая до настоящаго времени. Отличіе формальныхъ принциповъ права или познанія вообще древней философіи отъ новой. Основатели <u>новой философіи</u>. Два главныхъ направленія: а.) умозрительное: основатель Декартъ (1586-1650). Его послѣдующіе представители:

Спиноза, Лейбницъ и Вольфъ; б.) опытное: основатель Бэконъ Веруламскій (1560-1626). Его послѣдующіе представители: Локкъ - эмпирикъ и Кондильякъ - сенсуалистъ. Гуго Гроцій - de jure belli ac pacis. Пуффендорфъ (1632-1694) - de jure naturali et gentium.

Билетъ 13.

Третья ступень.

Теоретическій умъ человѣка, какъ принципъ права. Представитель Уолластонъ (Wollaston (1679-1724), очерки естественной религіи).

Четвертая ступень.

Практическій умъ человѣка,

профессоръ,

какъ принципъ права. Представители: Кантъ (1724-1804) „Начальныя основанія ученія о правѣ и добродѣтели." Познаніе a priori, какъ форма для познанія a posteriori. Формы разума - категоріи. Основныя умопонятія - идеи. „Критика чистаго разума." Вещь сама въ себѣ - предѣлъ познанія. „Критика практическаго ума." Категорическій императивъ. Свобода, безсмертіе души, бытіе Божіе - истины, присущія практическому уму. „Критика силы сужденія." Что разумѣется подъ „критическимъ идеализмомъ."

дэхпарз

Нравственный законъ и выводимыя изъ него моральныя и нравственныя обязанности.

Гербартъ (1776-1841) Соединеніе реализма съ идеализмомъ. 5 основныхъ первообразовъ.—

листъ 14. Пятая ступень.

Единый нераздѣльный умъ человѣческій, какъ принципъ права. Представители этой ступени. Фихте Старшій (1772 – 1814). Самопознающее я, какъ верховный принципъ. Субъективный идеализмъ. Соотношеніе между конечнымъ и безконечнымъ я. Что такое право по Фихте. Односто-

Кревъ

ріиность субъективнаго идеализма.—

Шеллингъ (1775-1854). Объективно сущее, какъ субстанція всего міра. Объективный идеализмъ. Система абсолютнаго тождества. Раскрытіе абсолюта въ природѣ и въ духѣ. Два существенные недостатка философіи Шеллинга.

Билетъ 15. Краузе (1782-1832). Синкретическій идеализмъ. Пантеизмъ. Развитіе самосознанія субъекта; аналитическая часть и синтетическая часть. Въ чемъ заключается добродѣтель по Крау-

Кемуръ

зе? Различныя опредѣленія права. Формальный принципъ права Аренса. Человѣческій умъ, познающій право, какъ реальное, такъ и эмпирическое, есть формальный принципъ права.—

Билетъ 16. <u>Гегель</u> (1770-1831). „Энциклопедія философскихъ наукъ." Сущность системы (все есть λόγος). Все дѣйствительное разумно, все разумное дѣйствительно, какъ становящееся. Его абсолютный идеализмъ. Ритмическое движеніе абсолюта по тремъ ступенямъ, составляющимъ 3 главныя части философіи Гегеля:

Родкевичъ

I <u>Логика</u> (Мысль сама въ себѣ; копія всего міра) три ступени ея:

1.) <u>Бытіе</u>, три ступени его:

а.) бытіе абсолютное.

б.) бытіе = небытію.

в.) становленіе.

2.) <u>Сущность</u>.

3.) <u>Понятіе</u> и <u>идея</u>.

II. <u>Философія природы</u>.

1.) <u>Механика</u>.

2.) <u>Физика</u>.

3.) <u>Органика</u>.

III. <u>Философія духа</u>. Діалектическое его самоопредѣленіе по 3-мъ ступенямъ:

1.) <u>Философія субъективнаго</u>

Мирта

духа.

а.) Антропологія.

б.) Феноменологія.

в.) Психологія; теоретическая и практическая дѣятельность духа.

2.) Философія объективнаго духа. Право и три его ступени:

А. Абстрактное, или формальное право. Развитіе этого права:

а.) Собственность.

б.) Договоръ.

в.) Неправо (невинное неправо, обманъ и преступленіе.)

21 дня

B. Мораль. Три ея ступени:

а.) Умыселъ и вина.

б.) Намѣреніе и благо.

в.) добро и совѣсть. Примиреніе блага и счастья со всеобщею волею (добродѣтель, долгъ и воля).

C. Нравственность, или нравственная общественная жизнь.

Три ея ступени.

а.) Семейство.

б.) Гражданское общество. и

1876

в) государство.

3) Философія абсолютнаго духа.

Раціональное право (Vernunftrecht).

Какое опредѣленіе права можно вывести изъ генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права?

лѣть 17.

Вторая главная группа. Реальные принципы права.

(Principia essendi seu fiendi juris id est justi). Значеніе ихъ. Почему они слѣдуютъ за формальными принципами права?

Дѣленіе на два рода: объективные и субъективные принципы

года.

права.

Объясненіе такого дѣленія.

1. Объективные реальные принципы права.

Ихъ значеніе. Три ступени ихъ генетическаго развитія.

Первая ступень.

Принципы права, выражающіе случайность. Значеніе ихъ. Представители ея: Софисты (Протагоръ, Калликлесъ и Фразимахъ), Монтэнь (1533-1592) соч. „Опыты." Своеобразный скептицизмъ. Взглядъ на право изъ приведенной выдержки его сочиненія. Заблужденіе философовъ этой

Литографировалъ

ступени, ихъ односторонность въ смѣшеніи положительнаго права съ правымъ. Признающіе одно положительное право: Ренненкампфъ соч. „Очерки юридической Энциклопедіи.“ Киргульфъ.

летъ 18. Вторая ступень.

Принципы права, выражающіе физическую необходимость.

Значеніе ихъ. Представители ея: Гераклитъ. Міровая правда и справедливость, ея отношеніе къ положительному праву, отношеніе ихъ вмѣстѣ къ внѣшней человѣческой дѣя-

дозволено

тельности. Лейбницъ (1646-1716). Монады. Harmonia praestabilita. Признающіе принципомъ права, физическую необходимость въ видѣ силы: софисты. Гоббесъ (1588-1679). Галлеръ, соч: „Возстановленіе государствовѣдѣнія, какъ науки". Сила, какъ одинъ изъ моментовъ права. Томазій (1655-1728). Кантъ. Фихте. Эти три философа признали право въ смыслѣ принужденія. Несостоятельность ихъ доказали: Тренделенбургъ и Виндшейдъ въ соч. „Пандектное право". Принужденіе, какъ одинъ изъ моментовъ права.

[illegible]

Билетъ 19.

Третья ступень.

Принципы права, выражающіе внѣшнюю нравственную необходимость.

Значеніе ихъ. Представители ея: Сократъ. Платонъ. Теологи. Гуго Гроцій (противникъ ихъ). Теологирующіе философы: Шталь, соч. „Исторія философіи права." Значеніе правды и справедливости въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ. Содержаніе правды и справедливости. Двоякое проявленіе правды и справедливости. Отношеніе идеи права къ прав-

С Пепер Аргакин

ственному міру.

Билетъ 20. 2. Субъективные реальные принципы права.

Ихъ значеніе. Три ступени ихъ генетическаго развитія.

Первая ступень.

Принципы права, выражающіе физическую природу человѣка. Представители: Софисты (Калликлъ, Өразимахъ). Признаніе естественнаго права, какъ права инстинктовъ. Ульпіаново опредѣленіе juris naturalis въ этомъ смыслѣ. Спиноза (1632-1677) соч. „Этика". „Tractatus politicus". Отождествленіе права съ могу-

Университет

ществомъ. Общительное природное влеченіе: Гуго Гроцій („societatis appetitus"). Эгоистическое природное влеченіе: Гоббесъ. Примиритель общительныхъ и эгоистическихъ принциповъ: Пуфендорфъ, соч: „Elementa jurisprudentia", „de jure naturali et gentium." Соединитель общительныхъ и эгоистическихъ принциповъ: Вольфъ (1679-1754), соч: „Jus naturale et gentium", „Institutiones juris naturalis et gentium". Утилитаристы: Іеремія Бентамъ (1748-1832), соч: „Введеніе къ принципамъ морали и законодательства".-

Засупренко

Джонъ Стюартъ Милль (1806-1875).

Литре. Въ журналѣ „Philosophie positive". Два рода потребностей: эгоизмъ и альтруизмъ. Развитіе двухъ принциповъ морали. Своеобразное понятіе о правдѣ и справедливости. Возникновеніе ея въ людяхъ.—

Билетъ 21.

Вторая ступень.

Принципы права, выражающіе нравственную разумную природу человѣка.

Представители:

a) Изъ разумной природы вообще: Стоики. Цицеронъ, сот.: „de officiis", „de republica", „de legibus".

ординарный

Три обязанности. Платонъ. Тройной составъ души, добродѣтели и особенныя дѣла, свойственныя частямъ души. Единая всецѣлая добродѣтель. Отношеніе ея къ государству. Ступени Платонова государства. Аристотель. Движеніе природы; двѣ ея ступени; различіе ихъ между собою; три ступени души. Разумъ и воля, согласіе ихъ - добродѣтель. Правда и справедливость, какъ высшая добродѣтель, въ смыслѣ равенства условнаго. Пиѳагоръ (въ IV в. до Р.Х.). Праведное и справедливое, какъ равенство абсолютное.

прогрессу,

в, Изъ теоритическаго разума: Уолластонъ.

с, Изъ практическаго разума: Кантъ, Гербартъ. Пять этическихъ идей. Идея права.

д, Нераздѣльно изъ разумной, какъ духовной природы человѣка: Фихте, Шеллингъ, Ж. Ж. Руссо (1712-1778) соч: „du contrat social ou principe de droit politique" выводилъ право уже не какъ ограниченіе свободы. Гегель, Мишле. Право въ смыслѣ свободы, равенства и братства.

Билетъ 22.

Третья ступень.

Принципы права выража

до конц.

ющіе всецѣлую природу человѣка. Краузе, Аренсъ соч. „Naturrecht." Его особенный принципъ права. Методическое изслѣдованіе этого принципа права по тремъ ступенямъ. Синкретическая связь его со всеобщимъ нравственнымъ міровымъ порядкомъ. Тренделенбургъ (1802-1872) соч. „Естественное право, основанное на этикѣ." Право, какъ средство нравственности, своеобразное выраженіе этого. Въ чемъ состоитъ верховный этическій законъ. Отношеніе къ нему права, опредѣленіе права, существенные составные моменты его.

Билетъ 23. **Третья главная группа.**

Телеологическіе принципы права.

Principia finalia juris id est justi.

Ихъ значеніе. Почему они слѣдуютъ за формальными и реальными принципами права.

Шесть ступеней ихъ генетическаго развитія, причины такого дѣленія. Примѣры:

Первая ступень: Софисты, цѣль права - осуществленіе индивидуальнаго произвола.

Вторая ступень: Гераклитъ цѣль права - мировая правда.

Третья ступень: Теологи, исполненіе заповѣдей и послуша-

Печуръ

шаніе совѣсти.

Четвертая ступень: Гуго Гроцій, Гоббесъ, Вольфъ - удовлетвореніе инстинктамъ.

Пятая ступень: осуществленіе требованій разумной природы: свободы, или равенства, или братства, или всего вмѣстѣ, какъ, напр., Мишле.

Шестая ступень: Краузе, Тренделенбургъ: осуществленіе нравственности.

Дѣленіе принциповъ права вообще на теоретическіе и практическіе.

[signature]

Четвертая главная группа

Практическіе принципы права.

(Principia agendi juris id est justi).

Значеніе ихъ. Зависимость отъ теоритическихъ принциповъ права. Шесть ступеней генетическаго развитія ихъ.

Первая ступень: софисты, дѣйствіе согласное съ индивидуальнымъ воззрѣніемъ.

Вторая ступень: Гераклитъ. Подчиненіе міровому закону.

Третья ступень: Теологи (исполненіе заповѣдей и голоса совѣсти).

Марта

Четвертая ступень: Удовлетвореніе инстинктамъ. Спиноза, Гуго Гроцій, Гоббесъ, Пуфендорфъ, Вольфъ.

Пятая ступень: Платонъ, Аристотель, Стоики и Цицеронъ, Уалластонъ, Ж. Ж. Руссо, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Гербартъ. - Ихъ практическіе принципы права, выводимые изъ формальныхъ или матеріальныхъ принциповъ.-

Шестая ступень: Краузе Аренсъ. Стремленіе къ достиженію разумной цѣли. Тренделенбургъ.

26 [illegible]

Переходъ къ третьей главѣ.

Билетъ 24.

Глава третья.

Отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Разъясненіе заглавія этой главы. Съ чѣмъ именно имѣетъ дѣло эта глава?

Реальные, какъ главные принципы права.

Два рода отношеній, въ которыя ставитъ себя наука къ принципамъ и опредѣленіямъ права: отрицательное и положительное.

I. Отрицательное отношеніе.

Его значеніе. Его виды: скеп-

тическое (возможность) и критическое (состоятельность).

1. Скептическое отношение.

Его значеніе. Его два подвида: прямое и косвенное.

а.) Прямое скептическое отношеніе.

Его значеніе и основанія. Примѣръ – Г. Ренненкампфъ (въ очеркахъ Юридической энциклопедіи, стр. 27). Несостоятельность такого отношенія.

б.) Косвенное скептическое отношеніе.

Его значеніе и основанія. Примѣръ: т. н. историческая школа юристовъ (historische Rechtsschule). Савиньи „о призваніи нашего вре-

года.

мени къ законодательству и къ наукѣ права".

Несостоятельность такого отношенія.

Билетъ 25. 2. Критическое отношеніе.

Его значеніе и основанія. Примѣръ - Тренделенбургъ, соч. „Естественное право".-

Несостоятельность такого отношенія.

Переходъ къ положительному отношенію.

Билетъ 26. II. Положительное отношеніе.

Его значеніе и виды.

1. Эклектическое отношеніе.

Его значеніе. Несостоятель-

Испитъ ...

ность такого отношенія.

2. <u>Синкретическое отношеніе.</u>

Его значеніе.

Несостоятельность такого отношенія.

3. <u>Органическое отношеніе.</u>

Его значеніе.

Несостоятельность такого отношенія.

4. <u>Діалектическое отношеніе.</u>

Его значеніе.

Несостоятельность такого отношенія.

5. <u>Генетическое отношеніе.</u>

Его значеніе.

Необходимость такого отно-

Des banken

шенія особенно въ нашей наукѣ.

Общіе выводы изъ генетическаго развитія принциповъ и опредѣленій права.

Необходимость искать новые моменты въ правопонятіи и притомъ прежде всего въ словахъ, которыми оно выражается, обращая вниманіе преимущественно на вербальныя и номинальныя опредѣленія права въ языкахъ образованнѣйшихъ народовъ.

Фалей 27. Пять ступеней генетическаго развитія правопонятія, выражающагося въ его вербальныхъ и номинальныхъ опредѣленіяхъ.

Император

Первая ступень.

Право въ значеніи прямаго

Въ русскомъ языкѣ: право вм. прямо, правый вмѣсто прямой, править вм. прямить, правило, правлять вмѣсто прямить съ производными, правило въ разныхъ значеніяхъ.

Въ греческомъ языкѣ: ὀρθός вмѣсто δίκαιος, ὀρθῶς πράττειν вм. δικαίως πράττειν.

Въ латинскомъ языкѣ: recte вм. juste, rectum вм. justum, directe - directum, dirigo и directio, корень dic съ производными, jus dicere и judico.

С. [illegible]

Во французкомъ языкѣ: droit отъ directum вм. directement, diriger, se diriger и direction.

Въ нѣмецкомъ языкѣ: Recht отъ германскаго корня rih сроднаго съ санскритскимъ корнемъ rig (отъ котораго произошелъ санскритскій глаголъ rigu); richten и Richtung отъ rih; recht - gerade; Recht - gerichtet sein.

Въ англійскомъ языкѣ: right отъ rih, direct, direction отъ directum.

Заключеніе: Въ словѣ право заключается понятіе о прямомъ въ какихъ значеніяхъ?

Университет,

Переходъ ко второй ступени.

лѣтъ 28.

Вторая ступень.

Право въ значеніи истиннаго.

Въ русскомъ языкѣ: право вм. истинно, правый вм. истинный, право вм. истина, правомѣрность, правомѣріе и правомѣрный, правосудіе, правда отъ право, справедливость отъ правда.

Въ греческомъ языкѣ: ὀρθός вмѣсто δίκαιος.

Въ латинскомъ языкѣ: jus, juste и justum вм. veritas, vere и verum.

Во французскомъ языкѣ: droit вмѣсто raison, jus вм. vrai.

[illegible]

Въ нѣмецкомъ языкѣ: recht вм. wahr, Richtigkeit и Aufrichtigkeit отъ recht.

Въ англійскомъ языкѣ: right вм. true, и just вм. trõe.

Заключеніе: этотъ же самый моментъ въ правопонятіи замѣченъ былъ нѣкоторыми философами, преимущественно Гамлатономъ. Огромная важность этого момента

Переходъ къ третьей ступени.

Билетъ 29.

Третья ступень.

Право въ значеніи блага.

Значеніе блага въ отличіе отъ добра въ собственномъ смыслѣ слова. Право и льво, предпочтеніе

Орѣдинарный —

перваго послѣднему и противуположность между ними. Право какъ нѣчто благое, въ смыслѣ полезнаго, на основаніи философскаго правосознанія, начиная съ Сократа и кончая новѣйшими философами.

Переходъ къ 4-ой ступени.

Четвертая ступень.

Право въ значеніи нравственно-добраго.

Отличіе права какъ нравственно-добраго отъ права какъ добраго вообще.

Въ русскомъ языкѣ: примѣры употребленія слова право въ смыслѣ нравственно добраго (право ходить, душою не кривить).-

Прекрасно!

Въ греческомъ языкѣ: отождествленіе *τὸ δίκαιον* и *τὸ ἀγαθόν.*

Въ латинскомъ языкѣ: отождествленіе и соединеніе *justum* и *bonum.*

Во французскомъ языкѣ: отождествленіе *juste* и *bon.*

Въ нѣмецкомъ языкѣ: отождествленіе *gerecht* и *gut.*

Въ англійскомъ языкѣ: отождествленіе *just* и *good.*

Указаніе на этотъ моментъ въ правопонятіи и особенно греческаго слова *δίκαιος (δίκ).* Возведенія чувства права въ томъ отношеніи на степень научнаго

сознанія правопонятія.

Что есть право, какъ нравственно-доброе вообще по своему содержанію? (Человѣчность).

Право какъ одинъ изъ видовъ нравственнаго добра.

Переходъ къ пятой ступени.

Пятая ступень.

Право, какъ правое т. е. праведное и справедливое, въ значеніи соединяющаго людей во всеобщее общеніе, въ самоцѣльные союзы.

Этотъ моментъ въ правопонятіи чувствуемъ всѣми, но выраженъ въ самомъ словѣ только римлянами, а именно въ словѣ

правъ

jus, происходящемъ не отъ jubeo, а отъ санскритскаго ju, сохранившемся и въ нѣкоторыхъ латинскихъ словахъ (judium, conjudium).

Право, какъ соединяющее людей во внѣшнее, а не во внутреннее общеніе, или въ общество въ смыслѣ постояннаго и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза. Значеніе этого союза вообще и главные его роды (семейный, родовой, племенной, соціальные и политическіе союзы).

Переходъ ко второму отдѣлу.–

(Кеппр)

Билетъ 30.

Отдѣлъ второй.

Развитіе права.

Разъясненіе этого заглавія.

Двѣ ступени развитія права. Раздѣленіе этого отдѣла на двѣ главы и основаніе этого раздѣленія.

Глава первая.

Право въ объективномъ смыслѣ.

(jus in sensu objectivo seu sensu objectivo)

Его полное опредѣленіе и разъясненіе этого опредѣленія.

Его краткое опредѣленіе и разъясненіе этого опредѣленія.

Отличіе юридическихъ законовъ отъ т. наз. законовъ общества.

P. ...

Правныя или юридическія, моральныя или нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ и нравственныя въ обширномъ смыслѣ или этическія законы, въ отличіи отъ физическихъ или природныхъ. — Нравственность въ объективномъ, тѣсномъ смыслѣ, и право въ объективномъ смыслѣ, затѣмъ мораль или моральная нравственность въ обширномъ смыслѣ. Отсюда слѣдующее различіе но не противоположность между правомъ въ объективномъ смыслѣ и моральною нравственностью въ объективномъ смыслѣ. —

Меерц

Два положительные факта, доказывающие ихъ различіе, но не противоположность: 1,) соотношеніе между ними въ самой жизни человѣчества и 2,) общее имъ генезическое развитіе въ человѣческомъ сознаніи.

Слова, которыми обозначается въ разныхъ языкахъ право въ объективномъ смыслѣ.

Двѣ ступени генетическаго развитія права въ объективномъ смыслѣ.

Два источника права въ объективномъ смыслѣ (правоубѣжденіе и свободная воля.

26 ...

Билетъ 31. А. Мыслимое право въ объективномъ смыслѣ или природное, естественное право.

Его опредѣленіе.

Восемь главныхъ названій, употребляемыхъ для его обозначенія. Значеніе и разборъ каждаго изъ нихъ порознь и въ ихъ связи.

I. Естественное или природное право (τὸ φυσικὸν δίκαιον или τὸ δίκαιον φύσει, jus naturale seu jus naturae, droit naturel, natural law, Naturrecht).

а.) въ значеніи природы.

б.) въ значеніи объективнаго права.

в.) въ значеніи объективнаго пра-

1876

ва, какъ системы правныхъ, юридическихъ законовъ особенной природы человѣка.

II. Моральное право (jus morale).

III. Раціональное право (Vernunftrecht). Отличіе его отъ такъ называемаго положительнаго права.

IV. Необходимое право (jus necessarium и jus voluntarium).

V. Всеобщее право (jus universale).

VI. Первоначальное, самородное право.

VII. Нормальное право (Normalrecht).

VIII. Основное право (Fundamentalrecht).

Переходъ къ дѣйствительному, реальному положительному праву.

Гиды

Билетъ 32

б. Дѣйствительное, реальное или положительное право.

Его опредѣленіе.

Его названія и ихъ разъясненіе: τὸ δίκαιον θέσει, τὸ δίκαιον νόμῳ или τὸ νομικὸν δίκαιον; собственно jus civile въ отличіе отъ jus naturale и jus gentium; jus positivum, droit positive, positives Recht, positive law, положительное право.

Его обязательное дѣйствіе или обязательная сила и его источники.

I. Дѣйствіе положительнаго права.

Въ чемъ вообще состоит…

Литографировано

Въ какихъ отношеніяхъ оно проявляется.

1. <u>Дѣйствіе положительнаго права относительно времени.</u>

А. Возникновеніе прямое и косвенное.

В. Прекращеніе. Четыре ступени прекращенія. (Lex posterior derogat priori). Современное и историческое право.

2. <u>Дѣйствіе положительнаго права относительно пространства.</u>

Туземное и чужеземное, общее и мѣстное положительное право.

Билетъ 33. 3. <u>Дѣйствіе положительнаго права относительно лицъ.</u>

Дозволено

Опредѣлительное положительное право и охранительное.

Общее, особенное и исключительное (привилегіи) положительное право.

Территоріальная и національная система права.

Равенство предъ закономъ. Три его значенія.

4. <u>Дѣйствіе положительнаго права относительно самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ его.</u> (Два вида такого положительнаго права) Абсолютное и диспозитивное право. Прямое и косвенное нарушеніе диспозитивнаго права.

Переходъ къ источникамъ по-

Ииитерация

ложительнаго права.

Билетъ 34. II. Источники положительнаго права.

Непосредственный источникъ положительнаго права вообще.

Что называется собственно источниками права (fontes juris, Rechtsquellen, sourses du droit, sources of positive law)?

Отличіе ихъ отъ источниковъ права вообще и отъ источниковъ исторіи права (fontes historiae juris).

Сколько источниковъ положительнаго права и какія?

Генетическое развитіе положительнаго права въ формаль-

С. Кенигсбергъ

номъ отношеніи вообще и въ частности.

Источники положительнаго права, взятые порознь.-

1. **Обычное право (jus consuetudinarium, consuetudo, mores или majorum mores; droit coutumier или coutume; customs; Gewohnheitsrecht или Rechtsgewohnheiten).**-

Опредѣленія обычнаго права, обычая вообще и юридическаго обычая въ особенности.

Основаніе обязательнаго дѣйствія обычнаго права.

Дѣйствіе обычнаго права:

Унив[ерситет]...

1. Относительно времени (возникновенія обычая изъ пяти необходимыхъ условій).

Посредственное и непосредственное познаніе существованія обычая.

Прекращеніе его 4-мя способами.

2. Относительно пространства.

3 Относительно лицъ.

4. Дѣйствіе относительно самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ.

Билетъ 35. 2. Законодательное право.

(νόμοι, leges, lois, law, Gesetze и Gesetzgebung).

Опредѣленіе законодательнаго права и разъясненіе этого опредѣленія въ отличіе отъ обычая.

Заглуревбли

Основаніе обязательнаго дѣйствія законодательнаго права.

Дѣйствіе законодательнаго права въ четырехъ отношеніяхъ.

1) Относительно времени.

Возникновеніе и прекращеніе дѣйствія вообще.

Переходные или транзитивные законы. Реформа и революція.

Изданіе законовъ.

Опредѣленіе.

а) Составленіе законовъ.

Опредѣленіе. Три дѣйствія, изъ которыхъ состоитъ оно. Три составныя части полнаго закона. Различные роды и виды законовъ

ординарн

по содержанію: абсолютнопринудительные и диспозитивные или условно-обязательные. Опредѣлительные или опредѣляющія и охранительные или охраняющія; повелительные, запретительные, дозволительные и карательные; подтвердительные, пояснительные и новые законы. Различные роды законовъ по формѣ: единопредметные, многопредметные, своды законовъ и уложенія.

Билетъ 36.

Толкованіе (interpretatio).

Двоякое употребленіе слова толкованіе юристами.

Толкованіе въ собственномъ или

прогрессу

тѣсномъ смыслѣ слова Его роды: законное или аутентичное толкованіе (interpretatio legalis seu authentica), обычное толкованіе (interpretatio usualis), судебное толкованіе (interpretatio forensis) и научное толкованіе (interpretatio doctrinalis). (Герменевтика всеобщая и частная именно юридическая). Lange, Beiträge zur Hermeneutik des römischen rechts, 1857 (Критика низшая и высшая). Два вида научнаго толкованія: грамматическое или буквальное толкованіе (interpretatio grammatica) и логическое толкованіе (interpretatio logica).

Кемпе

Толкованіе въ болѣе или менѣе обширномъ смыслѣ. Его роды или степени: 1.) исправляющее и дополняющее толкованіе закона, и притомъ ограничительное или стѣснительное (interpretatio restrictiva), распространительное (interpretatio extensiva) и измѣнительное (interp. commutans seu permutans); 2.) аналогическое толкованіе или аналогія, и притомъ или какъ аналогія закона (Gesetzesanalogie), или какъ аналогія права (Rechtsanalogie); 3.) толкованіе обычнаго права; 4.) толкованіе ex naturâ rei, и, наконецъ, 5.) толкованіе въ самомъ об-

широкомъ смыслѣ слова (римскомъ).

Билетъ 37. б.) Обнародованіе или публикація законовъ (promulgatio seu publicatio).

Его опредѣленіе. Его необходимость. Невѣдѣніе закона. Jura novit curia. Исполненіе закона. Обратное дѣйствіе его (lex non trahenda ad praeteritum).

Автономія въ юридическомъ смыслѣ. Статутъ. Обсервація (Observanz).

Билетъ 38. 3. Право юристовъ.

(Juristenrecht).

Опредѣленіе и его разъясненіе.

Двоякая дѣятельность юри-

стовъ вообще: практическая (jurisprudence), (opiniones seu responsa prudentium), (interpretatio forensis) и теоретическая, воспринимающая, пассивная (receptive) и производительная или активная (productive), (doctrine, wissenschaftliches Recht). Научное право.

Основанія обязательнаго дѣйствія права юристовъ. Внутренній и внѣшній авторитетъ права юристовъ (auctoritas prudentum seu jurisprudentorum). (res perpetuo similiter judicatae и communis opinio doctorum).

Дѣйствіе права юристовъ въ

четырехъ отношеніяхъ.

Билетъ 39. **Источники положительнаго права въ ихъ внутренней связи.**

Основаніе внутренней связи между ними. Ихъ равенство между собою. Противорѣчащія тому мнѣнія юристовъ и постановленія законодательной власти. Ихъ несостоятельность. Что есть вѣрнаго въ нихъ и что, однако же, не противорѣчитъ ихъ существенному равенству? Основательность взглядовъ на ихъ существенное равенство относительно ихъ юридическаго дѣйствія, какъ римскихъ юристовъ, такъ и исторической школы юристовъ. Объемъ

1676

и значеній источниковъ положительнаго права, во взаимномъ соотношеніи ихъ одного къ другому, подлежащее измѣненію вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ, событій. Главныя ступени такого измѣненія: 1.) въ догосударственномъ или внѣгосударственномъ бытѣ народовъ и даже въ государственномъ бытѣ, но при неразвитомъ состояніи народа, или государственнаго общества; 2.) при дальнѣйшемъ развитіи народа, догосударственнаго общества, но при простотѣ взаимныхъ сношеній между его членами и при неясномъ соз-

нанія или государственной власти, какъ соединяющей ихъ силы; 3) при усложненіи оборотовъ, сношеній между членами государственнаго общества и при яснѣйшемъ сознаніи или государственной власти, какъ соединяющей ихъ силы, и наконецъ 4) при высшей степени развитія государства и его общества.

Переходъ ко второй главѣ.

Билетъ 40.

Глава вторая.

Право въ субъективномъ смыслѣ (jus in sensu subjectivo или sensu subjectivo) вмѣстѣ съ юридическою обязанностью.

Раздѣленіе этой главы на 6 раз-

дѣловъ, объясненіи ихъ заглавій и оправданіи порядка слѣдованія ихъ одного за другимъ.

А. Отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ юридическою обязанностью, къ праву въ объективномъ смыслѣ.

Отношеніе первыхъ къ послѣднему:

1) какъ существенныхъ составныхъ частей къ своему цѣлому;

2) какъ существенныхъ объектовъ своему субъекту;

3) какъ обоснованнаго къ своему основанію;

4) какъ обусловленнаго къ своему

условію и

5.) какъ нормируемаго и регулируемаго къ своей нормѣ и регулѣ, правилу.

Сведеніе всѣхъ этихъ видовъ отношеній къ двумъ родамъ отношеній.

Выраженіе втораго рода отношеній въ отрицательной формѣ.

Права и обязанности въ собственномъ смыслѣ въ отличіе отъ моральныхъ правъ и обязанностей.

Соединеніе ихъ въ нравственныя (въ обширномъ смыслѣ слова) права и обязанности.

Переходъ ко второму раздѣлу.

Литографировано

Бил. 41.

Б. Опредѣленіе понятія права въ субъективномъ смыслѣ и юридической обязанности.

Почему слѣдуетъ начать съ опредѣленія понятія права въ субъективномъ смыслѣ?

I. Опредѣленіе понятія права въ субъективномъ смыслѣ.

(τὸ δίκαιον, ἡ δικαίωσις, τὸ δικαίωμα и ἡ ἐξουσία; jus; droit; Recht или Befugniss; right).

Опредѣленіе вообще понятія права въ субъективномъ смыслѣ.

Генетическое развитіе этаго понятія въ человѣческомъ сознаніи или главныя значенія права въ

Дозволено

субъективномъ смыслѣ.

1. Какъ нравственная именно правомѣрная способность или возможность чья-либо дѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо (facultas seu potentia moralis, jure determinata agendi vel non agendi). Разъясненіе этого опредѣленія.

Правоспособность и дѣеспособность.

Различіе права въ возможности и дѣйствительности.

2. Какъ нравственная, именно правомѣрная чья-либо власть, сила или чьё либо могущество, господство. Разъясненіе этого опредѣленія.—

Император[illegible]

3. Какъ правомѣрная свобода лица. Разъясненіе этого опредѣленія.

Право вообще и особенныя права. Права простыя и сложныя вообще. Право абсолютно-сложное и права абсолютно-простыя, элементарныя.

Важность такого различенія.

Отношеніе правовѣдѣнія и юрисдикціи въ этомъ отношеніи.

Билетъ 42. II. Опредѣленіе понятія юридической обязанности (τὸ δέον, τὸ προσῆκον, τὸ καθῆκον и τὸ ἔργον; officium въ отличіи отъ obligatio; devoir; Pflicht и Obliegenheit; duty).

Опредѣленіе вообще понятія юридической обязанности.

Генетическое развитіе этого понятія въ человѣческомъ сознаніи и главныя значенія юридической обязанности.

1. Какъ нравственная именно правомѣрная необходимость чь.-либо дѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо.

Разъясненіе этого опредѣленія.

2. Какъ правомѣрное подчиненіе чье-либо правомѣрной чьей-либо власти, силѣ, чьему-либо могуществу, господству.

Разъясненіе этого опредѣленія.

Университ...

3. Правомѣрное ограниченіе или опредѣленіе чьей-либо свободы вообще и осуществленіе свободы правомѣрной.

Разъясненіе этого опредѣленія.

Юридическая обязанность вообще и особенныя юридическія обязанности. Юридическія обязанности простыя и сложныя вообще. Абсолютно-сложная юридическая обязанность и абсолютно-простыя, элементарныя юридическія обязанности. Важность такого различія.

Переходъ къ третьему раздѣлу.

Билетъ 43. 13. Соотношеніе между правомъ въ субъективномъ смы-

Засвидѣтельствованъ

ем и юридической обязанностью.

Двоякаго рода их соотношеніе:

I. Абсолютное соотношеніе.

Соответствіе трех ступеней генетическаго развитія значеній права в субъективном смысле и юридических обязанностей.

Jus sine obligatione non intelligitur, и обратно следствіе из этого.

II. Относительное и условное соотношеніе.

1, Слитеніе прав и юридических обязанностей в одном субъекте. Два вида такого слитенія.

2, Разделеніе прав и обязанностей между различными субъек-

ординарный

тами, но при одномъ объектѣ.

Два вида такого раздѣленія.

Переходъ къ четвертому раздѣлу.

Билетъ 44. Г. Субъекты и объекты правъ и обязанностей.

Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ ихъ разсматривать?

I. Субъекты правъ и обязанностей.

1. Субъекты правъ.

Опредѣленія понятій: субъекта права, лица (persona) въ юридическомъ смыслѣ, личности въ юридическомъ смыслѣ и правоспособности.

Выводы изъ этихъ опредѣленій.

прод...

а.) Различіе но не противоположность субъекта права и лица въ юридическомъ смыслѣ.

б.) Субъектъ права долженъ быть лицомъ въ юридическомъ смыслѣ.

в.) Необходимость признанія правоспособности за субъектомъ права со стороны объективнаго права.

Лицо въ юридическомъ и лицо въ общемъ смыслѣ. Ихъ тождество и различіе. Расширеніе и съуживаніе понятія лица въ общемъ смыслѣ. Лицо единичное, физическое (persona singularis, phisica) и лицо юридическое (persona juridica, moralis, intellegibilis, ficta, mystica).

[illegible]

Въ какомъ смыслѣ еще до сихъ поръ не установлено ученіе объ юридическомъ лицѣ? Различныя мнѣнія объ этомъ юристовъ (Zittelmann, Begriff und Wesen der s. g. juristischen Personen, 1873). Отрицательное опредѣленіе понятія юридическаго лица. Главные роды и виды юридическихъ лицъ:

а.) Собирательныя лица; два вида ихъ.

б.) Всякія другія существа, признанныя объективнымъ правомъ правоспособными въ извѣстномъ отношеніи.

в.) Hereditas jacens.

прол

Homo, qui plures sustinet personas.

Коллизіи и ихъ разрѣшеніе двумя общими юридическими правилами.

2. Субъекты обязанностей.

Опредѣленіе понятія субъекта обязанности.

Выводы изъ этого опредѣленія:

а.) Различіе, но не противуположность субъекта обязанностей и лица въ юридическомъ смыслѣ.

б.) Субъектъ обязанностей долженъ быть лицомъ въ юридическомъ смыслѣ.

в.) Необходимость признанія правоспособности за субъектомъ

Кеццъ

обязанностей со стороны объективнаго права.

3. Субъекты правъ и обязанностей въ ихъ связи.

Стеченiе субъектовъ. Два его вида: солидарность и общность.

Билетъ 45. II. Объекты правъ и обязанностей.

1. Объекты правъ.

Опредѣленiе понятiя объекта права; вещи въ юридическомъ смыслѣ.

Выводы изъ этого опредѣленiя:

а.) Различiе; но не противоположность объекта права и вещи въ юридическомъ смыслѣ.

б.) Объектъ права долженъ быть

вещью въ юридическомъ смыслѣ.

в) Необходимость признанія вещности за объектомъ права со стороны объективнаго права.

Опредѣленіе понятій: вещи въ юридическомъ смыслѣ и вещи въ общемъ смыслѣ. Ихъ отождествленіе и различіе. Расширеніе и съуживаніе понятія вещи въ общемъ смыслѣ. Вещи тѣлесныя (res corporales) и вещи безтѣлесныя (res incorporales). Какъ пришли юристы къ значенію слова вещь (res) въ юридическомъ смыслѣ?

Потребности въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ.

Марк

Вещь въ юридическомъ смыслѣ какъ часть имущества. Наличныя и долговыя имущества. Единичная вещь (res singularis) и объединеніе вещи въ одно цѣлое (corpus unitum, universitas rerum).

2. Объекты обязанностей.

Опредѣленіе понятія объекта обязанности. Тождество объекта обязанности съ объектомъ права.

Переходъ къ 5 раздѣлу.

Билетъ 46. Д. Развитіе (въ дѣйствительности, въ общественной людской жизни) правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами.

Три ступени этого развитія.

26 [illegible]

I. <u>Начало или возникновеніе правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами, или ихъ установленіе.</u>

1. <u>Установленіе правъ.</u>

Опредѣленіе этого понятія.

Тождество его съ пріобрѣтеніемъ правъ и отличіе отъ него.

Три условія необходимыя для пріобрѣтенія правъ лицомъ.

Три главныя рода правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія правъ:

а.) юридическое дѣяніе, или юридическій актъ; - условія правомѣрности для нихъ.

б.) юридическое событіе или

юридическій фактъ.

в.) юридическій законъ или право-положеніе.

2. Установленіе обязанностей.

Общія положительныя обязанности и ихъ установленіе.

Особенныя положительныя и отрицательныя обязанности и ихъ установленіе тремя способами.

Билетъ 47. II. Продолженіе или теченіе правъ и обязанностей съ ихъ субъектами и объектами.

Въ чемъ вообще состоитъ оно?

1. Пользованіе правомъ.

Опредѣленіе. Субъектъ права можетъ имъ пользоваться или не

года.

пользоваться по своему усмотрѣнію (nemo cogitur rem suam defendere). Соединеніе выгодъ (commoda) и невыгодъ (incommoda). Пользованіе правомъ непосредственное и посредственное. Nemo plus juris in alterum transferre potest, quam ipse habet.... Отреченіе отъ своего права. Соединеніе съ правомъ защиты его (actio). Условія для пользованія правомъ. Срокъ пользованія правомъ. Распоряженіе своимъ правомъ на случай смерти. Представительство (repraesentatio).

2. Исполненіе обязанности.

Литографія[illegible]

Определение. Независимость его отъ усмотрѣнія субъекта. Непосредственное и посредственное исполненіе.

Дигестъ 48. 3. Пользованіе правомъ и исполненіе обязанности въ ихъ связи.

Охраненіе отъ правонарушенія. Опредѣленіе понятія правонарушенія. Отношенія его къ объективному праву и субъективному праву вообще. Qui jure suo utitur, nemini facit injuriam, или nullus videtur dolo facere, qui jure utitur, или non videtur vim facere, qui jure suo utitur, или nemo

дозволено.

damnum fecit, nisi qui id fecit, quod facere jus non habet. Volenti non fit injuria. Ограниченіе этого правила въ трехъ случаяхъ: 1) Правонарушенія положительныя и отрицательныя. 2,) умышленныя, намѣренныя (dolus) и неумышленныя, неосторожныя, небрежныя (culpa) въ разныхъ степеняхъ (culpa lata, levis и levissima и diligentia quam suis) и 3.) совершившіяся и начатыя (покушеніе).-

Неизмѣнныя и измѣняемые права и обязанности, а именно измѣняемыя или въ формальномъ

Имперѳшит...

или матеріальномъ отношеніи.

Измѣненіе правъ и обязанностей въ матеріальномъ отношеніи или количественное, или качественное. Измѣненіе субъектовъ правъ и обязанностей, какъ преемство (successio), преемникъ (successor) и предшественникъ.

Основанія измѣненія правъ и обязанностей: юридическіе акты, юридическіе факты и юридическіе законы.

Билетъ 49. III. Конецъ или исходъ правъ и обязанностей.

Относительный и условный конецъ (пріостановленіе) и абсолютный

С. Петербургъ

(прекращеніе). Соответствіе между прекращеніемъ права и прекращеніе обязанности.

1. Прекращеніе права или утрата.

Опредѣленіе. Утрата необходимая и добровольная. Причины необходимой утраты: юридическое дѣяніе, юридическое событіе и юридическій законъ. Причина добровольной утраты только одна - юридическое дѣяніе, именно передача (traditio - примѣръ: alienatio) и отреченіе (renunciatio - примѣръ: derelictio).

2. Прекращеніе или уничто-

Университет

жение обязанности.

Необходимое и добровольное прекращение. Причины необходимаго прекращения: юридическое дѣяние, юридическое событие и юридический законъ. Какой особенный признакъ, отличный отъ добровольной утраты права, имѣетъ добровольное уничтожение обязанности? Обязанности, отъ которыхъ можетъ освободить себя самъ обязанный (societas). Обязанности, отъ которыхъ не можетъ освободить [illegible] субъектъ правъ, соотвѣтствующихъ этимъ обязанностямъ.

---

3. Возстановленіе правъ и обязанностей.

Опредѣленіе. Возстановленіе правъ и обязанностей или въ неизмѣнномъ видѣ ихъ или же въ измѣненномъ.

Переходъ къ 5-ому раздѣлу.

Билетъ 50. Е. Правоотношенія.

Опредѣленіе. Необходимость разсматриванія ихъ вообще съ трехъ сторонъ.

I. Основы правоотношеній.

Въ основѣ всякаго правоотношенія лежитъ фактическое (бытовое, жизненное, реальное) отношеніе. Разъясненіе этого основа-

го положенія. Различіе фактичес-
каго отношенія и юридическаго, -
и связь ихъ въ соотвѣтствіи.
Выводъ отсюда двухъ главныхъ
производныхъ положеній:

а.) всякое правоотношеніе пред-
полагаетъ существованіе соотвѣт-
ствующаго ему фактическаго от-
ношенія. И наоборотъ фактичес-
кія отношенія независимы отъ
правоотношеній. Почему факти-
ческія отношенія объективнымъ
правомъ превращаются въ юри-
дическія.

б.) всѣ фактическія отноше-
нія превращаясь въ правоотноше-

професора,

нія теряютъ свою самостоятельность и независимость. Въ какомъ смыслѣ?

Билетъ 51. II. Составъ правоотношеній.

Пять существенныхъ частей всякаго правоотношенія:

1. Фактическія взаимныя отношенія (фактическій элементъ правоотношеній).

2. Права и обязанности (юридическій элементъ правоотношеній).

3. Субъекты правоотношеній. Какіе вообще субъекты правоотношеній?

4. Объекты правоотношеній. Какіе вообще объекты правоотношеній?

Въ камеру

5. Дѣйствіе субъекта опредѣленнаго правоотношенія, направленное на его объектъ.

Въ чемъ вообще состоитъ оно?

Сведеніе этихъ дѣйствій, разсматриваемыхъ въ частности, къ тремъ дѣйствіямъ: dare, facere et reddere или praestare.

Сведеніе этихъ дѣйствій къ двумъ родамъ, составляющимъ уже предметъ различенія правоотношеній по ихъ родамъ и видамъ.

III. Развитіе правоотношеній съ ихъ элементами и съ ихъ субъектами, объектами и дѣйствіемъ

субъектовъ на объекты.

Три ступени: начало, продолженіе и конецъ. Предположеніе правоотношеній: 1.) Юридическіе акты, 2.) Юридическіе факты. Почему они называются предположеніями.

IV. Главные роды и виды правоотношеній.

Частныя правоотношенія, а слѣд. и частныя права и обязанности, и публичныя или общественныя (въ обширномъ смыслѣ слова) правоотношенія съ ихъ видами. Опредѣленіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Persona privata или

singularis (частное и единичное лицо).
Существенныя различія между ними:

a.) относительно ихъ начала и конца.

b.) относительно ихъ продолженія или теченія.

c.) относительно степени ихъ обезпеченія, гарантіи ихъ существованія.

Правоотношенія: 1) чисто-личныя съ двумя видами (предметъ однихъ чужая личность, а другихъ - своя личность) и 2.) имущественныя (имущество въ общемъ и имущество въ юридическомъ смыслѣ, активное и

пассивное) съ двумя видами: чисто-вещныя или просто вещныя и лично-вещныя или обязательственныя.

Переходъ къ 3-му отдѣлу.

Билетъ 50.

Отдѣлъ третiй.

Возведенiе права къ Правовѣдѣнiю (юридическая конструкцiя въ обширномъ смыслѣ слова).

Разъясненiе заглавiя этого отдѣла и оправданiе раздѣленiя его на двѣ главы и порядка слѣдованiя этихъ главъ одной за другой.

Глава первая.

Возведенiе правоотношенiй къ правоположенiямъ (практическая юриди-

Апрѣль

ческая конструкція въ обширномъ смыслѣ слова).

Возможность развитія изъ одного правоотношенія (первоначальнаго) цѣлаго ряда новыхъ правоотношеній (послѣдующихъ).

Поступательное историческое развитіе правоотношеній. Юридическій случай или казусъ. Опредѣленіе практической юридической конструкціи въ обширномъ смыслѣ слова. Юридическіе практическіе вопросы. Мнѣнія или отвѣты на нихъ юристовъ (opiniones, sententiae, responsa prudentium seu prudentorum). Судебное дѣло или просто дѣло. Гражданскія и уголовныя судебныя дѣла и ихъ различіе вообще.

I. Практическая юридическая конструкція въ обширномъ смыслѣ, по гражданскимъ дѣламъ.

На что вообще суды должны обра-

20го дек.

щать свое вниманіе при разбирательствѣ и рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ? Сведеніе причинъ, которыми послѣдовательно опредѣляется первоначальное правоотношеніе, къ двумъ главнымъ: 1) къ свободной человѣческой волѣ или къ свободному человѣческому дѣянію и 2.) къ независимому отъ человѣческой воли событію. Правомѣрныя и неправомѣрныя дѣянія. Юридическія дѣянія или юридическіе акты и сдѣлки (negotia juris). Юридическія событія или юридическіе факты. Существенныя элементы правоотношенія: 1) фактическій и 2) юридическій. Существенные элементы гражданскаго судебнаго дѣла: 1) юридическія дѣянія или юридическіе акты, 2) юридическія событія или юридическіе факты и 3) правоотношенія, состоящія изъ фактическихъ отношеній

1876

и ихъ правъ и обязанностей.

Билетъ 51. Изъ какихъ семи главныхъ дѣйствій слагается практическая юридическая конструкція въ обширномъ смыслѣ слова, какъ возведеніе даннаго гражданскаго судебнаго дѣла въ полномъ его составѣ, къ правоположеніямъ? Ближайшее опредѣленіе каждаго изъ этихъ дѣйствій порознь и въ ихъ связи, какъ ступеней развитія этой конструкціи.— Примѣръ на всѣ дѣйствія практической юридической конструкціи въ обширномъ смыслѣ, по гражданскимъ дѣламъ.

II. Практическая юридическая конструкція въ обширномъ смыслѣ по уголовнымъ дѣламъ.

Изъ какихъ именно дѣйствій слагается она?

года

00070399
ЮФ СПбГУ